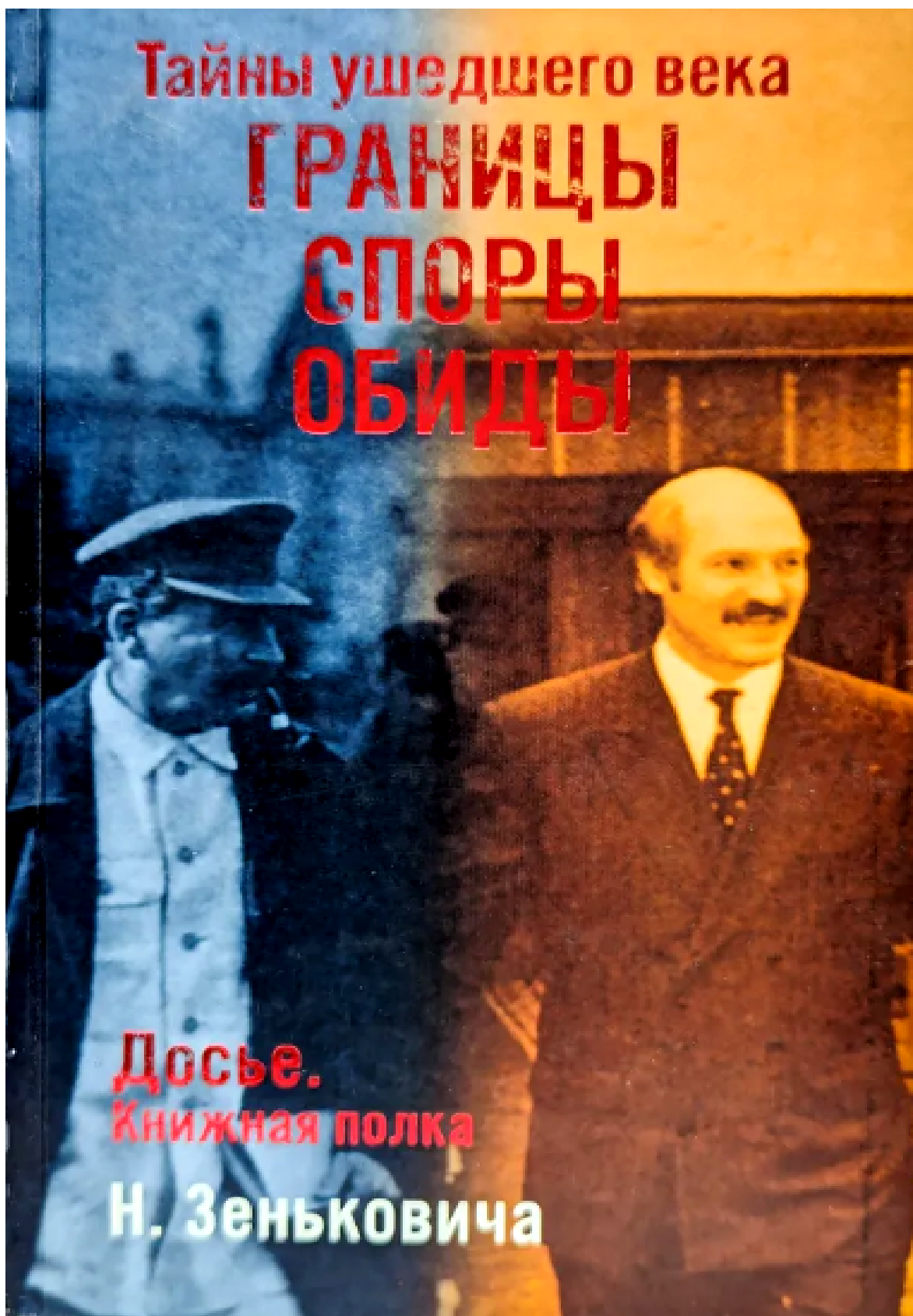


Тайны ушедшего века

ГРАНИЦЫ СПОРЫ ОБИДЫ

Досье.
Книжная полка

Н. Зеньковича



Annotation

Многие страницы этой книги покажутся кому-то непривычно жесткими, а кому-то даже обидными. Что ж, такова особенность жанра, в котором я работаю. Особенность эта – подлинность факта. В чем отличие беллетристики от истории? Беллетристика рассказывает то, что могло быть. История – только то, что было. В переломные моменты эпох люди охотнее тратят время на чтение книг, в которых рассказывается «то, что было». Перед вами как раз такая книга.

- [Зенькович Н.А.](#)
 - [Тайны ушедшего века. Границы. Споры. Обиды](#)
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [28. VIII. 1919](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [О создании партизанских отрядов и диверсионных групп для действий в тылу противника](#)
 - [Л. БЕРИЯ](#)
 - [Глава 10](#)
 - [«УПЕКАЛИ» РУКОВОДИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССИИ](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)

- [БЕЛОРУССИЯ И ГКЧП](#)
- [Часть вторая](#)
- [Пьеса для чтения в трех действиях,](#)
- [ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА](#)
- [ПРОЛОГ](#)
- [ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ](#)
- [Сцена вторая](#)
- [Сцена третья](#)
- [Сцена четвертая](#)
- [Сцена пятая](#)
- [Сцена шестая](#)
- [Сцена седьмая](#)
- [ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ](#)
- [Сцена вторая](#)
- [Сцена четвертая](#)
- [Сцена шестая](#)
- [Сцена восьмая](#)
- [Сцена девятая](#)
- [Сцена десятая](#)
- [Сцена двенадцатая](#)
- [Сцена четырнадцатая](#)
- [Сцена первая](#)
- [Сцена вторая](#)
- [Сцена четвертая](#)
- [Сцена шестая](#)
- [Сцена седьмая](#)
- [Сцена восьмая](#)
- [Сцена десятая](#)
- [Сцена двенадцатая](#)
- [Сцена четырнадцатая](#)
- [Часть третья](#)
- [Кто и как завязывал и развязывал чеченские узлы](#)
- [СПЕЦДОНЕСЕНИЯ НЕ ГОРЯТ!](#)
- [Неожиданная заминка](#)
- [Между Кремлем и «Белым домом»](#)

- [Узел 2](#)
- [ИЛИ КАК УЗАКОНИЛИ БЕЗЗАКОНИЕ](#)
- [Доклад Руцкого](#)
- [«Коллективная отставка»](#)
- [Помощник Юра лучше знает](#)
- [Свергнутый руководитель](#)
- [Обвал](#)
- [Кем пожертвовать](#)
- [Указ не прошел](#)
- [Узел 3](#)
- [ИЛИ СТОИЛО ЛИ ВЫПУСКАТЬ ДЖИННА НА ВОЛЮ](#)
- [Хайбахская трагедия](#)
- [Берия в Грозном](#)
- [Мина замедленного действия](#)
- [Откат](#)
- [Узел 4](#)
- [Жизнь русских в Чечне стала невыносима](#)
- [Первое разоружение](#)
- [ТЕЛЕГРАММА ИЗ ГРОЗНОГО МОСКВА ОГПУ](#)
- [ИЗ ОТЧЕТА ШТАБА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО](#)
- [ОТ 19 СЕНТЯБРЯ 1925 ГОДА](#)
- [ИЗ ДОКЛАДА ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА](#)
- [ИЗ ДОКЛАДА ОСОБОГО ОТДЕЛА](#)
- [ОТ 5 АПРЕЛЯ 1932 ГОДА](#)
- [ИЗ ДОКЛАДА КОМАНДУЮЩЕГО СКВО Н. Д. КАШИРИНА](#)
- [В ЧЕЧНЕ ОТ 9 АПРЕЛЯ 1932 ГОДА](#)
- [ЖАЛОБА](#)
- [СПРАВКА ПРОКУРОРА ПО НАДЗОРУ ЗА СЛЕДСТВИЕМ](#)
- [ПРОКУРАТУРЫ СССР НЕЗДВЕЦКОГО ПО ДЕЛУ ИСАЕВА В. Е.](#)
- [ЗАКЛЮЧЕНИЕ СТАРШЕГО ПОМОЩНИКА ПРОКУРОРА](#)

- В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В. НОСКОВА
- О некоторых вопросах переселения из районов
Средней Азии чеченского населения на
территорию Дагестанской АССР
- ТЕЛЕГРАММА ГРУППЫ ЧЕЧЕНЦЕВ Н. С. ХРУЩЕВУ
- РСФСР Р. А. РУДЕНКО
- «Мы не европейцы и не азиаты...»
- Часть четвертая
- Маленькая территориально-дипломатическая
повесть
- 1639 год, Токио
- 1754 год, Токио - Курилы
- 1805 год, Москва - Токио
- 1855 год, 7 февраля. Симодский трактат
- 1905 год, 5 сентября. Портсмут
- 1918 год, апрель. Токио - Дальний Восток
- 1925 год, 14 мая. Дальний Восток
- 1941 год, 13 апреля. Москва. Кремль
- 1941 год, 7 декабря. Москва, Кремль
- 1945 год, 5 апреля. Москва
- 1945 год, 9 августа. Москва - Токио
- 1951 год, 8 сентября. Сан-Франциско
- 1955 год, 1 июня. Лондон
- ПЯТЬ ЯПОНСКИХ УСЛОВИЙ
- 9 августа 1955 года - 20 марта 1956 года.
Лондон
- 1956 год, 29 апреля - 14 мая. Москва
- 1956 год, 11 сентября. Токио, резиденция
премьер-министра
- 1956 год, 12 сентября. Москва,
- 1956 год, 13 сентября. Москва,
- 1956 год, 11 октября. Москва,
- 1956 год, 12 октября. Москва,
- ПЛАН

- ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
 - 1956 год, 16 октября. Москва, Кремль
 - 1956 год, 17 октября. Москва, Кремль
 - Текст для включения в совместную декларацию без внесения в совместную декларацию, соглашения
 - 1956 год, 17 октября. Москва, Кремль
 - 1956 год, 18 октября. Москва, Кремль
 - 1956 год, 18 октября. Москва, Кремль
 - 1956 года, 18 октября. Москва, Кремль
 - Проект текста по территориальному вопросу
 - Записка Н. А. Булганина в Президиум ЦК КПСС
 - Проект ответа Н. Булганина премьер-министру Японии И. Хатояма
 - 1956 год, 19 октября. Москва. МИД СССР
 - Союза Советских Социалистических Республик и Японии
 - И СНОВА НЕНАПИСАННЫЕ ГЛАВЫ
 - 1972 год, январь. Москва - Токио
 - 1990 год, январь. Москва - Токио
 - 1993 год, 11-13 октября. Москва - Токио
 - 1998 год, ноябрь. Токио - Москва
 - 2000 год, 3-5 сентября. Москва - Токио
 - ИСТОЧНИКИ
 - Центр хранения современной документации
 - Белорусский государственный архив-музей
 - Частные архивы
 - Литература закрытого пользования
 - Литература открытого пользования
 - ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА К ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ
-

Тайны ушедшего века

ГРАНИЦЫ СПОРЫ ОБИДЫ

Досье.
Книжная серия

И. Зеньковича

MIRKNIG.COM

Зенькович Н.А.

**Тайны ушедшего века.
Границы. Споры. Обиды**

ОТ АВТОРА

Многие страницы этой книги покажутся кому-то непривычно жесткими, а кому-то даже обидными. Что ж, такова особенность жанра, в котором я работаю. Особенность эта – подлинность факта.

В чем отличие беллетристики от истории?

Беллетристика рассказывает то, что могло быть. История – только то, что было.

В переломные моменты эпох люди охотнее тратят время на чтение книг, в которых рассказывается «то, что было».

Перед вами как раз такая книга.

Часть первая

ЧЬЯ БЕЛОРУССИЯ?

Глава 1

СКОЛЬКО ИХ? КТО ОНИ? ОТКУДА?

Русские в Белоруссии составляют вторую по численности и удельному весу славянскую национальную группу. Этнических белорусов в стране – около 8 миллионов человек, или чуть более 80 процентов от всего населения. Русских в 1989 году было 1 миллион 355 тысяч, что составляло немногим более 13 процентов, к 1999 году их численность сократилась на 200 тысяч человек, а доля в населении республики – на 2 процента.

По данным переписи 1999 года, на русском языке говорят в повседневной жизни 6 миллионов 308 тысяч человек, или 63 процента населения Белоруссии. Русский язык стал родным и для 4 миллионов 783 тысяч (59 процентов) белорусов.

Национальная среда, в которой обитают русские, довольно пестра и разнообразна. В Белоруссии живут и трудятся представители практически всех наций и большинства народностей бывшего СССР. В республике есть даже абазины и торфы, орочи и даргинцы, лакцы и гагаузы, табасараны и ульчи, рутульцы и вепсы, кумыки и представители других, весьма малочисленных и почти

совсем неизвестных широкой публике экзотических народностей. Новую родину обрели здесь сыновья и дочери многих народов Европы и Азии, Америки и Африки.

Самая крупная после русской – польская диаспора. Ее численность – 403 тысячи, или 4,2 процента от всего населения. За поляками следуют украинцы – 231 тысяча, или 2,4 процента. Затем идут евреи – 135 тысяч, и татары – почти 11 тысяч.

Удельный вес представителей других народов в национальном составе населения Белоруссии незначителен. Так, в середине 1990-х годов в республике проживали около 8 тысяч цыган, около 6 тысяч литовцев, 2,5 тысячи молдаван, 2,7 тысячи армян, 2,6 тысячи азербайджанцев, 2,6 тысячи латышей, 2,4 тысячи немцев, 2,3 тысячи узбеков, 2,2 тысячи чувашей, 2 тысячи мордвин, 1,6 тысячи грузин, 1,3 тысячи казахов, 770 карелов, 700 эстонцев, 620 осетин, 400 киргизов, 380 таджиков, 170 туркмен.

Таким образом, русские по численности – на втором месте после коренных жителей. И хотя русских в Белоруссии недавно было лишь 13 с небольшим процентов, на их языке разговаривает практически все население республики.

Наверное, это один из самых феноменальных и немногочисленных в истории случаев, когда язык некоренного меньшинства стал средством общения всего населения. На языке пришельцев ведется обучение детей с самого раннего возраста, начиная с ясельных групп. Преподавание в детсадах, школах, училищах, техникумах, вузах советской Белоруссии велось только на русском языке. К середине 80-х годов в республике не было ни одного учебного заведения, даже в сельской местности, с белорусским языком обучения. По-русски разговаривали в большинстве белорусских семей. Газеты и журналы, выходившие на

белорусском языке, влачили жалкое существование: все они, за исключением журнала «Работніца і сялянка» («Работница и крестьянка»), имели мизерные тиражи и дотировались государством. «Работніца і сялянка», издававшаяся более чем миллионным тиражом, брала прежде всего бесплатным приложением по кройке и шитью. Остальные издания на национальном языке едва-едва достигали отметки 40-50 тысяч и в основном распространялись по бюджетной подписке – в библиотеки и сельские дома культуры, кабинеты политпросвещения партийных комитетов и красные уголки животноводческих комплексов.

Даже такое солидное, имевшее давнюю историю издание, как газета «Звязда», основанная еще до октября 1917 года, в свои лучшие времена имела всего 50-60 тысяч экземпляров. И это при неусыпном контроле ЦК компартии республики за ее распространением как центрального органа республиканской парторганизации! Русскоязычный аналог «Звязды» – газета «Советская Белоруссия», тоже орган ЦК КПБ, выходила в восьмидесятые годы тиражом 200 тысяч экземпляров, то есть в пять раз больше. Еще более впечатляющим разрыв был в молодежной и детской печати. Если газета «Чырвоная змена» («Красная смена») едва-едва наскребала 40 тысяч, а «Піянер Беларусі» («Пионер Белоруссии») – 50-60 тысяч, то русскоязычные «Знамя юности» – 800 тысяч, а «Зорька» – почти 1,5 миллиона экземпляров.

Такая же картина наблюдалась и в литературно-художественной периодике. Главный журнал белорусских писателей «Полымя» («Пламя») на национальном языке имел средний тираж от 6 до 8 тысяч экземпляров, его русскоязычный, такой же «толстый» собрат «Неман» – более 200 тысяч. Весьма скромными тиражами – от 5 до 10 тысяч – выходили другие литературно-художественные и общественно-

политические журналы, печатавшиеся на белорусском языке. И уж совсем парадоксальная ситуация сложилась в книгоиздании. Например, высокоталантливые повести Василя Быкова, выходившие на белорусском языке небольшими тиражами, оставались невостребованными в книжных магазинах. Но стоило перевести их на русский, и двухсоттысячные тиражи исчезали с прилавков в считанные дни.

Для заполняемости зрительного зала Белорусского академического государственного театра имени Янки Купалы, спектакли в котором ставятся традиционно на белорусском языке, приводили обычно солдат, курсантов, учащихся – по разнарядке. Не спасали и громкие имена авторов остроконфликтных пьес – Андрея Макаенка, например. Но те же постановки в русском переводе собирали полные залы и очереди в театральных кассах. На бытовом уровне громадной популярностью пользовался репертуар певца Ярослава Евдокимова и Виктора Вуячича, композитора-песенника Эдуарда Ханка. Они творили по-русски.

Была ли белорусская эстрадная песня? Да, была. Но, за редким исключением, народ ее не пел. Отдавали предпочтение тем, кто писал и пел по-русски! И дело здесь не в степени таланта: белорусскоязычные поэты и композиторы не уступали русскоязычным, но произведения первых в основном звучали только на государственном радио. Как ни парадоксально, но коренные жители Белоруссии пели песни пришельцев.

Пришельцы, таким образом, не ощущали, что живут в чужеродной среде. Их окружала привычная обстановка, ненамного отличавшаяся, скажем, от той, в которой они жили раньше, где-нибудь в Смоленске или Брянске. Вокруг – такие же славянские лица. Русская речь повсюду – в магазине, на работе, на улице. По радио и телевидению, где передачи на белорусском

языке были крайне редки. Названия учреждений и организаций, улиц, площадей, торговых точек, предприятий сферы бытового обслуживания – тоже на русском. В некоторых случаях – на двух языках, особенно если это касается органов государственного управления. Остановки в городском транспорте водитель объявляет по-русски. Преобладающая часть газет, журналов, книг – тоже на родном языке десятой доли некоренного населения. Никакого дискомфорта!

Наоборот, причастность к русской нации даже как-то выделяла из общей массы. И хотя внешне трудно отличить белоруса от русского – оба принадлежат к славянскому типу – разница все же есть. Первое, что выдает происхождение белоруса – это произношение. Оно неистребимо и стало хрестоматийным примером дружелюбного подначивания: «Благодару, я не куру».

Белоруса безошибочно узнаешь по твердому «р» и мягкому, фрикативному «г», как бы ни стремился он старательно говорить по-русски. Да еще по забавному смешению русских и белорусских слов. Деревня в Белоруссии традиционно говорит по-белорусски. Город – по-русски. Молодежь, приехав в город, хочет выглядеть посовременнее. Она чутко прислушивается к говору окружающей среды, улавливает красиво звучащие слова и, стесняясь своего недавнего деревенского прошлого, перенимает новую лексику. Но – сбивается, путается, поскольку прошлое крепко держит, не отпускает так запросто. И люди невольно ощущают свою ущербность, второсортность.

Это происходит оттого, что белорусский язык с давних пор считается языком «мужицким». На нем говорили бедные люди – крестьяне и мелкие ремесленники. Важные господа в Белоруссии, в зависимости от того, кто в ней властвовал, разговаривали соответственно то на польском, то на русском языке. По-белорусски не общались даже более-

менее состоятельные белорусы. Это был язык черни, плебеев. К чему его изучать, если обучение в Польше, а потом в Российской империи велось на государственных языках этих стран. Бесполезное, бессмысленное занятие!

Бытовало снисходительно-сострадательное отношение к белорусам, навеянное, в частности, некоторыми литературными образами русского поэта Николая Некрасова. До сих пор кое-кто в Москве смутно представляет, что белорусы – это отдельная, самостоятельная нация, которая дала той же России немало звучных имен.

Это просветители, основатели первой типографии в Москве Петр Мстиславец и Иван Федоров, воспитатель Петра I Самойло Петровский-Ситненович, известный как Симеон Полоцкий; основоположник московской пушкарской традиции Андрей Чохов – тот самый, отливший «Царь-пушку»; автор первой фундаментальной «Истории Российской» Василий Татищев; писатели Тадеуш (Фаддей) Булгарин, Федор Глинка, Федор Достоевский, Дмитрий Писарев, Александр Твардовский, Михаил Исаковский, Ярослав Смеляков, Юрий Олеша (из борисовской шляхты), Евгений Евтушенко (предки из деревни Хомичи Гомельской области). Из белорусских родов произошли писатели Александр Грибоедов и Александр Грин. Владимир Высоцкий – и тот имел белорусские корни: он из Мещанской слободы в Москве, с XVII века заселенной белорусами.

Белорусского происхождения и композиторы Михаил Глинка, Модест Мусоргский, Игорь Стравинский, внук повстанца 1863 года Дмитрий Шостакович. Знаменитый актер Василий Качалов (Шверубович) родом из Вильно, киноактер Петр Алейников – родом из Могилевской области. Выходец из белорусских земель и скульптор Михаил Микешин – автор памятника «1000-

летие России» в Новгороде. Считал себя «белорусским паном» и Сергей Коненков.

Из белорусского рода Корвин-Крюковских знаменитый математик Софья Ковалевская, основатель русской школы доменщиков Михаил Курако, создатель реактивных истребителей «Су» Павел Сухой.

Немало знаменитых белорусов получили мировую известность. Среди них изобретатель многоступенчатой ракеты Казимир Семенович и первооткрыватель электрографии и беспроводной передачи электрических сигналов Якуб Наркевич-Иодко; основатель университета в Сантьяго Игнат Домейко, исследователь Восточной Сибири Ян Черский и президент сената Гавайских островов Николай Судзиловский; выдающийся ученый в области термоядерного синтеза Лев Арцимович и основатель гелиобиологии Александр Чижевский; путешественник Николай Пржевальский (Перевальский) и поэт Гийом Аполлинер (Костровицкий).

Между прочим, даже обыкновенную картошку в Белоруссии начали выращивать раньше, чем в России. Гродненские мужики разводили бульбу еще при короле Августе III, правившем в 1736-1763 годах. А из школьных учебников истории известно, что самые крупные «картофельные бунты» в России вспыхивали в 1840-1844 годах, и участвовало в них около полумиллиона крестьян.

Любопытно, что барскую привычку пренебрежения к «мужицкому» языку переняли их слуги, которые после 1917 года пришли к власти. Предубеждение к белорусскому языку столь сильно, что за годы советской власти в Белоруссии лишь единицы из многих сотен тысяч русских, оказавшихся на территории республики, проявили к нему интерес. Вот последние данные: только трое русских писателей из более чем полусотни, проживающих ныне в Белоруссии, могут

свободно читать по-белорусски. Что уж тогда говорить о людях, чьим основным занятием является не писательский и не филологический труд. Многие из них искренне убеждены: никакого самостоятельного языка у белорусов не существует, это не что иное, как причудливая смесь польского и русского говоров. Значительная часть русских, пустивших корни в Белоруссии, и детей своих воспитывает в таком же духе. Отсюда расхожие мнения о том, что белорусский язык – это диалект польского или даже... украинского языка.

Деревня всегда была зависимой от города. Культура села всегда отставала от городской. Выходцы из деревни тянулись к городской культуре, инстинктивно ощущая, что она выше. Вместе с ней молодежь усваивала и господствующее в городах представление о белорусском языке как об искусственном, мертворожденном языке, у которого нет будущего. «Экзамены в институт придется сдавать на русском!» – эта истина убивала. Она была применима и к Минску, и к Москве, и к Ленинграду. На приемных экзаменах в российских вузах «ужасный» русский, на котором разговаривали выпускники белорусских школ, особенно сельских и поселковых, приводил в смятение чопорных экзаменаторш и становился преградой на пути в престижный институт. Некоторые особенности белорусского произношения, вполне терпимые и даже в чем-то привлекательные и милые, поскольку сохранили аромат давно забытых старославянских слов, воспринимались как невежество и вопиющая неграмотность. Обидно, что так оценивали филологи, которые по роду своей деятельности должны знать: современные русский, украинский и белорусский языки возникли из одного древнерусского языка.

Увы, отношение к белорусскому языку как к языку второстепенному и несамостоятельному привело к

тому, что белорусы не испытывали интереса к овладению им. Сегодня далеко не каждый этнический белорус может читать, писать и свободно изъясняться по-белорусски. Это дало повод Белорусскому народному фронту обвинить Москву в насильственной русификации Белоруссии.

Статистика, которой когда-то гордились коммунистические функционеры в Минске и которую они преподносили Москве как образец интернационалистского характера белорусов, превратилась в свою противоположность: то, что почти каждый десятый белорус назвал русский язык родным, по мнению оппонентов, свидетельствовало об утере белорусами своих национальных отличительных черт, ассимиляции значительной части народа. В конце восьмидесятых годов пресса открыто начала писать о том, что над белорусской нацией нависла угроза исчезновения. И не только в связи с чернобыльской катастрофой, последствия которой для Белоруссии еще толком не осмыслены. На уличных митингах, собиравших многотысячные толпы людей, звучала критика в адрес Москвы, тогдашних союзных органов, по вине которых Белоруссия оказалась на грани вырождения.

Тему русских тогда еще не трогали, претензий к ним не предъявляли. Жили-то ведь в одной стране, в которой статус русского человека был традиционно высок. Особенно в Белоруссии, где официальная пропаганда каждодневно подчеркивала, что успехи республики в социально-экономическом развитии стали возможны лишь благодаря бескорыстной помощи великого русского народа. Лидеры нарождавшейся оппозиции ограничивались кивками в сторону Кремля, который давил на республику, заставляя ее строить у себя огромное количество предприятий химической и

оборонной промышленности, из-за чего жизнь на благословенной белорусской земле стала невыносимой.

Изголодавшийся по свежей информации, а больше по ее нетрадиционному толкованию, одуревший обыватель жадно внимал ораторам на городских митингах. Коммунистический режим хвастается, что за годы своего правления построил в республике почти полторы тысячи предприятий. Благо это или бремя для белорусского народа? Задумывались ли минские правители о том, каково будет жить людям возле этих чудовищно чадящих труб? Как же так получилось, что Белоруссия, не занимая и одной сотой процента территории СССР, выпускала четвертую часть общесоюзного объема химических волокон? А ведь для их производства необходимы источники сырья, энергетические ресурсы, которых, как известно, в республике нет. Значит, все привозное. И тем не менее факт налицо: условий для производства химических волокон нет, а производим - четвертую часть!

Получается - Белоруссии не надо было развивать индустрию, достаточно было тех 24 тысяч рабочих, которых насчитывалось в республике в 1922 году? Нет, отчаянно мотал головой на трибуне искушенный оратор, промышленности у нас и в самом деле не хватало. Да и избыток трудовых ресурсов к тридцатым годам тоже начал обнаруживаться - люди стали покидать родные места, уезжать на стройки в Россию. Споры нет, заводы в Белоруссии ставить надо было. Вопрос в том, какие? Гигантские молохи союзного подчинения, чадящие дымом на полгоризонта или небольшие предприятия, ориентированные на выпуск экологически чистой продукции и призванные удовлетворять потребности нашего населения? Возьмите, к примеру, Швейцарию...

Семечко падало на благодатную почву. Рассказы о Швейцарии в конце 80-х годов зачаровывали публику.

Ораторы рисовали картинки райской жизни в неизвестной большинству стране – солнечной, радостной, безоблачной. Не входит ни в какие военные союзы, блоки, пакты, альянсы. Живет и процветает. А у нас? Давайте-ка подсчитаем, что введено в строй за последнее время. Мощности по производству высокопрочного чугуна, переработке металлолома – опять союзного значения, опять вредное производство. Мощности по производству большегрузных автомобилей – зачем они Белоруссии? У нас карьерных разработок нет. Мощности по выпуску автомобильных шин – вонь стоит на весь Бобруйск, воздух отравлен, дети больны.

Поверьте, дорогие сограждане, неслось с трибун, вопрос о том, сколько заводов нужно Белоруссии, вовсе не риторический. Почему за год в республике набирается пять миллионов тонн вредных выбросов? Почему новые цехи тракторного завода в Минске строятся быстрее, чем природоохранные сооружения в Новополоцке? Московским чиновникам все «до фонаря» – лишь бы завод где-нибудь пристроить.

Российские области возражают против расширения у себя промышленного строительства, о здоровье людей тревожатся, а наши правители наперегонки гонялись за предприятиями, хватали, кто побогаче. Из чего исходили? Если строят завод, значит, будет и социальная инфраструктура. Чем больше развернут новостроек, тем больше вложений будет в развитие городского хозяйства, строительство жилья, школ, детских садов. Очень хотелось иметь крупного, состоятельного хозяина. А им была как раз химия и оборонка. Что толку от тех школ и детсадов, если ребятишки дышат дымом и гарью?

Попробуйте придраться к подобным рассуждениям – святая правда! Кто в те годы не обличал Госплан и другие союзные ведомства, упрекая их во всех смертных грехах? Клеймились пока абстрактные

организации, упрекалась абстрактная Москва. Пройдет время, и обвинения обретут конкретную форму.

Кто понастроил чадающие дымом заводы на белорусской земле? Россия. Кто научил белорусов варить сталь, собирать автомобили-гиганты, перерабатывать нефть, изготавливать искусственные волокна? Русские. Белорусы – крестьянская нация, своего рабочего класса до советского периода у них не было, в 1913 году в Белоруссии насчитывалось всего 34 132 рабочих.

Довоенный рабочий класс БССР формировался в основном как новый класс – по образу и подобию российского. Более того, есть основания полагать, что он – результат российского экспорта. Об этом свидетельствуют статистические данные о национальном составе белорусского рабочего класса. Так вот, в 1935 году количество белорусов в нем не достигало и половины – всего 45,9 процента.

Вообще рабочий класс республики в том виде, в каком он был искусственно создан и существует по нынешний день, чужероден белорусам по своей природе. Он не адекватен сырьевым ресурсам Белоруссии и потому не имеет сколько-нибудь серьезной перспективы, поскольку все основные промышленные производства республики привязаны к России. Созданная ею индустрия обречена быть зависимой от Москвы – сырье-то ведь все привозное!

Аргументы и сам ход мыслей неформалов, как в годы горбачевской перестройки называли инакомыслящих, ошеломляли. Но, если говорить откровенно, и привлекали. Дарованная Кремлем гласность привела к мощнейшему всплеску национального самосознания, подготовила благодатную почву для возрождения белорусского языка и культуры. Углубленный интерес к своей древней и современной

истории привел к инвентаризации недавнего прошлого: а тем ли путем шла Белоруссия?

Зачем, скажем, ей химия, крупногабаритное автомобилестроение и прочие металлоемкие отрасли тяжелой индустрии? Россия, безусловно, великая держава, пусть она и развивает те производства, которые определяют мощь современной империи. Белоруссии не нужны гигантские промышленные комплексы. Она маленькая республика и не претендует на какое-то особое место в мировом сообществе. Ее вполне устраивает роль нейтральной, безъядерной, благополучной страны, не вмешивающейся в проблемы мировой политики. Это дело сверхдержав, воинственных наций. Белорусы – народ мирный, спокойный, рассудительный, даже, наверное, чрезмерно тихий и покладистый. Он лишен воинственности, присущей восточному соседу. Белорусам чужого не надо, они не претендуют на мировое господство. Белорусы хотят жить, как в Швейцарии.

Коммунисты гордились построенной за годы советской власти крупной индустрией. Лучше бы они не шли на поводу у Москвы, а создавали бы промышленность, адекватную природным условиям республики, традиционным занятиям ее населения. Сельское хозяйство, переработка, производство товаров народного потребления и, конечно, электроника. Белорусский рабочий класс должен состоять совсем из других отрядов, чем сейчас. Россия обучила ненужных нам специалистов, навязала нам свою модель индустриализации. Вон они, плоды ее деятельности, чадят смрадом от Витебска до Бреста. Что с ними делать? Ставили-то ведь на века. Большинство безнадежно устарело, технологии – допотопные.словно парусники времен Екатерины II по сравнению с современными океанскими ракетноносцами. Возьмите

Швейцарию – это же игрушки, а не заводы. А Южную Корею?

Сегодня, когда большинство белорусских предприятий остановилось, а остальные перешли на трех- или четырехдневную рабочую неделю, когда основная масса работающих постоянно находится в вынужденных отпусках, начинавшие свой политический путь в качестве безобидных неформалов лидеры оппозиционных движений восклицают: ну, а мы что говорили? Действительно, сырьевая зависимость Белоруссии от России – почти стопроцентная. Вот и стоят сиротливо опустевшие коробки заводских сооружений на всей белорусской земле. Высококвалифицированные сталевары, автомобилестроители, химики оказались без работы, неделями пропадают на рыбалке, а те, кто помоложе – слоняются без дела, пополняя ряды криминогенной среды.

Нравится это московским политикам или нет, но факт остается фактом: распад СССР обострил проблему русских в Белоруссии, считавшейся самой благополучной в этом плане из всех бывших республик, входивших в состав Советского Союза. При виде обезлюдивших заводских корпусов, являющихся основным источником средств существования миллионов простых людей, даже у самых стойких, воспитанных в духе интернационализма и пролетарской солидарности, начинает закрадываться крамольная мысль: а может, оппозиционеры правы? Может, вся эта гигантомания – обыкновенная ловушка, в которую заманили доверчивых белорусов? Какой прок от простаивающих промышленных монстров – самых крупных в Европе, как восхищались недавно.

По доброй советской традиции начинаются поиски виновных. Кто так бездумно, или, наоборот, с умыслом,

индустриализировал Белоруссию? Старшая сестра. Ату ее, коварную!

Правда, дальше теоретических разглагольствований в малотиражных оппозиционных изданиях дела пока не идут. На бытовом уровне в рабочей среде претензий к русским нет. Белорусы видят, что и русские заводчане страдают точно так же, как они сами. Все оказались в одинаковом положении, всем стало хуже жить. Промышленные рабочие республики, независимо от национальности, в равной степени почувствовали, что значит оказаться в незавидной роли одного из пятнадцати кусков, на которые в один момент была разорвана страна. Всех затронуло растягивающееся на месяцы ожидание зарплаты, вздорожавший проезд в транспорте, рвущий человеческие связи: чтобы повидать маму в Кузбассе, нужны немалые деньги.

Можно по-разному относиться к прежнему коммунистическому режиму в Белоруссии, сколько угодно иронизировать по поводу набившего оскомину идеологического штампа типа «рабочего братства» или «пролетарской сознательности», но усилия, приложенные старой системой по сплочению и воспитанию рабочего класса, привели к положительному результату. Он особенно заметен сегодня, в период кризиса. Пробыв почти десять лет в замурованной национальной клетушке, рабочий класс Белоруссии тем не менее не раскололся, не разделился по национальному признаку. Наверное, он и в самом деле впитал в себя такой огромный запас прочности и человеческого оптимизма, народных традиций и мудрости, что сумел устоять перед небывалым напором дезинформации и деидеологизации.

Коммунисты были правы, когда говорили, что представители рабочего класса являются наиболее стойкими носителями лучших национальных и интернациональных традиций и обычаев своего народа.

Эту истину подтвердило развитие событий в посткоммунистической Белоруссии. В рабочей среде за все эти годы не зафиксировано ни одного конфликта на межнациональной почве, ни одного случая дискриминационного отношения к рабочим-россиянам.

В промышленности Белоруссии сегодня занято около 300 тысяч этнических русских, из них примерно половина – рабочие. Вторая половина – инженерно-технические работники и служащие. Как правило, они попали в Белоруссию по распределению после окончания российских вузов. Рабочие-россияне – в основном парни, служившие в этих краях в Советской Армии и женившиеся на белорусских девушках, а также приглашенные из России белорусскими предприятиями лица, имевшие дефицитные в республике рабочие специальности.

Эти 300 тысяч этнических русских проживают в крупных, средних и малых городах. Селились они по всей территории неравномерно, и потому мест компактного проживания у них нет.

В сельской местности насчитывается около 200 тысяч русских. В основном это – мужчины, отслужившие срок в армии и создавшие семьи в белорусских селах. Работают преимущественно на технике – водителями и трактористами.

Научная, а также творческая интеллигенция, пишущая на русском языке, в Белоруссии в количественном отношении довольно значительна. Но это, так сказать, «штучный» товар, и что ни деятель, то громкое имя.

Самую крупную часть русской диаспоры в Белоруссии составляют военные пенсионеры. По последним данным, их около 600 тысяч. Столько людей за послевоенные 50 лет пожелали остаться в Белоруссии на постоянное жительство. Многие из них

продолжают трудиться в промышленности, бизнесе, органах управления.

Глава 2

ЧЕМОДАН - ВОКЗАЛ - РОССИЯ?

Только вконец невежественные люди считают, что русские появились на территории Белоруссии после октября 1917 года, когда солдаты Западного фронта принесли на своих штыках в Минск большевистскую революцию. На самом деле все было гораздо сложнее.

Однако не будем сейчас касаться отдаленных времен, на эту тему у нас впереди отдельный разговор. Предмет нашего рассмотрения в настоящей главе – день сегодняшней.

Российская печать полна сообщений о незавидной судьбе 25 миллионов русских, оказавшихся за пределами своей родины. В многочисленных публикациях приводятся тревожные сведения об ущемлении прав русскоязычного населения в странах ближнего зарубежья. Формы притеснения самые разные: от не предоставления гражданства со всеми вытекающими отсюда политическими и экономическими последствиями до откровенного шантажирования, сопровождаемого публикацией в прессе списков лиц, у которых, по замыслу авторов этих акций, «должна гореть земля под ногами». А в списках, между прочим, – имена Героев Советского Союза, прочих заслуженных людей, проливавших кровь при освобождении этих земель от фашистских захватчиков.

Вон в Казахстане, который в свое время справедливо называли республикой братства разных народов, запрещены русские общины. Стоило лишь Москве высказать законное недоумение по этому

поводу, как президент Назарбаев тут же провел странную историческую параллель: почему это, дескать, Россия так сильно обеспокоилась судьбой русских в Казахстане? Гитлер в свое время тоже проявил трогательную заботу о судьбе немцев в Судетах, и все помнят, к чему это привело...

В Балтии первыми заскандировали на митингах: «Чемодан – вокзал – Россия!» еще в году восемьдесят восьмом. Клич был подхвачен в Молдавии и на Украине, в Центральной Азии и в Закавказье, на Северном Кавказе. Если в Латвии и Эстонии до кровопролитий дело не дошло, то в Таджикистане и Грузии, Азербайджане и Молдавии, других бывших республиках Советского Союза русских насильственно вынуждали покинуть землю, ставшую им второй родиной.

Какой год подряд тянутся в Россию скорбные вереницы беженцев? Седьмой? Восьмой? Девятый? Практически из всех уголков бывшего СССР судьба гонит тысячи несчастных людей с насиженных мест в поисках надежного крова и куска хлеба для себя и своей семьи. Отовсюду ведут беженские тропы, кроме, пожалуй, Белоруссии.

Она – единственная из всех бывших союзных республик, в которой ни разу не гремел злорадный клич: «Чемодан – вокзал – Россия!», где не помнят случая, чтобы улюлюкающая толпа требовала возвращения этнических русских на их историческую родину. Означает ли это, что они совсем не уезжают из Белоруссии? Отнюдь нет.

Жизнь продолжается – люди женятся, разводятся, съезжаются, разъезжаются. Миграция населения была, есть и будет. Невзирая на границы, таможни и прочие барьеры. Правда, темпы миграции меняются в зависимости от мудрости власть предержащих. В целом перемещения населения носят прогрессивный характер.

Есть ли отток русских из Белоруссии? Как такового – оттока нет. Есть обычные переезды, масштабы которых не превышают среднестатистических данных семидесятых – восьмидесятых годов. В семидесятые и в первой половине восьмидесятых годов из Белоруссии в среднем в год уезжало 2,3 тысячи семей русских. Приезжало, тоже в среднем, 3,8 тысячи семей. В первое время после распада СССР статистика была такая: в 1991 году выехало 2,7 тысячи, в 1992 году – 2,6 тысячи, в 1993 – 2,7 тысячи семей. Приехало соответственно 3,7 тысячи, 4,1 тысячи, 4,6 тысячи семей.

Причины отъездов – семейные, бытовые, служебные. Ни до перестройки, ни во время ее, ни в постперестроечное время, когда Белоруссия стала суверенным государством, ни одного случая выезда русских по национальным мотивам! В государственные органы, в общественные организации, в средства массовой информации, не говоря уже о международных учреждениях, защищающих права человека, не поступило ни одной жалобы русского на притеснения его в Белоруссии по национальной принадлежности.

В массовом сознании статус русских в Белоруссии по-прежнему высок. Обновляющееся законодательство республики наделяет всех граждан, независимо от национальности, равными имущественными правами и возможностями для предпринимательской деятельности, свободой перемещения в пределах республики. Для лиц некоренной национальности в Белоруссии нет никаких правовых ограничений при приеме на работу, включая и органы государственного управления. Эти нормы закрепила Конституция Республики Беларусь. В отличие, скажем, от избирательной системы стран бывшей советской Прибалтики, где для русскоязычного населения введены довольно существенные ограничения, в Белоруссии выборы депутатов и иных лиц, избираемых

на государственные должности народом, являются всеобщими: право избирать имеют все граждане республики, достигшие 18 лет.

Статья 64 Конституции Республики Беларусь гласит: «В выборах не участвуют граждане, признанные судом недееспособными, лица, содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы. В голосовании не принимают участия лица, в отношении которых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, избрана мера пресечения – содержание под стражей. Любое прямое или косвенное ограничение избирательных прав граждан в других случаях является недопустимым и наказывается согласно закону».

Не содержит ни прямых, ни косвенных ограничительных норм по национальной принадлежности и избирательное законодательство. Равно как и трудовое, имущественное, приватизационное, предпринимательское. Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. Никому не позволено пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону.

В Конституции закреплено право всех граждан республики иметь равный доступ к любым должностям в государственных органах – в соответствии со своими способностями и профессиональной подготовкой. Это право, по мнению многих опрошенных представителей других национальностей, проживающих в Белоруссии, существовало и прежде и, самое главное, подчеркивали участники бесед, не только декларировалось в документах, но, в отличие от некоторых других стран Содружества, неуклонно соблюдалось. Пролонгировано и право граждан свободно передвигаться и выбирать

место жительства в пределах Белоруссии, покидать ее и беспрепятственно возвращаться обратно.

Государственным языком Белоруссии объявлен белорусский язык. Вместе с тем в Конституции отмечено, что Белоруссия обеспечивает право свободного пользования русским языком как языком межнационального общения. Каждому предоставлена свобода выбора языка общения, а также право пользования родным языком. Оскорбление национального достоинства преследуется по закону.

Гражданам Белоруссии, независимо от их национальной принадлежности, гарантировано равное право на труд, то есть на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой. Никаких преимуществ и льгот для коренных жителей не предусмотрено.

Подтверждена также свобода создания и деятельности политических партий и других общественных объединений, кроме тех, которые ставят целью насильственное изменение конституционного строя либо ведут пропаганду войны, национальной, религиозной и расовой вражды. Новой Конституцией подчеркнута ответственность государства за сохранение историко-культурного наследия и свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Белоруссии.

По мнению опрошенных русскоязычных жителей республики, провозглашенные ранее посткоммунистическим парламентом и закрепленные Конституцией свободы в отношении создания и деятельности национальных общностей – не пустая декларация. Любая национальная община в Белоруссии при желании имеет реальные возможности для своего организационного оформления. Однако Белоруссия – единственная страна Содружества, в которой нет

русских общин. Ни на уровне республики, ни на уровне области, города, района, домоуправления.

Для чего создаются общины, землячества, культурные центры и прочие организованные формы проживающих в странах ближнего зарубежья этнических русских? К объединению вынуждают обстоятельства. Знали ли молодые россияне, прибывшие после войны в соседнюю с Белоруссией Литву, чтобы поднимать из руин города, строить дороги и фабрики, что спустя почти пятьдесят лет они окажутся чужими там и абсолютно ненужными России? Русские, посланные Россией в Балтию и ощущавшие себя там полвека как дома, вдруг оказались иностранцами на своей родине. Особенно их дети и внуки. К материальным проблемам, которые сейчас занимают этих эмигрантов поневоле, добавляются и чисто психологические: возраст, незащищенность, утрата иллюзий.

Брошенные на произвол судьбы в трудную для них минуту, люди ищут опору друг в друге. Если о них забыла Россия – та самая, которая послала лучших выпускников своих вузов в другие республики, то забытым ничего не остается, кроме как следовать золотому правилу: спасение утопающих – дело рук самих утопающих. С этой целью и создаются различные объединения – для материальной, моральной и правовой взаимопомощи. Для сохранения своего историко-культурного наследия.

В Белоруссии ни в одном населенном пункте таких объединений нет. «А зачем они? – искренне удивляются сами русские, отвечая на прямо, без обиняков, поставленный вопрос. – Нас не обижают. Здесь без разницы, что белорус, что русский».

Изъясняясь научным слогом, населяющие Белоруссию русские имеют равные с титульным населением условия для профессиональной и

творческой самореализации каждой личности. В тех пределах, безусловно, которые возможны при нынешних реформах. Но, подчеркиваю, условия – равные для всех. От ухудшившейся жизни страдают в одинаковой мере все жители – и коренные, и некоренные.

О многом говорит тот факт, что, несмотря на продолжающееся обособление народов, дележку прежнего, нажитого совместно имущества и неизбежные при этом упреки, обиды и даже вооруженные столкновения, в Белоруссию по-прежнему приезжают русские семьи. Как было показано выше, в последние годы число прибывающих даже возросло по сравнению с благополучными доперестроечными годами. Едут, поскольку Белоруссия издавна славится гостеприимством, доброжелательным отношением ко всем ближним и дальним соседям.

Путь из России в Белоруссию проложен переселенцами не сегодня и не вчера. Да, за годы советской власти миграция переместила сюда миллионы русских. Да, были среди них и есть сегодня такие, кто шел и идет напролом, для кого новые места – нечто вроде безымянного Клондайка, для кого абсолютно безразлично, какие люди и народы жили здесь до них, да и сейчас живут. Но основная масса приезжих была иной, она оставила глубокий след в истории республики. Это – отдельная тема, и мы к ней еще вернемся.

А сейчас посмотрим, правы ли те, кто запелляционно утверждает, что коммунистическая Москва насильственно колонизировала Белоруссию, направляя туда несметные орды безродных переселенцев с путевками.

Исходят из следующих цифр. К концу Великой Отечественной войны население республики составляло чуть больше 6 миллионов человек. Это – две трети

довоенной численности. Каждый третий белорус погиб. В 1945 году белорусов было меньше, чем в конце XIX века. Резкое снижение численности населения на западной границе СССР создавало определенные проблемы перед обороноспособностью страны, и Москва приняла решение восполнить потерю трех миллионов погибших за счет трудовых ресурсов, направляемых из промышленных районов Урала, Сибири и Центральной России. Промышленность, работавшая на военные нужды, быстро восстанавливалась, строились новые предприятия. В заводских цехах и поселках зазвучала уральская и нижегородская речь.

Это была, так сказать, вторая крупная волна колонизации. Первую связывают с восстановлением народного хозяйства, разрушенного в ходе Гражданской войны, и последующей индустриализацией конца двадцатых - начала тридцатых годов. Миллионы погибших, умерших в то время от болезней и голода, а также в Гражданскую и Первую мировую, коренных жителей заменили переселенцы, приехавшие по оргнабору из центральных областей России. Мол, уже тогда приехавшие взяли в свои руки бразды правления, заняв в силу профессиональных знаний и квалификации ключевые посты в промышленности, финансах, науке, здравоохранении, культуре.

Однако при более тщательном рассмотрении этот прием, за основу которого берутся резкие колебания в численности коренного населения, мягко говоря, не совсем корректен. Если взглянуть на дооктябрьскую историю Белоруссии, то подобных примеров в ней хоть пруд пруди. Географическое положение белорусских земель таково, что через них всегда прокатывались крупнейшие войны. Кроме боевых потерь, сотни тысяч жизней уносили неизбежные спутники многолетних войн - жестокие эпидемии, неурожаи, голод.

Вот лишь некоторые данные. В 1650 году в Белоруссии было около 2 миллионов населения, а после очередной войны, затронувшей ее территорию, и последующего мора, вспыхнувшего от эпидемии сыпного тифа, к 1670 году осталось всего 1,5 миллиона человек. Однако уже через короткое время население выросло до 2,5 миллиона человек.

За период Северной войны 1700-1721 годов оно снова сократилось до 1,5 миллиона человек. То есть на миллион. И снова – спустя короткое время – достигло довоенного уровня и даже превысило его. По переписи 1897 года, число жителей Белоруссии составило 6,7 миллиона, а к 1914 году достигло 7,5 миллиона человек.

Только абсолютные невежды могут поверить, что убыль населения Белоруссии восполнялась за счет принудительной миграции. В таком случае в республике не осталось бы ни одного этнического белоруса. А их сегодня, как мы уже отмечали, более 80 процентов. Значит, ведут свой род из давних веков.

И все же факт остается фактом: этнических россиян в Белоруссии всегда было достаточно много, хотя подробных статистических сведений нет даже о XIX веке, не говоря уже о более ранних эпохах. В произведениях древней белорусской литературы, устном народном творчестве сохранилось много упоминаний о русинах, русичах, русах. Это смелые воины, отличные мастера, надежные друзья. Песни, легенды, сказания доносят до нас их привлекательные образы.

В белорусском фольклоре, берущем свое начало с незапамятных времен, запечатлены отголоски давно минувших эпох, когда у белорусов и русских были общие предки – восточнославянские племена кривичей, дреговичей и радимичей, общее государственное образование – Киевская Русь. Родственные ветви, на которые расчленилась после ее распада древнерусская

народность, в XIV – XVI веках в условиях обособленности сформировались в русскую, украинскую и белорусскую народности. Они сохранили очень много общего в своей культуре, языках, обычаях. И самое главное – чувство кровного родства.

Голос родной крови не подвластен времени. К какому бы народу ни относил себя сегодня любой славянин, кровь в его жилах все равно течет в одном ритме. От каждого из нас тянется в прошлое, в тьму веков, незримая нить, и даже если не знаешь о ней, она непременно напомнит о себе зовом далеких предков.

Наверное, когда туго натягивается эта невидимая глазу нить, связывающая людей с прошлым, тогда и покидают они отчий дом и трогаются с насиженных мест. Ученым мужам покажется неубедительным такое объяснение, они назовут его, и правильно сделают, односторонним, наивно-романтичным, поэтическим. Хотя, конечно, полностью его не отвергнут.

Если же спуститься с парнасских высот на реальную почву, то в ряду причин, побуждающих русских и по сей день выбирать в качестве места жительства Белоруссию, можно выделить следующие.

Географическое положение. Белоруссия расположена крайне удачно – почти в самом центре Европы. На севере и востоке республика граничит с Псковской, Смоленской и Брянской областями Российской Федерации, на юге – с Украиной, на западе – с Польшей, на северо-западе – с Литвой и Латвией. Сейчас это все суверенные государства, и жить посреди них довольно выгодно с точки зрения предпринимательской и торговой деятельности.

Климат. Его характеризуют как переходный от морского к континентальному. Это значит – умеренный, мягкий.

Лето здесь – самая продолжительная пора года. Оно длится до 150 дней, иногда до конца сентября – начала

октября, особенно на юге. В отдельных местах созревают даже теплолюбивые южные культуры – виноград и абрикосы.

Зима в Белоруссии наступает в ноябре. Длится от 105 до 145 дней. Морозы обычно несильные, от 15 до 17 градусов, к тому же долго они не стоят, быстро сменяются оттепелями.

Влажный, относительно мягкий с небольшой амплитудой температур климат республики нравится всем приезжим, особенно тем, кто страдает сердечно-сосудистыми заболеваниями. Недаром в Белоруссии такое невероятное количество отставных военных.

Природа. Она здесь ярка и живописна. На территории республики 10 780 озер. Это ее «голубые глаза», за которые соседи и зовут ее синеокой сестрой-Беларусью. Озера – замечательные места отдыха и базы рыбных хозяйств.

В Белоруссии – 20 780 рек общей протяженностью 90 тысяч километров. Судходная часть рек – 4 тысячи километров. Остальные служат маршрутами туристских походов на лодках.

Ну и, конечно – краса, богатство и гордость Белоруссии – ее леса. Они занимают более трети территории. В республике нет ни одного безлесного района. Многие шоссейные магистрали и проселочные дороги представляют собой чудесные березовые или липовые аллеи, превращающиеся летом в зеленые коридоры.

Белорусские леса богаты зверем и птицей, грибами и ягодами. Кроме Беловежской пуши, ставшей известной при роспуске СССР, в республике много других пуш. Это уникальные памятники природы, сохранившие во всей своей красе величие первозданного леса.

Неотъемлемая часть пейзажа Белоруссии – знаменитые болота. Представление о них чаще всего

связывается с непроходимыми топями (по-белорусски «твань» или «дрыгва»), с малярийными комарами, разлагающейся гнилью. Нередко болота рассматриваются как враждебный человеку компонент ландшафта, который может быть полезен только после осушения. Но это не так. Болота – это естественные плантации ягод, исцеляющих растений, строительных материалов (мох), технического сырья (верба для дубления кож), это охотничьи угодья. Но главное – болота выполняют водоохранную и водорегулирующую функции. Зимой и в середине лета, когда наступает острый дефицит воды, они питают реки, смягчают температурные колебания.

Территория. Она компактна, не очень большая (шестое место в бывшем СССР после России, Казахстана, Украины, Туркмении и Узбекистана). Россияне давно поняли, что жить удобнее не в гигантской стране с ее немереными просторами и отсутствием дорог, а в средних размеров хорошо обустроенном государстве с разветвленной сетью населенных пунктов, отстоящих друг от друга не на десятки, а то и сотни километров безлюдья.

Небольшая Белоруссия как раз отвечает этому эталону: с юга на север она протянулась на 550 километров, с востока на запад – на 640. Площадь территории республики – 207,6 тысячи квадратных километров.

Плотность населения. Белоруссия заселена довольно плотно. В среднем на 1 квадратный километр приходится 50 человек. Это почти в четыре раза выше, чем было в целом по СССР, и вдвое больше, чем в США. Почти три четверти населения – 68 процентов – проживают в городах и поселках городского типа.

Условия жизни. Белоруссия привлекает внимание мигрантов еще и тем, что ее города и другие населенные пункты очень удобны для жизни, труда и

отдыха. Разрушенные в годы последней войны, они отстроены практически заново и не знают свойственных старым городам трущоб и загрязненности узких улочек, ветхого жилья и коммуналок – бича Москвы, Петербурга и других крупных российских промышленных центров. Более пяти десятков новых городов, построенных в послевоенное время, поднялись прямо в чистом поле или среди лесов. Это Новополоцк, Светлогорск, Белоозерск, Жодино, Солигорск, Новолукомль... Широкие, ровные проспекты, красивые жилые микрорайоны, море цветов на площадях и бульварах. Все города – молодые и старые – окружены замечательной зоной отдыха. 75 процентов минчан, например, имеют возможность в выходные дни отдыхать у воды, не покидая черту города.

Заново возродилась и белорусская деревня. На месте сожженных в годы войны сел возникли новые, радующие глаз планировкой и архитектурой. Они все благоустроены, газифицированы, большинство их обеспечено горячим водоснабжением. Жизнь в этих поселениях мало чем отличается от городской. Неспроста все больше семей предпочитает жить на лоне природы, где преимущества сельского бытия удачно сочетаются с городскими удобствами.

Условия труда. В недрах Белоруссии нет каменного угля, железных руд и прочих полезных ископаемых, которые бы потребовали создания добывающей промышленности и соответственно тяжелого, изнурительного труда.

Развитая электронная и легкая промышленность, сельское хозяйство, транспортная система, сфера обслуживания – вот что привлекало в Белоруссии переселенцев.

Продолжительность жизни. В Белоруссии одна из самых высоких средняя продолжительность жизни населения – почти 75 лет. Это в два раза выше, чем

было в конце прошлого века. В республике около тысячи долгожителей – людей старше ста лет.

Хорошие люди. О белорусском народе говорят и пишут только положительное. И это не ради красного словца, не дань моде и дипломатическому протоколу. Белорусы трудолюбивы и терпеливы, искренни и радушны. Они надежны в беде и отзывчивы к чужому горю. В 1941 году белорусские женщины прятали в своих домах беженок – жен командиров Красной Армии, чьи мужья оказались в окружении. В Западной Белоруссии, куда Красная Армия вошла в сентябре 1939 года, отношение к военным из России было разное. Сердобольные белорусские крестьянки укрывали командирские семьи, делились с ними последней кринкой молока и краюхой хлеба.

Путешественники, посещавшие белорусские земли в прошлые столетия, дружно отмечали, что белорусы откровенны и простодушны, хорошо сохранили одежду, язык и некоторые обычаи своих предков. С малолетства привыкшие к лишениям всякого рода, мужественно переносят голод, стужу и всякую нужду. Мужчины охотники курить табак, оба пола любят попить на похоронах, свадьбах, крестинах, где главным угощением бывает водка.

«В праздничные и воскресные дни, – писал генерал-майор М. С. Без-Корнилович в своей изданной в 1855 году книге «Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии», – крестьяне со своими женами и взрослыми дочками, нарядясь в лучшие платья, отправляются в приходскую церковь к обедне: оттуда одни возвращаются домой, другие, зайдя в корчму, в ней остаются до ночи.

Корчма в Белоруссии – крестьянское сходбище всех возрастов и состояний: место отдыха после работы, зала совета, брани и плясок; в ней решаются споры, заключаются условия, мировые и разные сделки. В ней в

праздничные дни парни с девицами танцуют под скрипку, а чаще всего под свой народный инструмент дуду, похожую на волынку. Нередко случалось, что сделанное между молодыми знакомство в корчме оканчивалось брачным союзом в церкви.

Белорусский крестьянин если сыт, одет и не обременен работою - весел, добр, разговорчив, трудолюбив».

Белорусский народ никогда не испытывал вражды к представителям других национальностей. Испокон веков на этой земле все жили одной семьей, в мире и согласии. Никаких трений и упреков. Русскоязычное население всегда чувствовало себя здесь как дома.

Кажется, я ответил на главные вопросы, почему русские охотно селились в Белоруссии. Хотя эту тему можно развивать и дальше. Например, говорить о высокой культуре человеческих взаимоотношений, об обстановке, которая характеризует подлинно цивилизованное общество.

Русские в Белоруссии - это, конечно, не те русские, которые, скажем, живут в Москве, Питере или в центральных районах России. Хотят этого 1,2 миллиона этнических русских или нет, но в их жилах кровь течет в белорусском ритме, и Толстой и Достоевский, изучаемые в студенческих аудиториях Минска или Гомеля, воспринимаются иначе, чем, к примеру, в Томске или Нижнем Новгороде.

Русские в Белоруссии, безусловно, облучены средой обитания. Они и сами влияют на окружающих, но процесс этот - не улица с односторонним движением.

Кто скажет, что такое русскость? Что составляет ее неповторимость? Нежность и доброта Аленушки? Жертвенная терпеливость Иванушки? Молодцеватость Ильи Муромца или жесткое предвидение Петра I? Нынешнее тревожное приграничье или тишина древних

засечных черт? Мужество политрука, сказавшего: «Велика Россия, а отступать некуда»?

Русскость – это когда заиграет на улице гармошка и люди бросают недоделанные дела, выбегают на крыльцо и слушают, слушают... Это когда льются песни, широкие, словно луговые туманы над Окой, когда хочется беспричинно плакать. Это удивительные краски, звуки, чувства, слова. Им до конца истории человечества оставаться в любом зарубежье каплей России.

Во время последней переписи населения Белоруссии обнаружилась любопытная деталь: более трехсот тысяч лиц некоренных национальностей назвали своим родным языком белорусский. Из них русских было менее тысячи. Абсолютное большинство из почти 1,2 миллиона русских (99 процентов) не знают и не хотят знать язык своей второй родины.

Прозападно настроенная часть белорусской интеллигенции видит в этом неуважение со стороны пришельцев к культуре своего народа, обвиняет их в пренебрежении, высокомерии по отношению к «младшему брату».

Спору нет, русские, владеющие белорусским языком, хотя бы разговаривая на бытовом уровне, почувствовали бы себя гораздо увереннее. Ведь благодаря языку они постигли бы другой образ мышления. Знание чужого языка способствует также преодолению недоверия, непонимания.

Другое дело, что этих явлений, слава Богу, в Белоруссии нет. Да и языки настолько близки, а слова так созвучны, что русские без напряжения понимают смысл сказанного по-белорусски. К тому же большинство белорусов разговаривает преимущественно по-русски, и очень многие титульные жители своего языка не знают.

Действительно, лишь бы было взаимопонимание! Силовое вмешательство в эти процессы, их государственное регулирование вряд ли пойдет на пользу. Это как раз та самая деликатнейшая сфера, которая должна развиваться не по указу или распоряжению очередных правительственных чиновников, а по жизни, по традиции, по народному хотению – естественным, ненажимным путем.

Не следует, наверное, сбрасывать со счетов и следующую особенность, которую понимают умные люди и потому не делают трагедии из нежелания русских овладевать местными языками, будь то литовский или молдавский, киргизский или таджикский. Речь идет о том, что русские никогда и нигде не будут ощущать себя национальным меньшинством. Это огромная нация с великой историей и культурой. Немцы, англичане, французы, американцы – тоже большие народы – ведут себя точно так же. Изучать чужой язык им кажется ненужной блажью.

Глава 3

БЫЛИ ЛИ КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ БЕЛОРУСАМИ И РУССКИМИ

В советские времена история взаимоотношений двух народов, особенно на межгосударственном уровне, традиционно подавалась в идиллически-пасторальных тонах. Официальная трактовка этих отношений не дает даже малейшей лазейки для сомнений. Все расставлено по полочкам, на все вопросы даны ответы.

Поверхностное знание прошлого сыграло злую шутку с окружением российского президента Бориса Ельцина, когда после подписания соглашения между странами Содружества о возвращении культурных ценностей белорусская делегация получила в подарок старинную картину с эпизодом боя под Оршей 8 сентября 1514 года. Дарившие простодушно полагали, что если на полотне изображено русское воинство, бьющееся с иноземцами, и дело происходило под Оршей, то белорусы наверняка воевали на стороне русских. Увы, белорусские земли тогда входили в состав Литовского княжества, и белорусские боевые дружины 8 сентября 1514 года сильно «накостыляли» москалям, одержав над ними победу. Московский князь Шуйский получил сильнейшую «конфузию» и вынужден был отдать приказ о ретиреде.

Казус с передачей картины немало позабавил знатоков истории. Сей случай даже выплеснулся на страницы прессы, в том числе и российской. Можно себе представить, с каким удовольствием злорадствовали по

этому поводу близкие к Белорусскому народному фронту периодические издания.

Впрочем, в подобные ловушки и по сей день попадают многие государственные мужи новой России, имеющие весьма смутное представление об истории взаимоотношений белорусского и русского народов. Ее трактовка в школах и вузах напоминала езду в трамвае – все по одному и тому же маршруту, проложенному казенной учебной программой и скучным донельзя учебником, этими двумя рельсами учебного процесса. Каждая формулировка получила высочайшее одобрение, спорные эпизоды были выпрямлены и упрощены, в оборот запущены идеологически выверенные толкования. Сверхзадача – убедить, что между русскими и белорусами никогда не было ни разногласий, ни трений, не говоря уже о военных столкновениях.

В этом убеждено абсолютное большинство нынешнего поколения. Попробуйте сказать что-то противоположное – никто не поверит. Сразу обвинят в антипатриотизме, отсутствии любви к Родине.

А что такое патриотизм, любовь к отчизне? Заверения в глубоких чувствах? Торжественные клятвы? Вслух провозглашенные новобранцем с листа слова военной присяги? А может, есть патриотизм, так сказать, фразеологический? Воплощенный в неисчислимых школьных сочинениях, газетных публикациях? Или сентиментальный? Сейчас в чиновничье-бюрократической среде признаком демократической приверженности является провозглашение третьего тоста: «За Россию!» Слащаво-приторные призывы за возрождение России звучат на всех углах.

Кто большой патриот: сатирик Гоголь, который беспощадно выкорчевывал пороки российского крепостничества и изобличал закостеневшие нравы,

или сотни тысяч его добропорядочных современников, млевших от радостного осознания чистоты своих верноподданнических чувств к вере, царю и отечеству? Мудр академик Д. Лихачев: если родители замечают в своих детях не только хорошее, то делают это исключительно ради того, чтобы дети стали лучше.

В 1987 году, когда власти Ленинграда, вопреки своим обещаниям, ночью все же разрушили гостиницу «Англетер», в которой когда-то покончил с собой Сергей Есенин, тысячи молодых горожан высыпали на улицы с протестом. «Нам не нужна копия Родины, нам нужна сама Родина!» – такие плакаты несли на Исаакиевской площади. Это был ответ тем, кто пытался успокоить молодежь обещаниями, что фасад гостиницы будет восстановлен таким же, каким он был.

«Нам не нужна копия Родины, нам нужна сама Родина!» Вдумайтесь в эти слова. По аналогии можно воскликнуть: нам не нужны версии истории, выгодные власть предержащим, нам нужна подлинная история. Но есть ли историки в России? А в Белоруссии? В других странах Содружества, входивших в СССР в качестве союзных республик?

Наверное, пока еще нет. В советское время функции историков выполняли партийные чиновники. Они излагали прошлое, выполняя социальный заказ режима. Излагали, как правило, одномерно, оценивая прошлое с точки зрения идеологических догм своего времени. Исторические деятели представляли иконоподобно, без свойственных каждому человеку колебаний, слабостей. Забывалась прописная истина: нынешнее – это последний день прошлого. Стремясь в будущее, мы сами становимся прошлым. Уроком для своих наследников.

Главный урок такой: нет ни одного учебника, который отвечал бы требованиям сегодняшнего дня, излагал бы события прошлого с точки зрения разных

исторических школ. Преподавание истории как в Белоруссии, так и в России – настоящая проблема. Прошлое, в том числе и взаимоотношения двух народов – русского и белорусского – было не таким идиллическим, как излагалось в старых учебниках, и потому активно пересматривается в Варшаве, Вильнюсе и вот теперь под влиянием новейших исследований и в Минске. Все больше публикаций, научных семинаров и симпозиумов, где отношения Москвы и Минска предстают не такими уж ровными и гладкими, и даже известные хрестоматийные события подаются в нетрадиционном ключе. При этом ссылаются на замалчиваемые при коммунистах древние книги и архивные документы, недоступные в прошлом для исследователей.

Официальная точка зрения на истоки белорусского этноса не претерпела пока существенных изменений. В учебных программах средней и высшей школы республики неизменным остается тезис о том, что предками белорусов были восточнославянские племена кривичей, дреговичей и радимичей. В первой половине IX века на землях дреговичей и полочан возникли Туровское и Полоцкое княжества. Это были первые государственные образования на нынешней территории Белоруссии. Не отрицается общеизвестный научный факт и относительно того, что оба княжества входили в состав Киевской Руси.

Дискуссии ведутся вокруг того, каким образом Туров и Полоцк были включены в могущественное феодальное государство с центром в Киеве. Добровольно или принудительно? Путем установления родственных связей между князьями или с помощью огня и меча? Говоря об обоих вариантах вхождения в Киевскую Русь, молодые белорусские исследователи тем не менее осуждают второй путь: в те дикие времена князь шел на князя, даже близкие

родственники враждовали между собой, и вообще нравы были весьма жестокими. Хотя в ином споре нет-нет да и бросят камешек в огород соседа: мол, Туров и особенно Полоцк были богатыми городами, занимали выгодное положение на торговых путях из варяг в греки, вот и разгорелись аппетиты у старшего брата.

Но это, походя, как бы в шутку. В учебниках по-прежнему сохраняется тезис о том, что белорусы, украинцы и русские в IX – XI веках составляли единую древнерусскую народность с общим языком, культурой и обычаями. Общим наследием трех братских народов называются выдающиеся памятники культуры и истории Киевской Руси – поэмы «Слово о полку Игореве» и «Повесть временных лет».

Учебники сохраняют прежние формулировки причин распада Киевской Руси на отдельные княжества. В традиционном ключе излагается борьба с монголо-татарским нашествием, немецкими и шведскими завоевателями, в результате чего обособленные княжества ослабли, чем не преминули воспользоваться литовские князья, которые в XIII – XIV веках подчинили себе западные земли Древней Руси, образовав Великое княжество Литовское.

В научных же кругах и народофронтальной прессе сначала робко, а затем все смелее зазвучали голоса, отрицающие историческую близость русского, украинского и белорусского народов. Пока эта тема не выходит за рамки узких научных дискуссий, она не имеет широкого размаха и, похоже, большого числа сторонников. Публикации проходят в малотиражных изданиях на белорусском языке и массовой аудитории не имеют.

Утверждается, например, что древнерусского народа вообще не было. Его придумали российские историки. К терминам «древнерусский народ», «единый русский народ» они обращались, когда возникала

необходимость оправдать имперскую политику Москвы. В прошлые века, оправдывая экспансию и господство над белорусами и украинцами, эти историки истово пропагандировали концепцию существования «трех племен единого русского народа – великоросов, малоросов и белорусов».

В советский период, когда белорусский и украинский народы юридически получили свою государственность, эта концепция была приспособлена к новым условиям. Она трансформировалась в тезис о существовании «древнерусской народности как колыбели трех братских народов», которые вскоре должны были, согласно коммунистической доктрине, слиться в «новую общность», что по сути означало ассимиляцию.

А что же было на самом деле?

По мнению современного белорусского историка Сергея Тарасова (сборник «100 вопросов и ответов из истории Белоруссии», Минск, 1993 год, издание газеты «Звезда», в 1917-1991 годах являвшейся органом ЦК Компартии Белоруссии), когда-то, с VII – VI столетий до рождения Христова, земли Восточной Европы были заселены разными народами: на территории современной Белоруссии проживали балты, Украины – скифо-сарматы, России (от Каспия по Волге до Карелии) – угро-финны.

В VII – VI веках до рождения Христова на эти пространства со своей прародины в Висло-Одерском междуречье и западном Белорусском Полесье пришли славяне. Результатом их смешения с местным населением стало зарождение новых народов – белорусов, украинцев, русских. В зависимости от того, с кем сливались славяне, формировались и новые языки, традиции, менталитет.

Сергей Тарасов считает, что на этнической территории Белоруссии расселилось несколько

славянских племен: кривичи (Витебская, Смоленская, Виленская, частично Невельская области), дреговичи (центральная Белоруссия и северное Полесье), родимичи (Могилевская, Гомельская, западная часть Брянской области). Объединившись, кривичи и дреговичи в X веке создали могучую державу – Полоцкое княжество, ставшее ядром белорусской нации.

Следовательно, исходя из этой логики, то, что некоторыми называется «древнерусское государство», строго говоря, никогда не существовало. Многочисленные попытки князя Владимира в конце X века оружием объединить все восточнославянские земли в конце концов потерпели неудачу. Полоцкая земля в острой борьбе отстаивала свою независимость.

По мнению специалистов из Академии наук Белоруссии, ничего нового в этой версии нет. Белорусы, помнящие немецко-фашистскую оккупацию, знают, что оккупационная пресса в 1941-1944 годах тоже много писала о так называемой «кривской» теории одного из деятелей Белорусской Народной Республики двадцатых годов В. Ластовского, согласно которой между белорусами и русскими нет этнического родства. Белорусы по антропологическому типу относятся к арийцам – западноевропейцам, утверждал В. Ластовский, а русские, в особенности великоросы, являются ассимилированными монголами.

Эта теория имела широкое хождение в 1918 году. Пресса Рады Белорусской Народной Республики (БНР), а это 14 газет, развернула тогда массивную кампанию по обработке общественного мнения белорусов, трубя о том, что их истоки вовсе не в древнерусских племенах, а в западных арийцах. В период оккупации 1941-1944 годов эта теория была эксгумирована и вновь запущена и оборот, ставя целью вбить клин между белорусским и русским народами.

Нынешние молодые сторонники арийского происхождения приводят в ее пользу потрясающий аргумент: по плану освоения новых территорий на востоке, разработанному Гитлером и его окружением, белорусы не подлежали истреблению, как другие «неполноценные» народы. Белорусы вполне подходили для дальнейшего существования на своей земле, правда, после онемечивания.

В 1993 году академическое издательство «Навука і тэхніка» («Наука и техника») выпустило подготовленную Обществом белорусского языка имени Франтишека Скорины книгу Я. Найдюка и И. Косяка «Белоруссия вчера и сегодня. Популярный очерк из истории Белоруссии».

Из предисловия узнаем, что в годы оккупации Белоруссии немцами эта книжица пользовалась статусом школьного учебника для детей белорусов. Толкование происхождения белорусского народа здесь прелюбопытнейшее. Цитирую: «Откуда взялись люди на белорусских землях – наука не дает нам ответа. Судя однако по расовому происхождению жителей, можно сделать некоторые выводы. Жителями белорусских земель в абсолютном большинстве являются белорусы, относящиеся к семье народов славянских, арийского происхождения. Родиной арийцев одни ученые считают современную Персию за Каспийским морем в южной Азии, которая якобы вообще была местом появления первого человека, а некоторые ученые утверждают, что родиной арийцев была Германия. Немецкий же ученый Поше утверждает, что родиной арийцев была Белоруссия, главным образом Минщина и Пинщина. Если так было, как говорит Поше, то можно полагать, что арийская раса возникла из тех народов, которые жили в нашем краю и в соседних в эпоху неолита... Необходимо знать, что название «арийцы» происходит от санскритского слова «агуа», что обозначает

господин, властитель. В противоположность арийцам, народы других рас называются в Индии «даса» (невольники, подданные), или «апагуа» – не арийцы, не властелины...»

Многое в истории никогда не перестанет интересоваться нас. Исследователи разных времен пытались объяснить происхождение термина «Белая Русь». Но достоверных ответов, с которыми бы все согласились, нет. Не появились новые версии и в посткоммунистическое время. Историки новой волны – и те, кто откровенно ориентируется на Запад, и те, кто называет себя независимыми, – не опровергают пока результатов старой школы исследователей, согласно которым название «Белая Русь» применительно к нынешней территории республики сложилось лишь в прошлом веке. Не подвергаются пересмотру и хрестоматийные положения белорусской исторической науки о том, что первоначально, в XI – XII веках, «Белой Русью» называли только Суздальские земли, затем название распространилось на Московскую Русь, а позже – в XIV- XVI веках – сдвинулось к западу – Смоленску, Полоцку и Витебску, где и закрепилось.

Тайна названия страны, безусловно, не оставляет белорусов равнодушными. Обретение независимости в значительной мере способствовало подъему национального самосознания, пробуждению интереса к своей древней и современной истории. Из многочисленных дискуссий, проведенных прессой республики с участием историков, этнографов, филологов, краеведов, рядовых граждан, вырисовывается несколько версий. В обобщенном виде их можно сформулировать следующим образом.

Одежная. Согласно этой версии, Белоруссия получила свое название от цвета белой, полотняной одежды, которую носило население. Исстари здесь выращивают лен. Термин «Белая Русь» связывают

также с цветом волос белорусов. Они тоже льняные, светлые.

«Чистая». То есть незанятая, свободная, независимая. Название возникло потому, что сюда не докатились монголо-татарские орды. Да и Литва еще не успела покорить эти земли.

Религиозная. В основу этой версии легло предположение о том, что Белая Русь обозначала земли с христианами «греческой веры» в отличие от Черной Руси, где держалось «поганство» (язычество).

Версии, обсуждаемые молодыми исследователями, не входят в противоречие со взглядами, выдвигавшимися учеными коммунистической эпохи. И те осторожничали в объяснении происхождения названия Белоруссии, не отдавая предпочтения ни одной из гипотез. Новые историки, кажется, больше склоняются в пользу разницы религиозного состояния населения, имея в виду, что христианизация людей здесь началась одновременно с крещением киевлян, и к XII веку православие имело в Белой Руси почти двухвековую историю.

В государственных учебных программах остался без изменения тезис, согласно которому Белоруссия, становившаяся объектом нападения и оккупации со стороны различных завоевателей, с помощью своих русских братьев в конце концов избавлялась от иностранного господства. А когда требовалось, белорусский народ приходил на помощь соседям.

В качестве примеров приводятся битвы на Калке, в Диком поле на Синей Воде и, конечно, знаменитое сражение на Куликовом поле.

В 1223 году на реке Калке сошлись на свой первый крупный бой русские и татары. Русские дружины выступали в этой битве в союзе с половцами. Как известно, сражение закончилось неудачно для объединенных сил русских княжеств, которые

потерпели полный разгром. Поражение на Калке послужило прологом к нашествию Батыя на Русь.

В исторической литературе, вышедшей в Белоруссии и касавшейся этого периода, всегда подчеркивался факт: в трагической битве на Калке участвовали и белорусские отряды. В древних летописях среди погибших на Калке князей упоминается имя несвижского (Несвиж – ныне районный центр в Минской области) князя Юрия. И хотя хроники не сохранили имен других белорусских князей, исследователи полагают, что Юрий был не единственным среди погибших.

Участие белорусских отрядов в битве на Калке приводилось в качестве примера, подтверждавшего давность и прочность родственных уз, связывавших два братских народа. Ревизии этого положения в серьезной научной литературе, а также в школьных и вузовских учебниках по истории Белоруссии пока нет, но в периодике нет-нет да и промелькнет сенсационный «особый взгляд», отличающийся нетрадиционной оценкой давнишнего исторического события. Русские князья, мол, сами спровоцировали татар, а поражение – неизбежная расплата за коварство и вероломство. В более привлекательном свете предстают противники русских дружин – татары. Они ведь имели формальное право предать мечу и огню все белорусские земли в отместку за участие в битве на Калке на стороне русских. Батый сжег почти все русские земли, разрушил Киев, утопил в крови галицкие и волынские княжества, опустошил Венгрию, Малопольшу и Силезию, но на белорусские земли не пошел.

А момент, между прочим, был удобный. В тяжкий год, когда под топотом копыт татарских полчищ стонала русская земля, на западе ливонские меченосцы объединились с прусскими крестоносцами и образовали Тевтонский орден, который не скрывал своих

притязаний на литовские, а потом польские и белорусские земли. Белорусские отряды не могли бы противостоять сразу двум врагам одновременно.

Однако Батый не двинул свои орды на белорусские земли. Какое благородство, в отличие от коварных русских, которые заманили простодушного несвижского князя Юрия, ставшего невинной жертвой плетущих хитроумные интриги соседей! Выходит, и поворот Батыея с древнего селигерского пути, по которому татарские полчища двигались к Великому Новгороду, тоже проявление благородства хана, а не результат непогоды, закрывшей дороги? Официальная точка зрения относительно того, почему Батый не пошел на белорусские земли, разделялась большинством ученых. Она объяснялась непроходимостью белорусских лесов и болот для татарской конницы, привыкшей к степным просторам.

Белоруссия никогда не подчинялась Золотой Орде, никогда не знала азиатской неволи. Термины «монголо-татарское нашествие», «монголо-татарское иго», «домонгольский период» к Белоруссии не имеют никакого отношения. Здесь, в отличие от русских земель, которые 240 лет входили в состав Золотой Орды, естественный процесс исторического развития не нарушался, благодаря чему еще столетиями жило вече – институт средневековой демократии, в то время как в Московском государстве господствовала азиатская деспотия.

По-новому, хотя и робко, трактуется разгром татар на Синеи Воде в 1362 году. До недавнего времени незыблемым был постулат о том, что белорусы, литовцы и украинцы оказали братскую помощь томящемуся под монголо-татарским игом русскому народу. Победа на Синеи Воде отняла у татар Подолье, считавшееся житницей восточно-славянского юга.

Отняла – в чью пользу? Над этим вопросом почему-то раньше не задумывались. Раз братки-белорусы оказали братскую помощь, значит, она пошла во благо русским.

Но ведь русские земли тогда были завоеваны Ордой. И русские отряды входили в состав татарских, говоря современным языком, вооруженных сил. Следовательно, в Диком поле на Синеи Воде белорусы заодно с литовцами и украинцами колошматили русских братьев?

Этот факт белорусская советская историография старательно замалчивала. И вот сейчас он является козырем в руках тех, кто доказывает, будто в белорусско-русских отношениях не все шло гладко. Да, славянская житница Подолье была отнята у татар. У татар или у русских? И второй вопрос: отнята-то отнята, а к кому присоединена? К кому шло присоединение русских княжеств: Киевского, отбитого в 1365 году, Мстиславского, Торопецкого, Брянского, Трубчевского, Новгород-Северского, Путивльского и прочая, и прочая?

Отбитые русские земли присоединило к себе Великое княжество Литовское, кровно заинтересованное в разгроме Москвы или хотя бы в ее военном ослаблении. Когда Великое княжество Литовское нацелилось на Смоленск, стало ясно: Литва и Москва неминуемо двигались к столкновению. К 1380 году – году Куликовской битвы – враждебность сторон уже имела достаточную историю. Белорусские советские историки не любили вспоминать о том, что в 1368 и 1370 годах вооруженные отряды Великого княжества Литовского провели успешные походы на Московское княжество, дважды разрушали его столицу и осаждали Кремль. А Великое княжество Литовское было, как подчеркивают нынешние исследователи, государством белорусско-литовским.

Многие историки, и не только прозападной ориентации, считают это время золотым веком белорусской нации. Почти два столетия – XIII и XIV – в развитии Великого княжества Литовского преобладало белорусское начало. Государственным языком этой державы был белорусский – русский, как его тогда называли. Русское население, в свою очередь, величало всех выходцев из Великого княжества Литовского литвинами – независимо от того, был ли это белорус, украинец или жмудин. Литвином, например, в Москве называли знаменитого белорусского просветителя, гравера-печатника Петра Мстиславца, который переехал в Русское государство. Литовским войском, а то и литвой называли на Руси вооруженные силы Великого княжества. Впрочем, для белорусов все русские из Московской Руси были «московитами», «москалями».

Белорусский язык был не только языком великокняжеского двора и канцелярии, но и языком всей феодальной знати. На белорусском языке были составлены и изданы главные государственные документы, своды законов: Вислицкий статут 1423-1438 годов, Судебник Казимира Ягайловича 1468 года, Статуты 1529, 1566 и 1588 годов, Трибунал 1586 года. Лишь с конца XVII века белорусский язык постепенно стал вытесняться из официального делопроизводства. И сменился белорусский язык не литовским, а польским.

Кстати, Статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566 и особенно 1588 годов – это, по сути, первая белорусская Конституция. В Статутах предусматривалась уголовная ответственность шляхтича за убийство простого человека, провозглашалась идея веротерпимости, запрещалась передача свободного человека за долги или преступления в неволю, ограничивалось наказание несовершеннолетних (до 16 лет). Статут 1588 года

переводился на другие европейские языки. В нем впервые провозглашалось верховенство права.

Образование Великого княжества Литовского связывают с именем Миндовга, который был первым объединителем белорусских и некоторых литовских земель в единое государство. Князь Миндовг для Белоруссии и Литвы по значимости примерно то же, что князь Александр Невский для России. Героический склад личности Миндовга, его крупный государственный ум и громкие дела стали темой художественно-исторических изысканий молодых белорусских писателей, создавших за годы горбачевской перестройки и последовавшей затем суверенности Белоруссии горы литературы об этом легендарном человеке, чья активная политическая и военная деятельность продолжалась почти полвека. Поскольку достоверных сведений о нем сохранилось мало, то все авторы изображают его «облитовившимся» белорусом из династии полоцких князей. Кто он был на самом деле, откуда пришел в белорусский город Новогрудок и в каком качестве, почему сделал Новогрудок столицей новообразованного государства, неизвестно. Тем не менее интерес к личности Миндовга, происхождение и насильственная смерть которого теряются в глубине веков и до сих пор не раскрыты ни литовскими, ни иными европейскими учеными, в центре внимания белорусских писателей, поэтов, драматургов, художников, особенно выходцев из западных областей республики, где проживает много католического населения. Такая завидная приверженность своему герою отчасти объясняется и тем, что Миндовг, будучи православным, переменял веру и принял католичество.

В состав Великого княжества Литовского входили огромные территории Восточной Европы. Это была настоящая империя, границы которой простирались от Балтийского до Черного моря. Под протекторатом

княжества находились Новгород Великий, Псков и Рязань. Оно претендовало на лидерство в славянском мире. Белорусские земли составляли основу его экономического и военного могущества.

Эпоха Миндовга привлекает художественную интеллигенцию потому, что при нем была разработана первая государственная символика белорусов – герб «Погоня», представляющая всадника с поднятым мечом. В основу герба Миндовг положил глубоко народный символ «Погоня», который в широком смысле обозначал всеобщее ополчение, призыв на войну или набег. В годы советской власти этот символ в Белоруссии был запрещен, он отождествлялся с националистическими силами, ориентирующимися на Запад и враждебно относящимися к Москве. Уместно будет сказать, что немцы в годы оккупации Белоруссии разрешили возродить этот герб, и он появился на флагах фашистских пособников. Реанимация «Погони» в последние годы существования БССР была чревата крупными общественно-политическими потрясениями, конфликтами между руководством правившей компартии и нарождавшейся оппозицией.

Обращает на себя внимание – нет, не переоценка роли Куликовской битвы, которая предрешила конец монголо-татарского гнета на русских землях и послужила началом становления сильной Московской державы, а как бы это правильнее сказать... дополнительная информация к размышлению. До переоценки, судя по всему, дело еще не дошло, а вот новых сведений сообщается довольно много. Какой характер они имеют и на что направлены, можно легко догадаться. Впрочем, рубрики публикаций вполне безобидные: «Без белых пятен истории», «Начистоту о прошлом» и т. д.

Итак, 8 сентября 1380 года. Куликово поле. В жестокой сече сошлись две стены – русские воины под

началом московского князя Дмитрия Донского и ордынцы хана Мамаю. Победил Дмитрий Донской, введя в критический момент боя засадный полк, укрытый в зеленой дубраве.

Ба, да неужто Мамай, опытнейший полководец, не проигравший дотолу ни одного сражения, позволил так легко обойти себя? Неужели он потерял всю свою осторожность, весь свой боевой опыт, что не удосужился иметь в резерве некую боевую единицу, и, словно неопытный мальчишка, двинул в сечу все свое наличное войско? Так ли уж ему не было чего противопоставить внезапно появившемуся засадному полку Дмитрия Донского?

Оказывается, в резерве у Мамаю было 8-тысячное войско - на всякий непредвиденный случай. Но в критический момент боя его не оказалось в нужном месте. Резервное войско Мамаю находилось в 20 верстах от Куликова поля. Это войско было белорусско-литовское.

Ты уже озадачен, читатель? Как, разве возможно такое - белорусы, братья русских по крови и вере, готовились сражаться против своих? Это ложь, клевета, фальсификация истории.

Наоборот, в недавних исследованиях и даже в школьных учебниках подчеркивалось: на Куликовом поле бок о бок с русскими рубились белорусы. В передовом полку храбро сражалась белорусская дружина Глеба Друцкого (Друцк - старинный белорусский город, сохранился по сей день), полк правой руки возглавлял полоцкий князь Андрей. Полочане дрались храбро, отчаянно.

Откуда же взялся миф о 8-тысячном белорусско-литовском войске, которое выступило на стороне Мамаю и которое хан держал в резерве для решающего момента боя? Увы, это не миф.

Такое войско численностью 7-8 тысяч человек действительно было. В белорусской советской историографии оно называлось нейтрально – войско Ягайло. Ягайло с 1377 года сидел на виленском троне Великого княжества Литовского, которое к тому времени разделилось на две половины: Виленскую и Трокскую. Приняв великокняжеский венец, Ягайло возглавил Виленскую половину и продолжил политику военного давления на Москву. Как отмечалось выше, отец Ягайло, Ольгерд, в 1368 и 1370 годах провел успешные походы на Московское княжество, разрушил столицу, брал в кольцо Кремль, каменные стены которого, однако, выдержали осаду.

«Войско Ягайло» – такая формулировка устраивала всех. И против исторической правды не грешили, и невыгодную ситуацию своим именем не называли. Детализацию могли бы расценить как проявление национализма и недружественный акт по отношению к Москве. Стыдливое умолчание этого инцидента белорусскими советскими историками вплоть до восьмидесятых годов, придирчивое просеивание прошлого сквозь густое сито тогдашних идеологических установок, безжалостное вымарывание цензурой всего, что хоть в какой-то мере могло повредить создаваемому представлению о белорусско-русских отношениях, используется в своих целях современными национал-радикалами. Известные в общем-то факты выдаются за откровения, за новое слово в исторической науке. Таковы, к сожалению, плоды излишней осмотрительности и боязни касаться сложных и противоречивых проблем прошлого.

Настроенный враждебно по отношению к Москве, Ягайло принял предложение Мамай стать его союзником. И двинул свое войско к Куликову полю. Расположись хоругви Ягайло напротив русского засадного полка, и еще неизвестно, с каким

результатом закончилась бы Куликовская битва. Засадный полк – главная козырная карта Дмитрия Донского – был бы скован белорусско-литовскими конными отрядами и не появился бы внезапно в решающий момент на решающем участке боя. Но войско, которое вел сам Ягайло, не пришло вовремя к месту, где его ждал терпящий поражение Мамай.

В немногочисленных научных работах советского периода – в основном, аспирантских – делались попытки объяснить факт неучастия войск Ягайло в Куликовской битве на стороне татар исключительно единственной причиной – религиозной. Белорусы, составлявшие большинство в хоругвях Ягайло, были православными и не желали рубиться с единоверцами. Великий князь, чувствуя эти настроения, опасался, что насильно приведенные им отряды могут разбежаться или перейти на сторону Дмитрия Донского. Потому, мол, и не торопился к месту сечи, выжидал.

Один и тот же исторический факт можно трактовать по-разному. Чудом пробивавшие цензурные преграды и упрямое нежелание научных институтов углубляться в детализацию событий пятивековой давности (основное внимание историков было сосредоточено на изучении современности и особенно деятельности Компартии Белоруссии), некоторые исследователи в неиздаваемых диссертациях обосновывали нежелание белорусов участвовать в битве против русских крайне медленным продвижением к месту боя. Нынешние беллетристы и публицисты утверждают: Ягайло не хватило одного перехода, чтобы соединиться с Мамаем. Войска находились в пути десять дней, до соединения с татарами оставалось 20 верст, и Ягайло решил дать своим хоругвям передохнуть, чтобы изумить хана свежим и бодрым видом своего воинства. Пока войско Ягайло отдыхало, в двадцати верстах разгорелся бой.

Странный поступок, что ни говорите. Почему все-таки опоздал Ягайло, никто не знает. Высказывают одни предположения – в зависимости от политических и этнических пристрастий.

Но семя сомнений посеяно. В тончайших научных нюансах широкая публика не очень разбирается, из ведущихся дискуссий ей запомнилось лишь, что Белоруссия не всегда была на стороне России, что даже о Куликовом поле говорили не всю правду. Впрочем, что такое Куликово поле? Это факт российской истории. У белорусов есть свое «Куликово поле», которое «коммуняки» всячески замалчивали, роль которого принижали и умаляли. Мол, Москва, управляя Белоруссией, предписывала ее поэтам и ученым восхищаться только фактами российской истории.

Такого количества романов, поэм, спектаклей, произведений живописи, которое появилось в Белоруссии о Грюнвальде, не было, наверное, во всем мире с 1410 года, когда белорусы, литовцы и поляки совместными усилиями разгромили рыцарей Тевтонского ордена. Белоруссия и Литва еще при Миндовге испытывали давление ордена. Необходимость противостояния ему привела в 1325 году Великое княжество Литовское к союзу с Польшей. За 1345-1377 годы, например, Белоруссии и Литве пришлось отбивать сто немецких походов и сорок два раза объявлять Погоню – для ответных походов на крестоносцев.

Великая война с «крыжаками» («крестоносцами») закончилась их полным разгромом в битве под деревней Грюнвальд 15 июля 1410 года. В сражении участвовали хоругви со всех белорусских земель и княжеств. Не было в Белоруссии ни одной деревни, ни одного города, которые не выставили бы воинов для этой судьбоносной битвы. Не много было подобных побед в истории человечества, подчеркивают ее нынешние знатоки. После нее в течение пяти столетий,

вплоть до 1914 года, на земли Белоруссии и Литвы не ступала нога вооруженного немца. Но в 1914 году Белоруссия входила в состав Российской империи и не имела былой самостоятельности.

В Европе Грюнвальдская битва имеет богатую историографию. Грюнвальд вывел Великое княжество Литовское и Польшу в число могущественных государств, с которыми считался весь мир. Как бы наверстывая упущенное, обращаются к давно минувшим дням ратной славы предков нынешние белорусские историки и этнографы, писатели и кинорежиссеры. Интерес в исследовании своего прошлого заметно качнулся от фактов российской истории к фактам западной, куда Белоруссия была интегрирована вплоть до конца XVIII века.

Кстати, это обстоятельство – более чем пятивековое пребывание Белоруссии в западном мире – ныне как-то не учитывается в Москве. Полагают, что Белоруссия всегда была в составе России. Однако это не так. Российский период ее истории чуть больше двух веков. Наверное, все же были перекосы в исследовании прошлого белорусов: Москва советская, да и царская, весьма подозрительно относилась к попыткам обращения к западному периоду жизни белорусов, решительно пресекала научные и художественно-публицистические изыскания в этой области.

Но ведь пять веков жизни большого народа просто так не вычеркнешь. Не думаю, что весь чиновничье-бюрократический аппарат центральных советских органов знал об этих пяти веках. Скорее всего, срабатывал стереотип – противодействовать увлечению Западом. Да и русские переселенцы, слабо знающие историю Белоруссии, настораживались, когда сталкивались с проявлениями нездорового, на их взгляд, интереса коренного населения к своему дороссийскому прошлому, создавая соответствующее

мнение в Москве о националистических тенденциях в республике.

От фактов, известных всему миру, никуда не уйдешь. Можно, конечно, их замалчивать, но от этого они не перестанут быть фактами. Более того, будут еще более притягательными – запретный плод сладок.

Во все годы существования Советской Белоруссии было строго-настрого запрещено упоминать о военном столкновении белорусов с русскими под Оршей, которое случилось 8 сентября 1514 года. Этот факт не нашел отражения даже в художественно-исторической литературе, несмотря на то что о нем весьма подробно рассказано в «Истории России с древнейших времен» С. Соловьева. Тогдашним идеологам Белоруссии было, наверное, спокойно жить: запретили и делу конец. Никаких проблем. Но ведь не додумались же в суверенном Татарстане запретить Пушкина. Помните: «Иль башку с широких плеч у татарина отсечь». Или, скажем, русские народные былины, где образы татар даны не в самом приятном для них свете? История есть история, она бывает только такой, какой была.

Не было, пожалуй, в 1994 году в Белоруссии даже маленькой районной газеты, которая бы не поместила сообщение о том, что Белорусский народный фронт и находившееся под его опекой Белорусское объединение войсковцев объявили 8 сентября «днем белорусской военной славы». Дата, приуроченная ко дню победы белорусов над «москалями» под Оршей в 1514 году. Малозначительный эпизод междоусобной борьбы почти пятисотлетней давности вдруг приобрел огромную популярность и начал восприниматься с помощью прессы как выдающееся событие в истории борьбы белорусского народа за свою независимость. Обозначили бы его в свое время в учебниках, никто бы в 1994 году особого внимания не обратил.

Посольство Российской Федерации в Белоруссии считало «день белорусской военной славы» политическим фарсом, а посол И. Сапрыкин, выступая по российскому телевидению в программе «Как жить дальше», заявил, что использование этого малозначительного эпизода нагнетает среди белорусской общественности антирусские и антироссийские настроения. Впервые этот день отмечали 8 сентября 1992 года, а на следующий год белорусское правительство выступило с заявлением, в котором осуждалось это мероприятие. Минский горисполком запретил политическую манифестацию, назначенную на 8 сентября 1993 года. Правда, против проведения «культурного» мероприятия в связи с этой датой не возражал.

Что же произошло 8 сентября 1514 года? Московский великий князь Василий пошел войной на литовские земли, в состав которых тогда входили и белорусские. Московское и белорусско-литовское войско встретились под Оршей. По описанию С. Соловьева, который опирался на иностранные источники, у московских воевод было 80 тысяч воинов, у князя Константина Острожского, предводителя белорусов – не более 30 тысяч. Московские воеводы перешли на левый берег Днепра у Орши и здесь решили дожидаться неприятеля, не препятствуя ему переправляться через реку. Первыми нападение начали русские. Бой проходил с переменным успехом, пока войско Острожского не применило хитрость, намеренно обратившись в бегство. Москвитяне бросились преследовать отступавших и попали под огонь пушек, искусно спрятанных Острожским. Страшный залп смял преследовавших. Разгром москвитян был полный: в плен попали все 8 воевод, река Кропивна между Оршей и Дубровно запрудилась телами русских, которые в бегстве бросались в воду с крутых берегов. Потери

москвитян оценивались в 30 тысяч человек только убитыми.

По московским источникам, причиной разгрома была несогласованность между русскими воеводами. «Острожский сначала занимал Челяднина мирными предложениями, – пишет С. Соловьев, – а потом внезапно напал на его войско; первый вступил в битву князь Михайло Голица, а Челяднин из зависти не помог ему; потом литовцы напали на самого Челяднина, и тогда Голица не помог ему; наконец, неприятель напал в третий раз на Голицу, и Челяднин опять выдал последнего, побежал и тем решил судьбу битвы; но московские источники согласны с литовскими относительно страшных последствий Оршинского поражения».

Разбив москвитян, белорусское войско освободило захваченные ими древнейшие белорусские города Мстиславль и Кричев, входящие ныне в Могилевскую область. Прочитав такое, не один белорус схватится, наверное, за голову: все переворачивается вверх дном, в школе ведь учили совсем иному. Там утверждали, что белорусский народ постоянно стремился к воссоединению с братскими русским и украинским народами, а что касается трудового люда, то крестьяне и городская беднота Белоруссии проявляли классово-интернациональную солидарность с эксплуатируемыми массами России и Украины. Теперь вот получается, что не польско-литовские магнаты дрались с русскими князьями под Оршей, посылая в кровавую сечу обманутых крестьян и ремесленников, а в огне и рубке зарождалась белорусская воинская слава, принесшая «победу над москалями» – желанную и долгожданную, плодами которой борющийся за свою независимость белорусский народ пользовался вплоть до конца XVIII века.

Белорусские историки новой волны пишут, что русского царя Ивана Грозного в Белоруссии называли Ужасным. За что? Он, оказывается, захватчик и палач. Развязав войну против Великого княжества Литовского, в 1563 году захватил Полоцк, в котором чинил ужасные убийства, десятки тысяч людей выводил в неволю, рассылал по Белоруссии карательные отряды для расправы над простыми людьми. За 16 лет господства его воевод в Полоцке этот край настолько одичал и обезлюдел, что на восстановление в нем жизни пришлось завозить людей из других мест Белоруссии.

Не оценили москвитяне и белорусов Петра Мстиславца и Ивана Федорова, которые основали в Москве книгопечатание. В 1564 году они первыми напечатали «Апостол», открыв таким образом новую страницу в истории московской культуры. Однако консервативное московское духовенство и неграмотное боярство враждебно встретили начинания белорусских просветителей, обвинили их в распространении ереси. В 1566 году возмущенные толпы разрушили их типографию и едва не расправились с ними самими. Первопечатники покинули Москву. Петр Мстиславец уехал к белорусскому магнату Г. Ходкевичу, Иван Федоров – во Львов.

Симеону Полоцкому повезло больше. Правда, это было уже в следующем столетии. Он занял исключительное место в истории московской культуры. Известный просветитель, талантливый поэт и драматург, уникальный богослов, тонкий переводчик и педагог был воспитателем детей царя Алексея Михайловича, в том числе и знаменитого Петра I.

Каковы причины упадка Великого княжества Литовского? Согласно мнению современных историков, изложенному все в том же сборнике «100 вопросов и ответов», рекомендованном для изучения истории в учебных заведениях страны, все началось с того, что в

1654 году Московское государство, осуществляя свои давнишние планы захвата Белоруссии, начало под флагом защиты единоверцев очередную войну. За 13 лет этой страшной войны в результате боевых действий и оккупационной политики московских властей княжество было ввергнуто в катастрофическое положение.

«Пожалуй, ни один народ Европы не переживал такого демографического регресса, - сообщается в сборнике, - как белорусы: из 2,9 миллиона довоенных жителей уцелело лишь около 1 миллиона 400 тысяч. В восточных и северных уездах Белоруссии не осталось и трети населения. Хозяйство страны оказалось в ужасном положении, а для восстановления не было ни людей, ни средств. Пустыней лежала половина прежней пашни».

Превращенная в руины Белоруссия не успела восстать из пепла, как снова, в самом начале XVII века, стала местом новой войны, теперь уже России со Швецией. Северная война 1700-1721 годов унесла еще жизни около 800 тысяч белорусов.

И снова Белоруссия оказалась зернышком между жерновами. Великий князь Литовский и король польский, немец по происхождению, Август II взял сторону Петра I. Часть же белорусских магнатов во главе с Сапегами поддержала шведского короля Карла XII, помогала ему войсками и деньгами.

Петр I послал в Белоруссию 70-тысячное войско. Чтобы лишить шведов провианта и фуража, московские отряды выжигали белорусские деревни и грабили города. «Они вели себя на нашей земле не как союзники, а как настоящие захватчики», - отмечают современные молодые историки. Черные воспоминания остались от «союзников» в Могилеве, который был выжжен. По приказу Петра I казаки сожгли и Витебск. Сгорели замки, ратуша, магазины, 4 костела, 12

церквей. В Минске казаки и калмыки тоже учинили разбой, но он не остался безнаказанным: православное братство на Немиге оказало калмыкам яростное сопротивление за поруганные церковные святыни.

История вхождения белорусских земель в состав Российской империи трактуется пока в традиционном для советской историографии ключе. В учебниках сохранен термин: «воссоединение с Россией». Отмечается огромное прогрессивное значение этого события, случившегося в 1772 году, для исторических судеб белорусского народа, для развития его экономики и культуры. Подчеркивается большое влияние на духовную жизнь Белоруссии, ее интеллигенции деятельности декабристов, Пушкина, Белинского, Чернышевского и Толстого, Глинки и Чайковского, Шишкина и Репина, открытий выдающихся русских ученых.

О декабристах приводятся интереснейшие сведения. Оказывается, на формирование свободолобивых замыслов блестящих столичных офицеров, на решение свергнуть царя громадное влияние оказали впечатления, сложившиеся у них во время маневров гвардии, проходивших на белорусской земле в 1821 году, и последующей зимовки в белорусских городах и селах. Аристократы, сыновья знатнейших людей России впервые столкнулись с ужаснейшим положением крестьян. Несомненно, будущие декабристы способствовали пробуждению общественно-политической мысли в Белоруссии.

Но это в официальных учебниках, к которым в Белоруссии вернулись после того как президентом республики стал Александр Лукашенко. В оппозиционных изданиях излагается другая точка зрения. Она сводится к следующему: белорусские земли были захвачены Россией. Мол, никакого «воссоединения» Белоруссии с Россией, как это

тенденциозно утверждалось в советской исторической литературе, в действительности не было. «Был насильственный захват, в результате которого территория Белоруссии была присоединена к России и наш народ на двести лет попал в московскую неволю», – утверждает в уже упомянутом сборнике вопросов и ответов, изданных бывшей коммунистической газетой «Звезда», основанной А. Ф. Мясниковым еще в августе 1917 года.

Воссоединение Белоруссии с Российской империей произошло во времена Екатерины II в результате разделов Речи Посполитой, а также Тильзитского мира, после которого к России перешел от Пруссии Белостокский округ со значительным количеством белорусского населения. В то время в Белоруссии проживало 4 миллиона человек, что составляло девятую часть всего населения России.

Даже российские историки и публицисты XIX – XX веков вынуждены были признавать, что присоединение белорусских земель проводилось грубо, нелояльно по отношению к местному населению, без учета их традиций и обычаев, что создавало почву для недовольства, сеяло национальное недоверие между белорусами и русскими. Проводимое в XX веке Советским Союзом воссоединение Западной Белоруссии и Западной Украины, бессарабских и прибалтийских земель повторяло ошибки Екатерины II почти в пропорции один к одному, разве что с поправкой на время и идеологические установки. Увы, как ни прискорбно, но упрекать Москву – как царскую, так и советскую – в решении национального вопроса есть за что.

С момента присоединения к Российской империи белорусский язык не был признан Петербургом и, по существу, находился под запретом. Большого унижения для титульного населения этих земель нельзя было

придумать – как мы отмечали выше, белорусский язык был государственным языком могущественного Великого княжества Литовского в течение нескольких веков. И вдруг сановный Петербург отказывает ему в праве на жизнь.

Белорусскому народу, в отличие от других присоединенных к России народов, не была предоставлена государственность хотя бы в виде автономии или любого другого государственного образования в пределах компактного проживания коренного населения. Нация была расчленена по многим российским губерниям, что вызывало недовольство ее образованной части.

Изменилось, притом в худшую сторону, положение белорусского крестьянства, которое до присоединения к России не знало барщины. С ним не церемонились, а просто раздали в крепостную зависимость русским помещикам. За 1772-1780 годы крепостными стали 208 550 душ мужского пола. Считая с женами и двумя-тремя детьми, это составило более миллиона человек – четвертую часть присоединенного населения.

Как ни больно об этом упоминать, но на территории присоединенной Белоруссии были развернуты массовые репрессии. Не Сталин их придумал, депортируя огромные массы людей в Сибирь и Казахстан из вошедших в состав СССР новообразованных советских республик. Аналогичную акцию провела и просвещенная матушка-государыня, выслав на вечное поселение в чужие края тысячи белорусов. Екатерина распустила одну из сильнейших в Европе армию Великого княжества Литовского. Множество профессиональных солдат и офицеров лишились службы. Они оказались на положении нищих, поскольку никакой собственностью, кроме сабли, не владели. Их – во избежание нежелательных эксцессов – тоже депортировали из родных мест.

Россия ввела на присоединенных белорусских землях рекрутские наборы, которых здесь прежде не знали. Рекрутчина, введенная Петром I в 1699 году, устанавливала для солдат пожизненный срок службы. Лишь в 1793 году его ограничили 25 годами. К этому времени в российской армии несли службу белорусские солдаты по 20 рекрутским наборам. Рекрутчина воспринималась белорусами как похороны живьем: человек, отдаваемый в рекруты, навсегда уходил из семьи. Из всех присоединенных к России народов в рекруты брали одних белорусов. Эта повинность не распространялась ни на Латвию, ни на Эстонию, ни на Бессарабию, ни на Грузию. Не призывались в российскую армию финны, евреи, народы Севера. Статус поселенного войска придали украинцам, кабардинцам, ингушам, осетинам, лезгинам. И только одни белорусы тянули страшную рекрутскую лямку. Трудно сказать, какими мотивами руководствовался царский двор. Может, определяющую роль сыграло родство языков и вероисповедания русских и белорусов, но последним от этого легче не становилось.

Хуже стало жить всему населению присоединенных белорусских земель. Обнародованные в последнее время архивные документы нарисовали мрачную картину обнищания людей. Белорусы до воссоединения с Россией торговали со всей Европой. Большим спросом пользовались белорусское зерно, сало, пенька, лен. Россия запретила вывоз этих продуктов для продажи за границей, в связи с объявлением континентальной блокады Англии. На внутреннем рынке цены сразу же упали более чем в два раза. Торговать этими товарами и, следовательно, производить их стало невыгодно.

И уж совсем доконала местное население налоговая политика Петербурга. В отличие от самой России и других присоединенных территорий, где подати собирались в бумажных ассигнациях, для белорусских и

литовских губерний установили сбор налогов только в звонкой монете – золоте и серебре. Если рекрутскую повинность можно еще объяснить тем, что белорусы были самыми надежными для русских, то налоговая политика никаким объяснениям не поддается. Подати, которые платило в петербургскую казну население Белоруссии и Литвы, были в 4-5 раз выше, чем в центральных российских губерниях, поскольку по неофициальному курсу за 100 тогдашних рублей ассигнациями давали 22 рубля серебром. Петербург изымал у белорусов золото и серебро по цене бумажных денег.

Белорусы были лишены права занимать государственные должности. Существенным фактором русификации являлось русское войско, многочисленные гарнизоны которого постоянно размещались в белорусских городах и местечках.

Недальновидная политика царизма вызывала массовое недовольство населения. Наиболее распространенными формами крестьянских протестов были побеги, поджоги помещичьих построек, сопротивление помещикам, полиции и войскам, а также бунты и волнения, которые в 1794 году вылились в восстание под руководством Тадеуша Костюшко.

Он родился в 1746 году в семье белорусского шляхтича, фамильное поместье которого находилось в деревне Сехновичи Кобринского уезда (ныне Жабинковский район Брестской области). Окончил Варшавский кадетский корпус, затем пять лет учился в Парижской военной гимназии. В 1776 году Костюшко оставил родину и уехал в Северную Америку, где шла война за освобождение от английского владычества. За семь лет он дослужился там до генерала американской армии, был награжден самым высоким орденом.

В 1784 году Костюшко вернулся на родину, служил командиром бригады в польской армии. Второго

раздела Польши, вмешательства соседних государств в ее внутренние дела он не принял.

Белорусские губернии выступили против социального и национального гнета. Восстание приобрело угрожающий размах. Повстанцы взяли власть в Вильно, Гродно, Новогрудке, Слониме, Пинске, Кобрине, Волковыске, Лиде, Браславе. И тогда Петербург послал на усмирение регулярные войска во главе с самим А. В. Суворовым.

Костюшко был разбит, а восстание подавлено. Тяжело раненного в бою предводителя восстания Суворов взял в плен и привез в Петербург. Костюшко заключили в один из казематов Петропавловской крепости. После смерти Екатерины II новый русский царь Павел I, который все делал вопреки матери, освободил его и, щедро одарив, разрешил выехать за границу. Костюшко выбрал местом жительства Швейцарию, где и умер в 1817 году.

Екатерина II за усмирение бунта Костюшко «пожаловала в вечное и потомственное владение» Суворову Кобринскую волость с 13 279 душами крестьян. Душами считались исключительно мужские, так что «граф Рымникский, князь Италийский, принц Сардинский, генералиссимус всех сардинских армий и генералиссимус всех российских войск» получил не менее 50 тысяч белорусов в подарок за разбитый под деревней Крупчицы корпус повстанцев Сераковского.

В марте 1994 года исполнилось двести лет со дня этого восстания. Круглая дата отмечалась довольно широко – как «героическая страница» в летописи белорусского народа, поднявшегося против «иноземных оккупантов» – «российских захватчиков». Во всяком случае, такие оценки событиям 200-летней давности дал Белорусский народный фронт и созданный под его эгидой Национальный оргкомитет по празднованию юбилея.

Оргкомитет, в который вошло около 50 видных деятелей оппозиции тогдашнему белорусскому правительству, включая известного писателя Василя Быкова и представителей академической науки, призвал соотечественников «объединиться во имя великого дела возрождения», а также «почтить память борцов за свободу Белоруссии» присвоением имен участников восстания улицам и площадям городов и поселков, установлением памятных знаков, вывесок, памятников, проведением мероприятий на местах боев, на родине героев-повстанцев, проведением научных конференций.

В планах оргкомитета предусматривалось изготовление памятной медали, проведение концертов, составленных из произведений Т. Костюшко, братьев Огиньских и М. Радзивилла, а также выпуск юбилейных плакатов, открыток, буклетов, вымпелов, значков.

Белорусская, а вслед за ней и российская пресса довольно много и охотно писала об обращении оргкомитета к коллективам и организациям, носящим имя А. В. Суворова, что «дело чести» – решить вопрос об их переименовании. В Белоруссии в 35 городах и 24 поселках были улицы Суворова, не считая 23 одноименных колхозов и совхозов. Было заявлено, что существование музея А. В. Суворова в городе Кобрине (Брестская область) и суворовского училища в Минске является «глумлением над памятью народной», поскольку в этих учреждениях «прославляется освободительная роль» и «наука побеждать» А. В. Суворова.

Как пример исторического невежества, приводился случай из Великой Отечественной войны, когда сформированная из числа поляков дивизия имени Т. Костюшко после нескольких удачных операций была представлена к награждению орденом Суворова. В верхах сидели дремучие невежды, которые и слыхом не

слыхали об усмирительной акции Суворова против героя национально-освободительного движения в Польше и Белоруссии Тадеуша Костюшко. Можно себе представить реакцию дивизии на это награждение! И только в последний момент орден Суворова заменили на другой.

Возвращаясь к теме празднования 200-летия восстания Костюшко, следует отметить, что призыв к переименованию улиц, носящих имя Суворова, поддержки не нашел. Изменение названий – прерогатива местных органов власти. Они в большинстве своем и в 1994 году стояли на твердых пророссийских позициях, считая подобные призывы фальсификацией истории белорусского народа и белорусско-российских отношений.

Что касается концертов и прочих культурных мероприятий, то они состоялись во многих городах Белоруссии. Достаточно было выпущено и буклетов, плакатов, значков, а также иных сувениров с исторической символикой. На официальном правительственном уровне эта дата не отмечалась. Позиция белорусской прессы разделилась: издания, учрежденные правительством, давали в юбилейных статьях оценку восстанию как восстанию против царизма, который жестоко эксплуатировал простой люд. Оппозиционные, а также ряд независимых газет называли события 200-летней давности выступлением против русификации белорусов, за свое национальное освобождение, за самостоятельный путь развития.

Историческая наука после падения коммунистического режима стала одним из главных направлений политической борьбы в Белоруссии. Началось новое прочтение, а в ряде случаев и явный пересмотр традиционных концепций истории белорусского народа и белорусско-российских отношений.

Значительные коррективы, например, вносятся в трактовку событий, связанных с войной 1812 года. Раньше всячески подчеркивалось, что на территории Белоруссии Наполеон впервые почувствовал силу народного сопротивления. Рассказывалось о боевых действиях многочисленных партизанских отрядов, которые не давали покоя захватчикам ни днем, ни ночью, о крестьянском саботаже поставок продовольствия оккупантам. Белорусские партизаны даже заперли в Витебске 12-тысячный французский гарнизон, и Наполеон вынужден был посылать туда войска, чтобы спасти своих солдат.

Эти факты не отрицаются и сегодня, но в оборот запускаются и новые, не известные прежде массовому читателю. Публикуются архивные документы, из которых следует, что в отличие от занятых соседних русских областей в Латвии, где действовала оккупационная администрация, Белоруссия и Литва считались Наполеоном «освобожденными от русского ига». Обнародован манифест, принятый с согласия императора на третий день после вступления французов в Вильно, об образовании Комиссии временного правительства Великого княжества Литовского. Наполеон возвратил белорусам и литовцам их государственность, отнятую Петербургом 40 лет назад. Возрожденное Великое княжество Литовское объявило себя союзником Франции со всеми вытекающими отсюда обязательствами.

Союзниками Наполеона в то время были Пруссия, Австрия, Голландия, Швейцария, Польша. От них император требовал войск и поставок продовольствия. В походе на Россию больше всех послала войск Польша – 36 тысяч, меньше всех – 16 тысяч – Швейцария. Белоруссия и Литва поставили почти 25 тысяч, но в боевых действиях против российских армий участвовала едва ли четверть. Правда, один полк,

сформированный из дворянской и студенческой молодежи, которым командовал уроженец города Слонима генерал Ян Конопко, Наполеон причислил даже к своей императорской гвардии.

В том, что белорусское дворянство приветствовало Наполеона - вступало в ополчение, жертвовало драгоценности, а в церквах и костелах служило благодарственные молебны, виноват был петербургский двор. Своей неумной национальной политикой он сеял распри между русскими и белорусами, ставя последних в положение бесправных рабов. Крестьянские волнения вспыхивали одно за другим. Многие умнейшие люди того времени предлагали пути решения этого вопроса, но Петербург оставался глух и нем к вносимым проектам. За год до вторжения Наполеона белорусский магнат Михаил Огиньский предложил Александру I вариант, по которому из восьми губерний, в том числе Виленской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, восстанавливалось Великое княжество с определенной автономией от России. Великой княгиней, наместницей царя, предлагалось стать Екатерине Павловне, сестре Александра. Документ предусматривал личное освобождение крестьян. Намечалось создание 100-тысячной армии, которая входила бы в состав российской, но носила бы отличное от нее обмундирование. Однако в Петербурге на проекте поставили жирный крест.

Наполеон сыграл именно на этом: пообещал освободить крестьян и возродить белорусскую государственность. В Белоруссии знали, что французский император освободил польских крестьян от крепостничества еще в 1807 году. С приходом Наполеона в Белоруссию крестьяне начали сводить давние счеты с помещиками - разоряли усадьбы, навлекали на них толпы мародеров. Все это и назвали потом партизанской войной.

Справедливости ради следует отметить, что белорусские полки были не только в наполеоновской, но и в российской армии. Каждое историческое явление всегда сложно и противоречиво, а односторонняя его интерпретация в угоду конъюнктурным соображениям неизбежно приводит к тому, что через некоторое время замалчиваемая сторона явления все равно становится известной и сопровождается большими нравственными потрясениями.

Сколько белорусов было в русских войсках? После окончательного воссоединения Белоруссии с Россией, или окончательной аннексии Белоруссии Россией (каждый выбирает нужное), только за 1796-1799 годы в российскую армию было взято 49 тысяч белорусов, а с 1801 до 1812 года - 130 тысяч. Это кроме шляхты, которая пополняла русский офицерский корпус. Служили белорусы-рекруты в дивизиях, входивших в состав армии Барклая-де-Толли и Багратиона.

А сколько было белорусов во французской армии? Выше уже говорилось, что Наполеон создал Комиссию временного правительства Великого княжества Литовского. Она присягнула на верность императору. Это означало, что Белоруссия формально была провозглашена союзницей Франции. Предполагалось создать 100-тысячное войско, но реально успели выставить для действующей армии 5 полков пехоты и 4 уланских полка - около 24 тысяч человек. Отдельный уланский полк числом 3 тысячи сабель выставил за свой счет князь Доминик Радзивилл. Была сформирована и белорусская артиллерийская батарея, она присоединилась к корпусу Ю. Понятовского.

Стало быть, с одной стороны стреляли белорусы, одетые в мундиры русской армии, а с другой - белорусы, но только в мундирах французского императора Наполеона. И стреляли друг в друга...

Замалчиваемые исторические факты, становясь достоянием широкой общественности, воспринимаются по-разному. Одни видят в них торжество справедливости: «Надо знать всю правду! Страшно, когда от народа скрывают даже его собственную историю!» Другие пугаются: «Караул, кругом национализм и русофобия! Экстремисты-фальсификаторы истории разжигают антироссийские и антирусские настроения!» Конечно, многое зависит от того, как комментируются архивные документы: объективно, с учетом всех противоречий эпохи, или однобоко, с обвинительным уклоном. Безусловно, каждый вариант может дать тот результат, который запрограммирован.

Возможна ли трактовка истории белорусского этноса и белорусско-российских отношений как нескончаемая цепь протестов, волнений и бунтов против засилия Москвы? Если выстроить уже известные факты и открывающиеся новые, такие, например, как полное запрещение упоминания в тридцатых годах имени Кастуся Калиновского, руководителя восстания 1863 года в Белоруссии и Литве, теоретически можно вообразить научную или публицистическую работу, в которой последняя треть XVIII и весь XIX век будут выглядеть периодом постоянных столкновений, вплоть до военных, с Россией. Правда, такого труда, переворачивающего сознание целого поколения, воспитанного совсем в другом понимании этого вопроса, пока нет. Но это не означает, что он в ближайшее время не появится. Продаются же на книжных развалах Минска, Бреста и Гродно репринтные издания книг, вышедших в Белоруссии в годы фашистской оккупации, с обоснованием того, что вхождение белорусских земель в состав Российской империи было для белорусского национального бытия отрицательным фактором. Церковные обряды, местные традиции, – все,

что являлось памятником глубокой старины и народного творчества, по мнению авторов этих книг, заменялись новыми, московского типа, чуждыми и совершенно непонятными народу. Москва даже запретила проповеди на белорусском языке! Насильственное воссоединение убило белорусскую самобытность, которую народ сумел не растерять в Речи Посполитой за пять веков.

Противопоставить этим работам, написанным довольно увлекательно и живо, да еще с такой репутацией – раритеты, запрещенные коммунистами и Москвой – практически нечего. Представители старого поколения национальных ученых-историков, которые и раньше не блистали ни умом, ни слогом, молчат и, по-видимому, не в состоянии уже создать что-либо стоящее. Молодые исследователи тяготеют, кажется, к новым веяниям: отмежевываться от Москвы ныне стало модно.

Если в советский период восстание Кастуся Калиновского интерпретировали как восстание против царского самодержавия, то после падения коммунистического режима известные события 1863 года преподносились как антимосковские, антироссийские. То есть из сферы социально-экономической они переведены в этническую.

Винцент Константин Калиновский родился в шляхетской семье в Белоруссии. Его родина сейчас на территории Польши. В 1856-1860 годах учился на юридическом факультете Петербургского университета. Во время учебы вошел в нелегальный кружок, вместе с друзьями В. Врублевским и Ф. Рожанским организовал накануне восстания выпуск первой белорусской нелегальной газеты «Мужицкая правда», в которой призывал, как смело начали писать молодые исследователи, «к освобождению от Московии».

Восстание было задушено жестокими карательными акциями Муравьева-«вешателя». Военно-полевой суд приговорил Калиновского к смерти. Он был публично повешен в Вильно на торговой площади Лукишки. В советские времена в литературе упоминалось о том, что накануне приведения приговора в исполнение он сумел передать на свободу «Письмо из-под виселицы» – свое духовное завещание. И вот его новая трактовка: в письме выражалась уверенность, что только тогда «народе, заживешь счастливо, когда над тобой москаля уже не буде».

Часть белорусских историков придерживается центристских позиций: плохо было белорусам в составе России, не лучше было и в Речи Посполитой. Москва русифицировала, Речь Посполитая – ополячивала. Удобная линия, никто не придерется – Белоруссия сегодня независимое государство, признанное большинством стран мира. Сбылась вековая мечта многострадального народа, его лучших сыновей.

Глава 4

БЫЛ ЛИ У БЕЛОРУССИИ ТРЕТИЙ ПУТЬ

Распад Советского Союза и обретение независимости – вот два фактора, которые способствовали безболезненному прорыву в некогда запретную для многих тему. Исчез надзирающий и контролирующий центр, утверждавший проблематику научных исследований, зорко следивший за тем, чтобы специальные и массовые издания не касались спорных, противоречивых сторон недавнего прошлого, – и вот в открывшиеся партийные и государственные архивы ринулись толпы серьезных ученых и любознательных популяризаторов исторических знаний. Тема, на которую было наложено многолетнее табу, и которую в лучшем случае обозначали раз и навсегда утвержденными идеологическими формулировками-стереотипами, получила, наконец, свободу разработки и, самое главное, интерпретации.

Еще не веря в то, что появилась возможность писать обо всем открыто, не беспокоясь о последствиях, сотни журналистов, писателей, историков, политологов, общественных деятелей соревнуются в том, кто полнее раскроет правду о создании Белорусской Народной Республики, о ее деятелях, которых в советский период называли предателями, националистами, слугами международного империализма.

В 1993 году в Минске состоялся первый конгресс белорусов мира. На родину впервые после сорок четвертого, а некоторые даже после двадцатого года приехали те, кого все эти годы поносили самыми

последними словами, чью память пытались навсегда вытравить из сознания молодых поколений. Были встречи, расспросы, признания. И выяснилось, что в жизни все гораздо сложнее и запутаннее, чем потом излагают победившие.

Белорусская Советская Социалистическая Республика была создана 1 января 1919 года на заседании Временного рабоче-крестьянского советского правительства в Смоленске. Манифест об ее образовании подписали Д. Ф. Жилунович, А. Ф. Мясников, С. В. Иванов, А. Г. Червяков, И. Н. Рейнгольд. Манифест объявлял:

«1. Отныне вся власть в Белоруссии принадлежит только Советам рабочих, крестьянских, батрацких и красноармейских депутатов.

2. Еще сохранившаяся где бы то ни было на Белоруссии власть немецких, польских и украинских оккупантов отныне считается упраздненной.

3. Продажная буржуазная Белорусская Рада с ее так называемыми «народными министрами» объявляется все закона.

4. Все законы, договоры, постановления, приказы и распоряжения как Рады и ее слуг, так равно и немецких, польских и украинских оккупационных властей, считаются недействительными (отмененными)...

Это событие, по официальной версии, вызвало «большую радость ее народа». Наверное, так и было, здесь советская историография не преувеличивает. Ведь к тому времени получила государственность Украина, провозгласили национальный суверенитет страны Прибалтики, и только Белоруссия была расчленена: одна часть находилась во власти немецких оккупантов, вторая – входила в состав РСФСР на правах Западной области.

В годы горбачевской гласности уже не было секретом, что считавшийся одним из создателей БССР А. Ф. Мясников (Мясникян), возглавлявший в 1918 году Северо-Западный обком РКП(б) в Смоленске, полагал, что белорусам не нужна государственность, хватит с них простого вхождения в РСФСР в качестве обычной административной единицы - российской области. Мясников резко возражал против предложения белорусской секции РКП(б) и Белорусского национального комиссариата (руководитель-учитель А. Г. Червяков) при московском Наркомнаце о придании Западной области статуса автономной республики в составе РСФСР. Помните проект белорусского магната Михаила Огиньского, поданный Александру I за год до вторжения Наполеона? Червяков, по сути, отстаивал ту же идею. Как вариант, он предлагал также преобразовать Западную область в Белорусско-Литовскую коммуну, которая бы входила в РСФСР.

Несмотря на то что Червяков жил в Москве, был ближе к Ленину и Сталину, дело с мертвой точки не двигалось. Мясников упорно стоял на своем. Никакой автономии! И тогда ему в Смоленск поступила телеграмма, подписанная Сталиным, о том, что ЦК «по многим соображениям, о которых говорить не приходится, согласился с белорусскими товарищами на образование Белорусского советского правительства». Телеграмма поступила 25 декабря 1918 года, на второй день после обсуждения этого вопроса на заседании ЦК РКП(б). Впрочем ряд историков утверждает, что была не телеграмма, а разговор Сталина с Мясниковым по прямому проводу. При этом Сталин особо подчеркнул: «Говорю все это по поручению ЦИК и партии». Тем самым он давал понять Мясникову, что за принятым решением стоит не он сам лично (автономистские взгляды Сталина были уже тогда хорошо известны), а Ленин. Потом с несговорчивым Мясниковым провели в

Москве воспитательную работу Ленин и Свердлов, после чего тот изменил свою точку зрения.

Официальная белорусская историография, касаясь мотивов этого решения, объясняла их мудростью Ленина. В советские времена ни одна публикация на эту тему не обходилась без цитаты из его брошюры «Удержат ли большевики государственную власть», где говорилось о том, что пролетарская государственная власть проведет «немедленное восстановление полной свободы Финляндии, Украины, Белоруссии, для мусульман и т. д.». Таким образом, захлебывались в восторге партийные пропагандисты, Ленин относил Белоруссию к тем национальным регионам Российской империи, которые имели безусловное право на национальное самоопределение и самостоятельное государственное существование. Он, мол, первым из большевистских лидеров признал за белорусским народом право на устройство своей жизни в соответствии с волей большинства населения, и потому ЦК под его руководством поддерживал инициативу трудящихся масс, стремившихся к созданию своей национальной государственности. Эта формулировка была уязвимой; отчего же тогда не было поддержано предложение белорусских коммунистических секций и Белнацкома о предоставлении Белоруссии автономии в составе РСФСР? Почему сам ЦК выразил пожелание об образовании суверенного белорусского государства, не входящего в Россию и не объединенного с ней в СССР? О Советском Союзе тогда еще и не помышляли, даже идея такая не витала в воздухе. А в последнее время стал известен стыдливо замалчиваемый в советскую эпоху и вовсе невероятный факт: Ленин проявлял склонность к компромиссу и с лидерами Рады БНР, фактически отрицавшими советский строй, приглашал на переговоры в ноябре 1918 года премьер-министра БНР А. Луцкевича.

Буфер! Буферное государство – вот какая роль была уготована Белоруссии кремлевскими вождями.

Обессиленная Россия с тревогой прислушивалась к бряцанию оружием на своих западных рубежах. Было ясно, что столкновения не избежать. Польша попытается вернуть некоторые белорусские территории. Если Белоруссия будет в составе РСФСР, независимо от статуса – область или автономная республика – Россия будет втянута в новый конфликт. Если Белоруссия будет суверенной – РСФСР вроде ни при чем, вполне можно обойтись мерами дипломатического воздействия. Опять же, провозглашение белорусской государственности на принципах пролетарского интернационализма угрозы для Москвы не содержит, поскольку и РСФСР построена точно на таких же принципах. Между обеими республиками устанавливались федеративные связи.

Итак, днем рождения БССР стал первый день нового, 1919 года. Республика была провозглашена в Смоленске, на территории РСФСР, куда входила Западная область. Там же состоялась VI Северо-Западная конференция РКП(б), провозгласившая себя I съездом Компартии Белоруссии, там же на съезде было избрано Временное рабоче-крестьянское правительство во главе с Д. Жилуновичем, известным по литературному псевдониму Тишка Гартный.

Какие территории входили в состав БССР? В постановлении I съезда Компартии большевиков Белоруссии от 30 декабря 1918 года основным ядром Белорусской республики провозглашались губернии Минская, Смоленская, Могилевская, Витебская и Гродненская «с частью прилежащих к их местностям соседних губерний, населенных преимущественно белорусами». Такими признавались часть Новоалександровского уезда Ковенской губернии, Вилейский уезд, часть Свентянского и Ошмянского

уездов Виленской губернии, Суражский, Мглинский, Стародубский и Новозыбковский уезды Черниговской губернии. Съезд отметил, что из состава Смоленской губернии «могут быть исключены» уезды Гжатский, Сычевский, Вяземский и Юхновский, а из Витебской губернии – части Двинского, Режицкого и Люцинского уездов. В тех частях Витебской и Виленской губерний, где «граница носит спорный характер по причине населенности в одинаковой степени несколькими народностями», вопрос о ней должны были решить специальные комиссии, созданные правительствами заинтересованных советских республик.

В составе БССР постановлением съезда предусматривалось создание семи районов (вместо губерний) и 54 «подрайонов».

А что происходило на другой части территории Белоруссии – оккупированной? О, там тоже бушевали политические бури, кипели бурные страсти. И тоже было свое правительство, которое в отличие от промосковского считало неприемлемым строительство белорусской государственности на принципах пролетарского интернационализма. Это правительство советской историографией было объявлено националистическим, продажным, поскольку ему импонировали национальная идея, классовый мир, свобода, национальный суверенитет. Все эти термины обычно заключались в кавычки.

Из чего исходили сторонники национальной идеи и классового мира внутри нации? Прежде всего, они считали, что учение о классовых антагонизмах, может, и имеет место, в той же России, например, особенно в ее промышленно развитых центрах, но только не в Белоруссии. Стало быть, мерки, по которым судят о положении в России, неприемлемы для Белоруссии, они чужеродны ей, искусственны.

О специфике Белоруссии свидетельствовало то обстоятельство, что, по мнению сторонников национальной идеи, белорусский народ состоял из однородной, недифференцированной массы. Здесь не было заметного размежевания населения. Из почти 7 миллионов жителей в 1913 году рабочие, занятые в промышленности, составляли всего 0,9 процента, или 59 тысяч человек. Поэтому говорить об определяющей роли пролетариата, о его силе и влиянии всерьез не приходится. Тем более, что промышленные рабочие были разбросаны по мелким мастерским с численностью работающих не свыше 50-60 человек. Крупных предприятий индустрии в Белоруссии тогда не было.

Не подходило под стандарты российских большевиков и белорусское крестьянство. Деревня не раздиралась классовыми противоречиями, поскольку ее состав был в основном однородным. Несмотря на то, что царизм искусственно насаждал здесь русское землевладение, духовенство и чиновничество, помещиков все равно было раз-два и обчелся. Впрочем, их можно всех перечислить персонально: князя Радзивиллы, Скирмунт, Святополк-Мирский, Тышкевич. Остальные мало чем отличались от зажиточных крестьян.

Слабое развитие капитализма в Белоруссии признавали и большевики. Но в этом и преимущество белорусов, утверждали они. Значит, меньше усилий потребуются на ликвидацию эксплуататоров, да и сопротивление будет не столь упорным, если численность буржуазии сравнительно небольшая. По мнению же отцов национальной идеи, это страшное кощунство - уничтожать элиту нации, ее самый образованный и дееспособный слой. Тем более что в Белоруссии вплоть до середины XIX века существовал обычай, согласно которому дети состоятельных родителей, включая и немногих сверхбогачей, до

определенного возраста обязательно жили в бедных крестьянских семьях. Благодаря этому старинному обычаю нации удавалось поддерживать внутреннюю гармонию.

Белоруссия должна идти своим путем - не российским с его пролетарским интернационализмом, убивающим элиту нации, и не польским, который грозит белорусам культурной ассимиляцией. Для этого сейчас самый подходящий момент. Поскольку Белоруссия была в сфере влияния либо Польши, либо России, и культура Белоруссии имела соответствующие оттенки. Настало время позаботиться о своей политической суверенности, без которой и речи не может быть о самостоятельной культуре. А она сохранилась, несмотря на всю напряженность русификаторской и полонизаторской политики. Белорусский край в бытовом и лингвистическом отношении по-прежнему остается чем-то особенным по сравнению с польским и великорусским народом. И хранителем нитей белорусской национальной традиции, носителем живого белорусского языка как национально-культурного фактора является белорусский крестьянин, единственный, кого невзгоды социально-политического характера заставляют крепко держаться за старину, за обычаи, за язык. Посмотрите, как прекрасно белорусское устное народное творчество - лучший показатель живучести и красочности белорусского языка.

Деревня - вот кто спас белорусскую культуру и от полонизации, и от русификации! 75,5 процента населения, проживавшего в сельской местности, - вот кто сохранил традиции и воспоминания национальной старины! Собственно, и отцы национальной идеи тоже были выходцами из деревни, из которой пошло все белорусское национально-культурное движение начала XX века. Основоположники третьего пути Белоруссии

считали себя выразителями устремлений и настроений этих 75,5 процента коренного населения, ведущих напряженную борьбу за язык и сохранивших его, выходцами из народа, тесно связанными с ним, представителями подлинной народной интеллигенции.

Ну, а кто в их представлении были ратовавшие за белорусскую государственность на принципах пролетарского интернационализма? Те, кто провозгласил БССР в Смоленске?

Городской интеллигенцией. А она в Белоруссии была либо польской, либо еврейской. Да и сами белорусские города за время пребывания то в составе Речи Посполитой, то России потеряли свой белорусский характер. Воспитанная в традициях, чуждых белорусской культуре, городская интеллигенция относилась к поборникам национальной идеи крайне недружелюбно, называя их обидным словом – националисты. Воспитанные в иных культурных традициях, не имеющие никаких, даже отдаленных национально-культурных связей с деревней, пан-русисты забыли о белорусском народе. Негативное отношение городской интеллигенции к белорусскому национальному культурному движению и, в частности, к языку, не что иное, как отражение имперских амбиций российских помещиков, проникнутых презрением к белорусскому холопу. Как бы ни были гениальны русские писатели, но они выходцы из среды помещиков и дворян, и, следовательно, чужды и непонятны белорусской массе, нуждавшейся прежде всего в образовании и в школе на своем родном языке.

Судьба деятелей белорусского культурного движения поистине драматична. Город их не принимал. В деревню не пускала городская администрация. Почему Москва противилась идее автономии Белоруссии? Она искренне верила в то, что нет никаких белорусов, нет белорусского языка. Есть только один

русский народ с его единым языком и отдельными его наречиями. Поэтому и речи не может быть о какой-то там белорусской культуре. Есть единая русская культура.

Всякие разговоры о белорусской культуре – это плод недоразумения. Белорусский язык создан искусственно, полуобразованными белорусскими интеллигентами. И объективно он будет работать на сепаратизм, на раздел России.

Таким образом, по вопросу о белорусской государственности с самого начала возникли две основные линии: революционная, на принципах пролетарского интернационализма, в составе РСФСР, и национальная, на принципах классового мира, вне России. Победила первая – с помощью вооруженной силы в виде солдат Западного фронта. Победители все годы своего правления не жалели черной краски, которой мазали побежденных, называя их националистами, прислужниками мирового империализма, предателями интересов белорусского народа. И только после того, как Советский Союз прекратил свое существование, начался более или менее серьезный анализ противоборства двух линий.

Сегодня, отрешившись от старых идеологических догм, исследователи заявляют, что обе стороны дрались не столько за свои собственные права и привилегии, сколько за идею государственного устройства Белоруссии и за счастье ее народа, которое те и другие понимали по-своему. Это был в пушкинском смысле «спор славян между собой».

Историки советского периода восторгались рекордно короткими сроками установления советской власти в республике. На это потребовалось всего две недели. К 20 ноября 1917 года на всей неоккупированной территории Белоруссии (западные земли находились под немцами) была провозглашена

советская власть. Сказалась близость Петрограда и Москвы, откуда в Минск и в другие крупные города пришли отряды вооруженных солдат и матросов. 19 ноября поддержал революционные перемены в Москве и Петрограде съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Западной области, а также состоявшийся в этот же день и съезд крестьянских депутатов. Аналогичную позицию занял и съезд представителей армий Западного фронта. На совместном заседании был избран областной исполнительный комитет Западной области и фронта. Председателем исполкома стал большевик М. Рогозинский. Тогда же решили вопрос и об исполнительной власти - создали Совнарком Западной области и фронта, который возглавил К. Ландер.

Формирование руководящих органов новой, в составе советской России, власти закончилось 26 ноября, а уже через три дня в газете «Вольная Беларусь» появилось сообщение о том, что 5 декабря состоится событие исключительной важности - будет провозглашена белорусская государственность. Назывались территории, которые должны были войти в Белорусскую республику: Виленская, Минская, Могилевская, Витебская, Гродненская, западные уезды Смоленской и северная часть Черниговской губерний. Газета призывала к отделению Белоруссии от «заразного и безнадежно больного организма» России.

Однако 5 декабря обещанный съезд не состоялся. До бурлящего Минска долетела весть о том, что Финляндия и Украина получили государственную независимость. Белорусам тоже захотелось самоопределения. Надо было подготовить соответствующие документы, согласовать позиции. Поэтому съезд открылся только вечером 14 декабря.

Он не признал советскую власть не только в Белоруссии, но и в России. Съезд принял резолюцию о

создании Всебелорусского Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов – временного органа власти в крае. Ему ставилась задача незамедлительно созвать Белорусское учредительное собрание для решения вопроса об общественном и государственном устройстве. Разумеется, он должен быть «демократическим» и «республиканским». Такая смелость дорого ему стоила: Совнарком Западной области запретил дальнейшую работу съезда и распустил делегатов.

В зал городского театра, где проходил съезд, вошли представители Совнаркома Западной области – нарком внутренних дел Резаусский и начальник Минского гарнизона Кривошеин. Кривошеину, как зафиксировано в протоколе съезда, «было предоставлено слово для внеочередного заявления. Установить содержание заявления тов. Кривошеина президиум съезда не смог из-за того, что Кривошеин был явно в нетрезвом состоянии».

Вскоре в зал были введены вооруженные солдаты революционного полка под командованием Ремнева. Съезд был разогнан, а члены президиума и активные делегаты Я. Середа, А. Возила, Т. Гриб, Я. Воронка, А. Бурбис и другие – всего 25 человек – подверглись аресту.

Но члены президиума съезда оказались не из пугливых: 28 декабря они собрались нелегально и создали исполнительный орган – Раду съезда в составе 43 человек, который стал, по оценке белорусской советской историографии, «политическим центром националистической контрреволюции в Белоруссии». Такую оценку, наверное, вызвала следующая резолюция съезда:

«1. Довести до сведения всех граждан России, центрального правительства, всех республик Российской Федерации о грубом насилии над свободным

белорусским народом, завоевавшим и имеющим равное со всеми право на сомоопределение.

2. Не признавать власти насильников и призвать весь белорусский народ вступить на путь открытой и решающей борьбы с представителями этой власти в Минске».

Подождите, откуда взялся этот съезд? Согласно официальным данным, на него было избрано 1872 делегата. Такую ораву людей нельзя было не заметить.

Съезд собрался вполне законно, на основании разрешения Совнаркома и Наркомнаца РСФСР, то есть с санкции Ленина и Сталина. Делегаты представляли всю белорусскую глубинку: волостные и уездные земства, земельные комитеты, учительские организации, почтово-телеграфные конторы. И вдруг такой пассаж: непризнание советской власти.

Формально инициатором съезда стал Белорусский областной комитет, существовавший при Всероссийском ЦИК. Этот комитет был избран на I съезде крестьянских депутатов в ноябре 1917 года в Петрограде и поначалу заявил о поддержке советской власти. А затем изменил мнение. Под сильным влиянием Белорусской Социалистической Громады (БСГ), которая внесла предложение объявить независимую Белорусскую республику.

Эта партия квалифицировалась белорусскими советскими историками как буржуазно-националистическая. Сейчас это вроде уже не позорное клеймо. Буржуа, или третий класс, кажется, цель официальной государственной политики стран, возникших на обломках СССР. А если так, то буржуазные политические партии уже не враги.

БСГ считается одной из самых модных партий в лагере белорусского национализма. Создатели – известные деятели, многие из них были реабилитированы еще в БССР, в последние годы ее

существования. Имена И. Луцкевича, А. Луцкевича, А. Пашкевич (Тетки), К. Костровицкого (Е. Каганца), В. Ивановского, В. Ластовского, Ф. Стацкевича, А. Бурбиса, А. Власова о многом говорят белорусам. Это люди, много сделавшие для культуры и просвещения своего народа: писатели, авторы первых белорусских учебников для детей, историки, этнографы, лингвисты. О заслугах БСГ и ее популярности в народе свидетельствует тот факт, что эта партия вновь воссоздана в республике и ее членами являются далеко не самые невежественные люди.

Но это к слову. Партия возникла в 1902 году на базе культурно-просветительских кружков молодежи Вильно, Гродно и Минска. Несмотря на название «социалистическая», коммунисты отказывали ей в этом, считая, что она ничего общего с социализмом не имела, а сеяла вредные иллюзии среди народных масс, отвлекая их от революционной борьбы. Программа БСГ отрицала историческую роль рабочего класса, не признавала его гегемоном в революции, распространяла, с точки зрения историков-коммунистов, мелкобуржуазные, соглашательские, националистические взгляды, требовала предоставления культурно-национальной автономии для белорусов в составе России.

В 1907 году после спада революционного движения БСГ раскололась. Часть партии сгруппировалась вокруг газеты «Наша нива». В ту пору там работал Янка Купала и другие белорусские литераторы. О «нашенивском» периоде белорусской культуры в годы горбачевской гласности в Минске созданы тома научных монографий, защищена не одна диссертация, проведена не одна дискуссия. Это был период бурного расцвета белорусской философской и культурно-просветительской мысли.

После февральской революции 1917 года БСГ возобновила свою деятельность и стала, по оценке коммунистических историков, на «реформистско-соглашательские позиции», поддерживала Временное правительство Керенского. Во главе партии были В. Адамович, П. Бодунова, Я. Воронка, Я. Дыло, Д. Жилунович (Т. Гартный), А. Прушинский (Алесь Гарун), С. Рак-Михайловский, А. Смолич, Б. Тарашкевич, И. Шило. БСГ имела свои организации не только в Белоруссии, но и везде, где проживали беженцы-белорусы - в Петрограде, Киеве, Саратове, Казани, Тамбове, Калуге, Одессе, Гельсингфорсе. К осени 1917 года в ее рядах насчитывалось около 5 тысяч членов.

Кроме самой сильной в политическом плане БСГ, были и другие партии, отнесенные к числу националистических. Несмотря на некоторые различия, у них было много общего. И самое главное - ставка на деревню, на крестьянина-белоруса. Поэтому партии и общественно-политические движения, проповедующие национальную идею, пошли навстречу друг другу. В марте 1917 года в Минске возник своеобразный объединительный политический центр - Белорусский национальный комитет, который выдвинул проект «единого национального Фронта».

В целях консолидации сам Белнацком в июле 1917 года был преобразован в Центральную Раду белорусских организаций. С октября она стала называться Большой Радой. В нее вошли и члены Белорусской Рады Западного фронта. Не все солдаты, оказывается, пошли за российскими большевиками. На Западном фронте было немало лиц, разделявших точку зрения БСГ.

Октябрьские события в Петрограде тоже были восприняты в Минске по-разному. О повсеместной и единодушной поддержке большевистского переворота говорить не приходится - это уже в последующие годы

появились такие утверждения. На другой день после штурма Зимнего все партии и политические движения Белоруссии, отстаивавшие национальную идею, осудили действия большевиков-ленинцев. А Большая Белорусская Рада заявила о поддержке Комитета спасения революции, созданного в Минске командующим Западным фронтом генералом Балухевичем.

Такие вот события предшествовали съезду Советов в Минске 14 декабря 1917 года и его решению не признавать советскую власть в Белоруссии. Однако из этой затеи ничего не вышло. Съезд был распущен, а прошедшие в декабре 1917 – январе 1918 года уездные съезды Советов одобрили меры советской власти по прекращению враждебных действий сторонников создания Белорусской республики.

Противоборство политическое подкреплялось военным. За плечами советской власти в Белоруссии стояли красногвардейские отряды, прибывшие из Петрограда, да и солдаты Западного фронта, распропагандированные большевистскими агитаторами, переходили на сторону революции. За плечами сторонников национального самоопределения – корпус И. Довбор-Мусницкого, сформированный в июле 1917 года Временным правительством А. Керенского. Естественно, что обе политические силы обратились к военным. Оставим в стороне разбирательства историков, докапывающихся, кто первым применил силу. По версии белорусской советской историографии – националистическая контрреволюция, объединившая свои силы с корпусом польских легионеров. Действительно, 12 января 1918 года генерал И. Довбор-Мусницкий начал военные действия против советской России.

По версии эмигрантских историков – советская власть. 14 декабря 1917 года главком Западного фронта А. Мясников предложил И. Довбор-Мусницкому

подчинить действия корпуса советскому командованию. Генерал, присягнувший Временному правительству, с негодованием отверг это предложение. Конфликт разгорался, столкновение становилось неизбежным. Оно и произошло под Бобруйском, Жлобином и Рогачевом, где располагался корпус. В результате боев красногвардейцы разбили 1-ю польскую дивизию и заняли Рогачев. Две другие дивизии отступили. И вообще, подчеркивают эмигрантские исследователи, первыми силу применили Советы, разогнав Белорусский съезд 14 декабря 1917 года.

Но он не прекратил своего существования. 19 февраля 1918 года, за два дня до занятия Минска немцами, от имени съезда было объявлено о создании правительства - Народного секретариата Белоруссии во главе с Я. Воронка. 21 февраля, в день вступления немцев в Минск, легализованный в этом городе после эвакуации советских органов исполком Рады Белорусского съезда обратился к народу с 1-й Уставной грамотой, в которой объявил о том, что Народный секретариат будет защищать его интересы. На минских улицах были расклеены списки членов Народного секретариата на немецком языке.

24 февраля 1918 года делегация Народного секретариата в составе Я. Воронки, К. Езовитова, А. Смолича и других посетила резиденцию германской военной администрации в Минске и выразила лояльность к новой власти.

Но уже на следующий день немецкий комендант принудительно выселил Народный секретариат из занимаемого им помещения. Белорусский флаг был снят. Уполномоченный по военным делам К. Езовитов получил приказ о расформировании 1-го Белорусского полка, что было незамедлительно выполнено.

9 марта состоялось первое заседание Исполкома Всебелорусского съезда. Оно приняло 2-ю Уставную

грамоту, в которой Белоруссия официально провозглашалась Народной Республикой (БНР), а Исполнительный комитет был преобразован в Раду БНР. Во главе Президиума Рады стал И. Середа.

По мнению крупнейшего исследователя этого периода белорусского советского академика И. Игнатенко, длительное время возглавлявшего Институт истории партии при ЦК КПБ, социальный и партийный состав Рады БНР был буржуазным. Руководящую роль в ней осуществляли средние слои национальной интеллигенции. С точки зрения партийности Рада состояла из представителей различных национальных социалистических партий, включая Белорусскую Социалистическую Громаду, Бунд, а также русских эсеров и меньшевиков. Не все эти партии поддерживали отделение Белоруссии от России и образование белорусского национального государства. Русские эсеры, меньшевики и еврейские социалистические партии высказались за пребывание Белоруссии в составе России. Еврейские партии боялись, что в белорусском национальном государстве на первый план выйдет белорусская буржуазия. Русские эсеры стояли на позиции «единой и неделимой» России. И лишь БСГ требовала самоопределения Белоруссии на буржуазно-демократической основе.

В ночь с 24 на 25 марта 1918 года после десятичасовой дискуссии Рада БНР приняла решение о независимости Белоруссии. В протоколе отмечалось, что атмосфера в зале во время заседания «наэлектризовалась». Против отделения Белоруссии от советской России голосовали депутаты городской думы, земской и бундовской фракций. От голосования воздержались представители Объединенной еврейской социалистической партии, «Поалей-Циона» («Рабочие Сиона» - еврейская социал-демократическая партия, пытавшаяся соединить идеи социализма и сионизма) и

социалистов-революционеров. Земская фракция вышла из Рады БНР и отозвала своих представителей из Народного секретариата.

25 марта 3-й Уставной грамотой БНР объявлялась «независимым и свободным государством». Все прежние государственные связи, позволявшие «чужому правительству подписывать за Белоруссию трактат в Бресте», считались утратившими силу.

28 апреля 1918 года на заседании Народного секретариата были утверждены государственные символы Белоруссии – бело-красно-белый флаг и герб «Погоня».

Территориальные границы нового государства определялись в самой общей форме. «Белорусская Народная Республика, – указывалось в 3-й Уставной грамоте, – должна объять все земли, где живет и имеет количественное преимущество белорусский народ, а именно: Могилевщину, белорусские части Менщины, Городенщины (с Городней, Белостоком и др.), Виленщины, Витебщины, Черниговщины и смежные части соседних губерний, населенных белорусами». Эти границы были точно очерчены на карте Белорусской Народной Республики, изданной в 1918 году и представленной Чрезвычайной миссией БНР на Парижской мирной конференции.

Правительство БНР послало в Киев к германскому послу делегацию в составе А. Цвикевича, М. Довнар-Запольского, П. Тамковича с предложением признать самостоятельность Белоруссии и установить с местными немецкими властями отношения, способствующие созданию в БНР вооруженных сил для установления своей власти на территории советской части Белоруссии.

Белоруссия в этом плане не была первой. Она в какой-то мере повторяла то, что происходило на Украине и в Литве. Там тоже верх взяли поборники

независимости и даже заключили союз с Германией в борьбе с советской властью. Литовская краевая тарифа (совет) еще 11 декабря 1917 года объявила Литву независимым государством, соединенным с Германией «вечным твердым союзом». Германия откликнулась на «просьбу о помощи в строительстве вольного, независимого литовского государства» и признала независимость Литвы. К слову сказать, силы, пришедшие к власти в конце 80-х годов в Литве, реабилитировали государственные институты, которые возникли в борьбе с Советами в начальные годы революции, и от них вели отсчет истории национальной государственности. Саюдис и официальные власти Литвы истинной государственностью рассматривали как раз ту, которая была дарована германским монархом в 1918 году.

То же самое происходило и на Украине. Она самоопределилась еще раньше, чем Литва. Украинская Центральная Рада возникла в октябре 1917 года. С помощью германской армии в апреле 1918 года гетманом Украины был избран Павел Скоропадский – потомок гетмана Левобережной Украины И. И. Скоропадского, владелец крупных поместий в Черниговской и Полтавской губерниях, флигель-адъютант Николая II, генерал-лейтенант и Георгиевский кавалер, командующий армейским корпусом.

В те годы как грибы после дождя на просторах Российской империи, подорванной Февральской и Октябрьской революциями, одно за другим возникали независимые государства. За период Гражданской войны было провозглашено несколько десятков «революционных» и «контрреволюционных» национально-государственных образований. Большинство из них просуществовали от нескольких месяцев до года. Кто, кроме специалистов-историков, знает сегодня о существовании Донецко-Криворожской

и Муганской республик, правительстве Русской Северо-Западной области или «кочующем» Ферганском временном правительстве?

Но вернемся к событиям в Белоруссии. Рада БНР обменялась дипломатическими представительствами с такими же правительствами Украины, Литвы и Эстонии. Она взяла на себя функции национального представительства и вместе с Народным секретариатом обращалась непосредственно к правительствам иностранных государств с заявлениями, меморандумами, нотами.

Однако Германия не посчиталась с Радой БНР. Берлин ограничился лишь согласием на национальное представительство при немецкой оккупационной администрации и на некоторые другие второстепенные функции. На посланные в Берлин три грамоты рейхсканцлер сообщил Народному секретариату, что Германия рассматривает Белоруссию как «часть советской России» и что согласно Брестскому договору без правительства Ленина этот вопрос решить она сама не в силах и, стало быть, признать вновь образовываемое Белорусское государство Германия не может.

Действительно, по условиям Брестского мира, подписанного в начале марта 1918 года, немцы пообещали правительству Ленина, что они не признают новых государств на территории бывшей Российской империи. Большевистская Москва обязалась выплатить Германии 6 миллиардов рублей контрибуции, и оккупационная зона Белоруссии рассматривалась в качестве залога под эту контрибуцию.

В противовес Раде БНР, которую германское командование считало социалистической, в Минске образовалось Белорусское народное правительство (БНП) во главе с Р. Сकिрумунтом, П. Алексюком, ксендзом Гандлевским, Ф. Верниковским и другими. К ним

присоединились правые из БСГ А. Власов и А. Трусинский, которые в журнале «Белорусский путь», издававшемся БНП, критиковали Раду БНР за ее революционное происхождение. Перед германским командованием БНП выдавало себя за единственного легального представителя белорусского народа.

Соперничество между Радой БНР и БНП продолжалось. 25 апреля на имя германского кайзера Вильгельма II поступила телеграмма, подписанная председателем Рады И. Середой, председателем Народного собрания Я. Воронкой, членами Рады Р. Скирмунтом, И. Лесиком, С. Овсянником, П. Крачевским, П. Алексюком.

«Рада Белорусской Народной Республики, как избранная представительница белорусского народа, – говорилось в телеграмме, – обращается к Вашему императорскому величеству со словами глубокой благодарности за освобождение Белоруссии немецкими войсками от тяжелого угнетения, чужого царящего издевательства и анархии. Рада Белорусской Народной Республики декларирует независимость цельной неделимой Белоруссии и просит Ваше императорское Величество защищать ее в усилиях к созданию государственной независимости и неделимости края в союзе с Германской империей. Только под опекой германского государства видит Рада добрую долю своей страны в будущем».

Отчего вдруг воспылали любовью к немцам лидеры белорусской национальной идеи? Немцы в ту пору были единственной реальной силой, на которую могли опереться минские противники советской власти. У немцев была хорошо обученная и вооруженная армия, у большевиков – полупартизанские красногвардейские отряды. Не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что Германия и Россия, несмотря на революцию в Петрограде, находились в состоянии

войны, а немецкие войска в ходе боевых действий заняли половину белорусской территории.

Еще во время мирных переговоров в Бресте 9 декабря 1917 года между Германией и Советской Россией Белорусская Рада пыталась заявить свои права. Неожиданно для российской делегации в зале переговоров появилась белорусская делегация в составе А. Цвикевича, С. Рак-Михайловского и И. Середы. Оказывается, их приняли за советников Украинской Рады и пропустили в зал. Делегация Белорусской Рады потребовала создания демократической республики на территории, занятой немцами. Для них это был очень удобный предлог сохранить там свое присутствие. Однако представители советской стороны на переговорах М. Покровский и И. Липский не соглашались на территориальные уступки немцам, подозревая их в аннексионистских планах, попытках узаконить свое военное присутствие в Гродненской и нескольких уездах Виленской губернии.

Переговоры длились долго - до 18 февраля 1918 года. Воспользовавшись отказом Л. Троцкого подписать предложенные немцами условия мира, германское командование в тот же день отдало приказ о начале наступления по всему фронту. Одна немецкая армия двинулась в направлении Минск - Смоленск - Москва, другая - на Гомель. К 3-му марта, когда наконец был подписан Брестский мир, большая часть территории Белоруссии оказалась у немцев. Не оккупированы были лишь шесть восточных уездов - Климовичский, Мстиславский, Чаусский, Чериковский, Витебский, Городокский, а также частично несколько уездов Витебской и Могилевской губерний.

Таким образом, открытая немецкая ориентация лидеров БНР была вынужденной, с учетом реалий тогдашней политической и военной обстановки. Восточные земли - под российской Совдепией с ее

громадной военной силой, западные – под немецкой пятой. О самостоятельной линии не могло быть и речи. Оставалось одно – приспособливаться и маневрировать.

Не дремали и большевики. С самого начала оккупации Белоруссии они начали создавать нелегальные партийные организации и центры, организовывать партизанское движение. Уступать немцам захваченные белорусские земли большевики не собирались. Созданный и направляемый Москвой Северо-Западный обком РКП(б) координировал деятельность местных подпольных парторганизаций, использовал малейшее недовольство местных жителей новыми властями для организации забастовок и даже вооруженных выступлений. Северо-Западный обком разделил всю территорию Белоруссии, на которой находились немцы, на двенадцать зон, в которых надлежало проводить разведку, разрушать коммуникации, поджигать склады. Для проведения террористических актов против немцев командование Западным фронтом создало даже специальный штаб.

В противовес лидерам БНР, обратившимся за опекой к германскому кайзеру Вильгельму, большевики восточных районов Белоруссии обратились к председателю Совнаркома РСФСР Ленину с просьбой о включении Могилевской и Витебской областей в состав советской России. Из не оккупированных немцами восточных территорий Белоруссии была создана новая административная единица – Западная область РСФСР с центром в Смоленске. Многострадальный белорусский народ снова был разделен противоборствующими политиками.

Притязания Рады на роль национального представительства вызвали адекватную реакцию со стороны руководства Западной области. В апреле 1918 года в Смоленске собрался 2-й съезд Советов Западной области. Он принял декларацию, обращенную к

белорусским рабочим и крестьянам, в которой, как и следовало ожидать, заклеил исходивший от Рады «дьявольский план представительства трудящихся масс», «позорные замыслы и действия буржуазных наймитов». Съезд заявил, что «Белорусская Рада представляет собой группу самозванцев, а не народных представителей». Было сделано заявление и том, что народы Белоруссии не придают никакого значения «тем шагам и обязательствам, которые будут сделаны или заключены от их имени Белорусской Радой».

Любопытно и то, что ни декларация 2-го съезда Советов Западной области, ни декларация 3-го съезда, состоявшегося в сентябре 1918 года, вообще не затрагивали вопрос о возможности образования белорусской государственности на советской основе и даже не упоминали ленинское обещание о праве наций на самоопределение. Коммунисты Западной области, которыми тогда руководил А. Ф. Мясников, пропагандировали в своей печати идеи слияния наций, ликвидации национальных перегородок, поскольку они препятствовали интернациональному сплочению трудящихся России. В национализме обвинялся даже Белорусский национальный комиссариат – отдел при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР, хотя его пожелания не шли дальше создания Белорусской (Белорусско-Литовской) области. Областное руководство считало ересью «классовое» административно-территориальное деление заменять «национальным».

Как возник Белнацком? За время Первой мировой войны из белорусских губерний было эвакуировано в глубь России более трех миллионов жителей. Беженцы осели в Москве, Петрограде, в городах Поволжья. Для работы среди них в начале 1918 года при Наркомнаце РСФСР был создан Белорусский национальный комиссариат во главе с А. Червяковым. Белнацком

занимался не только беженцами, нашедшими приют в России, но и территориями, оккупированными немцами. Туда засылались эмиссары для ведения пропагандистской работы против БНР, для создания революционных организаций и диверсионных групп.

Несмотря на международное признание, БНР потрясали кризисы. Прежде всего, правительственные. С августа по ноябрь 1918 года сменилось три кабинета министров, возглавляемые Р. Скирмунтом, И. Середой, А. Луцкевичем. О стабильности в условиях фронта и диверсионной деятельности засланных с востока эмиссаров говорить не приходилось.

Отчаянно цепляясь за власть, Рада БНР направляла ряд делегаций в Германию, Швейцарию, США, на межсоюзническое совещание в Яссы. Но поддержки ей никто не обещал. Англия, Франция и США ее не признали. Хотя, как это ни парадоксально, правительство РСФСР во главе с Лениным поддерживало с БНР консульские отношения.

А. Луцкевич, зная о нежелании Германии решать белорусский вопрос без участия советского правительства, пришел к заключению о необходимости поездки в Москву. По приглашению советского правительства он прибыл туда во второй декаде ноября 1918 года.

Московские переговоры не были окончены. Было договорено, что А. Луцкевич и его ближайшие сподвижники по партии – члены Президиума Рады БНР и правительство – после отступления немецких оккупантов из Минска останутся в городе, чтобы завершить начатые в Москве переговоры.

БНР просуществовала менее года. 13 ноября 1918 года Ленин аннулировал Брестский договор. 22 ноября Красная Армия начала наступление на Могилев и Минск. Революционная ситуация в Германии вынудила немцев спешно уходить из Белоруссии. Им хватало дел без

Рады и ее лидеров. Те попытались сформировать белорусскую армию, но у генерала Кондратовича, которому правительство поручило эту задачу, ничего не получилось. 10 декабря Красная Армия вошла в Минск. В этот день Минский Совет, избранный накануне, еще в условиях подполья, объявил о восстановлении советской власти в городе. Перед приходом немцев в Минск в феврале точно так же поступили лидеры национальной идеи, провозгласив создание Народного секретариата - своего правительства. Каждая политическая сила - антимосковская и промосковская - опиралась при этом на штыки военных.

К моменту восстановления советской власти лидеров БНР в Минске уже не было. А. Луцкевич, В. Захарько, А. Цвикевич, Я. Ладнов и другие уехали на Запад - в качестве эмиграционного правительства. От политики и, в частности, от идеи национальной независимости Белоруссии они не отошли. В Берлине действовала Белорусская миссия, издававшая «Вести Белорусского пресс-бюро» на немецком языке и газету «Из родного края», в Париже - дипломатическая миссия, в Риге - военно-дипломатическая миссия, в Праге - Рада белорусской колонии. Информационные бюро и корреспондентские пункты БНР действовали даже в Нью-Йорке и Копенгагене!

Идея национальной независимости в 1919-1920 годах обрела форму установления федеративных отношений с Польшей. Надежды на немецкую ориентацию не оправдались: большевистская Москва, грезя о пламени мировой революции, сумела перебросить его искры в Германию. Правда, в декабре 1918 года, предвидя уход немцев с белорусской территории, Рада БНР в лихорадочных поисках союзников заключила соглашение с Литвой, заручившись предварительно поддержкой Антанты о создании Литовско-Белорусского федеративного

государства. Однако наступление Красной Армии сорвало этот план, и – о ирония судьбы! – на территориях, занятых большевистскими войсками, спустя какой-то месяц Москва инициировала образование Литовско-Белорусской Советской социалистической республики (Литбел).

Придя в себя от очередного крушения иллюзий, бэнээровцы обратили взоры на Польшу, получившую свою национальную независимость благодаря Октябрьской революции. Глава этой страны Юзеф Пилсудский выдвинул федералистскую концепцию, которая прибавила ему популярности у поляков. Суть концепции Пилсудского сводилась к образованию самостоятельных государств – украинского, литовского и белорусского в конфедерации с польским. Кремль сразу же окрестил эту затею ширмой для прикрытия подлинного замысла, сводившегося к элементарному захвату чужих земель. Оставшиеся не у дел правительства Украины, Литвы и Белоруссии с интересом отнеслись к этой концепции, поскольку конфедерацию предполагалось создать на землях, которые когда-то входили в состав Речи Посполитой – как бы воссоздавалось сообщество народов, живших совместно почти пять веков и потом расчлененных сверхдержавами.

Стратеги Антанты, пораскинув мозгами, дали Пилсудскому добро на создание конфедерации. Западу от нее хуже не будет. Во-первых, это своеобразный «санитарный кордон» между цивилизованной Европой и азиатской Совдепией. Во-вторых, плацдарм, где можно сосредоточить значительные военные силы. Антанта помогла Польше добиться от Германии согласия на заключение пакта, согласно которому германская сторона, защищая от большевизма занятые ею западные районы Белоруссии, Украины и Литвы, при отступлении своих войск обязывалась передать эти

территории легионерам Пилсудского. Пакт был подписан 5 февраля 1919 года, а уже в середине месяца польские войска заняли Брест, Гродно, Пружаны и Волковыск, которые им уступили немцы, возвращавшиеся в свой фатерлянд, где грянула революция.

Лидеры белорусской национальной идеи сразу же перебрались в Гродно. Оттуда группа бэнээровцев направилась в Варшаву, чтобы обсудить вопрос признания Польшей Рады БНР. Переговоры шли трудно, хотя глава делегации П. Алексюк заявил, что они не рассматривают вступление польских войск на территорию Белоруссии как ее оккупацию. Поляки всего лишь отменили декреты советской власти, восстановили прежние демократические свободы. Алексюк предложил совместно отстаивать общечеловеческие ценности, выдвинул идею создания белорусской армии, для чего просил разрешения проводить вербовку на территориях, где стояли польские легионеры. Делегация получила заверения, правда, неофициальные, что белорусы получат государственность на конфедеративной основе.

Окрыленные обещаниями, бэнээровцы вернулись в Гродно. К весне 1919 года поляки продвинулись в глубь Белоруссии, вошли в города Лиду, Барановичи, Новогрудок, Сморгонь. В августе они заняли Минск. Но власти Раде БНР не передали. Обеспокоенные этим, члены белорусского правительства пытались нажать на Пилсудского через Антанту, чтобы принять от поляков хотя бы функции гражданского управления на освобожденных от большевиков территориях. Однако просьбы не давали ожидаемого результата.

Осторожно подошли поляки и к идее создания белорусской армии. Только в конце октября Пилсудский издал декрет об образовании «войсковой комиссии» в составе Алексюка, Прушинского, Рак-Михайловского,

Якубовского, Кушеля, Мурашко и Конопацкого. Председателем комиссии был избран С. Рак-Михайловский, а главкомом белорусской армии – П. Конопацкий. Штаб разместился в городе Слониме, там же открылись офицерские курсы. Военную форму подарили американцы.

Однако, как показало развитие событий, надевать ее было некому. Белорусы не горели желанием записываться в создаваемую армию. «К сожалению, – констатировала Белорусская войсковая комиссия в конце 1920 года, – работа войсковой комиссии, не по ее вине, желаемых результатов не дала. Даже тех 2 белорусских батальонов, которые разрешалось сформировать декретом от 22 октября 1919 года, до сих пор набрать не удалось». Крестьяне считали, что разговоры о белорусской армии – обман, что их хотят набрать в польское войско.

К тому времени население уже успело разочароваться в поляках. Обещанной культурно-национальной автономии не было, более того, польские власти закрывали на занятых территориях белорусские школы, гимназии, культурно-просветительные учреждения. Усиленно насаждался польский язык, что вызвало недовольство коренного населения. Оппозиционные настроения начали крепнуть и в стане сторонников белорусской национальной государственности. Особенно резкий поворот обозначился среди эсеров, социалистов-федералистов и революционных социалистов-народников.

Раскол в Раде БНР становился неизбежным. И он произошел.

Полонофильство А. Луцкевича, П. Алексюка, Я. Лесика и В. Адамовича было подвергнуто уничтожающей критике на заседании Рады БНР в декабре 1919 года со стороны лидеров партии белорусских эсеров. Они высказались против польской

ориентации, провозгласив декларацию, в которой призывали к одновременной борьбе на два фронта: против польской оккупации и против «империалистически-московско-деникинской силы, идущей с востока».

Усилиями фракции эсеров Рада БНР была переизбрана, ее политику начала определять Белорусская партия социалистов-революционеров, открыто обвинявшая поляков в интервенции и колонизации белорусского населения. Польским властям, безусловно, такая прыть не понравилась, и Раду объявили распущенной. Ее президиум, состоявший в основном из эсеров, бросили в тюрьму, туда же поместили и некоторых активных членов партии, в частности, Т. Гриба, П. Бодунову и других. Избежавшие ареста эсеры-бэнээровцы бежали в Литву, где заключили соглашение о совместной борьбе против Польши и Советской России.

Как видим, все было не так просто, как это излагала официальная советская историография, называвшая бэнээровцев то наймитами кайзера, то слугами польских панов.

Взамен распущенной Рады поляки создали новую – Высшую Раду. В мае 1920 года она подписала с Польшей договор, согласно которому Белоруссия должна была стать автономной единицей в хозяйственных и культурных вопросах в составе восстановленной в пределах 1772 года Речи Посполитой. Соглашение подписали, но когда? Красная Армия к тому времени уже перешла в наступление и поляки начали отход по всему фронту. Остановились они только у самых стен Варшавы, где произошло знаменитое «чудо на Висле».

Внезапное наступление армий Тухачевского выбило почву из-под ног Высшей Рады. Польше было не до нее: в Белостоке Тухачевский высадил из пульмановских

вагонов Польшей - Временный революционный комитет Польши, то есть новое правительство, которое рьяно приступило к советизации взятых территорий. По образцу РСФСР создавались Советы в городах и селах, церковь отделялась от государства, само государство становилось рабоче-крестьянским. Повергнутая в отчаяние, брошенная союзницей, Высшая Рада предприняла последнее усилие: обратилась к Лиге наций с просьбой установить на территории Белоруссии свой протекторат - хотя бы до созыва краевого учредительного собрания, на котором предполагалось объявить независимость БНР. Увы, и этой надежде не суждено было сбыться.

Зигзаги истории парадоксальны. Много ли времени прошло после того, как Польшей погрузился обратно в пульмановские вагоны, которые прицепили к поезду Тухачевского, а уж из Варшавы в сторону Минска покатился другой поезд - маршала Юзефа Пилсудского - с белорусским правительством во главе с В. Ластовским. Польские войска, отогнавшие, к изумлению мира, Тухачевского от стен Варшавы и преследующие его по пятам, еще не взяли Минска, но Пилсудский, как до него Тухачевский, уже вез новое правительство. В портфеле В. Ластовского ждал своего часа декрет о независимости Белоруссии и о ее вступлении в федеративные отношения с Польшей.

То, что случилось под Варшавой, было действительно «чудом на Висле». Тухачевский был всего в двадцати километрах от польской столицы, но в этот момент по его растянувшимся войскам обрушился страшный удар сразу по двум направлениям. Отступление Тухачевского было хаотическим. Боевые части, штабы, госпитали, тылы - все перемешалось. Временами отступление превращалось в бегство. Были сданы Брест, Белосток, Бобруйск - кстати, в Бобруйске формировалась польская Красная Армия. В результате

бесславной польской кампании Тухачевский потерял почти все территории, отвоеванные у Польши.

Минск полякам взять не удалось, они были остановлены от него в ста километрах, в городе Слуцке. А через несколько дней в Риге были подписаны предварительные условия мира между РСФСР, УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой. Белорусская ССР передала РСФСР свои полномочия по ведению переговоров, поскольку не имела ни дипломатов, ни представления о том, какие условия надо отстаивать – это знала и решала Москва. Правда, согласно некоторым источникам, в Ригу, где проходили советско-польские переговоры, в октябре 1920 года выезжал представитель БССР А. Червяков, но его к участию в переговорах не допустили.

Польша вынуждена была признать независимость советских республик – Украины и Белоруссии. Вопреки желанию лидеров национальной идеи. Ластовский предпринимал – увы, безуспешно – попытки, чтобы участвовать в рижских переговорах. Однако хитрость, удавшаяся в Бресте в 1918 году, здесь не прошла. Мирные переговоры о предварительных условиях мира, начатые 17 августа в Минске, закончились в Риге 12 октября 1920 года соглашением о линии государственной границы между Польшей и советскими республиками. Ластовский рвал волосы на голове: Польша пошла на раздел Белоруссии, согласившись отдать совдеповской России восточные белорусские земли. Мечта о неделимом белорусском государстве снова отодвигалась.

Брошенные в очередной раз союзниками, бэнээровцы пытались исправить положение с помощью дипломатии. Однако обращения к правительствам Англии, Франции и США с просьбами признать независимость и национальный суверенитет БНР отклика не находили. Наверное, историки советской

Белоруссии правы: лидеры БНР рассчитывали, что новая военная интервенция Антанты сорвала бы заключение Рижского мирного договора и способствовала бы восстановлению в Белоруссии власти Рады БНР. Этим, похоже, и объясняются призывы Рады к Антанте любыми средствами продолжить борьбу с советской властью, ни в коем случае не идти на мир.

Не получив помощи на дипломатическом поприще, решили применить военную силу. Руководитель военно-дипломатической миссии БНР в Прибалтике К. Езовитов признал генерал-майора Булак-Балаховича в качестве командира отдельного отряда Белорусской Народной Республики. Под командованием генерала было около 20 тысяч солдат. Как утверждают официальные источники, с благословения польского генерального штаба Булак-Балахович 6 ноября 1920 года начал наступление в направлении Мозырь – Калинковичи и захватил оба города.

С ним были П. Алексюк и В. Адамович – руководители Белорусского политического комитета, созданного накануне наступления, а также американские и английские наблюдатели. В Мозыре одетые в диковинную форму белорусской войсковой комиссии Алексюк и Адамович провозгласили создание Белорусской демократической республики и мобилизацию крестьян в белорусскую армию. Булак-Балахович был представлен жителям как главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Белоруссии.

Если в Мозыре, Калинковичах, Речице, Турове и других городах Полесья, которые отходили к БССР, борьба за неделимую Белоруссию проходила с помощью вооруженных сил, наступавших с польской стороны, то в Слуцке ситуация была несколько иной.

Слуцк, город в ста километрах от Минска, а также весь уезд, повторно занятый польскими войсками,

согласно предварительному Рижскому договору отходил к БССР. По версии белорусской советской историографии, эсеры инспирировали антисоветский мятеж, получивший громкое имя «вооруженного восстания». Эмигрантские историки преподносят слуцкие события как глубоко народное по характеру движение трудящихся Белоруссии, как символ вооруженного восстания за независимость отчизны. Оба эти события – наступление Булак-Балаховича и восстание в Слуцке – белорусская эмиграция отмечает и поныне как выдающиеся даты в истории национально-освободительной борьбы.

Что же произошло в Слуцке? Узнав, что польские войска вот-вот должны отойти за демаркационную линию, а в город и уезд войдет Красная Армия, горожане созвали съезд представителей волостей и местечек. Прибыло более 100 человек. Съезд высказался против восстановления советской власти в уезде и объявил его территорией независимой Белорусской Народной Республики. В Варшаву на имя правительства Польши полетела телеграмма протеста в связи с передачей Слуцкого уезда Белорусской ССР.

Съезд продолжался два дня – 15 и 16 ноября. Он создал временное правительство – Слуцкую Раду во главе с Владимиром Прокулевичем. По призыву Рады началась запись в войска. Довольно быстро была сформирована «первая белорусская бригада» численностью около 4 тысяч человек. Ее возглавил Антон Сокол-Кутыловский. Бригада состояла из двух полков, которыми командовали подполковник Гаврилович и капитан Семенюк. Второй и третьей бригад не было: советское правительство нажало на Варшаву, и та отдала распоряжение отвести польских солдат за демаркационную линию. Вслед за польскими войсками отошли и слуцкие повстанцы. Часть их перешла на сторону поляков, другая часть пыталась

закрепиться на нейтральной полосе, но после первых же стычек с Омской дивизией Красной Армии потерпела поражение и отошла за реку Лань, где стояли поляки.

Второе крупное антибольшевистское выступление имело место в Койдоново, где даже была создана Койдоновская Независимая Республика. Правда, продержалась она всего четыре дня. Волнения прошли и в ряде других мест.

У бэнээровцев костью в горле стояли рижские договоренности 12 октября 1920 года. Смириться с ними было невозможно. Но большая политика решается в больших столицах. Сорвать мирный договор оказалось не по силам и шовинистически настроенным военным кругам Польши, хотя они с охотой шли на различные вооруженные столкновения.

Произошло то, что должно было произойти - в Риге 18 марта 1921 года был окончательно подписан мирный договор. В соответствии со второй статьей договора из коренных белорусских земель к Польше отошли полностью Гродненская губерния, некоторые уезды Виленской и западные уезды Минской губерний. Решением польского правительства эти земли были разделены на четыре воеводства: Полесское, Новогрудское, Виленское и Белостокское. На их территории, согласно переписи 1921 года, проживало 3372134 человека. Основную массу населения Западной Белоруссии - 2371 тысячу или 70,5 процента - составляли белорусы. На втором месте по численности населения были евреи - 385 тысяч или 11,4 процента. Польское население насчитывало 311 тысяч человек или 10 процентов.

Началась 16-летняя перековка почти 3,5-миллионного населения в обратном направлении. Она продолжалась до 1939 года, когда искусственно разделенный народ снова воссоединился в одной семье - теперь уже советской. Исторический спор между

сторонниками западного пути развития Белоруссии и восточного, пророссийского, разрешился на целых 70 лет в пользу последнего.

Так вот сразу, в 1921 году, после Рижского договора?

Отнюдь нет. Бэнээровцы, потерпев поражение, не сложили, однако, руки. В сентябре 1921 года в Праге состоялась белорусская национально-политическая конференция, отклонившая Рижский мирный договор между РСФСР и Польшей и призвавшая все белорусские партии и организации объединиться вокруг Рады БНР и правительства В. Ластовского в борьбе против советизации восточных областей Белоруссии. Пражская конференция выдвинула лозунг: «Ни с Варшавой, ни с Москвой, а с белорусским народом». Разочаровавшись в Германии и Польше, основные надежды бэнээровцы теперь связывали со странами-победительницами. «Мы верим в государственный разум великих государств, – говорил на конференции А. Цвикевич. – Мы верим в Антанту».

С радостными ожиданиями ехали Ластовский и Цвикевич в 1922 году в Геную, где намеревались получить поддержку и признание БНР на международной конференции. Однако правительство в изгнании на конференции признано не было. Советская Россия набирала вес, и с ней были вынуждены считаться.

Внешнеполитические неудачи поставили БНР в трудное положение. Назревающие разногласия в среде белорусских эмигрантов привели к отставке Ластовского. Случилось это весной 1923 года. Новым председателем Совета Министров БНР стал А. Цвикевич.

При нем активность правительства БНР начала заметно снижаться. У Цвикевича и его соратников был выбит сильный козырь: Москва развернула кампанию «белорусизации» БССР. В Минске открылся Белорусский

государственный университет, Институт белорусской культуры, расширялась сеть национальных школ. Эмигрантское правительство БНР уже не могло претендовать на роль единственного защитника интересов белорусского народа.

В это время с Цвикевичем усиленно налаживали контакты уполномоченные БССР. В конце концов он уступил и на переговорах с председателем Совнаркома БССР Я. А. Адамовичем в Праге согласился провести вторую национально-политическую конференцию с целью роспуска БНР, что и было сделано в Берлине в октябре 1925 года. Берлинская конференция приняла решение прекратить борьбу с советской властью и признала Минск единым центром национально-государственного возрождения Белоруссии. Некоторые эмигранты вернулись в БССР и были прощены. Во всяком случае, на первых порах. Потом многих из них ждала печальная участь.

Пресса БССР в те дни много писала о самоликвидации правительства БНР. Были опубликованы многие документы и, в частности, протокол заседания Совета Министров Белорусской Народной Республики, которое состоялось в Берлине 15 октября 1925 года. «Слушали: Доклад председателя Совета Министров А. Цвикевича о нынешнем состоянии правительства Белорусской Народной Республики и об общем политическом положении Белоруссии. Постановили: В связи с нынешним положением Белоруссии, западная часть которой находится под оккупацией Польши, а восточная - образует Белорусскую Советскую Республику в составе Социалистического Советского Союза, в целях объединения всех сил народа для его полного национального и социального освобождения, в полном согласии с краевыми белорусскими организациями постановили - объявить с сего дня правительство

Белорусской Народной Республики упраздненным и прекратившим свою деятельность». Под протоколом подписи: Председатель Совета Министров Белорусской Народной Республики А. Цвикевич, исполняющий обязанности министра финансов Захарько, государственный контролер Л. Заяц, государственный секретарь В. Прокуленок.

К протоколу прилагалось постановление заседания Совмина БНР: «Осознавая то, что власть крестьян и рабочих, закрепленная в Минске, столице Советской Белоруссии, действительно стремится возродить белорусский народ культурно, экономически и государственно, что Советская Белоруссия есть единственная реальная сила, которая может освободить Западную Белоруссию от польского угнетения, в полном согласии с краевыми организациями, постановили – прекратить существование Белорусской Народной Республики и признать Минск единым центром национально-государственного возрождения Белоруссии». Под документом подписи Цвикевича, Прокуленка и Зайца.

Заявление Цвикевича, опубликованное в главной газете Советской Белоруссии «Звезда» 15 ноября 1925 года, подавалось с нескрываемым торжеством, под громкой «шапкой»: «Белорусская эмиграция за Советскую Белоруссию! Советское правительство – единственный защитник белорусского народа».

«Решение правительства Белорусской Народной Республики, – говорилось в заявлении А. Цвикевича, – прекратить свое существование и тем самым подчеркнуть значение Минска, как центра белорусского освободительного движения, назревало уже давно. Как среди белорусских организаций на местах, так и среди отдельных членов правительства уже давно была мысль о необходимости объединения всех сил народа для достижения важнейшей национальной задачи –

освобождения Западной Белоруссии от польского захвата.

Ясно, что подобное объединение могло состояться вокруг Минска и правительства Советской Белоруссии, как реальной силы, а не вокруг правительства Белорусской Народной Республики, которое имело преимущественно декларативный характер. В этом отношении мнение местных организаций, отражающих настроения широких масс населения Западной Белоруссии, чем далее, тем все более становилось ясным и твердым.

Жестокие преследования, которым подвергалось и подвергается белорусское население Виленской, Гродненской и части Минской губернии в Польше, естественно вынуждают его смотреть на Восток и видеть в Советском Союзе единственного защитника своих нарушенных прав.

Население Западной Белоруссии видело и видит, что в то время, как польская власть насилует детей, заставляя их ходить в польскую школу, в которой они не понимают ни слова, а родителей – садит в тюрьмы за попытки организовать школу на родном языке, в то самое время, здесь же, через границу, не только не препятствуют этому справедливому национальному стремлению, но всячески его поощряют, в то же время, как крестьянство Западной Белоруссии терпит страшную земельную нехватку, обложено непосильными налогами и подвергается издевательствам со стороны польских помещиков, – там, за граничным столбом, оно не знает никаких помещиков, несет нормальные повинности и видит со стороны власти действенное стремление улучшить его экономическое положение; в то время, как здесь, под Польшей, оно политически бесправно (при выборах самоуправлений один польский голос равен четырем белорусским), его ненавидит центральная власть в

Варшаве, стремящаяся насадить в крае военную колонизацию, – там, в Советской Белоруссии, оно имеет свою собственную белорусскую власть, а значит, и гарантии полноправного положения.

Правительство Белорусской Народной Республики также боролось за облегчение судьбы населения Западной Белоруссии. Однако та возможность, которая имелась в его распоряжении, а именно – апелляция к «международному трибуналу справедливости», – Лиге Наций, и соответственная пропаганда в Европе, не дали решительно никаких результатов. Лига Наций оставалась абсолютно глухой к подобным протестам, так же как и к интерпелляции белорусской фракции в польском сейме и сенате, и тем давала понять Польше, что она солидарна с ее политикой угнетения Белоруссии. Нет после этого ничего удивительного, что правительство решило сдать свои мандаты и тем подчеркнуть значение Минска. Такой акт, по нашему мнению, должен быть принят и Лигой Наций.

Указанный выше чисто тактический момент, вызвавший акт упразднения, не являлся, однако, решающим. Решающим моментом была та национальная политика, которую проводит сейчас Союзное Советское правительство. Советы правильно учли и тот факт, что национальный пафос угнетенных народов является могучей созидательной силой и она сняла вековой запрет национального развития, наложенный на Белоруссию царским правительством. В этом отношении положение в Советской Белоруссии отражает в себе тот великий процесс возрождения угнетенных народностей, который так активно и так серьезно поддержан советской политикой.

Чем, как не твердым решением поддержать Советский Союз, – может ответить угнетенная национальность на эту поддержку?

Потому совсем ясно, что между возрождаемыми народами и советской властью теперь пишется договор о взаимной перестраховке, договор не на бумаге, а в жизни, в сознании и воле многих миллионов.

Правительство Белорусской Народной Республики поняло это глубокое историческое явление и сделало из него соответствующий вывод».

Не надо быть глубоким стилистом, чтобы понять, где написан текст заявления А. Цвикевича. Работая в Минске, я читал его речи, статьи, брошюры. Там совсем иной язык, иная лексика, конструкция фразы. А здесь... Здесь явно поработали партийные писаря из отдела пропаганды ЦК – может быть, не только КП(б)Б, но и самой ВКП(б).

Не зря, наверное, не все члены правительства Цвикевича сложили свои полномочия. Не согласившийся с решениями Берлинской конференции П. Крачевский возглавил новый состав Совета Министров. В 1928 году, когда Крачевский умер, пост главы белорусской государственной власти занял В. Захарько. С его именем связывали надежды БНР на союз с Германией, в которой к власти пришел Гитлер. Известны два документа, подписанные президентом БНР, адресованные Гитлеру.

В апреле 1939 года Захарько обратился к фюреру с меморандумом, в котором от имени угнетенного Советами белорусского народа просил рассматривать его в качестве союзника Германии. «Будучи убежденным в том, что какие бы события ни развернулись в Европе, Германская империя будет всегда играть в них первую роль, я покорно прошу Ваше превосходительство сделать одолжение иметь при этих событиях во внимании Белоруссию».

Сохранилась и телеграмма, направленная Захарько Гитлеру из Праги 28 июня 1941 года с приветствием по случаю вторжения немецких войск на территорию

Белоруссии с целью освобождения ее народа от большевистского ига.

«Фюреру и рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру. Берлин. Ваше превосходительство! Белорусская колония протектората Богемии и Моравии на своем собрании в Праге 27-го июня с. г. решила передать вам, ваше превосходительство, как первому истиннейшему освободителю Европы от московских большевиков, а также победоносной немецкой армии, вступившей в Белоруссию для освобождения нашего тяжело страдающего под большевистским игом народа, самые сердечные пожелания.

Желаем вам, ваше превосходительство, скорой решающей победы над большевистско-жидовским режимом на всех фронтах.

Мы питаем надежду, что белорусский народ в новой, созданной вами Европе, будет принадлежать к свободным народам, и мы готовы поставить все наши силы на службу этого хорошего дела.

Председатель Др. И. Гениуш. Прага, 28 июня 1941 года».

В годы Великой Отечественной войны преемницей Рады БНР стала созданная в Минске Белорусская Центральная Рада (БЦР), которую возглавлял Р. Островский. Чтобы подчеркнуть преемственность этих органов, по аналогу с I Всебелорусским съездом 1917 года, когда была образована Рада БНР, летом 1944 года БЦР созвала II Всебелорусский конгресс. Предвидя исход войны, лидеры БЦР приняли резолюцию об отделении Белоруссии от СССР, о создании надклассового национального государства в форме народовластия. Советская власть в Белоруссии искусственна, чужеродна народу, – говорилось в документе. Белоруссия должна пойти не по социалистическому и не по капиталистическому пути. У

нее – третий путь, сочетающий как социалистические, так и капиталистические начала.

За шесть дней до освобождения Минска от немцев Советской Армией глава Белорусской Центральной Рады Р. Островский направил в Берлин телеграмму следующего содержания: «Вождю великой Германии Адольфу Гитлеру, Главная квартира. 27 июня 1944 г. Второй Всебелорусский конгресс, на который съехались в столичный город Белоруссии – Минск 1093 представителя белорусского народа 27. 06. 44 г., поручил мне послать Вам, Фюрер, приветствие и заверить Вас, что белорусский народ будет неуклонно бороться вместе с немецким солдатом против общего нашего врага – большевизма.

Мы надеемся и верим в окончательную победу, которая под Вашим руководством, при строительстве Новой Европы, принесет счастливое будущее белорусскому народу. Да здравствует победа! Р. Островский».

После войны деятели БЦР ушли на Запад вместе с немцами. Оказавшись за океаном, вновь возродили органы БНР. Расхождение во взглядах привело к созданию двух конкурирующих рад – Белорусской Центральной Рады и Рады БНР. До 1987-1988 годов всех деятелей эмигрантских правительств БНР белорусская советская историография называла изменниками, националистами, нанятыми на службу международным империализмом. В постсоветский период появились публикации, в которых различаются течения и оттенки в эмигрантской среде, по-новому осмысливается жизнь и деятельность сторонников третьего пути Белоруссии. События прошлого становятся в центре нынешней общественно-политической борьбы.

Любопытно, что летом 1993 года при активном участии Белорусского народного фронта состоялась III Всебелорусская конференция, продолжавшая по

замыслу ее устроителей, «незалежницкую» традицию I Всебелорусского съезда 1917 года и II Всебелорусского конгресса 1944 года. Так вот, III конференция объявила решения Берлинского съезда 1925 года о роспуске БНР дезавуированными и провозгласила приверженность прежнему, «незалежницкому» курсу. Получается, что не БССР, а БНР была защитником интересов белорусского народа.

Внимание к истории БНР в нынешней Белоруссии огромное. Молодежь с удивлением узнает, что граждане БНР имели паспорта, в том числе и дипломатические, что в 1918 году в качестве государственных были узаконены бело-красно-белый флаг и герб «Погоня», а в 1920 году – и государственный гимн БНР. Публикуется много материалов о вождях БНР. Перед смертью Захарько передал государственную печать и архив М. Абрамчику, который выполнял функции председателя Рады БНР до 1970 года. В 1970 году эмигрантская Рада БНР избрала на его место В. Жук-Гришкевича, а в 1982 году – Е. Сажича.

В феврале 1998 года канадская газета «Оттава ситизен» сообщила: вот уже почти 30 лет в неприметном канадском городке Халл живет иммигрантка из Белоруссии, о которой, наверное, канадцы так никогда и не узнали бы, если бы летом 1997 года она не была избрана белорусским... «президентом в изгнании». Корреспондент этой газеты Майк Трики «добился аудиенции» и рассказал о «политическом изгое» в пространной статье.

61-летняя Иоанна Сурвилла охотно поведала, что удостоена она столь высокой чести на конференции Рады, претендующей на роль белорусского парламента «в изгнании», которая состоялась в американском штате Нью-Джерси. Учрежденная в 1918 году, до установления в Белоруссии советской власти, Рада

ныне состоит из 80 членов. Сурвилла избрана на 6-летний срок, став шестым президентом и первой женщиной, занявшей этот пост.

Глава правительства, пусть даже «в изгнании», считает корреспондент, – достаточно крупная птица, чтобы все знали ее биографию. Родилась Иоанна Сурвилла в 1936 году. Ее отец, как утверждается, был репрессирован, но ГУЛАГа ему удалось избежать – Белоруссию оккупировали фашисты. Когда же Красная Армия с помощью белорусских партизанских отрядов освободила родные места Сурвиллы, ее семья подалась на Запад вслед за отступавшими гитлеровцами.

Первые годы эмиграции Иоанна провела в Дании, Испании и Франции, в 1969 году переехала в Канаду, где долгие годы работала переводчицей в одном из правительственных ведомств, а в свободное время, как она сообщила журналисту, «трудилась на благо Беларуси». Труд этот, судя по всему, не пропал даром – избрание президентом говорит само за себя.

И автор, и его героиня не затронули юридические аспекты избрания на президентский пост, и, по-видимому, не случайно. Ведь депутаты Рады, избранные в нее почти 80 лет назад, надо полагать, уже ушли в мир иной, а новым выборам состояться было не суждено. Кого же в таком случае представляют и чьим доверием облечены нынешние 80 «радчан» и избранный ими президент? Увы, этими подробностями «избранница народа» и журналист утомлять читателей не стали. Зато они дуэтом принялись обличать нынешний «репрессивный режим» в Белоруссии.

К сведению: Рада БНР не признает законными II Всебелорусский конгресс, созванный в Минске в условиях немецко-фашистской оккупации, и созданную им Белорусскую Центральную Раду. Любопытно и то, что Рада БНР не высказала своего официального отношения к Декларации Верховного Совета БССР о

государственном суверенитете Белорусской ССР, к постановлению Верховного Совета БССР о политической и экономической независимости Белорусской ССР, к принятию нового названия и узаконению в качестве государственной символики Республики Беларусь бело-красно-белого флага и герба «Погоня», которые, правда, просуществовали в постсоветской Белоруссии непродолжительное время и при президенте А. Лукашенко были заменены прежней, советской символикой.

Глава 5

ЧЕТВЕРТОЕ ВХОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ В РОССИЮ

Две предыдущие главы со столь подробным историческим экскурсом крайне необходимы. Без достаточно серьезного проникновения в прошлое трудно понять нынешнюю непростую обстановку в республике, ибо истоки многих сегодняшних неурядиц кроются в давнишних обидах и неприятностях. Знать их необходимо, особенно русским, проживающим в Белоруссии.

К сожалению, у большинства россиян бытует поверхностное, упрощенное представление об истории белорусского народа. Многие считают, что белорусы никогда не жили жизнью самостоятельного организма, что они всегда принимали русское присутствие, как некую данность. Теперь мы убедились, что среди разных течений общественно-политической мысли в Белоруссии существовала (притом, много веков подряд) идея национальной самобытности. Другое дело, что реализоваться ей не было дано ни в Великом княжестве Литовском, ни в Речи Посполитой, ни в Российской империи, и, как считают народнофронтовцы, ни в СССР.

Тем не менее белорусская национальная культура есть факт исторический. И это несмотря на то, что она не признавалась российским государством и обществом с 1772 года, когда Белоруссия была присоединена к Российской империи, вплоть до 1905 года, когда известным царским манифестом провозглашались некоторые послабления для населения окраин. В частности, белорусы получили тогда возможность

издавать газеты и книги на родном языке, объединяться в культурно-просветительские общества, чего они были лишены более 130 лет.

Новому прочтению подвергается история Белоруссии в составе СССР. Индустриализация и коллективизация, которые раньше преподносились в качестве самых совершенных средств решения многих проблем республики, стали подвергаться дружной критике. Все больше речей в поддержку третьего пути, за сохранение национальной самобытности, сельского уклада жизни, якобы наиболее присущего белорусам. Стремление оценивать события прошлого и настоящего дня открыто и непредвзято – без оглядки на Москву или на Запад – вот что, пожалуй, больше всего бросается в глаза.

С кем быть сегодня Белоруссии? На кого ориентироваться? На Москву? На Запад? Если на Запад, то с кого брать пример? С Польши? Со Швейцарии? Русские, проживающие в Белоруссии, конечно же, хотят, чтобы Минск по советской традиции тяготел к Москве. Народный фронт Белоруссии, объединяющий коренных белорусов, другие партии и движения, разделяющие позиции БНФ, тщится доказать невозможность тесной интеграции Белоруссии с Россией, предрекают полную ассимиляцию народа, не законченную в годы советского правления.

Простые люди прицениваются к этим двум основным точкам зрения, прислушиваются к аргументам обеих сторон. Из всех бывших советских республик ближе всех к России, безусловно, их страна. И географически, и, пожалуй, политически, действительно, Белоруссия была своеобразным мостом, соединяющим Москву с Западом, а также сельскохозяйственным и индустриальным центром. Когда министр иностранных дел России Андрей Козырев говорил в январе 1994 года о жизненно важных

приоритетных интересах его страны в соседних странах, Белоруссия была в самом начале этого списка. Руководство в Минске не прокомментировало заявление, значит, наверное, согласно с ним.

Конечно, согласно. «Наша непосредственная цель – жить в условиях еще большей дружбы с Россией», – сказал Мечеслав Гриб, генерал министерства внутренних дел при советской власти, который в 1994 году стал председателем парламента вместо Станислава Шушкевича. Но Зенон Позняк, руководитель оппозиционного Народного фронта Белоруссии, утверждал: «Это переворот, осуществленный коммунистами, которые работают на российское государство. Они собираются ликвидировать белорусское государство».

Иностранные дипломаты, аккредитованные в Минске, информировали в начале 90-х годов свои правительства о ситуации в Белоруссии: после столетий литовского, польского, русского и затем советского правления претензии Белоруссии на национальную самобытность и государственность кажутся не особенно настойчивыми. Программа усиленной русификации в советскую эру означала, что большинство белорусов учились в русской школе, читали газеты на русском языке и говорили между собой по-русски. С обретением независимости после распада СССР положение вроде бы начинает меняться: материалы на белорусском языке появляются повсюду – от начальной школы до политических форумов и средств массовой информации.

Но из-за экономических трудностей многие белорусы, принадлежащие к старшему поколению, убеждены в том, что независимость – это ошибочная идея. По мнению руководителей, относящихся к старой гвардии, главная цель – это заключить с Москвой экономическое соглашение. Почему они так настаивают

на нем? Западные дипломаты сходились в своих оценках: экономическое соглашение позволит правительству выиграть время, чтобы остаться у власти. Старым руководителям важнее власть, чем суверенитет. В конце концов белорусская коммунистическая номенклатура никогда не требовала независимости. Она просто свалилась на белорусов, когда произошел крах Советского Союза. По информации, которой располагали дипломатические представительства иностранных государств в Минске, часть белорусского правительства и законодателей даже предпринимала попытки отменить внезапное отделение от Москвы.

Если бы Белоруссия не подверглась такой интенсивной индустриализации, как это произошло в советский период, если бы она не имела чудовищных заводов, а была бы республикой легкой и перерабатывающей промышленности. Если бы Белоруссию не превратили в сборочный цех СССР... Тогда ее отделение от России произошло бы менее болезненно. Но поскольку за два с четвертью столетия белорусы прочно интегрировались в российскую жизнь, а за 70 советских лет белорусская экономика стала частью единого народнохозяйственного комплекса страны, то внезапный обрыв связей привел республику к глубочайшему кризису.

Премьер-министр Белоруссии Вячеслав Кебич, выступая 29 декабря 1993 года на приеме для глав и сотрудников дипломатических представительств, аккредитованных в Минске, в сердцах произнес: да не отказываемся мы от независимости, не хотим потерять государственность! Нас больше всего привлекают социальные ориентиры и политические ценности западноевропейских демократических и социал-демократических партий. Перечислив их достоинства, включая и то, что они первыми теоретически осмыслили

и разработали основы строительства общества классового мира, а также обеспечили мир и сотрудничество между прежде враждовавшими государствами, белорусский лидер прямо сказал, что эти достижения с учетом поправок на новые исторические условия могут быть с успехом перенесены и на белорусскую политическую почву. То есть Кебич продемонстрировал миру приверженность идее независимости в ее западном понимании.

Итак, заверения в неизменности курса прозвучали. Казалось бы, они должны оказать благоприятное впечатление на слушателей и обернуться звонкой монетой инвестиций. Западу ведь было известно, что, отделившись от Москвы, Белоруссия по-прежнему зависела от России на все 100 процентов по энергоресурсам, на 50-60 процентов – по металлу и другим важнейшим видам сырья. Внешним рынком сбыта белорусской продукции тоже оставалась Россия. Конкурентноспособно на мировом рынке лишь 3 процента производимых в Белоруссии товаров.

Западу были хорошо известны и трудности чисто местного характера.

Во-первых, это неблагоприятная для перспектив экономического развития демографическая структура населения, в которой значительную долю занимают люди пенсионного и предпенсионного возраста. Как мы отмечали в первых главах, в Белоруссии всегда стремились проживать граждане, выходявшие на пенсию в других регионах Советского Союза.

Во-вторых, это невиданная для других стран концентрация вооруженных сил бывшей Советской Армии и необходимость выполнения обязательств бывшего СССР по разоружению, чему Белоруссия, кстати, строго следовала.

В-третьих, это тяжелейшее бремя борьбы с последствиями чернобыльской катастрофы. Недаром,

повторю, в республике мрачно иронизировали о том, что после раздела СССР Белоруссии достался один Чернобыль.

Не является секретом для Запада и то, что в последнее время экономика Белоруссии находится в глубочайшем кризисе. Объемы производства падают, инфляция и разбалансированность потребительского рынка растут.

Казалось бы, в условиях продолжавшегося исторического спора, по какому пути развиваться молодому государству, Белоруссии следовало бы помочь инвестициями. Бывший спикер парламента Станислав Шушкевич тоже находился в минипроцессии бедных бывших советских государств, отправившихся после обретения независимости в Белый дом с протянутой рукой. Но помощи, увы, Станислав Станиславович не получил. Белоруссии было выделено лишь 100 тысяч долларов под одну-единственную целевую программу, а именно: демонтаж нескольких десятков ядерных ракет, оставленных СССР. Что же касалось экономической помощи, то г-н Рассел Портер, представитель американского управления международного развития, определявшего помощь иностранным государствам, заявил: «Наша философия заключается в том, чтобы помощь следовала за реформой». И разъяснил, что Белоруссия пока еще не продемонстрировала того прогресса в демократизации и проведении рыночных реформ, на котором настаивает Билл Клинтон.

И это в условиях, когда США переключили внимание на государства, ранее находившиеся под контролем Москвы! Изменение адреса в оказании иностранной помощи бывшим советским республикам было вызвано объявленными в начале 1994 года долгосрочными интересами России в отношении стран ближнего зарубежья. Если бывшие советские республики смогут

успешно преодолеть свою зависимость от Москвы, утверждали официальные представители США, возможности получения помощи увеличатся. Доказательством был пример Украины, Казахстана, Грузии, лидеров которых ожидал в общей сложности 1 миллиард долларов.

Клинтон был тверд и непреклонен: американскую экономическую помощь для выполнения таких задач, как развитие банковских систем, коммерческого сектора и рыночной экономики получают те, кто проводит реформы. Выходит, белорусы чем-то не угодили?

Вячеслав Кебич считал, что в условиях Белоруссии применение классических рыночных рецептов по западному образцу в лучшем случае малоэффективно и даже может вызвать результаты, обратные желаемым. Пример тому – судьбы реформ в России. Белоруссия вовремя удержалась от соблазна следовать в фарватере российских преобразований, не приняла главных идей радикальных рыночников – обвальная либерализации цен и тотальной приватизации. И тем самым не допустила такого развала, как у соседей. Правительство Кебича намеревалось с учетом трезвой оценки возможностей республики полнее использовать роль государства в осуществлении перехода к рынку.

Его стихии Кебич противопоставил свою модель экономики. По мнению первого постсоветского премьера, курс на огульное разрушение того, что было в СССР, всех норм и принципов прежней экономики не только ошибочен, но и пагубен. Нигде на территории бывшего СССР модель, предложенная радикальными рыночниками, не привела к успеху. Кебич был убежден, что необходимо всячески оберегать, совершенствовать и государственную форму собственности. Он считал, что с эйфорией по поводу частной собственности, которая только и может якобы создать настоящего

хозяина и обеспечить самые высокие результаты, пора бы расстаться.

В подтверждение своим мыслям Кебич приводил примеры из мирового опыта. Во многих развитых странах почти половина предприятий – государственные, и они работают не хуже частных. То же и в сельском хозяйстве. Самые высокие результаты получают на государственных землях Голландии и государственно-кооперативных – Израиля. И те же арендаторы (а в Западной Европе их почти половина), которые вовсе не собственники, имеют ничуть не худшие показатели, чем ее владельцы.

Кебич ссылаясь и на свой, белорусский опыт. При всех недостатках колхозно-совхозного строя и во много раз меньшей, чем у западных фермеров, вооруженности колхозы и совхозы БССР производили на душу населения молока в 2,5 раза больше, чем фермы США. И по мясу в расчете на душу населения белорусы их тоже, считай, догнали.

Белорусский премьер был высокого мнения о планировании экономики. Он часто приводил пример, потрясший его. В Канаде за четыре часа были собраны общенациональные данные о количестве, ассортименте, качестве обуви, наличии спроса на нее – и затем использованы для составления прогноза и корректировки планов. Для того чтобы выйти из кризиса, Кебич укреплял государственное планирование, как бы ни высмеивали его российские средства массовой информации за готовность возродить Госплан. Как выводил Франклин Рузвельт из кризиса, вызванного стихией свободного рынка, экономику США? Плановыми программами, контролем и регулированием цен, процентных ставок. Да и в конце XX века в Западной Европе цену на сельхозпродукцию странам ЕЭС планировали и доводили из Брюсселя. А рынок Юго-Восточной Азии, японское экономическое

чудо? Все это результат мощнейшего обоснованного научно-планового регулирования.

Белоруссии, по словам Кебича, тоже надо подключать к борьбе против стихии рынка все государственные и научные структуры. Он не противник самой идеи рынка, который, кстати, был и в СССР. Он не принимал модели, подsunутой радикал-реформаторами. Кебич не допустил распространения права частной собственности на те земли, которые шли в товарное сельхозпроизводство. Эта правовая норма и при президенте А. Лукашенко распространяется только на приусадебные и садовые участки, но это, по сути, личная собственность. Руководители Белоруссии исходили не только из учета более высокой эффективности коллективистских форм, но и из объединительных общинных начал, заложенных в душе белорусского народа, в славянском менталитете.

По-иному, чем в России, проведена в Белоруссии и приватизация. Формально она была начата в 1991 году, но первые чеки под названием «Имущество» граждане республики получили только в апреле 1994 года. Приватизационные чеки в Белоруссии, в отличие от российских, не простые, а именные. Пользоваться ими можно только через личный счет в сбербанке, на руках остается лишь сертификат о количестве.

Сумма выдаваемых чеков определялась трудовым стажем и возрастом. Гражданин старше 35 лет получал 50 чеков, в возрасте от 30 до 25-40, с 25 до 30-35, а с 16 до 25-20. Родители младенца имеют 10 ваучеров. За того, кто умер, получили родственники, если имя скончавшегося было в списках, составленных в августе 1991 года. За каждый год стажа работы выдавался один чек. По подсчетам, наибольшее количество ваучеров получили инвалиды Великой Отечественной войны (до 30 дополнительных чеков) со стажем до 30 лет.

В России же все граждане, от младенца до престарелого, получили только по одному ваучеру. Независимо от трудового стажа, вклада в народное хозяйство. Ученые с мировыми именами были приравнены к только что родившимся детям. Такой подход вызывает ныне дружную критику, особенно после того, как всю концепцию российской приватизации постиг крах. О чудовищной афере все громче говорят даже те, кто на первых порах был горячим сторонником чубайсовской концепции, кто искренне верил, что обладает стоимостью двух «Волг».

Своеобразие белорусской приватизации заключается в том, что с 1991 по 1994 год часть госсобственности, притом почти бесплатно, получили – в форме аренды – работники небольших предприятий. По «совминовской аренде», как здесь называют этот этап, купить госсобственность в Белоруссии могли и иностранцы, и лица без гражданства. Второй этап – передача чеков всем, кто на момент получения гражданства (ноябрь 1991 года) жил в Белоруссии.

Реформы в Белоруссии называют вялотекущими, обвиняя правительство в нерешительности и консерватизме. Но еще Кебич считал: лучше учиться на чужих ошибках. Белорусы никогда не побегут впереди паровоза. В мудрости этого правила убеждает опыт буйно протекших и оторопело замешкавшихся сегодня реформ в России. Кебич, а вслед за ним и Лукашенко – за более мягкий вариант преобразований, за то, чтобы больше было терапии и меньше – шока. Несмотря на давление и своих демреформаторов, и российских, и мирового сообщества, в Белоруссии – без сырья, без энергоресурсов – сила воздействия государства на экономические процессы, а значит, степень управляемости экономикой выше, чем в нынешней России. Это выгодная ситуация, и Лукашенко хочет ею воспользоваться.

И Кебич, и Лукашенко намеревались краеугольным камнем своей политики сделать взаимодействие с Россией. Это привлекало и пугало. Привлекало перспективой улучшить жизнь. Рядовые жители не понимали, что произошло. Почему республика, которую еще недавно называли процветающей (при общесоюзных темпах развития 3 процента здесь было до 8 процентов, для сравнения: в Грузии 0 процентов, она никогда не сводила концы с концами), стала нищей? Почему коллективы многих предприятий по несколько раз в год уходят в длительные отпуска – на месяц и более? Почему белорусы, которых всегда называли трудолюбивыми, здоровые, квалифицированные работники, вместо того чтобы производить продукцию, убивают время на рыбалках?

В газетах и на встречах в городах и селах объясняют: Белоруссия имеет всего 4 процента собственного сырья и столько же комплектующих. Это чудо, что она еще держится, не погибла совсем. Держится за счет той прочности, которую имела прежняя экономика. Но та прочность кончается. Почти все энергоресурсы, сырье, основная часть комплектующих шли из России. Две трети белорусской продукции поступало в Россию. Посмотрите на прекрасные тракторы, «БелАЗы», «МАЗы», холодильники, телевизоры, ковры – они не находят сбыта. Разрушение Союза, разрыв хозяйственных связей – трагедия, которая обернулась для Белоруссии вторым Чернобылем – экономическим. Спасение только в интеграции с Россией. Без нее будущего у Белоруссии нет.

Объяснение понятное. Все заводские склады доверху заполнены изделиями, которые никто не покупает. Цехи на замках. Работы нет. Зарплаты тоже. Эгоистичный, сыто-равнодушный Запад не торопится принимать белорусов в свои рыночные объятия. Этот

горький урок уже понят на житейском уровне простыми людьми, которые везут теперь продукты на продажу не в Польшу, как в начале девяностых годов, а в Россию.

Действительно, единственный путь, который позволит сохранить жизнь крупнейшим предприятиям – союз с Россией. С тем самым чадящим гигантским комплексом, ею же и построенным. И вот тут начинаются опасения: а надежен ли партнер?

Чешет в затылке мужик-белорус, думу думает. И Кебич был вроде прав, и президент Лукашенко убедителен, но и их оппоненты тоже будто не совсем... того. Кремль бдителен и недоверчив, трудно предсказуем и ненадежен? Что же, примеров тому несть числа. У него нет даже государственной политики по защите русских в республиках бывшего СССР. Крутитесь сами! Этот лозунг в равной степени относится и к брошенным своим соотечественникам в странах ближнего зарубежья, и к недавним друзьям в дальних странах, даже к народу, который находится в кровном, корневом родстве с русским.

А перемены в самой России? Семьдесят с лишним лет содержанием внутренней политики и беспощадной практики от Москвы до самых до окраин было построение социализма. Перековка общества со сменой его ядра стоила десятков миллионов жизней, уничтожения многих ценностей, разрушения целых блоков прежнего общества.словно гигантский смерч прошелся и по Белоруссии, народ которой обращали в новую, советскую веру. Страдания и муки неописуемы, жертвы – неисчислимы.

И вот разворот на 180 градусов, команда «Отбой!», и, пожалуйста, – построение капитализма в одной, отдельно взятой стране. Снова переплавка общества, снова смена ее ядра. Притом речь идет о формировании не просто нового класса, а нового народа и нового

человека – с точностью «до наоборот» по отношению к задачам прежнего правления.

То есть налицо проведение беспрецедентного эксперимента над народами России. Притом теми же большевистскими методами, на критике и отрицании которых нынешние политики въехали в Кремль.

Заявление его нового хозяина за океаном в 1993 году о том, что в России покончено с коммунизмом окончательно, и что он никогда больше не возродится, заставило миллионы людей в Белоруссии схватиться за валидол: в строительстве коммунизма, его защите в беспримерной по масштабам и жестокости Великой Отечественной войне они видели высшее предназначение и цель жизни. Оказывается, они, глупые, не в то верили, не тому отдавали все свои силы. Кремль велит сменить ориентацию и, не медля, приступить к строительству капитализма.

Что ж, капитализм, так капитализм. Простому человеку не разобрать, какую телку приносит его корова. Это уже в начальнических кабинетах записывают: если в колхозном стаде, значит, социалистическая телка, если в фермерском хозяйстве, тогда телка капиталистическая. Строили-строили в постсоветской России капитализм, а через два года новая команда из Кремля: стой, погодите, смена курса.

И снова белорусский мужик нащупывает по давней привычке свой затылок, пытаясь понять, что же происходит у соседей. Коммунисты из числа бывшей партхозноменклатуры разъясняют ему: коридор возможностей макроэкономической политики для России оказался слишком узким. Последние годы ситуация в экономике страны напоминает цугцванг в шахматах, когда все ходы вынужденные. Российская действительность оказалась нелинейной до такой степени, что реформаторы растерялись. Опытные номенклатурщики поучали: каким бы ни было

правительство – либерально-буржуазным, коалиционным, коммунистическим, как бы оно себя не называло, хоть кабинетом народной любви, – а действительность такова, что делать ему придется то, что нужно, а не то, что хочется.

Зимние перемены 1994 года в составе российского правительства, уход министров-монетаристов Е. Гайдара, В. Шумейко, Б. Федорова, тому же ошалевшему от крутых перемен белорусскому мужику народнофронтовцы объясняли по-иному. Понимаешь, Микола, ласково говорили они, верх в Москве взяли консерваторы, а сама Россия начинает крениться в сторону своего советского прошлого. Что представляет собой правительство Черномырдина? Да это же кабинет советских бюрократов, работавших под руководством Горбачева! У них за плечами ни одного экономического достижения. Черномырдин со своими министрами взлетел случайно, на волне неудачных для демократов выборов 12 декабря.

Не верь, Микола, не отступали коммунисты. Смена состава российского правительства вызвана провалом, крахом курса Гайдара. Пожертвовав им, Ельцин дал понять Западу и Международному валютному фонду, что попробовал сделать большой скачок по их рекомендации, но убедился в том, что этот шаг непосилен. Ельцин засомневался, что предпринятая им попытка присоединиться к западному сообществу и принять его образ жизни увенчается успехом.

Смотри, Микола, что получается. Запад практически не покупает российских товаров. Не берет даже металл. Советские республики, которые были главными потребителями российских изделий, с переходом на мировые цены предпочитают делать аналогичные закупки на Западе. Ты же знаешь, что качество российских товаров значительно хуже, чем в дальнем зарубежье. С кем остается Россия, кто с нею будет

вести торг? Возрастающая конкуренция западных товаропроизводителей как на внутреннем, так и на внешнем рынке оттеснила Россию от возможности сбыта и без того уже резко сократившихся объемов ее продукции. Катастрофическая картина самоудушения вынудила Кремль пойти на изменение курса. Он уже наметил – правда, пока еще пунктирно, – линию на реинтеграцию бывших советских республик. Даже мягкий и уступчивый Козырев заявил, что российские войска должны остаться в бывших советских республиках, чтобы не допустить вакуума, который может быть заполнен недружелюбными силами.

Не слушай, Микола, эти коммуняки спят и во сне видят свой Союз. Народнофронтовцы тут как тут, им хочется, чтобы их трактовка событий в России стала определяющей для большинства белорусского населения. Это очень важно, если в республике объявят референдум об отношении народа к экономическому союзу и объединению денежных систем двух стран. Народнофронтовцы втолковывают нашему Миколу – собирательному образу простого человека, от имени которого выступали все политические партии и движения, – что заявления главы внешнеполитического ведомства России о ее интересах в бывших союзных республиках есть не что иное, как начало возрождения ее неоимперских амбиций.

На карту поставлено: быть Белоруссии самостоятельным государством, находясь в дружбе с Россией и с другими суверенными странами, или вновь оказаться под Россией? Прошлое показало: когда объединяются два государства, в историческом аспекте, в развитии побеждают тенденции более сильного этнического направления. И это неизбежно. 222 года единения с Россией показали, а 70 лет пребывания в Союзе ССР подтвердили, что в Белоруссии стал пропадать белорусский язык, начали вымирать

многие традиции национальной культуры. Это реальный факт. Для людей, которые добиваются экономического и денежного объединения с Москвой, концепции Белоруссии просто не существует. У них не белорусское национальное, а советское сознание.

Любые разговоры об утрате суверенитета – это чушь, заявляло правительство Кебича, а сейчас утверждает президент Лукашенко. Наоборот, денежное объединение – это, если хотите, единственный реальный способ его сохранить. Именно после развала Союза, оказавшись «самостоятельной», Белоруссия утратила реальный суверенитет, ибо разруха и нищета – это путь в кабалу, полную зависимость от всех. Те, кто видит потерю суверенитета в заключении экономического союза с Россией, живут в плену средневековых иллюзий. Мудрее жизни не будешь. Минск отработает такой механизм, что Белоруссия и Россия будут жить в дружбе и партнерстве как два добрых соседних государства. А что касается неоимперских тенденций, то и Россия стала за это время иной.

Так уж и иной, держи карман пошире! Это снова оппоненты-народнофронтовцы. По их мнению, планы российского кабинета, объявившего о более мягкой позиции в отношении реформ, о сближении с бывшими союзными республикам, не более чем очередная уловка. Власть, перешедшая от молодых монетаристов, долго в руках промышленных лоббистов не продержится. Через некоторое время в экономике России сложится тупиковая ситуация, и тогда курс Черномырдина будет подвергнут пересмотру. Кризис кабинета Черномырдина неизбежен, потому что радикальные реформы настолько изменили структуру экономики, что уже просто невозможно вернуться к прежней модели.

Что тогда будет с рублевой зоной нового типа? – вопрошали в 1993- 1994 годах критики курса Кебича.

Где гарантия того, что Россия – в который раз! – снова не провозгласит свой печально известный лозунг: «Крутитесь сами!» Так есть ли резон опять рисковать, чтобы в один прекрасный день оказаться в положении забытого бедного родственника? Кремль всегда непредсказуем, – предостерегали, да и сейчас предостерегают противники интеграции Белоруссии с Россией.

Если она все же состоится, то это будет четвертое их воссоединение. Притом инициированное самой Белоруссией, что вызывает яростное сопротивление оппозиции. По версиям сторонников национальной идеи, в Киевскую Русь Полоцкое и Туровское княжества были включены не по доброй воле их жителей, а только потому, что находились на выгодном великом водном пути. Присоединение к Российской империи в 1772 году произошло в результате раздела Речи Посполитой – тоже помимо желания белорусов. Ну, а включение восточных областей Белоруссии в состав РСФСР было произведено по прямой указке Москвы.

И вот перспектива четвертого объединения. На этот раз Москву не упрекнешь, – законно избранные народом власти независимой Белоруссии сами выдвинули идею белорусско-российского союза в форме конфедерации, сами пробивают ее, уговаривая и убеждая несогласных в Москве, развеивая опасения, что Белоруссия, охваченная тяжелейшим экономическим кризисом, станет обузой для России, которая сейчас не в силах быть донором для кого бы то ни было. Одновременно приходилось отбиваться и от своих национал-радикалов, которые обратились к генеральному прокурору Белоруссии с требованием привлечь премьер-министра Кебича к уголовной ответственности за государственную измену. Поводом для обвинения послужило то, что Кебич подписал в апреле 1994 года в Москве соглашение с Черномырдиным о единой

денежной системе с Россией, один из пунктов которого - о статусе национального банка - противоречил соответствующей статье белорусской Конституции, принятой за пару недель до подписания соглашения.

Кебич исходил из того, что двум странам все равно придется объединяться, но чем дальше будет откладываться этот процесс, тем мучительнее он будет протекать. По мнению тогдашнего председателя национального банка Белоруссии Станислава Богданкевича, подписавшего соглашение с оговоркой, что оно противоречит Конституции его страны, документ уже означал частичную утрату экономического суверенитета. Но, отметил главный белорусский банкир в интервью американскому журналу «Ньюсуик», «Россия - медведь, а мы - мышь. Что мы можем сделать?» Руководители Народного фронта Белоруссии во главе с Зеноном Позняком и Олегом Трусовым увидели не только частичную утрату экономической независимости своей страны, но и нечто гораздо большее. Они заявили, и небезосновательно, что единое рублевое пространство без единого властного пространства создать не удастся. Потребуется общее законодательство, общая военная доктрина, общая идеология. Значит, Белоруссия опять подпадает под Россию.

Иностранные дипломаты, аккредитованные в Минске, выражали беспокойство по поводу того, что воссоединение России с Белоруссией может положить начало восстановлению империи, а это крайне нежелательно для Запада. Заокеанский тезис о том, что события в Минске, связанные с отставкой спикера парламента Станислава Шушкевича и наметившейся тенденцией к воссоединению Белоруссии с Россией, «знаменуют возврат к экономической и внешнеполитической зависимости Минска от Москвы», усиленно муссировался белорусскими национал-

радикалами. Они проводили прямую связь между смещением Шушкевича, которого называли «воплощением мечты о реальной независимости нации, делавшей на этом пути свои первые шаги», и перестановками в российском правительстве зимой 1994 года. Возврат в Москве к власти руководителей советской эры, по мнению Позняка и Трусова, вдохновил Кебича на активизацию усилий по объединению денежных систем двух государств.

В связи с уходом С. Шушкевича с поста председателя Верховного Совета Республики Беларусь З. Позняк заявил, что смещение спикера представляет собой ползучий коммунистический переворот, цель которого – уничтожить государственность Белоруссии и установить диктатуру во главе с Кебичем. А заместитель Позняка Юрий Ходыко сказал, что первый этап восстановления российской империи начнется с включения Белоруссии в рублевую зону. Этот шаг окажет помощь заводам и фабрикам бывшего советского военно-промышленного комплекса, который никому не нужен.

Значит, впереди снова маячит призрак империи зла вместо лелеемой неоромантиком Кебичем мечты о цивилизованной конфедерации, диктат военно-промышленного комплекса, управляемого Москвой, чадающие трубы заводов и дым, застилающий небосвод. Самостоятельное существование Белоруссии, вступившей в экономический союз с могущественным соседом, оппозиция исключала. Разве считается огромный когтистый медведь с какой-то мышкой? Он в упор ее не видит.

Поистине медвежью услугу оказывали белорусскому правительству-интегратору российские радикальные демократы. Телевидение, радио, газеты в Москве и поныне, во времена президента А. Лукашенко, соревнуются, кто похлеще, поунизительнее для

белорусов изобразит их стремление к объединению (по словам главы белорусского государства, до 90 процентов жителей Белоруссии желают политического и экономического объединения с Россией). Национал-радикалы в Минске, Гродно, Бресте и других городах республики размножают, развешивают в людных местах эти публикации: смотрите, мол, что о нас пишут и говорят.

Пишут издевательски. Подсчитывают, во сколько обойдется России объединение с Белоруссией. Запущенную в оборот Гайдаром сумму - 1,5 триллиона неденоминированных рублей - делят на количество россиян. Получается, что каждый россиянин, включая младенцев и дряхлых стариков-инвалидов, должен скинуться на сумму с несколькими нулями. А что выигрывает Россия? Иронизируют: российские «дивиденды» от нового присоединения Белоруссии сводятся разве что к удовлетворению приснопамятной «национальной гордости великороссов».

Однако белорусы за чужой счет никогда не жили и жить не собираются. Полной неожиданностью для россиян было заключение экспертов ООН о том, что Белоруссия опережает Россию по уровню жизни. В очередном докладе этой главной международной организации сказано, что Россия все постсоветское десятилетие стабильно пребывает в группе стран со средними показателями, то есть, занимает 71-е место, болтаясь где-то между Суринамом и Зимбабве. А Белоруссия все эти годы стабильно опережает Россию на пять пунктов. Более того, белорусы, судя по рейтингу, живут лучше всех четырнадцати бывших собратьев. Московская же пресса с ужасом кричит, что Белоруссия стремится объединиться с Россией, дабы сесть на ее и без того тощую шею, и категорически не верит гордым заявлениям Лукашенко.

Республика имеет мощный индустриальный потенциал, особенно тот, который связан с машиностроительным комплексом, в котором сконцентрировано огромное количество оборонных предприятий, квалифицированную рабочую силу. В России же за время постсоветских реформ фактически разрушена не только машиностроительная отрасль, но и все производство. Вся страна торговала, а не производила. В Белоруссии же не произошло радикальных потрясений в сфере производства. Почти не пострадало сельское хозяйство. Устранение искусственно созданной еще гайдаровскими монетаристами разницы цен и курсов, что привело к спаду производства белорусской продукции, кстати, очень нужной в России, возродит промышленность обеих стран и принесет прибыль, во много раз превышающую эти несчастные 1,5 триллиона неденоминированных рублей, которыми россиянам, похоже, заморочили голову окончательно.

В конце концов, в эту сумму выльется россиянам плата за транзит их продукции в третьи страны и Калининградскую область воздушным, железнодорожным, автомобильным транспортом и через трубопроводы плюс аренда земли и военных объектов, экологические издержки и эксплуатация технических средств, использование продукции, дотируемой из бюджета Белоруссии и потребляемой в военных городках. А если уж считать денежку, как предлагает Гайдар, то в кратчайшие сроки Белоруссия может демонтировать важнейшие для России стратегические объекты в Вилейке и Ганцевичах, что, по оценке военных экспертов, нанесет ей ущерб более чем в 150 миллиардов рублей и полностью дезорганизует управление сразу нескольких российских флотов, в том числе ядерного подводного.

Именно на этот путь объективно толкают Белоруссию российские политики-демократы, являющиеся противниками договора. Белорусы, чтобы выжить, вынуждены будут приступить и к оборудованию государственной границы с Россией, а также ввести жесткие таможенные пошлины за транзит всех видов российского транспорта и грузов.

Удивительно, но ни одно российское издание не сообщило о мерах, которые предприняло бы белорусское правительство в случае отклонения договора Россией. Большинство простодушных россиян до сих пор пребывает в уверенности, что берут на свое иждивение нищую и отсталую страну.

Комментируют со злорадством. Мол, флагман российской экономической экспансии в так называемое ближнее зарубежье концерн «Газпром» сделал свое дело: убедил Белоруссию в полной несостоятельности ее экономики, а значит, фактически и государственности. Вот так. Получается, что не белорусские власти, воспользовавшись сменой курса российского правительства и уходом из его состава противников объединения, инициировали движение навстречу Москве, а Москва ткнула носом белорусов в их пустое энергетическое корыто. О лучшем подарке белорусские прозападнически настроенные политические силы и мечтать не могли. Крик стоял вселенский: смотрите, властные структуры России без тени смущения требуют внесения изменений в нашу Конституцию. В Конституцию суверенного государства! Действительно, что им чья-то конституция?

Настоящий взрыв негодования вызвали в Белоруссии размышления бывшего московского мэра, а ныне лидера Российского движения демократических реформ Гавриила Попова, которыми он поделился в конце апреля 1994 года на своей пресс-конференции. Не возражая в принципе против естественного

стремления Белоруссии более тесно сотрудничать с Россией, Попов заявил, что «превращение Белоруссии в один из российских регионов (как Татарстан)» должен обставиться определенными условиями.

Именно статус Татарстана ожидает государство Белоруссию в случае подписания договора Кебичем и Черномырдиным. Известный политик заявил об этом вслух, при большом стечении народа, ничуть не смущаясь тем, как воспримут эти обидные для национального самолюбия слова в Минске. Более того, он предложил правительству разработать ряд мер, которые бы сделали невозможным уход Белоруссии из России, если бы Минск однажды надумал бы снова обрести независимость. Это может случиться, по словам Попова, при возможной и вполне вероятной смене белорусской элиты. Придет, скажем, человек с другими политическими ориентациями, который охладет к России и повернется лицом к Западу. К тому времени Белоруссия, воспользовавшись огромными вливаниями со стороны России, значительно улучшит свое положение. Как вернуть вложенные в нее российские рубли?

И лидер российских демократов, подозревающий целый народ в черной неблагодарности и даже потенциальной измене, предложил ряд условий, которые бы закрепили положение Белоруссии как обычного российского региона. Звонче пощечины не бывает! Притом, сразу всем – и тем, кто за союз, и тем, кто против.

Последние кричали о растиражированных российской прессой трех условиях г-на Попова. «Москва опять хочет взять нас в кабалу, – надрывались на городских площадях национал-радикалы. – Она даже не скрывает своих намерений. Читайте, люди добрые!»

Читали. Во-первых, заявил г-н Попов, соглашение правительств двух стран непременно следует одобрить

референдумом народа Белоруссии, в котором должно участвовать не менее 50 процентов населения и «за» должны высказаться не менее половины участвующих. Было бы справедливо получить 2/3 голосов в поддержку, так как именно такая часть белорусского населения проголосовала в свое время за суверенитет своей республики и, значит, нынешний референдум должен как бы «перекрыть» предыдущий по тому же вопросу, иначе с юридической точки зрения он едва ли будет правомочен. Г-н Попов считал, что не лишним было бы спросить и россиян, хотят ли они взять на себя тяготы воссоединения.

Во-вторых, соглашение с Россией может быть отменено только новым, более жестким, референдумом, решение о котором должны принять президент Белоруссии и 2/3 парламента. Хотя, оговаривался с улыбкой Попов, как только Белоруссия становится фактическим российским регионом, всякие вопросы о выходе автоматически отпадают.

В-третьих, в случае отказа от соглашения Белоруссия должна будет полностью возместить России выраженные в долларах затраты путем передачи на эту сумму акций предприятий и в аренду на 50 лет земель, по которым проходят российские нефте- и газопроводы.

Лишь при этих гарантиях, заявил вождь всех демократических движений России, Москва может пойти на слияние рубля с «зайчиком», иначе ее огромные затраты обернутся для российского народа бессмысленными жертвами.

Коммерциализация родства! Кабала! Белоруссию ожидает новое российское иго! Это еще не самые сильные эпитеты, которыми награждали идею г-на Попова белорусские национал-радикалы.

Как развернутся события в Белоруссии? – задавались вопросом политологи в начале 1994 года. Наверное, многое будет зависеть от итогов

президентских выборов, назначенных на 23 июня 1994 года. Если победит Кебич, прогнозировали наблюдатели, то он будет продолжать курс на союз с Россией, о котором заявил, что это дело всей его жизни.

Значит, бюджет у России и Белоруссии будет общий. Но тогда возникал вопрос: чей парламент будет его принимать и чье правительство разрабатывать? Общий бюджет предполагает единую налоговую систему. Она, в свою очередь, требует единого законодательства о собственности, которое предполагает унификацию механизма приватизации, что влечет за собой общее управление госсобственностью. Его введение принесет необходимость централизации кредитования и прочего госинвестирования. Заодно придется сводить воедино систему социальных бюджетных выплат.

Вот такие «этапы большого пути» предстояли Белоруссии и России. Похоже, писали иные обозреватели, что Кебич не ожидал всей этой цепочки, заявив о своей идее. И еще. Если Белоруссия станет российским регионом, что будет с СНГ? Ведь столицей Содружества является Минск. Там расположены иностранные посольства и представительства. Захотят ли они оставаться в городе, который из столичного в итоге превратится в обычный российский провинциальный город на окраине России? А как быть с членством Белоруссии в ООН, с признанием ее международным сообществом в качестве суверенного государства? Неужели все это будет легко сдано – во имя вождельных для директорского корпуса восстановленных хозяйственных связей? Ощувив вкус независимости, вернуться в Россию не захотят, наверное, многие. Называли цифры – от 30 до 40 процентов населения. И это несмотря на обещанный обмен курса «зайчика» к курсу рубля 1:1. Бюрократическая неповоротливость может пополнить

ряды несогласных за счет обманутых и разочаровавшихся.

Вопросов было много. Но ответа на большинство нет. Единственное, что ясно уже сегодня – это то, что государство вовсе не собственный флаг и гимн, не комплекс силовых министерств, не дискутирующий парламент и тем более не наличие на энной территории господина президента. Государство – это прежде всего возможность проведения самостоятельной экономической политики.

И главная неожиданность: Вячеслав Кебич президентом не стал, проиграв на выборах своему сопернику – Александру Лукашенко. Но стремление к объединению с Россией не ушло вместе с Кебичем. При Лукашенко оно получило новый виток, новое развитие, воплотилось в создании Союза двух государств. Правда, государство как бы одно, а валюты – разные.

Глава 6

СИЛЬНЫ ЛИ В БЕЛОРУССИИ АНТИРОССИЙСКИЕ НАСТРОЕНИЯ

В день, когда решался вопрос об отставке Станислава Шушкевича, первого из трех «зубров», подписавших Беловежское соглашение о развале СССР, возле телефонов спикера белорусского парламента неусыпно дежурили помощники и референты. Дежурство продолжалось и ночью – ждали спасительного звонка из Кремля.

Увы, Москва молчала. Откликнулся заокеанский Вашингтон, а Великий Сосед не снимал телефонную трубку. Хотя стоило ему только намекнуть, что неприкосновенность Шушкевича – одно из условий готовящегося белорусско-российского союза, и Станислав Станиславович и поныне оставался бы на своем посту.

Однако звонка из Кремля не последовало. Почему? Ведь заслуги Шушкевича перед Ельциным в его борьбе против Горбачева общеизвестны и не требуют подтверждений.

– Политическая драма политика Шушкевича будет осознана позже, – так прокомментировал факт его освобождения от должности председателя Верховного Совета народный депутат Виктор Гончар.

Он, а также Александр Лукашенко и председатель комиссии Верховного Совета по законодательству Дмитрий Булахов провели поздно вечером, после того как стали известны итоги тайного голосования, пресс-конференцию. Итоги были таковы: за отставку

проголосовали 209 депутатов при необходимых 174 голосах. И хотя в вину главе парламента было поставлено «неприятие мер по борьбе с коррупцией, отсутствие контроля за работой правоохранительных органов и проявление личной нескромности», участники пресс-конференции признали: это только формальный повод, истинные причины снятия Станислава Шушкевича иные. Ну, не за недоплату же за материалы и ремонтно-строительные работы на его личных объектах, обнаруженные комиссией!

Дмитрий Булахов назвал Шушкевича деятелем формации Горбачева, пытавшегося постоянно лавировать. Но даже тому, подчеркнул Булахов, не удалось усидеть на двух стульях сразу. Не удалось и Шушкевичу. А вот мнение сопредседателя депутатского объединения «Народное движение Беларуси» Валерия Тихини: «На словах Станислав Станиславович выступал за союз с Россией, а на деле выражал настроения той группы, которая выступала с антирусских позиций». Речи Шушкевича по проблемам белорусской государственности имели четкую направленность: против признания единства трех славянских народов – русского, украинского, белорусского, – их корневого родства.

- Закончилась путаная политическая карьера путаного политика. Пал первый беловежский зубр, – сказал на пресс-конференции Виктор Гончар, имевший, по его словам, хорошее мнение о личных качествах Шушкевича, но признававший его полную несостоятельность как главы парламента.

Путаная карьера путаного политика... Бывший проректор Белгосуниверситета, пришедший в политику под знаменами Белорусского народного фронта, Станислав Шушкевич, заняв пост первого заместителя, а затем и председателя парламента, фактически отмежевался от своих сторонников. Более того, его

отход от БНФ повлек за собой раскол в белорусском демократическом движении. Шушкевич, как писала московская пресса, перехитрил сам себя: он так и не смог создать свою команду, утратил поддержку демократов и центристов и, естественно, не приобрел союзников в лице коммунистов.

Три дня спустя сам Станислав Шушкевич так объяснил причину своего освобождения:

- Я не подхожу большинству этого парламента. Оно не желает строить новое общество, в большинстве своем нынешние депутаты хотят возврата к старому. Я до сих пор не понимаю, как мне вообще удалось встать во главе Верховного Совета. У коммунистического большинства осенью девяносто первого был фантастический испуг, и мое избрание стало великой случайностью, а не закономерностью.

И еще:

- Мне казалось, что Беларусь больше других стран была подготовлена к рыночному реформированию. Но, наверное, я не учитывал, что ментальность нашего народа еще больше деформирована коммунистическим временем.

Короче, сам-то он хороший, да народ не тот. Действительно, «белорусский Горбачев».

И вот Москва никак не отреагировала на снятие «своего» Шушкевича, который проводил столь милую российским властям линию на ускорение рыночно-монетаристских реформ, разрушивших народное хозяйство всех бывших республик СССР, линию, в проведении которой он столкнулся с сопротивлением председателя Совмина Вячеслава Кебича, не разделявшего эту одностороннюю концепцию. Нараставшее противоборство между ними привело к столкновению.

А ведь именно Москва помогла Шушкевичу заполучить в Белоруссию самого Билла Клинтона! Приезд американского президента в Минск должен был

повысить падавшие акции белорусского спикера в глазах народа. Все видели: последние шесть месяцев действия Шушкевича были подчинены единственному желанию – любой ценой сохранить кресло спикера.

Клинтон прилетел утром 17 января 1994 года – за две недели до снятия Шушкевича. Погода была отвратительная, все мерзли, президентский самолет опоздал на полчаса, но Станислав Станиславович почтительно стоял в ожидании без шапки, несмотря на свою внушительную лысину. Собачий холод не позволил Клинтону, спускавшемуся по трапу, ни улыбаться, ни приветственно помахать рукой, ни зачитать торжественную речь тут же, в аэропорту. Следом шла супруга Хиллари в русской шали на плечах и в сверхскромных сапогах, словно созданных для того, чтобы месить белорусскую слякоть.

«Встреча высокого гостя носила несколько нетрадиционный характер, – описывал свои впечатления наблюдательный и не лишенный чувства юмора очевидец. – Шушкевич и Клинтон долго метались перед почетным караулом то в одну, то в другую сторону. Причем рядом с прилично одетым американским президентом председатель Верховного Совета Беларуси в своем поношенном пальтишке выглядел как крестьянский парень на господской елке. Тяжело в стране с валютой, но, наверное, можно изыскать 300 долларов спикеру на приличное пальто?»

Впрочем его прикид был еще не самым крутым. Министр иностранных дел Петр Кравченко явился в шапке (судя по внешнему виду, из искусственного выхухоля), представляющей из себя нечто среднее между головным убором боярина времен Ивана Грозного и папахи батьки Махно».

В голубом зале резиденции белорусского правительства Клинтон заявил, что США признают важность справедливой компенсации Белоруссии

стоимости высокообогащенного урана из ядерных боеголовок, которые находились на ее территории. Был подписан двусторонний договор об инвестициях. Белоруссия и США обменялись дипломатическими нотами, которыми вводилось в действие соглашение о взаимной помощи между их таможенными службами. Стороны согласились создать в Минске бизнес-центр.

Переговоры длились 50 минут. 30 минут президент США уделил председателю Совета Министров Республики Беларусь Вячеславу Кебичу и 15 минут лидеру оппозиции, председателю Белорусского народного фронта Зенону Позняку.

Больше всего Клинтона поразило в Минске обилие старой коммунистической символики. О том, что Белоруссия самая консервативная страна из всего бывшего СССР, он сказал на встрече с молодежью в Академии наук. Везде гербы СССР, памятники Ленину, улицы Маркса, Энгельса, Ленина, на домах мемориальные доски в честь революционеров. В Академии наук пришлось срочно завешивать куском белой материи стену, на которой висело огромное панно с изображением Ленина. Американцы, готовившие визит своего президента, высказали просьбу, чтобы материя была голубая, но такой не нашли.

Апофеозом шестичасового пребывания американского президента в стране коммунистической атрибутики стало возложение венка у Вечного огня на площади Победы. Поглазеть на Клинтона собрались тысячи минчан – в основном тинэйджеров. После возложения венка гость двинулся «в народ». Однако, как писали потом западные и российские газеты, визг и восторг его рукопожатия вызывали только у тинэйджеров, которые при этом «скандировали писклявыми голосами». Общение с ними заняло у Клинтона тридцать минут. Притом минская милиция

через громкоговоритель постоянно напоминала своим юным согражданам: «Вытирайте руки!»

Затем президентский кортеж двинулся в Куропаты, место массовых захоронений жертв политических репрессий тридцатых годов. Клинтон зажег свечу у креста и оставил табличку: «Белорусскому народу от американского». После этого проследовал в аэропорт и улетел в Женеву.

Увы, спикеру белорусского парламента не помог даже неслыханный для страны прецедент – приезд президента США, который, по замыслу его организаторов, должен был укрепить сильно пошатнувшиеся позиции Шушкевича. В течение последнего времени парламент четыре раза ставил вопрос о его освобождении. И каждый раз Москва никак на это не реагировала. Хранил загадочное молчание и российский президент Ельцин, которому Шушкевич предоставил в начале декабря 1991 года резиденцию в Беловежской пуще для сговора о роспуске СССР.

Белорусские национал-радикалы увидели в этом неблагодарном акте Великого Соседа свойственные ему по-прежнему скорую забывчивость, коварство, имперское нежелание церемониться с провинциалами. Нельзя верить Москве – продаст моментально, забудет все доброе, что для нее делали.

«Сдача» Шушкевича подлила масла в огонь, раздуваемый против России белорусскими национал-радикалами. Искры летели по городам и весям, вспыхивали кострами догадок: чем, собственно, не угодил Москве Шушкевич? Почему она с легкостью необыкновенной согласилась на его отставку? Спикер был обаятелен, по нему судили о молодом европейском государстве, язык правительства и парламента которого был непонятен миру. Шушкевич был как бы сурдопереводчиком того, что происходило в Белоруссии.

И вот его «сдали», и никто не подал голоса в защиту. Даже Ельцин.

И пошли вспоминать: Москва всегда была холодна и безразлична к чужому горю, свысока насмешливой по отношению к окраинам. Подозрительный Сталин вызывал в Москву довоенных руководителей Белоруссии, и они исчезали там один за другим – Гей, Шарангович, Гикало, Гамарник. Полупьяный Хрущев в Минске позволял себе скабрёзости в адрес белорусского языка, называя его глупостью и выдумкой националистов. Брежнев выдернул из Минска Мазурова и затем превратил его в изгоя, Машерова погубил. Горбачев вынудил Слюнькова забыть интересы нации, на ее чернобыльской беде тот сделал недолгую карьеру в Москве. И вот сейчас черед Шушкевича.

– С моим уходом Белоруссия не утратит независимости, точно так же, как она не приобрела ее с моим приходом, – говорил он иностранным корреспондентам сразу после отставки. – И вот почему: одно дело провозглашать декларативные заявления, а другое – иметь реальные атрибуты независимости. Среди парламентариев и тех, кто находится у власти, неумение управлять государством выработало страстное желание быть чьими-то вассалами. Например, России. Тогда все просто: они могут быть наместниками здесь, и не надо самим думать.

К сожалению, сама Россия и ее политики нередко дают повод для русофобии. Приведенные выше примеры тому подтверждение. Подобные эпизоды тут же используются и мастерски монтируются в общую канву антироссийской и антирусской кампании, которую ведут противники сближения двух славянских народов. Недооценивать влияния русофобских сил в Белоруссии было бы серьезной тактической ошибкой. Оппозиция говорит, что от 30 до 40 процентов людей эту идею не поддерживают. 30-40 процентов – это почти половина

населения страны, пусть даже преимущественно западной ее части, воссоединенной с советской Белоруссией осенью 1939 года. Нравится это кому-то или не нравится, но позицию этих 30-40 процентов населения можно отнести на счет пропагандистских усилий Белорусского народного фронта, Белорусской Социал-демократической громады и других противников пророссийского курса белорусского правительства.

Пик популярности русофобских сил в Белоруссии справедливо относят к концу восьмидесятых – началу девяностых годов. В конце девяностых годов рейтинг БНФ и СДГ значительно упал. Если раньше к их лозунгам прислушивались даже на крупнейших предприятиях союзного значения, то сейчас аудиторией национал-радикалов остается преимущественно студенческая, научная и техническая аудитории. Но плоды десятилетней деятельности БНФ ощущаются повсюду – от государственных органов до культурно-просветительских обществ. Похоже, что идеи национал-радикалов хоронить еще рано, и зря правительственные структуры убаюкивают себя иллюзиями, что сторонники отрыва белорусов от однокоренного русского народа, а республики Беларусь – от Российской Федерации, не имеют значительной поддержки.

Вот лишь несколько примеров, характеризующих неоднозначность ситуации.

На Шварценберг-плац, одной из самых красивых площадей Вены, стоит памятник советскому солдату. Он тщательно оберегается австрийскими властями, несмотря на неоднократные попытки определенных сил демонтировать его, как это сделано уже в ряде европейских столиц.

23 февраля, в День защитника Отечества, к памятнику по многолетней привычке возлагаются цветы. В 1994 году она была впервые нарушена. Нет, не

российским посольством: его представители, а также сотрудники других российских учреждений в Вене участвовали в торжественной церемонии. Не пришли к памятнику с венками представители Белоруссии.

Временный поверенный в делах Республики Беларусь объяснил журналистам, что праздник 23 февраля никакого отношения к его стране не имеет. Он установлен в ознаменование боев под Псковом и Нарвой, а это, как известно, не белорусские города. Да и название самого праздника - День защитника Российской Федерации - относится лишь к России.

Только ли к России? Верховный Совет Белоруссии тоже постановил считать 23 февраля Днем защитника Отечества и Вооруженных Сил республики, признав тем самым, что белорусская армия является преемницей Советской Армии. Как не признать, если на белорусской земле сотни памятников и братских могил, где лежат десятки тысяч советских воинов - сыновей и дочерей всех народов великой державы, погибших за ее честь и свободу? Белоруссия торжественно отметила этот праздник, в Минске к памятнику воинам и партизанам на площади Победы возложили венки высшие руководители Белоруссии во главе с Мечеславом Грибом. Получается, что временный поверенный в делах Белоруссии в Австрии шел против воли народа и руководства страны?

Венский скандал просочился в печать. Министерство иностранных дел Белоруссии сделало официальное заявление о том, что оно не давало указания своим дипломатам не участвовать в торжествах в связи с днем 23 февраля. Все зарубежные дипломатические службы республики были своевременно оповещены о постановлении белорусского парламента считать 23 февраля Днем защитника Отечества и Вооруженных Сил Белоруссии.

Министерство не понимает поступка своего представителя в Вене.

Объяснение тут одно - бэнэфовская позиция. Белорусский народный фронт развернул широкомасштабную кампанию против признания 23 февраля Днем Вооруженных Сил Белоруссии. Отсчет военной славы белорусов должен вестись с 8 сентября 1514 года, когда десятитысячное белорусское войско во главе с Николаем Радзивиллом наголову разгромило двадцатипятитысячную московскую армию Василия Шуйского. Другой, более щадящий вариант - день Грюнвальдской битвы.

Национальные распри, разделив живых, добрались и до мертвых. Вернувшийся из Западной группы войск в Белоруссию офицер Владимир Шарников проделал невероятно трудную работу - создал Книгу памяти с полным перечнем советских воинских кладбищ в Германии, со списками захороненных там солдат и офицеров. Это была бесценная книга: первые ее главы, опубликованные в периодике, вызвали поток писем - люди узнавали о родных. Шарников замыслил выпустить книгу отдельным изданием. Сунулся в одно издательство, в другое - кстати, государственное - но всюду отказ. Почему?

- Уберите все небелорусские фамилии, - сказали ему, - тогда издадим.

3 июля 1994 года исполнилось 50 лет со дня освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Круглая дата. Все предшествовавшие юбилеи - 20-летие, 30-летие, 40-летие отмечались в республике с необыкновенным размахом. Подготовка начиналась задолго до самой даты: в течение всего года на экранах демонстрировались кинофильмы военно-патриотической тематики, издавалось огромное количество научной, справочной, общественно-политической и художественной литературы,

устраивались концерты мастеров искусств, проводились встречи однополчан, благоустраивались братские могилы, школьники и студенты отправлялись в походы по местам боевой славы советского народа, газеты и журналы, радио и телевидение постоянно вели рубрики, посвященные боевому братству.

50-летний юбилей отмечался слабее. Не было новых художественных и документальных кинолент, не было новых патриотических песен, не было новых книг. Публикации в газетах и передачи по телевидению были редки и бледны. Благородная тема, привлекавшая ранее лучшие таланты республики, тема, на которой десятки творцов сделали себе имя, была забыта или отдана на откуп людям, мало сведущим в истории. Все громче звучала антипартизанская тема, вызывая слабые, мало кем услышанные протесты оставшихся в живых стариков, с которыми никто всерьез не считался.

Квинтэссенция антипартизанской темы – никакого всенародного отпора немцам в 1941-1944 годах в Белоруссии не было, это все мифы московских историков и белорусских партийных чиновников, прислуживавших Кремлю. Москва присылала диверсионные группы, которые совершали на железных и шоссейных дорогах террористические акты: подрывали поезда и автомашины, обстреливали из засад проезжавших немцев. Пользы от этих взрывов – с гулькин нос, а вот расплачиваться приходилось мирным жителям. Каратели уничтожали население, сжигали деревни. Энкаведистские группы, сделав свое дело, быстро «сматывали удочки», подставляя под удар ни в чем не повинных людей.

Кому было нужно убийство гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе? Милейший, обаятельнейший человек, в отличие от расейских партайгауляйтеров, назначавшихся в Москве и ни слова по-белорусски не знавших, взялся за изучение белорусского языка и даже

пробовал писать на нем пьесу. Культурный человек, драматург. Разрешил открыть белорусские школы и газеты, театры. Узаконил их национальный – бело-красно-белый – флаг, древнейший, со времен Грюнвальда, символ «Погоню», создал ряд высших учебных заведений, где готовили молодежь для государственной службы.

Конечно, такой человек, что кость в горле для москалей. Прислали из Москвы диверсантов, те вышли на горничную Кубе, и вот, пожалуйста, мина сработала в собственной постели. Сколько тысяч заложников взяли только в одну ночь, сколько невинных людей расстреляли из-за одного Кубе. Его уничтожили, но взамен назначили нового гауляйтера – Готтберга, куда более жестокого и малообразованного.

И вообще, не все в Белоруссии в годы Второй мировой войны было однозначно, как преподносила коммунистическая пропаганда. Что, немцы начали войну против белорусов? Ни в коем случае, это Гитлер схватился со Сталиным в драке за мировое господство. Берлин воевал с Москвой. А Минск снова оказался между жерновами.

Вы слышали когда-нибудь о Белорусском представительстве в Берлине? То-то, открывала тайны, спрятанные коммунистами в спецхраны, свободная посткоммунистическая печать. Это учреждение было создано в конце 1939 года при Министерстве внутренних дел Германии. Цель – выявить лиц белорусской национальности, проживавших в стране и на захваченных ею территориях. В разное время представительство возглавляли Ф. Акинчиц, А. Шкутько и другие белорусские патриоты. Они создали при представительстве Белорусский комитет самопомощи. Его филиалы были в Варшаве, Праге, Вене, Лодзи, Мюнхене и в других городах.

19 июня 1941 года, за два дня до начала войны, в Берлине на совещании представителей Белорусского представительства и Белорусского комитета самопомощи был образован Белорусский национальный центр во главе с М. Щорсом. В состав его руководства вошли Р. Островский, А. Шкутько, М. Шкеленок, В. Тумаш, В. Гадлевский. Эти белорусы мечтали о создании белорусского государства под немецким протекторатом.

Да, это так, но они занимали руководящие посты в немецком оккупационном аппарате на территории Белоруссии! Установлено, что они тесно сотрудничали с германскими разведслужбами и службой безопасности (СД), участвовали в разведывательной и пропагандистской работе, организации диверсионных групп, подготовке кадров гражданской администрации для Белоруссии. У авторов сенсационных публикаций невинные глаза – ну и что из того? Белорусское представительство в Берлине тоже заботилось о Белоруссии...

Исходя из этой логики, заботились о Белоруссии и редакторы «Беларускай газэты», 272 номера которой вышло в период между 27 июля 1941 года и 28 июня 1944 года в оккупированном Минске под контролем немецких властей. Это было самое крупное антисоветское периодическое издание в Великую Отечественную войну. Его редакторы А. Сенькевич, В. Козловский, А. Демченко, М. Шкеленок ставили целью консолидацию белорусского народа на антисоветской платформе, борьбу с большевизмом, идеологическую поддержку оккупационному режиму. Газета отличалась ненавистью к русским, полякам и евреям, стремлением к созданию белорусской национальной идеологии возвышенчества, поиском арийских корней белорусского народа, попытками доказать его

историческое влечение к Германии, отождествлением марксизма и сионизма.

Группа избирателей города Барановичи Брестской области обратилась к народному депутату Белоруссии М. Кочану с жалобой на бездеятельность местных правоохранительных органов, не отреагировавших, несмотря на заявления и протесты горожан, на факты разжигания национальной розни, допускаемой прессой. В качестве вещественного доказательства представлялся номер газеты «Барановичское слово» – ежемесячник тамошнего отделения Общества белорусского языка имени Ф. Скорины.

В статье главного редактора, члена Белорусской Социал-демократической громады (БСДГ) говорилось: «Как показывает последнее столетие, у нас не было и нет более бесстыжих врагов, чем россияне. Россияне заставляли нас воевать на своей стороне в войне 1939-1945 годов... Объявив белорусов «неполноценными», они начали выселять нас с нашей земли под разными предлогами в необжитые места в империи, а сюда приперлись, чтобы хорошо поесть бульбы с салом и получить должности. Нас не выпускали из ярма...»

И далее: «Меня радует, что сознание и готовность защищать Родину у белорусов растет. Тем россиянам, кому поперек горла наша независимость, нейтралитет, язык, лучше выехать из Беларуси. Россия большая, а мы торбу соберем на дорогу».

Депутат Кочан, выступая на сессии Верховного Совета Белоруссии, поведал об этом отвратительном случае откровенной русофобии. Однако никаких последствий не было, хотя депутат и обратился с официальным запросом в прокуратуру и потребовал возбудить уголовное дело по факту разжигания межнациональной розни. Парламент, возглавляемый в ту пору Станиславом Шушкевичем, спокойно отнесся к выступлению депутата.

Иной реакции трудно было ожидать, поскольку парламентская «Народная газета» выдавала такие вот перлы: «Мы видим целенаправленное заселение Беларуси русскими, мы видим тихую, ползучую имперскую оккупацию родного края...» Или такие: «Русский вопрос – в приверженности россиян подавлять все иное, нерусское, неправославное...»

Ни для кого в Белоруссии не было секретом, что эту русофобскую вакханалию возглавляла небольшая, но сверхактивная группа депутатов Верховного Совета демократического крыла. О Зеноне Позняке написано и сказано достаточно. Менее известен в России был Валентин Голубев – русский по происхождению, он занимал в ВС Белоруссии пост секретаря комиссии по международным делам и внешнеэкономическим связям. Голубев являлся одним из активных авторов парламентской «Народной газеты», постоянно рисовал в ней и в изданиях БНФ русских в качестве главных врагов белорусов, обвинял Россию в уничтожении белорусского народа.

Ему вторил Олег Трусов. Он был лидером Белорусской социал-демократической громады, заместителем председателя комиссии ВС по образованию, культуре и охране исторического наследия. Трусов прославился колбасным «антисоветизмом», пригрозив с трибуны парламента, что в магазинах независимой Беларуси не будет колбасы с названием «Советская» или «Русская».

И совсем малоизвестный политик, депутат С. Давидович утверждал, что «русский язык – это болезнь, которая занесена в Беларусь, и от нее надо вылечиться».

Шумно и крикливо, красочным шествием и митингом отметила демократическая элита в феврале 1993 года 75-летие провозглашения БНР. А вот 50-летие исполнившейся в те же дни расправы полицейских и

гитлеровцев над жителями Хатыни она не заметила. Зато не забыла прославить гауляйтера Кубе, а заодно приехавших с ним из эмиграции деятелей БНР.

Со смещением С. Шушкевича с поста спикера парламента национал-радикалы потеряли сильную опору в его лице. Новый председатель Верховного Совета Белоруссии Мечеслав Гриб придерживался взглядов Кебича, он не был сторонником строительства капитализма в республике. Гриб считал, что белорусы в большинстве своем имеют другой духовный стержень, основа которого – стремление к справедливости, несовместимое с принципами «купи – продай» и «обогащайся, как можешь». На первом же заседании Президиума Верховного Совета после своего избрания Гриб сказал: умные хозяйственники, прежде чем прокладывать дорогу, смотрят, где идут люди, и только потом кладут там асфальт. Так вот, белорусы разберутся сами, как им жить.

Оппозиция ехидно заметила, что большинство белорусов ходят на работу к большим заводам, которых раньше в республике не было и которые построил здесь социализм. А приватизация гигантских предприятий – это путь к капитализму. Так куда пойдут белорусы?

Тем не менее с избранием нового спикера белорусский парламент преодолел колебания и пассивность по отношению к сближению с Россией. Народное движение Белоруссии, объединявшее 24 партии и общественные организации республики, выразило удовлетворение переменами, наметившимися в деятельности Верховного Совета. А республиканский совет «Движение за демократию, социальный прогресс и справедливость» (ДСПС) обратился в марте 1994 года к председателям Совета Федерации и Государственной Думы России В. Шумейко и И. Рыбкину с извинениями за антирусскую кампанию в Белоруссии. ДСПС просил довести до сведения депутатов Федерального Собрания

России, что русофобия в Белоруссии не отражает мнения и настроения большинства граждан республики. В письме подчеркивалось, что годы кризиса помогли еще раз убедиться: полный или урезанный суверенитет Белоруссии достигим только в свободном и добровольном союзе с Российской Федерацией и другими братскими республиками. Мы не предадим, подчеркивалось в письме, светлую память миллионов россиян, которые вместе с гражданами Белоруссии легли в нашу землю в период Великой Отечественной войны, не дадим оболгать совместные экономические, культурные и научные достижения, среди которых – взлет в космос. Судьбы Белоруссии и России неразрывны. Необходим экономический, оборонный и государственный союз с Россией.

По мнению руководителей страны, истинная причина углублявшегося социально-экономического кризиса в Белоруссии – ликвидация государственного единства братских народов. Из-за этого национальный доход республики снизился по сравнению с 1991 годом на 20 процентов, производство продовольствия – почти на 50, на столько же – ввод дошкольных детских учреждений и больниц. Большая часть народа оказалась за гранью бедности. И привели к этому рецепты БНФ и других буржуазных партий, которые после августовского кризиса 1991 года, используя растерянность во властных коммунистических структурах и беспринципность части депутатского корпуса, навязали республике.

По мнению оппозиции, к обнищанию привела ориентация Кебича и Лукашенко на Россию, отсутствие каких-либо реформ в стране. «Россию Белоруссия полюбить не сможет и не должна!» – вот главный аргумент национал-радикалов, объявивших в марте 1994 года всебелорусскую политическую стачку, направленную против смещения С. Шушкевича и

объединения денежных систем Белоруссии с Россией, а также на отставку правительства Кебича. Однако даже в то романтическое время призыв стачечного комитета поддержан не был. БНФ потерпел полную конфузию. Один из его лидеров, депутат ВС и заместитель председателя стачечного комитета Сергей Антончик, пытался вывести на митинг коллектив объединения «Белвар», в котором раньше работал аппаратчиком, но рабочие и инженеры не вышли на улицу. По оценкам милиции, в пик стачки на призыв собраться на митинге на площади Независимости в Минске с требованием отставки Кебича, создания коалиционного правительства и проведения новых выборов откликнулось лишь около 600 человек. В республике по призыву стачкома не остановилось ни одно предприятие.

Интересна аргументация обеих сторон. С. Антончик: «Стачком прекрасно отдает себе отчет в том, что объявить всеобщую политическую стачку в посткоммунистическом государстве с прокоммунистическим правительством – это романтизм, но через этот романтизм тоже нужно пройти». Правительственная сторона: «Многими чудесами ошарашила нас реформаторская пора, но такого еще не бывало, чтобы буржуа призывали рабочих к стачке. Абсурд!» Газета «Советская Белоруссия», чьим учредителем являлся Совет Министров Республики Беларусь, так прокомментировала эту попытку: «Пусть радикалы-реформаторы зовут на стачку народ из «комков», коммерческих банков, богатых офисов. Вот смеху было бы, обратись БНФ к своей социальной опоре! А то решили на горбу рабочих рваться к власти».

Итак, закончившаяся досрочно бессрочная забастовка показала, что БНФ не пользовался влиянием на заводах и, следовательно, он потерял былую популярность. Не имел БНФ сторонников и в селе. На

заводах, где поначалу прислушивались к голосу бээнэфовцев, критиковавших партгосноменклатуру и обещавших лучшую жизнь, это улучшение так и не увидели. Наоборот, жизнь значительно ухудшилась, и это кожей чувствовало большинство горожан. Что касается сельского населения, то оно в Белоруссии стабильное и, в отличие от промышленных рабочих, среди которых немало мигрантов в первом поколении, обладает достаточно крепкой исторической памятью, которая сохранила неисчислимыя беды, связанные с белорусизацией населения.

Республика пережила две крупные кампании по белорусизации, знает, что это такое, и потому весьма осторожно внимала призывам новых национал-радикалов. Инстинкт самосохранения подсказывал, что эта линия к добру не приведет.

Первая белорусизация. Страшными страданиями, огромными жертвами закончилась первая попытка белорусизации в двадцатых годах. По расхожей версии Москва, чтобы отвести обвинения Запада и белорусской эмиграции в русификации земель, собранных в Белорусскую Советскую Социалистическую Республику, пошла на перевод государственного и общественного делопроизводства с русского на белорусский язык. На родном языке коренного населения велось преподавание в школах всех типов. Белорусизации подверглась также деятельность научных и культурных учреждений, издательств, газет и журналов. При этом другие народы республики получили право пользоваться своим родным языком в названных выше сферах. Не были исключением и евреи.

В начале 20-х годов их язык был провозглашен одним из четырех государственных языков БССР. На идиш выходили журналы и газеты, были еврейские отделы в Институте белорусской культуры и

Белорусской Академии наук, в музеях, работали театры, учебные заведения.

Белорусские евреи, кстати, дали немало выдающихся ученых, писателей, художников, государственных деятелей с мировым именем. Среди них классик еврейской литературы Менделе Мойхер-Сфорим, создатель языка эсперанто Людвик Заменгоф, художник Марк Шагал, классик белорусской литературы Змитрок Бедуля (Самуил Плавник), физик-теоретик Яков Зельдович, скульптор Заир Азгур, писатель-фантаст Айзек Азимов, первый президент Израиля Хаим Вейцман, физик и химик Виталий Гольданский.

В 1921 году Ленин дал согласие на открытие в Минске Белорусского государственного университета, впоследствии названного его именем, и одновременно Института белорусской культуры (Инбелкульт), на базе которого в 1928 году была создана Академия наук БССР. Официальная историография и сегодня расценивает создание этих двух крупных центров национальной науки и культуры как проявление заботы центральной советской власти в Москве о братском народе, бескорыстной помощи выдающихся деятелей науки и культуры Москвы, Ленинграда и других крупных городов России. В учебниках фигурируют имена приехавшего из Москвы первого ректора Белорусского университета В. И. Пичеты, талантливых литературоведов-профессоров И. Замотина из Донского университета, Е. Боричевского из Москвы, А. Вознесенского из Ростова, ученых других специальностей – математиков, естествоиспытателей, лингвистов, представителей технической науки.

Несомненно, ученые гуманитарного профиля быстрее других восприняли традиции и обычаи белорусов и, что важно, их язык и литературу. Прошло всего несколько лет, и приезжие сами стали творцами

этой культуры: писали книги и брошюры по различным отраслям белорусоведения, выступали с лекциями и докладами на белорусском языке, способствовали его пропаганде и авторитету. Ученые-гуманитарии воспитали большую плеяду национальной интеллигенции, содействовали расцвету творчества белорусских писателей, артистов, композиторов, художников.

Особая роль в становлении белорусской культуры принадлежит Владимиру Ивановичу Пичете. Он родился в семье священника, серба по национальности. Учился в Московском университете, кандидатскую диссертацию защищал под руководством известного историка В. Ключевского. Был профессором этого университета, зарекомендовал себя знатоком славяноведческих проблем, написал ряд крупных трудов по истории России, Белоруссии, Литвы и Польши. Когда в годы Первой мировой войны беженцы из Белоруссии создали в Москве Белорусское научно-культурное общество, Пичета был избран его председателем, читал лекции по истории белорусского народа в народном университете при этом обществе. В октябре 1920 года Пичета возглавил Московскую комиссию по созданию Белорусского университета, а в июле 1921 года после торжественного открытия стал его первым ректором.

За 1921-1929 годы Пичета опубликовал около 150 монографий, статей и научно-популярных работ. Об их характере и направленности можно судить по названиям: «История Белоруссии» (часть 1, 1924, на белорусском языке), «Белорусское возрождение XVI века и современное белорусское национально-культурное возрождение Советской Белоруссии» (1925), «Полоцкая земля в XVI веке», «Белорусское возрождение в XVI веке», «Печать Белоруссии в XVI – XVII вв.», «Скориниана», «Белорусский язык как фактор национальной культуры» и др.

Пичета сблизился с белорусскими писательскими объединениями, которые вскоре были обвинены в «национал-демократизме». Начавшаяся в 1921 году белорусизация закончилась в 1933 году разгромом университета, травлей и репрессиями ученых и писателей, снятием Пичеты с поста ректора. Шельмованию была подвергнута наиболее квалифицированная часть национальных кадров. Пичету обвинили в «белорусском национал-демократизме» и в «антимосковской ориентации».

Так печально закончилась почти десятилетняя государственная кампания по белорусизации. Она принесла много горя и страданий людям, которые искренне поверили в инициированное Москвой белорусское национальное возрождение. Поиск «нацдемов» приобрел невиданный размах: для подозрения достаточно было доноса, что кто-то разговаривает по-белорусски. Пичету спасло то, что он скрылся в российской глубинке. Изгнанный из Белоруссии, он отсиделся в провинции и только в 1939 году вернулся в Москву. В отличие от многих коллег по университету, которых постигла незавидная участь, Пичета вскоре возглавил созданную «под него» в МГУ кафедру истории южных и западных славян. В 1946 году он стал академиком АН СССР. Умер своей смертью в 1946 году.

Книги Пичеты в Белоруссии были изъяты из библиотек. В годы горбачевской гласности эти труды воспроизводились в литературных и научных журналах. Об их авторе появилось множество публикаций. Оценки – самые противоречивые. От симпатий – честнейший ученый, в противовес Москве, его приславшей, пришел к самостоятельному выводу, что вхождение белорусских земель в состав Российской империи было для белорусского национального бытия таким же отрицательным фактором, как и политическая

связанность с Речью Посполитой, – до обвинений в провокации. Приехал, заморочил голову, выявил и собрал все самобытное, талантливое, перспективное. И сдал... Вся молодая национальная интеллигенция, подающая надежды, была с корнем вырвана из родной почвы.

Такое можно было услышать не только о Пичете. Имена многих ученых, приехавших из Москвы, Ленинграда и других российских городов в Белоруссию в двадцатые годы, подвергались остракизму. В официальных учебниках оценки не изменились: по-прежнему присутствует тезис о братской помощи. Однако в изданиях БНФ, на научных симпозиумах, в дискуссиях период белорусизации, насаждаемый сверху, получает иную трактовку, здесь превалируют три основные точки зрения.

Первая – Москва никогда не предпринимала сколько-нибудь серьезных шагов к возрождению белорусской национальной культуры, считая, что ее попросту не существует. Создание университета, Инбелкульта, курс на белорусизацию в двадцатых годах – это внешние атрибуты государственности, необходимость которых вызвана политическим моментом и призвана заткнуть рот Западу.

Вторая точка зрения – это была грандиозная провокация, призванная выявить и устранить все самобытное, державшееся за старину, за быт, за язык. Кто возглавил белорусизацию? Присланные из России эмиссары. Москва не позволила коренным жителям стать во главе национально-культурного возрождения. Все процессы проходили под неусыпным оком приезжих контролеров. После разгрома «нацдемов», их ареста и высылки в Сибирь, Белоруссия не могла встать на ноги долгие десятилетия – вся ее элита была уничтожена.

И третья точка – Москва столкнула белорусскую национальную интеллигенцию с еврейской, которая с

глухим недовольством наблюдала за активизацией кадров из числа местного населения и не хотела уступать им места, на которые раньше не было конкуренции. Именно их руками убирались молодые белорусские кадры. К такому заключению привело иных авторов знакомство с опубликованными в 1929 году некоторыми статьями Пичеты.

Травлю Пичеты как одной из ключевых фигур белорусского национального возрождения начали университетские доценты И. Славин и М. Гольман. Защищаясь от обвинений в белорусской нацдемовщине и антимосковской ориентации, Пичета так охарактеризовал политическую эволюцию своих противников: первый «был сионистом, бундистом – стал коммунистом с еврейским шовинистическим уклоном», второй сначала был эсером, назвавшим в 1917 году Октябрьскую революцию «авантюрой», позже стал коммунистом, но выступал против белорусской культуры, наконец, исключен из партии как троцкист.

Из истории вопроса. Курс на белорусизацию был взят еще в годы Гражданской войны. 20 ноября 1920 года заведующий белорусским отделом Наркомата просвещения П. В. Ильюченюк подготовил и направил в Минск записку, в которой обосновывал необходимость перевода обучения в школах на белорусский язык и одновременную организацию школ для всех национальных меньшинств в республике.

Своеобразное ядро, вокруг которого сплачивались творческие силы молодой белорусской интеллигенции, составляли деятели белорусского национально-освободительного движения, имена которых были известны еще в дореволюционные времена. Многие из этих людей перешли на советскую государственную службу. Наркомом земледелия стал В. М. Игнатовский, заместителем наркома иностранных дел трудился А. Л.

Бурбис, заместителем наркома просвещения – А. В. Балицкий. Они первыми приступили к процессу белорусизации в своих ведомствах.

Многое здесь, безусловно, зависело прежде всего от позиции наркомата просвещения. Антон Васильевич Балицкий, несомненно, сыграл в этом деле выдающуюся роль. Учитель по образованию, участник Первой мировой и Гражданской войн, он стал заместителем наркома в октябре 1921 года, а спустя пять лет возглавил наркомат. Балицкого по праву считают одним из основателей и проводников государственной политики белорусизации. Он был одним из тех, кто создавал теорию и осуществлял практику национально-культурного строительства в республике.

В 1929 году Балицкий попал под огонь критики и публичного шельмования за национал-демократические взгляды. В 1930 году его арестовали по сфальсифицированному делу контрреволюционной нацдемовской организации «Союз освобождения Белоруссии», исключили из партии (в то время он уже был кандидатом в члены ЦК КП(б)Б и членом ЦИК БССР), а после непродолжительного следствия приговорили к десяти годам лагерей. Во время повторного рассмотрения дела в 1937 году вынесли приговор – смертная казнь. Реабилитировали Балицкого посмертно в 1988 году.

Такая же участь постигла и других проводников государственной политики белорусизации. Но в начале этой кампании они не подозревали о том, что они станут ее жертвами. Опасения начали возникать во второй половине 20-х годов, когда возник термин «национал-демократизм», изобретенный поборниками пролетарской чистоты в культуре. Под этим понятием сначала понималась «тенденция ставить национальные интересы выше классовых, что в последнее время

выявились в стремлении выращивать национальную форму культуры во вред ее пролетарскому содержанию».

Но уже в 1930 году оценки «национал-демократизма» ужесточились. Под этот термин подводилась враждебная Советской власти идеология и практика контрреволюционного националистического течения, которое ставило своей целью реставрацию капитализма в Белоруссии. Обвинения в «национал-демократизме» зазвучали в адрес ее видных партийных и государственных деятелей Д. Ф. Жилуновича, В. М. Игнатовского, Д. Ф. Прищепова, П. Р. Головача, М. С. Куделько и других. Критические стрелы нередко направлялись и в адрес председателя ЦИК республики А. Г. Червякова.

В ноябре 1926 года в Минске состоялась академическая конференция, посвященная проблеме белорусского правописания. На конференции выступили А. В. Балицкий, Д. Ф. Жилунович, В. М. Игнатовский. Их выступления были подвергнуты официальной критике. В вину Балицкому ставилось, что он ни разу не упомянул о роли Компартии в создании БССР и развитии белорусской культуры. Игнатовскому предъявили претензии за преувеличение роли белорусских революционеров-демократов в пробуждении национального самосознания белорусского народа, за идеализацию отдельных сторон исторического прошлого Белоруссии.

Научная дискуссия боком вылезла ее устроителям. В мае - июне (целых два месяца!) 1929 года в БССР работала комиссия Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) под руководством В. Т. Затонского. Комиссия изучала практику проведения национальной политики в БССР. Московские контролеры критически-осудительно оценили фактически всю практику национально-культурного строительства в Белоруссии,

охарактеризовали ее как не соответствующую линии партии. Они отметили примиренческую позицию некоторых участвовавших в злополучной академической конференции коммунистов – В. М. Игнатовского, Д. Ф. Жилуновича, А. Ф. Адамовича при обсуждении вопроса о возможности перехода на латинский шрифт. Изучив тексты их выступлений, пришли к заключению, что они истолковывали историю белорусского народа в «национал-демократическом духе».

Правда, главный вывод московской комиссии в целом был благожелателен для начальственной верхушки: «Нет ни малейших оснований подозревать партийное руководство Белоруссии в каких бы то ни было симпатиях к белорусскому национализму». Однако в дальнейшем это мнение не спасло белорусских вождей от идеологических проработок и прямых репрессий.

Чтобы придать видимость разветвленности «национал-демократического» течения и его организационной оформленности, в ОГПУ изобретались домыслы о существовании в республике тщательно законспирированной контрреволюционной организации «Союз освобождения Белоруссии». Пленуму ЦК КП(б)Б, состоявшемуся в октябре 1930 года, ничего не оставалось делать кроме как признать ее существование. Да и как не признать, обойти молчанием, если в конце 1929 – начале 1930 гг. в республике прокатилась серия арестов лиц, причастных к «Союзу освобождения Белоруссии», который ставил своей целью свержение Советской власти и установление белорусской буржуазной государственности. По этому делу тогда прошло 86 человек. Руководство этой организацией приписывалось И. Ю. Лесику, С. М. Некрашевичу, В. Ю. Ластовскому и другим.

Московское Политбюро ЦК, ознакомившись с материалами о раскрытии контрреволюционной организации в Белоруссии, приняло постановление, обязывавшее руководство ЦК КП(б)Б опубликовать сообщение в республиканской печати. Минская партийная верхушка поручение выполнила, но первый секретарь ЦК КП(б)Б К. В. Гей счел необходимым доложить 15 декабря 1930 года в Политбюро ЦК ВКП(б): «Сообщение об аресте контрреволюционной группы национал-демократов, опубликованное согласно постановлению Политбюро, вызвало в некоторых слоях интеллигенции известное недоумение. Необходимо разоблачить подлинную контрреволюционную деятельность «Союза освобождения Белоруссии», чтобы облегчить нашу работу главным образом среди крестьянства и интеллигенции».

Гей имел в виду проведение открытого процесса. Но Москва на это не пошла – трудно сказать по какой причине. Новейшие белорусские историки полагают, что исключительно из-за отсутствия сколько-нибудь серьезных и убедительных подтверждений существования и деятельности «Союза освобождения Белоруссии». Дело белорусской интеллигенции пошло по линии ОГПУ.

Вслед за первой волной арестов началась вторая. Во второй половине 1930 года были арестованы наркомы земледелия Д. Ф. Прищепов и просвещения А. В. Балицкий, бывший нарком земледелия А. Ф. Адамович, заместитель председателя «Белпайторта» П. В. Ильюченюк. Постановлением коллегии ОГПУ БССР от 18 марта 1931 года они были приговорены к 10 годам тюрьмы каждый. 10 апреля того же года к различным срокам заключения и высылки были приговорены 86 человек, проходивших по делу о «Союзе освобождения Белоруссии». Среди них были Лесик, Некрашевич, Красковский, Цвикевич, Смолич и другие.

Некоторые из арестованных в результате применения к ним недозволенных мер физического и психологического воздействия давали искаженную оценку не только своей деятельности, но и тем, с кем они были связаны по роду своих занятий. В частности, это позволило ОГПУ обвинить в «национал-уклонизме» В. М. Игнатовского – в то время президента АН БССР. Кстати, он, крупный ученый-историк, один из активных участников белорусского национально-освободительного движения, был первым президентом Белорусской академии, созданной в 1929 году.

16 января 1931 года президиум и партколлегия ЦК КП(б)Б постановили исключить его из партии, членом которой он являлся с 1920 года, «как не изжившего антипролетарского мировоззрения антисоветских партий, как сознательно проводившего в течение всего периода пребывания в партии национал-демократическую установку в своей работе, являющегося фактически кулацким агентом в партии, как обманывавшего партию покаянными заявлениями, прикрывая ими продолжение своей групповой, антикоммунистической деятельности в рядах КП(б)Б, и как чуждого элемента, игравшего на руку нацдемовской контрреволюции».

22 января 1931 года Бюро ЦК КП(б)Б утвердило постановление президиума и партколлегии ЦК КП(б)Б об исключении Игнатовского из партии и приняло решение опубликовать его в печати. Формально Игнатовский к уголовной ответственности не привлекался, но после неоднократных вызовов на допросы в ОГПУ понял, что впереди у него никаких перспектив нет. 4 февраля 1931 года он покончил жизнь самоубийством.

В «национал-уклонизме» были также обвинены второй секретарь ЦК КП(б) И. А. Василевич, редактор газеты «Красная смена» П. Р. Головач, заместитель

наркома просвещения БССР писатель Д. Ф. Жилунович (Тишка Гартный), другие видные деятели республики.

Дела на 70 человек из 86, осужденных коллегией ОГПУ 10 апреля 1931 года по обвинению в принадлежности к «Союзу освобождения Белоруссии», были прекращены еще в 1956 году за отсутствием в их действиях состава преступления. Дела в отношении остальных 16 человек были пересмотрены в 1988 году. Отменено судебной коллегией Верховного суда БССР и постановление коллегии ОГПУ от 18 марта 1931 года в отношении Д. Ф. Прищепова, А. В. Балицкого, А. Ф. Адамовича, П. В. Ильюченка. В их действиях тоже не обнаружен состав преступления.

Под флагом борьбы с «нацдемовщиной» страшный удар был нанесен по творческой интеллигенции республики. Арестам подверглись 90 членов Союза писателей. Погибли в лагерях и тюрьмах многие видные мастера слова – Максим Горецкий, Владислав Голубок, Михаил Куделько (Михась Чарот), Михась Зарецкий, Алесь Дудар, Платон Головач. Попытка покончить жизнь самоубийством Янка Купала, нанеся себе удар ножом в бок. Первый секретарь ЦК КП(б)Б К. В. Гей, по отзывам старожилов, один из ревностных организаторов тогдашних «чисток», докладывая в Политбюро об этом случае, расценивал поступок Купалы «как протест против нашей политики борьбы с национал-демократизмом».

На допросы вызывали друзей и знакомых поэта, где им предъявлялись нелепые с точки зрения здравого смысла обвинения в антисоветской деятельности, в осуществлении связи с открытыми в Москве «контрреволюционными организациями». И самое страшное и необъяснимое – подозреваемые признавали свою «вину», клеймили себя и своих недавних товарищей. В том числе и Янку Купалу: вечера в гостеприимном доме поэта, где горячо обсуждались

пути развития культуры Белоруссии, в показаниях, полученных ГПУ, превращались в контрреволюционные сборища, пьяные оргии, а хозяин дома выступал в роли главного идеолога «национал-демократизма».

Обратимся к документам.

Наркому земледелия БССР, бывшему члену партии Д. Ф. Прищепову, тяжело было «изобличать» Я. Купалу. Частые повторы, косноязычие, самоосуждения говорят о том, что «показания» писались под чью-то диктовку или, во всяком случае, под чьим-то надежным контролем. А ведь статьи и выступления, действительно принадлежащие Прищепову, отличали ясность и лаконичность изложения.

Из дополнительных показаний арестованного Д. Прищепова от 22 сентября 1930 года:

«Квартира Я. Купалы, как и Некрашевича (белорусский языковед, академик, вице-президент АН БССР в 1929 г. – *Н. З.*), тоже служила местом разных политических и партийных разговоров. Там бывали: я, Игнатовский (президент АН БССР в 1929-1931 гг. – *Н. З.*), Василевич (второй секретарь ЦК КП(б)Б в 1927-1930 гг. – *Н. З.*), Балицкий (нарком просвещения БССР в 1926-1929 гг. – *Н. З.*), Стасевич (заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б в 1927-1930 гг. – *Н. З.*), Жилунович (писатель, академик АН БССР. – *Н. З.*), А. Червяков (председатель ЦИК БССР в 1924-1937 гг. – *Н. З.*), Чарот (писатель, редактор газеты «Советская Белоруссия» в 1925-1929 гг. – *Н. З.*), М. Зарецкий (писатель. – *Н. З.*), Ильюченок (заместитель председателя «Белпайторга» в 1930 г. – *Н. З.*), Шипилло (директор комиссии Инбелкульта по составлению словаря белорусского языка в 1927-1930 гг. – *Н. З.*) и другие партийцы, а также беспартийные интеллигенты: Лесик (академик АН БССР с 1928 г. – *Н. З.*), Колас, Тремпович (сотрудник Белгосуниверситета в 1930 г. – *Н.*

З.), Ал. Цвикевич (ответственный работник Белгосиздательства с 1929 г. - Н. З.), Ластовский (секретарь АН БССР с 1928 г. - Н. З.) и другие. Там затрагивались самые разнообразные политические вопросы, о них говорили между прочим, но этот разговор «между прочим» имел практический характер, потому что когда А. Балицкий и др. партийцы говорили о выдвижениях тех или иных кандидатур, то эти кандидатуры работников потом выдвигались, назначение их проводилось. Безусловно, квартира Янки Купалы служила местом для национал-демократической интеллигенции, которая пользовалась квартирой Янки Купалы для того, чтобы, пользуясь присутствием там разных партийцев, использовать эту квартиру для проведения своей национал-демократической политики. Фактически квартиры Я. Купалы и Некрашевича служили главным местом, где встречались партийцы с беспартийной интеллигенцией, и первое место, конечно, занимала квартира Янки Купалы. Его авторитет был очень велик как среди беспартийной интеллигенции, для которой являлся «властителем дум», так и среди партийцев. Для меня лично он являлся очень большим авторитетом, и я его считал барометром белорусской интеллигенции, которая его считала своим кумиром. Каждым стихотворением Я. Купалы зачитывались.

- Национал ли демократ Я. Купала?

- Да, безусловно, нац[ионал]-демократ и его стихотворения в советском духе по моему мнению были формальными, потому что, например, стихотворение «Сыходзіліся [так в тексте показаний] вёска з яснай явы, як сон маркотны, нежаданы» - так было напечатано.

Фактически было написано так: «сыходзіліся вёска з яснай явы, як сон і сумны і жаданы» и только, кажется, под напором тов. Ульянова (представитель наркома

иностранных дел СССР при СНК БССР. – Н. З.) Я. Купала переработал свое стихотворение, которое и получилось таким, что Я. Купала за коллективизацию, за социалистическое сельское хозяйство. Между тем, Янка Купала идеализировал деревню – по «нашенивски» и с такими взглядами на идеализацию вёски единоличного х[озьяйст]ва остался. По моему мировоззрению, он, безусловно, остался до конца «нашенивцем» и остался таковым и сейчас. Я. Купала вообще говорить на коммунистические темы не умеет, но его короткие замечания по тем или иным вопросам были, безусловно, безгранично авторитетны для белорусско-национал-демократической интеллигенции, для которой он был кумиром. Такой же политический вес его замечания имели для партийцев. Пользуясь тем, что он народный поэт, его квартира для национал-демократической интеллигенции, безусловно, служила политическим клубом. Там (на квартире) устраивались политические банкеты, на которых присутствовали партийцы и беспартийные. Кроме этих банкетов, завсегдатаями у Я. Купалы были – П. Ильюченок, Шипилло. Оба последние, хотя и члены партии, являются законченными национал-демократами. К такой категории принадлежу и я. Национал-демократом я сделался благодаря частым встречам с национал-демократической интеллигенцией у Я. Купалы, а также и под влиянием Я. Купалы, которого я очень любил как талантливую поэта Белоруссии, голос которого для меня служил безграничным авторитетом.

Я. Купалу нужно считать как самую видную фигуру среди интеллигенции, но, чтобы он сам ставил политические вопросы, я этого не слышал, но замечания свои он делал и почти всегда.

Вся белорусская интеллигенция с ним очень считалась, поэтому его замечания имели большой вес для нас, партийцев и беспартийной интеллигенции, и он

являлся самым авторитетным человеком для белорусской нац[ионал]-демократической интеллигенции и этим самым он являлся одним из лидеров белорусской нац[ионал]-демократической интеллигенции. Насколько я помню, он был и для нас, партийцев, выразителем всех дум белорусской нац[ионал]-демократической интеллигенции и, поэтому наше хождение к нему, также хождение к нему беспартийной интеллигенции носило политический характер.

Д. Прищепов.

22. IX. 30 г.

На квартире у меня, когда я был беспартийным, кажется перед моим отъездом на Полесскую станцию, был у меня Г. Горецкий (директор Института сельского и лесного хозяйства при СНК БССР в 1927-1930 гг. - *Н. З.*) и не помню, был ли кто-нибудь еще или нет. С ним я говорил о том, что бьют белорусов и белорусских коммунистов и что Василевич прошлепал и проводя при Кнорине (первый секретарь ЦК КП(б)Б в 1927-1928 гг. - *Н. З.*) оргработу, не поназначал секретарями своих белорусских партийцев, тогда бы ничего этого не было и белорусов бы не били. Я ему сказал, что было время, когда я был связан с большинством секретарей окружкомов. Я вместе с Волынским пользовался большой властью и не допускал таких фактов, чтобы били наших работников. А теперь положение такое, что белорусский актив дискредитировали, поснимали с постов, поисключали из партии и единственная надежда на Западную Белоруссию. После этого я просил у него собрать мне материалы по статистике, потому что я хотел писать работу по аграрному вопросу Зап[адной] Белоруссии, а также «социально-экономические причины громадского движения». Г. Горецкий мне, помню, перед отходом сказал: «Да,

правильно, бери установки на десятки год». После этого я с Г. Горецким не встречался. Звонил один раз о том, чтобы осмотреть выставку, но Г. Горецкий сказал, что не прислали лошадей с картофельной станции, и я на выставку не поехал. Звонил я Г. Горецкому из квартиры Я. Купалы, где был вместе с М. Зарецким. Там, на квартире у Янки Купалы, проживает один студент, которому я предлагал написать экономическую работу на тему «Может ли быть организована в Белоруссии самостоятельная финансовая система», он мне что-то сказал – я не помню, но я сказал, что политикой теперь заниматься не буду, а буду изучать нормы навоза и проблему урожайности белорусского Полесья.

Д. Прищепов».

Особый интерес, который проявляли органы ГПУ к поэту, не был случайным: для успешного завершения дела «Союза освобождения Белоруссии» не хватало главы контрреволюционного подполья. По мнению следователей, кандидатура Купалы «подходила» на эту роль больше других – только масштаб личности руководителя мог свидетельствовать об особой опасности раскрытой организации.

Поэтому так старались следователи получить показания о «руководящей деятельности поэта».

Из дополнительных показаний С. М. Некрашевича от 1 ноября 1930 года:

«Янка Купала является наиболее яркой фигурой белорусского контрреволюционного национал-демократизма. Он сам признавал свою роль в этом контрреволюционном движении, и в минуты откровенности называл себя «главным нацдемом». Однако, несмотря на то, что я его знаю десять лет, говорить о его нац[ионал]-демократизме довольно тяжело. Дело в том, что Я. Купала никакой

административной деятельностью не занимался и таким образом конкретных проявлений нац[ионал]-демократизма допускать не мог. Правда, до 1927 г. Купала работал в Терминологической комиссии ИБК (Институт белорусской культуры, предшественник Академии наук БССР. – *Н. З.*), но здесь он только являлся рядовым членом. Приблизительно с 1927 г. Я. Купала, получив персональную пенсию, никаких служебных обязанностей не имел. Хотя он и являлся действительным членом ИБК, а потом БАН (Белорусская Академия наук. – *Н. З.*), однако ни на какие заседания не ходил, даже на доклады по своей специальности (литература), а если раньше и бывал на таких заседаниях как сотрудник Терминологической комиссии, то никто его выступлений не слышал. Правда, как сотрудник Терминологической комиссии, он ярко выявил себя в обработанной им терминологии «теории и практики литературного искусства», дав здесь в погоне за самобытностью белорусского языка наиболее характерный образец его искажения.

Но все же, как нац[ионал]-демократа Я. Купалу надо рассматривать не со стороны его работы в ИБК или БАН. В нем прежде всего надо видеть нац[ионал]-демократического писателя, который в своих произведениях отразил всю идеологию белорусского контрреволюционного национал-демократизма. По своему вредному влиянию на массы Янке Купале, как и его близкому приятелю Я. Коласу, принадлежит не только первое, а просто исключительное место. Его произведения расходились в тысячах экземпляров; они были в каждой школе, в каждом культурно-просветительном учреждении. Не читать Янку Купалу – считалось просто неграмотностью. А Янка Купала простой формой своих стихотворений, ловко вставленными социальными мотивами, заражал Белоруссию отравой национал-демократизма. Слабо

развитый политически читатель принимал его произведения за настоящую литературу, его контрреволюционные национал-демократические идеи за революционность. Здесь можно сказать, был полный обман читателя.

Я не буду делать анализа его произведений со стороны белорусского контрреволюционного нац[ионал]-демократизма, да фактически этого и сделать не могу, за неимением под руками его произведений. Однако не могу не вспомнить об его стихотворении, помещенном в журнале «Адраджэньне» («Возрождение». - *Н. З.*), которое по своей контрреволюционной деятельности стоит выше всех его прежних стихов. Правда, начиная с 1923 г., Я. Купала стал писать и советские, пролетарские стихотворения, лучшими из которых являются его последние стихотворения о коллективизации («Сыходзіць вёска з яснай явы...»). Однако Я. Купалу в БССР восхваляли не за те немногочисленные пролетарские стихи, которые им были написаны за последние 10 лет, а за те по содержанию национальные, иначе говоря нац[ионал]-демократические произведения, которые им были написаны прежде. За эти нац[ионал]-демократические произведения Я. Купале устраивали юбилей, за их ему дали персональную пенсию, за их же его сделали народным поэтом. Таким образом, Янка Купала, как народный поэт, является не пролетарским поэтом, а национал-демократическим. Он певец белорусского контрреволюционного национал-демократизма, который он идеализирует в своих стихах. Все это хорошо знали и все вместе с этим укрепляли его авторитет, популяризовали его имя, произведения, портреты. Почти каждая школа и клуб имели портреты Я. Купалы. Одним словом, Я. Купалу сделали общим кумиром БССР. Но этот кумир был национал-демократический. Правда, в своем отношении к

соввласти Я. Купала сделал, начиная с 1923 г., значительный шаг вперед. Зная мои советские настроения, он часто мне говорил: «Мы с тобой, Степан, люди советские, мы любим соввласть». Слышал я также от него и о любви к большевикам. Эта «любовь» к соввласти и большевикам у него была и благодарностью соввласти за то внимание, которое ему власть и партия оказывали. Я. Купала хорошо знал и сам мне об этом говорил, что ни одна власть не сделала бы ему того, что сделала соввласть, и уже хотя бы в силу этого факта он отрицательно или враждебно к соввласти относиться не мог. Я считал его советским человеком. Считали его таким и те многочисленные партийцы, которые у него бывали. Некоторые из них даже спрашивали (Ульянов), почему он не вступает в партию. Но приблизившись к соввласти, Янка Купала в ответственный момент реконструкции сельского хозяйства не мог подняться до понимания задач партии и соввласти и, будучи большим эгоистом, свои интересы ставил выше. Так, например, когда в феврале с. г. выселяли его родственников, как кулаков, Купала ругал соввласть, о чем мне говорил Жилунович, с которым он в это время встречался в Ленинграде в связи с подписанием условия по соцсоревнованию между Академиями наук. Вообще же Купала является советски настроенным человеком, хотя и в сторону национал-демократизма. Свои советские настроения Купала хорошо высказал на своем юбилее в Москве и Минске летом этого года.

Как нац[ионал]-демократ, Купала был вреден не только своими произведениями. Много он также помогал росту и объединению нац[ионал]-демократических элементов своими вечерами, которые, наверное, являются единственными во всем Минске. В его «салоне», как Купала гордо называл свою квартиру, или в «заезжей корчме», как называл его квартиру Ластовский, бывали все национал-демократы, начиная

от комиссаров, национал-оппортунистов и кончая самыми незаметными работниками. Бывали здесь временами русские и евреи, но значительно реже.

Для чего эта публика собиралась у Я. Купалы? В гости – выпить и закусить. Приходили всегда с женами, играли в преферанс, в «воза», в шахматы. С этой стороны вечера у Янки Купалы были типичными мещанскими вечерами. Публику для своих вечеров Купала подбирал так, что у него всегда были коммунисты. Хотя последние, нац[ионал]-оппортунисты, чаще всего у него и бывали. Некоторые из них засиживались очень поздно и оставались ночевать (Шипилло, Ильюченюк, Куделько). Так дело тянулось до 1930 года. С началом этого года Купала прекратил пьянку, а вместе с этим прекратил и свои вечера. Безусловно, чуть ли не систематическое пьянство самого хозяина и было главной причиной этих вечеров. В период запоя Янка Купала не мог и дня прожить, чтобы не выпить. А потому он или шел к кому-либо из своих знакомых, чтобы выпить, или собирал у себя тех своих знакомых, за исключением некоторых холостяков-коммунистов, у которых он бывал, чтобы таким образом было удобно пойти к ним в следующий раз. Так было почти каждый день. Наконец публика привыкла, что у Купалы можно всегда выпить и закусить (материально он был хорошо обеспечен), а потому и заходили к нему часто без всякого с его стороны приглашения. Знакомые приводили своих товарищей, которых знакомили с хозяевами. Как люди гостеприимные, Купалы никогда никого, не угостив, от себя не отпускали. Таким образом, круг знакомых у Купалы был чрезвычайно широкий, и я, бывая у него, в среднем раз в месяц-два, пересчитать их не могу, да, наверное, многих из них и не знаю.

В чем вредность вечеров у Купалы?

Безусловно, прежде всего в том, что здесь происходило живое общение между собой нац[ионал]-демократов, а также их общение с нац[ионал]-оппортунистами. Сам Купала, когда был подвыпивши, всегда вступал в споры с бывшими у него коммунистами и, руководствуясь нац[ионал]-демократическими взглядами, говорил, что и то не так делается и другое надо иначе сделать. Хотя присутствовавшие у него коммунисты и возражали, однако его замечания, безусловно, свое влияние оказывали, тем более, что с Я. Купалой все считались и хотели оставлять у него о себе хорошее впечатление. Сейчас, понятно, все эти детали забылись, и я их конкретно назвать не могу. Но это было у Купалы, когда он был выпивши, обыкновенным явлением. В трезвом состоянии Купала подобных разговоров не заводил. Сам по себе он человек очень скромный, и когда на него не действовали пары алкоголя, то он молчал. Также он тогда не любил, чтобы у него засиживалась публика. Часто в таких случаях он оставлял гостей и шел спать. Среди партийцев у него было много близких приятелей (Василевич, Балицкий, Ульянов, Прищепов, Жилунович, Куделько, Ильюченок и много других). Безусловно, от некоторых из них он знал о партийных секретных постановлениях. Под пьяную руку Купала иной раз хотел их сказать другим, но в таких случаях за ним следила его жена, под влиянием которой он находился и которой боялся. Она тогда внезапно на него покрикивала, и Купала останавливался на полуслове. Вообще же Купала на тех партийцев, которые бывали у него, безусловно, своим сдержанным нац[ионал]-демократизмом оказывал свое вредное влияние. Это влияние часто шло, поскольку у него почти всегда беспартийные собирались или приглашались вместе с партийцами, и от тех нац[ионал]-демократов, которые у него бывали. Здесь часто поднимались идеологические вопросы

бел[орусского] нац[ионал]-демократизма, здесь часто затрагивались и отдельные тактические моменты. С этой стороны вечера Купалы являются особенно вредными, так как, безусловно, в росте в БССР контрреволюционного национал-демократизма они играли бесспорное значение.

Говоря еще о Я. Купале, как о нац[ионал]-демократе, необходимо отметить, что он являлся нац[ионал]-демократом с шовинистическими уклонами. Подобно Жилуновичу он отрицательно относился к русской пролетарской культуре и ориентировался на западную (чешскую, польскую, немецкую). Сдвиг в этом смысле в нем произошел только весной этого года, когда в Москве произошла встреча белорусских писателей с русскими и особенно после его юбилея, организованного в Москве русскими писателями.

В белорусском контрреволюционном нац[ионал]-демократизме Я. Купала, безусловно, являлся главным идеологом, с которым считались как белорусские нац[ионал]-демократы, так и нац[ионал]-оппортунисты.

Некрашевич

1. XI. 30 г.».

Трудно представить, что мог чувствовать поэт, когда ему предъявляли на допросах эти «показания». Янка Купала понимал, что, выполняя чью-то злую волю, бывшие товарищи, все же, как могли, старались оградить его от прямых обвинений в антисоветской деятельности. Все эти бесконечные упреки в пьянстве и пьянках можно расценить и как навет, и как наивные попытки увести политические обвинения в область бытовую.

Поэта все чаще вызывали в ГПУ «для бесед», требовали объяснений.

Из показаний Я. Купалы:

«По чьей инициативе возник журнал «Возрождение», кто входил в состав редакционной коллегии и кто фактически его редактировал – не помню. Чем объясняется такое название и содержание опубликованных в нем статей, – скорее всего декретами Советского правительства, которые давали право на культурное и национальное развитие освобожденным из-под царского ига подневольным народам бывшей Российской империи.

Специально стихотворения для журнала я не писал и не думал об этом. Как и каждое поэтическое произведение, оно вылилось как-то само по себе, – и о политических установках его я не задумывался. Написал, стих гладкий, значит и печатай. Какие причины могли послужить для написания именно так? Разумеется, тяжелая в то время доля Белоруссии и ее трудового народа, плюс то, что я сказал в предыдущем показании, это, что не вся Белоруссия была объединена в БССР, и презрительное отношение ко всему белорусскому со стороны великодержавных шовинистов.

Об учреждении Термин[ологической] комиссии, преобразованной в ИБК, и их работе могу сказать следующее. Набирались в комиссию работники, разумеется, такие, которые знали бел[орусский] язык, т. е. те, кто тем или иным образом проявили это знание в печати. Других соображений, как я уверен, быть не могло. Но все эти работники не были спецами по составлению терминологии. Работа велась кустарно. Это было не составление стройной научно выдержанной терминологии, а скорее всего перевод с рос[сийского] языка на белорусский. Я лично выходил из такого положения, что термин должен давать ясное представление о предмете...

В дополнение к прошлому показанию о частом нахождении у меня гостей, я могу сказать следующее. Прежде всего, причина этого - традиция гостеприимства. Как только переехал в Менск (а меня многие знали из бел[орусской] интеллигенции), начали меня то одни, то другие навещать. С течением времени число лиц, посещавших меня, возрастало. Мне иногда самому это было невмочь, потому что это отрывало меня от работы и приводило к лишней пьянке. Но бороться с этим по своей доброте и жены я был не в силах. Бывали, разумеется, в большинстве белорусы. Такие белорусы, как Волк-Леванович (белорусский советский языковед, доцент кафедры белорусского языка Белгосуниверситета в 1927-1930 гг. - Н. З.) и ему подобные, у меня не бывали. И вот партийцы и непартийцы, которые часто любили заходить ко мне, знали меня как искренне преданного советской власти гражданина. Иначе бы они не заходили. Это было всем и каждому известно. С какими целями и тайными мыслями некоторые из них приходили, мне неизвестно. Я не допускал и в мыслях, что есть среди них такие, кто преследовал а[нти]с[оветские] намерения. Возможно, некоторые из них стремились использовать мое имя для своих скрытых политических интересов, но я об этом не знал и не давал для этого повода. Я в политику не вмешивался всю свою жизнь никогда. Что предпринимала партия и Советская власть, это было для меня непреложным законом. Содержание бесед, которые велись у меня, было почти полностью на темы о великодержавном шовинизме, который стремился и стремится тормозить белорусизацию, создавая невозможную атмосферу для работы над культурным строительством БССР согласно декретам партии и Сов[етской] власти.

От образования БССР и по нынешний день моей единственной мыслью было, чтобы не повторилась

военная разруха. Всякая, какая бы ни была, политическая перемена меня пугала. Я сжился с Советской властью, она мне сделала столько добра, как никакая другая этого не смогла бы. Избрание меня в члены ИБК, присвоение звания народного поэта, академика вдохновляло меня, чтобы честно отслужить за все это власти, от которой это получил. Чего же мне не хватало, мог ли я о чем-то ином думать? Могли ли бы дать мне все это какие бы ни было политические перемены? Таким образом, быть недовольным Со[ветской] властью никаких у меня причин не было. Разве моя благодарность за присвоение мне звания народного поэта, опубликованная в газете, а также в связи с 25-летним юбилеем, разве она не свидетельствует об искренности и преданности Сов[етской] власти? А сейчас какое-то несчастье валится на мою голову. Я обвиняюсь в причастности к к[онтр]р[еволюционной] организации, о которой я не имею никакого понятия. Я еще раз заявляю, что ни к какой к[онтр] р [еволюционной] организации не принадлежу и не собирался принадлежать.

Эти показания Я. Купалы в ГПУ были последними. Не найдя выхода, 20 ноября 1930 года он пишет предсмертное письмо и предпринимает попытку самоубийства.

В письме на имя председателя ЦИК Белоруссии А. Червякова он пытался объяснить, как получилось, что его стихотворение «Восстань», которое ГПУ ставило ему в вину, было опубликовано в газете «Звон» в одном номере рядом со статьей, посвященной приезду в Минск главы Польши Юзефа Пилсудского.

Большая статья о Пилсудском была напечатана в номере за 19 сентября 1919 года. Действительно, автор слагал панегирик польскому маршалу, называл его «восточным рыцарем с Запада», овладевшим сердцем Белоруссии не для того, чтобы обидеть ее, а наоборот,

«помочь образованию независимой и неделимой Белоруссии». Но стихотворение Я. Купалы было помещено в номере за 17 сентября, где была дана только краткая информация «Приезд в Минск Начальника Польского Государства».

Спустя десять лет это злополучное стихотворение Купала передал для публикации в сборнике, изменив текст, изъяв, в частности, намеки на угнетенное положение белорусов в составе Российской империи. Но ГПУ все равно усмотрело в нем крамолу. Напрасно поэт обращал внимание на дату написания этого стихотворения – 28 августа 1919 года, на место его создания – усадьбу Калисберг. Он не мог знать о предполагаемом визите Пилсудского в Минск, появление стиха в газете и приезд главы польского государства – не более чем совпадение. Но врагам Купалы так не казалось.

21 ноября 1930 года первый секретарь ЦК КП(б)Б К. В. Гей обратился с запиской на имя члена Оргбюро ЦК, секретаря ЦК ВКП(б) П. П. Постышева.

«Уважаемый товарищ Постышев!

Считаю необходимым сообщить Вам, что вчера, 20 ноября, утром покушался на самоубийство Янка Купала – народный поэт Белоруссии. Покушение было несерьезным. Купала ударил себя перочинным ножом в правый бок, жизнь его вне опасности и если не будет сепсиса или других осложнений, то дней через пять он будет здоров.

Янка Купала входил в руководящий центр «Союза освобождения Белоруссии», как о том свидетельствуют показания Лесика, Некрашевича и других. Янка Купала являлся идейным центром нац[ионал]-демократической контрреволюции, что нашло отражение и в его творчестве. Наряду с произведениями вполне

советскими у него имеются стихотворения и кулацкого и прямо контрреволюционного содержания.

Приглашенный для переговоров в ГПУ Янка Купала упорно отрицал свою принадлежность к какой бы то ни было контрреволюционной организации и не обнаружил ни малейшего желания пойти навстречу нам в смысле хотя бы осуждения контрреволюционной деятельности своих друзей – участников и руководителей «Союза освобождения Белоруссии».

Незадолго до 20 ноября он начал обнаруживать признаки некоторого колебания, что, впрочем, не нашло своего отражения в его «предсмертном» (если можно так выразиться) письме. Письмо это адресовано на имя тов. Червякова. Оно содержит утверждение, что он не состоял в контрреволюционной организации; затем Я. Купала пытается оправдать свое стихотворение, восхваляющее Пилсудского, и просит позаботиться о своей семье.

Все это происшествие рассматривается нами как протест против нашей политики борьбы с национал-демократизмом. Мы решили не требовать от Я. Купалы признания участия в «Союзе освобождения Белоруссии» и сосредоточить свои силы на требовании выступить с открытым осуждением контрреволюционной деятельности группы белорусских интеллигентов, арестованных по этому. Думаю, что нам это удастся.

Самый факт покушения на самоубийство мы, конечно, огласке не придаем.

В связи с этим прошу ускорить присылку окончательной редакции информационного сообщения по делу «Союза освобождения Белоруссии». Работу среди интеллигенции надо разворачивать всю и, конечно, молчание нашей прессы связывает нам руки.

С товарищеским приветом (Гей)».

Разрешение на информацию было получено. И уже 1 декабря 1930 г. газета «Звезда» всю вторую полосу посвятила «Взрыву гнева и возмущения пролетариев БССР против разоблаченной органами ГПУ контрреволюционной национал-демократической группы». «Сурово наказать черную стаю бывших белых министров, офицеров, царских чиновников и буржуазных интеллигентов» потребовала Белорусская ассоциация пролетарских писателей, которая, отмежевываясь от национал-демократов, торжественно обещала усилить борьбу с ними. Требование писателей заканчивалось здравицей в адрес ГПУ – главного стража Октябрьских завоеваний. Славил органы ГПУ и требовали наказания контрреволюционной группы рабочие, служащие, студенты и сотрудники Комвуза. А рабочие кожзавода «Большевик» потребовали к этому еще и награждения ГПУ Белоруссии орденом Ленина!

Среди названных в печати врагов фамилии Я. Купалы не было. «Взрыв народного гнева» был пока направлен персонально только на Некрашевича, Ластовского, Цвикевича, Смолича и Лесика – как причастных в прошлом к деятельности правительства БНР.

3 декабря с осуждением «национал-демократизма» в «Звезде» выступил Якуб Колас, писательская организация «Узвышша». Прислал покаянное письмо и Я. Купала.

Запутанная история, не так ли? Мне остается лишь воспроизвести это стихотворение, которое никогда не включалось даже в полное собрание сочинений Я. Купалы. Перевод с белорусского Н. Кислика.

Восстань, народа нашего пророк,
Событий буреломных ворожей,
И мудрым словом сбрось с народа рок
Проржавевших невольничьих цепей.

Сплоти всю Беларусь в одну семью,
Возьми с нее присягу и зарок,
Что землю не продаст вовек свою...
С Отчизны путы снять, восстань, пророк!

Восстань, народа нашего песнярь,
Баян былых и будущих веков,
Призывный клич твой – грозовой удар,
Пусть заглушит постылый звон оков.
Звучи над стороной из края в край
И в сонном сердце разожги пожар,
Громами над курганами взыграй,
Всех мертвых разбудить восстань, песнярь!

Восстань, народа нашего герой,
Богатырем на огненном коне
Народ, бредущий с нищенской сумой,
За Беларусь свою веди в огне.
Ко славе путь Отчизне укажи,
Смети с полей чужацкий жадный рой,
На страже у граничной стань межи...
Завоевать свой край, восстань, герой!
Восстань, народа нашего Глава,
Поднять из праха светлый отчий дом.
Ведь наш народ забыл свои права
На царственную власть в дому родном.
Тебя, Глава, ждет Беларусь давно.
Тебе от Бога, как твердит молва,
Принять наследье наше суждено...
Под белорусский стяг восстань, Глава!

28. VIII. 1919

А что? Вполне годилось к приезду высокого гостя!

Это в советскую эпоху пропаганда сформировала отталкивающий образ Ю. Пилсудского. Ведь он разбил войска красного маршала Тухачевского при их движении на Варшаву и был за это объявлен на родине национальным героем. В СССР его называли диктатором Польши – три года он официально был «начальником Польского государства», многолетним бессменным главой «санационного», фашистского режима и ярким врагом Советской России.

Но мало кому известно, что десять лет он отбывал ссылку за передачу вместе со старшим братом Брониславом группе петербургских народовольцев П. Я. Шевырева – А. И. Ульянова (брат В. И. Ленина) ядовитых веществ для снаряжения бомбы, которой должны были взорвать Александра III. Бронислав получил 15 лет каторги и был сослан на Сахалин. Там он совершил научный подвиг.

Русское Географическое общество за «труды на пользу науке» в 1903 году наградило бывшего политкаторжанина, в тот момент ссыльно-поселенца Бронислава Пилсудского малой серебряной медалью. В представлении было сказано: «В лице Б. О. Пилсудского, проживающего в настоящее время на острове Сахалине, русская наука имеет усердного и самоотверженного собирателя этнографического материала».

Когда в 1905 году Б. Пилсудский покидал остров, в его научном багаже находилось около 4000 страниц этнографических записей, в том числе свыше 20 тысяч слов на языках сахалинских аборигенов. Научные труды Пилсудского впоследствии публиковались в России и

Польше, во Франции, в Японии и Англии. Созданные им орокско-польский словарь и толковый словарь орокских топонимов и антропонимов с грамматическими комментариями автора, хранятся сегодня в Кракове, в библиотеке Польской академии наук. В архивах С.-Петербурга, Томска, Владивостока также имеются ценные материалы из научного наследия Бронислава Пилсудского, сменившего бомбу террориста на мирное стило исследователя.

Но это – брат. А Юзеф? А что – Юзеф? Юзеф – не Бог, который один за всех, а человек. А раз человек, значит, должен отстаивать свой народ. И Юзеф Пилсудский так боролся за свой народ, что не грех было бы Горбачеву поучиться. Впрочем, это исторически противоположные фигуры. Один пытался собрать земли, разделенные полтора века назад, другой, наоборот, отдал земли, собранные заботливыми предками.

Кстати, о брате. В сентябре 1994 года группа молодых московских социологов по заказу журнала «Родина» провела опрос общественного мнения по проблемам российско-польских отношений. Один из вопросов предполагал наличие у участников опроса элементарных исторических познаний: «Знаете ли вы, кто такой Юзеф Пилсудский?» Почти треть респондентов (29,5 процента) сочла благоразумным уклониться от ответа. 16 процентов считали Пилсудского классиком польской литературы конца XIX века. Другие респонденты (12,5 процента) были убеждены, что он являлся... соратником Ф. Э. Дзержинского и В. Р. Менжинского по ВЧК – ОГПУ. А 9 процентов участников опроса были уверены, что Пилсудский был последним польским королем.

В 1933 году Совнарком Белоруссии принял постановление «Об изменениях и упрощении белорусского правописания». Оно вызвало резкую критику в западнобелорусской печати – за отход от

наследия белорусских лингвистов 20-х годов, за русификацию белорусского языка.

Представление о клокотавших тогда лингвистических страстях дают материалы проходившего в декабре 1933 года трехдневного общего собрания минских писателей, которые обсуждали вопросы, связанные с принятой реформой.

Кондрат Крапива, отметив, что декрет правительства об упрощении белорусского правописания является огромнейшим стимулом для дальнейшего развития белорусской социалистической культуры, для развития и обогащения белорусского языка, дал оценку западнобелорусским откликам:

- Нам понятен и тот вой, который подняли белорусские фашисты за границей, и шушуканье нацдемов здесь у нас по причине провозглашения декрета об упрощении правописания. Они воют потому, что декрет ударил их по самому больному месту.

Платон Головач:

- Национал-фашисты и их агентура нацдемы кричат о ненаучности декрета СНК, обзывая его просто приказом. Нам нет нужды спорить с фашистскими писаками из Западной Белоруссии и их верными помощниками нацдемами с этой стороны.

Григорий Мурашка:

- Реформа белорусского правописания имеет огромное значение... Изменения, внесенные в правописание, являются началом, толчком, стимулирующим небывалое развитие белорусского языка.

В выступлениях писателей находим то принципиальное, что отличало взгляды «нацдемов»-западников от взглядов тех, кто держал равнение на Москву.

Кондрат Крапива:

- Эта «чистота» языка достигалась тем, что вытраивались все те элементы, которые были общими для русского и белорусского языков, вводилась масса полонизмов, создавались искусственные новообразования, чтобы сделать язык наименее похожим на русский. Таким образом, язык засорялся и делался непонятным для широких трудовых масс.

Микола Хведорович:

- Немало повредили в этом деле классовые враги... Заядлые нацдемы - разные Лесики, Некрашевичи старались оторвать белорусский живой язык от языка трудящихся всего Советского Союза. Они усложняли правописание разными ненужностями, старались вводить как можно больше полонизмов, боясь, чтобы какое-нибудь слово не было похоже на русское, чтобы окончание какого-нибудь слова не напоминало русское окончание.

Аркадий Кулешов:

- Недаром Лесики, Некрашевичи, Байковы проповедовали в своих «научных трудах», что, если в белорусском языке есть слова, похожие на русские - их не употреблять.

Яков Бронштейн:

- Что касается полонизмов, то они имеют одно предназначение: протащить контрреволюционную интервенционистскую теорию отрыва БССР от СССР.

Микола Хведорович был репрессирован в 1937 году, но ему повезло, он в 1956 году возвратился в Минск. Платона Головача расстреляли в 1937-м, Якова Бронштейна - в 1938-м. Кондрат Крапива и Аркадий Кулешов уцелели и стали белорусскими советскими классиками.

Основоположником новой белорусской советской литературы был объявлен академик и народный поэт Якуб Колас. Будучи дядей Я. Лесика по материнской линии, в декабре 1930 года выступил в печати с

осуждением своего племянника: «Учебники для школ в тех или иных формах также проводили вредительские национал-демократические идеи путем примеров и подбором специального материала, что особенно бросается в глаза в школьных грамматиках Лесика».

Политика центра вынуждала белорусскую творческую интеллигенцию публично осуждать своих близких родственников, рвать кровные узы, тянувшиеся к каждому из далекого прошлого! Брат шел на брата, сын на отца. Кто-то был заинтересован в том, чтобы стравливать близких людей, сеять между ними недоверие, подозрительность, жестокость.

Сразу же после принятия декрета о языковой реформе из Москвы в Минск прибыл русский лингвист Т. Ломтев – для укрепления местных языковедческих кадров. В 1935-1936 годах в Минске были изданы его учебники «Белорусская грамматика. Фонетика и правописание» и «Белорусская грамматика. Морфология». Книги были снабжены предисловиями автора, в которых он отмечал, что данные учебники – первые попытки установления фонетической системы современного белорусского литературного языка. Оказывается, белорусское языкознание до москвича Т. Ломтева не существовало!

По-разному можно относиться к лингвистическим трудам Я. Лесика, В. Ластовского, С. Некрашевича. Но разве нельзя не согласиться с такой вот мыслью: «Беда не в том, что литературный язык иногда заимствует чужие слова; позаимствовать надо, если своих слов нет. Если нет в крае керосина, а он краю нужен, то его надо достать оттуда, где он есть, ибо выдумать свой керосин нельзя. Обмен отдельными словами происходит между всеми культурными народами... Между тем было бы совсем не по-хозяйски покупать, скажем, нам, белорусам, лес у соседей, когда мы имеем свой; также совсем неразумно брать чужие слова, если есть свои,

белорусские». Или вот с этой: «Литературный язык должен быть морем, куда вливаются народные диалекты. Как отдельные речки гибнут в море, поднимая и освежая его уровень, так и народные говоры должны расходиться в литературном языке, чтобы освежать его глубину и ширину».

Скажите, что крамольного в этих мыслях Лесика? Так почему тогда он подвергся жестокому разгрому? Может быть, кто-то слишком бдительный увидел многозначительность в этих его словах: «Язык, как человек, должен почитаться, уважаться и наряжаться с каждым разом в лучшие, более богатые и изящные одеяния. Каждое отличительное слово, каждое своеобразное выражение наших белорусских говоров мы должны с почтением встречать и с большой любовью, как необыкновенную ценность, присоединять в общую сокровищницу нашего литературного языка... Наш язык так богат, красив и звучен, что иногда не знаешь, какое слово, какое выражение лучше употребить, – просто глаза разбегаются. Кроме того, язык так взращенный, всеми говорами выпестованный, делается пригодным, сердечным, всеми любимым и легко понятным каждому, кто хоть немного подучится».

Увы, белорусский язык не стал любимым языком всего народа. Большинство предпочитает говорить порусски. Стало быть, лингвистическая реформа 1933 года внесла чужеродные нормы, и развитие языка пошло в искусственном направлении?

Чем закончилась первая белорусизация, ясно. Остается лишь добавить, что сам термин исчез из употребления и попал под запрет. Сфера использования белорусского языка постепенно сужалась, он уходил из делопроизводства, не звучал более в партийных и государственных учреждениях.

Отдаленным эхом белорусизации можно назвать лишь постановление ЦК ВКП(б) от 6 сентября 1940 года

«Об изучении партийными и советскими работниками, работающими в союзных и автономных республиках, языка соответственной союзной или автономной республики». В январе 1941 года Бюро ЦК КП(б)Б приняло постановление «Об изучении белорусского языка в ВУЗах, техникумах и школах БССР». Но вскоре началась война. Об этой проблеме вспомнили лишь в 1953 году, и снова в Москве.

Вторая белорусизация. Хорошо помня, какой трагедией обернулась для только-только народившейся национальной интеллигенции белорусизация двадцатых годов, в республике весьма сдержанно отнеслись к требованию Москвы о проведении аналогичной кампании, идея которой созрела в Кремле к лету 1953 года. Ее отцом был Лаврентий Берия, предложивший Президиуму ЦК КПСС концепцию десталинизации межнациональных отношений. Основу концепции составляли коренизация партийно-государственного аппарата и введение делопроизводства в союзных республиках на родном языке.

В официальной белорусской историографии этот период пока не отражен. Все документы, касающиеся пленума ЦК КПБ, начавшегося 25 июня 1953 года, до недавнего времени были недоступны исследователям. Завесу плотного молчания прорвала пресса. Она раскрыла, что хранилось за семью печатями в партийных спецхранах.

Из публикаций вытекает, что Берия убедил членов Президиума ЦК КПСС о необходимости либерализации великодержавной политики, проводимой при Сталине. Начали с Украины, где первого секретаря ЦК русского Мельникова заменили украинцем Кириченко, с Латвии, где второй секретарь ЦК Ершов был заменен латышом Круминьшем, с Белоруссии, где первым секретарем был

русский Патоличев, присланный из Москвы три года назад.

Берия преподносится как новатор и реформатор. С его подачи Президиум ЦК КПСС принял 12 июня 1953 года постановление, в котором, в частности, было сказано:

«1. Обязать все партийные и государственные органы коренным образом исправить положение в национальных республиках – покончить с извращениями советской национальной политики;

2. Организовать подготовку выращивания и широкое выдвижение на руководящую работу людей местной национальности; отменить практику выдвижения кадров не из местной национальности; освобождающихся номенклатурных работников, не знающих местный язык, отозвать в распоряжение ЦК КПСС;

3. Делопроизводство в национальных республиках вести на родном, местном, языке».

Берия предлагал ограничить власть партии и все государственные вопросы – промышленности, сельского хозяйства, внешней и внутренней политики – решать не в ЦК, а в Совете Министров. Он первым заговорил о перегибах в раскулачивании, предложил расширить права республик: Украина, морская держава, не может самостоятельно устанавливать цены на билеты в кинотеатры!

Берия поставил вопрос об отмене утвержденного при Сталине списка должностей, которые предпочтительнее было отдавать русским или обрусевшим националам. Это – должности командующих военными округами, начальников гарнизонов и пограничных отрядов, председателей КГБ республик, министров внутренних дел, руководителей железных дорог и воздушных линий, министров связи, директоров предприятий союзного значения. Сюда же

входили должности заведующих основными отделами ЦК. Такое же правило распространили и на Советы Министров союзных и автономных республик, где первые замы были непременно русскими.

При Сталине, а после него при Хрущеве, Брежнев и частично Горбачеве в союзных республиках существовал институт вторых секретарей партийных комитетов – русских, которых привозили из Москвы. По странному стечению обстоятельств Белоруссия, которая при Брежнев, Андропове и Черненко избежала этой участи (правда, приезжал В. Бровиков, но он белорус), при Горбачеве получила в качестве второго секретаря ЦК русского – белгородца Н. Игрунова, работавшего в ЦК КПСС заместителем заведующего орготделом. Может, в центре перепутали Белгород с Белоруссией? – иронизировала местная интеллигенция. Посланцы Москвы, приезжавшие со Старой площади, как правило, ни языка, ни истории, ни культуры местного народа не знали. Но они были ушами и глазами Старой площади и Кремля. Берия предложил изменить и эту практику, выдвигая на посты вторых секретарей местные кадры.

Все эти нововведения, по мнению газет, были вызваны не тем, что Берия жаждал перемен и, впрямь, хотел предоставить союзным республикам больше прав, защитить их языки и культуру, а исключительно мотивами чисто конъюнктурного характера. В развернувшейся среди кремлевского ареопага борьбе за власть Берия хотел получить поддержку с мест, перетянуть на свою сторону влиятельных руководителей с периферии, а еще лучше – заменить их.

Первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии в ту пору был Н. Патоличев, присланный в Минск еще Сталиным. Берия посылает туда своих людей с целью изучить обстановку в республике. Доклад комиссии негативный: девять лет, как немцы изгнаны с

белорусской земли, а люди ютятся в землянках, не хватает самого необходимого, в загоне белорусская культура, национальные кадры не выдвигаются на руководящие должности. «Руководящее ядро» в составе Маленкова, Берии и Хрущева принимает решение: «Тов. Патоличева следует отозвать, назначить т. Зимянина».

Зимянин Михаил Васильевич работал в МИД СССР. Белоруссию знал хорошо – там родился, партизанил, до отъезда из Минска был вторым секретарем ЦК КПБ. Заручившись его согласием, подготовили записку о положении дел в Белоруссии, внесли ее в Президиум ЦК КПСС, который 12 июня 1953 года принял постановление «Вопросы Белорусской ССР».

Вот оно, как говорится, «живьем». Гриф – «Строго секретно».

«Отметить, что в Белорусской ССР совершенно неудовлетворительно обстоит дело с выдвижением белорусских кадров на работу в центральные, областные, городские и районные партийные и советские органы. При этом особенно неблагоприятным является привлечение на руководящую работу в партийные и советские органы западных областей Белорусской ССР коренных белорусов – уроженцев этих областей, что является грубым извращением советской национальной политики.

Отметить также наличие в Белорусской ССР серьезных недостатков в деле колхозного строительства. В результате неудовлетворительной работы ЦК КП Белоруссии и Совета Министров Белорусской ССР по организационно-хозяйственному укреплению колхозов в республике насчитывается большое количество хозяйств, где доходность колхозников является незначительной. Так, в 1952 году в колхозах восточных областей было выдано на один трудодень в среднем: деньгами 37 копеек, зерном – 1 килограмм и картофелем – 1,4 килограмма, а в

западных областях – деньгами – 27 копеек, зерном – 1,3 килограмма и картофелем – полкилограмма.

В связи с этим ЦК КПСС постановляет:

1. Освободить т. Патоличева Н. С. от обязанностей первого секретаря ЦК КП Белоруссии, отозвав его в распоряжение ЦК КПСС.

2. Рекомендовать первым секретарем ЦК КП Белоруссии т. Зимянина М. В., члена ЦК КПСС, быв. второго секретаря ЦК КП Белоруссии, освободив его от работы в Министерстве иностранных дел СССР.

3. Обязать ЦК КП Белоруссии выработать необходимые меры по исправлению отмеченных извращений и недостатков и обсудить их на Пленуме ЦК КП Белоруссии.

Доклад на Пленуме ЦК КП Белоруссии поручить сделать т. Зимянину.

4. Обязать ЦК КП Белоруссии и Совет Министров Белорусской ССР в месячный срок представить в ЦК КПСС отчет о выполнении настоящего постановления».

25 июня в Минске был созван пленум ЦК КПБ. На рассмотрение выносилось два пункта: постановление ЦК КПСС и задачи коммунистов Белоруссии и организационный вопрос.

Патоличев считался фактически смещенным, и потому пленум открыл секретарь ЦК по идеологии Т. Горбунов. Он предоставил слово М. Зимянину. Это был первый в истории правящей партии пленум, на котором доклад произносился на белорусском языке. Опытная партноменклатура сразу же наострила уши: неспроста это.

Доклад Зимянина, извлеченный из партархива, и особенно приведенная там фактура, дали дополнительные козыри оппозиции в ее борьбе с коммунистами-ортодоксами. Эти цифры и идеи по сей день используются как подтверждение колониальной политики Москвы в Белоруссии. Мол, по указанию

Москвы белорусы вспомнили о родном языке, покаяться и вновь забыли.

Зимянин свой доклад начал с традиционного «захода» о том, что великий советский народ самоотверженно трудится над осуществлением решений XIX съезда партии, проведением в жизнь выработанной партией и правительством политики, доложенной в известных выступлениях Г. М. Маленкова, Л. П. Берию, В. М. Молотова. Эту протокольную фразу я привожу полностью только с той целью, чтобы достоверно подтвердить: фамилии Н. С. Хрущева в этом ряду громких имен не было.

- Руководство ЦК КП Белоруссии и Совета Министров БССР оказалось не на высоте положения, - ошеломил участников пленума неожиданной оценкой посланец Москвы, - не поняло поставленных перед ним задач в деле выдвижения белорусских кадров на работу в центральные, областные, городские и районные партийные и советские органы, особенно по вовлечению в руководящую партийную и советскую работу в западных областях БССР коренных белорусов - уроженцев этих областей, что является грубым искажением советской национальной политики. В результате неудовлетворительной работы ЦК КПБ и Совета Министров БССР по организационно-хозяйственному укреплению колхозов в республике допущены серьезные недостатки в деле колхозного строительства и насчитывается большое количество хозяйств, где доходность колхозов и колхозников является незначительной. В связи с этим ЦК КПСС освободил тов. Патоличева от обязанностей первого секретаря ЦК КП Белоруссии.

ЦК КПСС указал, подчеркнул докладчик, что в Белорусской ССР совершенно неудовлетворительно обстоит дело с выдвижением белорусских кадров на работу в центральные, областные, городские и

районные партийные и советские органы. Особенно плохо обстоит дело с привлечением на руководящую работу в партийные и советские органы западных областей Белорусской ССР коренных белорусов, уроженцев этих областей, что является грубым искажением советской национальной политики.

Факты подтверждают глубокую справедливость этих указаний ЦК КПСС, отметил докладчик. Выдвижение и использование на работе в партийных и советских органах Белоруссии, особенно в западных ее областях, коренных белорусов является совершенно недостаточным. В 1953 году в аппарате партийных органов кадры коренной, белорусской национальности составляли всего 62,2 процента, причем в семи райкомах КПБ среди секретарей не было ни одного белоруса.

Грубые искажения советской национальной политики допущены в западных областях Белоруссии, где в руководящем партийном и советском активе кадры местных работников составляют незначительную часть и почти все руководящие посты заняты работниками, командированными из восточных областей БССР и других республик СССР. Из 1175 партийных работников коренной национальности всего... 121 человек. В аппаратах Барановичского обкома и горкома партии, Брестского и Гродненского горкомов, Волковысского райкома не было ни одного работника из местного населения. В числе 256 секретарей райкомов партии западных областей работало белорусов только 170, или 69 процентов, а из местного населения - всего 15 человек. Большая половина секретарей колхозных и территориальных первичных парторганизаций - тоже привозные. На комсомольской работе в западных областях из числа местной молодежи занято лишь 34,3 процента работников.

Не лучше обстояло дело с использованием белорусских кадров и в советских органах западных областей БССР. Из 1408 работников облисполкомов только 114 являлись белорусами - местными уроженцами, а из 321 работника горисполкомов всего 25 местных белорусов. В Полоцком областном и городском исполкомах не было ни одного работника-белоруса из уроженцев западных районов.

Таким образом, вся власть - партийная, советская, комсомольская - была привозная! Удручало и то, что агентами по заготовкам, финансам, работниками торговли были люди, прибывшие из других республик СССР. А это самые массовые кадры, которые непосредственно, каждый день встречались и работали с местным населением.

Неудовлетворительно были укомплектованы работниками из числа белорусов органы Министерства внутренних дел БССР. В центральном и областных аппаратах МВД белорусы насчитывались единицами. В числе 173 начальников райотделов МВД белорусов насчитывалось только 33 человека. В западных областях из 840 оперативных работников органов МВД уроженцев западных областей было только 17 человек.

Такое же положение было допущено с белорусскими кадрами и в органах милиции. Из 150 руководящих работников органов милиции западных областей местным уроженцем являлся только один человек. Из 92 начальников горрайотделов милиции уроженцев западных областей было всего только 5 человек.

Ненормальным явлением назвал докладчик то, что работа аппарата ЦК КПБ, Совета Министров БССР, местных партийных и советских органов, даже органов народного просвещения велась на русском языке. И уж вовсе непонятно, почему при наличии в Минске более половины детей школьного возраста белорусской национальности, в городе насчитывалось только девять

белорусских школ из 48. Белорусский язык был только предметной дисциплиной в большинстве белорусских школ. Преподавание в вузах велось исключительно на русском языке.

М. Зимянин подчеркнул обстоятельство, которое и сейчас используется радикальными демократами: если основная масса рабочих и крестьян Белоруссии разговаривает на белорусском языке, а руководящие и пропагандистские работники, включая и часть интеллигенции, не разговаривают с народом на родном ему языке, то этот факт создает опасность отрыва их от народа.

Докладчик поставил задачу перевода делопроизводства партийных и советских органов на белорусский язык. На этом же языке должны обслуживать население учреждения культуры и торговли, не говоря уже о печати. А то что получается? Журнал «Коммунист Белоруссии» издается на русском языке тиражом 17-18 тысяч, на белорусском - 2-3 тысячи экземпляров, газета «Колхозная правда» соответственно 56 и 5 тысяч. Между прочим, ЦК КПСС определил оба тиража журнала по 10 тысяч, а газеты - 100 тысяч. Распространение книг, журналов и газет на белорусском языке поставлено в республике крайне неудовлетворительно.

Говорить с народом нужно на его родном языке. Но тут докладчик сделал существенное разъяснение. Это, безусловно, совершенно не означает требования говорить в Белоруссии только на белорусском языке. Такая постановка вопроса была бы неправильной, непартийной. В Белорусской ССР живут многие тысячи русских, украинцев, евреев, трудящихся других национальностей, которые имеют полное право говорить на своем родном языке. Нельзя заставлять их говорить на белорусском языке. Это пытались в свое время сделать в Белоруссии контрреволюционные

буржуазные националисты, которые ставили подлые цели насаждения межнациональной розни и подрыва Советской власти Белоруссии, цели отрыва ее от Советского Союза. Нельзя допустить никаких рецидивов национализма.

Здесь Зимянин особо подчеркнул: усиление выдвижения национальных белорусских кадров на руководящую работу совершенно не означает огульной замены кадров небелорусской национальности. В Белорусской ССР находится на руководящей партийной и советской работе значительное количество русских, украинских кадров, работников других национальностей. Часть их родилась и выросла в Белоруссии. Другие работают в республике на протяжении долгих лет, командированы Центральным Комитетом КПСС для оказания помощи партийным организациям Белоруссии. Докладчик выразил глубокую благодарность ЦК КПСС и Советскому правительству за эту помощь. За годы работы в Белоруссии многие русские товарищи и работники других национальностей изучили белорусский язык, культуру, обычаи белорусского народа. Те же, кто не придавал до сих пор необходимого значения изучению белорусского языка, должны выправить это. Изучение белорусского языка не явится особенной трудностью, ибо он чрезвычайно близок языку старшего брата – великого русского народа. Ну а те, кто посчитает более целесообразным перейти в условия, где для них будут перспективы работать на родном языке, обратясь в партийные органы, получат возможность перевестись на работу в соответствующие республики и области.

Далее Зимянин сообщил, что в западных областях Белоруссии в послевоенные годы вскрыт ряд подпольных организаций буржуазно-националистического характера, целью которых было вести контрреволюционную подрывную работу среди

трудящихся для подготовки и отрыва Белорусской ССР от Советского Союза. В этих контрреволюционных организациях наряду с завзятыми националистами, прошедшими через разведывательные органы империалистических государств, были и молодые люди, в ряде случаев и комсомольцы, ставшие на враждебный советскому народу путь под влиянием контрреволюционной агитации.

Зимянин привел сталинскую цитату: «Партия посчитала необходимым помочь возрожденным нациям нашей страны стать на ноги во весь рост, оживить и развить свою национальную культуру, развернуть школы, театры и другие культурные учреждения на родном языке, национализовать, т. е. сделать национальными по составу партийный, профсоюзный, кооперативный, государственный, хозяйственный аппараты, выращивать свои национальные партийные и советские кадры и обуздать все те элементы, – правда, немногочисленные, – которые пытаются тормозить подобную политику партии». А затем сделал неприятный для белорусского руководства вывод, сказав в заключение, что ЦК КП республики допустил грубую ошибку, забыв об этом важном положении ленинизма.

Как воспринял этот разгромный доклад Н. С. Патоличев, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, в течение трех лет возглавлявший республику, да еще присланный в Минск Москвой? Ему ничего не оставалось кроме как назвать справедливым упрек ЦК КПСС об ошибках в подборе кадров в центральные органы республики, в партийный и советский аппарат западных областей.

Тут не может быть никаких оправданий, скрепя сердце вынужден был признать он. Хотя тут же заметил: никак нельзя сказать, что в Белоруссии нет кадров из местного населения. Их вполне достаточно.

Законно поставить вопрос – в чем же дело? В силу того, что по вине ЦК КП Белоруссии и Совета Министров республики национальная форма культуры по целому ряду решающих разделов давным-давно была утрачена, национальный момент при подборе руководящих кадров, да и не только руководящих, потерялся и в расчет почти никогда не принимался. И то, что в составе министерств, заместителей Председателя Совета Министров, первых секретарей обкомов партии, председателей облисполкомов все же большинство белорусов, в этом никакой заслуги Центрального Комитета нет. Это сложилось произвольно. Могло бы сложиться и иначе, коль руководящее начало в этом деле было утеряно. Есть большая группа руководящих работников, о которых трудно сказать, если не посмотреть в анкетные данные, кто они по национальности – белорусы или не белорусы. Поэтому часто путали.

Есть смысл привести «живьем» некоторые высказывания тогдашнего партийного вождя республики. Ну хотя бы этот фрагмент.

Из выступления первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии Н. С. Патоличева на четвертом пленуме ЦК КПБ:

«В докладе, изложенном на пленуме Центрального Комитета тов. Зимяниным, говорится, что ЦК КПБ оказался не на высоте положения в таком важном вопросе, как национальный. Я это отношу, да и не только я, в первую очередь к себе. Какие тут могут быть возражения?

Но я должен сказать, к великому сожалению, ни в Центральном Комитете КП Белоруссии, ни в Совете Министров республики не оказалось среди нас такого человека, который бы хоть в какой-либо степени, хоть в какой-либо форме предостерегал Центральный Комитет

от этих ошибок. Такого человека не оказалось. Это я, конечно, говорю о работниках ЦК и Совмина, которые вместе со мной эти последние три года работали и возглавляли Компартию, что было раньше – разберетесь сами, хотя в этом, кажется, нет никакой необходимости.

Поэтому, мне кажется, что кроме меня, для пользы дела, это мой товарищеский совет, должны сделать очень большие уроки и другие товарищи.

Что мы сделали в сельском хозяйстве за эти три года?

Ликвидирована отсталость сельского хозяйства в области механизации. Примерно в три раза больше республика имеет сейчас тракторов, чем три года тому назад, а комбайнов не менее, чем в 15 раз.

До Белоруссии я работал в одной из крупнейших зерновых областей страны, где валовые сборы хлеба значительно превосходят Белоруссию, где культура земледелия и степень механизации работ на несравненно более высоком уровне. Я должен сказать пленуму ЦК КПБ, мне искренне хотелось сделать так, чтобы это все имела и Белоруссия.

Не во всех вопросах колхозного строительства и сельскохозяйственного производства нам удалось достичь положительных результатов. Пока урожайность все еще низкая и мы не обеспечили серьезного улучшения материальных условий жизни колхозников. Упрек со стороны ЦК КПСС глубоко справедливый.

Я, товарищи, для себя из всего этого делаю самые партийные, какие только может сделать коммунист, выводы. Но для подъема сельского хозяйства Белоруссии в дальнейшем от этого никакой пользы не будет, коль я уезжаю. И опять-таки в интересах дела хочется кое-что сказать в свете требований партии по улучшению жизни народа, о товарищах, которые вместе со мной рука об руку работали эти три года.

Заглянем немного в историю. В 1945 году на трудодень колхозники восточных областей получали 400 граммов хлеба, в 1946 году - 300 граммов. В результате на пост секретаря ЦК приехал тов. Гусаров. В 1947 году было выдано колхозникам 500 граммов, в 1948 году - 570 граммов, в 1949 году - 400 граммов. Руководство было заменено. Приехал тов. Патоличев. В 1950-1951 годах выдавалось по 600 граммов, в 1952 году - 1 кг. Руководство сменилось. Пока эта перестановка происходила и сейчас происходит, как видите, большая группа самых ответственных работников Белоруссии и в центре, и в областях работает на тех или иных постах и довольно длительное время. Мне думается, что по вопросу подъема урожайности и увеличения трудодня сказано очень и очень много, и мне думается, что наряду со мной должны сделать очень глубокие выводы и те товарищи, которых я имею в виду. Это мой товарищеский совет. Могут его учесть, пусть учтут, не могут - я не буду в претензии. Что касается колхозников - это уже другое дело.

Центральный Комитет КПСС правильно, со всей остротой реагировал на тот факт, что мы мало даем хлеба колхозникам на трудодни, мало сделали в улучшении жизни колхозников. Этот упрек нужно не только принять, но и сделать все необходимое, чтобы указание Центрального Комитета выполнить.

Товарищи, решением Центрального Комитета КПСС я, как первый секретарь ЦК КПБ, - освобождаюсь от этих обязанностей.

Что хотелось бы сказать в заключение. В течение трех лет я возглавлял ЦК КПБ и работал на виду у вас. Нет смысла сейчас говорить, какие вопросы лично мною были поставлены и разрешены за эти годы в Белоруссии. Центральный Комитет КП Белоруссии вел разностороннюю работу во всех отраслях

хозяйственного и культурного строительства, проводил политическую и массовую работу, развивал промышленность, строил города, особенно большие усилия приложил в развитии столицы республики города Минска. Боролся за подъем науки, литературы, искусства, создавал новые журналы, газеты и т. д.

Нелегка роль первого секретаря во всех этих делах. Тем более, на пленуме могу сказать, что не всегда я находил нужную поддержку в выдвигаемых мною вопросах.

Тов. Зимянин в докладе сказал, что в работе Центрального Комитета не было нужной коллегиальности. Могу сказать, что это в Белоруссии пока что очень трудный вопрос, поверьте мне, но я развивать его не буду.

Я прилагал все силы, чтобы нормально и дружно работать, правда, на шею садиться себе не давал, в этом виноват, каюсь.

Товарищи, после трех лет работы в Белоруссии, после того, что мы сделали положительного и что решением ЦК отмечено отрицательного, как ошибки, извращения, тем не менее, мне, товарищи, не стыдно смотреть в глаза участникам настоящего пленума. По воле партии я приехал в Белоруссию, по воле партии и уезжаю. За прошедшие три года я не жалел сил и работал так, как положено коммунисту. Таким я останусь до конца моей жизни, так я буду поступать и впредь, куда бы ни послала меня наша великая Коммунистическая партия».

Однако выступивший после него заместитель председателя Совмина – председатель Госплана БССР И. Л. Черный камня на камне не оставил от мнимых успехов, которыми похвастал Н. С. Патоличев. Сильный плановик и экономист, Черный вскрыл механизм возникновения этих «достижений», чем вызвал

неприкрытое озлобление зала. Одни, посвященные в тайну дутых показателей, которые Патоличев докладывал в Москву, встревожились за свои кресла. Другие завидовали Черному: вот шельмец, уже сделал ставку на новое руководство.

Патоличев после этого люто возненавидел своего главного экономиста. Даже много лет спустя, уже будучи на пенсии в Москве, он не жалел уничижительных эпитетов в адрес этого человека - ни в устных рассказах, ни в изданных воспоминаниях. Ясное дело, что Черный не остался в прежних должностях, когда из Москвы поступила новая команда - Патоличева не снимать.

Из выступления И. Л. Черного, заместителя председателя Совмина - председателя Госплана БССР:

- В постановлении ЦК КПСС говорится о низком экономическом уровне колхозов и слабом обеспечении трудодня колхозников. Говорится о недостатках и ошибках наших в решении советской национальной политики.

Мне кажется, что если мы действительно желаем исправить те ошибки, которые мы делали до сих пор, необходимо сегодня не только пересчитать эти ошибки, но и рассмотреть некоторые основные корни, которые бросают свет на эти ошибки, те корни, которые породили эти ошибки в нашей работе.

В 1952 году распределено на трудодни картофеля в 4,7 раза меньше, чем в 1940 году, при этом в 2500 колхозах (об этом уже тов. Зимяниным сказано), или в 47 процентов общего числа колхозников, совсем не распределяли картофеля на трудодни в 1952 году.

Вес каждого трудодня по картофелю в колхозах восточных областей, как вы слышали из постановления ЦК КПСС, также меньше по сравнению с 1940 годом.

Я думаю, что это является результатом того, что за последние годы плановые показатели, которые, как правило, не выполнялись в сельском хозяйстве, обычно не фигурировали в докладах при подведении итогов сельскохозяйственного года. Показывались небольшие сдвиги, а как выполняется государственный план по урожайности и по продуктивности, не говорили. Этим и объясняется то, что государственный план в сельском хозяйстве у нас еще не стал законом. За его срыв, за его невыполнение, особенно по урожайности, продуктивности, это значит по важнейшим качественным показателям, никто не отвечает, ни с кого не спрашивают.

Факты невыполнения этих важнейших плановых показателей мы не выносили на рассмотрение партийных пленумов. Я не знаю, чтобы кто-нибудь из членов Бюро ЦК КПБ за последние годы интересовался анализами результатов сельскохозяйственного производства по важнейшим показателям – урожайности, продуктивности, производительности труда, доходов колхозников, колхозов и т. д.

В последнее время даже на пленумах и Бюро ЦК эти вопросы не были предметом глубокого изучения. Где, если не на Бюро ЦК и пленумах ЦК, можно остро и всесторонне рассмотреть действительные процессы производства по всем деталям. Но нужно сказать прямо, что условий для этого на прошлых пленумах не было. (*Шум в зале, голоса: неправильно, неправильно.*)

Я не понимаю. Я считаю, что кто находит неправильным и кто находит правильным, может одинаково выступить.

Г о л о с а. А где вы раньше были?

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Товарищи, давайте вести пленум ЦК, как требуется, нельзя кричать. Необходимо вести пленум на высоком

партийном уровне, если есть замечания – просите слово.

Ч е р н ы й. Я приведу два примера: когда мы говорим о росте животноводства по колхозам, мы никогда не упоминаем, что здесь доля механического роста за счет колхозов западных областей. Между тем мы совершенно не упоминаем о том, что мы еще отстаем от довоенного уровня по поголовью крупного рогатого скота по всем секторам.

Или вопрос удоев. На Бюро ЦК КПБ, когда слушали доклад Минского обкома партии, на этом заседании, в связи с тем, что был поднят вопрос о низкой удойности коров, тов. Патоличев сказал следующее и повторил это на пленуме ЦК, что у нас пониженный удой молока объясняется тем, что у нас растет общее количество коров. Такое объяснение по сути неправильное, тем более, учитывая, что удой у нас не превышал 700-750 литров на корову. Оно не мобилизует кадры, не вскрывает существенных причин понижения удоев.

Безусловно, что мы – Председатель Совета Министров и я, как его заместитель, обязаны были вносить такие вопросы на рассмотрение Совета Министров и Бюро ЦК. Особенно это могли сделать члены Бюро Центрального Комитета, которые больше имели для этого возможностей. Но я должен сказать, что из всего сказанного выше, я прихожу к таким выводам, что одной из причин, породивших все наши недостатки, было то, что ни Бюро Центрального Комитета, ни тов. Патоличев не создали надлежащих условий для более широкого развертывания критики недостатков.

Товарищ Маленков на XIX съезде партии говорил: «Критика снизу может расти и шириться только при таких условиях, когда каждый выступающий со здоровой критикой уверен, что он найдет в нашей организации поддержку. Необходимо, чтобы все наши

руководители возглавили это дело и показали пример честных и добросовестных отношений к критике».

И вторая, с моей точки зрения, ошибка Бюро ЦК, которая привела к серьезным извращениям советской национальной политики, это недооценка уроков прошлого из истории нашей партии, нежелание изучать те исторические документы, которые издавались ЦК нашей партии по вопросам национальной политики вообще и в адрес специально Белоруссии и Компартии Белоруссии на отдельных исторических этапах ее развития.

Великая партия учит нас, что для того, чтобы поднимать народ на большие дела коммунистического строительства, необходимо быть в постоянной связи с народом, а это значит знать его историю, быт, культуру.

Это особенно должен был хорошо знать и помнить тов. Горбунов, который возглавляет идеологическую работу в республике, но он это забыл и сделал много ошибок. *(Смех в зале.)*

Ошибкой еще в работе ЦК и его первого секретаря тов. Патоличева является отсутствие коллегиальности, об этом говорил также тов. Зимянин в своем докладе».

Докладчик Зимянин, вышедший вслед за ним к трибуне Патоличев, а затем, глядя на них и все остальные ораторы делили свои выступления на две части – хозяйственно-экономическую и кадрово-национальную.

Если присланный Москвой в качестве нового начальника Зимянин делает доклад (неслыханное дело!) по-белорусски и требует от всех впредь разговаривать по-белорусски, критикуя коренные недостатки и ошибки в экономическом и национальном вопросах, если прежний начальник Патоличев признает допущенные в этих вопросах ошибки (правда, в экономическом – в меньшей степени), то многоопытные

партийные функционеры сразу поняли, куда дуют московские ветры. Как только началось обсуждение доклада, многие произносили свои выступления по-белорусски, правда, в основном, на разговорном, причудливо смешивая белорусские слова с русскими. При этом демонстрировали прекрасную осведомленность о неблагополучии в хозяйственной деятельности, кадровом составе работников и тревожном состоянии национальной культуры.

В. Е. Лобанок, первый секретарь Полесского обкома КПБ:

– Разве не является крупнейшим упущением то, что мы в школьном строительстве шли на всемерное свертывание белорусских школ? Остается фактом, что в Мозыре белорусские школы есть только на окраинах, а в центре города нет ни одной белорусской школы. В значительной части белорусских школ (и не только в городах, но и в сельской местности) преподавание многих предметов проводится не на белорусском языке. И что же получается? Ученики разговаривают на белорусском языке, пользуются белорусскими учебниками, а учитель ведет урок на русском языке. Ясно, что при подготовке педагогических кадров не учитывается, что у нас белорусские школы, и не обратили внимание на то, чтобы будущие учителя овладевали, как следует, тем языком, на котором им необходимо будет вести преподавание в школах. Неправильной является линия Министерства просвещения БССР, которое допустило, что в русских школах БССР нет экзаменов по белорусскому языку и литературе. Необходимо, чтобы и учащиеся русских школ овладевали, как следует, белорусским языком.

Совершенно непростительно то, что за девять лет у нас не смогли издать русско-белорусский словарь, который является буквально библиографической

редкостью, а спрос на него очень большой. Сейчас такой словарь, говорят, издается, но небольшим тиражом - всего только 20 000 экземпляров. Необходимо принять меры, чтобы русско-белорусский словарь появился побыстрее и в достаточном количестве экземпляров. Академии наук необходимо форсировать издание истории БССР, а также дать необходимую разработку материалов по истории партизанского движения в Белоруссии, ибо кроме путаной и компилятивной книги Цанавы у нас по этому вопросу почти ничего нет.

Впоследствии Владимир Елисеевич Лобанок стал заместителем Председателя Президиума Верховного Совета БССР и занимал эту должность 10 лет, курируя вопросы культуры и образования. Он даже избирался заместителем председателя Совета национальностей Верховного Совета СССР. Белорусский язык рабочим при нем не стал.

Первый секретарь Брестского обкома партии Т. Я. Киселев:

«В Брестской области из тринадцати районных газет только четыре выходят на белорусском языке, девять до последних дней издавались на русском. Из политотдельческих газет на белорусском языке издается шесть. Можно было бы приводить много других примеров, свидетельствующих о нарушении ленинско-сталинской национальной политики в этих вопросах. Можно долго и много говорить о причинах, приведших к этому. Известно, что если бы в ЦК, Совете Министров БССР делопроизводство было на белорусском языке, то и в обкомах, райкомах, облсполкомах и райисполкомах оно не могло бы иначе вестись. Если бы Министерство просвещения не направляло на работу в качестве заведующих облоно, районо товарищей, совсем не знающих белорусского

языка, в свою очередь органы народного просвещения не назначали бы директорами и завучами школ людей, не знающих белорусского языка. Если бы министр просвещения перед учителями выступал на родном языке, то тогда и учителя выступали бы перед населением на белорусском языке. А у нас же на белорусском языке выступали только на сессиях Верховного Совета БССР и на заседаниях Союза писателей при обсуждении произведений белорусских писателей. Далее, если бы дети руководящих работников-белорусов учились в белорусских школах, то надо полагать, что рабочие и служащие белорусы не ставили бы так вопрос - «принимайте моих детей в русскую школу». Известно, что такое положение дел знали. Я помню, когда в 1948-1949 годах (в то время оратор возглавлял отдел школ ЦК КПБ. - *Н. З.*) докладывали Бюро ЦК о том, что в столице Белоруссии почти нет белорусских школ, был получен такой ответ: «Мы не можем принуждать родителей посылать своих детей в белорусские школы, в какие хотят, в такие пускай посылают». А это привело на практике к нынешнему положению. Причем с белорусскими школами такое положение не только в Минске, а и в областных центрах. В Бресте из 14 школ белорусской считается только одна. Можно не сомневаться, что очередные пленумы обкомов партии, также, как и этот пленум ЦК, будут проходить на белорусском языке, и также, как и в ЦК, будет вестись и делопроизводство на белорусском языке. И если мы начнем практически пользоваться белорусским языком, будем писать и разговаривать по-белорусски, и в школах переменятся отношения к белорусскому языку и этот недостаток, или правильнее, ошибки в этих вопросах, будут ликвидированы».

Впоследствии Тихон Яковлевич Киселев был Председателем Совета Министров БССР и первым секретарем ЦК КПБ. Белорусский язык рабочим при нем не стал»

П. А. Абрасимов, заместитель председателя Совета Министров БССР:

«Разрешите остановиться на выступлениях тт. Патоличева и Черного. Я считаю выступление тов. Патоличева на этом пленуме неудовлетворительным. Чего ждали мы, участники пленума, от выступления тов. Патоличева? Первое. Его отношение к решению Президиума ЦК КПСС. Второе. Еще большего вскрытия ошибок и недостатков, о которых говорится в постановлении ЦК КПСС как со стороны ЦК КПБ, правительства республики, также своих личных. Что сказал тов. Патоличев в своем выступлении? Он несколько раз подчеркнул свое согласие с постановлением ЦК КПСС, а с другой стороны, сделал неудачные сравнения, совсем ненужные, так называемые исторические, экскурсии в прошлое республики с выводом, что эти ошибки и по национальному вопросу, и в сельском хозяйстве существовали и до него.

О том, что существовало до вас, тов. Патоличев, в Белорусской республике плохое, никто вам в обвинение и не предъявляет. Речь идет об ошибках в осуществлении ленинско-сталинской национальной политики, о плохом материальном положении белорусского колхозного крестьянства в последние годы, то, о чем выразительно сказано в постановлении ЦК КПСС, за что несем ответственность перед партией все мы, партийные и советские руководители республики, и вы, как первый секретарь ЦК КПБ. Вам об этом и нужно было сказать пленуму, раскритиковать и себя, и нас. То же, что вы сделали в республике за эти

три года, известно участникам пленума и совсем не было нужды об этом говорить и оправдываться.

Насчет выступления тов.Черного. Я не разделяю его взглядов о том, что выступление тов. Патоличева нанесло политический вред Компартии Белоруссии и т. д. В погоне за эффектом тов. Черный нацепил тов. Патоличеву то, в чем он совершенно не виноват».

Если партийные функционеры выражали свои мысли сухими, казенными словами и оперировали статистикой, то выступивший на пленуме вице-президент Академии наук БССР народный поэт Якуб Колас рисовал живые, запоминающиеся картинки:

- Представим, что по одному из многочисленных шоссе мы въехали на территорию республики. Мы критически оцениваем дороги, любуемся пейзажами, строительством городов и сел, которые попадаются на пути, но мы не встретили ни одной белорусской надписи, которая бы говорила нам, что мы в Белорусской Советской Республике. Такое же явление и на железной дороге, нигде не увидишь, чтобы название станции или полустанка было написано по-белорусски. Мы приехали в Минск. Многочисленные афиши, объявления, плакаты свидетельствуют о его общественной и культурной жизни. Однако белорусских текстов среди них очень мало.

Смех в зале вызвала забавная сценка:

- Один москвич, восхищаясь нашей столицей, вдруг заметил: «Жаль только, - говорит, - что названия улиц у вас пишутся с ошибками. В слове «Комсомольская» после буквы «с» написано «а», а не «о». Оказалось, что он прочел надпись по-русски. Это смешно и грустно. Это значит, что белорусское слово в Минске встречается настолько редко, что воспринимается, как ошибка.

Даже Академия - центр белорусской культуры - почти выгнала из употребления белорусский язык. На

собраниях, заседаниях ученых белорусского языка не слышно, не пишутся на нем научные работы, не ведется общая переписка. В БССР мало ученых языковедов-белорусов, а подготовка языковедческих кадров совсем неудовлетворительная. Возьмем хотя бы количество диссертаций по вопросам языка, не будем уже говорить о качестве их. Их очень мало – две-три работы и все. В Академии не созданы такие условия, чтобы молодежь шла работать по языковедению. Научной работы по исследованию, изучению и разработке белорусского языка фактически нет, ибо мало квалифицированных исследователей.

Далее Я. Колас говорил, что собрания, митинги, иные массовые мероприятия тоже проводятся не на белорусском языке. Он вышел из рабочего применения не только таких организаций и учреждений, как Академия наук, Министерство просвещения, Министерство кинематографии, учебные учреждения, но и газеты, союзы художников и композиторов.

– Дошло до того, – сказал оратор, – что начало проявляться пренебрежительное отношение к белорусскому языку, высмеивание тех, кто им пользуется. Когда в наше издательство позвонили и спросили: «Гэта Дзяржкамвыдавецтва?» («Это Госкомиздат?» – *Н. З.*) – с другой стороны послышался ответ: «Нет, это Госиздат», и сразу повесили трубку.

Якуб Колас отметил, что речь и произношение у артистов, а также у дикторов на радио плохие. Это в первую очередь потому, что пользуются они белорусским языком только на репетициях и на спектаклях, а творческий процесс превращается в служебный, как бы принудительный. Чтобы белорусское слово зазвучало всеми своими оттенками в устах артиста или диктора, нужно любить это слово, не расставаться с ним, глубоко вникать в его содержание.

И снова веселый смех в зале. Его вызвало образное сравнение.

- Великий писатель земли русской Лев Толстой отмечал, что за каждое неправильно употребляемое слово он сек бы писателя розгами. Если применить это мудрое правило к работникам «Звезды», то им пришлось бы отдуваться после выхода каждого номера газеты.

Якуб Колас приводил примеры некритического заимствования слов из русского языка, когда они в белорусской транскрипции утрачивали свою основу и становились непонятными. Эти формы не свойственны белорусскому языку, их можно заменить простыми и легкими оборотами. В этих случаях дело губили дословность, желание буква в букву перевести русский текст.

К. Новикова, директор Института истории партии при ЦК КПБ:

«Представитель ИМЭЛа, который приезжал проверять эти вопросы, ходил по городу, как он сам говорил, и спрашивал: «Почему вы пишете «думка», а не «мысль», почему говорите «цукар», а не «сахар», почему вы говорите «лазня», а не «баня». Это была в сущности попытка учинить ревизию белорусского языка, которая дошла до того, что авторитетные товарищи из нашей интеллигенции чуть ли не объявлялись националистами. Я бы сказала, этим самым всю большую работу, которую провел Институт истории партии с этой интеллигенцией, в сущности пытались ошельмовать. Это Центральному Комитету Компартии Белоруссии было известно, однако, к сожалению, нужно отметить, что Бюро ЦК этого не осудило, а я по этому вопросу разговаривала не с одним секретарем ЦК КПБ».

К. Новикова призвала совместными силами Института истории партии, институтов истории и философии АН БССР в самое короткое время разработать тематику и приступить к написанию популярных брошюр по истории КПБ, развитию общественной мысли в Белоруссии, философии, истории белорусского народа. В свете обсуждаемого вопроса ей представлялось, что неправильным было поведение ряда научных учреждений Москвы, когда они отказывались принимать к утверждению планы кандидатских работ на так называемые местные темы. По существу это приводило к отказу и ослаблению дела разработки истории народов национальных республик. Она считала, что это было ошибочное поведение некоторых научных учреждений, в том числе и Академии наук СССР.

П. А. Абрасимов, первый заместитель Председателя Совета Министров БССР:

«Главное, что характеризует национальную форму культуры – это национальный язык. «Миллионные массы народов могут преуспевать в деле культурного, политического и хозяйственного развития только на родном национальном языке» – учит И. В. Сталин».

П. У. Бровка, председатель Союза советских писателей БССР:

«Мы не уважаем по-настоящему нашего культурного наследия и временами забываем наших виднейших людей. Стоило бы по-настоящему почтить память виднейших людей белорусского народа, его писателей и деятелей культуры. Присвоить имена школам, клубам, техникумам, назвать улицы в городах такими именами, как имени Богусевича, Тетки, Максима Богдановича, Кузьмы Чорного, Самуйленка, Бядули, Труса и др. К декаде мы много и хороших издали книг белорусской

художественной литературы. Это делалось под непосредственным руководством ЦК. Это хорошо. Однако ЦК не замечал, что издать книгу молодому автору в нашем издательстве довольно тяжело. Государственное издательство Белоруссии, в частности, директор тов. Матузов, очень неохотно шли на издание книг молодых авторов. Откуда же будет у молодого автора желание работать, если его на протяжении нескольких лет не издают. А таких фактов сколько хотите. Возьмите таких поэтов, как Григорий Нехай, Алесь Бачило, Роман Соболенко, Василий Матеушев. Они на протяжении нескольких лет не могут издать оригинальной книги, хотя в литературе работают 10-20 лет».

Председатель Союза советских писателей БССР говорил о том, что постановление Президиума ЦК КПСС свидетельствует о крупных недостатках в работе руководящих органов республики в области колхозного хозяйства.

- Это глубокий анализ действительного положения в сельском хозяйстве нашей республики. Часто мы мирились, как говорил тов. Зимянин, с крупными недостатками, которые мы видели ежедневно, и не стремились, как следует, исправить положение. Касается это непосредственно нас, писателей советской Белоруссии. Мы не создали ни одного произведения, в котором бы показали, как нужно преодолеть эти недостатки, а часто, нужно прямо сказать, лакировали действительность. Время нам как следует изучить жизнь и создать такое произведение, которое бы явилось настоящей настольной книгой нашего народа. Мы должны помогать нашей партии и правительству в их огромной работе по подъему благосостояния нашего народа всеми средствами литературы: романом и повестью, поэмой и стихом, статьей и очерком, пьесой и басней, фельетонами, эпиграммами - всеми жанрами

нашей литературы. Одно ясно для нас, что нам нужно по-настоящему отнестись к исправлению крупных ошибок, отмеченных в постановлении Президиума ЦК КПСС и сделать это в ближайшее время.

Л. П. Александровская, главный режиссер Белорусского государственного театра оперы и балета:

«Во время подготовки к декаде ЦК, идя навстречу коллективу театра и вообще искусств Белоруссии, назначил специального человека от ЦК в помощь нам. Но этот легкомысленный человек решил, что он за две недели своей работы в искусстве разбирается уже лучше всех и, даже тех, кто 20-30 лет работает в этой области. Он повел себя как настоящий неуч с диктаторскими намерениями. Увлечшись балетом, стал смотреть на искусство с точки зрения красивых ножек в возрасте не выше 17-20 лет. Способность, мастерство, талант – качества, по мнению этого товарища, не обязательные для создания интересных, жизненно правдивых образов советских спектаклей. По причине этого верхоглядства посеял вражду между старейшими работниками и молодежью. Необъективные отношения к старейшей группе, игнорирование ее выбили почву из-под ног, вызвали растерянность и так дальше. Такое поведение было на грани политики разгона ведущей группы театра, а не сколачивания коллектива, что имелось в виду, когда этого товарища направляли на укрепление работы театра.

Почему еще до премьер белорусских спектаклей, в период их создания, складывается и распространяется мнение, не мобилизующее общественность, исполнителей на успех, на любовь, работу и заинтересованность к ним, а наоборот. «Ай, нечего там смотреть, нечего слушать». «Какая может быть там музыка? Не музыка, а...» Я не рискую повторять слова, какими характеризовали музыку «Девушка из Полесья»

даже некоторые из ответственных работников искусства. И мы знаем этих людей, а поправить их... не хватает времени. Часто ни печать, ни общество не подготовлены. А даже бывает и так, что и не знают, что готовится такое событие, как создание нового оригинального спектакля, как было, например, с балетом «Князь-озеро»: премьера прошла при пустом зале, а спектакль потом получил Сталинскую премию».

Т. С. Горбунов, секретарь ЦК КП Белоруссии:

«Я считаю, что нужно было бы дать решительный отпор редактору газеты «Советская Белоруссия» тов. Здоровенину, когда он пытался огульно охаивать творческие коллективы республики. За какие-нибудь полтора месяца газета «Советская Белоруссия» «разнесла» Союз писателей, Союз художников, почти все театры республики, работу большинства научно-исследовательских институтов, Академии наук, Института философии, Института истории, Государственный хор, которым руководит тов. Ширма, и другие идеологические учреждения. Тов. Здоровенин допустил явную ошибку. Газета по-махаевски отнеслась к белорусской интеллигенции. Такое поведение редакции вызвало недовольство большой группы нашей интеллигенции. Я об этом говорил тов. Патоличеву, была подана записка заведующих двумя секторами – тов. Коноваловым и тов. Спиридовичем. Эту записку обсуждали в ЦК, тогда еще с участием тов. Ганенко. Обсуждали ее всю ночь до утра и никакого решения не было принято. Правда, тов. Патоличев дал указание вызвать тов. Здоровенина в ЦК и сделать ему внушение, что мною было сделано».

Д. М. Лемешонок, первый секретарь Дзержинского РК КПБ Минской области:

«Некоторые руководящие работники ЦК, Совмина БССР, научные работники, да и мы сами с вами за последние годы стали забывать свою культуру, стали забывать свой язык. До этого времени почти никто из нас не разговаривал на родном языке и только сейчас на этом пленуме, после того как нас очень крепко поправил ЦК КПСС, почти все начали разговаривать на своем родном языке, а это получилось потому, что все делопроизводство в нашей Белоруссии ведется не на белорусском языке. Преподавание во многих школах и вузах ведется только на русском языке. Дело дошло до того, что мы сами, многие руководящие работники не стали пускать своих детей учиться в белорусской школе. К слову говоря, вот здесь уже выступало много товарищей, выступал и министр тов. Ильюшин, который также жаловался на это, но хотелось бы спросить с этой трибуны у самого тов. Ильюшина - пускает ли он своих детей учиться в белорусской школе. Я думаю, что не пускает».

Д. И. Варвашеня, первый секретарь Минского горкома КПБ:

«В формировании такого стремления немаловажную роль сыграло то, что Министерство просвещения БССР с весны 1951 года установило порядок, согласно которому в русских школах переводные экзамены и экзамены на аттестат зрелости по белорусскому языку и белорусской литературе не проводились. В то время как в белорусских школах учащиеся должны были держать экзамен и по белорусскому, и по русскому языкам. Этот порядок, кроме всего прочего, отрицательно влиял на успеваемость учащихся по белорусскому языку и литературе в русских школах, снижал их интерес к изучению названных учебных дисциплин. Центральному Комитету КПБ необходимо потребовать от Министерства просвещения отмены его

приказа от 20 апреля 1951 года за № 110 «Об экзаменах по белорусскому языку и литературе в русских школах Белорусской ССР» как неправильного, противоречащего национальной политике нашей партии. Ненормально обстоит дело с преподаванием в высших и средних учебных заведениях города. Все учебные дисциплины, за исключением белорусского языка и литературы, в высших учебных заведениях и техникумах преподаются на русском языке. Даже преподаватели, которые на протяжении ряда лет читали курс наук на языке коренной национальности, в последние годы перешли на русский язык. Например, в Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина до 1941 года на белорусском языке читались курсы математического анализа, общей физики, основ дарвинизма, анатомии и морфологии растений, дифференциальных исчислений, до 1946 года – аналитической и дифференциальной геометрии. Теперь же в университете все эти дисциплины читаются на русском языке».

Голодушко, секретарь Гомельского обкома КПБ:

«В Гомельском пединституте из 103 преподавателей – белорусов насчитывается только 26 человек, в результате чего преподавание всех предметов ведется на русском языке, за исключением белорусского языка и литературы, а старший преподаватель этого института – кандидат филологических наук, доцент, белорус по национальности Василенок даже на факультете белорусского языка и литературы преподавание белорусской литературы ведет на русском языке. *(Смех в зале.)* Вот почему студенты, окончившие пединститут и педучилища, особенно факультеты исторический, природоведческий, географический и физико-математический, не знают белорусского языка. Ошибки в проведении ленинско-сталинской национальной

политики привели к тому, что в гор. Гомеле за послевоенные годы количество белорусских школ сократилось больше чем в три раза. Если до Великой Отечественной войны их было 25, то в настоящий момент их насчитывается всего только 8, да и те стоят на пути преобразования в русские школы, так как в большей половине из них уже давно открыты русские классы».

Н. Е. Авхимович, первый секретарь Гродненского обкома КПБ:

«Имеется порочная практика подбора кадров в органы народного образования. В Зельвенском районе заведующим районо работает тов. Подгайский, который раньше работал в Краснопольском районе Могилевской области. Он начал вспоминать, кто у него в Краснопольском районе есть из знакомых и родственников, разослал письма, примерно такого содержания: «Дорогой племянник такой-то (имя и отчество), ты хорошо знаешь, какую острую нужду в опытных учительских кадрах чувствуют западные области нашей республики. Хотя по линии партийных органов резко ставится вопрос о выращивании и выдвижении местных кадров, но тем не менее, я думаю, ты не откажешь мне занять должность заведующего семилетней школой». Тов. Подгайский решил, что не местная интеллигенция Зельвенского района, а Краснополье для него является базой для выращивания и комплектования кадров народного образования, причем даже и в том случае, если кадры эти имеют нередко сомнительную ценность в смысле подготовки и морального облика. Тов. Подгайский за несколько лет перетянул из Краснополя в Зельву 66 близких родственников и земляков и принял их на работу в органы народного образования (в 1946 году – 8 человек, в 1947-4 человека, в 1948-4, в 1949-11, в 1950-12

человек и т. д.). Товарищи из Краснополя помогали этому Подгайскому. Прислали жене его документ, что она якобы имеет высшее образование. Они вскрыты и наказаны. Но это свидетельствует о том, к чему приводит бесконтрольность со стороны партийных органов к такому важному вопросу, как кадровый вопрос».

П. У. Бровка, председатель Союза советских писателей БССР:

«У нас нет пособий по белорусской орфографии, где были бы установлены все правила принятого написания того или другого слова. Такое пособие могла бы издать Академия наук, Учпедиздат, Министерство просвещения, и это нужно сделать неотложно».

Кудряев, заместитель Председателя Совета Министров БССР:

«Разве не является серьезным недостатком работы Академии наук недопустимо затянувшаяся работа по выпуску труда «История Белорусской ССР». Вот уже восемь лет работает Институт истории Академии наук над подготовкой книги «История Белорусской ССР», а пока кроме третьего варианта макета будущей книги, который является рабочим материалом для небольшой группы работников, советская общественность ничего за это время от Академии наук не получила».

Все ораторы - и партийные функционеры, и деятели науки и культуры - согласились: да, в республике нарушена национальная политика, приводили удручающие примеры, свидетельствующие о вытеснении белорусского языка. Выражали надежду: вот теперь-то начнется возрождение национальной культуры, с сегодняшнего дня все переходим на белорусский язык.

Не перешли. Тихон Яковлевич Киселев поторопился, заверив, что очередные пленумы партийных комитетов будут проходить отныне на белорусском языке. Этой практике не суждено было сбыться и в пору, когда Киселев возглавил руководство республики, и до последних дней существования КПБ. Единственный, кто произносил свои речи по-белорусски на пленумах ЦК, был Геннадий Буравкин, тогдашний председатель Гостелерадио БССР. Но и это исключение из общего правила вызывало скрытое осуждение партноменклатуры (ишь, выделяется!) и открытое – аппарата, особенно общего отдела ЦК, работники которого мучились при подготовке стенограммы пленумов.

Однако вернемся к июньскому пленуму 1953 года.

Т. С. Горбунов, секретарь ЦК КП Белоруссии:

– Я хотел бы остановиться на выступлении тов. Патоличева, а также на выступлении тов. Черного. Я целиком присоединяюсь к оценке выступления тов. Черного, которая здесь была дана тт. Сикорским, Доркиным и др. Его выступление, безусловно, носило демагогический характер. *(Возгласы с мест: «Правильно», аплодисменты.)*

Это выступление никто из членов ЦК не разделяет. Безусловно, тов. Патоличеву от ЦК КПСС досталось очень здорово, к нам же – членам Бюро – Центральный Комитет КПСС подошел милостиво, доверил нам исправление допущенных ошибок, и мы все, члены Бюро ЦК, должны оправдать это высокое доверие своей преданной работой.

Недостаток выступления тов. Патоличева заключается в том, что он должен был глубже проанализировать допущенные ошибки, вместе с нами вскрыть их до конца и помочь нам наметить пути для дальнейшего подъема организационно-партийной и

политической работы Коммунистической партии Белоруссии. Именно этого мы вправе требовать от него.

Безусловно, что за три года работы тов. Патоличева в Белоруссии, за три года, как он находится во главе Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии, сделано многое в области дальнейшего развития промышленности республики, строительства городов, развития культуры Советской Белоруссии. И теперь, когда тов. Патоличев освобождается решением ЦК от обязанностей первого секретаря ЦК, чернить нам его работу – это было бы большим позором для Коммунистической партии Белоруссии. *(Аплодисменты, голоса с мест: «Правильно».)*

Мы все работали плечо о плечо с ним, знаем его, что он, не жалея сил, работал, чтобы сделать для расцвета Белоруссии возможно больше, возможно лучше. *(Аплодисменты, голоса с мест: «Правильно».)*

За ошибки, которые были в работе ЦК КПБ и Совета Министров БССР, несет ответственность не только тов. Патоличев, несем ответственность все мы, руководящие работники Белоруссии, в первую очередь секретари ЦК и члены Бюро ЦК. Было бы неправильно с нашей стороны все возложить сейчас на тов. Патоличева.

Нельзя сказать, что у нас не было подъема в развитии культуры, он был, но мы не придали должного значения национальной форме, а, стало быть, был нанесен известный ущерб и содержанию нашей работы. Сейчас мы видим наши ошибки, осознаем их, и мы их исправим.

Тов. Патоличев и мы все – члены Бюро – несем ответственность не только за ошибки, которые допущены за эти три года, но также и за то, что не исправили ошибок, допущенных и ранее. Ведь преподавание в школах и вузах на белорусском языке прекратилось уже давно. То же самое и с делопроизводством в партийных и государственных

аппаратах. Что касается сельского хозяйства, то оно, хотя медленно, но все же идет в гору, и положение сейчас значительно лучше, чем было несколько лет тому назад.

Здесь член ЦК тов. Новикова и другие товарищи настойчиво добивались ответа на вопрос, который поставил тов. Зимянин в своем докладе, что в руководстве ЦК КПБ нарушался принцип коллегиальности и это якобы результат допущенных ошибок. Не все, конечно, ошибки являются результатом этого. Но действительно в руководстве ЦК не было нужной коллегиальности.

Но один ли тов. Патоличев в этом виноват? Я думаю, что нет. Вот один из многих примеров: еще в апреле месяце с. г. Бюро ЦК КПБ единогласно решило назначить тов. Черного министром топливной и местной промышленности БССР, освободив его от обязанностей заместителя председателя Совета Министров и председателя Государственной плановой комиссии. Тов. Клещев – Председатель Совета Министров БССР голосовал вместе с нами за это решение, а через несколько дней он командирован тов. Черного в Москву – поезжай, мол, жалуйся на ЦК, что с тобой несправедливо обходятся. Тов. Черный уехал в Москву, бродил там несколько недель, добиваясь отмены нашего решения, и вы знаете, что до сих пор местные министерства не сформированы, министры не назначены. Четыре месяца идет реорганизация аппарата Совета Министров БССР, министерств и республиканских ведомств. Разве это порядок? (*Голоса с мест: «Правильно, непорядок».*)

Вы, Алексей Ефимович, в лице тов. Черного избрали себе шаткую опору. Вы на него опираетесь, я думаю, что эта шаткая опора может вас подвести, и вам от этого не поздоровится. (*В зале смех. Голоса с мест: «Правильно!» Аплодисменты.*)

Сам же тов. Патоличев старался ближе подойти к белорусской культуре, изучать ее, оказывал помощь писателям, артистам в их работе.

Поэтому я считаю совершенно неправильным, когда тов. Патоличеву сейчас некоторые товарищи не прочь бы приписать все и всяческие недостатки, имевшие место за послевоенные годы в работе Компартии Белоруссии. Тов. Патоличев известный человек в партии, и мы к нему относимся с доверием и желаем ему успеха в той работе, на которую его пошлет ЦК КПСС. *(Аплодисменты.)*

По поводу выступления тов. Черного. Я уже сказал, что оно носило демагогический характер, оно было рассчитано на эффект, а в конечном счете оно было рассчитано на то, чтобы создать известный раскол в нашем партийном активе.

Тов. Черный говорил, что я как будто бы написал какую-то статью во втором томе истории БССР, где я восхваляю тов. Патоличева. Даю справку, что никакой статьи и никакого раздела о тов. Патоличеве я не писал. По тов. Черному выходит, что тов. Патоличев уже такой человек, что о нем нельзя нигде доброго слова сказать. Если партия скажет, так напишут и о тов. Патоличеве все, что нужно будет. *(Голоса с мест: «Правильно!»)*

Тов. Черный, награждая меня оскорбительным эпитетом, очевидно, придерживается такого правила: помазать человека сажей, авось черное пятно останется. А мажет он меня неспроста. Я уже неоднократно вносил предложение, говорил об этом тов. Патоличеву и на Бюро ЦК, что тов. Черного необходимо освободить от обязанностей председателя Государственной плановой комиссии, ибо он часто подводил Центральный Комитет и Совет Министров БССР. Его очень крепко критиковал тов. Зимянин за многие недостатки в планировании, за путаницу,

которую он вносит в народное хозяйство и в развитие культуры. Эта путаница, по-моему, значительно содействовала тем ошибкам, которые мы здесь подвергаем критике. (*Голоса с мест: «Правильно!»* *Аплодисменты.*)

Из заключительного слова М. В. Зимянина:

- В ходе прений выяснилось, что, правильно понимая наши ошибки, правильно восприняв критику этих ошибок со стороны Центрального Комитета КПСС, члены ЦК КПБ, участники пленума высказали и правильное отношение к первому секретарю Центрального Комитета КПБ тов. Патоличеву. Указывая на ошибки и недостатки, которые у нас имеются, участники пленума ЦК КПБ оказали ему доверие, потому что тов. Патоличев, будучи направлен в Белорусскую партийную организацию Центральным Комитетом КПСС, провел значительную работу по руководству партийной организацией, хозяйственным и культурным строительством республики и заслуживает правильного к себе отношения. Я думаю, что выступления на пленуме были правильными, исключая выступление тов. Черного, в котором не было принципиального партийного подхода к делу, принципиальное отношение к делу было подменено беспринципным, демагогическим. Я думаю, что у меня нет никакой нужды для того, чтобы повторять все, что было сказано на пленуме о выступлении тов. Черного. Так или не так? (*Голоса: «Правильно!»*)

Поэтому разрешите мне, товарищи, от имени Бюро ЦК КПБ внести на рассмотрение пленума следующее предложение: просить ЦК КПСС пересмотреть тот пункт постановления ЦК от 12 июня, который касается тов. Патоличева, и оставить его первым секретарем ЦК КПБ. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Мы, товарищи, должны быть честными к нашей партии, к нашему народу, честными к людям, которые отдают свои силы служению партии и Родине, быть справедливыми в своих оценках людей. Это наша партийная обязанность.

Кроме того, с таким предложением, с такой просьбой мы можем обратиться в ЦК КПСС потому, что тов. Патоличеву и мне в ходе пленума пришлось говорить с тов. Маленковым и тов. Хрущевым, и они высказали такое мнение, что если пленум посчитает целесообразным вынести такое пожелание, такую просьбу в ЦК КПСС о пересмотре пункта постановления ЦК КПСС от 12 июня 1953 года, который касается тов. Патоличева, то этот пункт Президиум ЦК КПСС считает возможным пересмотреть.

Я хотел бы дополнить к этому и то, что та критика, которая была на пленуме, те замечания, которые были в наш адрес, в том числе и тов. Патоличева, будут правильно восприняты всеми, в том числе и тов. Патоличевым, и оратором, который выступает перед вами. Много было таких замечаний о недостатках, за которые несет ответственность не один тов. Патоличев, а и другие члены Бюро ЦК КПБ несут ответственность. Об этом я говорил в докладе и еще раз заявляю, что я лично, как член Бюро ЦК, полностью разделяю ответственность за ошибки, которые были допущены в вопросах национальной политики в БССР, в работе с кадрами, в руководстве сельским хозяйством.

Председательствующий. Есть предложение принять следующее постановление пленума ЦК КП Белоруссии:

Просить Президиум ЦК КПСС пересмотреть пункт постановления Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза от 12 июня с. г. в отношении тов. Патоличева Николая Семеновича

и оставить его первым секретарем ЦК КПБ.
(Продолжительные аплодисменты.)

Разрешите голосовать. Кто за принятие этого постановления, прошу голосовать. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет.

Принимается единогласно. (Продолжительные аплодисменты.)

Вношу предложение поручить председательство на пленуме тов. Патоличеву. (Продолжительные аплодисменты, тов. Патоличев занимает место председательствующего.)»

Почему материалы этого пленума были надежно упрятаны в спецхран, а меры, о которых так горячо говорили ораторы, не были реализованы?

Дело в том, что фактически смещенный постановлением ЦК КПСС Патоличев остался на посту первого секретаря ЦК КПБ, а Зимянину пришлось спешно возвращаться в Москву. В разгар прений в Минск позвонил Хрущев и сообщил, что арестован матерый шпион и враг советского государства Берия, который в своих преступно-карьеристских целях убирал преданные партии русские кадры в национальных республиках.

Николай Семенович Патоличев оставил после себя груды исписанной бумаги. Его дочь Наталья Николаевна провела поистине титаническую работу по систематизации страниц, рассказывающих о пережитом. Можно понять охватившие меня чувства, когда я увидел эти бесценные записи.

Из воспоминаний Н. С. Патоличева:

«Как-то поздним вечером Баскаков (министр госбезопасности Белоруссии. – Н. З.) пришел ко мне в ЦК. По лицу вижу, чем-то очень взволнован.

Сел и молчит. Я с тревогой жду. Наконец, он рассказал мне следующее.

Ему только что позвонил из Москвы министр госбезопасности Литвы Петр Павлович Кондаков и попросил срочно передать мне, что Берия разработал план разгрома руководящих кадров в республиках. Он только что из кабинета Берия и все это видел и слышал. Полагая, что это делается Берия без ведома Центрального Комитета и в его каких-то собственных целях, решил через Баскакова информировать меня. Кондаков предупредил, что по указанию Берия в обстановке строжайшей секретности подбираются на лиц, подлежащих по рекомендации Берия снятию с работы, материалы, чтобы можно было предъявить обвинение в нарушении ленинской национальной политики партии на местах и в плохом руководстве сельским хозяйством.

По этому зловещему плану сначала будет снят первый секретарь ЦК Компартии Украины Г. М. Мельников, вторым Патоличев – первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии.

Советуемся с Баскаковым – как быть? Надо хорошо подготовиться и ехать в Москву, в ЦК партии.

Тщательно изучаем работу по проведению национальной политики в республике, расстановке кадров, особенно национальных. Готовим материалы по сельскому хозяйству. Еду в Москву. В Москве встречаю Г. М. Мельникова. Он уже освобожден от работы. Первое подтверждение информации Кондакова. Мельников рассказывал, а впоследствии и другие товарищи подтвердили, что все решалось очень быстро...

...Иду к Г. М. Маленкову.

– За что снимаете?

– И разговора не было, откуда ты взял?

И разговора не было?...

Иду к Н. С. Хрущеву. Тот тоже все отрицает.

- А что касается Мельникова, - говорит он, - то это совсем другое дело.

И бросает в адрес Мельникова несколько нелестных слов. Но ведь я-то знал, что это не так. Понимаю, что все это не так просто, что это не только проявление недружелюбного отношения к Мельникову.

- Нет, нет, - успокаивает меня Хрущев, - можешь спокойно возвращаться в Минск.

Помню, не поверил в искренность его слов. Уроки жизни учат. Тем более что сообщения чекистов оправдывались, план Берия начал осуществляться.

Был у меня в Москве хороший друг - генерал Андрей Илларионович Соколов. Мы были знакомы с времен войны - я был секретарем Челябинского обкома, а он уполномоченным Государственного Комитета обороны. Совместные заботы об организации производства оружия сдружили нас. И каждый из нас считал своим долгом прийти на помощь друг другу и разделить с ним невзгоды жизни. Мы встретились, хотелось все обдумать. Генерал Соколов посоветовал мне позвонить Берия. Важно было знать, как тот прореагирует на мой прямой звонок.

Решаюсь, звоню. Ссылаясь на чрезмерную занятость, тот от встречи уклоняется. Это говорило уже о многом. Отказ от встречи - неоспоримое подтверждение тому, что события развиваются в направлении, о котором сообщил П. П. Кондаков.

Ну а как же заверения секретарей ЦК и председателя правительства? Как поступить дальше? Мелькнула мысль: секретари ЦК, видимо, все еще не знают об уловках Берия в столь важном вопросе. Добившись снятия Мельникова, он, возможно, решил несколько подождать с белорусским секретарем. Отсюда и ответы некоторых руководящих товарищей на мои вопросы: «Откуда ты взял?», «И разговора не

было». Берия был хитрый враг, умело маскировавший свои враждебные действия.

Да, конечно, разговора-то, скорее всего, не было. А вот возможность обсуждения вопроса обо мне в ближайшее время? Но это уже другое дело».

Короче, в Москве тревожные мысли обуревали Патоличева. Все прояснилось через несколько дней.

«Позвонил мне в Минск Хрущев, – вспоминает Николай Семенович, – и сообщил, что... Далее шли уже знакомые мне формулировки: «За нарушение ленинской национальной политики, за...» План Берия воплощался в решение.

На второй фразе я прервал Хрущева:

– Все это мне давно известно. Давно. Месяц, товарищ Хрущев.

На этом разговор закончился. Сообщил «новость» Баскакову – он помрачнел.

– Что загрустил, дружище? – спрашиваю Баскакова.

– Берия заставит меня писать.

– Что?

– Писать на тебя. Ты знаешь его приемы.

Тут настала очередь задуматься и мне.

– Заставит, – согласился я.

Баскаков в Минске ничего не написал. Его отозвали в Москву. Он не написал и там. Его сняли с поста министра. Берия шел напролом.

И вот я снова в Москве. Всю многочасовую дорогу думал, как вести себя дальше. Ведь должен же Хрущев сказать мне что-нибудь. Менее недели прошло после нашего разговора, когда он уверял, что знать ничего не знает, успокаивал, уверял, что снятие Мельникова никакого отношения ко мне не имеет. Раздумывал, как повести себя, если Хрущев спросит, откуда я знал все заранее.

Хрущев ничего не сказал и ни о чем не спросил. Тут я понял, что дело значительно сложнее. И это очень

скоро подтвердилось. В аппарате ЦК мне сказали, что в Минске без меня прошло заседание Бюро ЦК Компартии, готовится пленум.

Признаться, я был ошеломлен. Разве впервые освобождается от работы секретарь? Почему же такое грубое нарушение партийных порядков? Вот так напролом действовала вражеская рука Берия.

Иду к Хрущеву. Рассказываю ему, что делается в Минске. Он спокойно выслушивает, моего возмущения не разделяет. Я выразил ему свое негодование и попросил разрешить мне не присутствовать на пленуме ЦК Компартии Белоруссии, где будет обсуждаться организационный вопрос.

- Почему? - спрашивает Хрущев.

И вот тут я произношу фразу, известную, может быть, немногим:

- Пленум меня поддержит.

- Но есть же решение Центрального Комитета, - недоумевает Хрущев.

- И несмотря на это пленум меня поддержит, - еще раз говорю я.

Таков разговор, состоявшийся у нас с Н. С. Хрущевым. Больше мы ничего не сказали друг другу. Моя уверенность в поддержке пленума была для него неожиданной, но он ничего вразумительного в ответ не сказал».

Можно представить, что напишут по этому поводу современные белорусские национал-радикалы. Русского Патоличева хотели заменить белорусом Зимяниным, а привозной Патоличев, обвиняемый Москвой в русификации Белоруссии, не хотел уступать место представителю коренной нации.

«С тяжелым чувством возвращался я в Минск, - писал Патоличев. - Ехал в автомашине, было время подумать. Мысли были приблизительно такие. Все члены Президиума ЦК КПСС знают меня по работе в

Ярославле, Челябинске, Украине, Ростове-на-Дону. Знают как члена ЦК. Как же они отнесутся к тому, что меня обвиняют в нарушении ленинской национальной политики по сфабрикованным Берия материалам.

Созыв пленума ЦК Компартии Белоруссии затягивался. Шли беседы: с секретарями обкомов, секретарями горкомов и райкомов, с министрами, деятелями искусства. Отдельная беседа – со старшиной белорусской интеллигенции тех лет Якубом Коласам. Необычно в партийной практике, конечно. Все это настораживало коммунистов. Время работало на меня.

Смысл бесед был таков: провести пленум Центрального Комитета Компартии Белоруссии «на высоком принципиальном уровне», «беспоощадно раскритиковать недостатки и ошибки в национальном вопросе и в руководстве сельским хозяйством». Раскритиковать работу первого секретаря и поддержать решение о его освобождении. Большое значение придавалось мнению интеллигенции, в частности, Якуба Коласа. Он должен был сказать полным голосом, за ним пойдут. Об этом мне потом рассказывал сам Якуб Колас.

Но те, с кем шли эти предварительные разговоры, недоумевали. «К чему бы все это? Как это можно?» Такие настроения дошли до меня.

Прошло еще 2-3 дня. Заходит ко мне заведующий сектором ЦК, информирует: «Мне поручено сообщить вам, что сегодня состоится заседание Бюро ЦК. Будет рассматриваться текст доклада на пленуме».

Вот так ситуация: мне, первому секретарю, в последнюю очередь становится известно о заседании Бюро ЦК Компартии республики.

Спрашиваю:

– Я приглашаюсь на это заседание?

– Мне поручено лишь сообщить вам о заседании, – отвечают мне.

Начинаю понимать, что «украинский эксперимент», успешно проведенный, хотят повторить. На пленуме ЦК Компартии Украины Мельникова вывели из состава членов Бюро ЦК еще до рассмотрения вопроса. Его не допустили в состав президиума.

Все шло к тому и в Белоруссии. Видимо, рассчитывали, что я не пойду на заседание бюро. Даже место мне было отведено на дальнем торце длинного стола против председательствующего. Я должен был чувствовать себя уже в роли постороннего. Но я «не обиделся» и принял участие в заседании.

Зачитывали текст доклада. Видно было, что написан он второпях. В качестве главного обвинения выдвигался тезис о нарушении в республике принципов ленинской национальной политики. Далее сообщалось, что для «исправления» этого будет введена белорусская письменность в государственном аппарате, отныне вся переписка будет проводиться только на белорусском языке, на совещаниях, собраниях и съездах речи должны произноситься также исключительно на белорусском. При этом в докладе были соответствующие оговорки, вроде, например, следующей: «Конечно, сейчас русским труднее будет работать в Белоруссии, не все они хорошо знают белорусский язык. Русские товарищи во многом помогли нам, белорусам. Земной поклон им за это. А сейчас, кому из них будет очень трудно, мы им поможем переехать (!) в другое место».

Стоит ли говорить, что такое «исправление» удивило, прежде всего, белорусов.

Недоумение участников заседания легко было понять. Надуманному обвинению соответствовали формы и методы исправления положения. Все было рассчитано на то, чтобы ошеломить, озадачить людей чрезвычайностью мер. В какой-то степени расчет строился и на том, чтобы как-то сыграть на

«национальных» чувствах. Но, к счастью и к великой чести белорусов, они никогда не страдали национализмом.

Однако на заседании Бюро ЦК внесенные предложения не вызвали возражений, очевидно, они были восприняты как совершенно новое в национальной политике нашей партии. Острая полемика возникла по другому вопросу - о методах руководства сельским хозяйством. В докладе был слишком сильный крен в сторону персональной ответственности первого секретаря за недостатки в сельском хозяйстве.

И вот выступает П. М. Машеров, работавший тогда первым секретарем ЦК комсомола Белоруссии. Он-то и внес диссонанс в ход заседания.

- Почему мы все хотим свалить на первого секретаря? - спросил Петр Миронович.

Наблюдая за ходом заседания, я приходил к выводу, что некоторые члены Бюро ЦК неодобрительно относились к происходящим событиям, но считали, что вопрос уже заранее решен, что есть «директивы» и их надо выполнить.

Реакция на выступление Машерова была бурной и резкой. Поэтому я счел необходимым сказать Петру Мироновичу, что в этой обстановке он при всем его желании помочь мне не сможет.

Заседание кончилось. Доклад был одобрен. Предстоял пленум.

Я поставил перед членами Бюро ЦК Компартии Белоруссии вопрос: если в начале заседания пленума будет решено вывести меня из состава Бюро ЦК (как это было сделано на Украине), тогда, естественно, мне не надо быть в президиуме пленума. Такая постановка, видимо, была неожиданной. Товарищи не решились скопировать «украинский» вариант. Это укрепило мои позиции.

В ходе подготовки к пленуму также наблюдалось, что некоторые товарищи с нежеланием и недоумением отнеслись к решению Москвы, организатором и инициатором которого был Берия.

Стоит ли говорить, сколько пережил я в ожидании пленума Центрального Комитета. Выдержат ли нервы, хватит ли характера и стойкости. Но я был убежден в своей правоте, а главное – верил в партийную организацию Белоруссии. Это придавало сил».

Пленум начался 25 июня и продолжался три дня. Пришедшие на второй день утром 26 июня на заседание партийные функционеры не знали, что в этот день будет арестован Берия, что и предопределило судьбу Патоличева и приехавшего на смену ему Зимянина.

«На пленум был приглашен широкий актив, – вспоминает Патоличев. – Зал переполнен. Всматриваюсь в лица, вижу многих знакомых. Три года работы вместе. Встречаюсь взглядами с товарищами. Кажется, все смотрят на меня – ведь знают, что сейчас будут освобождать меня от работы. Что каждый из сидящих сейчас в зале думает? Осуждает? Сочувствует? Поддерживает? Лица довольно суровы. Все эти вопросы, как молотом, бьют в голову, в сердце. В конце доклада, сделанного Зимяниным, не последовало бурных аплодисментов. Было похоже, что между президиумом и залом образовалась трещина.

Начались выступления. Меня спросили, когда я буду выступать. Ответил, что решу по ходу пленума...

...Пленум Центрального Комитета продолжался, когда мне сказали, что меня вызывает к телефону Москва.

Состоялся следующий разговор с Маленковым и Хрущевым.

- Что у вас происходит в Минске?
- Идет пленум Центрального Комитета. Меня снимают с работы.

- За что?

- Там, в Москве кто-то это решил, а я не знаю, за что.

Строго доверительно мне сообщается, что арестован Берия, просят пока никому об этом не говорить.

- Никому?

- Да. И это очень строго.

«Значит, в Москве, в Центральном Комитете мне доверяют». С этой мыслью возвращаюсь в зал. Пленум продолжается.

Через некоторое время вновь позвонили из Москвы и пригласили меня к телефону.

- У нас есть данные, что пленум ЦК Компартии Белоруссии вас поддерживает. Если пленум попросит ЦК КПСС, то решение может быть отменено.

А пленум продолжал работу. Председательствовал в этот день П. А. Абрасимов. Просим объявить перерыв, а членов Бюро ЦК собраться в здании Центрального Комитета, чтобы проинформировать о разговоре с Москвой.

Члены пленума начали догадываться о происходящем. Возвращаемся мы из ЦК и видим, весь состав пленума ждет нас на улице. Да, жизнь остается жизнью, люди остаются людьми. Помню, вышел из машины маршал Тимошенко. Высокий, стройный, в маршальской форме и громко крикнул:

- Остается, остается!

Как все запомнилось... С тех пор прошло более трех десятилетий. Но думаю, что еще многие помнят это. Предложение о том, чтобы просить Центральный Комитет партии отменить рекомендацию об освобождении первого секретаря, было поддержано бурей аплодисментов. Весь зал встал. Очень трудно передать, что я чувствовал в тот момент. Участники

пленума, стоя, рукоплещут, сижу я один. Сижу, потому что не в состоянии подняться. Люди остаются людьми...

Когда в зале установилась тишина, председательствующий П. А. Абрасимов обратился к пленуму:

«Товарищи, есть предложение дальнейшее ведение пленума ЦК поручить первому секретарю ЦК Коммунистической партии Белоруссии товарищу Патоличеву». Снова буря аплодисментов.

Итак, победа! Но это не было моим личным торжеством. Выстояла и победила партийная организация Белоруссии. Потерпела поражение политика врагов партии. Восторжествовала ленинская партийная демократия. Замечательные свойства большевиков-ленинцев показали и многие коммунисты Белоруссии».

А теперь снова вернемся к стенограмме июньского (1953 г.) пленума ЦК КПБ. На третий день его работы в выступлениях партийных функционеров вдруг зазвучали панегирики Патоличеву и резкое осуждение речи председателя Госплана республики И. Л. Черного. С чего бы это?

С. И. Сикорский, первый секретарь Могилевского обкома КПБ:

- Я несколько хочу отвлечься от тезисов своего выступления и остановиться на выступлении тов. Черного. Мне думается, что тов. Черный в своем выступлении не прав. Мы вправе ему поставить такой вопрос: ты не рядовой работник, тов. Черный, а ты являешься председателем Государственной плановой комиссии, ты являешься заместителем председателя Совета Министров, то почему ты три года как будто сидел где-то на окраине, ничего не видел, что делается под руководством тов. Патоличева. А нам, секретарям,

известно, что ты был у тов. Патоличева на лучшем счету и тебя неоднократно тов. Патоличев хвалил, что ты хороший работник, что ты часто вносишь вопросы. То нельзя ли у тебя спросить, что может быть ты в заблуждение заводил тов. Патоличева, подсовывал ему такие цифры? *(Аплодисменты, голоса: правильно.)* То чего же после того, как факт состоялся, ЦК КПСС сделал организационные выводы, и ты только теперь набрался смелости: с этой трибуны льешь всю грязь на тов. Патоличева. Нельзя так. Это не работник, который наживает себе какую-то конъюнктуру. *(Аплодисменты, смех.)* Действительно, и тов. Патоличев сделал некоторые ошибки, если сделал сравнение с 1945 годом, но не в такой форме, как хотел представить тов. Черный.

К. Т. Мазуров, первый секретарь Минского обкома КПБ, признавая экономическую слабость белорусских колхозов, с гневом обрушился на нарушителя «конвенции» Черного:

- У нас в республике никто как следует не занимается анализом финансово-экономической деятельности колхозов. Удивительно, что об этом говорил и председатель Госплана тов. Черный. На кого же он жалуется? Это же касается и его. Министерство сельского хозяйства плохо руководит составлением производственных планов и прихода-расходных смет колхозов. В результате финансовое хозяйство многих колхозов очень запущено, а финансовое положение настолько плохое, что их финансово-экономическая жизнь в буквальном смысле парализована. Между тем, никто ни в министерстве, ни в Госплане не хочет как следует разобраться в этом деле.

Правда, он признал упреки центра в адрес слабой национальной политики:

- Совершенно очевидно, что в вопросе о кадрах нами допущены серьезные ошибки. Мы неудовлетворительно выполняли указания партии о национальном составе партийного, советского и другого руководящего аппарата, недостаточно занимались выращиванием своих национальных кадров. Поэтому критика Центрального Комитета КПСС в адрес ЦК КПБ в области работы с кадрами в равной степени относится и к Минскому обкому партии. Правда, основной руководящий состав областных и городских работников и низового актива у нас белорусы, которые владеют родным языком. Однако, вместе с тем, у нас имеется некоторая часть работников не белорусской национальности, которые хотя и долгое время работают в республике, но не изучили еще язык, плохо знают литературу, искусство белорусского народа, а это, понятно, создает дополнительные затруднения в нашей работе. Нам были сделаны серьезные замечания по вопросу о выдвижении кадров коренной национальности в период проверки обкома партии работниками ЦК КПСС в 1952 году. Эти замечания мы учли в своей работе. Среди выдвинутых на руководящую работу 83 процента составляют кадры коренной национальности.

Н. Е. Авхимович, первый секретарь Гродненского обкома КПБ:

- В своем докладе тов. Патоличев приводил примеры. Мне кажется, что нам всем это было известно. Известно это и тов. Патоличеву, и тов. Клещеву, и мне, и тов. Кононовичу. На обкоме партии, в облисполкомах, в ЦК этот вопрос поднимался, но дело в том, мы должны на пленуме ЦК, разбирая постановление ЦК КПСС, совершенно ясно и выразительно признать, что мы проходили очень часто мимо этой ошибки, мимо этих извращений, мирились с этим и в области финансовых

платежей, и в области заготовок сельскохозяйственных продуктов, рассчитывая, что мы будто бы этим способствуем ускорению коллективизации сельского хозяйства. Это ошибочно, это вредно и к чему это привело, мы видим сейчас, анализируя положение в таком районе, как Сопецкий. Там наибольшее количество репрессивных мероприятий, в районе небольшой процент коллективизации и там наиболее неблагоприятная политическая обстановка до последнего времени.

Постановление ЦК партии, принятое по делам Белоруссии, является крупным событием в жизни нашей партийной организации. И я думаю, что мы, члены ЦК партии, обязаны сделать все необходимые выводы каждый для себя и в целом для работы нашей партийной организации республики. От нас зависит прежде всего правильно отнестись к этому постановлению ЦК.

Партийная организация республики, на мой взгляд, прежде всего ждет от пленума ЦК как пленум ЦК глубоко разберется, оценит, отнесется к этому историческому постановлению. И мы, участники пленума, члены ЦК обязаны помнить об этой серьезной задаче, которая стоит перед каждым из нас. И в этом свете мне хочется высказать также свои некоторые замечания относительно выступления тов. Патоличева на данном пленуме ЦК партии.

Я, собственно говоря, ничего не могу сказать плохого в отношении целого ряда вопросов работы тов. Патоличева в Белоруссии. Никто не скажет, что партийная организация Белоруссии к тов. Патоличеву плохо относится и что тов. Патоличев мало полезного сделал в партийной организации. Это не так, это было бы несправедливо, это нечестно. Тов. Патоличев много чего внес нового в работу партийной организации нашей республики. Но дело в том, что ЦК партии,

приняв постановление от 12 июня, поставил перед нами очень важный вопрос, которому не уделялось до этого времени внимания со стороны ЦК партии, Совмина, обкомов партии, облисполкомов. Я лично очень глубоко, в первую очередь, отношу к себе всю ту критику, которая имеется в постановлении ЦК партии.

Что случилось? Белорусская партийная организация допустила большую и серьезную ошибку в деле национальной политики партии, допустила извращения в национальной политике партии, в деле отношения к кадрам, в деле отношения к народу. Из этих важнейших вопросов должны быть сделаны серьезные и большие выводы из постановления ЦК КПСС.

Что сделал тов. Патоличев? Тов. Патоличев прежде всего несколько раз сказал, что он согласен с постановлением ЦК КПСС. На мой взгляд, тов. Патоличев высказал одну неудачную мысль. Он сказал, что в Белоруссии коллективно работать – тяжелое дело. Я думаю, что это неправильно. Партийная организация Белоруссии, белорусские кадры, белорусский народ не заслуживают такой оценки. Может быть, это ошибка, оговорка, тогда другое дело. Белорусская партийная организация, партийный актив и в предвоенные годы, и в годы войны показали, что именно опираясь на коллективную работу нашего народа и сплачивая народ, решали вопросы и в предвоенные годы, и в годы войны с немецкими оккупантами.

Я считаю, что тов. Патоличев правильно внес вопрос, что в ЦК КПБ должно быть ясное и открытое обсуждение вопросов. Этого, мне кажется, в ЦК КПБ не было. В этом тов. Патоличев совершенно прав, поставив такую задачу. Но сказать, что в Белоруссии решать коллегиально вопросы трудное дело – это неправильно.

Я совсем не хочу становиться на такую позицию, как это делали некоторые товарищи, например, тов. Черный, который выступил и перепутал все в одну кучу.

Мы тов. Черного знаем 15 лет в Белорусской партийной организации на этом посту. Но мне кажется, что его сегодняшнее выступление было подобно тому, как он выступал, когда уходил от нас тов. Пономаренко, когда уходил тов. Гусаров. *(Из зала: правильно. Смех. Аплодисменты.)*

Я думаю, что у нас в Белорусской партийной организации имеются люди, которые нос держат по ветру. Мне кажется, что ЦК КПБ нужно открыто разбирать дела, нужна открытая, добросовестная самокритика в работе, и не нужны такие дела, когда некоторые товарищи до случая записывают недостатки, а потом выносят их.

Доркин, первый секретарь Молодечненского обкома КПБ:

- Я, например, с 1947 года участвую на пленумах ЦК КПБ и ни разу не слышал резкого выступления тов. Черного, хотя, как известно, у него сосредоточено много цифр по работе в целом по республике, по отдельным видам хозяйства и т. д. Ни разу. Только можно слышать эти выступления тогда, когда решаются организационные вопросы на пленуме, вернее, тогда, когда они уже решены. Вот в такую пору тов. Черный выступает очень решительно. Мне кажется, это не совсем правильно. Если так будем поступать, мы, члены ЦК, если по нас будут равняться рядовые члены партии, замечая недостатки, будут молчать о них, накапливать их, конечно, мы недостатки будем преодолевать неудовлетворительно, они у нас обязательно в таких случаях будут перерастать в болезненные явления, в крупные ошибки.

Мне кажется, пленум ЦК поэтому так бурно и реагировал на выступление тов. Черного. И тов. Черный как член ЦК должен сделать соответствующие выводы, что, как тов. Сикорский сказал, не учитывать

конъюнктуру при выступлениях, а если заметил недостатки, ставить их прямо, честно, остро.

В. И. Козлов, Председатель Президиума Верховного Совета Белорусской ССР:

- Мое мнение, что тов. Патоличев мог бы более подробно рассказать о тех ошибках, которые допускали члены Бюро ЦК КПБ, ибо кому как не ему лучше известно, как работали члены Бюро, и почему были допущены недостатки и ошибки со стороны Бюро ЦК КПБ и лично тов. Патоличева в вопросах советской национальной политики, в подборе и расстановке кадров. Были у нас такие ошибки, не было бы их, вероятно, не было бы и постановления ЦК КПСС, но если мы эти ошибки допустили, то мы должны честно на этом очень важном партийном собрании признать и высказать о них прямо каждому из нас, и тогда куда легче будет нам все эти ошибки исправить. Однако он все это отнес к прошлому, когда лучше было бы говорить о настоящей работе и ошибках. То, что ЦК КПБ замечал, он исправлял, а то, что мы не сумели исправить и в области сельского хозяйства, и по линии подбора и расстановки кадров, об этом нам нужно сегодня говорить. Было бы лучше и справедливее сказать об этих ошибках и направить партийную организацию Белоруссии на их исправление.

Далее я хотел бы сказать, что тов. Патоличев, работая первым секретарем ЦК КПБ, много вложил энергии и сил по развитию промышленности и сельского хозяйства. Мне кажется, товарищи, что было бы ошибочно, если бы мы все чернили и видели все только то, что черно. Как же мы с вами, коммунисты, тогда допустили, что у нас все черно? Это неправильно. Мы работали много, но одновременно допускали и ошибки. Эти ошибки очень значительные, поэтому ЦК КПСС и вынес постановление. За выполнение

постановления ЦК КПСС нужно взяться всеми нашими силами, вскрывать недостатки, замечать их и ликвидировать. А то, что тов. Патоличев много работал, много внес положительного и в организационно-партийную работу, и в сельскохозяйственное и промышленное строительство – этого нельзя от него отнять.

Относительно выступления тов. Черного. Я думаю, что выступление тов. Черного было демагогичным (*шум в зале, аплодисменты*), во-вторых, оскорбительным по отношению к тов. Патоличеву, который этого не заслуживает.

Так нельзя выступать, как выступил тов. Черный, так можно ошельмовать любого из нас. (*Голоса: «Правильно», аплодисменты.*)

К. Новикова, директор Института истории партии при ЦК КПБ:

– Я так не поняла тов. Патоличева, как говорил тов. Черный. Нужно было тов. Патоличеву показать, кто мешал в работе, какие были причины. Это нужно знать членам пленума. Потому что такие незрелые товарищи не должны стоять у руководства. В чем дело, почему в Бюро ЦК есть такие люди, которые не стоят на высоте своего положения?

Я сидела и думала, как простой человек, что для всех нас кажутся понятными решения XIX съезда партии. Поэтому наши знания, мысли, чувства должны быть направлены на развитие промышленности, сельского хозяйства, на улучшение условий жизни трудящихся. Задачи всем ясны. Почему эти ясные для всех задачи не сплотили наших товарищей, которые находятся в составе членов Бюро? Я не хочу думать, что это их не сплотило, а если же было беспринципное поведение отдельных товарищей, то почему Бюро ЦК и вы, тов. Патоличев, лично как первый секретарь ЦК

своевременно не призвали таких руководителей, с позволения сказать, к порядку, почему это переросло в такую степень, что мешало нормальной работе и снижало по существу ее качество. Я имею в виду руководство со стороны ЦК КПБ обкомами, горкомами и райкомами партии, о чем совершенно справедливо отмечено в решении ЦК КПСС. Я думаю, что в заключительном слове или тов. Зимянина, или, как говорил тов. Патоличев, в своем втором выступлении, этот вопрос выяснит.

Относительно выступления тов. Черного. Я согласна с товарищами в оценке этого выступления. У нас имеются такие лица, которые в такой острый момент думают - ну, я себя сейчас покажу. Это нечестное поведение. Так нельзя себя вести. Не на этом нужно себя показывать, а на честной работе и большевистской критике наших недостатков, чего, прежде всего, требует от нас партия.

Д. М. Лемешонок, первый секретарь Дзержинского РК КПБ Минской области:

- Я считаю, что в этом, главным образом, повинен Центральный Комитет Компартии Белоруссии и, в первую очередь, его секретари - тт. Патоличев, Зимянин, Горбунов и другие члены Бюро ЦК. Ясно, что ответственность не снимается и с Совета Министров, а также и с того же тов. Черного, который здесь очень резко критиковал тов. Патоличева, вплоть до того, что он с этой трибуны хотел его ошельмовать. Нет, тов. Черный, несмотря на то, что тов. Патоличев и допустил ошибки, он все же много сделал для нашей республики и мы за это его любим. *(Аплодисменты.)*

А интересно спросить - где же был сам тов. Черный в это время. Он является заместителем Председателя Совета Министров, председателем Государственной плановой комиссии и он тут с этой трибуны

рассказывал, что он эти ошибки видел и раньше. Встает вопрос: почему же он до этих пор молчал, почему же он на всех пленумах, которые были раньше, молчал об этом, не выступал? Значит, вы, тов. Черный, держали, как говорят, «камень за пазухой» до последней минуты. Так коммунисты, тов. Черный, не должны делать.

Тов. Черный критиковал тов. Патоличева и тов. Горбунова и все, а о тов. Зимянине, о тов. Клещеве и о других членах Бюро ЦК он ни словом не обмолвился. Я уверен, что если бы в этом решении ЦК КПСС было бы записано и о тов. Зимянине, и о тов. Клещеве, как о тов. Патоличеве, то он бы, тов. Черный, может быть, еще мудрее раскладывал бы и тов. Зимянина и тов. Клещева. *(В зале аплодисменты, смех.)* Вот он тут незаслуженно обвиняет тов. Горбунова в подхалимстве, которого мы, по-моему, не замечали у тов. Горбунова, но какой он сам? Настоящий подхалим первой марки. *(Смех в зале, аплодисменты.)* Я считаю, что с такими черными нужно окончить, пора уже. *(Аплодисменты.)*

Откуда такая смелость у ораторов? Все объясняется просто: они выступали на третий и четвертый день пленума, когда уже было ясно, что в Кремле изменилась ситуация, и что Патоличева оставляют в Минске.

На этом и закончилась вторая попытка белорусизации. Выступая через две недели на Пленуме ЦК КПСС по делу Берии, Патоличев оценил его действия, направленные на коренизацию партийно-государственного аппарата и введение делопроизводства в союзных республиках на родном языке, как извращение ленинско-сталинской национальной политики, цель которого – подрыв доверия к русскому народу. «Я, например, считаю, что это была самая настоящая диверсия со стороны Берия, – заявил в своем выступлении на пленуме Патоличев. – Видимо, впервые в истории нашего

многонационального государства имеет место то, когда опытные партийные, советские кадры, преданные нашей партии, снимаются с занимаемых постов только потому, что они русские. Начальник Могилевского областного управления МВД тов. Почтенный почти всю жизнь работает в Белоруссии и не менее 20 лет на чекистской работе. Тов. Почтенный снят Берия только за то, что он русский. Берия одним взмахом без ведома партийных органов, а в Белоруссии без ведома ЦК Белоруссии снял с руководящих постов русских, украинцев, начиная от министра МВД Белоруссии, весь руководящий состав министерства и областных управлений. Готовилась также замена до участкового милиционера включительно... Надо восстановить на прежних местах изгнанные им, Берия, кадры и тем самым показать, что все это никакого отношения не имеет к линии нашей партии, к деятельности Центрального Комитета».

Пройдет еще две недели, и на очередном пленуме ЦК КПБ те же люди, которые на июньском пленуме говорили о бедственном положении белорусской культуры и особенно языка, будут осуждать намерения Берии по выдвижению местных кадров, по переводу делопроизводства на национальный язык.

А Зимянину вообще придется отмываться перед Хрущевым и отрешиваться от Берии, о чем и свидетельствует вот эта докладная записка, датированная 15 июля 1953 г.

«Секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву.

В соответствии с Вашим поручением докладываю о содержании разговоров, которые у меня были с врагом народа Берия дважды по телефону и один раз на приеме у него 15 июня 1953 г.

Первый телефонный разговор состоялся незадолго (за 3 или 4 дня, даты точно не помню) до принятия

постановления Президиума ЦК КПСС от 12 июня 1953 г. «Вопросы Белорусской ССР». Я работал тогда в МИД СССР. Позвонил работник из секретариата Берия и предложил мне позвонить по кремлевскому телефону Берия.

Я позвонил, и состоялся разговор следующего содержания. Берия спросил, как я попал в МИД. Я ответил, что был вызван в ЦК КПСС и к т. Молотову, что состоялось решение Президиума ЦК, в соответствии с которым я работаю в МИД СССР. Затем Берия спросил, знаю ли я белорусский язык. Я ответил, что знаю. После этого Берия сказал, что вызовет меня на беседу, и повесил трубку.

Я доложил об этом разговоре т. Молотову, сначала по телефону, затем устно. Устный разговор состоялся несколько позднее. Полагая, что меня могут перевести на работу в МВД, я сказал т. Молотову, что хотел бы остаться в МИД СССР. Однако т. Молотов, ничего не сказав мне о записке Берия, дал понять, что речь идет об ином предложении, против которого ему трудно возражать.

Второй телефонный разговор с Берия состоялся (также после предварительного звонка его помощника), насколько я помню, уже после принятия решения Президиума ЦК от 12 июня. Берия предложил мне явиться к нему в понедельник 15 июня 1953 г.

В понедельник я был на приеме у Берия вечером. Разговор продолжался примерно 15-20 минут.

Берия начал беседу с того же, что и в телефонном разговоре, – как я попал в МИД? Я ответил. Берия заявил, что решение о моем назначении в МИД было ошибочным, неправильным, не мотивируя, почему. Я ответил, что «мое дело солдатское». Когда ЦК решил вопрос о моей работе, я не могу рассуждать, правильно ли это или неправильно, я обязан выполнять решение, как и всякое другое.

Берия возразил: «Ваше дело не совсем солдатское. И даже вовсе не солдатское». И тут же перешел к следующему вопросу, что белорусы – удивительно спокойный народ. На руководящую работу их не выдвигают – они молчат, хлеба дают мало – они молчат. Узбеки или казахи на их месте заорали бы на весь мир. Что за народ белорусы?

Не зная, с каким заклятым врагом партии и народа я имею дело, я принял эти слова как произнесенные не всерьез и помню, что ответил Берия, что белорусы – хороший народ.

Затем Берия спросил меня, как я оцениваю Патоличева. Я пытался дать краткую объективную характеристику т. Патоличеву, но Берия прервал меня, сказав, что я напрасно развожу «объективщину», что Патоличев – плохой руководитель и пустой человек.

После этого Берия заявил, что он написал записку в ЦК КПСС, в которой он подверг критике неудовлетворительное положение дел в республике с осуществлением национальной политики, а также с колхозным строительством. Кратко пересказав содержание записки, Берия заявил, что надо поправлять положение, что мне предстоит это делать. При этом Берия сказал, что я не должен искать себе «шефов», как это делали мои предшественники.

Я ответил, что «шеф» в партии есть один – Центральный Комитет партии. Берия заметил: «и правительство». Я сказал, что это само собой разумеется, так как ЦК партии и правительство неотделимы друг от друга.

Берия опять заявил мне, чтобы я не искал себе «шефов». Это уже звучало как предостережение или угроза, ибо сказано было очень резко. Я ответил, что учту его совет.

Затем Берия осведомился, читал ли я его записку о Белоруссии. Я ответил, что не знаю об этой записке.

Берия тут же предложил сотруднику принести записку и завизировал ее на мое имя.

Вслед за этим Берия сказал мне, что министром внутренних дел БССР назначен Дечко, а также назначен ряд новых начальников областных управлений МВД – белорусов, предложил познакомиться с ними, сказал, что надо поддерживать чекистов. Я ответил, что чекисты не могут обижаться на отсутствие поддержки со стороны ЦК КП Белоруссии. Берия заявил вновь, что «надо поддерживать чекистов, у них острая работа, а долг чекистов – поддерживать Вас». После этого Берия встал, давая понять мне, что разговор окончен, но в заключение третий раз сказал, уже не помню, в какой связи, чтобы не искал себе «шефов».

После ухода от Берия я зашел в его секретариат, где меня ознакомили с запиской Берия в ЦК КПСС о Белоруссии. Вслед за тем мне прислали ее в Минск.

Будучи до предела загружен работой в связи с подготовкой к Пленуму ЦК КП Белоруссии, я не имел возможности глубоко размышлять над тем, почему Берия, предупреждая меня от поисков «шефов», направил мне записку, но в глубине души был несколько встревожен тем, что эту записку направил мне не Президиум ЦК, а Берия. Поэтому я записку Берия никому не оглашал, а после Пленума ЦК КП Белоруссии отправил ее в канцелярию Президиума ЦК КПСС.

Теперь, после разоблачения Берия Президиумом ЦК КПСС, я сознаю, что шаги, предпринятые Берия по отношению ко мне, были провокационными от начала до конца, а ознакомление с его запиской – попыткой подкупа и шантажа, разобраться в которой я вовремя не сумел. Глубоко сожалею, что попал в такое положение. Но Берия я раньше не знал, никогда не был у него, не знал подлинных повадок этого предателя, относился к нему как к видному государственному деятелю. Только узнав, что Берия является злейшим

врагом партии и народа, я понял, насколько подлым было его отношение ко мне лично, раз и меня он пытался запятнать.

Заявляю Центральному Комитету КПСС, что ничего общего с врагом партии и народа Берия не имел, честно боролся и буду бороться за дело нашей Великой Коммунистической партии до последнего дыхания.

Член ЦК КПСС М. Зимянин».

На документе помета: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС. Н. Хрущев. 16. VIII.53».

Комментарии событий полувековой давности, конечно же, не в пользу не только Москвы, но и тогдашних руководителей республики. Партийные и советские функционеры Белоруссии стояли навтыяжку перед Кремлем, для которого национальные интересы белорусов были не более чем средством интриг и внутривластной борьбы. Белорусское советское правительство, утверждают национал-радикалы, никогда не проводило самостоятельной политики.

Свидетельство тому – пятый пленум ЦК Компартии Белоруссии, который состоялся 24 июля 1953 года, всего месяц спустя после четвертого пленума, который, казалось бы, стал поворотным в национальной политике. Увы, не стал...

Н. С. Патоличев, первый секретарь ЦК КП Белоруссии:

– Берия под фальшивым предлогом борьбы с нарушениями национальной политики партии пытался посеять рознь и вражду между народами СССР. Все это прикрывалось якобы защитой интересов отдельных республик, отдельных наций, и что он, Берия, является этим «защитником». Тут он свою роль выпячивал, как напоказ. Враг Берия такими приемами пытался возвеличить себя и принижать роль правительства, роль ЦК нашей партии.

В этом вопросе у Берии были свои приемы. Он скрыто от партийных органов составлял лживые записки, собирая лишь отрицательные факты из жизни национальных республик и в работе партийных организаций.

На основе лживых и подтасованных данных делались выводы об извращениях национальной политики партии – извращениях советской национальной политики, как он формулировал. Действуя таким образом, Берия рассчитывал обмануть партию. Он рассчитывал на активизацию буржуазно-националистических элементов.

Как выяснилось на Пленуме ЦК КПСС, Берия вызывал к себе некоторых работников из союзных республик и помимо ЦК КПСС завязывал с ними связи, искал опоры, науськивал, обещал поддержку. На Пленуме также выяснилось, что Берия через свой аппарат, также в тайне от ЦК, подготавливал вопрос об учреждении каких-то орденов в союзных республиках. Берия заигрывал с некоторыми работниками республик через такие приемы, рассчитывая, видимо, на их политическую незрелость.

Ошибочность целого ряда положений, высказанных в докладе и внесенных в проект постановления, очевидна. Каждый член ЦК или участник пленума может легко в этом разобраться, зная, что все материалы составлялись так, чтобы как можно полнее обосновать наличие так называемого извращения советской национальной политики в Белоруссии и что ЦК КПБ в этом деле оказался не на высоте положения.

В этом плане в личных и враждебных целях он использовал проведенную советским правительством массовую амнистию. Берия обманным путем построил дело так, что это важное для страны мероприятие – якобы проводится им, Берией, а не правительством. Так он поступил и с освобождением незаконно

арестованных врачей. Записки Берии, всякого рода информационные сообщения МВД, - вот что выставлялось на первый план. Все это проводилось в соответствии с грязными замыслами авантюриста Берии - поставить МВД над партией, над правительством.

Берия очень ярко раскрыл свое буржуазное нутро при обсуждении на Президиуме ЦК КПСС германского вопроса. Он высказался за то, чтобы отказаться от социалистического строительства в Германской Демократической Республике и взять курс на создание «нейтральной» буржуазной Германии.

В наше время, когда весь мир разделился на два лагеря - лагерь демократии и социализма, возглавляемый Советским Союзом, и лагерь капитализма, в наше время, время ожесточенных схваток, беспощадной борьбы двух миров, ожесточенной классовой борьбы в капиталистических странах, - Берия предлагает взять курс на создание «нейтральной» буржуазной Германии. Любому пионеру ясно, что таковой быть не может. Надо сказать, что в германском вопросе Берия пошел открыто напролом. Видимо, хозяева из империалистического лагеря очень торопили его.

К. Т. Мазуров, первый секретарь Минского обкома КПБ:

- Берия различными коварными приемами стремился подорвать дружбу народов СССР - основу основ нашего государства, пытался посеять рознь и вражду между народами СССР, активизировать буржуазно-националистические элементы в союзных республиках.

Его вредительская деятельность коснулась и нашей республики. У всех членов ЦК еще свежи в памяти впечатления, которые мы вынесли с прошлого пленума ЦК, состоявшегося месяц тому назад. Мы обсуждали

постановление Президиума ЦК КПСС, принятое, как известно, по настоянию Берии. Этот провокатор своими коварными действиями пытался заставить ЦК КПБ признать, что в Белоруссии имеют место извращения ленинско-сталинской национальной политики, будто бы проявляющиеся в несоблюдении национальной формы в культурной работе и в работе с кадрами.

Мы, многие члены ЦК, недоумевали и были не согласны с такой постановкой вопроса, но несмотря на это, были втянуты в обсуждение несуществующих ошибок в нашей работе.

Мне вспоминается, как я в своем выступлении на прошлом пленуме, отметив, что основной руководящий состав областных, городских и районных работников (свыше 70 %) являются в нашей Минской области белорусами, все же сделал вынужденное признание, будто бы мы неудовлетворительно выполняем указания партии о выдвигании на руководящие посты местных работников белорусской национальности. Это было, конечно, неправильно.

О. А. Здравенин, редактор газеты «Советская Белоруссия»:

- Точной формулировки я, может быть, не приведу, стенограммы у меня нет, но он (Зимянин. - *Н. З.*) сказал приблизительно следующее - приезжие товарищи, не овладевшие белорусским языком, должны будут выехать из пределов Белоруссии, им даже будет оказана помощь в переводе в другие партийные организации.

Интересно, что больше никто на пленуме эту формулировку не повторил, все выступавшие ее игнорировали, так как это была вредная формулировка.

Хочется дать себе отчет: почему же товарищи - члены Бюро ЦК - в докладе допустили такую формулировку. Ведь даже из текста решения

Президиума ЦК буквально не вытекало такой формулировки. Как она возникла? Как она родилась? Кто ее предложил? Как ее обсуждали? Из каких соображений, мотивов ее сформулировали?

Об этой формулировке нет упоминания в решении Президиума, это уже является творчеством на месте. Члены Бюро ссылаются на решение Президиума и объясняют этим свои ошибки. Но ведь из решения не вытекало такой формулировки. Почему же товарищи решили внести на обсуждение пленума такую политическую формулировку, навязать ее пленуму? Члены пленума ее единогласно игнорировали за исключением тов. Зимянина, как докладчика. Тут никаким решением Президиума ЦК КПСС не объяснишь эту формулировку.

П. А. Абрасимов, заместитель Председателя Совета Министров БССР:

- Вражеская деятельность Берии коснулась и белорусской партийной организации. Так, своей запиской о положении дел в Белорусской ССР Берия ввел в заблуждение Президиум ЦК КПСС, в результате чего было принято известное вам решение ЦК «Вопросы Белорусской ССР», в этом решении Берия добился освобождения от поста первого секретаря ЦК КПБ тов. Патоличева.

Л. И. Лубенников, первый секретарь Бобруйского обкома КПБ:

- Мне кажется, что многие участники настоящего пленума присутствовали на предыдущем пленуме. Я был просто возмущен. Когда речь шла об оставлении товарища Патоличева первым секретарем ЦК КП Белоруссии, весь пленум очень единодушно поддержал это предложение, не оказалось ни одного человека против этого предложения, а в президиуме один только

товарищ Горбунов аплодировал от души, а другие сидели и сдерживали его. Это также говорит об отсутствии единодушия в Бюро ЦК. В чем тут дело? Чего добиваются тт. Козлов и Абрасимов? (*Голоса: «Правильно!»*)

Разве так можно? Я не знаю, что говорил тов. Горбунов, но по виду его можно было догадаться, что он говорит: «Идите вы все к черту, я буду делать, как хочу, как считаю правильным».

В. Халипов, заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПБ:

- Все вы помните события, предшествовавшие прошедшему пленуму ЦК КПБ, выступления отдельных товарищей. Тов. Зимянин развернул кипучую деятельность, стал сколачивать настоящий блок, проводились инструктивные собрания и совещания и тому подобное. На поверхность всплыли такие товарищи, как Черный, Гуторов, зав. особым сектором ЦК Крижевич, которые стали выражать восторг по поводу того, что вот, мол, наконец-то и у нас будет секретарем ЦК свой кровный брат-белорус.

О таких людях хорошо сказал наш писатель и публицист Либерцен, что это - люди-трава, которые всегда держат нос по ветру, у них нет ни принципов, ни совести.

Одним словом, машина, пущенная коварной рукой врага (Берией. - *Н. З.*), заработала полным ходом. Все было подготовлено для расправы с тов. Патоличевым. Спрашивается, за что, во имя чего? На чем объединилась эта группа, какими мотивами она руководствовалась? Были ли это интересы народа, интересы партии? Была ли эта группа способна возглавить парторганизацию республики и руководить делом лучше, чем тов. Патоличев?

Увы! Эта группа (я имею в виду Зимянина, Клещева, Козлова, Абрасимова), видимо, также руководствовалась интересами народа, как Черный – судьбами белорусской культуры и белорусской интеллигенции, защитником которой он пытался представить себя на прошлом пленуме ЦК КПБ. (*Аплодисменты.*) Очевидно, товарищи, что эта группа скорее руководствовалась местническими, корыстными, карьеристскими соображениями, чем партийными принципами. Если бы эти люди руководствовались партийными принципами, совсем иначе они себя вели, совсем иное они должны были сказать на пленуме. Они должны были бы сказать, что во всех недостатках в работе они повинны в такой же мере, если не больше, как и тов. Патоличев, что они также ответственны за них перед партией, в такой же мере, как и тов. Патоличев. Это было бы еще терпимо и справедливо в какой-то мере. Но ведь ничего подобного не было, всю вину, всю ответственность за все недостатки они пытались свалить на тов. Патоличева, а сами умыли руки и хотели быть чистыми, как небесные создания.

Разве это справедливо, разве это содействует развертыванию критики и самокритики, разве это воспитывает кадры в духе правдивости и партийности?

Эти товарищи могут сказать, что они заблуждались, что они не разглядели подлинное лицо неразоблаченного тогда врага, проявили слепоту и близорукость. Хорошо, но это нужно сказать во весь голос, надо честно и открыто признаться в этом, что вы были слепцы, близорукие мальчишки. Признаться в этом честно, раскритиковать свои ошибки. Тогда коммунисты поймут это.

Из выступления секретаря ЦК КПБ Н. Е. Авхимовича на июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПБ:

- Товарищи, четвертый пленум обсуждал постановление, но учитывая важность и сложность вопроса, пленум поручил Бюро ЦК КПБ окончательно отредактировать указанное постановление, при этом уточнить отдельные пункты и положения.

Выполняя это поручение пленума, Бюро ЦК Компартии Белоруссии, руководствуясь решением июльского Пленума ЦК КПСС, внесло существенные изменения в проект постановления и исключило из него ряд неправильных положений, а именно: из проекта постановления исключено утверждение, что в деле подбора кадров в Белоруссии были извращения советской национальной политики.

Изъят вывод о том, что ЦК, Совет Министров, обкомы и облисполкомы не сумели на деле обеспечить проведение в жизнь национальной политики в западных областях республики.

Не включено в проект резолюции утверждение о том, что ЦК, Совет Министров, обкомы и облисполкомы не уделили должного внимания развитию белорусской культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию, что извращения советской национальной политики явились следствием того, что делопроизводство в партийных, советских и хозяйственных органах и преподавание в вузах велось не на белорусском языке.

Исключено также из проекта постановления требование, чтобы к предстоящей отчетно-выборной кампании в городских и районных парторганизациях секретарями и заведующими отделами райкомов и горкомов партии выдвигать преимущественно товарищей из белорусской национальности.

Внесен и ряд других изменений.

Бюро ЦК вносит на ваше рассмотрение и утверждение постановление пленума в следующей редакции. *(Зачитывает проект постановления.)*

Постановление, разумеется, было утверждено.

Рассмотрение организационных вопросов началось с ознакомления с внесенными в постановление Президиума ЦК КПСС от 23 июля 1953 года изменениями. Известие о том, чтобы оставить Н. С. Патоличева в должности первого секретаря ЦК КПБ, участники пленума встретили продолжительными аплодисментами.

Этим же постановлением А. Е. Клещев освобождался от обязанностей Председателя Совета Министров БССР. Он был выведен из состава Бюро ЦК КПБ. ЦК КПСС посчитал нецелесообразным использовать М. В. Зимянина в качестве главы правительства республики, хотя такая просьба высказывалась предыдущим пленумом ЦК КПБ, и направил его на работу в Министерство иностранных дел СССР. Одновременно М. В. Зимянина освободили от обязанностей второго секретаря и члена Бюро ЦК КПБ. На должность Председателя Совета Министров БССР был рекомендован К. Т. Мазуров.

В горбачевские времена белорусские партийные начальники с гордостью заговорили об этом эпизоде. Мол, еще не состоялся XX съезд КПСС, а прошедший в июле 1953 года пленум ЦК КПБ положил уже начало крутому повороту в политической жизни республики. И хотя на нем пока не затрагивалась античеловеческая сущность сталинской государственной машины, он тем не менее воочию подтвердил: Компартия Белоруссии не была ее простым винтиком. Разоблачая Берию и его подручного Цанаву, пленум персонально воздал меру служебной и нравственной вины за события недавнего прошлого, осудил гонения против собственного народа, руководящих кадров в центре и на местах.

Что можно сказать сегодня по поводу таких скоропалительно-горделивых выводов? Сказать нечего.

Остается только горько улыбнуться.

Третья попытка белорусизации началась в 1989 году, когда X пленум ЦК КПБ, а затем и XIV сессия Верховного Совета БССР придали белорусскому языку статус государственного. По мнению лингвистов, это был самый мягкий на территории СССР Закон о языках. Он предусматривал защиту русского языка, которому был придан статус языка межнационального общения, и реальную возможность возрождения языков других национальных меньшинств. Белорусский язык должен был постепенно вернуться в школу на протяжении 10 лет начиная с первых классов. Министерством образования разрабатывались новые учебные программы, издавались белорусские учебники и пособия. Исполкомы на местах определяли, каким школам предстояло стать белорусскими, а какие нужно оставить русскими.

Этот процесс продолжался до 1994 года, до освобождения С. С. Шушкевича от должности председателя Верховного Совета республики.

Дважды обжегшись на белорусизации, население республики настороженно отнеслось к новой кампании, затеянной сверху и снова инициированной Москвой, на этот раз при Горбачеве. Если в начале 90-х годов преподавание велось в основном на белорусском языке, то с приходом А. Лукашенко к власти в большинство институтов снова вернулся русский. Хотя при поступлении в вуз абитуриент волен самостоятельно выбирать язык общения с экзаменатором.

А. Лукашенко проявил себя ярким поборником славянской идеи и всего русского. Именно на этих основах он строит свою государственную политику. В школы и вузы вернулись советские учебники истории, где Белоруссия начинается с Великой Октябрьской социалистической революции.

БНФ полагает, что худшие опасения начинают сбываться. Если Белоруссия объединится с Россией и получит статус, как предсказывал Гавриил Попов, заурядного российского региона, то выходит, что белорусов опять дурили, и еще неизвестно, чем обернется увлечение своей стариной и своим языком. Они уже это проходили!

Глава 7

СУДНЫЕ ДНИ

В Белоруссии, как отмечалось в начале этого повествования, этнические русские составляют почти 20 процентов населения республики. Много это или мало?

Давайте сравним с другими бывшими союзными республиками. Русских в Белоруссии во много раз больше, чем в Армении, где их всего 2,2 процента, почти вдвое больше, чем в Грузии и Азербайджане (7,3 и 7,6 процента), значительно больше, чем в Таджикистане и Узбекистане (9,8 и 10,3 процента), почти одинаково с Молдавией (12,7 процента), и меньше, чем на Украине (20 процентов), в Киргизии (25 процентов), в Эстонии (27,5 процента), в Латвии (32,3 процента) и Казахстане (39 процентов).

Как появились русские на территории Белоруссии? В основном, в результате экспансии ее земель. Но, заявляя об этом, следует иметь в виду, что территориальная экспансия России имела свои особенности. Главное ее отличие заключалось в том, что она географически была в основном континентальной, а не морской, как европейские метрополии – Англия и Франция, например. Это предопределило и ее социально-психологический характер: российская экспансия близлежащих территорий имела скорее патриархально-ассимиляционный характер, который объяснялся общим угнетенным положением русских солдат из крестьян

(рядовых «колонизаторов») и колонизируемых «туземцев».

Почти та же особенность была присуща и советскому периоду российской экспансии. Как тогда осуществлялись ассимиляционные процессы? В основном за счет активного и зачастую искусственного «перемешивания» населения СССР планируемыми и спонтанными перемещениями огромных масс людей разных национальностей из мест их постоянного проживания в места, где затевались крупные стройки; направления миллионов молодых мужчин в армию, а специалистов – на предприятия по обязательному распределению. В результате спонтанного расселения возникали этнические анклав и смешанные поселения. В Белоруссии, например, преобладал второй тип расселения, который способствовал не только межнациональным, но и межконфессиональным бракам. Здесь они были нормальным явлением.

Специалисты по национальной проблематике отмечают, что, как ни странно, с этнокультурной точки зрения в худшем положении оказались именно русские, так как, будучи рассеянными среди многочисленных народов СССР, они в социальном, экономическом, правовом и этнокультурном отношении оказались наиболее ущемленными, хотя и были направлены в национальные республики как специалисты и создавали их нынешнее национальное богатство. В печати приводится много примеров, когда под предлогом недостаточно хорошего знания местного языка русские вытесняются с руководящих постов. Необоснованно сокращается число школ с преподаванием на русском, их переводят в худшие помещения, лишают учебных пособий. В новых учебниках стран Балтии, Украины и среднеазиатских республик внесены такие изменения, которые не только искажают историю, но и представляют Россию врагом и колонизатором. А ведь

из 25 миллионов русских в ближнем зарубежье почти 8,5 миллиона – школьники.

В Белоруссии такого нет. Большинство опрошенных в Минске русских считают республику своей родиной и не намерены уезжать. Следует отметить, что упреки и обвинения, исходящие из среды национал-радикалов, воспринимаются адресуемой стороной спокойно, не вызывают публичных протестов и осуждения. Интересно, испытывают ли русские в Белоруссии исторический комплекс вины за ассимиляцию коренного населения, изменение его жизненного уклада на российский лад?

Проведенный автором этой книги выборочный опрос в Минске, в котором приняли участие 162 россиянина, в основном сотрудники АН РБ и ведущих вузов столицы, показал, что они не разделяют взглядов части местной интеллигенции, считающей, что засилье русских привело к утрате национальной самобытности белорусов. По мнению большинства опрошенных (95 процентов), белорусские национал-радикалы рассматривают ситуацию в стране обособленно, изолированно, вне связи с мировым историческим процессом.

Из ответов на вопросы анкеты вытекает, что становление многонациональной России, как и ряда других подобных государств, опиралось на общие для раннего феодализма способы – через военные союзы и войны. Так что Россия не была в этом плане исключением, и потому обвинение ее в агрессивности некорректно. Через «объединительные войны» прошла вся мировая цивилизация, как древняя, так и новейшая. Главная побудительная причина объединительных усилий русских князей и царей – оборона своих владений от иностранных захватов. Что касается присоединения новых хозяйственных территорий с проживающим там населением, то это тоже обычная

мировая практика того времени, и Россия действовала в ее русле, пройдя тот же путь, что раннефеодальный Китай и европейские государства, ставшие крупнейшими империями.

Принятие под эгиду России сопредельных с ней государств и народов, в том числе и белорусского, объясняется тем, что они не могли самостоятельно обеспечить свой суверенитет от агрессивных устремлений соседей. А вот совместная борьба наложила отпечаток на общественное сознание входивших в Россию народов, создала предпосылки для индивидуального и группового ощущения общности исторической судьбы. Неправда, что за годы советской власти русские превратили белорусов в людей второго сорта, стесняющихся даже своего языка. Российская империя сложилась к середине XVIII века, и это сообщество народов сохранялось с незначительными изменениями до ноября 1917 года, а с 40-х годов - до августа 1991 года. Это предопределило особый характер отношений межнационального общения и совокупного развития народов и народностей СССР как суперэтнуса. По своему характеру он весьма близок к суперэтносу США. Оба эти многонациональные сообщества - «советский народ» и «американская нация» - сближает своеобразная надэтническая однородность. И в первую очередь, - межэтническая интеграция, территориальное смешение национальностей, что особенно характерно для XX века.

Таким образом, элита этнических россиян, проживающая в Белоруссии - научные работники, преподаватели вузов, деятели культуры, - не испытывает комплекса исторической вины за присутствие в этом районе своих предков, полагая, что подобным путем шла вся мировая цивилизация.

Опрос общественного мнения, проведенный среди русскоязычных инженерно-технических работников

двух минских предприятий – автомобильного завода и объединения электронно-вычислительной техники – показал, что большинство респондентов (112 из 125) считают правильной политику строительства в Белоруссии крупных промышленных предприятий. Советский Союз был единым народнохозяйственным комплексом, и все его составные части должны были развиваться пропорционально.

На вопрос анкеты: «В чем, по-вашему, причина нынешнего экономического кризиса в республике?» 85 человек дали совершенно неожиданные ответы. По их мнению, нынешнее правительство Белоруссии не в состоянии управлять экономикой. И вот почему. Примерно 80 процентов промышленных предприятий, расположенных на территории Белоруссии, относились к отраслям союзного подчинения и управлялись из Москвы. На долю местных властей оставалось 20 процентов промышленности – в основном, мелкие фабрики и районные комбинаты. В правительстве В. Кебича, а затем М. Чигиря и С. Линга собрались министры, которые и занимались именно этими небольшими заводиками. Да и сами премьеры – фигуры не из крупных – бывшие местные партфункционеры, никогда не работавшие в Москве, не говоря о загранице. Все правительственные команды после 1991 года – мелкомасштабные, хуторские. «Когда глава правительства говорит о том, что причиной резкого спада экономики стал разрыв связей, то прежде всего это касается его личных связей в российском хозяйственном мире, где ни белорусский премьер, ни члены его команды не знают близко никого», – сказал инженер-электронщик Сергей Савельев.

Беседы с представителями инженерно-технической интеллигенции российского происхождения на крупнейшем заводе Минска показали, что подобным образом мыслят многие. Русскоязычная диаспора в

промышленно развитых центрах Белоруссии весьма скептически отзывалась о способностях кабинета министров во главе с М. Чигирем. Не таясь, не скрывая своих мыслей, совершенно открыто говорили (правда, человек из Москвы!), что с самого начала было видно: не по Сеньке шапка, эти люди развалят экономику, у них нет связей в Москве и Тюмени, Кемерове и Липецке, дальше своих хуторов они никуда не выезжали. Но тогда ценились именно такие кадры – не замаранные работой в Москве, свои, самобытно-национальные. Классных специалистов, которых республика посылала в союзные органы, назад не принимали: парламент давал поворот от ворот, улюлюкал, издевался – у москалей учился, пусть москалям и служит. Невостребованным оказался даже Георгий Таразевич, бывший председатель Президиума Верховного Совета республики, работавший на постоянной основе в союзном парламенте.

И вот результат хуторского, изоляционистского мышления – совсем недавно вполне благополучная республика поставлена на грань разорения. Случилось то, что и должно было случиться. Поразительно, но факт: почти половина анкетированных (53 из 125) не верит в эффективность экономического союза Белоруссии с Россией. В конфиденциальных беседах итээровцы объясняли, почему. «Правительственные чиновники погрязли в коррупции. Демократы заявили: после прихода к власти они со всей строгостью закона спросят с расхитителей госсобственности. У чиновников одна перспектива – на скамью подсудимых. Отсюда и просьбы о вхождении в Россию. Они готовы на все, на любые условия, лишь бы уцелеть». Многие собеседники высказывали мнение, что подписанный А. Лукашенко и Б. Ельциным договор о союзе Белоруссии и России – не более чем пустая формальность, которая, однако же, принесет обоим дополнительные голоса на

президентских выборах и спасет их проворовавшихся чиновников.

Но ведь если у Лукашенко и его команды нет крепких связей в Москве, то у его оппонентов тем более. Откуда им быть у лидера народнофронтовцев Зенона Позняка – не экономиста, не хозяйственника, не политика, всю жизнь просидевшего в Минске в этнографическом институте? Э, нет, улыбаются итээровцы, Позняку помогут. Ему есть кому помочь. Недаром в 1998 году его приютила Америка, а в июле 1999-го официальный Вашингтон заявил, что не признает полномочия белорусского президента А. Лукашенко.

Такие вот настроения в одном из самых крупных слоев российской диаспоры в Белоруссии. С одной стороны – неистребимое убеждение в том, что без России белорусы ни на что не способны, что является следствием великодержавности, с другой – стремление к справедливости, пускай даже и такой золотой ценой, как торможение у входа в рублевую зону. Уж больно подозрительным кажется значительному числу русскоязычного инженерного корпуса, что интеграционное движение к России идет в Белоруссии почему-то сверху, в то время как на Украине – снизу. И в этом плане позиция русскоязычного инженерного корпуса смыкается с точкой зрения оппозиции, считающей, что Лукашенко вполне устраивает роль отца нации, делами которой будет вершить Москва.

Впрочем парадоксом это выглядит лишь внешне. На вопрос анкеты: «Участвовали ли вы в мероприятиях БНФ, «Походни», «Толоки» утвердительно ответили 90 процентов респондентов. Стало быть, можно делать вывод о том, что русские итээровцы ощущают себя больше белорусами, чем русскими, то есть не рассматривают себя в качестве мигрантов, живущих в

чужом государстве, а мыслят и действуют как граждане коренной национальности.

Если для подтверждения выдвинутого социологами тезиса о том, что самым консервативным отрядом интеллигенции является учительство, потребуются иллюстративный материал, то вполне можно использовать результаты мини-опроса, проведенного среди русских учителей, работающих в Белоруссии. Представления о многих сложных процессах у них крайне упрощенное, хотя суть схвачена правильно.

О чем вести разговор с учителями? Конечно же, о том, что наиболее им близко – о проблемах образования, воспитания. В 150 анкетах, распространенных среди педагогов, русских по национальности, в числе прочих стоял такой вопрос: «В чем, по-вашему, причина того, что в советское время белорусский язык столь катастрофично терял свои позиции?»

В 122 анкетах – примерно одинаковые ответы. Если их обобщить, то получается, что в этом виновата белорусская интеллигенция, не желающая разговаривать на родном языке.

В последующих беседах опытные учителя, проработавшие в школах республики не один десяток лет, давали любопытные комментарии, рисовали живые картинки из личных наблюдений к написанным на анкетных листах коротким фразам. Ну, разве не убедительна аргументация о том, что в Белоруссии всегда не хватало белорусскоязычной интеллигенции? Правильны наблюдения и о том, что простые люди всегда внимательно следят за действиями и поступками наиболее образованных представителей общества, стараются везде, где это только можно, не отстать от них. В последние 30-40 лет основная масса белорусов не проявляла интереса к своему языку, потому что видела: большая часть интеллигенции не употребляет

его в качестве рабочего. А не употребляет потому, что не слышала его в аудиториях вузов и техникумов.

Действительно, современное русскоязычие белорусской интеллигенции не имеет аналога среди других народов, входивших в состав СССР. Не находит оно аналога и в прошлом. Литературные памятники древности, и особенно средневековья, свидетельствуют о том, что образованные белорусы были, как правило, многоязычными. Наряду с родным многие свободно изъяснялись на латинском, польском, украинском и русском языках. А вот нынешняя интеллигенция почему-то изменила своим давним традициям. Почему?

Этот вопрос вызвал разные ответы. 30 процентов опрошенных считают, что белорусские интеллигенты не являются таковыми в том смысле, какой цивилизованный мир вкладывает в данное понятие. Белорусская интеллигенция – это интеллигенция в первом поколении, сформированная советской властью из окончивших вузы детей рабочих и крестьян. У них есть дипломы о высшем образовании, за годы учебы они прочли минимум книг, предусмотренных программой, но, чтобы стать интеллигентами, этого недостаточно.

Около 10 процентов опрошенных отход большей части белорусской интеллигенции от родного слова объяснили отсутствием нормальных условий для поддержания социальной значимости белорусского языка. Эти педагоги считали ненормальным, что во всех детских садах сельской местности, из которых дети потом поступали в школы с белорусским языком обучения, весь воспитательно-образовательный процесс строился только на русском языке, что противоречит элементарным правилам дидактики и теории воспитания.

Больше всего – 40 процентов участников опроса – назвали главной причиной нежелание родителей разговаривать с детьми на белорусском языке, еще 20

процентов - правом родителей освобождать своих детей от изучения белорусского языка в качестве обычного учебного предмета общеобразовательной школы. В результате миллионы белорусских детей так и не приобщились всерьез к родному слову.

Один из последних вопросов анкеты формулировался так: «Кто, на ваш взгляд, повинен в резком сужении сферы использования белорусского языка?» 23 процента ответивших написали: те, кто руководил в республике системой народного образования, кто формировал педагогическую мысль, 60 процентов вину возложили на родителей, 15 процентов - на политическое руководство республики, и только в двух анкетах, - самокритично, но с оговорками, - признавалось, что виноваты русские.

«Вина, конечно, лежит и на украинцах, и на поляках, и на евреях, - откровенничала автор одного из этих двух ответов, - но больше всех повинны мы, русские. Хотя бы потому, что нас здесь, в Белоруссии, больше, чем представителей других некоренных национальностей». Автор второго смелого и непривычного ответа, еще совсем молодой преподаватель историк, с горечью воскликнул: «На каком-то этапе мы не на благо воспользовались белорусским гостеприимством. Радуюсь, что белорусы подбирают слово из нашего языка, чтобы войти с нами в тесное общение, мы слишком мало старались ответить взаимностью. Посмотрите, как жестоко расправлялись с теми, кто любил родное слово - объявляли их «нацдемами», выкорчевывали с корнем. В белорусской интеллигенции сидит генный страх перед всем своим национальным. Вот почему они отворачиваются от своего языка».

Сильно сказано! Наверное, не без перехлеста, зато смело и откровенно. Правда, так считают только двое из 122. Основная масса русского учительства так

глубоко не копает, причинно-следственных связей не выстраивает.

«Мне кажется, окажись я, русская, в такой незавидной ситуации, ночей не досыпала бы, чтобы овладеть языком своих предков!» – воскликнула одна уважаемая дама на страницах литературно-художественного журнала, где сочувственно разъясняла причины отмирания белорусского языка. В редакцию поступило немало откликов, в которых уязвленные, обиженные люди излагали все, что они думают по поводу этих строк. Журнал проявил мудрость: отклики публиковать не стал.

О чем писали рассерженные читатели? Да, велика ошибка общеобразовательной школы, которая предоставила в массовом порядке родителям право освобождать своих детей от изучения белорусского языка. Но ведь не родители детей-белорусов первыми начали строчить заявления директорам школ. Начало этой позорной кампании положили военнослужащие в городах. «Сегодня я служу в Белоруссии, завтра буду в Молдавии, послезавтра в Киргизии. И что, мои дети должны каждый раз изучать новый язык?» Глядя на русских военных, точно так же начали поступать украинцы. За ними местные поляки, евреи. Вскоре по полклассу освобождалось от уроков по белорусскому. Дети белорусов выглядели какими-то второсортными, убогими на этом фоне, и их родители вслед за пришлыми писали заявления. Феномен, аналога которому нет в мире: коренное население в массовом порядке, добровольно, просит освободить своих детей от изучения родного языка!

Ну, а село? Оно ведь тоже видело: единственным рабочим языком в вузах и техникумах, куда мечтали попасть деревенские ребята, был русский. В таких условиях село значительно уступало городским абитуриентам. Вот и полетели петиции из деревень о

переводе школ из белорусскоязычных в русскоязычные. Следующим этапом были заявления об освобождении от изучения родного слова как предмета. Теперь и сельская молодежь, попав в институты, не чувствовала себя неуверенно и скованно. Все перешли на русский язык.

И, вообще, дело не в недосыпании ночей, утверждали авторы откликов в редакцию журнала. Конечно, язык можно изучить самостоятельно. Но тут встает вопрос: для чего? Современная жизнь – это сплошной практицизм. Надо, чтобы знание языка было востребовано, чтобы жизнь в республике была органически привязана к языку. Расширение его функций должно проявляться в такой степени, чтобы его заметили сами школьники. Если названия населенных пунктов, улиц и площадей не на родном языке, если на предприятиях и в учреждениях, в парках и на стадионах звучит не родная речь, разве это укрепляет веру в необходимость овладения белорусским языком?

Читатели предлагали своей оппонентке побыть в их положении, когда она, русская, оказалась бы среди своего народа, который поголовно говорит на другом языке. Народ сам по себе никогда не пойдет на добровольное отречение от родного языка, подчеркивалось в письмах, и если такое происходит, то для этого имеются веские причины.

Белорусы внешне спокойно относятся к отмиранию своего языка. Но, как показали социологические исследования, за внешним спокойствием скрываются глубокие переживания. Наружу они прорываются в определенных условиях, при ослаблении контроля со стороны Москвы. По мнению большинства опрошенных белорусов, от смерти белорусского языка русская и вся славянская культура не выиграет, она станет только беднее. Среди причин, не способствующих ограждению

белорусского языка от исчезновения, в большинстве анкет указывается переплавка всего уклада жизни белорусов на российский манер. Строительство новых и восстановление после войны старых городов, создание так называемых сельских поселений нового типа осуществлялось в контексте русской советской архитектуры. Среда обитания белорусов планировалась и проектировалась в Москве и Ленинграде, без учета национальных особенностей. Оригинальные постройки, отражавшие особенности белорусского характера, были уничтожены. Вместо них появились жилые кварталы – одинаковые что в Минске, что в Рязани или в Набережных Челнах. Названия улиц и парков, предприятий и колхозов в основном носили имена политических и культурных деятелей России. «Будет ли нация, осознав свои языковые потери, искренне любить приобретенный язык и создаваемую на нем культуру?» – вопрос, включенный в анкету для учителей-русских, в 90 случаях из 122 остался без ответа. Наверное, этот вопрос показался сложным. А может, неуместным. Хотя, кажется, вся нация потери еще не ощутила. Тревогу пока бьет лишь творческая интеллигенция.

Самую большую часть этнических русских в Белоруссии составляют отставные военнослужащие и их семьи. С помощью военно-научного общества при Центральном доме офицеров в Минске изучалось социальное самочувствие 200 вышедших в отставку офицеров. Все опрошенные (100 процентов) подтвердили, что не ощущают ни малейшего ущемления своих прав, 7 процентов считали, что в республике нагнетается русофобия, и только 5 процентов опасались дискриминации своих детей по национальному признаку в будущем. Отставники с удовлетворением отметили, что в Белоруссии, в отличие от других бывших союзных республик, с должным уважением относятся к военным, не

разрушают памятники боевой славы, по-прежнему присматривают за воинскими кладбищами, не перепрофилировали ни Дом-музей I съезда РСДРП, ни музей Великой Отечественной войны. Власти зорко следят за тем, чтобы борьба с коммунистической символикой, вспыхнувшая после обретения самостоятельности, не превратилась в беспамятство.

Кстати, о советской символической. Она бросилась в глаза американскому президенту во время его визита в Белоруссию в январе 1994 года. В беседе с молодежью Билл Клинтон высказал замечание, что Белоруссия самая консервативная страна из всего бывшего СССР в сохранении коммунистической атрибутики. Президент США признался, что ни в Москве, ни в Киеве он не видел столько памятников Ленину, как в Минске. Везде гербы СССР, улицы Маркса, Энгельса, Ленина, на домах мемориальные доски с именами российских большевиков-революционеров. В Академии наук пришлось срочно завешивать куском белой материи стену, на которой висело огромное панно с изображением Ленина. Пожалуй, это была единственная реакция властей на критическое замечание гостя, других действий по демонтажу не последовало.

С приходом на пост президента А. Лукашенко советской символической в Белоруссии прибавилось. Он вернул прежнюю государственную атрибутику, которая была в Советском Союзе: герб, флаг, гимн – правда, с некоторыми изменениями. Например, на красно-зеленом флаге, сменившем бело-красно-белый, нет серпа с молотом. Гимн исполняют без слов, звучит только мелодия, но та, прежняя. А. Лукашенко возвратил в школы учебники с программами, которые были до 1991 года.

Помнит ли Белорусское государство о русских на своей территории, о том, что у этих людей тоже есть

свои национальные чувства и интересы? Да, помнит. В Белоруссии не игнорируются их запросы – ни культурные, ни, естественно, религиозные, ни информационные. В любом населенном пункте можно выписать любое российское печатное издание. Правда, стоит это будет недешево, да и в день выхода, как прежде, газета уже не поступит. Но это другой вопрос.

Белоруссия – одна из немногих стран Содружества, которая никогда не предпринимала попыток отключить у себя российское телевидение, несмотря на то, что это стоит больших денег. Согласно мировой практике, право трансляции передач из другого государства и ее техническое обеспечение на своей территории оплачивает принимающая сторона. Белоруссия взяла расходы на себя. Для сравнения: другие государства ближнего зарубежья ставят российские телекомпании в известность, что распространение российских телерадиопрограмм оплачивать не могут. Не в состоянии больше делать это и сами российские телерадиокомпании, которым не хватает средств уже и для вещания на собственную страну.

Белоруссия принимает те каналы российского телевидения, что и во время вхождения в СССР. Так что этнические русские не оказались в информационной изоляции, они имеют возможность смотреть те же программы, что и их соотечественники в России. Жест со стороны Белорусского государства поистине благородный, если учесть, что преемники бывшего союзного ТВ и радио – российские федеральные телерадиокомпании – полностью переориентировались на освещение жизни в России, и только на нее. А в России, между прочим, проживает 1,2 миллиона этнических белорусов, которые лишены возможности смотреть программы Белорусского телевидения и слушать минское радио. Паритета, как видим, нет. Раньше по Центральному телевидению шли программы,

подготовленные в Белоруссии и в других союзных республиках, устраивались телемосты, теледекады искусств и т. д. Сейчас этого нет. Получается, что 1,2 миллиона русских в Белоруссии и 1,2 миллиона белорусов в России (идеальное соотношение!) имеют разные информационные возможности.

Глава 8

БОЛЬШОЙ «ХАПУН»

«Хапун» или по-русски «хапок» – так в белорусском народе называли кампанию Москвы по истреблению национальной интеллигенции в 1937-1938 годах. Слово «хапок» происходит от слова «хапаць», то есть «хватать».

Об этой чудовищной операции вслух заговорили только при дарованной Горбачевым гласности. До 1985 года любые публикации на эту тему были запрещены. Правда, имел место один-единственный непродолжительный период в истории республики, когда Москва разрешила огласить кое-какую информацию, да и то слишком дозированную.

Этот период связан с хрущевским правлением. Притом с той его частью, когда над головой Никиты Сергеевича собиралась гроза и ему лично грозило смещение. Тогда он в срочном порядке вызывал в Москву белорусских руководителей и разрешал им обнародовать факты, дискредитировавшие его противников.

То есть он не сожалел о случившемся, не раскаивался в жестокой политике центра, а использовал руководителей Белоруссии в качестве средства борьбы с оппонентами, выпуская их на трибуну для обличения своих врагов.

Карт-бланш для белорусов

В июне 1957 года соратники Никиты Сергеевича – Молотов, Маленков, Каганович и другие влиятельные члены Президиума ЦК КПСС решили сместить его с поста Первого секретаря ЦК и вообще ликвидировать эту должность. Семеро высказались «за», трое были против. И тогда Хрущев нашел спасительный выход – с помощью поддержавших его военных и аппарата ЦК срочно созвал Пленум.

В пятницу 21 июня белорусские руководители, являвшиеся членами и кандидатами в члены ЦК КПСС, а также членами Ревизионной комиссии КПСС, были неожиданно вызваны в Москву. Им велели прибыть немедленно, самолетом. Днем раньше туда был вызван первый секретарь ЦК Компартии республики К. Т. Мазуров. Вечером 21 июня Председатель Совета Министров республики Н. Е. Авхимович и другие руководители Белоруссии прибыли в столицу. Их сразу же с ранее приехавшим Мазуровым привели к Хрущеву. Он поставил задачу: надо выступить на Пленуме и вывести на чистую воду Молотова, Маленкова и Кагановича.

– «Сябры», Маленков – ваш любимый друг, – съехидничал Никита Сергеевич. – Вы, наверное, еще до сих пор помните его приезд в Минск.

Хрущев имел в виду карательную миссию Маленкова, с которой он побывал в Белоруссии в тридцатые годы. Никита Сергеевич сыпал соль на не прошедшую за два десятилетия рану. Но он не знал белорусов.

Давая карт-бланш Мазурову, Хрущев рассчитывал, что белорусский руководитель расквитается с виновником полного разгрома кадров в республике по полной программе. Но осторожный Кирилл Трофимович, не работавший в центральном аппарате в Москве, инстинктивно сторонившийся кремлевских интриг, не

оправдал надежд Никиты Сергеевича, хотя и встал на его сторону.

Мазурову предоставили слово лишь на пятый день работы Пленума, на вечернем заседании 26 июня. Он разделал «антипартийную группу» под орех, расточал похвалы Никите Сергеевичу, требовал сурового наказания для оппозиционеров. Но о злодеяниях Маленкова в Белоруссии не сказал ни слова, ограничившись двумя абстрактными фразами: «При решении вопроса о Молотове, Кагановиче и Маленкове должна быть принята во внимание их антипартийная, по существу, преступная деятельность по организации массового террора против военных, хозяйственных и партийных кадров в 1937-1938 годах. Эти люди безосновательно спрятались за фигурой Сталина, они сами нанесли непоправимый вред нашей партии и должны за это дело ответить».

Ох, уж эти покладистые белорусы! Они не воспользовались предоставленной им возможностью публично заклеить позором убийц лучших сыновей своего народа, разработав, по их разумению, хитроумную комбинацию. Мазуров сказал, что он, как политический руководитель, выступит с политической речью, а подробно о репрессиях пускай расскажет Председатель Совмина – ему тоже сказали выступать, он член ЦК КПСС.

Предсовмина Николай Ефремович Авхимович, бесстрашный человек, один из организаторов партийного подполья и партизанского движения в годы Отечественной войны, не был в восторге от отведенной ему роли. Он никогда не лез в большую политику, старался быть подальше от московских дворцовых игр, которые всегда плохо кончались. В этом убеждала горькая судьба его многочисленных предшественников на посту Предсовмина республики, которые один за другим исчезали в подвалах Лубянки.

Увидев, что Авхимович сник, Мазуров, когда они остались наедине, включил на полную громкость радио в гостиничном номере и сказал:

- Николай, не волнуйся, очередь до тебя не дойдет. Записалось огромное количество народу - 215 человек. Двум человекам от одной республики не дадут выступить.

- Ты думаешь? - переспросил повеселевший Авхимович.

- Уверен.

- Значит, протокол? - догадался Авхимович.

Мазуров молча кивнул. Ну, конечно же, произнесенные речи прежде чем приобщить к материалам Пленума и сдать в архив, снабдив устрашающими грифами «Строго секретно» и «Снятие копий воспрещается», тщательно изучат и доложат Никите Сергеевичу, кто о чем намеревался сказать. Не найдут и в выступлении Предсовмина о злодеяниях раскольников в Белоруссии, головы не сносить. А так и волки будут сыты, и овцы целы. «Волки», по разумению хитроумных белорусских руководителей, это - центр, «овцы» - они сами.

Очередь до Авхимовича, как и предполагал Мазуров, не дошла. Произнесенный текст выступления Николая Ефремовича я обнаружил в архиве, работая в ЦК КПСС. В Минске, работая в ЦК Компартии республики в 1980-1985 годах, я лично знал Авхимовича, последние годы он числился научным сотрудником в Институте истории партии при ЦК КПБ, мы много общались по служебным делам. Никогда он не рассказывал мне о своем несостоявшемся выступлении на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС.

***Из произнесенного текста выступления
Председателя Совета Министров Белорусской ССР***

Н. Е. Авхимовича на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС:

«Я хотел бы предъявить счет от коммунистов Белоруссии за те жертвы, которые понесла наша партия в годы жестокого произвола 1937-1938 годов.

В 1937-1938 годах из 100 секретарей РК (а у нас было тогда 100 районов) только 3 секретаря случайно уцелели. Это Кравченко, Новиков Мартин и здесь сидящий на Пленуме тов. Чернышев Василий, который тогда был секретарем Жлобинского РК. Он сам расскажет, как он уцелел случайно, а остальные были объявлены врагами народа, и большинство погибло.

Далее, все первые секретари ЦК КПБ и председатели СМ и Верховного Совета от 1918 и до 1938 года, до тов. Пономаренко, все объявлены врагами народа, и большинство погибло, а это были известные в партии люди: Голодод, Гамарник, Гикало, Криницкий, Кнорин, Адамович, Стакун, Волкович, Червяков.

А разве только партработники? А президенты нашей Академии наук Горин, Сурта, Домбаль где? Там же! Ректоры Минского университета, писатели Чарот, Головач, Жилунович. Военные работники БВО Егоров, Уборевич, Белов.

Кстати, здесь говорили о причастности к делу Гикало тов. Маленкова. Я по этому поводу хочу сделать заявление, которое прошу иметь в виду при проверке этого дела.

В Белоруссии есть документ о невинно уничтоженном писателе Жилуновиче, академике нашей Академии наук. Так вот с этого ареста начинается дело на тов. Гикало. Арестовали Жилуновича и добивались от него показаний на первого секретаря ЦК КПБ Гикало, он не давал этого показания и стал давать такие показания после посещения Минска тов. Маленковым. В деле есть справка о том, что после того, как в тюрьме МГБ тов. Маленков участвовал в допросе Жилуновича и

дал указания бить последнего, из того «выбили» показания на Гикало. И когда Жилунович впоследствии отказывался от своих неправильных показаний, его направили в психиатрическую больницу, там он умер, а показания первые были в основе дела Гикало, и он был невинно расстрелян. Это все видно в деле на тов. Гикало. Я об этом говорю второй раз, один раз уже говорил тов. Комарову.

Я это говорю в связи с предложением тов. Кагановича о том, чтобы не ворошить дела старые, так как это будет, как он сказал, развенчивать Сталина.

Я не верю, что они за Сталина хлопчут. И не верю не случайно. Вот здесь присутствует тов. Пономаренко, он сам, может быть, об этом расскажет, я это от него слышал не сегодня, а давно, лет 15 тому назад или даже до войны.

В 1938 году был подготовлен арест в Белоруссии писателей Я. Купалы и Якуба Коласа. Уже ордер был подписан, но, как рассказывает тов. Пономаренко, усомнившись в правильности такой меры по отношению к тт. Купале и Коласу, он поехал к тов. Сталину и начал говорить о необоснованности ареста этих писателей. Так чем кончилось их дело: их вместо ареста тогда же наградили орденами Ленина, и они оба в войну проявили себя как настоящие патриоты, и один и другой честно, до последних дней своей жизни верно служили Родине. А Я. Колас последние годы своей жизни был членом ЦК КПБ и депутатом Верховного Совета СССР.

Значит, я из этого делаю вывод, что если бы люди, которые были около Сталина, не выслуживались бы на кровавых делах, не читая не подписывали списками дела-приговоры, а как честные коммунисты говорили бы Сталину правду, не пролилось бы столько крови наших людей.

Я думаю, что они были плохие помощники Сталину, они у него возбуждали в последние годы жизни жажду к репрессиям. Они ловко пользовались слабостями и недостатками Сталина, подливая масло в огонь. И я думаю, тов. Каганович, ворошить дела надо, это не будет вредно, особенно для тех, кто не виновен, а прольет свет на настоящих заплечных дел мастеров. Это надо ради уроков и семей, чьи родные и близкие безвинно погибли».

Белорусские руководители второй половины 50-х – первой половины 60-х годов не отличались смелостью перед союзным центром. Наверное, перед ними маячили судьбы их предшественников.

19 октября 1961 года. Пятое (утреннее) заседание XXII съезда КПСС. Выступает первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии К. Т. Мазуров. В отличие от представителей других союзных республик, которые гневно клеймили действия раскольников в их регионах, Мазуров, как и четыре года ранее, на июньском Пленуме ЦК 1957 г., предельно осторожен и осмотрителен.)

Из выступления первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии К. Т. Мазурова на XX II съезде КПСС:

«На июньском Пленуме ЦК в 1957 году приводились материалы, свидетельствующие о том, что Молотов, Каганович и Маленков лично повинны в массовом избиении кадров партии, грубейших нарушениях советской законности. Они тогда каялись на Пленуме, фарисейски признавали свою косвенную вину в преступлениях, совершенных Ежовым, Берией и их подручными. Тогда еще не все было известно членам ЦК. Уже после разгрома антипартийной группы коммунисты помогли Центральному Комитету

разоблачить до конца организаторов антипартийной группы, в частности Маленкова.

Особенно тяжелы и трагичны плоды деятельности этого человека в белорусской партийной организации. Как известно, в 1935-1936 гг. в партии проходила проверка и обмен партийных документов. Маленков, работая в то время в аппарате ЦК, использовал эту кампанию для избиения честных коммунистов и вместе с Ежовым создал версию о существовании в Белоруссии разветвленного антисоветского подполья, которое возглавляли будто бы партийные и советские руководители республики. На основании этой версии в Компартии Белоруссии при обмене партийных документов была исключена из партии половина всего состава партийной организации.

Когда председатель Совнаркома республики тов. Голодед на пленуме ЦК Компартии Белоруссии поставил под сомнение итоги проверки и обмена партийных документов, Маленков выехал в Белоруссию и учинил разгром руководящих кадров республики. В результате его деятельности во время его пребывания в Белоруссии почти весь руководящий состав республики, в том числе секретари ЦК, председатель Совнаркома, наркомы, многие руководители местных партийных и советских органов и представители творческой интеллигенции были исключены из партии и многие из них арестованы.

Все эти ни в чем не повинные люди сейчас реабилитированы, причем многие посмертно.

Теперь еще более понятным становится поведение Маленкова и других фракционеров, всячески стремившихся замести следы своих преступлений перед народом. Коммунисты Белоруссии считают невозможным дальнейшее пребывание Маленкова в партии».

Из статьи Т. Протко «Объединенное антисоветское подполье» («Энциклопедия истории Белоруссии», т. 1, Минск, 1993 г.):

«ОАП, общее название «антисоветских диверсионно-вредительских, шпионских, террористических и повстанческих организаций», вымышленных в 1937-38 гг. сотрудниками НКВД БССР, чтобы привлечь к уголовной ответственности и организовать ряд политических процессов в Белоруссии. Главный мотив обвинения членов «ОАП» - «борьба против Коммунистической партии и советского правительства». К членам «ОАП» были причислены также активные сторонники «генеральной линии» ВКП(б), которые должны были отвечать за ошибки, допущенные в ходе «социалистического строительства».

Согласно обвинительным актам, «ОАП» состояло из 6 самостоятельных организаций: «правых», «бундовско-сионистской», «национал-фашистской», «троцкистско-террористической», «шпионско-повстанческой», «эсеровской». Подводя итоги «борьбы» с «ОАП», начальник 4-го отдела УГБ НКВД БССР 1.6.1938 г. писал: «Уже в 1930-31 годах троцкисты, правые, нацфашисты, эсеры, бундовцы, меньшевики, сионисты, пеовики, церковники и сектанты в своей борьбе против нас слились вместе и имели свой объединенный антисоветский центр, которым руководили польские, немецкие и латвийские разведывательные органы. Объединение антисоветских сил в борьбе против советской власти было столь тесным, что иногда трудно распознать, где кончается троцкистское подполье и где начинается национал-фашистская или правая организация».

В 1937-38 гг. за участие в «ОАП» было арестовано и осуждено свыше 2570 человек, в том числе 1015 «церковников и сектантов», 585 «эсеров», 377 «троцкистов и зиновьевцев», 198 «бундовцев», 177

«правых», 138 «национал-фашистов», 57 «клерикалов», 27 «сионистов», 7 «меньшевиков». Значительная часть членов «ОАП» до ареста работала на руководящих должностях в партийном, советском и хозяйственном аппарате республики. Как участники «ОАП» были арестованы 23 члена ЦК КП(б)Б и ЦК ЛКСМБ, 16 членов ЦИК и СНК БССР, «изобличено» 40 наркомов и их заместителей, 24 секретаря окружных, городских и районных комитетов КП(б), 20 председателей окружных, городских и районных исполнительных комитетов, 179 руководящих советских и хозяйственных работников, 25 академиков и научных работников АН БССР, 20 писателей и литературных работников.

Обвинения основывались исключительно на показаниях свидетелей и признаниях арестованных, полученных после жестоких пыток. Руководители и активные члены организаций «ОАП» были приговорены к расстрелу, остальные – к разным срокам исправительно-трудовых лагерей. Реабилитация членов «ОАП» происходила в течение 1955-1989 гг.»

Г. А. Куманев, военный историк:

«О прямой ответственности Сталина за развязанные репрессии и за гибель вследствие этого многих безвинных советских граждан П. К. Пономаренко говорил с какой-то досадой и огорчением. Белорусская республика от тех беззаконий сильно пострадала. Ведь, по его словам, в 1937-1938 годах из 100 уцелели только три секретаря: Чернышев, Кравченко и Новиков. Тогда же были объявлены «врагами народа» все секретари ЦК Компартии Белоруссии, председатели Совнаркома БССР и председатели ЦИК или Президиума Верховного Совета БССР, которые занимали эти посты с 1918 по 1938 годы, за исключением самого Пономаренко,

который был избран первым секретарем ЦК ВКП(б) в 1938 году.

Оказались подвергнутыми репрессиям и многие деятели белорусской культуры. Уже были подписаны ордера на арест Янки Купалы и Якуба Коласа. «Мне пришлось лично ходатайствовать за них перед Сталиным. Только это решило их судьбу, спасло, без всякого преувеличения, от печальной участи», – заметил П. К. Пономаренко».

Выступление первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии Н. С. Патоличева на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС:

«Товарищи, мы прослушали подробный доклад товарища Маленкова, выступления товарищей Хрущева, Молотова, Булганина, Кагановича, и перед каждым из нас сейчас раскрыта полная картина, и у меня, например, первой возникла та мысль, что 3 месяца – не такой уж большой срок, который потребовался, чтобы разоблачить и обезвредить столь хитрого и опасного врага партии и государства, каким оказался Берия.

Надо сказать, что руководители партии и правительства, члены Президиума Центрального Комитета в таком сложном деле проявили стойкость и решительность и, я бы сказал, необходимую гибкость и умение.

Больше всего, товарищи, радует то, что члены Президиума Центрального Комитета в сложный и ответственный момент для партии и государства действовали сплоченно, действовали так, как это и требовалось от ленинско-сталинского Центрального Комитета. Теперь наш Центральный Комитет будет еще сильнее, еще монолитнее, а под его руководством и вся наша партия.

Мы, члены Центрального Комитета, одобряем действия Президиума Центрального Комитета.

Хотел бы сказать по национальному вопросу. Как известно, Берия в своих враждебных авантюристических целях выступил под флагом якобы ликвидации извращений национальной политики нашей партии, а на самом деле это было еще невиданное в истории советского государства действительно извращение ленинско-сталинской национальной политики, извращение, рассчитанное на подрыв доверия к русскому народу, на разрыв великой дружбы народов нашей страны.

Я, например, считаю, что это была самая настоящая диверсия со стороны Берия. Видимо, впервые в истории нашего многонационального государства имеет место то, когда опытные партийные, советские кадры, преданные нашей партии, снимаются с занимаемых постов только потому, что они русские.

Начальник Могилевского областного управления МВД тов. Почтенный почти всю жизнь работает в Белоруссии и не менее 20 лет на чекистской работе. Снят Берия только за то, что он русский.

Берия одним взмахом без ведома партийных органов, а в Белоруссии без ведома ЦК Белоруссии снял с руководящих постов русских, украинцев, начиная от министра МВД Белоруссии, весь руководящий состав министерства и областных управлений. Готовилась такая замена до участкового милиционера включительно.

Берия своими враждебными действиями в национальном вопросе нанес огромный вред. Мне думается, что Президиум Центрального Комитета незамедлительно все это поправит, даст правильные четкие указания партийным организациям в национальном вопросе на основе учения Ленина - Сталина.

Что касается укрепления МВД и улучшения руководства со стороны партийных органов,

необходимо, с моей точки зрения, решительно ликвидировать последствия враждебной деятельности Берия в деле расстановки кадров.

Надо восстановить на прежних местах изгнанные им, Берия, кадры и тем самым показать, что все это никакого отношения не имеет к линии нашей партии, к деятельности Центрального Комитета.

Далее, так как Берия изгнал из ЧК всех партийных работников, направленных партией в органы для их укрепления, необходимо вернуть эти кадры и послать дополнительно партийных работников.

Молотов. Все партийные кадры?

Патоличев. Почти все, которые посылались за последнее время.

Г о л о с с м е с т а. Была директива отчислить.

Молотов. Всех не отчислишь. Там большинство честных.

Патоличев. Именно честных. Берия засорил чекистские кадры политически сомнительными людьми. Он их набрал, подобрал не случайно, ему нужны были головорезы. Необходимо решительно очистить органы от этих людей.

Далее, я хотел сказать, товарищи, что в Чека работает немало честных людей. Они, как могли, сопротивлялись действиям Берия, его действиям на отрыв органов от партии. Я могу приводить очень много примеров по Белоруссии, но в этом нет необходимости. Остановлюсь только на нескольких. Дело доходило до того, что однажды министр МВД товарищ Баскаков был в кабинете первого секретаря ЦК. Ему позвонил Берия и говорит: «Ты где?» – «В ЦК, у первого секретаря». – «Иди к себе, позвони». Товарищ Баскаков доложил, что было такое требование, пошел, позвонил. Было дано указание собрать национальные данные от чекистских органов, не докладывая об этом ЦК Белоруссии. Но товарищ Баскаков немедленно доложил ЦК. Он

отказался писать записку, тогда его вызвали в Министерство в Москву и заставили писать, а затем как неугодного прогнали.

Я хочу сказать, товарищи, что Берия не только в партии, в народе, но и в органах не имел и не мог иметь опоры. Этим и вызваны его действия по изгнанию партийных работников, честных чекистских кадров из органов и засорение этих органов своими людьми, ему угодными.

Товарищи, я полностью согласен с высказываниями членов Президиума Центрального Комитета относительно необходимости усиления партийной работы, усиления политического воспитания коммунистов, трудящихся, более успешного решения целого ряда неотложных хозяйственных задач. Мы из этого сделаем для себя самые необходимые выводы.

В заключение хочу сказать. Разоблачение врага и авантюриста Берия еще и еще раз напоминает, как дорого нам единство рядов партии, единство и сплоченность руководящего ядра нашей партии.

Президиум Центрального Комитета благодаря своему единству, сплоченности сделал неоценимое дело - уберег партию и государство от большой беды. При таком единстве мы непобедимы. Это единство надо беречь как зеницу ока.

Настоящий Пленум Центрального Комитета показывает непоколебимую сплоченность и стойкость ленинско-сталинского Центрального Комитета.

Товарищи, я считаю своим партийным долгом заявить, что партийная организация Белоруссии, как и вся наша партия, активно поддержит действия ЦК, теснее сплотится вокруг нашего ленинско-сталинского Центрального Комитета».

«Дела» Притыцкого и Купревича

Июль 1953 года. В Минске проходит пленум ЦК Компартии республики. В докладе Н. С. Патоличева, в ряде выступлений упоминалось так называемое «Дело С. О. Притыцкого», возникшее в пору его работы первым секретарем Гродненского обкома партии. В чем суть этого «дела»? Пояснения на сей счет пленуму дал сам Сергей Осипович, будучи в тот период заместителем заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПБ.

Из стенограммы выступления С. О. Притыцкого:

«Я не знаю, где Берия и что с ним, но я утверждаю, что его правой рукой во враждебной, антипартийной и антигосударственной деятельности на территории Белоруссии был Цанава. На самом деле, товарищи, когда речь идет о противопоставлении органов МВД партии, попытке поставить органы МВД над партией, подчинить партию органам МВД, то я спрашиваю, разве Цанава этого не делал, разве Цанава не противопоставлял органы МВД партии, разве он не пытался поставить органы МВД над партией и не контролировал через органы МВД деятельность партийных органов? Кому из руководящих работников республики и секретарей обкомов партии не известно, что при Гусарове Цанава навязывал свою волю, по существу диктовал Центральному Комитету партии, о чем упоминали здесь товарищи.

(Цанава (Джанджава Л. Ф.) – нарком внутренних дел, нарком госбезопасности БССР в 1938-1941 гг., заместитель начальника Управления особых отделов НКВД СССР в 1941-1942 гг., одновременно в 1941-1943 гг. начальник особого отдела Западного, Центрального фронтов. В 1943-1951 гг. нарком (министр) госбезопасности БССР. В 1951-1952 гг. заместитель министра госбезопасности СССР. С 1952 г. находился на

пенсии. В 1953 г. после ареста Берию был арестован. В 1955 г. покончил жизнь самоубийством в тюрьме.

Гусаров Николай Иванович – первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии в 1947-1950 гг., предшественник Н. С. Патоличева, русский, из «привозных», прежде работал первым секретарем Пермского обкома партии, в аппарате ЦК ВКП(б). Снят с должности руководителя республиканской партийной организации «за неправдивое информирование ЦК ВКП(б) о состоянии дел в республике», «игнорирование коллегиальности руководства», «самоличное изменение решений Бюро ЦК», «неправильное отношение к критике недостатков». – *Н. З.)*

Он пытался это делать и при тов. Патоличеве, правда, не в такой наглой форме и не в таких размерах. Я согласен с тт. Климовым и Ветровым, что, видимо, тов. Патоличеву было нелегко работать, когда за спиной Цанавы стояло по меньшей мере 5-6 членов Бюро ЦК партии. Кто не знает о том, что по отношению к руководящим работникам республики, в том числе к работникам партийного аппарата, решающее слово принадлежало Цанаве? А разве он не шельмовал честных работников, разве он не организовывал слежку за руководящими партийными работниками? Если бы тов. Климов коснулся этого вопроса, он мог бы рассказать, как зам. председателя Молодечненского облисполкома тов. Марков вербовался Цанавой для того, чтобы подслушивать и следить за Климовым, а после этого докладывать органам МВД, что делается на квартире у тов. Климова, о чем Климов разговаривает со своей женой.

(Климов Иван Фролович – один из организаторов партийного подполья и партизанского движения в Белоруссии во время Великой Отечественной войны, в 1953 г. первый секретарь Молодечненского обкома партии; Ветров Иван Дмитриевич – крупный деятель

партизанской войны в Белоруссии, командир партизанского соединения в Полесской области, в 1953 г. первый секретарь Полесского обкома Компартии Белоруссии.- Н. З.)

Между прочим, одними из излюбленных выражений Цанавы были «троцкист», «провокактор». Достаточно было Цанаве эту кличку приклеить любому руководящему работнику, как все шарахались в сторону от данного товарища и ему не было оправданий, потому что «так сказал сам Цанав». (*Голоса: правильно.*)

А разве Цанав не изгонял из органов МВД честных товарищей и не окружал себя угодными ему подхалимами и карьеристами, вроде Фролова, который за особое усердие в стряпани фальшивок против Гродненского обкома партии был выдвинут заместителем министра МВД. Пусть сами чекисты скажут, так это или нет.

Но возникает другой вопрос. Почему не менее распоясавшийся и не менее обнаглевший, чем Берия, Цанав мог творить подобные безобразия и все это ему сходило?

Это происходило потому, что такие члены Бюро ЦК КПБ, как Козлов, Клещев, Зимянин, Абрасимов, пренебрегая партийными принципами, а руководствуясь чисто личными соображениями собственного благополучия, потворствовали ему. Некоторые товарищи, как, например, Абрасимов, считали за особое достоинство быть в личных дружественных взаимоотношениях с Цанавой, а отдельные из членов Бюро ЦК партии помогали Цанаве творить эти дела. Разрешите привести некоторые факты.

(Козлов Василий Иванович - Герой Советского Союза, один из организаторов партийного подполья и партизанского движения на оккупированной немцами территории Белоруссии, в 1953 г. Председатель

Президиума Верховного Совета БССР; Клещев Алексей Евгеньевич – Герой Советского Союза, видный организатор партизанского движения, в 1953 г. Председатель Совета Министров БССР; Зимянин Михаил Васильевич – в 1953 г. второй секретарь ЦК Компартии Белоруссии; Абрасимов Петр Андреевич – заместитель Председателя Совета Министров БССР в 1953 г. – *Н. З.*)

В 1949 году на XIX съезде КПБ, на совещании руководителей делегаций во время выдвижения кандидатур в руководящие органы КПБ мною был дан отвод бывшему начальнику Гродненского областного управления МГБ Фролову, как недостойному быть членом Центрального Комитета.

Кстати сказать, партийная организация областного управления МГБ провалила его на выборах. После этого, вопреки Уставу партии, Зимянин позвонил, чтобы его избрали от другой партийной организации. *(С мест: в парторганизации кирпичного завода.)*

Вот видите, товарищи подсказывают. Его пришлось избрать от парторганизации кирпичного завода. Вот каким авторитетом пользовался Фролов, что даже в своей партийной организации МГБ он не был избран.

Помню, все секретари обкомов партии со мной единогласно согласились, и кандидатура Фролова была вычеркнута из списка.

Но дело в том, что, когда узнал об этом Цанава, то на второй же день в экстренном порядке было созвано вторичное совещание в кабинете у Гусарова, уже с присутствием Цанавы, который, не допуская каких-либо возражений, настоял на включении кандидатуры Фролова в список для тайного голосования, правда, уже не в члены, а кандидатом в члены ЦК КПБ. Таким образом, Цанава навязывал свою волю не только Бюро, а и съезду партии.

С этого момента началась травля Гродненского обкома партии, которая продолжалась три года.

Деятельность Гродненского обкома партии была парализована, ибо он не успевал отбиваться от атак Цанавы и его прислужников.

В чем это выразилось? Например, в Радуньском районе начальником УМГБ работал Серебренников – пьяница и политически ограниченный человек, который противопоставил себя райкому партии, заявляя, что «я райкому партии не подчиняюсь и не буду я Серебренниковым, если не сверну голову секретарю райкома партии Козеловко».

Обком партии проверил этот факт и на закрытом бюро Серебренникову записал выговор. После этого Притыцкий был вызван на закрытое Бюро Центрального Комитета КПБ. Постановление Бюро обкома партии отменили. Таким образом, реабилитировали Серебренникова, как бы сказав ему: «Продолжайте в том же духе». Притыцкому записали: «Указать». А Козеловко спустя некоторое время под предлогом перегибов в области сельского хозяйства был снят с работы.

То же самое, примерно, произошло после того, как обком партии подверг критике деятельность бывшего начальника Лидского ГРО МГБ тов. Талерко, который по указанию Фролова стал проверять деятельность Лидского райкома партии. Я уже не говорю о тех бесчисленных, фантастических измышлениях, которые следовали и в открытом и в зашифрованном виде из Минска в Москву «о якобы политическом неблагополучии в Гродненской области».

Вот, например, в 1949 году в Желудокском районе, в колхозе имени Булганина, женщины хотели убирать рожь единолично. На этой почве возникло недоразумение, и в Москву было доложено, что в Гродненской области восстание колхозников против Советской власти. Выезжали комиссии из Москвы и из Минска, две недели проверяли. Вот тов. Захаров – он

участник этой комиссии. Эти комиссии ничего не могли обнаружить, никакого восстания. *(Смех в зале.)*

Спрашивается, для чего это нужно было делать? Для того, чтобы дискредитировать, терроризировать областной комитет партии, не дать нормально работать в тяжелый период коллективизации. Вот в чем заключаются, тов. Козлов, перегибы, которые вы приезжали проверять. *(Смех в зале.)*

Вот еще один пример о гнусной и подлой деятельности Цанавы и беспринципности отдельных членов Бюро ЦК КПБ. 18 июля 1950 года на пленуме Гродненского обкома партии в проекте постановления было записано, что органы МГБ плохо содействуют делу коллективизации. Наряду с этим отдельные товарищи: Киштымов - зам. председателя Гродненского облисполкома, Сукачев - пред. Гродненского райисполкома выступили с критическими замечаниями в адрес Фролова. И вот что из этого получилось. Пленум еще не закончил свою работу, как по настоянию Цанавы от нас была потребована стенограмма пленума. А спустя два дня от нас потребовали неправленную стенограмму пленума, хотя на этом пленуме присутствовал секретарь ЦК КПБ тов. Ганенко, который мог бы доложить ЦК КПБ о том, как прошел пленум обкома партии. А 2-го августа к нам приехала «чрезвычайная» комиссия в составе Козлова, Цанавы, Абрасимова и Макарова. «Комиссия» по отношению к членам бюро обкома партии применяла невиданные в партийной практике методы шантажа, третирования и запугивания, а отдельных секретарей райкомов партии держали по два часа навтыяжку. Вот, к примеру, тов. Турика, который здесь присутствует, тов. Яскевича и других, и допрашивали их, как они смели голосовать за проект постановления пленума обкома партии, в котором упоминались органы МГБ. Мне скажут, что это невероятно, я с этим согласен, но это факт. Комиссия

побыла два дня в Гродно и представила на Бюро ЦК справку, которую, кстати сказать, комиссия скрыла от Гродненской парторганизации, постеснялась дать ту стряпню, которую сделали в угоду Цанаве. После этого Притыцкий был снова вызван на закрытое Бюро ЦК КПБ, где тов. Абрасимов, без никакого зазрения совести, от имени комиссии, в угоду Цанаве, внес предложение снять с работы секретарей обкома Притыцкого, Романова, а зам. председателя облисполкома тов. Киштымов к этому времени уже был снят с работы в срочном порядке, правда, позже он был восстановлен.

Я спрашиваю у тт. Козлова, Абрасимова и у тов. Макарова, этот вопрос им задал и тов. Королев: чем руководствовалась комиссия и во имя какой цели вы это делали?

Благодаря упорству тов. Патоличева и вмешательству ЦК КПСС это предложение не было осуществлено. И когда тов. Козлов отвечает на вопрос Королева, вы меня простите, тов. Козлов, мне как коммунисту стыдно за вас, так выкручиваться, как выкручиваетесь здесь на пленуме ЦК, просто стыдно. Если есть у вас объективность, то вы сегодня на пленуме ЦК должны были признать, что допускали грубейшую ошибку. Когда речь идет о деле Притыцкого, о глубине дела, я вас спрашиваю, на что вы намекаете. Если у вас есть что-либо к Притыцкому, то дайте пленуму ЦК ответ, что вы к нему имеете. *(Голоса из зала: правильно.)*

Если речь идет о глубине дела, то я доложу пленуму. Когда Цанав и Фролов не смогли сесть на шею обкома партии, как сидели на шее Центрального Комитета, Цанав решил свернуть голову Притыцкому, сделать то, чего не сделали польские фашисты. Я говорю об этом потому, что предыдущие товарищи упоминали обо мне.

Но я считаю, что если против меня враги нашей партии и советского народа фабрикуют дела, то это значит, что я твердо стою на правильной линии, что я стою на партийных позициях, которые я не променяю на личное благополучие, так, как это делают некоторые члены Бюро ЦК, говорящие о глубине дела Притыцкого. *(Аплодисменты.)*»

Из выступления Сергея Осиповича следует, что МГБ республики в лице его руководителя Цанавы и областное управление МГБ в лице его начальника Фролова «копали» под первого секретаря обкома партии просто так, без всякого на то основания, из-за присущей им природной зловредности. Ярлыки, навешанные им, в духе той терминологии, которая зазвучала в речах партийных функционеров после ареста Берии. И примеры, которые привел Притыцкий, были в том же духе – мол, Цанава хотел поставить партийные органы под свой чекистский контроль. Его работники настолько были уверены в своей вседозволенности, что начали проверять райкомы партии!

И все же в выступлении Сергея Осиповича чувствуется какая-то недосказанность. Причины конфликта с начальником областного управления МГБ Фроловым выглядят неубедительно. В интерпретации Притыцкого получается, что Фролов начал его травлю после того, как он отвел кандидатуру чекиста в состав ЦК КПБ. «С этого момента началась травля Гродненского обкома партии, которая продолжалась три года», – говорит Притыцкий. Следовательно, все примеры, которые он привел в своем выступлении, относились именно к этому периоду времени.

Возникает закономерный вопрос: на основании чего Сергей Осипович отвел кандидатуру Фролова? Какие поступки главного чекиста области возмутили первого секретаря? Ответа в его выступлении нет.

Одной-двумя фразами коснулся причин этого конфликта в заключительном слове на пленуме первый секретарь ЦК Компартии республики Н. С. Патоличев. Именно коснулся, притом причин не главных, а второстепенных. То есть всей правды не сказал.

Из заключительного слова Н. С. Патоличева на июльском (1953 г.) пленуме ЦК Компартии Белоруссии:

- Позвольте ответить или высказать свое мнение на поставленные вопросы в выступлениях участников пленума. На пленуме ЦК много говорилось о Цанаве. Я уже сказал в своем докладе, что Цанавка действовал неправильно, что он клеветал на людей, сталкивал руководящих работников между собой, разобщал Бюро ЦК.

Почему он так долго действовал, а члены Бюро ЦК знали и мер не принимали? На этот вопрос, товарищи, можно ответить.

Я на этот вопрос отвечаю так. Цанавке удалось так разобщить работников Бюро ЦК, что всякий более или менее заслуживающий внимания вопрос, относящийся к кадрам, всегда вызывал различные толкования, различные предложения, различные мнения и трудно было решать эти вопросы.

Можно ли было своевременно призвать к порядку Цанавку? Да, можно. Но для этого нужно было единство хотя бы в минимальной степени.

К моему приезду в Белоруссию, как я понял по обстановке, в Бюро ЦК никакого единства не было, была очень сильная разобщенность. И хотя при различных таких встречах по поводу Нового года или какого-либо праздника всегда товарищи пытались обниматься, целоваться, ненавидя друг друга. Это мне в глаза бросалось, и все это нужно было преодолевать.

Считаю, и раньше я об этом говорил и сейчас могу сказать, что сильно повинны в том, что не был своевременно разоблачен Цанава, тт. Козлов и Абрасимов, которые были с ним в очень близких приятельских отношениях.

Знали ли они, что Цанава враждебно действует? Я думаю, что они не знали, они здесь проявили слепоту. Выяснилось же больше, что Цанава и на них написал, в том числе и на Абрасимова, который, конечно, близок был, нужно прямо сказать, служил ему.

Я понимаю, что товарищи сейчас раскаиваются, очень серьезно раскаиваются, но так было.

Виноват и тов. Козлов. Очень серьезно виноват. Его положение высокое в Коммунистической партии Белоруссии. Я об этом ниже скажу. И он мог бы занимать несколько иную позицию. Было очень трудно преодолевать все это.

Нашли ли мы выход? Да, нашли. Был единственный выход – сделать так, чтобы Цанава из Белоруссии уехал. Иного выхода я, как первый секретарь ЦК, в то время не нашел.

Улучшилась ли обстановка в связи с выездом из Белоруссии Цанавы? Улучшилась. Но не настолько, чтобы во всех вопросах деятельности Бюро ЦК были обеспечены коллегиальность, коллективность, дружное решение вопросов. То, что он клеветал на работников, писал, то, что он дезорганизовал работу ЦК, это факт. Сейчас он в тюрьме сидит. Видимо, будет правильно, если мы сейчас лишим его депутатских полномочий. *(Голоса: правильно, безусловно.)*

А товарищи, которые особенно близки к нему были, должны понять и их партийный долг сделать из этого вывод. Такая их тройственная дружба, видимо, выгодна была и самому Цанаве и им тоже. Поэтому я бы считал, и я убежден, что это так и будет, что и тов. Козлов, и тов. Абрасимов для себя сделают серьезные выводы.

Они допустили очень большую близорукость. А вы представляете себе, когда три члена Бюро почти во всех вопросах блокируются?

Далее, я хотел бы остановиться на так называемом деле тов. Притыцкого. Об этом очень много говорили, но не все в курсе дела. Напомню, что я прибыл в Белоруссию 6 июля 1950 года. Дело Притыцкого возникло 18 июля 1950 года. Как оно возникло? 18 июля состоялся пленум Гродненского обкома. На этом пленуме присутствовал бывший секретарь ЦК тов. Ганенко. На пленуме обкома выступил ряд товарищей, выступал и тов. Притыцкий, и они покритиковали, причем в очень легкой форме, деятельность органов МГБ. Тогда возглавлял органы МГБ в Гродненской области Фролов. Это было 18 или 19 июля. Видимо, немедленно все было передано сюда, в Минск. Словом, в этот же день началась, без преувеличения, целая свалка между Цанавой, Зимяниным, Ганенко. А 27 июля, т. е. через 9 дней после этого пленума, поступила большая записка Цанавы, ставящая всю работу обкома и работу Притыцкого - секретаря Гродненского обкома, под сомнение, требующая рассмотрения этого вопроса на Бюро ЦК.

(Заметим первое несоответствие. По словам Притыцкого, конфликт между обкомом и областным управлением МГБ начался в 1949 году, на совещании руководителей делегаций во время выдвижения кандидатур в руководящие органы, когда Сергей Осипович дал отвод начальнику Гродненского областного управления МГБ Фролову. Патоличев указывает другую дату - июль 1950 года, когда на пленуме обкома Притыцкий и другие выступающие покритиковали работу органов МГБ. - *Н. З.*)

Бюро Центрального Комитета рассмотрело эту записку и решило послать комиссию. От поездки с комиссией Зимянин отказался, Чернышев отказался,

Ганенко отказался. Знали, что тут дело неладное. Но комиссию надо было создавать, и мы создали такую комиссию в составе Козлова, Абрасимова, Цанавы и Макарова.

(Ганенко Иван Петрович – один из организаторов партийного подполья и партизанского движения в Белоруссии, в 1950-1952 гг. секретарь ЦК КПБ, в 1951-1960 гг. инспектор ЦК КПСС, первый секретарь Астраханского обкома КПСС; Чернышев Василий Ефимович – тоже крупный партизанский деятель, Герой Советского Союза, в 1950 г. секретарь ЦК КПБ, с 1951 г. первый секретарь Калининградского обкома, с 1959 г. первый секретарь Приморского крайкома КПСС, в 1969 г. заместитель председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. – *Н. З.*)

Конечно, в комиссию Цанаву допускать не надо было ни в коем случае. И вообще такое комплектование комиссии, как Козлов, Абрасимов, Цанавы и Макаров, было большой ошибкой. Лучше бы их не посылать. Лучше бы мне самому поехать. Но я работал тогда в Белоруссии всего только 10 дней и, честно говоря, очень многого не знал. Комиссия представила докладную записку с выводами.

Я бы не сказал, что комиссия давала убийственные выводы, но вопрос об укреплении руководства ставился. Этот вопрос очень серьезно обсуждался на Бюро ЦК, и было решено не освобождать тов. Притыцкого от работы.

Если бы наша комиссия подошла к решению вопроса правильно, объективно, то безусловно с этим вопросом могло бы быть и закончено.

Но я думаю, что очень многие товарищи помнят, как неоднократно на Бюро ЦК Цанавы и другие заявляли, почему до сих пор Притыцкий работает, почему нам – трем членам Бюро не верят. Это выражение было сказано может быть раз 10, т. е. производился нажим

на Бюро ЦК. Этот нажим не имел бы воздействия, но дело в том, что, как известно, во второй половине 1950 и в начале 1951 года мы проводили очень большую работу по коллективизации. Вам известно, что большую часть коллективизации мы провели именно в это время - во второй половине 1950 и в первой половине 1951 года.

В Гродненской области дело шло очень туго, было много ошибок, недостатков. Нельзя сказать, что у тов. Притыцкого к тому времени было достаточно опыта, но задача Бюро состояла в том, чтобы помочь тов. Притыцкому правильно организовать дело в этой сложной обстановке.

Но если вы вспомните, как все это дело шло (мне товарищи не дадут кривить душой в этом деле, потому что многие знают каждый факт) - стоило двум-трем женщинам сказать, что они решили убирать хлеба вручную, а не комбайнами, то ли какая-нибудь деревня решила убирать единолично, а не коллективно, потому что колхоз только что организовался,- как каждый такой факт преподносился как проявление антисоветских выступлений.

Но это еще не все. Примерно в ноябре месяце 1950 года, в это время тов. Притыцкий продолжал работать первым секретарем обкома, поступает большая записка Цанавы, ставящая под сомнение политическую честность и порядочность тов. Притыцкого. Я лично это дело понимаю так: раз Цанаве не удалось сшибить тов. Притыцкого таким путем, по деловым соображениям, он решил его политически скомпрометировать. Была написана большая записка на мое имя. Вы знаете, как пишут такие записки, в иной и пять лет не разберешься. Так было и с запиской о тов. Притыцком. А его политическая благонадежность была поставлена под сомнение. Передо мной, как перед первым секретарем ЦК, стал вопрос очень остро. За этой запиской

последовали другие, уже и о родственниках тов. Притыцкого, и о родственниках его жены. Я поехал в Центральный Комитет КПСС и доложил о всех этих материалах товарищу Маленкову. Мне товарищ Маленков сказал: «Не верьте Цанаве, пусть он докажет». Я уехал из ЦК с таким настроением, чтобы тов. Притыцкий продолжал работать. Время шло, обстановка усложнялась. Я вторично поехал в Центральный Комитет и по совету товарища Маленкова внес предложение отозвать тов. Притыцкого в ЦК КПБ с тем, чтобы дальше не усложнять обстановку, но и не давать его компрометировать.

Несколько месяцев тому назад, это было далеко еще до того, как шла речь о моем освобождении, я был на приеме у товарища Маленкова и напомнил ему об этом факте, и была договоренность о том, чтобы полностью реабилитировать тов. Притыцкого. Я звонил тов. Притыцкому, когда он был в отпуске в Сочи, и высказал мнение Бюро ЦК, что у нас настроение вас полностью реабилитировать.

Таким образом, то, что этим вопросом так серьезно заинтересовался пленум Центрального Комитета, это вполне законно и естественно. Я думаю, что я даю полное объяснение по этому вопросу и думаю, что пленум поддержит Бюро ЦК в том, чтобы тов. Притыцкого полностью реабилитировать. *(Голоса с мест: правильно.)*»

Патоличев тогда не раскрыл содержания записки Цанавы, ограничившись абстрактной фразой о его политической неблагонадежности. Что же в ней было такого жгуче секретного, что сам Маленков посоветовал Патоличеву отозвать Притыцкого в распоряжение ЦК КПБ, то есть фактически снять с должности первого секретаря обкома? Только ли компрометирующие материалы на родственников партийного вождя областного масштаба? Содержание

записки Цанавы Николай Семенович раскроет гораздо позднее, когда будет пенсионером.

Читая закупоренные в архивные сейфы материалы того пленума, отмечая неожиданно смелые обвинения в адрес нестрашного уже Цанавы, я невольно подумал: а если бы Берия в то время не был арестован и Цанава продолжал бы находиться на своем посту? Наверное, политическая конъюнктура вынудила бы моих земляков давать совсем другие оценки главным фигурантам этого дела.

Ишь, как расхрабрились белорусские руководители, узнав, что верх в Кремле взяла другая группа, нейтрализовавшая Берию и его ставленников на местах.

Самое прискорбное - следовать в фарватере политического курса, прокладываемого совсем в другом месте, не иметь собственного мнения, менять его в соответствии с требованиями очередной победившей в Кремле группы. Я уже писал, что участники пленума вынуждены были отменять многие пункты своего постановления, принятого этим же составом ЦК месяцем раньше - в июне. То есть не была доказана ни невиновность Притыцкого, ни вина Цанавы. Поступили так, чтобы заверить новых хозяев Кремля в безусловной поддержке их линии. Правовая сторона вопроса была заменена политической.

Эта история имела продолжение.

Официальная трактовка. Сергей Осипович Притыцкий - человек из легенды. Член партии с 1932 года. В 1936 году Виленский окружной суд Польши приговорил его за революционную деятельность в рядах Коммунистической партии Западной Белоруссии к 15 годам тюремного заключения, а затем к смертной казни через повешение. И только могучая волна народного протеста в Советском Союзе, Польше, Англии, Франции, Америке и других странах мира

вынудила польские власти не приводить в исполнение приговор. Видимо, не все знают, что героическая жизнь Сергея Притыцкого положена в основу кинофильма «Красные листья».

В тяжелых условиях вели борьбу коммунисты Западной Белоруссии.

Заработная плата рабочих-белорусов немногочисленных фабрик в Западной Белоруссии была на 45-65 процентов ниже, чем у варшавских рабочих. А в деревне 0,5 процента помещиков и кулаков владели 40,5 процента земли. Школы, книги, газеты для белорусов на белорусском языке почти полностью были запрещены. В государственных учреждениях не разрешалось разговаривать на белорусском языке. Унижалось национальное и человеческое достоинство белорусов. Но они не склоняли головы, не прекращали борьбы за социальное и национальное освобождение. Эту борьбу трудящихся возглавляла Коммунистическая партия Западной Белоруссии. Почти во всех городах, крупных местечках и деревнях существовали подпольные партийные и комсомольские ячейки.

С. О. Притыцкий был секретарем Слонимского окружного комитета комсомола и членом окружного комитета партии. Втершийся в доверие коммунистов провокатор выдал властям окружком. В результате предательства было арестовано около тысячи революционеров Западной Белоруссии. Центральный Комитет Компартии Западной Белоруссии принял решение уничтожить провокатора. Несколько попыток убить провокатора кончились неудачно. Тогда это поручили Сергею Притыцкому.

Первая попытка уничтожить предателя во время суда над коммунистами в Виленском окружном суде, где он выступал с показаниями, не увенчалась успехом - Притыцкому не удалось проникнуть в зал суда. В январе 1936 года состоялся второй судебный процесс

над комсомольцами-студентами Виленского университета. Провокатор должен был давать показания.

На этот раз Притыцкий был в зале суда. И как только предатель появился в зале (а Притыцкий ждал его не менее пяти часов), наступил решающий момент. Притыцкий, мгновенно вынув из карманов два пистолета, рванулся к судейскому столу. И вот он рядом с провокатором. Один пистолет направлен под правое ухо, а другой в спину. Оба выстрела раздались одновременно. В зале паника. Притыцкий бежал, но и ему вслед полетели пули – две в бок, две в шею. Сергей упал. Его схватили, отвезли в госпиталь. Властям надо было его непременно вылечить – им нужен был живой Притыцкий. Ведь мертвых не вешают. Через полгода и состоялся тот самый окружной суд, который вынес смертный приговор. Полтора года просидел Притыцкий в камере смертников и более двух лет в тюрьмах.

В первые дни начавшейся Второй мировой войны политическим заключенным удалось вырваться из тюрьмы. Они двинулись на восток, навстречу Красной Армии. Отсюда и пришло спасение.

К его опыту подпольной революционной деятельности в Западной Белоруссии прибавился опыт партийной работы в условиях советской действительности. Во время Великой Отечественной войны Притыцкий работал вторым секретарем ЦК ЛКСМ Белоруссии. Участвовал в партизанском движении. После окончания Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) был вторым, а затем первым секретарем Гродненского обкома партии.

А теперь о том, как Николай Семенович Патоличев комментировал «дело Притыцкого» много лет спустя, будучи на пенсии. Выходит, он не сказал на пленуме всю правду.

Из воспоминаний Н. С. Патоличева (конец 80-х годов):

«Цанава вручил мне записку о «подпольной контрреволюционной деятельности Притыцкого в Польше». Все, что до того было известно о героическом подвиге Притыцкого во время суда над комсомольцами, представлялось в другом свете, расценивалось как провокационные действия, направленные на то, чтобы способствовать разгрому Коммунистической партии Западной Белоруссии. Это был очень расчетливый шаг врага: не удалось скомпрометировать в деловом плане, попробуем в политическом. Положение оказалось очень затруднительным: ведь документ подписан министром госбезопасности.

(Вот она, разгадка дела С. О. Притыцкого. Вот что имел в виду Патоличев, когда на пленуме ЦК Компартии Белоруссии в июле 1953 года говорил, что на разбирательство обвинений, предъявленных Притыцкому Цанавой, потребуется пять лет. – Н. З.)

Как быть? Решил ехать в Центральный Комитет КПСС. Мне там твердо сказали: «Притыцкого мы хорошо знаем. Данным Цанавы о Притыцком верить не следует, его надо уберечь от нападков Цанавы». Мы уберегли Притыцкого и на этот раз. Однако обстановка осложнялась. Цанава засыпал меня все новыми «документами». Снова еду в Центральный Комитет. Вновь мне твердо заявили, что Притыцкого надо уберечь и из под удара вывести. «Отзовите его на работу к себе в ЦК, хотя бы в качестве инспектора», – посоветовали мне. Мы так и сделали.

(На пленуме ЦК Белоруссии Патоличев утверждал, что ездил к Маленкову. Маленков в те годы был вторым человеком в партии после Сталина. И он, с его огромной властью, не мог ничего сделать с каким-то Цанавой из Минска? Более того, получается, что Маленков, будучи уверен в невиновности Притыцкого, не смеет возразить

руководителю МГБ одной из пятнадцати союзных республик? Цанава в интерпретации Патоличева столь грозен и всемогущ, что перед ним пасует даже второе лицо в государстве. А как иначе понять указание Маленкова об освобождении Притыцкого с должности? Речь-то ведь идет о первом секретаре крупного приграничного обкома партии! - *Н. З.*)

Прямо из Москвы я поехал в Гродно. Объяснил Притыцкому, как все сложилось, и сказал ему значительно больше, чем знали члены Бюро ЦК. Очень хотелось, чтобы Сергей Осипович поверил, что другого выхода нет, что требуется некоторое время.

В 1953 году в Москве в ЦК я снова поставил вопрос о Притыцком. Мне сказали: «Надо реабилитировать Притыцкого полностью». Так мы и поступили. Он был направлен первым секретарем Барановичского областного комитета партии. В последующие годы он работал первым секретарем Молодечненского и Минского обкомов партии, секретарем ЦК КП Белоруссии, а затем Председателем Президиума Верховного Совета Белоруссии. Вот каково «дело» Притыцкого. Все это было очень непросто: враги, проникшие в органы государственной безопасности, искусно маскировались, выдавая свои действия за особую бдительность и ответственность перед государством. Этим они прикрывали и свои возражения против партийного контроля за деятельностью органов государственной безопасности. Берия, Цанава путем избиения преданных партии лиц, видимо пытались укрепить свои позиции».

То есть Притыцкого вернули на крупные партийные и государственные посты только после ликвидации Берии и его ставленника в Белоруссии. При них почти четыре года Сергея Осиповича держали на мелких аппаратных должностях. Проверяли собранное на него досье?

У меня нет оснований полагать, что Цанава был прав. Но, согласитесь, утверждение Патоличева о том, что Цанава пытался укрепить свои позиции путем избиения преданных партии лиц, не выдерживает критики. Биографию Цанавы я приводил выше - она вполне внушительная. Какие позиции ему надо было еще укреплять?

Обвинители и разоблачители Цанавы забывают, что он тоже делал свое дело. А оно у руководителей спецслужб всегда специфическое. Наверняка на Притыцкого поступили какие-то сигналы. Проверить их - прямая обязанность компетентных органов. Не проверишь - авторы сигналов напишут в инстанцию повыше, что на их предупреждения не обращают внимания, наверное, тоже заодно.

Прошу понять меня правильно, я вовсе не выгораживаю Цанава. Я говорю о специфике работы спецслужб. Наверное, данные, полученные МГБ, проверял начальник областного управления Фролов. Сведения о проверке дошли до Притыцкого. Отсюда их конфликт, а не из-за того, что Притыцкий отвел его кандидатуру на предварительном обсуждении состава ЦК Компартии республики.

Не надо забывать и того, в какое время это происходило. Гродненская область стала советской в первые дни начала Второй мировой войны. Потом была немецкая оккупация, потом снова пришли советские войска. Кто-то был в партизанах и в подполье, кто-то, наоборот, пошел служить оккупантам. В послевоенное время органы МГБ были завалены «сигналами» на тех, кто после освобождения делал руководящие карьеры. Стоило человеку занять более-менее заметный пост, как на него начинали писать завистливые односельчане о его родственниках, которые прислуживали немецким оккупантам. Необязательно было числиться в старостах или в полицейских, достаточно было случая, когда

древняя старуха, какая-нибудь троюродная бабушка, истопила баню для приبلудившихся в лесную деревеньку неизвестных людей. Кстати, это могли быть и наши окруженцы, пробивавшиеся к своим частям. Но в «сигналах» фигурировало – родственники сотрудничали с немецкими оккупантами. И многие карьеры, начинавшиеся столь блестяще, в одночасье лопались.

О том, что в жизни белорусов, через земли которых прокатывалось столько горя и лишений, было немало нештатных, нестандартных ситуаций, свидетельствует и вот эта история, тоже рассказанная Н. С. Патоличевым. Произошла она с очень уважаемым и почитаемым в Белоруссии человеком.

В 1951 году встал вопрос о кандидатуре на пост президента Академии наук БССР. Советовались с учеными. Они просили помочь им. Несколько раз этот вопрос рассматривался на Бюро ЦК, в правительстве. Однако подходящей кандидатуры в этот момент не нашли. Бюро ЦК поручило Патоличеву обратиться за советом и помощью в ЦК ВКП(б). Николай Семенович позвонил в отдел науки, Юрию Андреевичу Жданову. Он обещал помочь и через некоторое время порекомендовал кандидатуру ленинградского ученого, белоруса по национальности, Василия Феофиловича Купревича.

В. Ф. Купревич родился в крестьянской семье. В детстве жил в Смолевичском районе Минской области. Там учился. Оттуда ушел на флот. Балтийским моряком встретил 1917-й, вместе с другими матросами штурмовал Зимний. А потом вернулся в родные Смолевичи. И вот на сходке мужики выбрали его учителем. «Теперь это кажется невероятным, – вспоминал Василий Феофилович, – но именно выбрали». Односельчане просто потребовали, чтобы грамотный моряк научил их детей читать и писать. И он учил и учился сам. Заочно окончил педагогический институт,

поступил в аспирантуру, к 1941 году стал доктором наук. Годы войны провел в Ленинграде. После войны работал директором Ленинградского ботанического института.

Предложение вернуться в Белоруссию в качестве президента Академии наук он встретил с радостью, что было вполне объяснимо. Беседа с ним в ЦК Компартии Белоруссии была обстоятельной. Он произвел прекрасное впечатление – образованный, вдумчивый, спокойный человек, обладающий качествами, необходимыми для исполнения столь важной и ответственной работы. В. Ф. Купревич поехал в Ленинград готовиться к отъезду. ЦК рекомендовал его кандидатуру ученым для обсуждения на выборах президента Академии наук Белоруссии.

И вот через несколько дней пришла записка Цанавы. «По имеющимся сведениям, – говорилось в ней, – отец В. Ф. Купревича Феофил Купревич расстрелян во время войны партизанами. Кроме того, по непроверенным данным, Купревич В. Ф. является участником Кронштадтского мятежа (1921 год)».

На Патоличева это произвело ужасное впечатление. Он немедленно позвонил Ю. А. Жданову и передал ему содержание записки Цанавы.

Прошло некоторое время. Патоличев попросил Цанаву показать документ, на основании которого он сообщил факт о расстреле Ф. Купревича партизанами. Цанава принес небольшой клочок газетной бумаги, на котором было написано карандашом: «Отец Купревича В. Ф. Купревич Ф. расстрелян партизанами якобы за то, что не дал им картошки».

– Это и есть ваш документ? – спросил Патоличев.

– Да.

Впоследствии выяснилось, что один из работников аппарата Цанавы по его поручению позвонил в район, осведомился об отце Купревича. Ему кто-то сказал о

расстреле, а тот записал это сообщение и передал написанное Цанаве. В письме в ЦК Цанаву докладывал только первую часть фразы, а именно: «отец Купревича расстрелян партизанами», а вторую, объясняющую причину, он умышленно опустил: «Расстрелян якобы за то, что не дал партизанам картошки».

- Разве партизаны расстреливали за то, что кто-то не давал им картошки? - спрашивает Патоличев у Цанавы.

Молчит.

- Партизаны ли это были? И был ли Феофил Купревич расстрелян? Мало ли погибло белорусов в годы оккупации, в годы войны?

Молчит.

- Не проверив все тщательно, такие факты нельзя выдавать за достоверные и тем более докладывать о них в ЦК, - сказал первый секретарь. - Что касается участия самого Купревича в Кронштадтском мятеже, «по непроверенным данным», это мы проверим сами.

И проверили. Клевета легко была опровергнута. «Это окончательно убедило меня во враждебной деятельности Цанавы», - заявил впоследствии Патоличев.

Николай Семенович снова темнит. До сих пор существует правило: спецслужбы проверяют только биографические данные кандидатов на государственные должности. Окончательное решение, зачислять или не зачислять, принимают руководители организации, делавшие запрос.

Так было и в советские времена. Я тоже имел отношение к утверждению работников, входивших в номенклатуру должностей ЦК Компартии Белоруссии, а затем и ЦК КПСС, и знаю: спецслужбы никогда не навязывали своего мнения. Они только бесстрастно констатировали наличие того или иного компрометирующего факта на запрашиваемое лицо.

При наличии подобной информации старались не выдвигать таких работников, потому что это вызывало лавину возмущенных писем, которые при проверке подтверждались. В итоге дискредитировались органы власти. А они должны быть чистыми, не замаранными.

В моей практике было немало случаев, когда из «органов» приходили сведения на толковых работников, которых предполагалось выдвинуть на высокие должности. Компромат был один – близкие родственники сотрудничали с немецкими оккупантами, за что после войны были осуждены. Некоторые ушли с отступавшими фашистскими войсками на Запад. Об этом помнили даже в начале 80-х годов. Можно представить, сколько было таких случаев в конце сороковых – начале пятидесятых годов.

Ученые Белоруссии избрали В. Ф. Купревича президентом Академии наук республики. На этом посту Василий Феофилович работал с 1952 года до самой своей кончины в 1969 году. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. По отзывам знавших его людей, он был большим ученым и прекрасным человеком.

А ведь назначение могло и не состояться. Повторяю, это зависело от самого Патоличева. Безусловно, он принял смелое решение. Справедливости ради должен отметить, что при проверке данных о сотрудничестве с немцами, особенно если оно не носило открытый характер, то есть если подозреваемые не ходили в полицейской форме и не занимали официальные должности в оккупационных структурах, а работали на немцев тайно, то доказательства их вины в основном были устными.

Патоличев не скрывает того, что он хотел избавиться от Цанавы. Не сработались. Бывает. В это время союзным министром государственной безопасности назначают С. Д. Игнатьева, который еще

недавно работал секретарем ЦК Компартии Белоруссии по сельскому хозяйству и заготовкам. Новый министр решил заменить кое-кого из прежних заместителей, и на освободившееся место пригласил Цанаву. Впрочем, Патоличев это выдвижение приписывал исключительно себе, рассказывая в узком кругу членов Бюро, что именно он, пользуясь старыми связями с Семеном Денисовичем Игнатьевым, с которым в 1946 году вместе работал в Управлении ЦК ВКП(б) по проверке партийных органов, придумал такой умный ход, чтобы избавиться от Цанавы.

Но дело не в этом. Как бы там ни было на самом деле, Цанаву покинул Белоруссию. Вместо него приехал новый министр госбезопасности М. И. Баскаков. Интересно, если бы при Баскакове утверждался Купревич, доложил ли бы Михаил Иванович Патоличеву результаты проверки биографии кандидата на пост президента Академии наук? Неужели бы скрыл тот факт, за который партийный секретарь учинил разнос Цанаве? Ведь Академия наук – многопрофильное учреждение, там разрабатывались и новейшие технологии, имевшие отношение к оборонной тематике.

И еще о Цанаве. В 1951 году в Минске вышла его первая книга о партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Все газеты, все журналы опубликовали хвалебные рецензии. Вышла вторая книга – опять рецензии.

Но кто редакторы? Министр просвещения Ильюшин, редактор журнала «Большевик Белоруссии» Т. Саладков, главный редактор – секретарь ЦК КПБ Т. Горбунов.

А кто выступал с рецензиями? В «Советской Белоруссии» – Председатель Президиума Верховного Совета БССР В. Козлов, в «Звезде» – секретарь обкома партии И. Кожар, в «Советском крестьянине» – секретарь ЦК Компартии Белоруссии В. Чернышев, в

«Литературной газете» - председатель правления Союза писателей Белоруссии П. Бровка. Начальство редактировало, начальство рецензировало.

Куропатская загадка

В 1988 году страна узнала из статьи председателя Белорусского народного фронта Зенона Позняка в писательской газете республики «Литература и искусство» о массовых расстрелах советских граждан в белорусском лесном массиве Куропаты в 1937-1941 годах. Называлась жуткая цифра - 250 тысяч человек. Пресса публиковала материалы о множестве могил, обнаруженных в лесу под Минском, рисовала страшные картины выстрелов в затылок, предавала огласке имена тех, кто находился наверху чудовищной репрессивной системы.

Наркомвнудел Белоруссии в 1937-1938 годах Б. Берман. Это он, копируя сценарии московских процессов, одно за другим проводил в республике громкие судилища. Не успевал завершиться один процесс, как сразу же разворачивался другой. Москва, Кремль одобряли такой подход к делу присланного в Белоруссию руководителя «органов».

Выступая в ноябре 1937 года перед избирателями Россонского района, Берман говорил: «Выродки, заклятые враги и палачи белорусского народа долгое время вели свою гнусную предательскую работу. Потребовалось вмешательство в белорусские дела товарища Сталина. Никто другой, как товарищ Сталин, по одному письму, по одному сигналу из Белоруссии сказал, что в БССР есть враги, которые мешают народу наладить культурную жизнь. Товарищ Сталин дал указание громить врагов, и мы начали их громить».

Громил до тех пор, пока сам не был разгромлен и объявлен германским шпионом.

Достойными продолжателями его дела были А. Наседкин, продержавшийся в наркомовском кресле очень недолго, и особенно Л. Цанава. Только в первый год пребывания Цанавы в Белоруссии (с конца 1938 года) по политическим обвинениям было арестовано 27 тысяч человек...

Леденили душу натуралистические сцены расстрелов: «Участвовали многие работники комендатуры. Активно выезжал на расстрелы кладовщик Абрамчик... Приговоренных к смерти подводили к яме, усаживали на краю ямы или оставляли стоять, затем стреляли в голову. Человек падал прямо в могилу...»

Но вот несогласие. В 1991 году бывший командир партизанского отряда бригады «Дяди Коли» И. Загороднюк выступил с протестом против выводов правительственной комиссии. Его письмо, куда бы он с ним ни обращался, клали под сукно. Власти были напуганы размахом перестроечного движения, да и Москва, на которую белорусские руководители привыкли оглядываться, не советовала вступать в конфронтацию с демократическими силами.

Единственное учреждение, где внимательно выслушали старого партизана-разведчика и дали ход его письму, была редакция газеты Минского часового завода «Время и мы».

«В сообщении правительственной комиссии, созданной решением Совета Министров БССР от 14 июля 1988 года, - пишет И. Загороднюк, - сказано: «... комиссия в результате анализа имеющихся материалов пришла к выводу, что в 1937-1941 годах в лесном массиве Куропаты органами НКВД производились массовые расстрелы советских граждан...»

Найденные гильзы и пули являются частями патронов к револьверу «наган» и пистолету «ТТ». Эти гильзы и пули изготовлены в СССР в 1928-1939 годах...

Исследование обнаруженных в могилах фрагментов одежды, обуви, других предметов и личных вещей дает основание полагать, что социальный состав расстрелянных был достаточно широким...

Комиссия снова обращается ко всем гражданам, которым что-либо известно об этих и других трагических событиях, информировать правительственную комиссию или Прокуратуру БССР».

Наблюдая за событиями, которые развивались вокруг Куропат, можно было полагать, что правительственная комиссия БССР разберется в существовании этого факта. Однако ее большая численность и широкая представительность вызывали подозрение, что факт этого преступления не будет объективно расследован, а истолкуется в тенденциозном духе.

Сегодня вывод правительственной комиссии БССР известен уже на весь мир. Его смакуют на все лады и злорадствуют: «Комиссия, в результате анализа имеющихся материалов, пришла к выводу, что в 1937-1941 годах в лесном массиве Куропаты органами НКВД производились массовые расстрелы советских граждан».

Однако, делая этот вывод, комиссия не обратила внимание на один малозаметный факт, который содержится в ее же сообщении.

Сущность этого факта заключается в том, что достаточно обнаружить в эксгумированном захоронении одну ржавую гильзу 1939 года изготовления, как она становится неопровержимым доказательством того, что в 1937-1939 годах в этом захоронении расстрелов не было! Ибо нельзя расстреливать боеприпасами, которые еще не изготовлены!

Следовательно, расстрелы в эксгумированных захоронениях могли происходить только в 1940-1941 годах, исключая 1939 год. А если учесть сложный и

длительный путь движения боеприпасов от завода-изготовителя через различные склады, правила хранения и порядок выдачи их потребителям, тем более в мирное время, то гильза 1939 года изготовления могла появиться в Куропатах только в 1941 году. Ведь же не найдено в Куропатах гильз ни 1940, ни 1941 года изготовления! А в эти годы боеприпасы также изготавливались! Они за такой короткий срок, за полтора года до начала войны не могли дойти до потребителя, чем еще раз подтверждается вышесказанное, что гильза 1939 года изготовления могла появиться в Куропатах только в 1941 году!

А на основании чего тогда комиссия сделала вывод, что расстрелы в Куропатах начались в 1937 году и продолжались до 1941 года? По наличию в эксгумированных захоронениях гильз 1928-1939 годов изготовления. Но это не доказательство! Такую смесь боеприпасов немцы могли взять с трофейных армейских складов, захваченных ими, например, в городах Белосток и Барановичи, куда в 1940 году были вывезены склады из Минска. Да и в Минске на 105-м складе в районе Красного Урочища еще много чего оставалось. Я тому сам свидетель.

Кроме этого, достоверно известно, что вся полиция при немцах была вооружена только нашим оружием и под руководством немцев осуществляла расстрелы наших граждан по всей оккупированной территории. Подобное Куропатам захоронение имеется в каждом городе и местечке, которые были оккупированы немцами. Но это не значит, что это жертвы НКВД.

Полагаю, что для нужд НКВД, например, города Минска достаточно было полигона в четырехугольнике Колодищи – Глебковичи – Обчак – Тростенец и не было надобности в пустырях за огородами деревни Цна-Отково, где пасли скот.

Что касается леса, который якобы вырубил в время фашистской оккупации и о котором свидетельствуют 55 очевидцев, то его там и не было! Там был холмистый пустырь, вроде тех пустырей, на которых расположились наши послевоенные кладбища: Северное и Чижовское. Это можно доказать документально, с помощью довоенных топографических карт. А Брод, куда дети ходили собирать «большие ягоды», находится северо-западнее Куропат. На холмах брода не бывает! Кроме этого, могилы в Куропатах расположены довольно плотно и симметрично. Для такого расположения необходимо корчевать лес, чего НКВД делать не могло из соображений элементарной секретности. Короче, версия идеологов Куропат шита белыми нитками.

Ну, а как быть с недостроенным забором, который местные жители разобрали на дрова?

Внимательно читая сообщение правительственной комиссии, убеждаешься, что это чистейшая декларация, а не следственное доказательство. Это позор и фальсификация века. Кроме этого, в печати сообщалось, что, по мнению специалистов-археологов Института истории Академии наук БССР, принимавших участие в раскопках, все шесть эксгумированных могил в Куропатах, на которые опираются выводы комиссии, раскапывались и раньше, часть останков оттуда кем-то забрана. Но если забрали, то могли кое-что и подбросить.

Все это побудило автора этих строк вооружиться компасом, карандашом, бумагой и произвести свое расследование и составить схему ландшафта лесного массива Куропаты. (Схема прилагается к письму.)

Когда полученные таким образом топографические данные были в масштабе перенесены на бумагу, стало ясно:

- недостроенный и разобранный забор протяженностью 175 м – это деревянный щит – стенка расстрела, расположенная вдоль фронта огня, которая прикрывалась с обоих флангов мощным пулеметным огнем, о чем свидетельствуют четко выраженные следы круглых немецких окопов, расположенных на фланговых высотах, находящихся с двух противоположных концов стенки. Все это представляет собой жуткую картину чисто немецкого сооружения, построенного с немецкой точностью и расчетливостью;

- на обеих высотах сохранились следы целого ряда жилых и складских землянок;

- на левом фланге, у подножья высоты, имеются признаки кухонной и столовой площадок (в точке К, см. схему);

- часть землянок попала под выемку кольцевой дороги;

- захоронения под кольцевую дорогу не попали.

Но главное, что поразило при этом расследовании, – это то, что при входе в лесной массив Куропаты трасса вновь проложенного газопровода, вместо того чтобы идти по прямой от точки А до точки В (см. схему), начала петлять, осуществила три колена, вышла в центр захоронения, развернулась почти вдоль его оси, а на опушке осуществила еще один поворот и ушла по заданной прямой АВ. Это наводит на мысль, что специалисты-археологи Института истории Академии наук БССР правы! Могилы раскапывались, и о наличии захоронений в Куропатах кто-то знал. Поэтому трасса газопровода сознательно была запроектирована с пятью разворотами в лесном массиве Куропаты, не считаясь ни с уничтожением леса, ни с удлинением трубопровода, ни с увеличением сопротивления газу, ни с усложнением работ.

Рядом с трассой газопровода проложена трасса кабеля связи, которая в еще более причудливой форме

изрезала лесной массив без всякой координатной привязки, обошла высоту и ушла по прямой.

Таким образом, эксгумация 6 могил была не выборочной, а выбранной. А это уже прямой обман общественности. Далее. «В архивах Минюста, КГБ и Прокуратуры БССР, союзных органов материалов и документов, относящихся к событиям в Куропатах, не обнаружено». Правильно, немцы в таких случаях документов в архивы советских учреждений не направляли.

«Исследование обнаруженных в могилах фрагментов одежды, обуви, других предметов и личных вещей дает основание полагать, что социальный состав расстрелянных был достаточно широким». Известно, что в начале войны в 1941 году вокруг Минска были созданы немцами так называемые сортировочные лагеря, где собирались лица самого различного социального состава. В основном беженцы из западных областей Белоруссии и Польши. Немцы и полиция тщательно сортировали этих людей. Одних отпускали на поруки жен и родственников, других выручали соседи и знакомые, третьи, кто сумел, сами убегали, а четвертых грузили на машины и куда-то увозили. Не исключено, что кое-кто из последних мог попасть в Куропаты. Вот почему социальный состав расстрелянных был довольно широким.

Неизвестно, кто составлял и редактировал текст сообщения правительственной комиссии. Но ее сообщение о баллистической экспертизе обнаруженных гильз и пуль совершенно бессмысленное. Под баллистикой понимается движение пули по отношению к какому-то телу вне и внутри его. Задача баллистической экспертизы – определить характер этого движения при данных обстоятельствах.

О каких обстоятельствах и какой баллистике в данном случае может быть речь? Ведь это же

чистейшая фикция! А наганные гильзы вообще не имеют никакой баллистики, они просто выбиваются из барабана шомполом. Короче, ни один из доводов, ни одна из громко звучащих экспертиз не дают основания правительственной комиссии сделать вывод, что похороненные в Куропатах люди являются жертвами НКВД. Поэтому решительно, категорически протестую против этого вывода, против решения ставить памятник жертвам фашизма как жертвам НКВД.

Если приведенные данные не убеждают правительственную комиссию, то естественно поставить вопрос: где немцы в 1941 году расстреливали и хоронили граждан г. Минска? Позже, начиная с 1942 года, заметая следы, они начали сжигать трупы в деревне Тростенец. А где те тысячи, которые были расстреляны в 1941 году?

Автор этих строк с некоторыми перерывами живет в Минске с 1939 года. Служил в армии, участвовал в финской кампании, в походах в буржуазную Литву и Бессарабию, прошел горнило Отечественной войны и партизанской борьбы. Кроме этого, два раза попадал в плен, но бежал, пока не соединился с партизанской группой С. В. Верховодко, которая затем выросла в отряд им. Сталина партизанской бригады «Дяди Коли».

Выполняя боевые задания командования, ему неоднократно приходилось бывать в районе Минска, даже громить немецкое хозяйство в Новинках (ныне городская черта г. Минска, а тогда Цнянский сельсовет). Позже, когда сам стал командиром отряда, вел жестокую агентурную войну с немецкой школой «Сатурн». Поэтому в своих доводах он опирался не только на топографический и логический анализ, но и на громадный собственный опыт и те сведения, которые им накоплены в годы военного лихолетья.

В заключение еще раз утверждаю: трасса газопровода через лесной массив Куропаты прошла

зигзагообразно не случайно! О захоронении кто-то знал и предварительно хорошо исследовал эти места. Изгиб трассы газопровода вопреки техническим нормам преследовал цель:

- выйти в центр захоронения с тем, чтобы в ходе производства земляных работ вскрыть его и обнародовать данные о находке согласно своим политическим целям;

- обойти высоту, расположенную рядом с кольцевой дорогой, и обеспечить место для сооружения памятника в точке Р (см. схему), так как в случае прохода газопровода по прямой АВ всякое сооружение в точке «Р» будет запрещено - охранный зона!

Решение, конечно, разумное. Видимо, принято на каком-то довольно компетентном уровне. Но вопрос в том, зачем обманывать людей, поднимать такой шум и списывать все на НКВД?!»

Получив письмо И. Загороднюка, редакция газеты обратилась к автору с просьбой уточнить некоторые высказанные им мысли. Вот что он сказал дополнительно к основному тексту.

«Распространено мнение, что в Куропатах органы НКВД начали, а немцы добавили. Нет!

В пределах прилагаемой мной топографической схемы ни одной жертвы органов НКВД нет!

Все было начато немцами на холмистом девственном пустыре, имеющем широкую лощину и соответствующие возвышенности для флангового, фронтального и тылового прикрытий. Массовые расстрелы в лесу невозможны. В лесу можно уйти даже из-под перекрестного пулеметного огня!

Достоверно известно, что могилы под захоронения копали военнопленные. Вся трагедия длилась с лета по декабрь 1941 года, до наступления сильных морозов. Сначала расстреливали гамбургских, варшавских, а затем минских евреев. Особенно массовый расстрел

последних происходил 6-7 ноября и продолжался почти весь декабрь.

Эксгумация показала, что в одной из могил вместо человеческих останков были найдены угли костра, а еще одна была совершенно пустой. В первой, вероятно, прятались от сквозняков и холода военнопленные, которые копали могилы, а вторая скорее всего была землянкой или огневой точкой.

Землянок и огневых точек в Куропатах много. Следствие, видимо, причислило их к захоронениям и включило в состав 510 единиц. Это еще раз говорит о необъективности проведенного следствия. Поэтому объективность в официальном сообщении была подменена громкими титулами членов комиссии и пустой демагогией о всевозможных научных экспертизах. Что, например, дал лазерный анализ? Это же пустой звук!

А вот о найденных в эксгумированных захоронениях платиновых коронках – ни звука! Потому что до войны, да и теперь в СССР никто платиновых коронок не носил и не носит.

Например, следователи, «свидетели» и журналисты, утверждая, что НКВД привозило свои жертвы на крытых грузовиках, не учитывают, что до войны в органах и в армии вовсе не было крытых грузовиков! Все то, что они грозно называют «черным вороном», – это были инкассаторские машины, чуть-чуть побольше современных милицейских уазиков. Они же были и машинами скорой помощи, только другого цвета, с красным крестом и без перегородки внутри салона. Изготавливались на шасси известной полуторки.

В армии были крытыми штабные машины и машины радиосвязи, тоже с двигателем полуторки, но трехосные, для большей проходимости, и вмещали также 3-4 человека. Это весь наш довоенный крытый

транспорт. Так на каких же грузовиках НКВД возил свои жертвы?

Трудно поверить, но факт остается фактом, что даже после войны, в начале 50-х годов, ночная патрульная служба по городу Минску осуществлялась верхом на лошадях. На Комаровке при городском отделении были конюшни, и управлял этой кавалерией известный майор Гинзбург.

Короче, все это какая-то чушь!

Если бы следствие велось объективно, то оно не рубило бы лес на пустырях, не искало бы броду на холмах и не собирало бы «больших ягод» там, где водятся куропатки...»

Газета поместила открытое письмо И. Загороднюка, но оно прошло незамеченным. О Куропатах трубили центральные газеты и журналы, выходившие десятками миллионов экземпляров, разоблачительные публикации перепечатывались ведущими изданиями мира. Что там какая-то заводская малотиражка, не выходившая за пределы предприятия! Ну а потом рухнул СССР.

Но вот прошла антикоммунистическая истерия, улеглись разоблачительные страсти. И что бы вы думали? В 1997 году военная прокуратура Белоруссии возобновила уголовное дело по фактам массовых захоронений людей в лесном урочище Куропаты под Минском. Это был мужественный поступок – ведь за прошедшее десятилетие Куропаты стали именем нарицательным, в одном ряду с Хатынью, национальным символом трагической истории Белоруссии.

И тем не менее власти решились. Уж слишком уязвимым было заключение первой правительственной комиссии, которая, как сейчас считают в Белоруссии, пошла на поводу тогдашних антикоммунистических настроений. За эти годы появилось множество всевозможных групп, общественных комиссий, которые

приходят к выводу, что Куропаты – это фальсификация. Объясняя причину возобновления уголовного дела по факту массового захоронения людей, военная прокуратура Белоруссии сослалась на новые раскопки нескольких захоронений, которые оказались пустыми. Это и породило сомнения в обоснованности прежних выводов, особенно в отношении количества захороненных.

Глава 9

ПРАВДА О ПАРТИЗАНАХ

В Минске 8-10 июля 1993 года проходил I съезд белорусов мира. Самые агрессивные делегаты в своих выступлениях призывали осудить партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, более миролюбивые ставили вопрос о необходимости написать его новую историю.

Она, скорее всего, будет написана. Засекречивание данных о партизанской войне, закрытие архивных фондов, невозможность получения объективной информации приводили к созданию апологетических документальных произведений, однобоких научных трудов. Бывшие руководители партизанских формирований, занимавшие вплоть до конца 80-х годов все сколько-нибудь важные посты в республике, как правило, ревностно следили за публикациями в прессе на эту тему и пресекали любые попытки выйти за рамки навязанных ими же схоластических схем.

Тщательную фильтрацию рукописей воспоминаний участников партизанского движения производил Институт истории партии при ЦК КПБ. Некоторые слишком смелые исследования сразу же засекречивались и к массовому читателю не попадали. Такая участь постигла, в частности, двухтомник бывшего наркома государственной безопасности Белоруссии в 1938-1951 гг. Л. Ф. Цанавы «Всенародная партизанская война в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков», В. С. Давыдовой «Подпольная партийная организация Минска в борьбе против

немецко-фашистских захватчиков в первый период Великой Отечественной войны», Н. И. Дорофеенко «Витебское партийное, патриотическое подполье в годы Великой Отечественной войны (июль 1941 – июль 1944)» и другие исследования.

Официальная статистика. Белоруссия три года несла на своих плечах немецко-фашистское иго – больше, чем другие временно оккупированные районы страны. О ней иногда говорят «многострадальная». И это верно. Трудна была история белорусского народа, трудна его судьба. Но особо тяжкая доля выпала белорусскому народу в Великой Отечественной войне.

По официальным данным, на территории Белоруссии разрушено фашистскими захватчиками 209 городов и районных центров из 270, бывших до войны. На селе сожжено 1 миллион 200 тысяч строений, в том числе 500 тысяч колхозных и общественных зданий.

Но главная потеря – люди. Белоруссия понесла самый чувствительный урон. Гитлеровцы уничтожили 2 миллиона 220 тысяч человек, 380 тысяч угнали в рабство. Из 9 миллионов жителей Белоруссии погиб каждый четвертый, и это, не считая 810 тысяч бойцов и командиров Красной Армии – белорусов, погибших на фронтах Отечественной войны.

Самый глубокий шрам войны оставался надолго. Многие годы соотношение трудоспособных мужчин и женщин в белорусских селах было 1:4. Это трагедия. Ужасная трагедия.

Потребовалось ни много ни мало, а четверть века, чтобы восстановить даже общую довоенную численность населения в Белоруссии. Четверть века! Жили колхозники трудно, бедно. Урожаи низкие. На трудодни выдавалось мало. Денег не получали совсем. Одевались плохо.

Из докладной записки первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко «Об итогах эвакуации из Белорусской ССР» от 18 августа 1941 г. на имя И. В. Сталина:

«Все наиболее значительные предприятия числом 83 из Белоруссии эвакуированы полностью. Крупные предприятия эвакуировались комплектно: оборудование, материалы, рабочая сила, и уже восстанавливаются в других городах Союза. В числе этих предприятий - станкостроительные заводы, «Гомсельмаш», фабрика по производству очков, паровозоремонтный завод. Могилевский авиационный завод № 459 эвакуирован в Куйбышев; вывезено более 400 станков, все металлы, инструменты, электромоторы, кабели. Весь состав квалифицированных рабочих и ИТР. Вывезены полностью также Оршанский льнопрядильный комбинат, Кричевский цементный завод, судоремонтные мастерские, труболитейный завод и другие...

...Зернопродукты: было зернопродуктов в БССР 151 475 тонн, в том числе муки - 67 913 тонн. Отгружено в Ярославскую, Московскую и другие области 44 765 тонн, уничтожено 42 500 тонн, передано воинским частям 10 350 тонн, использовано на снабжение областных и райцентров 26 115 тонн, оставшееся зерно в тылу у противника, об уничтожении которого не донесено - 27 745 тонн.

Эвакуировано скота всех видов - всего 600 000 голов, в том числе крупного рогатого скота 340 000 голов. Эвакуировано тракторов 4 000, передано РККА 300. Эвакуировано комбайнов 400, молотилок 150.

Эвакуация комбайнов, тракторов, хлеба продолжается.

Архивы и ценности. Полностью эвакуированы денежные знаки и ценности Белорусского отделения

Госбанка в Минске и у 9 областных банков (о Бресте сведений нет). То же относится и к сберегательным кассам.

Центральный партархив КП(б)Б вывезен полностью и находится в Уфе. Секретный архив, учетные дела парткадров также полностью вывезены.

Из 212-201 горкомов и райкомов КП(б) учетные партийные карточки и другие секретные материалы эвакуировали и они направлены для хранения через ЦК ВКП(б). Один райком сжег документы на месте, в трех райкомах документы остались и о семи нет сведений.

Архивы НКГБ и НКВД эвакуированы также полностью.

Многие наркоматы и Президиум Верховного Совета БССР секретные архивы уничтожили.

Минские предприятия не эвакуированы вследствие перехвата коммуникаций врагом, разрушений и общего пожара города в результате непрерывных бомбардировок.

Станкостроительный завод им. Кирова разгромлен и сожжен в первые же дни целиком. На заводе им. Ворошилова оборудование испорчено.

Архив Совнаркома БССР и ряда наркоматов остался в Минске и не уничтожен. Получилось это из-за преступной растерянности, проявленной работниками и председателем СНК БССР. Друг другу поручали вывезти или сжечь и не проследили. Сейчас дело расследуется. Мною был послан отряд 27.VI.1941 г. для уничтожения, но пробраться в Минск уже не мог.

Эвакуация продолжается даже из занятых немцами областей. Колхозники через Полесье выгоняют к нам скот».

Записка производит впечатление своей правдивостью. Пономаренко знал: больше всего Сталин не прощал обмана. Но и здесь Пантелеймон

Кондратьевич сказал не всю правду. Он не доложил Сталину, что в захваченном немцами на седьмой день боевых действий Минске остался орден Ленина, которым была награждена республика, и Государственный флаг БССР. Впопыхах о них просто забыли.

Об этом прискорбном случае белорусская пресса не писала никогда – даже после распада СССР, не говоря уже о советском периоде. Войсковая часть, утратившая боевое знамя, обычно расформируется, а ее командование отдается под трибунал. Правда, Государственный флаг республики – не боевое знамя...

Рухнула и еще одна коммунистическая мифологема, упорно насаждавшаяся в массовом сознании различными средствами идеологического воздействия, ставившая своей целью представить Белоруссию настолько верной Великому Соседу, что из числа ее жителей не было сформировано ни одного воинского подразделения, воевавшего на стороне немцев против Красной Армии.

Из рассекреченного в 1995 году донесения П. К. Пономаренко И. В. Сталину от 18 августа 1942 г.:

«Немцы используют все средства, чтобы привлечь к борьбе с партизанами, охране железных дорог и к борьбе с Красной Армией контингенты из нашего населения оккупированных областей, создавая из них воинские части, карательные и полицейские отряды. Этим они хотят достигнуть того, чтобы партизаны увязли в борьбе не с немцами, а с формированиями из местного населения, вывести из боев с партизанами свои части для посылки на фронт.

Имеются данные о следующих формированиях:

1) Украинский корпус, приданный 2-й немецкой армии;

2) карательная дивизия из украинцев, русских, белорусов, находящаяся в г. Рославле;

3) добровольческий украинский полк численностью 2700 человек в г. Орджоникидзеграде;

4) украинско-литовский полк численностью 1200 человек в г. Минске;

5) два батальона из украинцев по 800 человек каждый в гг. Могилеве и Бобруйске;

6) карательный отряд из военнопленных численностью 500 чел. в г. Борисове;

7) 9 крупных литовских и латышских карательных отрядов, направленных для борьбы с партизанами в Ленинградскую область, Белоруссию и Украину;

8) 10 карательных отрядов численностью по 400-500 человек каждый из военнопленных и окруженцев украинцев, русских, эстонцев, действующих против партизан в Ленинградской и Смоленской областях;

9) Украинский полк в г. Радом;

10) В Крыму созданы татарские добровольческие отряды для борьбы с партизанами.

Кроме этого, сформированы несколько десятков карательных отрядов и многочисленные мелкие отряды местной полиции.

Кроме формирований частей и соединений для борьбы с партизанами и охраны железных дорог, немцы начали создавать крупные формирования, предназначенные, очевидно, для действий против Красной Армии.

В Литве сформирован литовский корпус.

В Белоруссии формируется белорусский корпус.

На Украине делаются попытки формирования добровольческой русско-украинской армии.

Вокруг формирований идет бешеная националистическая пропаганда. На Украине местные формирования идут под лозунгом «Незалежная Украина», в Белоруссии – «Освобождение Белоруссии от

насильственной русификации», в Литве – «Независимость Литвы», в Крыму – «Крым для татар».

Этому способствует разжигание национальной розни, антисемитизма. Крымские татары, например, получили сады, виноградники, табачные плантации, отобранные у русских, греков и т. д.

В формировании идут остатки разбитого кулачества и другие атисоветские элементы. Многие местные жители, часть красноармейцев, оставшихся в окружении, и пленных загнаны туда голодом и угрозой расстрела.

Вступившим в формирования обещается хорошее материальное обеспечение, создание всяческих льгот и привилегий для их семей. Эти привилегии немцы стремятся предоставить: нарезают лучшую землю, раздают иногда награбленное добро, выдают хлебный паек семьям и т. д.

В самих формированиях развязываются по немецкой системе низменные зверские инстинкты, разрешение грабить, насиловать и убивать, чтобы создать какую-то заинтересованность, привязать людей к себе. В эти формирования, благодаря такой свободе действий, устремились уголовные, бандитские элементы.

Большинство состоящих в формированиях обмундированы в русскую форму с отличительными знаками. Наиболее верный контингент обмундирован в немецкую форму и часть – в румынскую форму.

Устойчивость этих формирований невысокая. Имеется много случаев, когда при первых же столкновениях с партизанами полицейские и каратели разбежались и частично переходили на сторону партизан. У солдат литовского корпуса после того, как немцы вывезли почти все ценности, хлеб и скот в Германию и стали облавами набирать литовских добровольцев в малочисленный корпус, – настроение резко изменилось и они стали разбегаться из корпуса.

В Витебске стоял карательный отряд немцев численностью 36 солдат и 2 офицера. При этом отряде была полицейская группа из украинцев-12 чел. В июне 1942 года при проведении операции против партизан полицейские украинцы перебили немцев, забрали их оружие и перешли в партизанский отряд Сергеева.

В июле с. г. в партизанскую бригаду Фалалеева приехал на грузовой автомашине начальник из Езерищенского полицейского отряда Витебской области Ананьев вместе с бургомистром волости Новиковым и 3 полицейскими, привез с собой винтовки, два ручных пулемета и сдал их партизанам.

В отряды «Бати» явились делегаты от 200 полицейских для переговоров о сдаче полицейского отряда вместе с вооружением.

В Витебской области из многих отрядов полицейские перешли на сторону партизан. Интересно заметить, что другими полицейскими отрядами посылались в партизанские отряды старухи и дети для выяснения, что делают партизаны с перешедшими полицейскими. После того, как выяснялось, что перешедшие не расстреляны, начинался переход полицейских к партизанам и из других отрядов.

Это показывает, что имеются серьезные условия и возможности для разложения создаваемых немцами формирований из нашего населения.

Для этого необходимо заслать специально подготовленных наших людей из числа находящихся в тылу в формирования, изготовить специально печатные материалы, направленные к людям, состоящим в этих формированиях. Распространять эти материалы не разбросом с самолетов, а через специальных людей, при этом нужно избежать шаблонного призыва вступить всем в партизанские отряды, так как партизаны не могут этих людей всех принимать в отряды во избежание засорения. Может быть, им рекомендовать

сдавать партизанским отрядам оружие и расходиться по домам, укрываться, обещав им неприкосновенность со стороны партизан. В противном случае – смерть.

Считал бы целесообразным обсуждение этого вопроса в ЦК ВКП(б) или на Совете Политического Управления с тем, чтобы были даны по этому вопросу принципиальные указания».

Как начиналось партизанское движение? Недовольное население само восставало против солдат в чужой форме или из Центра забрасывались специально обученные группы диверсантов, действовавшие от имени поработанного народа?

Обратимся к прежде засекреченным документам.

О создании партизанских отрядов и диверсионных групп для действий в тылу противника

***Записка наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии
И. В. Сталину***

8 августа 1941 г. Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
товарищу СТАЛИНУ

Органами НКВД Украинской, Белорусской, Карело-Финской, Молдавской ССР, Ленинградской, Мурманской, Калининской, Смоленской и др. прифронтовых областей за последнее время создан ряд партизанских отрядов, а также диверсионных групп для действий в тылу противника.

По УССР сформированы и заброшены в районы действий три партизанских отряда из числа работников НКВД, каждый численностью в 1000-1200 человек, вооруженных пулеметами, винтовками и гранатами.

Ряд истребительных батальонов общим числом свыше 9000 человек переформирован и действует в качестве партизанских отрядов в тылу противника и дополнительно готовится до 5000 работников НКВД для формирования партизанских отрядов и диверсионно-разведывательных групп. Диверсионные группы в

количестве 200 человек уже выброшены и действуют в тылу противника.

По БССР действуют в тылу противника 14 партизанских отрядов общей численностью 1162 человека из работников НКВД и милиции. Кроме того, в тыл противника заслано 15 диверсионно-разведывательных групп и одиночек общим количеством свыше 400 человек.

По Ленинградской области в тылу противника - в Гдовском, Псковском, Порховском и др. направлениях - действуют 25 истребительных батальонов, численностью в 4040 человек. Из состава истребительных батальонов, кроме того, сформирован добровольческий отряд численностью в 2500 человек, который уже выступил в назначенный ему Военным советом фронта район действий.

Помимо этого, при отходе частей Красной Армии было оставлено в тылу противника значительное количество мелких партизанских отрядов из числа работников НКВД, милиции и бойцов истребительных батальонов, большинство из которых успешно развернули свои действия.

Диверсионная группа в составе 62 бойцов - работников НКВД, действующая в районе м. Коростышев (Житомирская область) 20 июля совершила налет на двигавшуюся танковую колонну противника, уничтожила 4 танка и рассеяла мотомеханизированную колонну.

26 июля в селе Озорная Звенигородского района (УССР) партизаны взорвали бензинохранилище и захватили немецкую машину с боеприпасами. В другом месте эта группа партизан захватила 20 немецких солдат, грузовую машину и огнемёт.

Действующий близ деревни Зеленковичи (Осиповичский район БССР) партизанский отряд пустил под откос немецкий бронепоезд.

Партизанский отряд Юрина в Березинском районе (Могилевская область) при столкновении с колонной немецких войск в 200 человек уничтожил 150 человек и остальных рассеял.

Партизанский отряд в 36 человек, действующий в Паричском районе БССР, при поддержке артиллерийского расчета одной из частей Красной Армии, разбил 2 разведывательных немецких танкетки, третью отбил и использует в отряде. Этот же отряд, в результате боя с 7-ю бронемашинами противника, 2 из них разбил и 2 отбил.

Действующим в районе Глусска (Полесская область) отрядом в 200 человек в один из налетов было нанесено поражение немецкой воинской части и отбито 2 танкетки.

Партизанская группа в 23 человека под командой комвзвода Кривоносова в районе Плюсса - Ляды - Заханье - Терещенка (Ленинградская область) с 20 по 24 июля совершила несколько налетов на воинские части противника, в результате которых уничтожено: 2 грузовые машины с солдатами, одна легковая машина с офицерами и 7 мотоциклов. Убито 44 солдата и 4 офицера.

Партизанские отряды и диверсионно-разведывательные группы, действуя в тылу противника и дезорганизуя его небольшие отряды, отдельные коммуникации, ведя подрывную работу по уничтожению оборонных объектов, а также военных запасов и продовольствия, наряду с этим оказывают известную помощь частям Красной Армии в получении разведывательных данных.

Учитывая, что опыт действий партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу противника дает большие результаты, НКВД СССР считает, что наряду с работой, проводимой в этом направлении фронтовым командованием Красной Армии и органами Разведупра,

органам НКВД следует и в дальнейшем вести работу по организации партизанских отрядов и диверсионных групп.

Прошу Ваших указаний.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

Л. БЕРИЯ

Пометки на документе: «Согласен. Ст.[алин]», «тт. Серов, Петров, Аполлонов, Судоплатов, отработайте и представьте свои предложения 10. VIII. 41 г. Л. Берия», «Созданы 4-е отделы по организации и руководству истр[ебительными] б[атальо]нами, партизанскими отрядами и диверсионными группами. 21.VIII.41. И. Серов».

Создание белорусских военных формирований на оккупированной немцами территории республики связано с именем Франтишека Кушеля. Ему было присвоено звание сначала майора, а затем подполковника германской армии. В конце войны он стал генералом войск СС. В декабре 1943 года Кушель возглавил Белорусскую краевую оборону. Одновременно являлся членом президиума Белорусской Центральной Рады. Батальоны Белорусской краевой обороны вместе с частями СС принимали непосредственное участие в карательных операциях против партизан и мирных жителей.

Кто же он такой, Франтишек Кушель? Одни считают его крупным деятелем белорусского национального возрождения 20-х и начала 40-х годов, другие – военным преступником, третьи – агентом НКВД. И, наверное, все будут правы. Потому что у этого человека было несколько жизней, в том числе и тайных.

Начнем с того, что Франтишек Викентьевич Кушель родился в 1895 году в деревне Першай Воложинского уезда Новогрудского воеводства (ныне Воложинский район Минской области) в семье крестьянина-белоруса. До 15 лет жил в родной деревне. Там он создал молодежный кружок, участники которого

поддерживали идею создания независимой, самостоятельной Белоруссии. Подростки читали и распространяли газету «Наша нива». Кружок действовал до 1913 года.

В 1915 году Кушеля призвали на военную службу. В том же году он поступил в Виленское военное училище, после окончания которого в чине прапорщика русской армии выехал для прохождения дальнейшей службы в запасной полк, располагавшийся в Астрахани. В 1916 году был направлен на Западный фронт. В сентябре 1917 года его демобилизовали, и он приехал к родителям, у которых жил до середины 1919 года.

В 1919 году за распространение белорусских листовок Кушель был арестован польской жандармерией и помещен в лидскую тюрьму. К этому времени он уже активно участвовал в движении за белорусское национальное возрождение, которое возглавляли А. Луцкевич, Е. Станкевич и другие известные деятели Белорусского комитета, с которыми Кушель познакомился в Вильно. В Минске он познакомился также с Б. Тарашкевичем, С. Рак-Михайловским, А. Смоlichem. Они снабжали его белорусской литературой, поручили создать в своей деревне белорусскую организацию.

Комендант лидской тюрьмы ротмистр Красуцкий предложил заключенному войти в состав Белорусской войсковой комиссии. В феврале 1940 года, отвечая на опросный лист НКВД, пленный офицер польской армии Кушель так напишет об этом: «Красуцкий заявил мне, что если бы я согласился сотрудничать в этом деле, то был бы освобожден. На предложение ротмистра Красуцкого сотрудничать в польской работе среди белорусов я согласился».

Из протокола допроса Ф. Кушеля от 23 мая 1940 года:

Вопрос. Что эта Белорусская войсковая комиссия собой представляла, для каких целей она была создана?

Ответ. Эта комиссия, по существу, являлась как бы штабом белорусских войск, которые этой комиссией должны быть сформированы.

Вопрос. Комиссия должна была заняться формированием белорусской армии?

Ответ. Да, это так.

Вопрос. Для какой цели создавалась белорусская армия?

Ответ. Для участия в борьбе против красных, советских войск.

Вопрос. Сформированные этой войсковой комиссией части участвовали в боях?

Ответ. Нет, не участвовали, да и частей-то, по существу, не было сформировано.

Таким образом, Кушель дал согласие участвовать в войсковой комиссии, был освобожден из тюрьмы и в звании поручика польской армии направлен в Вильно на должность заместителя председателя этой комиссии. В 1921 году комиссию расформировали, и Кушель стал кадровым офицером польской армии. В 1922 году он окончил военную школу в Варшаве и до 1939 служил на разных должностях в Польше.

22 сентября 1939 года под Львовом Кушель попал в плен. Его в числе многих сотен польских офицеров поместили в Старобельский лагерь. Но он избежал трагической участи тех, кто стал жертвами Катыни. Причина проста: его завербовали чекисты в качестве агента НКГБ для разработки антисоветски настроенных лиц среди польских военнопленных.

Судя по характеристике, работал он неплохо: «Как осведомитель зарекомендовал себя толковым, знающим нашу работу. Материалы давал информационного характера. В ходе допросов высказывал решимость к выполнению более ответственных наших поручений».

В мае 1940 года из Старобельского лагеря его перевели в Москву. Предполагалось изучить возможности положительно зарекомендовавшего себя в доносах на товарищессекретного осведомителя для использования по разработке белорусских националистов. Одновременно органы НКВД дали разрешение его жене, белорусской поэтессе Н. Арсеньевой, находившейся в Казахстане, возвратиться на родину.

Отец Натальи Арсеньевой был из того рода Арсеньевых, который по женской линии дал поэта М. Ю. Лермонтова. В 1921 году она окончила виленские белорусскую гимназию и курсы учителей белорусских народных школ, учительствовала в Вильно, поступила в Виленский университет. В 1922 году вышла замуж за Ф. Кушеля и выехала в Польшу. Осенью 1939 года с двумя сыновьями была арестована советскими властями и выслана в Казахстан. В мае 1941 года вернулась в Белоруссию. Во время войны жила в Минске, сотрудничала в оккупационной «Белорусской газете». В 1944 году эмигрировала в Германию, затем в США. Работала в эмигрантской газете «Белорус», на радио «Свобода», в нью-йоркском Белорусском институте литературы и искусства.

В декабре 1941 года Франтишек Кушель появился в захваченном немцами Минске в качестве начальника полицейской школы. Затем он - руководитель «войскового реферата при Централі БНС» (Белорусская народная самопомощь) с месячным окладом 150 рейхсмарок, а еще через некоторое время - начальник первых офицерских курсов Белорусского корпуса самообороны (БКС), военизированного формирования белорусских коллаборационистов. Его целью было помогать немецкой и местной полиции в борьбе против большевиков и саботажников.

Предполагалось создать корпус самообороны в составе трех дивизий: одна в направлении на Минск, Слуцк; вторая – на Барановичи, Слоним; третья – на Вилейку, Лиду, Глубокое. В каждом уезде разрешалось иметь единицу самообороны от роты до батальона. Руководство БКС уверяло немцев, что оно покончит с советской партизанщиной и станет зародышем белорусского войска. Всего было создано 20 батальонов и несколько менее крупных подразделений БКС.

В частях БКС была введена белорусская национальная символика, разрешенная оккупационными властями.

Из распоряжения генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе от 27 июля 1942 года:

«1. Я разрешаю в Генеральном Комиссариате Белоруссии при различных торжествах, или для опознания белорусской национальности, рядом с немецкими знаками различия вывешивать на домах и носить белорусские национальные знаки и эмблемы.

2. За национальные знаки и эмблемы белорусские на основании данного распоряжения признаются:

а) белорусская национальная «Погоня» согласно прилагаемому образцу;

б) белорусский национальный флаг также согласно прилагаемому образцу;

в) нарукавные нашивки для членов Бел. Народной Самопомощи.

Все эти знаки и эмблемы находятся под государственным покровительством».

Невероятно, но как раз в день 50-летия подписания этого распоряжения, 27 июля 1992 года Верховный Совет Белоруссии утвердил Днем независимости Республики Беларусь. Случайно или по неведению? Неизвестно. Однако вскоре, став президентом,

Александр Лукашенко настоял на переносе празднования Дня республики на 3 июля, традиционно отмечавшееся в Белоруссии как день освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Шум поднялся неслыханный – особенно в российских демократических изданиях.

Майор Кушель в 1944 году возглавил Главное командование Белорусской краевой обороны – войсковое формирование для борьбы против большевизма на оккупированной территории. Оно было создано в соответствии с личным разрешением Гитлера генеральному комиссару Белоруссии фон Готтбергу и президенту Белорусской Центральной Рады Р. Островскому на проведение мобилизации в Белоруссии. Призыву подлежало мужское население 1908-1924 годов рождения.

Всего было мобилизовано около 25 тысяч человек, из которых планировалось сформировать 48 батальонов – по 400-500 человек в каждом. К середине 1944 года в строю уже было 36 пехотных и 6 саперных батальонов. Главной их целью была борьба против партизан.

Поскольку Франтишек Кушель в годы Великой Отечественной войны стал крупной политической и военной фигурой в Белоруссии, органы НКГБ о нем не забывали. Сохранились директивы наркома госбезопасности Белоруссии Цанавы спецгруппам о необходимости вынудить Кушеля работать на НКГБ. Предусматривалась даже угроза раскрыть перед немцами его связь с НКВД в предвоенные годы.

Из донесения спецгруппы «Мстители» от 8 ноября 1943 года:

«Спецгруппе «Мстители» было поручено восстановить связь с Кушелем. С этой целью к нему была послана связная «Орлова». Зайдя 6 ноября в 7 часов утра в дом Ф. Кушеля и Н. Арсеньевой, застала их дома. В это время чета Кушелей не приняла связную и

попросила через горничную зайти к ним через 2 часа. Через 2 часа «Орлову» встретила та же горничная и предупредила, что она подслушала разговор Кушеля и Арсеньевой о том, что они договорились схватить связную и сдать ее СД».

Из шифртелеграммы спецгруппе «Мстители» от 1 мая 1944 года:

«В Кушель и Арсеньевой мы очень заинтересованы, поэтому примите все меры к захвату их живыми. Только при невозможности захвата живыми Кушель и Арсеньевой, когда все меры к этому будут исчерпаны, дайте указание физически их уничтожить».

Однако выполнить это указание чекисты не смогли. Кушель с женой бежали в Германию вместе с отступавшими немцами.

В октябре 1944 года военный отдел Белорусской Центральной Рады был реорганизован в Главное управление военных дел во главе с К. Езовитовым, который был произведен в генерал-майоры. Для подготовки офицерского и подофицерского состава тогда же был создан 1-й белорусский учебный кадровый батальон, укомплектованный преимущественно личным составом минской школы Белорусской краевой обороны, эвакуированной в Германию вместе с преподавателями.

К. Езовитов издал приказ о формировании «особой группы резерва» для создания белорусского войска. В состав группы зачислялись бежавшие в Германию полицейские, личный состав Белорусского корпуса самообороны, белорусских частей СС, СД, лесной стражи, спецгрупп по борьбе с партизанами – то есть из лиц, выступавших против советской власти и искавших спасения от возмездия на родине.

Рейхсфюрер СС Гиммлер поручил Ф. Кушелю сформировать и возглавить 1-ю белорусскую гренадерскую бригаду СС «Беларусь». В ее состав

вошли остатки белорусских подразделений, воевавших на стороне немцев. Тогда же была сформирована 30-я гренадерская дивизия СС «Беларусь № 1».

Бригада Ф. Кушеля была направлена в Италию против войск союзников, позже - во Францию, участвовала в боях против американской дивизии генерала Паттена. Вскоре она была разбита, а ее разрозненные подразделения сдались в плен американцам. Белорусов разместили в лагере в городе Регенсбурге.

Но удачливый эсэсовский генерал Кушель и здесь не пропал! Он был назначен американской администрацией начальником лагеря для интернированных в Регенсбурге, а затем возглавил лагерь для перемещенных лиц в городе Мишеньсдорфе.

Дальнейшая его судьба такова: Германия, Великобритания, США. В Америке он принимал участие в работе эмигрантской Белорусской Центральной Рады в качестве заместителя председателя уставной комиссии Управления военными делами БЦР (председатель К. Езовитов), командующим Белорусской краевой охраны и инспектором пехоты Белорусского войска. Последняя его должность - военный министр БЦР, занимая которую он и скончался на чужбине в 1968 году.

О Кушеле подробно рассказал в своей книге «Секрет бригады «Беларусь», изданной в 1982 году в Нью-Йорке, бывший федеральный прокурор бюро специальных расследований отдела криминалистики министерства юстиции США Д. Лофтус. Это бюро известно как подразделение по расследованию преступлений нацистов во время Второй мировой войны. «15 ноября 1941 г. белорусская полиция Фр. Кушеля, - говорится в книге, - одетая в черную униформу типа СС с бело-красно-белыми повязками, совершила облаву в минском гетто. К отчету,

подготовленному СС за эту неделю, прилагалась карта оккупированной немцами части Советского Союза с гробами, возле которых были проставлены цифры, свидетельствующие о количестве уничтоженных евреев. У гроба возле Минска стояла цифра 42 000».

В 1981 году П. К. Пономаренко закончил работу над рукописью большой книги «Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков в 1941-1944 гг.». Книга объемом более 40 печатных листов была сдана в набор, к концу года поступила первая корректура. Казалось, еще пару месяцев, и она выйдет из печати.

Выйти-то она вышла, но ограниченным тиражом и под грифом «Для служебного пользования». В открытую продажу не поступил ни один экземпляр. Дело в том, что известный руководитель партизанского движения на Украине дважды Герой Советского Союза А. Ф. Федоров и бывший заместитель по диверсиям начальника Украинского штаба партизанского движения полковник И. Г. Старинов направили письмо в ЦК КПСС: а не явится ли это произведение пособием для диверсантов и террористов в их борьбе против Советского государства? И вообще, автор увлекся описанием диверсионных и террористических акций, осуществить которые было под силу только профессионалам-энкавэдэшникам. Не возникнет ли у читателей мнение, что подготовленные на Лубянке минеры и были главными фигурами партизанской войны? А как же тогда быть с устоявшимся в массовом сознании утверждением о всенародном характере отпора врагу?

Любопытно, что в беседе с историком Г. А. Куманевым П. К. Пономаренко рассказывал потрясающую историю своего назначения на должность начальника Центрального штаба партизанского

движения. Эта история ну никак не стыкуется с его книгой. Решил на старости лет поведать всю правду?

На заседании Государственного Комитета Оборона, состоявшемся 30 мая 1942 года, докладчиком по данному вопросу был Лаврентий Берия. Вместе с Никитой Хрущевым он подготовил предложения по основным задачам и направлениям деятельности Центрального штаба партизанского движения, который должен функционировать при Ставке Верховного Главнокомандования, но под руководством НКВД.

Следует отметить, что Сталин еще в декабре 1941 года вызывал Пономаренко для беседы по вопросам развития и руководства партизанским движением. О централизованном руководстве партизанскими отрядами вопрос ставили ЦК и обкомы партий оккупированных республик и областей. Сталин попросил Пономаренко ознакомиться в соседней комнате с предложениями, подготовленными генерал-полковником Е. А. Щаденко, занимавшим тогда должность заместителя наркома обороны, начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии.

Предложения Щаденко были воплощены в форме проектов приказа наркома обороны и постановления ГКО «О создании партизанских армий». Пономаренко прочел их и категорически отверг.

- Щаденко предлагает не организацию народного партизанского движения на захваченных противником территориях, - сказал он Сталину, - а формирование армий, которые, по его мнению, следует ввести для партизанских действий. Нужно ли их вводить? Это значит перекачивать из наших резервов в тыл врага столь нужные стране силы. Может, лучше поднять на вооруженную борьбу против оккупантов миллионы граждан, оказавшихся в тылу у немцев?

И вот заседание ГКО.

Берия доложил о персональном составе нового органа во главе с наркомом внутренних дел Украины В. Т. Сергиенко, о котором сказал, что он очень хорошо проявил себя в должности наркома на Украине.

- А вам не жаль отдавать в Центр такие хорошие украинские кадры? - спросил Сталин, обращаясь к Хрущеву и Берии. Не дожидаясь их ответа, резко сказал: - У вас узковедомственный подход к этой чрезвычайно важной проблеме. Партизанское движение, партизанская борьба - это народное движение, народная борьба. И руководить этим движением, этой борьбой должна и будет партия. Сейчас то, что требуется, мы и исправим. И начальником Центрального штаба партизанского движения будет член ЦК ВКП(б).

С этими словами Сталин взял синий карандаш, обвел стоявшую последней в представленном списке фамилию Пономаренко и стрелочкой поставил ее на первое место.

В Белоруссии был создан свой республиканский штаб партизанского движения, действовавший под руководством Центрального штаба. Постановление о Белорусском штабе принял Государственный Комитет Обороны 9 сентября 1942 года. Штаб был сформирован 2 октября того же года в полосе действий 4-й ударной армии Калининского фронта и сначала располагался в деревнях Шейно и Тимохино Торопецкого района Калининской (ныне Тверской) области. Однако уже через месяц он оказался в безопасной Москве, где и пробыл благополучно до 1944 года.

В 1996 году вышли «Записки нежелательного свидетеля» генерала НКГБ П. А. Судоплатова, и потрясенные читатели узнали о том, кем и где организовывалась партизанская война в Белоруссии. Павлом Анатольевичем Судоплатовым на Лубянке! Ни в одной послевоенной публикации его имя не

упоминалось, хотя на всех документах стояла его подпись. Генерал отсиживал свои 15 лет как осужденный преступник. Реабилитировали его в 1992 году.

Судоплатов возглавлял Четвертое разведывательно-диверсионное управление НКВД – НКГБ, занимавшееся организацией партизанской войны, созданием агентурной сети на территориях, находившихся под немецкой оккупацией. Предшественником управления была Особая группа при наркомате внутренних дел, созданная уже 6 июля 1941 года. Начальником группы был назначен Судоплатов, его заместителем – известный ас диверсионной войны Наум Эйтингон, успевший отличиться в Мексике, где под его руководством была осуществлена дерзкая операция по уничтожению Льва Троцкого. Побывал Эйтингон и на войне в Испании. Начальниками ведущих направлений по борьбе с немецкими вооруженными силами, вторгшимися в Прибалтику, Белоруссию и на Украину, стали Серебрянский, Маклярский (автор сценария знаменитого кинофильма «Подвиг разведчика»), Дроздов, Гудимович, Орлов, Киселев, Лебедев, Тимашков, Мордвинов.

Вам говорят о чем-либо эти имена? То-то. Гремели совсем другие.

А тем временем Лубянка создавала войсковое соединение Особой группы – отдельную мотострелковую бригаду особого назначения НКВД СССР, которой командовали в разное время Гриднев и Орлов. Бригада формировалась в первые дни войны на стадионе «Динамо» в Москве. В ее составе было более 25 тысяч солдат и командиров – лучшие советские спортсмены, чемпионы и рекордсмены. Они стали основой диверсионных формирований, забрасывавшихся в немецкий тыл.

То есть именно диверсионные группы, засылаемые из Москвы, устраивали засады и подрывы на шоссейных и грунтовых дорогах. Немцы, естественно, срывали свою злость на жителях близлежащих сел. Активисты партии и комсомола, боясь за свою жизнь, уходили в лес. Так начиналось партизанское движение.

После войны, и особенно в семидесятых годах, количество его участников росло с неопишуемой быстротой. Всякими правдами и неправдами записывались то в связные, то в мифические патриотические группы, созданные на глухих хуторах возле жарких боков молодых хозяек разбежавшимися после первых же стычек с противником горе-воями. Стимул был, и не маленький: участникам партизанской борьбы полагались значительные льготы и привилегии.

Москва пекла постановления о льготах к каждой юбилейной дате, не подозревая, что сеет смуту среди населения, разделяя его на два лагеря. В одном – вдовы и дети погибших, дома которых отмечались звездочками. В другом – выжившие связные и отъездившие на хуторских харчах дебелистые мужики, подъезжавшие к своим хоромам, наполненным коврами и хрусталем, на автомобилях, приобретенных по ветеранской льготе. Ладно бы к своим, а то ведь потом и к сыновним, и к внучьим.

Белорусский писатель Алесь Адамович, автор романов «Война под крышами», «Партизаны принимают бой» и другими, сам в детстве ушедший в партизаны, рассказывал мне в 1990 году:

– В 1944 году на Витебщину были собраны «для стратегического взаимодействия с фронтом» отряды и бригады почти со всей Белоруссии – десятки тысяч партизан. Разгромили, разогнали на значительной территории все немецкие и полицейские гарнизоны – оккупанты сначала были в панике. Тем более что ожидали, конечно, наступления тут Советской Армии.

Но наступления не последовало. То ли у советского командования планы поменялись, то ли сама идея – собрать в одно место партизан – была всего лишь «военной хитростью»: пусть немцы поволнуются. Начальник Центрального штаба партизанского движения Пономаренко в своих воспоминаниях, хотя и описывает эту операцию, никак не объясняет: почему партизан вовремя не оповестили, когда они сами оказались в «мешке», что общая согласованная операция отменяется? И тогда партизаны решили прорываться. На Витебщине стоит памятник «Прорыв» – вот здесь летней ночью 1944 года 800 автоматчиков, а следом отряды и население бросились вперед. Прямо на затаившиеся немецкие танки. И полегли – тысячи. «Слава нашим партизанам и партизанкам!» Но лучше, спокойнее, надежнее, если героически погибшим!

– Алесь Михайлович, вы это серьезно? – спросил я.

– Серьезно. Думаете, у Сталина не возникало подозрение, что бывшие партизаны и подпольщики – потенциальные террористы, а потому надо с ними со всеми заново разобраться? Мы, конечно, очень удивились бы, если бы с нами, партизанами, поступили, как прежде с нашими противниками – полицаями и власовцами. Как можно нас, проверенных самой войной?! Как будто не были проверены революцией и Гражданской войной те, кто был истреблен в тридцатые годы. За это самое и истребили: проверен – значит, самоуверен, а такие не нужны. Замаранные и запуганные, на все готовые – куда лучше.

И в завершение этой главы – правда о Хатыни. Ее сожгли не немцы.

Кто там бывал, помнит три красивые березки у Вечного огня. А вместо четвертой – лунка, березки нет... Этот символ у многих вызывает слезы – каждый

четвертый житель Белоруссии погиб в годы минувшей войны.

Долгое время этот трагический символ, воплотивший в себе скорбь и боль о десятках сожженных деревень, надежно оберегался от всего, что мешало бы именно такому его восприятию. Но прошло время, и факты уже нельзя замалчивать.

12 декабря 1986 года в Минске в здании военного трибунала Белорусского военного округа начался закрытый судебный процесс над Григорием Васюрой, бывшим начальником штаба 118-го полицейского батальона, сформированного в Киеве из военнопленных украинцев. Председательствовал на процессе, продолжавшемся несколько недель, подполковник юстиции В. Глазков.

Из показаний Г. Васюры в судебном заседании:

«До войны я окончил семь классов и сельхозтехникум. Служил срочную службу – добровольно пошел, чтобы поступить в военное училище. Это было в тридцать четвертом. В тридцать седьмом окончил Киевское училище связи. К началу войны за плечами было семь лет военного стажа. Был командиром радиовзвода, потом комвзвода связи, дослужился до начальника связи укрепрайона. Вступил кандидатом в члены партии.

В плен попал 29 июня 1941 года. За два дня до этого уничтожил партийную книжку и удостоверение офицера. С полмесяца пробыл в одном лагере для военнопленных, потом перевезли в другой – на территории Германии. Осенью сорок первого нас отсортировали. Мне предложили пойти в школу пропагандистов-восточников. Кормили здесь досыта, подлечивали. К осени сорок второго нас, «восточников», привезли в Киев.

Здесь чувствовал себя свободно. Меня обмундировали, дали советскую винтовку. В кабинете какого-то начальника подписал присягу. Знал ли я, для чего формируется батальон? Дураку было не понятно, для чего.

По анкете немцы знали, что я был офицером, поэтому назначили командиром взвода. В Плещеницах (районный центр Минской области. - *Н. З.*) стал адъютантом, начальником штаба батальона. Получил жалованье - 30 марок, продуктовый паек. Мне был установлен отпуск - 24 рабочих дня, для рядовых - 18. У немцев отпуска были по графику: кто хотел, мог ехать на родину, к семье. В первый отпуск я поехал в апреле сорок третьего.

Обязанности свои исполнял исправно, меня не наказывали. Немцы давали команды, а мы выполняли. Кернер (немецкий майор, шеф и дублер командира батальона Константина Смовского. - *Н. З.*), как правило, вызывал командный состав, ставил задачу. У него была распорядительная власть. Мы дублировали приказы.

Во время операций охватывал страх перед партизанами. Понимал, что могу поплатиться. Из оружия у меня был небольшой пистолет, можно сказать, дамский. Автоматы были у командиров рот. Помню, с мая и до середины лета были две крупные операции против партизан, я лишь помогал немцам в их проведении и руководстве. Если бы была такая мерка, сколько советского во мне, вы бы поверили мне. Их шинель позорно было носить. Детям потом говорил, что был в плену...»

Из обвинительного заключения:

22 марта 1943 года Васюра, Смовский вместе с майором Кернером и другими офицерами, действуя во главе 118-го полицейского батальона, вместе с другими карательными формированиями в целях преследования партизан ворвались в Хатынь, где обвиняемый Г.

Васюра принял участие в организации и осуществлении жестокой расправы над жителями деревни, во время которой 149 жителей, в том числе 43 женщины и 79 детей, были согнаны в сарай, расстреляны и сожжены в нем, деревня полностью уничтожена, а имущество разграблено. Васюра лично стрелял по сараю.

В апреле, спустя две недели после гибели Хатыни, Васюра за преданную службу и усердие перед оккупантами получил отпуск, а затем и немецкую медаль. Награды Васюра удостоился одним из первых в батальоне.

Из показаний на суде бывшего рядового 118-го полицейского батальона Г. Спивака:

«Я был в лагере военнопленных в Киеве. Осенью, уже холодно было, нас начали набирать на работу. Потом приехали националисты, где-то уже обученные, стали организовывать охранный батальон. Мне дали винтовку, то ли латвийскую, то ли эстонскую, одели в зеленую немецкую форму. Попал в 118-й батальон, где начальником штаба стал Васюра. Командиром взвода у меня был Пасечник, ротным – Винницкий, бывший офицер. В строю принимали присягу служить немцам. В Белоруссию, мы знали, нас направили для борьбы с партизанами. Выезжали на облавы, на разные операции.

Что знаю о Хатыни? Утром мы поехали по какому-то заданию, миновали Горбатый мост – и тут нас обстреляли из засады. Убиты были гауптман Вельке и еще несколько наших. Мы постреляли в ответ, но партизаны ушли. Тогда забрали лесорубов. Вели по направлению к Плещеницам. Встретили роты, поднятые по тревоге. Произошла заминка, люди стали разбегаться. Они бежали, а мы стреляли. Сколько убили, не могу сказать. Палили, не целясь.

После лесорубов пошли по следам партизан. Вместе с немцами из Логойска и еще откуда-то оцепили Хатынь. Я тоже шел в цепи, выгонял людей из домов. Васюра вместе с начальством отдавал приказания. Когда всех жителей закрыли в сарай, немцы скомандовали поджигать. Чтобы никто не выскочил, поставили пулемет, оцепили сарай. По тем, кто выскакивал, открыли огонь из всех видов оружия. Все стреляли, и я стрелял. Это забыть нельзя. Меня всего трясло. Нашу роту сразу же вывели из деревни.

Подтверждаю, что три раза участвовал в массовых расстрелах и дважды был очевидцем. Вообще первая рота у нас была самая жестокая и преданная немцам. Большинство, если не все, составляли в ней националисты из Западной Украины. Особенно ударным был взвод Мелешко.

Васюру в батальоне побаивались, преданный он был, носил крученые погоны. Однажды послал меня добыть продукты и самогон. Обычно он приказывал старосте, тот – людям, а те несли нам. Горилку мы сами выпили, а сало не принесли. Васюра здоровый был, резанул меня пряжкой по голове, а потом заставил кровь с пола слизывать.

В Польше, когда уже тикали на запад, хотел ему отдючить, да не успел. Оттуда нас через Германию отправили во Францию – там тоже были партизаны...»

В 1952 году Г. Васюру арестовали советские чекисты. Но тогда ему удалось многое скрыть из своего карательного прошлого. Военный трибунал Киевского военного округа приговорил его к 25 годам лишения свободы с конфискацией имущества и лишением офицерского звания за измену Родине. Однако в 1955 году он попал под амнистию и был освобожден. И только через тридцать лет пробил час возмездия: суд приговорил его к высшей мере наказания – расстрелу.

По делу Г. Васюры проходили 54 свидетеля - в основном сослуживцы по карательному батальону. Одних привозили в спецавтомобилях под охраной, другие приезжали по повесткам из разных мест страны.

Для сведения: случайных людей в 118-м полицейском батальоне не было. Это была зондеркоманда, укомплектованная бывшими командирами и бойцами Красной Армии, которые добровольно согласились служить в карательном формировании. Они прошли специальную подготовку в различных школах на территории Германии. Старший лейтенант Красной Армии Г. Васюра превратился в гауптмана СС.

Глава 10

КАК В МОСКВЕ «ПЕКЛИ» И КУДА ПОТОМ

«УПЕКАЛИ» РУКОВОДИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССИИ

И. Я. Алибегов (О. А. Алибегянц), председатель Минского комитета РСДРП(б) в сентябре - ноябре 1917 г. Настоящая фамилия революционера Ивана Яковлевича Алибегова – Алибегянц Оганез Акопович. Он родился в Кутаиси. Армянин. Учился в Московском университете, но был исключен, дважды – в 1911 и в 1914 годах арестовывался.

В 1915 году партия прислала его в Минск – для создания большевистских организаций в войсках Западного фронта. После Февральской революции 1917 года Алибегов стал членом исполкома Минского Совета и бюро его большевистской фракции.

На I и II Северо-Западных областных конференциях армянского революционера избирали заместителем председателя областного комитета партии. С ноября 1917 года он секретарь президиума областного исполкома комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта, комиссар труда Западной области. На I съезде КП(б)Б в 1918 году был избран членом ЦК, являлся членом ЦИК БССР в 1919 году.

В том же 1919 году его отозвали в Москву. Больших должностей он не занимал: работал в Наркомате путей сообщения, учился в Институте красной профессуры, потом заведовал кафедрой в Московском институте истории, философии и литературы. Тем не менее его именем названа улица в Минске.

А. Ф. Мясников (Мясникян), председатель Центрального Бюро КП(б) Белоруссии, представитель ЦК РКП(б) в правительстве

Советской Белоруссии, нарком по военным делам республики в 1919 г. Один из руководителей событий Октябрьской революции на Западном фронте, борьбы за Советскую власть в Белоруссии. Возглавлял исполком Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области. Выступал против идеи белорусской государственности. Интересен национальный состав руководства возглавляемого им исполкома: К. И. Ландер, В. Г. Кнорин, И. Я. Алибегов и другие, но ни одного белоруса! Предложения Белнацкома и Белорусских секций РКП(б) в Москве о национально-государственном самоопределении Белоруссии руководители Западной области воспринимали как проявления сепаратизма и национализма. Впрочем, они строго придерживались директив ЦК РКП(б) и Советского правительства в Москве, которые требовали проведения строго классовой политики. Вместе с тем на оккупированной кайзеровскими войсками территории Белоруссии представители РКП(б) пользовались национальными лозунгами. А вот на советской – избегали. На территории Западной области не издавалось ни одной газеты на белорусском языке.

Административная комиссия при ВЦИК РСФСР вообще предлагала на территории бывшей царской России ликвидировать всякое национальное деление и образовать в дополнение к Московской еще три области (коммуны): Западную, Северную и Уральскую. Среди части партийных и советских работников бытовало мнение, что принципом национального самоопределения можно пользоваться лишь в тактических целях, а не для строительства социалистического государства.

Установив советскую власть в Белоруссии, Мясников (Мясникян) в 1921 году уехал делать то же самое в родной Армении. Был там председателем ревкома, Совнаркома республики. С 1922 года возглавлял

Союзный Совет Закавказской Федерации, затем был первым секретарем Заккрайкома РКП(б). Погиб в 1925 году в авиационной катастрофе.

Д. Ф. Жилунович (литературный псевдоним Тишка Гартный), председатель образованного в Смоленске первого Временного рабоче-крестьянского правительства БССР в январе - феврале 1919 года. Родился в Белоруссии в крестьянской семье. Окончил двухклассное училище. Работал в кожевенной мастерской. В 1913 году приехал в Петербург и устроился на завод «Вулкан». Газета «Правда» поместила ряд его стихов и очерк о кожевниках. После Октябрьской революции - секретарь Белорусского национального комиссариата при правительстве РСФСР, редактор газеты «Денница». Его кандидатуру на пост председателя правительства Белоруссии высмотрел лично И. В. Сталин, возглавлявший тогда Наркомат по делам национальностей.

Он и был «крестным отцом» БССР. В архивах сохранились документы, написанные им. Ну, например, вот этот.

«1. Правительство Белорусской республики состоит из председателя и 15 членов правительства.

2. Для текущих дел существует президиум из трех лиц: председателя правительства и двух членов из его состава.

3. В состав Республики входят губернии: Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская и Смоленская (последняя спорно; на усмотрение местных товарищей).

4. ОК партии Сев.-Зап. области превращается в Центральное Бюро КП (большевиков) Белорусской республики.

Сталин

29. XII. 1918 г.».

Или вот этот. Телеграмма Мясникову и Калмановичу в Смоленск:

«Сегодня выезжают в Смоленск белорусы. Везут с собой Манифест. Просьба ЦК партии и Ленина принять их, как младших братьев, возможно еще неопытных, но готовых отдать свою жизнь партийной советской работе. Представление правительства должно состояться в Минске. Сталин».

Самое пикантное в том, что Д. Жилунович, намеченный вечером 25 декабря 1918 года председателем первого белорусского правительства на экстренном заседании коллегии Белнацкома в Москве, приехал вместе с двенадцатью человеками в Смоленск лишь 31 декабря, и на конференцию, провозгласившую себя I съездом КП(б)Б, опоздал! Но это не имело значения: Москва не любила, чтобы ей перечили.

Сохранились свидетельства одного из этих двенадцати белорусов – Язепа Дыло, члена первого белорусского правительства. Когда Жилунович начал зачитывать привезенный из Москвы Манифест об образовании Советской Социалистической Республики Белоруссии, а он был написан на белорусском языке, председатель Центрального Бюро КП(б)Б Мясников то и дело прерывал главу белорусского правительства, спрашивая, что обозначают те или иные белорусские слова.

При формировании правительства Жилунович попытался было показать характер, но Сталин быстро поставил его на место.

Из записки И. В. Сталина в Смоленск Жилуновичу (копия Мясникову): «Предложение Жилуновича о невключении 3 членов нахожу дезорганизаторской и в корне противоречащей решениям партии. Никаких

особых решений группы Жилуновича не может быть. Сталин».

Из его же телеграммы Мясникову, Калмановичу, Жилуновичу, Белорусскому правительству и Центральному Бюро КП Белоруссии: «Ведите себя тихо и не деритесь, а то будет плохо. Сталин».

В должности главы правительства Жилунович пробыл месяц и два дня. 3 февраля 1919 года БССР была объединена с Литвой. Восточные области БССР перешли к РСФСР, а остальные вошли в новое государственное образование – Литовско-Белорусскую республику (Литбел) со столицей в Вильно.

Во главе Литбела Москва поставила литовца В. Мицкявичуса-Капсукаса. Среди руководства Литбела не было ни одного белоруса. В республике, в названии которой фигурировала титульная нация, ее родной язык не допускался ни в печати, ни в государственном делопроизводстве. В Литбеле не издавалось ни одной газеты на белорусском языке. Впрочем, такая же картина была и в БССР, когда ею руководил Д. Ф. Жилунович.

После роспуска Москвой правительства БССР Жилуновича в марте 1919 года послали в Харьков, где он был редактором – выпускающим и секретарем газеты «Красная звезда». Через три месяца его назначили политработником в штаб 14-й армии.

После возвращения в Белоруссию работал редактором газеты «Савецкая Беларусь», директором Госиздата БССР и Госархива БССР, заместителем народного комиссара просвещения БССР. В 1928 году его избрали академиком АН БССР. Последние годы работал в Институте истории и возглавлял издательство АН БССР.

Покончил с собой в психбольнице в 1937 году.

Обвинялся в принадлежности к верхушке «Национал-фашистской организации», в которую кроме

него входили секретарь ЦИК БССР Н. А. Левков, нарком просвещения А. И. Дьяков, председатель ЦИК А. Г. Червяков и первый секретарь ЦК КПБ В. Ф. Шарангович. Главной задачей заговорщиков была «реставрация капитализма в СССР». Выступали «против индустриализации страны и за сохранение кулака как основной опоры в деревне». Действовали «по непосредственным заданиям 2-го отдела Польглавштаба», «проводили активную диверсионно-вредительскую работу в промышленности, сельском хозяйстве, системе народного образования и в области культуры».

В хрущевскую и горбачевскую эпохи признавалось, что обвинения основывались исключительно на показаниях свидетелей и признаниях арестованных, полученных после жестоких пыток.

В. С. Мицкявичус-Капсукас, председатель Совнаркома Литовско-Белорусской ССР в 1919-1920 гг. Литовец. Один из руководителей Компартии Литвы, публицист. Член Социал-демократии Литвы с 1903 года, участник революции 1905-1907 годов в Литве. В октябре 1917 года – на революционных баррикадах Петрограда.

В 1918-1919 годах возглавлял советское правительство Литвы. В 1923 году был переведен в Коминтерн, с 1928 года – член исполкома Коминтерна. Автор автобиографических записок «В царских тюрьмах» (1929 г.). Умер в 1935 году.

А. Г. Червяков, председатель ЦИК БССР в 1920-1937 гг., одновременно (1920-1924) председатель Совнаркома БССР. Белорус, учитель. Член Временного революционного рабоче-крестьянского правительства БССР, которое было создано в декабре 1918 года в Смоленске. Его кандидатуру на пост главы белорусского правительства предложил И. В. Сталин, тогдашний нарком по делам национальностей РСФСР, знавший его по совместной работе в Петербурге, а

потом в Москве, где Червяков возглавлял Белорусский национальный комиссариат при Наркомнаце РСФСР.

Белнацком занимался вопросами белорусских беженцев, которых было около трех миллионов человек. С началом Первой мировой войны они оставили свои жилища и осели в разных российских городах. Сталин остановил свой выбор на Червякове по той причине, что из числа белорусов видных большевиков-революционеров в ту пору не было.

Это парадоксально, но факт: в отличие от евреев, армян, грузин, латышей, из среды которых вышло огромное количество революционеров с подпольным стажем, белорусы никого, кроме кабинетного П. К. Лепешинского, близкого к Ленину, но потом отошедшего от него, не дали. На это были свои причины. Главная из них, наверное, все же в том, что большевистское мировоззрение было чуждо менталитету покладистой белорусской нации.

Червяков не имел своей позиции и послушно выполнял волю Москвы. Именно такой человек и был нужен центру.

Покончил с собой в 1937 году.

И. А. Адамович, председатель Совнаркома БССР в 1924-1927 гг. Белорус. Родился в Белоруссии. С девяти лет работал на фабриках. С 17 лет в армии. Участник Первой мировой войны, награжден тремя Георгиевскими крестами.

С сентября 1920 года нарком по военным делам БССР, одновременно с 1921 года нарком внутренних дел и заместитель председателя ЦИК и СНК Белоруссии.

В 1927 году отозван с должности председателя Совнаркома БССР в Москву и назначен председателем треста «Сахароцентр» СССР. В 1932 году направлен на Дальний Восток, где работал начальником Камчатского акционерного общества, руководителем сахарных и рыбоконсервных предприятий.

В 1937 году покончил жизнь самоубийством.

А. И. Криницкий, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии в 1924-1925 гг. Русский. Родился в г. Твери в семье чиновника. В Белоруссию приехал из Донецка, где возглавлял обком партии. До этого был первым секретарем Омского обкома, секретарем одного из райкомов партии г. Москвы, заведующим отделом МК партии, секретарем Саратовского и Владимирского губкомов.

Из Белоруссии был отозван в Москву, где получил должность заведующего Отделом ЦК ВКП(б). После двухлетнего в ней пребывания был избран секретарем Закавказского крайкома партии. В 1930-1932 годах работал заместителем наркома РКИ СССР. В 1933-1934 годах заместитель заведующего Отделом ЦК ВКП(б), начальник Политуправления Наркомата земледелия СССР, заместитель наркома. Потом до 1937 года возглавлял Саратовский крайком (обком) и горком партии. Ну а потом – арест и расстрел.

Н. М. Голодед, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии в 1925-1927 гг. Белорус. Родился в Белоруссии в крестьянской семье. В большевистскую партию вступил в 1918 году. В 1927-1937 годах был председателем Совнаркома БССР. В 1937 году не согласился с московской комиссией, возглавляемой Г. М. Маленковым, об итогах проверки партийных документов в республике, когда людей тысячами исключали из ВКП(б). В том же году был арестован и выброшен (выбросился) во время допроса из окна пятого этажа здания НКВД.

В. Г. Кнорин (Кнориньш), первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии в 1927-1928 гг. Латыш. В октябрьские дни 1917 года – член Минского Военно-революционного комитета. В 1918-1922 годах на руководящей партийной и советской работе в Смоленске (секретарь Северо-Западного обкома партии

в декабре 1918 года, когда проводилась VI партийная конференция, объявившая себя I съездом Компартии Белоруссии), в Минске (секретарь Центрального Бюро ЦК Компартии Белоруссии в январе - феврале 1919 года) и в Вильно. Выступал против идеи белорусской государственности.

С 1922 по 1925 год работал в ЦК ВКП(б).

Из Минска был переведен в исполком Коминтерна. С 1932 года - директор Историко-партийного института красной профессуры. В 1932-1934 годах - член редколлегии газеты «Правда». С 1935 года снова в аппарате ЦК ВКП(б), был заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации. Доктор исторических наук. Репрессирован в 1938 году.

Я. Б. Гамарник, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии с конца 1928 г. по ноябрь 1929 г. Родился в г. Житомире в семье служащего. До назначения в Минск работал председателем Одесского, Киевского губкомов партии, председателем Приморского губисполкома, Дальневосточного крайисполкома, секретарем Далькрайкома ВКП(б).

Из Белоруссии был отозван в Москву, где возглавил Политуправление РККА. Одновременно редактировал газету «Красная звезда». С июня 1930 г. первый заместитель наркома по военным и морским делам, заместитель председателя Реввоенсовета. Первый заместитель наркома обороны СССР.

В марте 1937 года снят с занимаемых постов и назначен уполномоченным Наркомата обороны при Совнарком РСФСР по вопросам оборонной работы, в мае - членом Военного совета Среднеазиатского военного округа.

31 мая 1937 года в ожидании неизбежного ареста покончил жизнь самоубийством.

По некоторым сведениям, пытался защищать белорусские кадры и интеллигенцию от репрессий. Но

именно при нем в апреле 1929 года был смещен популярный в народе нарком земледелия Змитрок Прищепов. Он и 29 других «правых оппортунистов» были исключены из партии.

К. В. Гей, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии в 1930-1932 гг. Один из руководителей установления Советской власти в Пскове. Член партии большевиков с 1916 года. В 1924 году был секретарем Пермского окружкома РКП(б), в 1925-1926 годах – заведующим Организационно-распределительным отделом ЦК ВКП(б) и одновременно заведующим Орготделом Профинтерна. В 1926 году возглавил Уральский обком партии. Оттуда был переведен в Минск. В 1932 году его отозвали из Белоруссии в Москву, где до 1934 года был секретарем МК ВКП(б). В 1934-1938 годах работал уполномоченным Комитета советского контроля по Узбекской ССР, Средней Азии, Горьковскому краю. Репрессирован, погиб в 1939 году.

В Белоруссии Константин Вениаминович проводил коллективизацию драконовскими методами. Тех, кто не желал вступать в колхозы, лишали земли, арестовывали, штрафовали, ссылали в Сибирь. Погоня за благополучными показателями для бодрых рапортов в Москву была жуткая. Республика представлялась посланцам центра карьеристской площадкой.

При К. В. Гее ГПУ сфальсифицировало дело о контрреволюционной организации «Союз освобождения Белоруссии», по которому были репрессированы видные государственные деятели, ученые и писатели БССР.

Н. Ф. Гикало, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии в 1932-1937 гг. Родился на Северном Кавказе. В партию вступил в 1917 году. С 1925 года секретарствовал в Северо-Кавказском крайкоме ВКП(б), в ЦК компартий Узбекистана и Азербайджана, в МК и МГК ВКП(б). В Белоруссию приехал из Москвы. В 1937 году уехал в Харьков, где возглавлял обком партии.

За время руководства Белоруссией, выслуживаясь перед приславшей его Москвой, выжимал последние соки из республики. В 1933 году – на следующий год после приезда в Минск, доложил о перевыполнении плана сдачи государству зерна в два раза. Какой ценой это было достигнуто? Хлеб в колхозах забирался подчистую. Председатели, которые заботились о развитии своих хозяйств, объявлялись саботажниками и подвергались репрессиям.

Арестован в 1938 году по обвинению в руководстве «троцкистско-террористической организацией» в Белоруссии, враждебную деятельность которой изобличили органы внутренних дел. Кроме Гикало (ему вменялось также руководство «организацией правых») в «головку» подпольной «троцкистско-террористической организации» входили заведующие отделами парторганов и культпропотделом ЦК КП(б)Б Р. М. Рубинштейн и Л. А. Готфрид.

Высокопоставленная тройца действовала с 1933 года «по непосредственным заданиям английской разведки». В состав организации входили работники руководящих звеньев партийного, советского и хозяйственного аппаратов и учебных учреждений, горкомов, райкомов и ЦК КП(б)Б, райисполкомов, промышленных наркоматов, Наркомфина, Белорусской Академии наук, Союза писателей БССР, ЛКСМБ. Основная задача – «дезорганизация хозяйства страны с целью дискредитации руководства партии», а также подготовка терактов против К. Е. Ворошилова и М. И. Калинина. Гикало и его единомышленники вели «активную диверсионно-вредительскую работу в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте и в Красной Армии».

Расстрелян в 1938 году.

В. Ф. Шарангович, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии в 1937-1938 гг. Первый

белорус в этой должности. Пробыл в ней всего четыре месяца. До него сменилось десять первых секретарей ЦК республики и все были расстреляны. Арестован органами НКВД за участие в руководстве контрреволюционной «организации правых». Аналогичные обвинения были предъявлены председателям Совнаркома БССР Н. М. Голодеду и Д. И. Волковичу, секретарю Совета Национальностей ЦИК СССР А. И. Хацкевичу, первому секретарю ЦК КПБ Н. Ф. Гикало, председателю ЦИК БССР А. Г. Червякову.

«Организация правых», по мнению НКВД, работала по заданиям Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова. Основная задача - свержение советской власти. Готовили в Москве теракт против И. В. Сталина, «проводили подрывную работу в партийном и советском аппарате, сельском хозяйстве, финансовой системе, промышленности и профсоюзах».

Расстрелян в 1938 году.

П. К. Пономаренко, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии в 1938-1947 гг., одновременно в 1944-1948 гг. председатель Совнаркома (Совета Министров) БССР. Украинец. Родился в крестьянской семье в Краснодарском крае. По популярности среди белорусов уступает разве что П. М. Машерову. В 1938 году спас от ареста народных поэтов Белоруссии Янку Купалу и Якуба Коласа, выступив их защитником у самого Сталина. Вместо ареста тот распорядился наградить их орденами Ленина.

Пантелеймон Кондратьевич в начале 1938 года был зачислен инструктором ЦК ВКП(б). До этого служил в армии, окончил в Москве институт инженеров транспорта, работал инженером в промышленности. Через пару месяцев его назначили заместителем заведующего отделом ЦК ВКП(б). А еще через два месяца его вызвал к себе секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев.

- Собирайтесь, поедете со мной в Белоруссию. Отъезд 17 июня вечерним поездом.

Как потом рассказывал Пономаренко историку Г. А. Куманеву, поездки работников ЦК вместе с партийными руководителями были обычным делом. Ему и в голову не приходило, что он останется работать в Белоруссии почти на десять лет.

В воскресенье, 18 июня они приехали в Минск. Их встретил первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии А. Волков. Оказалось, что съезд Компартии Белоруссии, куда они направлялись, уже закончил свою работу и избрал новый состав ЦК и Ревизионной комиссии. Но объявление результатов голосования было отложено до вечернего заседания съезда.

Вечером в зале заседаний Верховного Совета БССР состоялось заключительное заседание съезда, на котором выступил А. А. Андреев.

- Центральный Комитет партии считает, - сказал он, - что товарищ Волков не справляется со своими обязанностями. Товарищ Волков человек честный, ему не предъявляется никаких обвинений, но ЦК ВКП(б) считает необходимым его заменить. Вместе с тем ЦК ВКП(б) рекомендует вам ввести в состав ЦК Компартии Белоруссии товарища Пономаренко Пантелеймона Кондратьевича, молодого работника, хорошо зарекомендовавшего себя на работе в отделе руководящих парторганов ЦК ВКП(б). Если есть к нему вопросы, он на них сам ответит.

Делегаты съезда попросили Пономаренко рассказать автобиографию. Он рассказал. После этого открытым голосованием его ввели в состав ЦК КП(б) Белоруссии.

На другой день, 19 июня, на организационном пленуме ЦК КП(б) Белоруссии было избрано Бюро ЦК в составе А. А. Ананьева, Ф. И. Голикова, А. Ф. Ковалева, А. М. Левицкого, Н. Я. Наталевича, Ф. Наседкина, П. К.

Пономаренко, М. Я. Репницкого. Московского гостя избрали первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии.

Вот и вся кадровая политика.

В годы Великой Отечественной войны решением ГКО от 30 мая 1942 года он был назначен начальником Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Н. С. Хрущев, будучи первым секретарем ЦК Компартии Украины и членом Политбюро ЦК ВКП(б), расценил это назначение руководителя маленькой Белоруссии как «унижение Украины» или «белорусский подкоп» под нее и даже санкционировал тогда некоторые сумасбродные и рискованные противодействия.

15 июля 1945 года во время сопровождения И. В. Сталина, следовавшего поездом через Белоруссию на Потсдамскую конференцию, Пономаренко поставил вопрос перед вождем о строительстве в Минске автомобильного и тракторного заводов. Просьба белорусского руководителя была решена положительно прямо в поезде.

В начале лета 1947 года Пономаренко вызвал секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданов и сообщил, что И. В. Сталин принял решение упразднить совмещение должностей председателя Совета Министров и секретаря ЦК на Украине и в Белоруссии, установленные во время войны. По словам Жданова, только временно сохранялось совмещение постов Председателя Совета Министров СССР и секретаря ЦК ВКП(б), которые занимал Сталин.

После предварительной беседы у Жданова вечером того же дня Пономаренко пригласил к себе Сталин. В его кабинете находились Молотов, Маленков, Хрущев, Берия, Жданов, Каганович и Вознесенский. Обращаясь к Пономаренко и Хрущеву, Сталин сказал:

- Мы решили разделить посты секретаря ЦК и председателя Совмина. В войну было оправданно, а

сейчас это не нужно. В первую очередь это следует сделать на Украине и в Белоруссии. Вы, наверное, хотите остаться секретарями ЦК? Верно? Раз оба молчите, значит, верно. Но мы решили вас назначить предсовминами ваших республик, а на посты первых секретарей ЦК назначить других работников.

После краткого обмена мнениями Сталин спросил у Пономаренко, кого он считает подходящим для направления на партийную работу в Белоруссию.

- Мы решили направить к вам первым секретарем ЦК КП(б)Б товарища Задионченко. Как вы на это смотрите?

Задионченко С. Б. в то время работал в Управлении ЦК ВКП(б) по проверке парторганов. До войны был первым секретарем Днепропетровского обкома Компартии Украины. С ним тогда случился большой скандал: выяснилось, что его подлинная фамилия Задиончик, что он скрыл свою национальность. Н. С. Хрущев в своих «Воспоминаниях» подробно рассказывает об этом казусе.

Что-то сразу прочитав на лице Пономаренко, Сталин понял:

- Видно, что с Задионченко вы не сработаетесь, не стоит его посылать в Белоруссию. А кого бы вы порекомендовали?

Пономаренко ответил:

- В партии, товарищ Сталин, таких кандидатур немало. Более подходящими могли бы быть Игнатъев, Шаталин, Патоличев, Гусаров. Если подумать, и другие найдутся.

Сталин заметил, что названные люди действительно подходящие и выделил из этой группы Гусарова, работавшего тогда ответственным инструктором ЦК ВКП(б).

Пономаренко обратился к Сталину с предложением послать также из аппарата ЦК ВКП(б) на пост секретаря

ЦК КП(б) Белоруссии по идеологической работе сотрудника отдела пропаганды М. Т. Иовчука, белоруса по национальности.

- Хорошо, - ответил он. - Итак, первым секретарем рекомендуем товарища Гусарова, вторым - товарища Игнатьева и секретарем по пропаганде товарища Иовчука. При этом все же считаем нужным высказать отрицательное мнение об итогах деятельности двух комиссий ЦК во главе с товарищами Гусаровым и Задонченко, которые недавно проверяли состояние партийной работы: одна на Украине, другая в Белоруссии. Не тем они занялись при обследовании. Вместо существа дела их больше интересовало, что наши товарищи пьют, едят и разные бытовые мелочи.

Когда все ушли, Сталин задержал Пономаренко:

- Не переживайте новое назначение. Так нужно. Не чувствуйте себя штрафным. Примите нового секретаря хорошо. Вы прекрасно знаете Белоруссию и дела. Помогите новым товарищам быстрее войти в курс дела. Вы на этот период только и задержитесь, а потом получите новое назначение. Я об этом позабочусь.

Пономаренко вернулся в Минск и до мая 1948 года проработал председателем Совмина республики, после чего был отозван в Москву и избран секретарем ЦК ВКП(б). В ЦК он курировал вопросы государственного планирования, финансов, торговли и транспорта.

Но потом настали хрущевские времена, и пришлось главному советскому партизану ехать в Казахстан, где он возглавил ЦК партии. Затем переквалифицировался в советские дипломаты и представлял СССР в Польше, Индии и даже в Непале. Последние годы перед кончиной был на преподавательской работе в Институте общественных наук при ЦК КПСС - так называлась знаменитая «ленинская школа», где учились коммунисты-нелегалы из зарубежных стран.

Похоронили его на Новодевичьем кладбище в 1984 году.

С. Д. Игнатьев, секретарь, второй секретарь ЦК Компартии Белоруссии в 1947-1949 гг. Украинец. Родился в Херсонской губернии в крестьянской семье. В Белоруссию был направлен из аппарата ЦК ВКП(б). До перевода в Москву возглавлял Бурят-Монгольский и Башкирский обкомы партии. В Минске работал при П. К. Пономаренко и Н. С. Патоличеве.

В 1949 году был отозван из Белоруссии в Москву, где возглавил Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б). В 1950-1952 годах заведовал Отделом ЦК партии, одновременно в 1951 -1953 годах руководил Министерством государственной безопасности СССР. В марте - апреле 1953 года избирался секретарем ЦК КПСС. В апреле 1953 года был выведен из состава ЦК КПСС, но на июльском Пленуме того же года восстановлен членом ЦК КПСС.

В 1953 года был удален из Москвы, работал первым секретарем Башкирского, а с 1957 года - Татарского обкомов партии. С 1960 года был на пенсии. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Н. И. Гусаров, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии в 1948-1950 гг. Русский. В годы Великой Отечественной войны работал на Урале, был первым секретарем Пермского обкома партии. По отзывам, отличался простотой, непосредственностью, отсутствием заносчивости. На Урале работал энергично, целеустремленно. Сталин говорил о нем с уважением: «Уральский секретарь». Со второй половины сороковых годов - ответственный инструктор ЦК ВКП(б).

Снят с поста руководителя Белорусской республиканской партийной организации и отозван в Москву за «неправдивое информирование ЦК ВКП(б) о состоянии дел в республике». На пятом пленуме ЦК Компартии Белоруссии (1950 г.), когда освобождали

Николая Ивановича Гусарова, в его адрес прозвучало много резкой критики. А годом ранее, в феврале 1949 г., XIX съезд Компартии Белоруссии, на котором Гусаров выступил с отчетным докладом, признал политическую линию ЦК республики правильной, а практическую работу удовлетворительной.

Н. С. Патоличев, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии в 1950-1956 гг. Русский. Родился в Нижегородской области в крестьянской семье. Работал в комсомоле, служил в армии. В 1937 году окончил Военную академию химической защиты. Возглавлял Ярославский и Челябинский обкомы партии, был секретарем ЦК ВКП(б), секретарем ЦК Компартии Украины по сельскому хозяйству и заготовкам.

В мае 1950 года первый секретарь Ростовского обкома ВКП(б) Патоличев приехал на сессию Верховного Совета СССР. В Большом Кремлевском дворце он встретился с коллегами из Белоруссии. Это были Председатель Совета Министров БССР А. Е. Клещев, Председатель Президиума Верховного Совета республики В. И. Козлов, секретари ЦК М. В. Зимянин и В. Е. Чернышев, заместитель Председателя Совмина П. А. Абрасимов. В. Е. Чернышева представили как вновь избранного первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии. Патоличев понял, что его друг по Уралу Николай Иванович Гусаров освобожден с этого поста.

Однако вскоре ему стало известно, что окончательно вопрос о первом секретаре ЦК Компартии Белоруссии еще не решен.

В один из перерывов между заседаниями Патоличева пригласил Сталин. В кабинете больше никого не было. Сталин сказал:

– Белорусские товарищи не назвали из своей среды никого на пост первого секретаря Центрального Комитета Компартии республики. Мы хотели бы

рекомендовать вас на эту работу. Как вы смотрите на это предложение?

Для Патоличева предложение Сталина было крайне неожиданным. Сталин сказал, что достаточно хорошо осведомлен о работе Ростовской партийной организации, вспомнил о полном восстановлении «Ростсельмаша», об успешном выполнении плана хлебозаготовок в 1948 году.

И, подойдя к Патоличеву совсем близко, сказал с нажимом:

- Надо ехать в Белоруссию.
- Готов, товарищ Сталин, - ответил ростовский секретарь.
- Ну, желаю успеха. - Он пожал Патоличеву руку и ушел.

Н. С. Патоличев:

- Не успел я как следует вникнуть в суть белорусских проблем, как возник вопрос о положении дел в Центральном Комитете комсомола республики. Первым секретарем Центрального Комитета комсомола работал П. М. Машеров. Я еще не имел возможности ознакомиться с деятельностью комсомольской организации, а уже собрался пленум ЦК комсомола. Оказалось, что его созыв был назначен еще до моего приезда. Повестка дня пленума: «О мерах улучшения политико-воспитательной работы среди сельской молодежи». Для участия в работе пленума прибыл первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов.

До начала пленума уже чувствовалось тенденциозное нагнетание обстановки, субъективизм в оценках работы руководства комсомолом. На него возлагалась вина за те же недостатки, что указывались и при освобождении Гусарова. Логика суждения проста до предела. Раз партийное руководство имело такие ошибки и недостатки и дела в республике столь плохи, то и комсомольское руководство ответственно за это.

Все это особенно стало ясно, когда в местных республиканских газетах были опубликованы материалы якобы с пленума ЦК комсомола, в которых, в частности, было сказано: «Доклад т. Машерова не удовлетворил участников пленума. Он был составлен без глубокого знания действительного положения дел на местах, показал оторванность ЦК от жизни обкомов, райкомов и первичных комсомольских организаций, слабо определил задачи комсомола... В докладе отсутствовала большевистская критика и самокритика серьезных недостатков и ошибок в работе бюро и аппарата ЦК комсомола Белоруссии...»

То же нагромождение, та же тенденциозность! Видимо, «материалы» пленума были даны в печать заранее. А на пленуме, в работе которого принимали участие мы, руководящие работники ЦК Компартии Белоруссии, все было иначе. Нетрудно было понять, что тут совсем неделовой, предвзятый подход. Так бывает всегда, если верх берет субъективизм. Под ударом оказался Петр Миронович Машеров, выросший впоследствии в крупного партийного деятеля. Нам удалось исправить намечавшуюся необъективную критику и воспрепятствовать развитию столь негативного, ничем не оправданного и трудно объяснимого явления.

С первых дней работы в Минске Патоличеву бросилась в глаза разобщенность в работе Бюро Центрального Комитета. Это насторожило. У белорусских руководителей были все основания для дружной творческой работы. Многие из них прошли школу мужества в суровых условиях подполья в тылу врага. Дружной работы требовали интересы быстрейшего восстановления и развития народного хозяйства.

В годы войны на территории Белоруссии работало девять подпольных обкомов и более тысячи ста первичных партийных организаций. В тылу врага активно действовали также десять областных и сто восемьдесят три районных комитета комсомола Белоруссии. Это ли не свидетельство мужества, стойкости и высокой организованности партийной организации Белоруссии.

Подпольные обкомы партии возглавляли известные люди, с которыми Патоличеву предстояло работать. Среди них Герои Советского Союза: Сергей Иванович Сикорский – первый секретарь Могилевского обкома, Владимир Елисеевич Лобанок – первый секретарь Полесского обкома, Николай Прокофьевич Покровский – первый секретарь Барановичского обкома, Роман Наумович Мачульский – первый секретарь Пинского обкома, Василий Ефимович Чернышев – секретарь ЦК Компартии Белоруссии, Петр Миронович Машеров – первый секретарь ЦК комсомола.

Имели звание Героя Советского Союза и многие другие руководители республиканских и областных партийных, советских и других организаций.

Председателем Президиума Верховного Совета БССР работал Василий Иванович Козлов, Председателем Совета Министров – Алексей Ефимович Клещев. Оба коренные белорусы, опытные работники, Герои Советского Союза. Их высокий авторитет сложился в годы мужественной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в тылу врага.

Что же мешало дружной работе всех этих глубоко уважаемых руководителей? Кто или что вносило разобщенность?

12 июня 1953 года Президиум ЦК КПСС принял постановление «Вопросы Белорусской ССР», которым Н. С. Патоличев освобождался от должности первого

секретаря ЦК Компартии Белоруссии. Вместо него рекомендовался белорус М. В. Зимянин, бывший второй секретарь ЦК КПБ, работавший в Министерстве иностранных дел СССР.

Но белорусские товарищи проголосовали за прежнего секретаря.

Николай Семенович Патоличев прожил долгую и счастливую жизнь. Судьба больше не подбрасывала ему испытаний, подобных белорусскому. В 1956 году его отозвали в Москву, где назначили заместителем, а затем первым заместителем министра иностранных дел СССР. С 1958 по 1985 год (27 лет!) он был министром внешней торговли СССР. Даже в горбачевские времена, когда вихрь гласности пронесся по всем столичным синекурам, имя Патоличева не полоскали в печати. Не за что было. Обласканный Брежневым, он получил из его рук две Золотые Звезды Героя Социалистического Труда. Похоронили его в 1989 году на Новодевичьем кладбище в Москве.

К. Т. Мазуров, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии в 1956-1965 гг. Белорус. Родился в Белоруссии в семье крестьянина. В 1965 году был выдвинут первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, где проработал до 1978 года. Отправлен Л. И. Брежневым на пенсию в 64 года. Возраст для тех времен далеко не пенсионный, если учесть, что Н. А. Тихонов стал Председателем Совета Министров СССР в 75 лет и пять лет работал в этой должности. Официальная формулировка в информационном сообщении о Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 27 ноября 1978 года: «Пленум освободил К. Т. Мазурова от обязанностей члена Политбюро по состоянию здоровья и в связи с его просьбой». Единственный из белорусских руководителей, похороненный на Новодевичьем кладбище в Москве.

П. М. Машеров, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии в 1965-1980 гг. Белорус. Родился в Белоруссии в крестьянской семье. Второй после К. Т. Мазурова послевоенный руководитель республики догорбачевской эпохи, не прошедший предварительную «обкатку» в Москве. Погиб в автомобильной катастрофе.

А. Н. Аксенов, Председатель Совета Министров БССР в 1978-1983 гг. Белорус. Родился в Белоруссии. Проходил многолетнюю «обкатку» в различных ипостастях в Москве и в России. В 1944 году находился на комсомольской работе в Оренбургской области. В 1957 -1959 годах был секретарем ЦК ВЛКСМ. Его явно готовили для роли партийного руководителя Белоруссии, пропуская по восходящей через разные ступеньки, – от заместителя председателя КГБ до министра внутренних дел республики, от первого секретаря Витебского обкома до второго секретаря ЦК КПБ, но что-то не сработало.

В 1983 году, когда в Белоруссию из Москвы приехал Т. Я. Киселев, Аксенова с должности председателя Совмина республики сместили и направили послом в Польшу, что было явным понижением. Вернувшись из Варшавы через два года, Аксенов до 1989 года возглавлял Гостелерадио СССР.

Т. Я. Киселев, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии в 1980-1983 гг. Белорус. Родился в Белоруссии в крестьянской семье. Работал учителем, директором школы. В годы Великой Отечественной войны находился в тылу, в Поволжье, где снова учительствовал. Это обстоятельство долго препятствовало стать первым лицом в республике. На фоне послевоенного руководства Белоруссии, состоявшего сплошь из Героев Советского Союза, выглядел бледно. После освобождения республики от немецких захватчиков в 1944 году – на партийной

работе. В 1959 -1978 гг. был Председателем Совета Министров БССР. В 1978 -1980 гг. в Москве заместитель Председателя Совета Министров СССР. В 1965 году, когда К. Т. Мазуров был переведен в Москву, рассчитывал на должность первого секретаря ЦК, но тогда Л. И. Брежнев предпочел П. М. Машерова. В 1980 г., после гибели П. М. Машерова, Л. И. Брежнев предложил Киселеву возглавить республиканскую партийную организацию, сказав при этом: «Пришло время исправить нашу ошибку».

С приходом Тихона Яковлевича первым секретарем ЦК КПБ все машеровские традиции были преданы забвению. Новый хозяин республики раздражался, когда слышал ссылки на Петра Мироновича. Заседания Бюро ЦК вел нервно, часто срывался, нередко доходило до унижения руководящих и ответственных работников. Наверное, давала знать о себе неизлечимая болезнь, от которой он скончался.

Н. Н. Слюньков, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии в 1983-1987 гг. Белорус. Родился в Белоруссии в крестьянской семье. Был директором крупнейших предприятий в Минске. С должности первого секретаря Минского горкома партии в 1974 году был переведен в Москву заместителем председателя Госплана СССР, где проработал 9 лет.

Технократ. Белорусские партийные работники называли его «директором республики». Был строг, нередко жесток. Снимал с работы за малейшую оплошность. Заведующие отделами ЦК боялись докладывать вопросы на Бюро – срезал.

Подвергся резкой критике в прессе за поведение во время чернобыльской трагедии. Тогдашний советский премьер Рыжков вызвал в Москву украинского премьера Ляшко и белорусского Ковалева. Ляшко полтора часа клянчил и плакался, как у них все плохо после Чернобыля и что им надо помочь. А белорус Ковалев за

десять минут отчитался. Рыжков похлопал его по плечу: «Вот, учитесь у белорусов».

Когда в 1987 году М. С. Горбачев забрал Слюнькова в Москву в качестве секретаря ЦК КПСС, белорусские газеты писали: на костях своего народа поехал выслуживаться. На республику упало 300 «хиросимских» бомб, а Слюньков с Ковалевым доложили в ЦК: пострадало только три района.

В Москве, судя по всему, Слюньков пришелся не ко двору. Горбачев скоро разочаровался в нем, особенно во время шахтерских забастовок летом 1989 года. В 1990 году, в 61 год, был отправлен на пенсию.

В. И. Бровиков, Председатель Совета Министров Белорусской ССР в 1983-1985 гг.

Белорус. Родился в Белоруссии в крестьянской семье. Один из немногих руководителей республики, получивших систематическое образование. Имел ученую степень кандидата философских наук, присужденную в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Трудовой путь начинал как журналист районной газеты. Потом был выдвинут на выборную партийную работу, редактировал областную газету в Витебске.

С должности секретаря Витебского обкома партии в 1972 году переведен в Москву, в главный отдел ЦК КПСС – организационно-партийной работы, занимавшийся подбором и расстановкой руководящих партийных и государственных кадров. В 1978 году, когда главой Белоруссии был П. М. Машеров, возвратился в Минск в качестве второго секретаря ЦК Компартии республики.

В 1983 году, при Н. Н. Слюнькове, стал председателем Совмина. Но в премьерском кресле продержался всего два года. Бровиков был гуманитарием, журналистом по базовому образованию, Слюньков – видным экономистом, плановиком и хозяйственником. Сработаться им было трудно, и

Бровиков вскоре оказался советским послом в Варшаве, то есть повторил путь А. Н. Аксенова.

Бровиков не воспринял политику перестройки Горбачева и тем был люб у себя на родине. На одном из пленумов ЦК КПСС в конце 80-х годов он подверг деятельность Михаила Сергеевича резкой критике и автоматически был зачислен в число коммунистов-ортодоксов. Острое выступление стоило ему должности посла.

В 1990 году на последнем съезде Компартии Белоруссии разгорелись серьезные дебаты по поводу кандидатуры на пост первого секретаря ЦК. Часть делегатов потребовала возвращения Бровикова. Его шансы были очень велики, но Горбачев отправил в Минск члена Политбюро Дзасохова с задачей не допустить избрания консервативного Бровикова. Дзасохов с порученным заданием справился.

У Бровикова к тому же случилась глубокая личная трагедия. Сын, офицер московского КГБ, стоя в очереди за спиртным, повздорил с милиционером и, находясь в сильном возбуждении, выстрелил в него из табельного оружия. Исход был трагическим.

Отец прожил после этого случая недолго.

Е. Е. Соколов, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии в 1987-1990 гг. Белорус. Родился в Белоруссии в крестьянской семье. Работал шофером первого секретаря райкома партии. В 60-е годы на целине в Казахстане. Аграрник. По складу характера – аппаратный служащий. С 1969 года был заместителем заведующего, с 1975 года заведующим сельскохозяйственным отделом ЦК КПБ, с 1977 года первым секретарем Брестского обкома партии.

Компартия Белоруссии под его руководством теряла одну позицию за другой. В 1990 году был отправлен на пенсию.

А. А. Малофеев, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии в 1990-1991 гг. Белорус, родился в белорусском городе Гомеле в семье служащих. С 1962 года занимал мелкие должности в периферийном партийном аппарате: инструктор райкома, инструктор обкома, заведующий сектором обкома, инструктор ЦК КПБ. Затем снова работа в периферийных партийных органах, правда, на выборных должностях: первый секретарь горкома, секретарь обкома, председатель облисполкома. С 1982 г. первый секретарь Гомельского обкома, с 1985 г. первый секретарь Минского обкома партии.

Был последним коммунистическим руководителем Белоруссии, брошенным растерявшимся и струсившим ЦК КПСС на произвол судьбы. Отличался стойкостью и твердостью, но... Аннушка пролила масло в Москве.

Глава 11

РОССИЯ, ВЕРНИ СМОЛЕНСК! И КНИГИ СКОРИНЫ

Есть ли у белорусов территориальные претензии к России? Официальный лидер парламентской оппозиции Зенон Позняк до эмиграции в США в органе Верховного Совета РБ «Народной газете» ставил вопрос о возвращении в состав Белоруссии Смоленской, Псковской, Брянской областей, Вильнюса, Белостока и других территорий. Россия, по его мнению, – это страна юродивых, идеология и культура которой замешаны на политике сталкивания соседей, на войнах и крови, на жестокости монголо-ордынских традиций.

Территориальные притязания белорусских национал-радикалов не самостоятельное движение, оно возникло и развивалось под сильным воздействием аналогичных движений в странах Балтии, где был взят государственный курс на национальную обособленность, на полный пересмотр прошлого, разрыв исторических связей. Латвия и Эстония ссылались на договор с Россией 1920 года, однако, по мнению российских экспертов, эти ссылки беспочвенны, так как далекие договоренности 1920 года утратили силу с момента вхождения республик в состав СССР в 1940 году и восстановлению не подлежат. Когда-то ведь и Омск, и часть Оренбургской области, и часть Башкирии входили в состав тогдашней Киргизской автономной республики.

Ныне Россия граничит с 16-ю иностранными государствами. И практически каждое из них имеет территориальные претензии к своей соседке. Если бы

Россия удовлетворила их желания, то карта Российской Федерации имела бы совершенно иной вид. Заострение белорусской оппозицией территориального вопроса – это своеобразная дань моде, следование в фарватере политики, проводимой новыми странами Балтии, на которые постоянно оглядываются радикально настроенные белорусы. Интерес к своему административно-территориальному прошлому, который не поощрялся в советский период, с приобретением суверенитета выплескивался на страницы периодики. Новое поколение, выросшее на дозированной официальной историографии, с удивлением узнавало, что белорусскими считались когда-то территории, ныне входящие в состав России. А некоторые этнические россияне, проживающие в Белоруссии, впадали в панику при виде таких публикаций, расценивая их как грубую фальсификацию истории и проявление национализма.

Категоричность подобных суждений происходила вовсе не по злому умыслу или природной российской подозрительности, а совсем по иной причине. Ее обозначил еще поэт Пушкин, вложив в слова о лениности и нелюбопытстве пророческий смысл. Но если быть самокритичным, то и вины здесь особой у россиян нет, поскольку прочитать о прежних границах Белоруссии было негде.

Ее административно-территориальное деление претерпевало удивительные метаморфозы – впрочем как и любого другого государства. Нет в мире страны, границы которой сохранили бы неизменность на протяжении многих веков. Не была исключением и Белоруссия, тем более, что она расположена на бойком месте, на пути между Западом и Востоком.

Не будем углубляться в стародавние времена племенных союзов и княжений. Начнем с того, что представляла собой Белоруссия перед ее

присоединением к России. Белорусские земли тогда входили в состав Великого княжества Литовского: из 30 уездов 16 были белорусскими. Это деление было закреплено Статутом княжества в 1588 году и просуществовало до раздела Речи Посполитой.

Разделов было три. Первый состоялся в 1772 году. Тогда восточная часть Белоруссии вошла в состав Российской империи. На присоединенной территории были образованы две губернии - Могилевская и Псковская. Псковская! Теперь, наверное, понятно, почему нынешние радикалы считают эту область белорусской. Однако спустя четыре года после образования Псковской губернии из нее были выделены белорусские и латгальские уезды, которые вошли во вновь созданную Полоцкую губернию. Белорусскими уездами в ней были Витебский, Городокский, Дриссенский, Полоцкий и Суражский. Могилевская губерния состояла из 12 уездов - Оршанского, Бабиновичского, Белецкого, Климовичского, Копысского, Могилевского, Мстиславльского, Рогачевского, Сенненского, Старобинского, Чаусского и Чериковского.

После второго раздела Речи Посполитой в 1793 году в состав России вошла часть центральной части Белоруссии. Из нее была образована Минская губерния, в которую входили 13 уездов: Бобруйский, Борисовский, Вилейский, Давид-Городокский, Дриссенский, Докшицкий, Игуменский, Мозырский, Минский, Несвижский, Поставский, Пинский и Слуцкий.

В результате третьего раздела Речи Посполитой (1795 год) в состав России вошла западная часть Белоруссии, на территории которой были образованы Виленская и Слонимская губернии. Слонимская губерния состояла из 8 уездов - Брестского, Волковысского, Гродненского, Кобринского, Лидского, Новогрудского, Пружанского и Слонимского. Виленскую

губернию составляли два белорусских уезда - Ошмянский и Браславский.

В 1797 году Слонимская и Виленская губернии были объединены в Литовскую губернию с центром в Вильно. Годом раньше такое же произошло с Полоцкой и Могилевской губерниями, которые тоже были объединены в Белорусскую губернию с центром в Витебске. В это же время к Минской губернии присоединили Речицкий уезд, ранее входивший в состав Черниговского наместничества. В результате совершенствования административно-территориального деления к 1802 году на присоединенных к России белорусских землях существовало 5 губерний - Могилевская (12 уездов), Витебская (12 уездов), Минская (10 уездов), Гродненская (8 уездов) и Виленская (11 уездов).

С первых дней присоединения и до 1856 года включительно существовало Белорусское генерал-губернаторство - чрезвычайная административно-территориальная единица, учрежденная в связи с окраинным положением этих земель и неблагоприятными там для Петербурга общественно-политическими обстоятельствами. Генерал-губернаторство возглавлялось военным губернатором, при котором действовала канцелярия. Первым генерал-губернатором Белоруссии был екатерининский вельможа З. Чернышев (1772 -1780). На этом посту побывала блестящая плеяда видных государственных и военных деятелей России: П. Пассек (1780 -1802), А. Римский-Корсаков (1802 -1803), И. Михельсон (1803 -1805), В. Римский-Корсаков (1805-1811), А. Вюртембергский (1811-1822), Д. Хованский (1822 -1837), П. Дьяков (1837-1846), А. Голицын (1846-1853), П. Игнатъев (1853-1855), М. Урусов (1855-1856).

Белорусское генерал-губернаторство включало следующие губернии: в 1772-1776 годах Могилевскую и

Псковскую, в 1776-1796 – Полоцкую и Могилевскую (в 1778-1796 – наместничества), в 1796-1802 – Белорусскую, в 1802-1823 – Витебскую и Могилевскую, в 1823-1831 – Витебскую, Могилевскую, Смоленскую и Калужскую (к двум последним у нынешних национал-радикалов повышенный интерес – ясно, почему!), в январе – апреле 1831 – Витебскую, Могилевскую, Смоленскую (снова!). Со второй половины 1820-х годов в связи с изменениями в составе, а также восстанием 1830 года и национальной политикой самодержавия термин «Белорусское» в названии генерал-губернаторства постепенно вытеснялся из обихода и заменялся названиями губерний, в которых размещался центр генерал-губернаторства – Витебское, Могилевское, Смоленское.

Во время Первой мировой войны немецкие войска к концу 1915 года оккупировали всю Гродненскую, часть Минской и Виленской губерний. В 1917 году Витебская, Могилевская и неоккупированные уезды Минской и Виленской губерний были объединены в Западную область с центром в Минске. В марте 1918 года центр области перенесен в Смоленск, в ее состав полностью вошла Смоленская губерния. В сентябре 1918 года область переименована в Западную коммуну.

30-31 декабря 1918 года, как уже отмечалось в четвертой главе данного исследования, VI Северо-Западная конференция Российской Коммунистической партии (большевиков) – (РКП(б)), – состоявшаяся в Смоленске, объявила себя I съездом Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии КП(б)Б и провозгласила создание Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР). В состав нового государственного образования вошли Витебская, Гродненская, Могилевская, Минская губернии, а также белорусские уезды Виленской и Ковенской, западные

уезды Смоленской губерний. Столицей БССР стал Минск (с 1939 года Минск).

В изданном в 1993 году первом томе «Энциклопедии истории Белоруссии» в статье, посвященной БССР, говорится: «Таким образом, партийная конференция взяла на себя функции учредительного собрания и парламента Белоруссии. Создание БССР было тактическим маневром местных властей и означало серьезное поражение национально-демократического движения в Белоруссии. Советская республика открыла белорусскому народу перспективы в лучшем случае национально-культурной автономии, но не суверенной государственности и самостоятельного национально-демократического развития, провозглашенных ранее Белорусской Народной Республикой. Правительство БССР, сформированное почти полностью из политических эмигрантов, оставалось в подчинении ЦК РКП(б) и СНК РСФСР. В Белоруссии была восстановлена коммунистическая диктатура».

По мнению автора статьи в энциклопедии, восстановлению белорусской государственности, даже в форме советской национально-культурной автономии, противились сторонники унитарного коммунистического государства как в центре (Москва), так и на местах, в губернских, городских партийных и советских органах. Москва с легкостью необыкновенной, не очень-то считаясь с правительством БССР, оттяпала в свою пользу Смоленскую, Витебскую и Могилевскую губернии, а состоявшийся в Минске 2-3 февраля 1919 года I Всебелорусский съезд Советов послушно утвердил этот отрыв.

Председатель ВЦИК Я. Свердлов, участвовавший в работе съезда, потребовал объединения Белоруссии с марионеточным правительством советской части Литвы, чтобы «предостеречь эти республики от опасности

проявления в них национально-шовинистических устремлений». Всебелорусский съезд принял и это требование. 27 февраля 1919 года на объединенном заседании ЦИК Литовской ССР и ЦИК БССР в Вильно было оформлено создание Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики (Литбел). Новое государство было крохотное, оно состояло всего из трех губерний – Минской, Гродненской и Виленской. Фактически БССР прекратила свое существование, поскольку Минск вскоре был захвачен поляками.

История провозглашения Литбела такая. Уже в конце января 1919 года, когда не прошло и месяца после создания самостоятельной, как было записано в резолюции I съезда КП(б), Белорусской Советской Социалистической Республики, Ленин встретился с делегацией Центрального бюро Компартии Белоруссии в Москве. Белорусам было сказано: надо объединиться с Литовской ССР. То есть потерять дарованную три недели назад государственность. Причина – надо смягчить удар международного империализма по РСФСР.

– Образование Литбела, – говорил мне в 1991 году директор Института истории партии при ЦК КПБ Р. Платонов, – почти неисследованная страница, «белое пятно» в нашей истории.

Он ссылаясь на крайне ограниченное число сохранившихся документальных источников, противоречивость свидетельств участников и очевидцев событий того времени. Все это уже тогда приводило к грустным размышлениям об игнорировании воли белорусского народа со стороны Ленина и ЦК РКП(б), о пренебрежении к его национальной государственности. Помнится, некоторые историки утверждали, что искренности в политике центрального руководства, созданного революцией, не было, вопрос об отторжении от Белоруссии ряда ее областей и

переходе их под юрисдикцию РСФСР намечался заранее, что Советская Россия вообще не хотела признавать права Белоруссии на государственную самостоятельность и пошла на такое признание лишь после увеличения своей территории за счет белорусских земель.

Действительно, «усечение» БССР до двух губерний – Минской и Гродненской планировалось чуть ли не одновременно с провозглашением «самостоятельной Белорусской Советской Социалистической Республики». Уже 16 января 1919 года ЦК РКП(б) принял секретное постановление рекомендовать Центральному бюро КП(б)Б на предстоящем съезде Советов Белоруссии, созываемом для принятия Конституции республики, утверждения герба и флага «вынести решение об объединении Белоруссии с Литвой».

Советские историки объясняли это решение международной конъюнктурой. Возможно, что так оно и было. Ведь уже в декабре 1918 года правитель Польши Ю. Пилсудский заявил, что польское государство будет восстанавливаться в пределах 1772 года. В таком случае в состав Польши были бы включены белорусские и литовские земли, в том числе Минск и Вильно. Польская интервенция становилась реальной угрозой. Значит, надо «усечь» Белоруссию до минимума, если Пилсудский решится на захват ее территории.

Как восприняли белорусские руководители идею об объединении с Литвой? Негативно. Они пытались отстоять свою республику в составе прежних пяти губерний, но с Москвой, как известно, не поспоришь. К тому же их, наверное, посвятили в стратегический замысел ЦК РКП(б) – в случае захвата поляками Литбела, белорусские губернии, переходящие под юрисдикцию РСФСР, станут основой для возрождения белорусской национальной государственности.

Новейшими изысканиями установлено, что идея создания Литбела родилась в Москве еще до провозглашения БССР. 25 декабря 1918 года Сталин телеграфировал Мясникову: «Ковенская и Виленская губернии отойдут к литовскому правительству и соответствующие партийные организации; Минская, Смоленская, Гродненская губернии отойдут к белорусскому правительству и соответствующие партийные организации». Мясников тут же задал вопрос: «Куда денутся Могилевская и Витебская губернии, о которых вы ничего не сказали, это также белорусские губернии?» Сталин, не задумываясь, ответил: «Об этих губерниях и о многом другом поговорим, когда приедете. Итак, до послезавтра».

Запись беседы Мясникова со Сталиным при их встрече 27 декабря 1918 года не обнаружена. Да неизвестно, велась ли она. Однако другие документы косвенно говорят о том, что в ней, очевидно, поднимался вопрос об объединении Белоруссии и Литвы.

Оказавшись в составе РСФСР, три белорусские губернии, которые еще недавно входили в состав «самостоятельного» соседнего государства, претерпели череду административно-территориальных преобразований. В апреле 1919 года Москва упразднила Могилевскую губернию, преобразовав ее в Гомельскую. Началась чехарда переподчинения уездов, которые передавали из одной губернии в другую. Фактически половина Белорусского государства была присоединена к РСФСР и считалась ее территорией вплоть до марта 1924 года – около пяти лет. В ходе наступательных действий Красной Армии в мае 1920 года был взят Минск, а спустя полтора месяца – снова провозглашена БССР. Однако восточной границей республики признавалась граница Минской губернии (т. е. Витебская и Смоленская губернии не возвращались,

оставаясь в составе РСФСР), линия западной границы БССР зависела от хода советско-польской войны. Министр иностранных дел Англии Дж. Керзон предложил свой вариант линии размежевания, однако он не удовлетворил ни польскую, ни советскую стороны.

Спорный вопрос решило поражение Тухачевского под Варшавой. Красная Армия откатывалась на восток. В этих условиях Ленин дал согласие на передачу Польше западных территорий Белоруссии. 18 марта 1921 года в Риге был подписан соответствующий договор между Варшавой и Москвой. Две страны решали судьбу третьей, их разделяющей. Третья страна в этом не участвовала, ее мнения не спрашивали ни в Москве, ни в Варшаве. Представителей БССР даже не пригласили на переговоры.

Возобновленная Москвой в июле 1920 года, Белоруссия вплоть до 1924 года состояла всего из 6 уездов бывшей Минской губернии – Бобруйского, Борисовского, Игуменского (с 1923 года Червеньского), Мозырского, Минского и Слуцкого. «Дали шесть поветов, ну, спасибо и за это», – откликнулся Янка Купала. Площадь нового европейского государства составляла 52,4 тысячи квадратных километров, численность населения – 1,5 миллиона человек. На территории БССР автоматически действовали решения ЦК ВКП (б), Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР. Финансы, международные отношения, военное строительство, транспорт и ряд других отраслей полностью регламентировался московским руководством.

Создание СССР «Энциклопедия истории Белоруссии» объясняет необходимостью сохранения диктатуры Коммунистической партии в условиях нэпа в национальных регионах бывшей Российской империи. БССР, вошедшая в союз 30 декабря 1922 года как одна

из его основателей, заняла по существу положение автономной республики в унитарном государстве.

Карликовая шестиуездная Белоруссия вызывала улыбку. Правительство БССР вскоре убедилось в ее полной нежизнеспособности. Да и в Москве тоже начали понимать всю бессмысленность существования крохотного государства на западных границах страны. Интересы обороны диктовали необходимость укрупнения.

Первое укрупнение состоялось в марте 1924 года. Центральная власть в Москве согласилась на возвращение Белоруссии части ее восточных территорий, в результате чего снова белорусскими стали Полоцкий, Витебский, Городокский, Могилевский, Горецкий, Рогачевский, Быховский, Климовичский, Чаусский, Мстиславский уезды Витебской, Гомельской и Смоленской губерний с преимущественно белорусским населением. Территория республики сразу увеличилась вдвое – до 110,5 тысячи квадратных километров, а численность населения – почти втрое: до 4,2 миллиона человек.

В декабре 1926 года произошло второе укрупнение БССР. Республике были возвращены из РСФСР Речицкий и Гомельский уезды. Территория после этого уже составляла 125,8 тысячи квадратных километров, а численность населения возросла до 5 миллионов человек. Считается, что и после этого в составе РСФСР остались значительные территории Витебской, Смоленской и Брянской областей с белорусским населением.

Белоруссия оказалась в центре драматических событий и Второй мировой войны. Согласно заключенному 23 августа 1939 года пакту Риббентропа – Молотова, территория Западной Белоруссии относилась к сфере интересов СССР. Поэтому вскоре после нападения Германии на Польшу 17 сентября 1939

года советские войска перешли польскую границу и заняли всю территорию Западной Белоруссии. А спустя пять дней, 22 сентября в Бресте состоялся совместный парад советских и немецких войск.

Этот факт советская историография замалчивала. И только в начале 90-х годов, уже после распуска СССР, в одном из залов музея Брестской крепости-героя появились фотографии, рассказывающие о неизвестном широкой публике эпизоде. Для многих посетителей это было открытием, они не верили увиденному. Осознание того, что в начале Второй мировой войны будущие смертельные враги обменялись знаменами, рукопожатиями и тостами, не укладывалось в самую смелую советскую голову. Хотя для узкого круга специалистов никогда не было секретом, что происходило в Бресте ни 14-17 сентября, ни 22 сентября 1939 года.

22 сентября ясно – совместный парад немецких и советских войск. А что было 14-17 сентября?

В течение этих трех дней польский гарнизон, расположенный в крепости, мужественно сражался против немцев. Танковый корпус генерала Гудериана захватил Брест 14 сентября, но немцы никак не рассчитывали, что крепость будет обороняться.

Части Красной Армии вошли в Брест 22 сентября. В мемуарах, вышедших на русском языке еще в 1954 году, Гудериан так описывал это событие: «В качестве вестника приближения русских прибыл молодой русский офицер на бронев автомобиле, сообщивший нам о подходе их танковой бригады. Затем мы получили известие о демаркационной линии, установленной министерством иностранных дел, которая, проходя по Бугу, оставляла за русскими крепость Брест; такое решение министерства мы считали невыгодным... В день передачи Бреста русским в город прибыл комбриг Кривошеин, танкист, владевший французским языком;

поэтому я смог легко с ним объясниться... Мы смогли забрать все, кроме захваченных у поляков запасов... Наше пребывание в Бресте закончилось прощальным парадом и церемонией с обменом флагов в присутствии комбрига Кривошеина».

А теперь слово советскому комбригу С. М. Кривошеину, который выпустил свои мемуары десятилетие спустя. «В 18.00, - писал он в книге «Междубурье», - я и генерал Гудериан поднялись на невысокую трибуну. За пехотой пошла моторизованная артиллерия, потом танки. На бреющем полете пронеслись над трибуной десятка два самолетов. Потом опять пошла пехота на машинах. Некоторые из них, как мне показалось, проезжали по второму разу...»

В тот же день захваченный немцами польский город Бжесь-над-Бугем стал советским городом Брестом, а крепость - местом дислокации красноармейцев и пограничников. Улицы имени 17 сентября, названного днем воссоединения Западной и Восточной Белоруссии, когда Красная Армия согласно секретному договору между Сталиным и Гитлером перешла границу польского государства, появились практически в каждой городке на новой советской территории.

Эта территория, находившаяся с 1921 по 1939 год в составе Польши, была разделена на четыре воеводства: Белостокское (Волковысский, Гродненский, частично Августовский и Соколковский уезды), Виленское (Ошмянский, Браславский, Вилейский, Дриссенский, Молодечненский, Поставский, частично Свентянский и Виленско-Трокский уезды), Новогрудское (Барановичский, Воложинский, Лидский, Новогрудский, Несвижский, Слонимский, Столбцовский и Щучинский уезды), Полесское (Брестский, Дрогичинский, Кобринский, Коссовский, Лунинецкий, Пинский, Пружанский, Столинский уезды). В соответствии с обращением Народного собрания Западной Белоруссии

внеочередная сессия Верховного Совета БССР 12 ноября 1939 года приняла постановление о включении этих территорий в состав БССР. На присоединенных землях было образовано пять новых белорусских областей – Барановичская, Белостокская, Брестская, Вилейская и Пинская.

Правда, эти области чуть не достались Украине.

Из воспоминаний бывшего первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко, записанных историком Г. Куманевым 2 ноября 1978 года и впервые обнародованных им в 1999 году:

«Вскоре после освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии возник вопрос об административной границе между этими новыми областями страны. Согласно постановлениям Верховного Совета СССР от 1 и 2 ноября 1939 года Верховные Советы УССР и БССР должны были представить на его рассмотрение соответствующие проекты разграничения западных районов и областей между данными республиками.

Я не думал, что в этом деле могли возникнуть какие-либо осложнения, поскольку этнографическая граница была довольно ясной. Она шла с востока на запад, несколько южнее городов Пинска, Кобрин и Бреста.

В один из осенних дней 1939 г., когда я находился в Белостоке, мне позвонили из оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б) и сообщили, что Н. С. Хрущев подготовил и внес в Центральный Комитет свои предложения о границе, а вот от ЦК КП(б)Б предложений пока не поступило. Работник ЦК ВКП(б) сказал, что он пошлет нам для ознакомления украинский проект. Через день мы его получили.

Проект Хрущева о границах между западными областями всех нас просто ошеломил, и в этот же вечер мы созвали заседание Бюро ЦК КП(б)Б, чтобы обсудить

украинские предложения и выработать свои контрпредложения.

По варианту Хрущева граница между западными областями должна была пройти значительно севернее естественной общепринятой этнографической границы, причем настолько севернее, что города Брест, Пружаны, Столин, Пинск, Лунинец и Кобрин, а также большая часть Беловежской пуцы отходили к Украине.

С этим никак нельзя было согласиться, и для наших предложений и обоснований мы привлекли обильный исторический материал, включая многие архивные документы. Наконец, и наш проект был готов.

22 ноября я был вызван в Москву со своими предложениями. По прибытии в столицу в тот же день получил приглашение от И. В. Сталина. Когда я зашел в его приемную в Кремле, там уже находился Хрущев, тоже с материалами и схемами. Он беседовал с помощником Сталина А. Н. Поскребышевым. И здесь перед нашей встречей со Сталиным произошел драматический инцидент между Хрущевым и мной, определивший на долгие годы его отношение ко мне.

После того как я поздоровался, Хрущев спросил меня, подготовили ли мы свои предложения о границе и в чем их суть. С должным уважением к нему, как члену Политбюро ЦК ВКП(б) и известному деятелю партии, я, как можно деликатнее, сказал: «Мы подготовили предложения, но они не совпадают с вашими». Далее я сказал, что мы предлагаем границу в соответствии с этнографическим составом населения и что граница, по нашему мнению, должна пройти южнее Пинска, Лунинца, Кобрин, Барановичей и Бреста, а посему эти города и Беловежская пуца должны остаться в составе Советской Белоруссии.

Хрущев вскипел и грубо спросил: «Кто вам состряпал эту чепуху и чем вы можете это обосновать?» Я ответил, что предложения, которые мы вносим,

составили члены ЦК Компартии Белоруссии. Мы вовсе не считаем это чепухой и готовы привести обоснования на основе статистики и истории. Хрущев заявил, что украинские историки имеют другую точку зрения и высказал свои наметки границы. На это я ответил: «Трудно предположить, чтобы ученые могли обосновать такую границу, противоречащую понятиям этнографии, статистики и истории».

Хрущев рассвирепел и со злостью стал кричать: «Ага, вы ученым не верите, вы что, больше других знаете? Да что вы знаете? А слышали ли вы о том, что, начиная со средних веков, на территориях, которые вы хотите включить в состав Белоруссии, жили и продолжают жить украинцы, что Наливайко, Богдан Хмельницкий и другие включали население этих территорий в свои войска, что исторические книги вовсе не упоминают в связи с этими районами о белорусах» и т. д. и т. п.

Я ему ответил: «Товарищ Хрущев, меня сейчас больше всего волнует то, в каком тоне и в какой грубой форме вы разговариваете со мной. Это ведь не ваш личный вопрос. Даже, если вопреки нашим предложениям, эти районы включают в состав Украины, никакой катастрофы не произойдет. Мы одна страна, а Украина тоже советская. Но я обязан защищать интересы Белоруссии и имею на этот счет свои предложения, которые опираются на обоснованные данные».

В этот момент нас позвали к Сталину. Он сидел в кабинете один. После нашего приветствия он ответил: «Здорово, гетманы, ну, как с границей? Вы еще не передрались? Не начали еще войну из-за границ? Не сосредоточили войска? Или договорились мирно?»

Потом Сталин предложил нам сесть и доложить свои варианты. Хрущев и я вытащили тексты предложений и схемы. Первым докладывал Никита

Сергеевич. Он развернул на столе схемы, но, излагая содержание своего проекта, ни разу не сослался на них.

Сталин выслушал, поднялся, принес свою карту и попросил Хрущева показать на схеме, как пройдет граница.

После моего выступления и ответов на ряд вопросов Сталин твердо заявил: «Граница, которую предлагает товарищ Хрущев, совершенно неприемлема. Она ничем не может быть обоснована. Ее не поймет общественное мнение. Невозможно сколько-нибудь серьезно говорить о том, что Брест и Беловежская пуца являются украинскими районами. Если принять такую границу, то западные области Белоруссии по существу исчезают. И это была бы плохая национальная политика».

Потом, обращаясь к Хрущеву, чтобы несколько смягчить свое заявление, он заметил: «Скажите прямо, выдвигая эти предложения, вы, наверное, имели в виду другое: вам хотелось бы получить лес, его на Украине ведь не так много?»

На это Хрущев ответил: «Да, товарищ Сталин, все дело в лесе, которым так богато Полесье, а у нас леса мало».

«Это другое дело, – заметил Сталин, – это можно учесть. Белорусы предлагают правильную, обоснованную границу. Объективность их варианта подчеркивается, в частности, и тем фактом, что они сами предлагают район Камень-Каширская отнести к Украине. Мы утвердили границу, в основном совпадающую с проектом товарища Пономаренко, но с некоторой поправкой в соответствии с желанием украинцев получить немного леса».

Он взял карту и прочертил линию границы, почти совпадающую с нашими предложениями. Только в одном месте сделал на зеленом массиве карты небольшой выгиб к северу и сказал: «Пусть этот район отойдет к Украине».

Хрущев выразил свое согласие. Я был особенно доволен таким решением вопроса.

После этого Сталин пригласил Хрущева и меня к себе обедать. По лицу, по настроению Никиты Сергеевича чувствовалось, что он остался недоволен таким исходом и эту историю надолго запомнит. Я не ошибся».

В результате воссоединения с Западной Белоруссией население республики увеличилось до 11 миллионов человек. Даже критически настроенные ко многим страницам истории советской Белоруссии нынешние радикалы называют это событие историческим: впервые после разделов Речи Посполитой (конец XVIII века) большая часть территории Белоруссии объединилась в одном национально-административном образовании. Правда, они тут же делают оговорку: для установления и укрепления тоталитарного советского режима из восточной Белоруссии были направлены тысячи номенклатурных работников, еще больше их приехало из других регионов СССР. В 1939-1941 годах сотни тысяч граждан польской национальности были насильственно выселены в районы Урала, Сибири, Казахстана. Репрессиям подверглись и те белорусы, которые имели неосторожность критически высказаться относительно политики новых властей.

В октябре 1939 года правительство СССР передало Литве Виленский край с городом Вильно. После образования Литовской ССР он стал столицей новой союзной республики. Кроме того, ей были переданы в ноябре 1940 года из состава БССР три района – Гадутышковский, Паречский и Свентянский – с преимущественно литовским населением.

Вильно в 1921-1939 годах было политическим и культурным центром Западной Белоруссии, ее неофициальной столицей. Там работали белорусские

гимназия и музей, редакции газет и журналов, культурно-просветительные организации.

После присоединения Западной Белоруссии в 1939 году в Вильно начала выходить газета «Виленская правда» – как и в других белорусских областных центрах. Предполагалось, что Вильно войдет в состав БССР. Но не тут-то было.

Виленский край с населением 457 тысяч человек был передан Литве. Нарком иностранных дел В. Молотов отметил тогда: «Мы знаем, что большинство населения этой территории не литовское. Но историческое прошлое и стремления литовского народа тесно связаны с городом Вильно, и правительство СССР сочло необходимым уважать эти моральные факторы».

И снова пострадали прежде всего белорусы. Литовская пропаганда утверждала, что они не белорусы, а «потерянные литвины», что им нужно лишь сменить фамилии, добавив «ас», «ис» или «ус». После окончания Второй мировой войны в Вильно были закрыты белорусская гимназия, белорусский музей имени И. Луцкевича, начала выходить газета «Червоны штандар» на польском языке. Белорусам-католикам вбивалось в головы, что они самые настоящие поляки. Менялась белорусская топонимика: Медники стали называться Мединкай, Свентяны – Швенченис и т. д.

Еще раз обратимся к беседе историка Г. Куманева с белорусским руководителем конца тридцатых – начала сороковых годов П. Пономаренко. Исследователь задал ему вопрос: «Ощущали ли вы перед войной внимание ЦК партии, Советского правительства, лично И. В. Сталина к вопросам развития культуры в республике, к бытовым проблемам граждан?»

«Безусловно, – ответил П. Пономаренко. – Внимание и помощь со стороны Центра ощущались постоянно по самому широкому спектру культурных и бытовых вопросов. Причем некоторые из них казались довольно

второстепенными. В порядке иллюстрации расскажу вам следующее.

Летом 1940 года во время декады в Москве белорусской культуры и искусства после одного из спектаклей Белорусского оперного театра на сцене Большого театра я сказал Сталину, что декада в центральных газетах почему-то очень слабо освещается. Сталин тут же позвонил редактору «Правды» Ровинскому, сделал ему замечание и предложил освещать в «Правде» нашу декаду так же, как и предыдущие декады других республик. При этом он сказал, что вообще нельзя допускать, чтобы по этому поводу возникали жалобы.

На другой день в «Правде» появилась обстоятельная статья о постановках белорусских театров в Москве. Но рассердившийся на белорусов Ровинский решил «осветить» и другие вопросы, касающиеся нашей республики. В этом же номере была помещена статья под заголовком «Плоды неумной фантазии», в которой подвергалось уничтожающей критике строительство Минского озера. Дело в том, что в 1940 году под Минском стало сооружаться искусственное озеро. Оно имело большое практическое значение, так как позволило бы весной собирать и регулировать пропуск весенних вод и таким образом избегать затоплений низинной части Минска. Большой интерес к созданию озера проявили минчане, особенно молодежь, так как купаться летом было негде. Многие учебные заведения, учреждения и предприятия после окончания занятий или работы, а также в воскресенье посылали учащихся и служащих на возведение озера.

Проект озера, плотины и шлюза спроектировали инженеры Белгоспроекта на общественных началах. Всей работой руководил Минский горком партии и его секретарь А. П. Матвеев. Строительство было не сложным и шло успешно. Но кто бы мог подумать, что

это озеро получит всесоюзную известность, станет «притчей во языцех» и его сооружение подвергнется обсуждению даже на Политбюро ЦК?

Возвращаясь к статье в «Правде», хочу заметить, что публикация была тенденциозная и очень злая. Она была основана на каком-то письме, поступившем в редакцию из Минска. Автор письма жаловался на то, что его привлекают к строительству озера вроде бы на добровольной основе, но фактически имеют место принуждения со стороны общественных организаций. Возведение озера оценивалось как ненужное дело. В конце письма говорилось, что после озера, наверное, начнут искусственные горы создавать, потом пальмы сажать и т. д.

В этот вечер после просмотра спектакля Белорусского драмтеатра, во время ужина Сталин спросил меня:

- Что это за озеро вы там устраиваете и почему принуждаете народ ходить после работы и выходные дни работать на этом озере?

Я ответил ему, озеро делается исключительно на добровольных началах и ни о каком принуждении не может быть и речи.

На это Сталин заметил:

- Это вам кажется, что все идет добровольно. Вы ведь читали, что пишут в «Правду» из Минска? Видно, вокруг озера создали такой накал, что если кто-то в выходной день решил отдохнуть и не пошел озеро копать, то мог нажить бы большие неприятности. Мы против привлечения трудящихся в выходные дни на всякие, так называемые, «добровольные работы».

В это время Хрущев, обращаясь к Г. М. Маленкову, громко (чтобы все слышали) заявил:

- Мне один киевский профессор жаловался на то, что когда он поехал в Минск, в отпуск, то его и многих других пассажиров на Минском вокзале захватили и под

конвоем отправили на озеро. Беднягу отпустили оттуда только после того, как он проработал там три дня. Профессор сейчас же уехал из Минска, боясь, что его еще раз «добровольно» отправят на озеро.

Сталин повернулся ко мне и говорит:

- Вот, оказывается, до чего дело дошло. Вам это известно или нет?

Я ответил, что, очевидно, тов. Хрущев шутит (хотя рассказывал он этот случай с серьезным видом).

- Ну, а если не шутка? - спросил Сталин.

- Тогда я попрошу назначить следствие, ибо здесь речь идет о преступлении, каким являлась бы организация облав на вокзалах и, кроме того, я буду просить тов. Хрущева назвать имя этого профессора, так как считаю это лучшим способом опровергнуть вымысел.

Хрущев сразу обратился ко мне:

- Ну, что вы в бутылку лезете? Ясно ведь, что я рассказал об этом в шутку.

Сталин промолчал и сказал:

- Если это шутка, то уже легче, но шутка, я вам скажу, довольно неуместная.

Действительно, если кому и стало легче, так это мне. Я к этому времени уже знал, как строг был Сталин к разного рода перегибам, если они затрагивали интересы целых групп населения.

Но вопрос о злосчастном озере на этом не закончился и эпилог был неожиданным.

Сталин спросил:

- Кто секретарь Минского обкома партии? Его нужно наказать. Вы сами куда смотрите? Почему ЦК Компартии Белоруссии не видит, что делается в вашей столице? И потом скажите мне, кому понадобилось это озеро и почему оно устраивается без санкции руководства республики?

В связи с прямым вопросом представлялась возможность внести ясность во все это дело, и я доложил следующее:

- Совнарком и ЦК Компартии Белоруссии не только знают о строительстве озера, но и санкционировали это строительство не как «плод неумной фантазии», а как насущную необходимость, не говоря уже о его значении как места отдыха трудящихся.

Дело в том, что Минск пересекает небольшая речка Свислочь. Она делит город на высокую и низинную часть. Весной эта река становится полноводной и затопляет всю или почти всю низинную часть города. Убытки каждый год исчисляются миллионами, население терпит большой ущерб. Ежегодно образуются комиссии по борьбе с наводнениями и его последствиями. А летом эту речку можно перейти вброд. Умные люди предложили, чтобы избежать наводнений, устроить выше по течению реки перед городом водохранилище. Оно позволит регулировать спуск весенних вод и избежать наводнений.

Эта мысль оказалась весьма практичной. Ведь под самым городом река протекает по длинной и широкой ложбине. Поэтому для образования водохранилища необходимо построить только плотину и шлюз. Никаких земляных работ по образованию озера не требуется, в виду чего выражение «копают озеро» не отвечает действительности. Земляные работы связаны только с устройством плотины и приведением в культурный вид берегов озера.

Естественно, что создать возможность населению Минска купаться и отдыхать у озера, явилось дополнительным мотивом его создания. Особенно это строительство приветствует молодежь. Она главным образом и работает на озере в свободное время по 3-4 часа в неделю. Поэтому странно, что редакция «Правды», не попытавшись разобраться, публикует

статью, наполненную всякой чушью о чьей-то фантазии, горах и пальмах. Я теперь прямо не знаю, что делать. Прекращать это нужное дело – жаль, а средств мы не имеем на его строительство.

На этом, собственно, разговор и закончился. Стали говорить на другие темы. Но в самом конце ужина Сталин возвратился к вопросу об озере. Он сказал, обращаясь к сидевшим за столом:

– Выходит, что Минское озеро – далеко не плод фантазии. Его сооружение надо закончить. Но не следует продолжать строительство общественным способом.

И далее он сказал мне:

– Подсчитайте с товарищем Вознесенским, сколько необходимо денег и какие материалы мы должны отпустить, чтобы спасти Минск от потопа, а киевских профессоров от неприятностей.

На другой день после разговора с Вознесенским я вызвал в Москву А. П. Матвеева с проектом озера. Матвеев приехал, конечно, очень расстроенным. Из-за волнения даже заголовок газетной статьи прочел неточно. Спросил меня, почему же такое оскорбительное название – «Плоды неумной фантазии»? Я сказал ему, что он неправильно прочел: там напечатано «неуемной». А кроме того, этот заголовок в связи с тем, что написано в статье, скорее всего относится не к Минскому горкому, а к Ровинскому и частично к Хрущеву, который выдумал «киевского профессора».

Озеро было построено, наводнения прекратились. С течением времени там вырос парк, а живописное, с чистой водой водохранилище стало любимым местом отдыха минчан.

После описанного выше обсуждения вопроса об озере Хрущев мне сказал:

- Здорово вы выкрутились из сложного положения. А мы из вашей ошибки извлекли пользу. У нас, оказывается, в Донбассе тоже строили несколько озер, и я дал указание немедленно прекратить это строительство.

Я мысленно представил себе Донбасс, его города и рабочие поселки, испытывающие недостаток в воде, и подумал, что вряд ли «дорогой Никита Сергеевич» извлек из «дела» о Минском озере полезный урок.

Таков мой ответ относительно внимания Центра к культурно-бытовым проблемам республики».

Дальше была Великая Отечественная война. Касаясь этой темы, нынешние национально ориентированные исследователи пишут, что Белоруссия была важнейшим театром военных действий СССР. Установленный в нем тоталитарный режим, несмотря на обещания и заверения, оказался не в состоянии гарантировать белорусскому народу мир и право на жизнь. Катастрофа Красной Армии летом 1941 года обусловила молниеносную оккупацию всей территории БССР германскими войсками. В восточные районы СССР было эвакуировано около 1,5 миллиона жителей, в основном из восточных областей Белоруссии, а также более 120 промышленных предприятий.

Оккупанты расчленили территорию Белоруссии. К Восточной Пруссии были отнесены юго-западные районы Брестской и Белостокской областей с городами Гродно и Волковыск. Южные районы Брестской, Пинской, Полесской и Гомельской областей включили в состав рейхскомиссариата «Украина», образовав из них Мозырьский, Василевичский, Петриковский и Ельский округа. Северо-западные районы Вилейской области вошли в состав Литовского генерального округа. В зону армейского тыла попали Витебская, Могилевская, большая часть Гомельской и восточные районы Минской области. В состав генерального округа «Белоруссия»

(Генеральбецирк Белорутени) вошли лишь Барановичская, Вилейская, Минская (без восточных районов), северные районы Брестской, Пинской и Полесской областей. От прежней Белорусской ССР осталась только 1/3 ее прежней территории. Но и ее присоединили к рейхскомиссариату «Остланд» с резиденцией в Риге и разделили на 10 округов (гебитов): Барановичский, Борисовский, Вилейский, Ганцевичский, Глубокский, Лидский, Минский, Новогрудский, Слонимский и Слуцкий.

Только наивные или невежественные люди верят, что Германия питала к белорусам какие-то особые симпатии. Байки о том, что, в отличие от других народов, белорусы не подлежали уничтожению, похоже, начинают находить благосклонных слушателей и читателей. Но это не так. Документы свидетельствуют о другом. Например, согласно плану «Ост», предусматривалось оставить для онемечивания и использования в качестве рабочей силы не более 25 процентов белорусов. Этот зловещий план был рассчитан на 20 лет. Однако оккупанты всемерно сокращали первоначальный срок, используя лагеря смерти, карательные операции и другие средства массового уничтожения людей.

За годы оккупации фашисты уничтожили в Белоруссии свыше 2,2 миллиона советских граждан и военнопленных, вывезли в Германию около 380 тысяч человек. На территории республики оккупанты сожгли вместе с жителями 628 сел, из них 186 не были отстроены после войны. Сожжено и разрушено 209 городов и районных центров, 9 200 деревень, в результате чего около 3 миллионов человек остались без крова над головой. Были разграблены все центры культуры и науки, уничтожены многие тысячи замечательных памятников древности. Мировая цивилизация не знает такого массового уничтожения

людей в войне, варварского разрушения материальных, духовных, культурных и научных ценностей.

После разгрома Советской Армией немецких войск в Белоруссии и восстановления на ее территории советской власти снова, как и в 1939 году, была предпринята попытка оттяпать часть ее земель и передать на этот раз не Украине, а РСФСР. Это тоже малоизвестная страница белорусской истории, о которой П. К. Пономаренко поведал будучи на пенсии.

«В августе 1944 года, – рассказал он историку Г. Куманеву, – примерно через месяц после освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков, позвонил Г. М. Маленков и сообщил мне, что имеется указание об образовании Полоцкой области с центром в г. Полоцке и что Секретариат ЦК составил по этому поводу проект решения, который он хочет согласовать с ЦК КП(б) Белоруссии.

Я ответил, что Центральный Комитет Компартии Белоруссии, как мне думается, не будет возражать и поддержит предложение об образовании Полоцкой области.

– Да, но вы должны иметь в виду, – сказал Маленков, – что Полоцкая область будет образована в составе РСФСР и таким образом Полоцк и соответствующие районы отойдут из БССР в РСФСР.

Это было для меня настолько неожиданным, что в первые минуты я не нашелся, что ответить. Чтобы исключить возможность возражений, Маленков добавил:

– Не думаете же вы, что Полоцкой области в Российской Федерации будет хуже, чем в составе БССР?

Я ответил, что, конечно, этого не думаю, но есть причины для возражений против такого решения и я хочу их обдумать, обсудить с товарищами, а затем сообщить наше мнение.

На это Маленков ответил:

- Обсуждать не следует, выезжайте в Москву.

Приехав в Москву, я узнал, что проект постановления об образовании Полоцкой области в составе РСФСР (помимо Маленкова в подготовке его активное участие принимал Н. С. Хрущев), несмотря на состоявшийся разговор, уже отправлен в Политбюро ЦК ВКП(б).

Вечером 14 августа я был вызван к Сталину. В присутствии других членов Политбюро он обосновал предложение по поводу образования новых областей и областных центров в Белоруссии. Его рассуждения были следующие. Опыт войны показывает, что если на оперативном направлении противник встречает крупный город, то это задерживает, часто надолго, его продвижение. Крепости в современной войне имеют небольшое значение. Но крупный город с рабочим классом, промышленностью, связью, тяготением к нему окружающего населения, с администрацией и управлением представляет собой крепость в более широком смысле. Поэтому желательно, чтобы на исторически определившихся направлениях было больше крупных развивающихся городов. В наших условиях успешнее растет и развивается город, если он наряду с прочими условиями является еще и административно-политическим центром. Опыт многих войн и особенно трех последних - первой империалистической, советско-польской и Великой Отечественной показывает, что на западе неизменно определялись такие оперативные направления, как Барановичское, Бобруйское, Молодечненское и Полоцкое. Поэтому и возникает мысль об образовании областей Барановичской, Бобруйской, Молодечненской и Полоцкой.

- Как вы считаете? - спросил меня Сталин.

Я ответил, что это мне не приходило в голову, но, выслушав, могу сказать, что это правильно. Правда,

области эти будут сравнительно небольшими.

- Это неважно, - сказал Сталин, - можно будет лучше руководить районами. Следовательно, мы можем принять об этом решение. Пусть Секретариат ЦК внесет, согласовав с ЦК КП(б) Белоруссии, проект административного устройства и решение о кадрах.

Тут Маленков заметил:

- Хорошо, мы это немедленно сделаем. Но Пономаренко возражает против передачи Полоцкой области в состав РСФСР.

- Почему? Вы считаете Полоцк исконным белорусским городом? - спросил Сталин, обращаясь ко мне.

Сдерживая, как всякий раз, внутреннее волнение, но внешне спокойно, я стал излагать продуманные мной мотивы. Прежде всего подчеркнул, что Полоцк принято считать старинным белорусским городом. Но это можно оспаривать, поскольку Полоцк существовал задолго до того времени, когда в силу исторических причин от одного могучего ствола, именовавшегося Русью, пошли три ветви: русская, украинская и белорусская. Следовательно, когда Полоцк называют старинным русским городом - это тоже правильно. Крайность в этих толкованиях отдает либо национализмом, либо великодержавным шовинизмом. Однако во все времена исторического существования Белоруссии Полоцк был в ее составе, включая и 25 лет существования Советской Белоруссии.

Разумеется, продолжал я, это не главный довод за оставление его в составе БССР. Однако уже он требует, чтобы переход Полоцка в состав РСФСР был политически объяснен. Это первое.

- Что же второе? - спросил внимательно слушавший Сталин.

- Второе, - отметил я, - это то, что Полоцк в сознании белорусов, особенно интеллигенции, является

старинным центром белорусской культуры. Там родился и вырос один из крупнейших белорусских просветителей Скорина, первый доктор медицины, пожалуй, не только в Белоруссии, но и в России. Он также переводчик многих книг, в том числе Библии на белорусский язык, который, впрочем, тогда, более 400 лет назад, мало или почти не отличался от русского языка. Из Полоцка, – добавил я, – происходят многие другие виднейшие деятели культуры Белоруссии, в том числе немало известных современных писателей. Это важное, хотя тоже не главное обстоятельство.

– Когда же вы скажете главное? – спросил, улыбаясь, Сталин.

– Главное, по-моему, – сказал я в заключение, – состоит в следующем. Заканчивается победоносно для Советского Союза Великая Отечественная война. В ней народы всего Советского Союза понесли огромные потери, огромные жертвы. Враг агонизирует, и могущество СССР возрастает не только в территориальном, но и в политическом отношении. Тяжелейшие жертвы на фронтах, в партизанской и подпольной борьбе понес и белорусский народ. И вот к окончанию войны Белоруссия территориально и по населению сокращается за счет отхода ряда районов и г. Полоцка к РСФСР. Мне кажется, что это не будет народом понято и многих обидит. Тем более, что это будет ассоциироваться с тем, что на западе Белостокская область и часть Беловежской пуши, как известно, могут отойти к Польше. Кроме того, ведь накануне войны некоторые районы, находившиеся в составе БССР со дня основания республики, по бесспорным соображениям переданы Советской Литве. Поэтому, мне кажется, не следует образовывающуюся Полоцкую область передавать в состав Российской Федерации, хотя сама Полоцкая область от этого ничего не потеряла бы.

Сталин нахмурился, наступила тягостная пауза, все молчали и ожидали его решения. Наконец, он поднялся, медленно прошел туда и обратно вдоль стола, потом остановился и сказал:

- Хорошо, покончим с этим вопросом. Полоцкую область надо образовать, но в составе Белоруссии. Народ хороший и обижать его, действительно, не следует.

После этого заговорили все. И могло показаться, что по данному вопросу все думали точно так же. Один Маленков, главный инициатор проекта, был расстроен и мрачен, хотя все высказанные мною соображения я еще подробнее изложил ему перед заседанием. Плохо скрывал досаду и Н. С. Хрущев.

Весь этот вечер прошел за обсуждением белорусских вопросов. Причем основное внимание было уделено проблемам осушения и сельскохозяйственного освоения Полесья».

Через два месяца после восстановления советской власти на территории, освобожденной от немецких оккупантов, в сентябре 1944 года между СССР и коммунистическим руководством Польши была достигнута договоренность, в соответствии с которой 17 районов Белостокской и 3 района Брестской области передавались в состав Польши. Таким образом, Белостокская область была исключена из состава БССР без всякого согласования с Минском. Правительству БССР разрешалось лишь провести переговоры с польским правительством об обмене населения приграничных районов.

Белостокская область в декабре 1939 года была передана в состав БССР. Напомним, что, как и в других западнобелорусских землях, там начались преобразования по советскому образцу. В годы германской оккупации развернулось мощное партизанское движение, действовали подпольные

обкомы КП(б)Б и ЛКСМБ. Территория области была освобождена в результате Белостокской операции войск 2-го Белорусского фронта в июле 1944 года. Советизация здесь продолжалась до сентября. Ее прервала передача области в состав Польши. Шесть районов – Берестовицкий, Волковысский, Гродненский, Сапоцкий, Свислочский и Скидельский – передаче не подлежали и были включены в состав Гродненской области БССР.

А Белосток в Польше вновь стал центром одноименного воеводства – площадью 10,1 тысячи квадратных километров и с населением около 700 тысяч человек. Пятилетнее пребывание в составе БССР там не забыто, как и корневое родство белорусского населения. В Белостоке до сих пор действует Белорусское общественно-культурное товарищество, которое издает белорусскую газету «Нива» и ежегодник «Белорусский календарь», имеет свои клубы и библиотеки, ведет радиопередачи на белорусском языке. Товарищество настояло на создании кафедры белорусской филологии в Варшавском университете.

Иногда в среде белорусской интеллигенции раздаются вздохи сожаления: вот, отдал Сталин Польше исконно белорусские земли, а напрасно. Но кто с полной определенностью может сказать сегодня, что Белосток – это белорусская земля? Считают, что город основан Гедимином в 1320 году. После третьего раздела Польши в 1795 году отошел к Пруссии, король которой Фридрих Вильгельм III купил город за 270 970 талеров. По условиям Тильзитского мира 1807 года Белосток отошел к России. Император Александр I откупил город у прусского короля. Точная сумма неизвестна, но в архивах сохранилось свидетельство, что дополнительно к ранее выплаченным деньгам выделено 20 223 рубля серебром за растения и деревья в оранжереях, а также за дворцовую мебель. С 1921

года, по условиям Рижского мирного договора, снова в составе Польши – до 1939 года.

Впрочем нередко интеллигентские всхлипы о территориальных потерях из узкого круга переходят в большой мир политики. В начале этой главы уже упоминалось о требовании лидера БНФ вернуть Смоленскую, Псковскую, Брянскую области, а также Вильнюс, Белосток и другие территории, принадлежащие, по его мнению, Белоруссии. Еще премьер-министр Вячеслав Кебич в своем выступлении в январе 1994 года на сессии Верховного Совета республики назвал это требование «циничным» и «наглым».

А как относится коренное население Белоруссии к территориальной проблеме? Разделяет ли оно точку зрения лидеров оппозиции в парламенте, ныне эмигрировавших на Запад?

В ходе опроса, проведенного автором этой книги во второй половине марта 1994 года среди примерно 1,6 тысячи горожан, на вопрос: «Знаете ли вы о неудовлетворенности лидеров некоторых политических течений нынешними территориальными границами Белоруссии и, если знаете, то как вы к этому относитесь» – опрошенными были выбраны (в процентах) следующие варианты ответов:

Ничего не знаю об этом 10

Знаю и безоговорочно поддерживаю 2

Поддерживаю, если это не приведет к вооруженным столкновениям 4

Считаю, что это нецелесообразно 79

Мне это безразлично 5

Итак, 79 процентов опрошенных считают нецелесообразным ставить вопросы о территориальных претензиях к другим государствам. Почему? Потому что в Литве печатают карты, где едва ли не до Молодечно –

литовская территория, на Украине начинают поговаривать, что белорусское Полесье никакое не белорусское, а самое что ни на есть украинское, и если бы не Сталин, оно давно входило бы в состав нееньки-Украины, в Польше кое-кто спит и во сне видит западные области Белоруссии в составе своего государства. А если Белоруссия пристанет к России с требованием вернуть Смоленск и другие области, то это к добру не приведет. Негоже славянам ссориться промеж собой, ведь мы народы, издревле родные.

Кстати, о Литве. В конце 1999 года там был выпущен «Календарь литовца на 2000 год». В нем напечатана карта, на которой часть территории Польши, Белоруссии и России (Калининградская область) обозначена, как... «временно оккупированные этнические литовские земли». Российское посольство в Литве расценило календарь как провокацию, белорусское выразило недоумение, а министр иностранных дел Польши Бронислав Геремек заявил, что его страна потребует запретить распространение календаря. МИД Литвы тоже открестился от него, заявив, что выпуск в частном издательстве не согласовывался с государственными институтами и не финансировался за казенный счет. Но если такой календарь выпущен, значит, он отражает чьи-то настроения.

К сожалению, поводов для ссор дает немало и российская сторона. В первой половине 90-х годов по простоте душевной Борис Ельцин пообещал белорусскому руководству вернуть памятники культуры, хранившиеся в российских архивах и музеях. По этому поводу главы государств Содружества подписали даже соглашение, по которому культурные ценности должны быть возвращены на родину их создателей.

Поспешное, непродуманное, совершенно абсурдное решение! И самое главное – невыполнимое. Но это выяснилось потом, а сначала оно вызвало небывалую эйфорию у белорусской интеллигенции, особенно у творческой. С этим соглашением связывали надежды на возврат книг великого белорусского просветителя Ф. Скорины, напечатанных им в первой четверти XVI века в Праге и в Вильно. Стремление белорусских собирателей старины понятно – они хотят иметь в Минске полную коллекцию скорининских изданий и других бесценных сокровищ, оказавшихся в хранилищах Москвы и Петербурга. Окрыленные подписанием договора и публичными обещаниями российского президента, белорусы незамедлительно засели за составление списков культурных ценностей, подлежащих возвращению на родину. Солидные реестры, подписанные официальными лицами, поступили в Государственную библиотеку России – бывшую «Ленинку» и Государственный исторический музей в Москве.

Но на этом все и закончилось. Начались проволочки, оттяжки. Минск возмущенно заклокотал: Москва не намерена возвращать обещанное! Снова обман и коварство, снова Россия не держит слова.

Соглашение о возврате культурных ценностей в страны, где они создавались, изначально было невыполнимым. Принималось оно людьми мало сведущими в тайнах художественного творчества, без предварительной проработки со специалистами. Выяснилось, например, что скорининские книги, хранящиеся в Москве, не являются трофейными, то есть они не были вывезены с территории Белоруссии в качестве военной добычи, как, скажем, старинные книги из гитлеровской Германии. Скорининские уникальные издания были обнаружены, отреставрированы и сохранены стараниями крупнейших

русских библиофилов М. Погодина, Ф. Толстого, А. Хлудова и других. Впоследствии они передали или завещали эти уникальные издания государственным хранилищам. Но если следовать букве договора, то отправлять эти сокровища следовало вовсе не в Минск, а туда, где они были созданы – в Чехию и в Литву.

Непродуманный договор мог далеко завести. Действуя по его логике, предусматривавшей возврат шедевров по их, так сказать, национальной принадлежности, надо было изымать из Государственного художественного музея Белоруссии такие сокровища русского искусства, как «Утро на море» Айвазовского, «Портрет М.Ф. Андреевой» Репина, «Масленица» Кустодиева. Однако и здесь возникали препятствия. Кому передавать, например, полотно Айвазовского: России, Армении или Украине? Художник считается русским пейзажистом, по национальности он армянин, а жил в Феодосии.

В орбиту этой бессмысленной дележки был бы втянут весь мир. Скажем, кому выставлять ультиматум из-за Ивана Федорова? Англии и США, где соответственно в Лондонской библиотеке и в Гарвардском университете хранится по одному из двух известных экземпляров первого русского учебника – «Азбуке», напечатанной Иваном Федоровым в 1574 году? Или Дании и Германии, где хранится вторая «Азбука» русского первопечатника? В России нет ни одного экземпляра этих изданий. А кто будет требовать их возвращения? Россия, потому что Федоров русский? Или Украина, потому что там книги были напечатаны?

В свое время поляки вывезли из Полоцка редчайшие рукописные сокровища. Сейчас они в Варшаве и Кракове. Требовать возвращения? Кому? Нынешней независимой Белоруссии, в состав которой входит этот древний город? России, которой принадлежал Полоцк в пору похищения раритетов из Софийского собора?

Литве – ведь Полоцк был и под юрисдикцией Великого княжества Литовского? Или самому городу – когда-то он являлся центром самостоятельного княжества?

Только дремучим невежеством, хуторским мышлением можно объяснить поступок подписавших это, ставшее печально известным соглашение. Оно должно было быть, конечно, подписано, но с совершенно иным содержанием, провозглашающим, что все эти сокровища доступны для исследователей, где бы они не находились.

Ошибка стоила дорого. Разочарование обманутых в их надеждах белорусов вылилось в обвинение своего соседа в жадности. «И сам не дам, и другому не дам». Зазвучали упреки русским в их наплевательском отношении к памятникам собственной культуры, проявленном и до 1917 года. Вспомнили, что рублевскую «Троицу» впервые очистили от многовековой копоти только в 1905 году, а его всемирно известный шедевр «Спас нерукотворный» столетиями валялся в сарае в ужасном состоянии. Ссылались на «Древности» – свод многотомных трудов Императорского Московского археологического общества, в котором печатались протоколы заседаний, фиксировавшие повседневное уничтожение древних церковных и монастырских зданий.

С этой точки зрения, варвары 1930 года, уничтожавшие древние церкви, не более чем достойные преемники соотечественников, перестраивавших Москву в XVIII и XX веках. Потoki обвинений лились со страниц печати в адрес присланных в Белоруссию в тридцатые годы рабочих-активистов из Сормова и других российских городов для проведения коллективизации и культурной революции, в ходе которой разрушались церкви, сжигались древние книги, уничтожались ценные памятники белорусской культуры.

Столь целенаправленного уничтожения свидетельств старины не знала, пожалуй, ни одна страна Европы. Конечно, старое неизбежно отмирает, уступая место новому. Но в цивилизованном мире новые дома возводили рядом со старыми. В Белоруссии же русские делали, как у себя дома, – вместо старых.

К таким вот результатам привело неумение предвидеть последствия принимаемых решений.

Глава 12

ВОЗМОЖНО ЛИ ОБЪЕДИНЕНИЕ?

О будущем белорусско-российских отношений спорят много. Одни предрекают обострение, другие, наоборот, уверены в сближении.

Какие силы выступают за отрыв от России? Рассмотрим наиболее влиятельные из них.

Первое место в антироссийской ориентации занимает, безусловно, **Белорусский народный фронт «Адраджэнне» («Возрождение»)**. Как характеризуют его сами лидеры, это «широкое общественно-политическое движение за преобразование общества и возрождение белорусской нации на принципах демократии и гуманизма, развития культуры коренной национальности и всех национальных сообществ, за фактическую государственную независимость Белоруссии».

В БНФ входят как отдельные граждане, так и объединения и партии, поддерживающие программу и устав БНФ.

Согласно уставу, БНФ объединяет людей независимо от их социального положения, профессиональной, национальной, партийной и религиозной принадлежности. В то же время подчеркивается, что участие в движении несовместимо с пропагандой тоталитарной идеологии. Методы политической деятельности БНФ – участие в выборах, массовые политические акции, изучение и анализ положения в разных сферах жизни Белоруссии,

разработка программ, концепций, законопроектов, культурно-просветительская деятельность.

БНФ видит причину экономического, политического, культурного, экологического кризисов в отсутствии реальной государственной независимости Белоруссии и в многолетнем господстве в республике коммунистической власти. БНФ считает, что возрождение демократического общества, создание здоровой экономики, возвращение к национально-культурным и нравственным ценностям возможно лишь при ликвидации тоталитарной системы, при национальной консолидации.

Согласно программному заявлению, принятому в 1991 году, только в независимой Белоруссии возможно существование общества, основанного на свободе личности и общечеловеческих ценностях. Главная задача БНФ – национально-культурное возрождение. Главная цель – свободный человек в возрожденной независимой Белоруссии. Организационный комитет БНФ за перестройку «Адраджэнне» создан 19 октября 1988 года по предложению З. Позняка на учредительном собрании Белорусского историко-просветительского общества памяти жертв сталинизма «Мортиролог Белоруссии». Его учредителями выступили союзы писателей и кинематографистов Белоруссии, а также газета «Літаратура і мастацтва» («Литература и искусство»). На собрании присутствовало около 400 человек – в основном творческая, научная и техническая интеллигенция, студенческая молодежь из объединений «Толока» и «Тутэйшыя» («Здесь»). В состав оргкомитета вошли видные белорусские писатели П. Панченко, В. Быков, Р. Бородулин, Н. Гилевич, ученые А. Грицкевич, М. Ткачев, А. Мальдис, сыновья партийных функционеров В. Вечерко (отец – бывший помощник первого секретаря ЦК КПБ), А. Суша

(отец – редактор минской областной партийной газеты), журналисты и художники.

На первых порах оргкомитет БНФ поддерживал «начатую лучшими силами КПСС перестройку общества на принципах демократии и гуманизма», о чем заявил в первом своем воззвании «К гражданам Белоруссии». Однако для освобожденных партийных, комсомольских и профсоюзных работников вводились существенные ограничения: эти лица могли быть только рядовыми членами групп поддержки. Коммунистическое руководство республики встретило БНФ враждебно, и между ними началась конфронтация. Во время кампании выборов народных депутатов СССР поддержкой БНФ пользовались А. Адамович, В. Быков, С. Шушкевич.

Учредительный съезд БНФ состоялся в июне 1989 года «за границей» – в Вильнюсе. На проведение его в Минске тогдашние власти согласия не дали. Через год Сойм БНФ заявил, что «достижение демократии, суверенитета республики и спасение нашего народа невозможно в составе СССР». На II съезде БНФ в Минске (март 1991 г.) З. Позняк заявил, что советская империя исчерпала свои ресурсы и альтернативы независимости нет. Съезд назвал своей опорой миллион жителей республики, которые на референдуме о будущем Союза сказали «нет».

Несмотря на фиксированное членство в БНФ, точных данных о его количественном составе нет. Известно лишь, что в БНФ организационно входят Национально-демократическая партия Белоруссии, Лига женщин Белоруссии, Минский городской комитет белорусскоязычных классов. Но это все малочисленные организации.

Изучение общественного мнения показывает, что сейчас рейтинг БНФ у белорусского населения крайне низок. Пик его популярности приходился на 1989-1992

годы, когда в акциях, им проводимых, участвовало значительное число горожан, недовольных политикой властей, замалчивавших истинные масштабы чернобыльской катастрофы. БНФ организовывал «часы печали и молчания», митинги, сборы подписей, траурные богослужения, народные шествия, «чернобыльский путь». Определенную поддержку у населения БНФ получал и за протест против так называемой «35-бэрной концепции» безопасного проживания на загрязненных территориях, которую выдвинул Минздрав СССР.

О падении рейтинга БНФ свидетельствует досрочно закончившаяся бессрочная политическая забастовка, объявленная оппозицией в связи с отставкой спикера белорусского парламента С. Шушкевича. В республике не остановился ни один завод, а в решающий день – 10 марта 1994 года – на площади Независимости в Минске собралось не более 600 человек.

Из крупных политических успехов на счет БНФ можно отнести принятие Верховным Советом нового названия государства – Республика Беларусь, утверждение государственного герба «Погоня» и бело-красно-белого флага. Но это было в конце 1991 года, когда исполнительная власть пребывала в растерянности, а компартия прекратила свое существование.

Рады БНФ действуют в Минске и в областных центрах, а также в других крупных городах. За пределами Белоруссии рады и «суполкі» (общества) БНФ имеются в Москве, Риге и Вильнюсе. БНФ располагает также представителями в США, Канаде и Польше.

Оппозиция БНФ в белорусском парламенте состояла из 37 человек.

Центральный печатный орган БНФ – газета «Навіны БНФ «Адраджэнне» («Новости БНФ «Возрождение»).

Периодические издания местных рад БНФ: «Абуджэнне» («Пробуждение») и «Ратуша» - в Могилеве, «Шлях» («Путь») - в Бресте, «Атава» («Отава») - в Гомеле, «Раніца» («Утро») - в Молодечно, «Сумленне» («Совесть») - в Слуцке, «Пагоня» - в Лепеле, «Прамень» («Луч») - на Минском часовом заводе.

Председатель БНФ Зенон Позняк покинул Белоруссию и проживает в эмиграции в США.

Союзицей БНФ является **Объединенная демократическая партия Белоруссии (ОДПБ)**. Образована в ноябре 1990 года на учредительном съезде в Минске. Руководящие органы - рада ОДПБ из 15 человек и исполнительный комитет, который руководит деятельностью 10 комиссий. Основу партии составили члены Демократической платформы Белоруссии, Либерально - демократической партии, других демократических партий Белоруссии, в основном Минска и Бреста. Выступает с позиций либерализма, развития частной собственности и рыночных отношений в экономике, становления независимой Белоруссии.

По заявлениям руководства партии (председатель Рады - А. Добровольский), первичные организации действуют во всех областных городах, большинстве районных центров, а также в сельской местности. Численность не объявляется, но, по оценкам экспертов, невелика. Рада в Минске, Брестская, Гомельская и Могилевская организации издают информационные бюллетени. Поддерживает связи и сотрудничает со всеми общественно-политическими организациями, партиями и движениями некоммунистической ориентации.

Белорусская крестьянская партия, как заявляет ее руководство, своим историческим предшественником считает Белорусскую партию социалистов-революционеров. Создана на учредительном съезде в

феврале 1991 года в Минске. Руководящий орган – Центральная Рада, состоящая из 24 человек. Председатель – Е. Лугин. Выступает за земельную реформу, возрождение села, культуры, языка и истории белорусского народа.

Руководство БКП считает, что Белоруссия должна быть независимой страной и поддерживать экономические связи с соседями на основе двух- и многосторонних соглашений. Сотрудничает со всеми партиями Белоруссии демократической направленности, за ее пределами – с крестьянскими партиями России и Украины. Первичные организации созданы в большинстве сельских районов Белоруссии. Имела представительство в Верховном Совете и местных Советах народных депутатов республики.

В отличие от БКП, **Белорусский христианско-демократический союз** представительства в органах власти не имел никогда, поэтому включался в совместные действия с другими демократическими силами. Это общественно-политическая организация, действия которой основываются на нравственно-этических заветах христианства и демократических принципах ненасильственного, эволюционного совершенствования общества.

Образован на учредительной конференции в Минске в июне 1991 года. Ядро организации – 102 делегата, преимущественно белорусскоязычные представители интеллигенции среднего и молодого возраста. Языковых, национальных и возрастных ограничений не существует, но членом союза, по уставу, может быть тот, кто разделяет нравственно-этические заветы Христа. Цель – нравственное, духовное, национальное, политическое и экономическое возрождение Белоруссии. Программные принципы: ненасильственность, плюрализм, частная

собственность, христианское братство со всеми народами.

Руководящие органы: координационная Рада и Управа. Избрано 5 сопредседателей. Сопредседатель-координатор – П. Силка.

Движение намеревается способствовать – в рамках Европейского процесса – постепенной, мирной, гармоничной трансформации структур бывшего СССР в Христианское Содружество Наций, открытое и для нехристиан.

Провозгласило себя преемником Белорусской Христианской Демократии – клерикальной демократической белорусской национальной партии, существовавшей с мая 1917 года (Петроград) по 1940 год (Западная Белоруссия). Основано белорусскими ксендзами Ф. Абрантовичем, А. Станкевичем и другими. После присоединения Западной Белоруссии к БССР многие члены БХД были репрессированы.

Возобновлен выход газеты «Белорусский родник», отстаивавшей теорию самобытности развития белорусской нации и отрицавшей классовую борьбу: «Белорусы – это народ мелкоземельного крестьянства, – утверждалось в этом издании в 1928 году. – Дело в том, что Белоруссия вся трудовая. У нас нет нетрудящихся по типу, по примеру других стран, откуда нам это фальшивое деление принесено. Мы не имеем собственных промышленников-капиталистов, не имеем собственных помещиков, ни так называемых кулаков. А если так, то становится ясным, что классовая борьба в народе, в котором отсутствуют классы, не может иметь места».

Преемницей Белорусской социалистической громады – национальной партии левонароднического толка, действовавшей в 1902-1917 годах, и Белорусской социал-демократической партии (1918 -1922 гг.),

объявила себя **Белорусская социал-демократическая громада (БСДГ).**

Ее учредительный съезд состоялся в марте 1991 года. БСДГ считает себя левоцентристской партией парламентского типа, партией реформ. Инициатором ее создания выступила группа народных депутатов Белоруссии из числа представителей научной и творческой интеллигенции.

Основная цель партии - создание в Белоруссии демократического общества на основе многоукладной экономики и разнообразия партийных структур, правовая и социальная защита человека труда, отстаивание политической независимости как равноправного члена европейского и мирового сообщества. Основные методы деятельности - диалог и сотрудничество с демократическими партиями, отрицание насилия и принуждения как средств достижения поставленных целей.

Членами Громады могут быть только граждане Белоруссии. Территориальные организации (филии) создавались по месту жительства - в городах и селах. Руководящим органом между съездами является Центральная Рада. Первым председателем был избран известный белорусский историк М. Ткачев, сейчас, после его смерти - О. Трусов. Социальная база Громады - в основном научно-техническая и творческая интеллигенция, учителя, юристы, медики. Партийные организации действуют преимущественно в городах. Громада имела свою фракцию в белорусском парламенте, представителей в Сойме БНФ, в руководстве Общества белорусского языка имени Ф. Скорины, Белорусского фонда культуры и других политических и общественных организаций и движений.

В сентябре 1992 года на XIX конгрессе Социнтерна БСДГ получила статус постоянного гостя. Филии

Громады издают газеты и бюллетени. Центральный печатный орган – газета «Громада».

Вот, пожалуй, и все более или менее серьезные силы, оппозиционные курсу правительства. Для полноты картины сюда стоит еще включить **Белорусское объединение войсковцев**, хотя и распущенное по решению суда в 1993 году, но тем не менее воссозданное в виде организационного совета.

Белорусское объединение войсковцев возникло 19-20 августа 1991 года. Учредительный съезд состоялся в октябре того же года. Провозгласило себя неполитическим общественно-патриотическим добровольным движением, в котором независимо от национальности, вероисповедания, политических взглядов и членства в других движениях или партиях, на демократических началах объединялись военнослужащие действительной службы или в отставке, а также коллективные члены – другие общественные организации и политические партии.

Основу объединения составляли группы в военных гарнизонах. Председатель – подполковник Н. Статкевич. Цели и задачи: содействие осуществлению военной реформы, защита демократии и государственного суверенитета Республики Беларусь, прав белорусских военнослужащих, воспитание государственного патриотизма и национальной гордости у военнослужащих и широких кругов общественности.

Объединение принимало участие в разработке документов, направленных на формирование белорусской армии и проведение военной реформы, провело республиканскую акцию «Урок патриотизма», в рамках которой опубликован краткий очерк военной истории Белоруссии «Забытая слава» (1992 г.). Активно выступало против сближения с Россией.

После роспуска в 1993 году предпринимало попытки воссоздания, о чем с тревогой сообщал Славянский собор «Белая Русь» в письме, адресованном Председателю Верховного Совета М. Грибу и генеральному прокурору республики В. Шолодонову. Славянский собор обвинил власти в попустительстве упраздненному решением суда объединению, которое под видом создания народных дружин встало на путь формирования собственных боевых подразделений и активно разжигало русофобию в связи с наметившимся курсом сближения с Россией.

Итак, позиции «западников» и «изоляционистов» ясны. Первые считают: не с Россией надо заключать договор, а стремиться в Европу, поскольку у восточного соседа своих проблем хватает. Для вторых неприемлем сам факт белорусско-российского союза, ущемляющий белорусский государственный суверенитет.

В 1994 году аналитики исходили из того, что перспективы белорусско-российских отношений во многом зависели от судьбы подписанного 12 апреля того же года договора об объединении денежных систем двух стран. Прогнозировалось, что именно сюда переместится центр политической борьбы в Белоруссии. Если договор начнет осуществляться и в ходе его реализации возникнут какие-либо перебои с обеспечением населения российскими деньгами, что уже тогда пророчили как в Белоруссии, так и в России, то вина будет возложена на Москву, и это, несомненно, подогрело бы антироссийские настроения.

Второе направление, по которому могли возникнуть осложнения, - судьба культурных ценностей. Невыполнение, а затем отмена Верховным Советом РФ «Соглашения о возвращении культурных и исторических ценностей государству их происхождения», подписанного в Минске 14 февраля 1992 года главами всех стран Содружества, было

негативно встречено в среде белорусской интеллигенции. Подписанное 15 мая 1993 года в Ташкенте новое соглашение по этому вопросу вызвало протест с ее стороны. В парламентской «Народной газете» было опубликовано открытое письмо видных деятелей культуры Председателю Совета Министров Белоруссии В. Кебичу с осуждением нового документа, который, по их мнению, не упразднил, а закрепил и стимулировал политику сокрытия историко-культурных ценностей в фондах бывших союзных музеев и архивов.

Белорусская сторона подготовила свой проект соглашения о проблемах собственности на художественные ценности, который был поддержан правительствами всех стран Содружества, за исключением российского. Кроме общего соглашения по СНГ, белорусы предложили еще и свой вариант межправительственного соглашения между Белоруссией и Россией. Свой проект двустороннего соглашения подготовила и Россия. В них многое совпадает, но немало и расхождений. Самое принципиальное в том, что Россия по-прежнему склонна полагать: все сохранившееся на ее территории, все фонды бывшего Союза принадлежат только ей.

Это было очень болезненно воспринято Белоруссией, которая признана самой обделенной нацией в Европе. Такой вердикт был ей вынесен перед 50 странами во время присоединения республики к Хельсинкскому процессу (1993). Нация, утратившая свои культурные ценности, святыни или «поручившая» их хранение музеям и архивам других стран, считается обделенной. Это произошло во многом «благодаря» географическому положению Белоруссии, выгодному для ведения войн. Что попадалось на глаза – вывозили, что не успевали вывезти – уничтожали на месте.

Обретая суверенность, Белоруссия одной из первых приступила к поиску сведений о художественных

ценностях, вывезенных в разное время за пределы республики законным или незаконным путем. Здесь издан сборник документов и архивных материалов «Возвращение», который направлен в страны, где хранятся эти ценности. Россия занимает пока отрицательную позицию.

Вот два стратегических направления, которые в середине 1990-х годов были чреваты возможными обострениями в белорусско-российских отношениях.

Глава 13

ГДЕ СТЕЛИТЬ СОЛОМКУ?

«Если бы знать, где упадешь, то заранее соломку подстелил бы», – гласит белорусская народная мудрость.

Где надо стелить соломку в белорусско-российских отношениях?

На международном уровне. В Белоруссии четко представляют, что у России, США и западных партнеров выявились серьезнейшие расхождения по проблемам ближнего зарубежья, роли и места России на пространстве бывшего Советского Союза. Конечно, России не безразлично, в каком направлении пойдет развитие государств СНГ, поэтому она настаивает на том, чтобы оставить за собой роль арбитра на территории бывшего СССР.

Но в Белоруссии видят, что это стремление тормозится опасливой отношением великих держав, и прежде всего США, к тому, чтобы Россия реинтегрировала постсоветское пространство, на котором проживают 25 миллионов этнических россиян. На все лады варьируется мысль директора управления всемирного развития госдепартамента США Грега Гуроффа о том, что США чувствует ответственность за жизнь своих сограждан за границей, но не за все англоговорящее население в других частях света. С этой точки зрения, по его словам, особая роль России в отношении русскоязычного населения в СНГ воспринимается на Западе как националистическая

политика. Бальзам на душу белорусских «западников» и «изоляционистов»!

Самое парадоксальное в том, что именно несогласие США с тем, чтобы Россия осознавала постсоветское пространство зоной своих жизненных интересов, и может ускорить процесс реинтеграции. Закончив спор между собой, славяне наверняка объединятся, ибо Запад не откажет себе в удовольствии применить экономические санкции в отношении непослушных стран.

На уровне глав правительств. Три месяца, с января по март 1994 года, вся Белоруссия ждала прибытия в Минск российского премьера Черномырдина для подписания соглашения об объединении денежных систем. В течение всего этого периода в начале каждого месяца белорусские газеты на первых полосах помещали крупные заголовки: «В этом месяце В. Черномырдин приезжает в Минск». «Выноски» появлялись после каждого телефонного разговора между премьерами. Однако российский премьер так и не приехал, что вызывало у людей обиду, горечь, недоумение.

Конечно, с самого начала искушенные политики знали, что придется белорусским руководителям ехать в Москву и ожидать в приемной. Простые люди не верили обещаниям Черномырдина и ждали литерного рейса. Мелочь? Но она о многом говорит. Лучше уж не обещать, не давать повода для упреков в имперских амбициях.

Кстати, это относится не только к одному Черномырдину. Члены российского кабинета министров, особенно из молодых, относятся к белорусским коллегам снисходительно-покровительственно, как и подобает старшим братьям.

Надо сменить тональность поведения, не употреблять на государственном уровне

непродуманных оценок типа «В Белоруссии неплохие люди живут» (Черномырдин) и т. п. Это обижает белорусов, как будто они второстепенный народ.

На дипломатическом уровне. Посольство Российской Федерации в Белоруссии должно действовать более гибко, избегать в средствах массовой информации одномерных, а то и «лобовых» оценок. Эти люди плохо знают историю республики и ее народа, новые научные изыскания времен глубокой древности воспринимают в штыки, рассматривая их в качестве «малозначительных исторических эпизодов для развития антирусских настроений».

Такие заявления не способствуют взаимопониманию. Посольские работники воспринимаются как московские цензоры, надсмотрщики и контролеры. Они не должны забывать, что в Белоруссии идет процесс возрождения языка и культуры, что не каждый реанимируемый из анналов эпох эпизод о прошлых ссорах является непременно свидетельством разжигания русофобии. Новые исследователи доказывают, что история их народа не безымянная и не безлюдная, поэтому рады любому обнаруженному в архивах факту, подтверждающему, что белорусский народ оставил о себе память и следы еще в глубокой древности. Ссорятся, как правило, близкие соседи. Были, конечно, конфликты между белорусами и русскими. А разве их не было между самими русскими? История полна таких примеров, и никто не требует прекратить подобные изыскания на том основании, что они компрометируют образ русского человека. А вот посол России в Белоруссии требовал по Российскому телевидению, которое, кстати, смотрят и в Минске, не вспоминать о 8 сентября 1514 года, когда под Оршей столкнулись русские воеводы с войском Великого княжества Литовского, в составе которого были белорусы.

Такие непродуманные выступления лишь подливают масла в огонь. И вообще, посольство действует устаревшими методами. Например, анализируя обстановку в республике для управления стран Содружества МИД России, в качестве первоочередных мер предлагало опубликовать в российских газетах «Известия» и «Красная звезда» материалы о восстании Т. Костюшко, о роли Суворова в Белоруссии, о создании в 1918 году БНР, об Оршанской битве 1514 года с тем, чтобы их можно было бы потом передать в белорусские газеты. Имеется в виду старое доброе время: «Правда» опубликует, периферийная печать тут же перепечатает. По звонку из директивного органа. Но ведь сегодня Белоруссия отдельное государство, и «Красная звезда» ему не указ, у него своя «Красная звезда» – «Во славу Родины», центральный орган Министерства обороны РБ.

В российском посольстве почти все сотрудники не знают белорусского языка и не в состоянии дать объективную оценку той или иной публикации. А если учесть, что основная масса литературы о белорусском прошлом издается на национальном языке, то работникам посольства не позавидуешь.

На межличностном уровне. Русские в Белоруссии, к сожалению, не самокритичны. Ведь произошла не какая-то иная, а именно русская ассимиляция белорусского языка. Гуманистического отношения к близкородственной речи пока нет, наоборот, полное неприятие языка коренной национальности, равнодушие к культуре издревле близкого русским народа, пренебрежение к его истории.

Суверенизация Белоруссии, как правило, вызвала у большинства из них резко отрицательную оценку. Первоначальные скептицизм и насмешки превратились в злорадство: куда вам, бульбаши, без России!

Надо отдать должное властным структурам Белоруссии: настроения и взгляды этнических русских в

этой стране не изучаются, социологические замеры среди них не проводятся. Это мудрая позиция. Она исключает возможность превратить 1,2 миллиона некоренных жителей в некую чуждую белорусскому менталитету силу.

Наверное, разумным в этой ситуации было бы поменьше присылать в Минск из Москвы разных групп и комиссий, интересующихся положением русских в Белоруссии. Проблемы пока нет. Но она может возникнуть, поскольку частые расспросы о социальном самочувствии русских способны спровоцировать среди них (на бытовом уровне) соответствующие настроения. Примеров того, как Москва сама провоцировала взрывоопасные тенденции в межнациональных отношениях, несть числа.

Конечно, и на самотек дело пускать тоже не следует. Надо применять более современные, более корректные, не затрагивающие национальных чувств коренных жителей и не возбуждающие активность проживающих там россиян формы и методы владения обстановкой.

8 декабря 1999 года, спустя ровно восемь лет со дня подписания им же документа, оформившего разрушение СССР, президент России Борис Ельцин скрепил своей подписью Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о создании Союзного государства. Событие произошло за три недели до его добровольной отставки с президентского поста.

Что это было? Неужели своеобразное покаяние перед своим народом, элемент преодоления самим же Ельциным «фактора Ельцина»?

Приложение

БЕЛОРУССИЯ И ГКЧП

Этот документ был подготовлен в октябре 1991 года Временной комиссией Верховного Совета Республики Беларусь во главе с депутатом И. И. Пырхом. Комиссия была создана решением белорусского парламента для оценки деятельности членов ГКЧП и поддержавших их общественно-политических образований, органов государственной власти и управления, должностных лиц и граждан.

Прочитав этот документ, так и хочется воскликнуть: снова покладистые сябры-белорусы поступали так, как требовала Москва. Только на этот раз уже не коммунистическая, а восставшая против коммунистов. В Белоруссии с той же истовостью, с какой 70 лет искали и выводили на чистую воду антикоммунистов, теперь устроили охоту на коммунистов.

Эх, судьба-судьбинушка, плаха и дубинушка! Чьи же вы сыны, дорогие земляки? Неужели дети героических белорусских партизан?

Временная комиссия Верховного Совета Республики Беларусь по оценке деятельности членов ГКЧП и поддержавших их общественно-политических образований, органов государственной власти и управления, должностных лиц и граждан состоит из семи членов и двадцати пяти привлеченных к ее работе народных депутатов всех уровней, специалистов и граждан. Для ее оперативной деятельности на местах (в областях, районах и т. д.) созданы рабочие группы. Выборочно проведена работа по ознакомлению и отбору интересующих комиссию документов, опросу должностных лиц в большинстве областей и городе Минске. Продолжается изучение деятельности

руководителей ряда министерств и ведомств республики, средств массовой информации, КПБ – КПСС. Работа комиссии строится во взаимодействии с органами прокуратуры, которая создала следственную группу и самостоятельно ведет расследование по установлению фактов поддержки общественными организациями и отдельными органами власти и управления, а также должностными лицами ГКЧП.

Комиссия частично изучила и проанализировала сведения о прохождении входящей и исходящей корреспонденции ЦК КПСС, ВС СССР, КМ СССР, аппарата Президента СССР, ЦК КПБ, ВС БССР, СМ БССР с 18 по 21 августа т. г. через фельдъегерскую службу, а также регистрационные документы в ВС и СМ республики.

К настоящему времени в комиссии рассмотрено более ста пятидесяти письменных обращений. Все они внимательно изучались членами комиссии, соответствующими правоохранительными органами, их авторам давались ответы.

Настоящая справка носит обобщающий характер и составлена на основании проверенных материалов, находящихся во Временной комиссии по состоянию на 18 октября 1991 года.

В результате деятельности членов Временной комиссии и привлеченных к ее работе лиц на местах установлено следующее.

Свое отношение к событиям 18-21 августа и ГКЧП как к антиконституционным и противоправным, официально высказывали лишь некоторые Советы народных депутатов (гг. Минск, Гомель, Могилев, Орша, Пинск, Солигорск, Новополоцк).

В Витебский обком КПБ 19. 08. 91 г. из ЦК КПСС поступили две шифртелеграммы. Путем опроса работников ОК КПБ, знакомившихся с шифртелеграммами, установлено, что в одной из них предлагалось партийным организациям оказать

поддержку ГКЧП, а в другой – информировать ЦК КПСС о положении дел на местах. 20. 08. 91 г. шифртелеграммы с разрешения секретаря ОК КПБ Тарасевича В. И. уничтожены.

Областной и Витебский городской Советы народных депутатов, их исполкомы, руководители в период с 18 по 22 августа не высказывали своего отношения к антиконституционному перевороту.

Документы ГКЧП, полученные председателем областного Совета народных депутатов т. Кулаковым В. П. в пакете Президента СССР, к исполнению не приняты, органам власти на местах не доводились. Поручений по выполнению постановлений ГКЧП должностным лицам не давалось. Это подтверждается и резолюцией заместителя начальника УКГБ по Витебской области Бурака В. К. на документах ГКЧП после его беседы с председателем Совета Кулаковым В. П., где говорится, что режим чрезвычайного положения в области вводиться не будет, в практической работе необходимо руководствоваться Конституцией Республики Беларусь и указаниями председателя КГБ республики.

В ходе проверки также установлено, что руководство УКГБ и УВД области не предпринимало мер, выполнения которых требовали в своих шифртелеграммах Крючков и Пуго. Например, начальник УВД Клещенко А. Ф. 18. 08. 91 г. на приказе Пуго написал: «Ознакомлен. В дело». Однако он же и заместитель начальника управления КГБ по Витебской области в своем интервью газете «Витебский рабочий» высказали неоднозначное мнение по отношению к ГКЧП.

Утром 18. 08. 91 г., когда стало известно из средств массовой информации о создании ГКЧП и введении в отдельных местностях чрезвычайного положения, руководством управления юстиции (начальник управления т. Медведев В. Ф.) в беседе с работниками

управления была дана установка при обращении судей и работников юстиции рекомендовать им поддерживать организованность и дисциплину и сохранять обычный режим и порядок работы судов. По словам начальника управления юстиции никакие оценки происшедшим событиям не давались.

21. 08. 91 г. в 8 часов 10 минут поступила из Минюста Республики Беларусь телефонограмма министра юстиции Дашука следующего содержания: «В связи с введением чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР прошу незамедлительно принять неотложные меры по поддержанию организованности, дисциплины и порядка в работе каждого народного суда и учреждения юстиции. Организовать дежурства в выходные дни в народных судах народных судей с 24. 08. 91 г. по 15. 09. 91 г. с 9.00 до 18.00. В ближайшие дни будет дополнительно выслан план мероприятий по обеспечению нормальной работы судов и учреждений юстиции. Министр юстиции Республики Беларусь Дашук».

Содержание телефонограммы, по словам начальника управления юстиции, было доведено до сведения народных судов и учреждений юстиции по телефону, а также в отдельные районы были направлены ее копии. Как следует из сопроводительного текста, телеграмма министра юстиции направлялась для руководства и исполнения.

В телевизионных и радиопередачах Витебского областного комитета по телевидению и радиовещанию информации о деятельности ГКЧП и оценок сложившегося 19-21 августа положения в стране не имелось, за исключением двух вечерних радиовыступлений 21. 08. 91 г.

Так, редактор радиовещания Скробов А. М. передал в сокращении обращение Бюро ЦК Компартии Беларуси к коммунистам, всем трудящимся республики, а

старший редактор Глушаков Н. Н. в своем выступлении, основанном, по его словам, на материалах центральных газет, признал создание ГКЧП очень важной и необходимой мерой. В связи с тем, что на радио поступало множество нефиксированных телефонных звонков от граждан, желающих выступить в поддержку ГКЧП, то Глушаков Н. Н. высказал мнение, что большинство трудящихся области оказывают поддержку ГКЧП в наведении правопорядка в стране.

22. 08. 91 г. представитель Витебского городского филиала (ВГФ) Белорусской социал-демократической Громады (БСДГ) Савуневич К. Е. передал главному редактору областной газеты «Витебский рабочий» Скопе В. Г. заявление ВГФ БСДГ от 19. 08. 91 г., осуждающее действия ГКЧП, и статью «В последнее время» от 22. 08. 91 г. Между ними была достигнута договоренность о некотором сокращении текста заявления, однако впоследствии при подготовке к печати Скопа В. Г. без согласия Савуневича К. Е. еще больше сократил авторский текст заявления ВГФ, чем нарушил ст. 1 Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации», предусматривающую запрещение цензуры массовой информации.

Аналогично без согласия старшего корреспондента газеты «Витебский рабочий» Мальчевской Е. Е. главным редактором Скопой В. Г. 27. 08. 91 г. была сокращена ее статья «Обратите внимание, читатели». Вопреки ст. 29 Закона «О печати и других средствах массовой информации», представляющей журналисту право снять свою подпись под материалом, который был, по его мнению, искажен, однако в процессе редакционной подготовки это не было сделано.

По указанным фактам главному редактору газеты «Витебский рабочий» Скопе В. Г. было сделано официальное предостережение прокурором о

недопустимости нарушения Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации».

В отдельных районах Витебской области выявлены случаи поддержки органами и должностными лицами мер, предлагаемых неконституционным ГКЧП для стабилизации обстановки в стране, и непродуманного принятия решений в связи с созданием этого органа. При этом ни одним органом или должностным лицом правовой оценки созданию ГКЧП не давалось.

Так, 19. 08. 91 г. по инициативе секретарей Сенненского РК КПБ Домашкевича Н.Ф., Пучковской З. С., Шилак В. И. в 14 часов состоялось расширенное заседание бюро РК КПБ, на которое приглашались секретари партийных организаций и хозяйственные руководители. По мнению первого секретаря РК КПБ, это было не заседание бюро, а «совещание с участием председателя райсовета Войтеховича С. Т., других членов бюро и актива района». Однако материалы проверки, проведенной прокуратурой района, убедительно свидетельствуют о том, что это было именно заседание бюро РК КПБ.

В частности, это подтверждается объяснениями секретарей РК КПБ Пучковской З. С. и Шилак В. И., председателя районного Совета народных депутатов Войтеховича С. Т., заместителя начальника Сенненского РОВД Тепленова В. И., начальника второго отделения райвоенкомата Михайлова В. В. и других.

На заседании бюро были прослушаны магнитофонные записи всех заявлений и сообщений о деятельности ГКЧП. После прослушивания магнитофонной записи выступил Домашкевич Н. Ф., который призвал к укреплению трудовой дисциплины и общественного порядка, устранению недостатков в хозяйственной деятельности.

Секретарь партийной организации ДСПМК-37 Дорожкин Б. С., секретарь парторганизации

райвоенкомата Михайлов В. В. и секретарь парторганизации РОВД Тепленов В. И. пояснили, что Домашкевич Н. Ф. в своем выступлении предлагал принять постановления ГКЧП как руководство к действию, однако большинство опрошенных участников заседания бюро этого не подтверждают.

В районной газете «Ленинская искра» от 22. 08. 91 г. было помещено редакционное сообщение «В бюро райкома КП Беларуси», в котором дано краткое изложение хода заседания бюро 19. 08. 91 г. В частности, в этом сообщении говорится, что в постановлении бюро райкома партии записано: «Постановление № 1 Государственного комитета по чрезвычайному положению должно стать программой действий каждого гражданина». Согласно объяснению редактора газеты и члена бюро РК КПБ Белова М. В. материал для сообщения им был записан на заседании бюро. Текст сообщения, по его словам, согласовывался с заведующей общим отделом РК КПБ Стельмах Р. В. и секретарем РК КПБ Шилаком В. И. по телефону. Однако последние эти обстоятельства отрицают.

Ответственный секретарь газеты Лазюк А. Е. подтверждает объяснение редактора. Председатель райисполкома Войтехович С. Т. пояснил, что Домашкевич Н. Ф. дал указание редактору поместить сообщение о заседании бюро РК КПБ, а он (Войтехович С. Т.) по окончании заседания сказал редактору, чтобы «эти вопросы в газете не освещались».

Проведение заседания бюро РК КПБ в рабочее время и приглашение на него широкого круга хозяйственных и не освобожденных от основной работы партийных руководителей противоречит ст. 5 Закона СССР «Об общественных объединениях», в соответствии с которой деятельность организаций, политических партий, других общественных объединений, их членов осуществляется в нерабочее время и за счет средств

этих объединений, и ст. 9 Закона БССР «Об основных принципах народовластия в Республике Беларусь», устанавливающей, что вмешательство общественных объединений в деятельность государственных органов и должностных лиц не допускается. Однако, учитывая, что деятельность КПБ – КПСС в настоящее время приостановлена, а ее имущество взято под охрану местными Советами народных депутатов, меры прокурорского реагирования в отношении должностных лиц РК КПБ не принимались.

19. 08. 91 г. состоялось совместное заседание исполкома Ушачского районного Совета народных депутатов и бюро Ушачского РК КПБ, на котором было принято решение направить в адрес ГКЧП телеграмму об одобрении его создания с выражением уверенности в том, что действия ГКЧП будут способствовать стабилизации политической и социально-экономической обстановки в стране, преодолению межнациональных и гражданских конфликтов, наведению дисциплины и порядка в обществе. Телеграмма дана от имени бюро РК КПБ и исполкома районного Совета народных депутатов. На упомянутом заседании обсуждалась ситуация в стране, и большинство участников заседания одобрили предлагаемые ГКЧП меры, направленные на укрепление порядка и дисциплины в стране. Факту создания ГКЧП оценка не давалась. Текст телеграммы с участниками заседания не согласовывался. Его подготовил и поручил отправить лично председатель районного Совета Борунов И. И.

Принятие совместного решения райисполкомом и бюро РК КПБ о направлении телеграммы в адрес ГКЧП является нарушением ст. 7 Закона БССР «Об основных принципах народовластия в Республике Беларусь», запрещающей принятие совместных актов органов государственной власти, управления и общественных объединений.

07. 09. 91 г. состоялась внеочередная сессия районного совета народных депутатов, обсудившая поведение народных депутатов районного Совета в период попытки государственного переворота. В принятом сессией решении осуждаются действия председателя районного Совета народных депутатов, отправившего телеграмму в адрес ГКЧП без согласования с членами исполкома, президиума Совета. Учитывая отношение Борунова И. И. к работе, его активность и заинтересованность в консолидации народных депутатов и всех граждан района в решении социально-экономических проблем, подтверждено доверие ему и не ставится вопрос об его отзыве в связи с отправлением телеграммы. Отмечается также пассивная роль народных депутатов райсовета, не предпринявших активных действий по своевременному осуждению антиконституционного переворота и созданию ГКЧП.

В период с 19 по 21 августа 1991 года Толочинский РК КПБ размножил и направил в первичные партийные организации машинописный текст на семи страницах под названием «О текущем моменте и проекте новой Программы КПСС». Этот текст был рекомендован секретарям партийных организаций для обсуждения на открытых партийных собраниях. Его автором был первый секретарь Толочинского РК КПБ Бобышев И. М. В тексте отмечается, что принятие ГКЧП чрезвычайных мер, введение чрезвычайного положения в ряде районов нашей страны - это необходимые и вынужденные меры, воспринятые большинством людей с пониманием, одобрением и полной поддержкой, что в это трудное для страны время долг всех честных людей укреплять организованность и дисциплину, направлять все усилия на безусловное выполнение законов СССР, требований Государственного комитета по чрезвычайному положению, решительно давать отпор

демагогам и политическим авантюристам. Также дана краткая характеристика сложившейся экономической ситуации в стране, разъясняется проект новой Программы КПСС. После 21. 08. 91 г. методическое пособие из партийных организаций изъято работниками РК КПБ.

20. 08. 91 г. в здании городского Совета народных депутатов в 8 часов 30 минут по инициативе первого секретаря Толочинского РК КПБ тов. Бобышева И. М. было проведено совещание с сотрудниками Толочинского РОВД. Во вступительном слове тов. Бобышев И. М. охарактеризовал обстановку в стране в целом, а также состояние общественного порядка. При этом он сказал, что есть надежда, что Государственный комитет по чрезвычайному положению в стране сумеет навести порядок. Постановления ГКЧП советские люди поддерживают и одобряют, и об этом сообщило телевидение в программе «Время».

Далее тов. Бобышев И. М. сказал, что у советских людей потеряно чувство патриотизма и ответственности за Родину. С учетом сложившейся обстановки нужно перестраивать работу с целью наведения должного порядка в нашем районе.

Проведение этого собрания противоречит ст. 9 Закона Республики Беларусь «Об основных принципах народовластия в Республике Беларусь». В связи с приостановлением деятельности КПБ меры прокурорского реагирования по указанному факту не принимались.

При проверке в райкоме КПБ выявлено постановление бюро РК КПБ, в котором создание ГКЧП признается противозаконным. Постановление датировано 19. 08. 91 г. Однако сопоставление выступления Бобышева И. М. на совещании с работниками РОВД и методического пособия «О текущем моменте и проекте новой Программы КПСС»

дает основания предполагать, что постановление принято задним числом. Это подтверждает и бывший технический секретарь РК КПБ Короткевич Т. Е., пояснившая, что постановление ею печаталось 22. 08. 91 г.

20. 08. 91 г. состоялось заседание исполкома Оршанского городского Совета народных депутатов. Рассмотрев заявление группы граждан о получении разрешения на проведение митинга в этот же день, исполком, руководствуясь постановлением ГКЧП № 1, решением № 315 отказал в этом. Трудовым коллективам предоставлялась возможность высказать свое отношение к событиям в стране в формах, не запрещенных постановлением ГКЧП № 1. При этом исполком исходил из необходимости сохранения в городе общественного порядка, спокойствия и недопущения возможных провокаций. В то же время исполком решил, что до оценки событий в стране Верховным Советом СССР следует руководствоваться «исключительно законами Республики Беларусь» (решение № 316).

Следует отметить, что согласно Положению о порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, утвержденному Указом Президиума Верховного Совета Республики Беларусь от 04. 09. 88 г. с внесенными в него в последующем изменениями, исполком имел возможность отказать в разрешении на проведение митинга и на законных основаниях в связи с нарушением срока обращения за разрешением и отсутствием необходимых реквизитов в заявлении на проведение митинга. Такая возможность членами исполкома обсуждалась, но для большей убедительности отказа были приняты мотивы, изложенные выше.

Большинство районных газет Витебской области опубликовало документы ГКЧП, переданные по каналам ТАСС и БЕЛТА.

Проверка по Брестской области дала следующие результаты.

При проверке обкома КПБ с участием секретарей, следователя Брестской прокуратуры в секретном отделе найдены две шифртелеграммы, поступившие из Секретариата ЦК КПСС. Первая из них отправлена и получена 19. 08. 91 г. с призывом к содействию ГКЧП в СССР. На шифртелеграмме резолюция первого секретаря обкома тов. Дубины П. П.: «Довести до сведения всех горкомов, райкомов, парткомов». Вторая шифртелеграмма от 20. 08. 91 г. с просьбой регулярно информировать ЦК КПСС о положении в регионе, настроении людей, о принятых мерах по наведению порядка и дисциплины, о реакции населения на мероприятия ГКЧП в СССР. На ней резолюция первого секретаря обкома КПБ тов. Дубины П. П.: «тт. Лепешко Б. М. и Оробей И. А. Прошу организовать исполнение. 20. 08. 91 г.».

При проверке входящей и исходящей документации установлено, что 20. 08. 91 г. на имя первого секретаря обкома поступил пакет под грифом «Секретно» из ЦК КПБ. 22. 08. 91 г. пакет был отозван. Номер документа 1/91-99.

При проведении опроса секретарей обкома КПБ стало известно, что 20. 08. 91 г. первый секретарь собирал их в своем кабинете с целью инструктирования для действий по разъяснению событий в стране в районах Брестской области. Для этого районы области были поделены между секретарями.

Из имеющихся в распоряжении Временной комиссии материалов по Гомельской области следует, что подготовка к возможному перевороту велась там еще с начала текущего года. Об этом свидетельствуют

поступившие из ЦК КПБ в феврале и мае проекты заявлений ЦК КПБ (в них ЦК КПБ выражал озабоченность в связи с тем, что общественно-политическая обстановка в республике продолжает оставаться тревожной. Непримируемую враждебность проявляют антикоммунистические силы. Они выдвигают жесткие политические требования, затрагивающие судьбу партии, выступают против существующего государственного строя. В проектах также говорится, что ЦК КПБ рассчитывает на органы государственной власти, которые сделают все, чтобы защитить коммунистов от произвола, остановят разгул беззакония. В проектах все коммунисты, все здравомыслящие граждане призывались конкретными делами поддержать меры государственного и политического руководства страны по стабилизации социально-экономического положения, наведению порядка, сохранению обновленного Союза ССР), а в августе – составленные в ЦК КПСС рекомендации о действиях парторганизаций в условиях департизации трудовых коллективов (в рекомендациях ЦК КПСС партийным организациям и комитетам РСФСР предписывалось предусмотреть меры, способные сохранить первичные партийные организации, обеспечить их деятельность и способность отстаивать права трудящихся, поддерживать коммунистов морально. Далее в духе старых партийных канонических положений, направленных на реализацию этих мер). Об этом же говорит и обращение участников III пленума обкома к Верховному Совету СССР и ЦК КПСС, фактически ставшее конкретным шагом к нагнетанию социально-политической обстановки в области.

Непосредственно во время антиконституционного выступления ГКЧП в области события развивались следующим образом.

19 августа в адрес ОК КПБ из ЦК КПСС поступили две шифртелеграммы. Одна с требованием организовать участие коммунистов в содействии ГКЧП и вторая о необходимости информировать ЦК КПСС об обстановке на местах в связи с введением чрезвычайного положения. По каналам правительственной связи в адрес облисполкома поступил пакет шифрограмм с документами ГКЧП. Такой же пакет поступил по каналам фельдсвязи. Последний уничтожен с нарушением установленного порядка, предположительно из-за наложенной на документах резолюции.

20 августа президиум Гомельского городского Совета народных депутатов своим решением № 22/2 осудил незаконные действия ГКЧП и призвал райсоветы города не выполнять его решения. Народный депутат БССР председатель Гомельского областного Совета народных депутатов Войтенков Н. Г., оказывая психологическое давление на и. о. председателя городского Совета Гольдаде С. К., требовал от нее отменить это решение. Получив отказ, Войтенков Н. Г. вынудил прокурора города внести протест на решение президиума Гомельского городского Совета народных депутатов. В дни августовского путча Войтенков Н. Г. в беседах с народными депутатами СССР Корниенко В. Н. и Воронежцевым Ю. И. заявил о своей приверженности путчу.

Позицию Войтенкова Н. Г. своим большинством разделил Гомельский областной Совет народных депутатов, поддержав его действия и оказав ему доверие.

21. 08. 91 г. в ГК КПБ состоялось совещание руководителей предприятий города, которое проводил первый секретарь ГК КПБ Пугачев. Совещание проводилось в рабочее время. Его протокол комиссии не представлен.

По каналам КГБ в адрес облздравотдела поступил приказ министра здравоохранения СССР № 29 от 20. 08. 91 г., требующий организовать в связи с введением чрезвычайного положения работу по обслуживанию населения и привести в готовность службу экстренной медицинской помощи, дополнив ее запас и резерв медтехникой и препаратами, в т. ч. кровью и ее заменителями.

Подготовка социально-политической почвы для переворота осуществлялась задолго до событий 18-21 августа. В печатных органах Гомельского обкома и Гомельского горкома КПБ «Гомельской правде» и «Вечернем Гомеле» регулярно проходили публикации с откровенными нападка на демократические силы и очернительством отдельных лидеров демократического движения. Именно на эти силы сваливалась вина за дестабилизацию обстановки в стране. Публикации отличаются ностальгией по большевистскому прошлому и обосновывают необходимость установления власти «твердой руки».

16 августа серия этих публикаций была завершена перепечаткой обращения группы авторов «Слово к народу».

Пресса области (за исключением Рогачевской районной газеты и газеты «Гомельские вести») сыграла активную роль в формировании общественного мнения в поддержку ГКЧП. Все издания (за исключением указанных) перепечатали материалы ГКЧП.

После публикации известных решений ГКЧП «Гомельская правда» и «Вечерний Гомель» опубликовали статьи в поддержку ГКЧП:

«Вечерний Гомель» в номере 99 от 22 августа «Такие меры нужны» и «Давно пора»;

«Гомельская правда» в номере 157 от 21 августа «В целях защиты», «Устали бояться» и «Хаос – это гибель».

При проверке данных изданий выяснилось, что письма, напечатанные от имени читателей, не зарегистрированы. Журналист «Гомельской правды» Солодка Н. Н. допустила фальсификацию «отклика» в поддержку ГКЧП. Выводы после этой фальсификации журналистка не сделала, а, переверачивая факты, опубликовала уже после дачи объяснений, открытое письмо в «Вечернем Гомеле» от 12 сентября, где пыталась неправильно сориентировать население, запугивая его мерами 37-го года.

Редактор «Вечернего Гомеля» Хильман М. Ф. во время проверки повел себя дерзко и агрессивно и, как подтвердили работники редакции, лично инспирировал отклики читателей в поддержку ГКЧП.

Газета «Припятская правда» опубликовала в № 46 от 22. 08. 91 г. интервью с заместителем председателя районного Совета Микшей А. С. с убежденной, со стороны этого «товарища», аргументированной поддержкой ГКЧП.

После провала путча газеты экстренно сняли сданные в набор материалы в поддержку ГКЧП. Так, из подготовленного к печати 21 августа 99-го номера «Вечернего Гомеля» изъяты обращение Бюро ЦК Компартии Белоруссии ко всем коммунистам, всем трудящимся республики, заявление Гомельского областного и городского Советов ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил СССР, а также ряд откликов в поддержку ГКЧП.

В Могилевской области ситуация в дни деятельности ГКЧП сложилась следующим образом.

На совещании секретарей первичных парторганизаций города, состоявшемся 19 августа, руководство горкома предложило принять заявление в поддержку ГКЧП, что и было сделано, хотя формально голосования не проводилось. Заявление опубликовано в областной газете «Могилевская правда» 21 августа. В

нем подчеркивается совпадение действий ГКЧП с принципами и целями коммунистов.

В этот же день на совещании у председателя Могилевского горсовета и его исполкома было проведено совещание представителей политических партий, общественных организаций и органов власти города. Представители демократических организаций предложили принять политическое заявление с предложением отказаться от подчинения ГКЧП и 20 августа это заявление телеграммой было отправлено в Верховные Советы Союза, России и Беларуси, горсоветы Минска и Гомеля.

Первый секретарь ГК КПБ Козырь А. В. от имени 20 тысяч коммунистов города выразил поддержку ГКЧП.

По сведениям народных депутатов Могилевского горсовета в городе функционеры КПБ составляли списки активистов демократического движения с указанием их должностей, адресов, партийной принадлежности и прочих «компроматов». Некоторые из этих списков у депутатов имеются. Заведующий отделом обкома КПБ Пантюхов на сессии горсовета признал, что на депутатов и кандидатов в депутаты велось досье.

В представленной информации имеются также сведения о том, что от имени фиктивного «Союза защиты прав человека» представители партийных органов распространяли листовки с клеветническими заявлениями против лидеров демократического движения.

Документы ГКЧП, полученные председателем областного Совета народных депутатов Гриневым Н. Ф., к исполнению не приняты и органам власти на местах не доведены. 21. 08. 91 г. прошло внеочередное заседание президиума облсовета, на котором Гринев Н. Ф. подчеркнул, что в области нормально функционируют все законно избранные органы власти.

Ни о каком чрезвычайном положении в области речь не идет. Сообщение об этом было опубликовано в газете областного Совета народных депутатов «Могилевские ведомости».

В этой же газете (№ 34) в своем интервью народный депутат СССР, председатель Могилевского городского Совета Габрусев С. А. назвал действия ГКЧП попыткой антигосударственного переворота, обреченного на провал, и призвал не поддерживать заговорщиков.

В Могилевское областное управление юстиции 21. 08. 91 г. из Министерства юстиции Республики Беларусь поступила телефонограмма, содержащая указания, о которых говорилось раньше. Исполнявшая обязанности начальника управления юстиции Титова А. И. переадресовала телефонограмму во все подведомственные народные суды, что и было исполнено.

В отдельных районах требования указов ГКЧП приняли к исполнению некоторые руководители партийных и советских органов.

Так, от имени бюро Славгородского РК КПБ и райисполкома 19. 08. 91 г. в 16.30 была отправлена телеграмма в адрес ГКЧП, в которой было сказано: «Бюро РК КПБ и исполком районного Совета народных депутатов одобряют и поддерживают все меры по наведению порядка в стране, выражают уверенность в том, что ГКЧП СССР не допустит развала Союза, остановит разгул преступности, положит конец негативным явлениям...» Телеграмму никто не подписал, однако на ней имеется печать общего отдела райисполкома. Текст готовили второй секретарь РК КПБ Садоменко П. М. и секретарь РК КПБ Игнатова В.Т. Содержание телеграммы было предварительно одобрено на бюро РК КПБ, где также было предложено собрать партактив и обсудить все вопросы, связанные с деятельностью ГКЧП. Актив состоялся 21. 08. 91 г. в РК

КПБ, на нем присутствовали все руководители организации и предприятий, вел его первый секретарь РК КПБ Кравченко Г. А. Он призвал к организованности и дисциплине, недопущению митингов. На нем был предложен текст обращения на белорусском языке к жителям района (для печати). Автором текста была секретарь РК КПБ Игнатова В. Т., она же редактор районной газеты «Ленинское слово». Смысл обращения сводился к тому, что ГКЧП – это орган, который наведет порядок в стране. Однако данное обращение не было дано в печать, т. к. уже появились сведения о провале ГКЧП.

Как установлено Круглянским райпрокурором, 20. 08. 91 г. в 17 часов по инициативе Круглянского РК КПБ было созвано совещание руководителей предприятий и организаций района под видом работы по плану единого политдня. Секретарь Круглянского РК КПБ Аксенова Т. Н. предложила совещание считать партактивом и принять резолюцию в поддержку ГКЧП. Но участники совещания ее не поддержали и проголосовали против.

Аналогичное совещание по инициативе Кировского райисполкома было проведено 19. 08. 91 г. в районном доме культуры, где выступал председатель Кировского райсовета Мамчиц А. И. Последний объявил, что в стране создан ГКЧП и, как утверждают некоторые присутствовавшие там, он разъяснил, что чрезвычайное положение, надо полагать, касается и Кировского района. Расследование по этому факту продолжается.

Все изложенные факты расследуются в рамках одного уголовного дела, возбужденного 26. 08. 91 г. Могилевским облпрокурором.

Откровенно поддержали ГКЧП Лидский городской и Логойский районный комитеты КПБ.

Лидский ГК КПБ обратился с телеграммой в поддержку ГКЧП в ЦК КПБ и ЦК КПСС и опубликовал ее

текст в районной газете «Вперед», однако к подписчикам газета не попала, т. к. по указанию первого секретаря горкома Козлова В. В. весь ее тираж был уничтожен.

В Логойском районе по инициативе первого секретаря райкома Янушкевича И. А. и председателя райисполкома Кресика Н. А. в дни переворота состоялось совещание партийно-хозяйственного актива. В нарушение действующего законодательства его вел Янушкевич И. А. Повестка дня была связана с уборкой урожая. После обсуждения основного вопроса было принято решение поддержать ГКЧП и обратиться с этим к жителям района.

Работе Временной комиссии со стороны руководителей, отдельных должностных лиц оказывалось серьезное противодействие. Причем, оно часто возникало со стороны тех, кто по роду своей деятельности обязан был оказывать комиссии всяческое содействие. Среди них встречались и руководители местных Советов народных депутатов, правоохранительных органов и др.

Так, не признали полномочий лиц, привлеченных к работе Временной комиссии, препятствовали их деятельности и фактически сорвали работу комиссии председатель Мозырского горсовета Замулко И. Д., первый секретарь ГК КПБ Бык, начальник Мозырского РУС Цедрик Н. М. и некоторые другие должностные лица в городе Мозыре. Причем Замулко И. Д. и Бык открыто выступили в поддержку ГКЧП.

Отказался представить требуемые сведения прокурор Гомельской области Гаврильчик В. П., который заявил, что такие же указания даст подчиненным органам.

В Гомельском облвоенкомате все документы, связанные с ГКЧП, изъяты военной прокуратурой. Дать

перечень изъятых документов и. о. военного комиссара п-к Третьяков А. А. отказался.

09. 09. 91 г. начальник отдела ФЕС при ОПТУС Самбежский Ю. А. отказался представить комиссии перечень проходящих через отдел документов и находящиеся на хранении пакеты прокуратуры.

20. 08. 91 г. в зале парткома ПО «Гомсельмаш» состоялось совещание секретарей первичных партийных организаций. Его проводил председатель совета секретарей первичных парторганизаций Железнодорожного района г. Гомеля Секерко В. Г. с приглашением представителя ОК КПБ. Протокол совещания комиссии не представлен. Помещения совета секретарей (председатель Секерко В. Г.) были опечатаны горсоветом, но самовольно вскрыты Секерко В. Г. На 30. 08. 91 г. документы, связанные с ГКЧП, отсутствовали.

По данным Временной комиссии Могилевского горисполкома со стороны руководства УВД Могилевского облисполкома проявлена медлительность по организации охраны партийного имущества. У работников партийных органов практически был доступ к объектам, материальным ценностям, документам. Не был организован необходимый контроль за выходами из здания Могилевского ОК КПБ, гаража, Дома политпроса и издательства ОК КПБ, что способствовало выносу и пропаже материальных ценностей и документов.

Транспорт ОК КПБ использовался без соответствующего разрешения управления имуществом облисполкома и согласования с общественной комиссией при этом управлении.

О бездеятельности, неорганизованности, приводящей к расхищению имущества, сокрытию следов пособничества партийных структур антиконституционному перевороту, говорят и

следующие факты, полученные комиссией от своих членов и привлеченных к ее работе лиц.

Из города Барановичи от привлеченного к работе во Временной комиссии народного депутата Брестского облсовета Говши С. К. поступили документы, показывающие, что прокуратура города Барановичи (Малашенко В. Я.) никакой помощи им не оказывает. На просьбу о совместной работе со следователем прокуратуры прокурор города согласия не дает.

По сообщению того же Говши С. К. руководство ГОВД после телефонной беседы с заместителем начальника УВД Брестского облисполкома Объедковым, отказало в ознакомлении с журналами регистрации секретной входящей и исходящей документации.

О препятствии со стороны УВД Брестского облисполкома в получении информации о работе Кобринского ГРОВД в период антиконституционной деятельности ГКЧП сообщил в своей телеграмме во Временную комиссию народный депутат Республики Беларусь Кучинский В. Ф.

Логично вытекающий из всего этого вывод делает в своем сообщении члену Временной комиссии народному депутату Республики Беларусь Звереву Л. А. народный депутат Могилевского областного Совета Судиловский В. Н. Наряду с сообщением о непринятии исполкомом Кричевского горсовета должных мер по незамедлительному взятию под охрану служебных зданий, помещений и имущества КПБ - КПСС, а межрайпрокуратурой (Титков В. А.) - по контролю за выполнением решений Верховного Совета и Совета Министров республики, Судиловский В. Н. констатировал, что эти решения и не могли быть исполнены, т. к. их выполнение было поручено тем должностным лицам, которые совсем недавно перешли на руководящие места в советские и другие органы из партийных кресел и в силу этого не способны

критически оценивать сложившуюся ситуацию, понять, что единоличная власть компартии ушла в прошлое.

Временная комиссия располагает и другими фактами противодействия своей работе.

Получаемая информация дала комиссии возможность предварительно изучить документы и деятельность некоторых центральных органов Беларуси, министерств, ведомств и организаций республики, опросить их руководителей, отдельных должностных лиц.

По свидетельству работников Прокуратуры республики 19 августа в 18 часов бывший Прокурор Республики Беларусь Тарнавский Г. С. зачитал на собрании работников аппарата телеграмму и. о. Генерального прокурора СССР, не осуждающую документы ГКЧП. Его позиция и конкретные действия во время собрания и после изучаются. Их окончательная оценка последует по завершении этой работы.

20 августа заместителем Прокурора республики Сащико И. Ф. было проведено собрание райпрокуроров г. Минска. Директивных указаний не последовало, но и не дано четкой оценки созданию и действиям ГКЧП. Не дал такой оценки на заседании Президиума Верховного Совета Республики и Тарнавский Г. С.

Следует также отметить, что в тревожные дни деятельности ГКЧП Прокуратура республики не выступила в средствах массовой информации перед населением Беларуси с разъяснением происходящих событий, не дала правовой оценки неконституционным действиям ГКЧП.

Из МВД республики в УВД облисполкомов и Минского горисполкома, а также в Белорусское управление внутренних дел на транспорте за подписью первого заместителя министра внутренних дел Республики Беларусь Ковалева В. А. в первый день переворота была направлена шифртелеграмма, в

которой, исходя из обращения Государственного комитета по чрезвычайному положению СССР к советскому народу, предписывалось обеспечивать охрану общественного порядка, личной и имущественной безопасности населения, руководствуясь рамками Конституций СССР и Республики Беларусь, закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и постановлений ГКЧП. Тем самым недвусмысленно признавалась законность образования и предпринимаемых действий названного комитета.

Руководством МВД республики также было проведено заседание оперативного штаба МВД. Протоколом № 1 предусмотрен план по выполнению постановления № 1 ГКЧП. Реализация этого плана нашла отражение в протоколе № 2, в котором предусмотрено создание и оснащение сводного отряда автоматическим оружием и спецсредствами. Оба документа подписаны заместителем министра Платоновым К. М.

Директивы, поступившие из МВД республики и союзного министерства, были приняты к неуклонному исполнению в семи УВД облисполкомов и Мингорисполкома, кроме Витебского.

Рабочая группа по г. Минску считает необходимым просить Временную комиссию заслушать объяснения руководства МВД по этому вопросу, принимая во внимание заявление министра Егорова В. Д. на Президиуме Верховного Совета республики 20 августа т. г., о том, что никакой подготовки такого рода в МВД не ведется.

Проанализирована работа руководства Гостелерадио республики. Установлено, что 19 августа 1991 года его председатель Столяров А. Г. никаких указаний ни из Москвы, ни от руководства республики не получал и не пытался получить. Самостоятельно дал

указание о снятии программы Белорусского телевидения и замене ее на 1-ю программу Центрального телевидения.

19 августа в 14 часов 5 минут и 20 августа в 9 часов 5 минут из Москвы от руководства России поступили телефаксы с указами Президента России Ельцина Б. Н. и информацией - хронологией событий в Москве. Полученная информация не уточнялась и в эфир не выпускалась.

Действия председателя Гостелерадио республики явились прямой поддержкой путча. Рабочая группа по г. Минску считает, что он должен быть отстранен от исполнения своих должностных обязанностей.

Особой оценки заслуживает деятельность начальника Управления по вопросам прав граждан, общественной безопасности и оборонной работы Совета Министров Республики Беларусь Данилова Г. И., который 19 августа т. г. потребовал от руководителей правоохранительных органов республики и г. Минска подчинения ГКЧП и исполнения его актов.

Позиция Данилова Г. И. 5 сентября 1991 года была обсуждена на расширенном заседании Временной комиссии, которая приняла решение внести на рассмотрение председателя СМ республики вопрос о соответствии Данилова Г. И. занимаемой должности. Поручение выполнено. В адрес председателя СМ республики Кебича В. Ф. направлено соответствующее письмо.

В настоящее время Временной комиссией изучается позиция руководства Министерства юстиции республики и персонально министра Дашука Л. А., который на одном из заседаний Президиума Верховного Совета республики дал оценку деятельности ГКЧП как конституционной, а также заместителей министра внутренних дел Республики Беларусь Ковалева В. А. и Платонова К. М., организовавших исполнение

документов ГКЧП еще до получения указаний из МВД СССР.

Рабочей группой г. Минска был проведен опрос ряда руководителей общественных объединений республики, других должностных лиц. Среди них секретарь ЦК КПБ Русецкий А. В., министр иностранных дел республики Кравченко П. К., министр связи и информатики Беларуси Грицук И. Н. и др.

Председатель федерации профсоюзов Гончарик В. И. не согласен с тем, что заявление федерации несет в себе двусмысленность. Однако рабочая группа считает, что два последних абзаца обращения явились косвенной поддержкой ГКЧП.

Интересным представляется факт появления в конце июля 1991 года записки начальника управления информации и общественных связей Совета Министров республики Драговца В. Н. на имя первого заместителя председателя Совета Министров «О текущем моменте и некоторых аспектах деятельности правительства республики». Этот документ, используя те же лозунги, что и будущий ГКЧП, перекликается в общем с решением ГКЧП, предлагает «драконовские» методы наведения порядка. Резюме документа следующее.

«Единственное, что может повлиять сегодня на общественное мнение – решительные, даже дерзкие меры по наведению порядка в республике. В первую очередь это:

1. Объявление жесточайшей публичной борьбы со спекуляцией и перекупщиками. Использование широчайших сил и средств, жестких санкций и т. д. Начать можно с одновременного по всей республике рейда ОМОНа по рынкам и в буквальном смысле вытряхивания перекупщиков. Не ограничиваться разовыми действиями, разработать целостный план кампании «террора» против мафии.

2. Объявить мораторий на действие некоторых союзных законов и разобраться с таможней, может даже закрыть границу или ввести особые условия въезда на территорию БССР.

3. Запретить работать турецким рабочим на территории республики и выдвинуть публичный ультиматум Министерству обороны СССР.

4. Начать несколько громких дел против кооператоров, предпринимателей, спекулирующих госимуществом, бензином, запчастями и т. д.

5. Коренным образом изменить налоговую политику. Возбудить серию уголовных дел против кооперативов, ассоциаций, малых предприятий, отдельных граждан, укрывающихся от налогов.

6. Публично отрешиться и осудить позицию ЦК КПБ за попытки всеми силами отстоять фигуру А. Камая в неприглядной истории со своим сыном.

7. Особо сосредоточиться на управленческих кадрах. Заняться армянскими артелями. Изучить это явление. Повести широкую разоблачительную кампанию против «удельных князей» на селе. Одновременно принять меры к отправке на пенсию руководителей, которым пришел срок. Нужно резко омолодить кадры.

8. Взять под контроль решения местных органов. Регулярно бывать в трудовых коллективах.

Вносится на рассмотрение».

На документе наложена резолюция тов. Мясниковича М. В.: «Председателям облисполкомов, тт. Егорову В.Д., Демьяновичу В. П., Янчуку С. П... Креско П. В., Ширковскому Э. И., Герасименко А. М.

Предлагаю принять срочные и усиленные меры, вытекающие из настоящей информации и предложений. Персонально доложите о принимаемых возглавляемыми вами органами мерах, виновные должны быть наказаны. Срок август 1991 г.»

Отношение коммунистических партийных структур к событиям 19-21 августа исследовано частично, некоторые его результаты изложены в справке выше. Однако этот вопрос требует более глубокого исследования в ретроспективе. ГКЧП возник не спонтанно и не на пустом месте. Этому предшествовали события, готовящие социально-политическую и идеологическую почву для попытки установления в стране прежнего тоталитарного режима. К этим событиям следует отнести и позицию первого секретаря ЦК КПБ тов. Малофеева А. А., одним из первых поставившего в стране вопрос о введении чрезвычайного положения и применения жестких мер по наведению порядка, но не на принципах законности, а на принципах целесообразности, с применением спекулятивных подходов в использовании кризисных явлений и идеологического шельмования оппонентов КПСС.

Немаловажную роль в нагнетании обстановки, обострения конфронтации политических сил и создании ситуации, обосновывающей применение насильственных мер КПСС на это, внесли апрельский и июльский пленумы ЦК КПБ.

Откровенно реакционный и подстрекательский характер носили проведенные в текущем году в Беларуси совещание партийных функционеров Прибалтики, их пропагандистский вояж по партийным организациям и особенно вызвавший возмущение во всей стране съезд «андреевской» фракции, партии, на съезде которой звучали лозунги, вскоре взятые на вооружение ГКЧП.

В период путча ни одна партийная структура не осудила заговор и их исполнителей, а наоборот, комиссия располагает сведениями (в дополнение к изложенному), подтверждающими прямую причастность КПБ к событиям 19-21 августа.

В ЦК КПБ изъята шифртелеграмма № 34/111 Секретариата ЦК КПСС от 18 августа 1991 года с грифом «Секретно», адресованная первым секретарям ЦК компартий союзных республик, рескомов, крайкомов, обкомов партии. В ней предлагается в связи с введением чрезвычайного положения принять меры по участию коммунистов в содействии Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР. Также изъята секретная шифртелеграмма № 36/111 от 20 августа т. г. за подписью секретаря ЦК КПСС Шенина О. В телеграмме первых секретарей ЦК компартий союзных республик, рескомов, крайкомов, обкомов партии просят в связи с введением чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР регулярно информировать ЦК КПСС о положении в регионах, настроении людей, о принимаемых мерах по наведению порядка и дисциплины, о реакции населения на мероприятия Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР.

Аналогичные по содержанию шифртелеграммы изъяты в некоторых других обкомах КПБ (Брестском, Гомельском ОК КПБ). В ряде обкомов КПБ указанные шифртелеграммы приобщить к материалам дела не представилось возможным в связи с их уничтожением (Витебский ОК КПБ).

Из материалов Временной комиссии, представленных ей следственной частью Прокуратуры БССР, усматривается явная заинтересованность руководства ЦК КПБ в распространении документов, изданных ГКЧП 19 августа 1991 г. В частности, письмом № 1/199 от 19 августа т. г. за подписью секретаря ЦК КПБ Малофеева А. (в последующие дни в срочном порядке отозванного обратно) в адрес первых секретарей обкомов КПБ направлен полный блок

документов о чрезвычайном положении в СССР, с которым ГКЧП обратился к народу страны.

Неоспоримым фактом поддержки компартией Белоруссии противоправных антиконституционных действий ГКЧП является опубликованное 21 августа в печати и переданное через другие средства массовой информации обращение Бюро ЦК КПБ к коммунистам, всем трудящимся республики. Оценка находящихся в распоряжении комиссии документов позволяет сделать вывод о том, что обращение реализовало указание шифртелеграммы Секретариата ЦК КПСС от 19 августа и практически поддержало мероприятия ГКЧП.

Временная комиссия проанализировала роль средств массовой информации республики как в дни попытки государственного переворота, так и в предшествующее ему время. Если суммировать общий вывод, то он будет следующий - подавляющее большинство средств массовой информации продолжало находиться под контролем партийных органов и старательно выполняло социальный заказ, дезинформируя общественное мнение, нагнетая обстановку нетерпимости по отношению к демократическим кругам и проводимым в республике реформам.

Эта кампания велась планомерно с использованием традиционных для партийной печати приемов шельмования, подтасовки фактов, а порой и клеветы. Так, журнал ЦК КПБ «Политический собеседник», газета «Советская Белоруссия», «Вечерний Минск», целый ряд областных и районных газет из номера в номер создавали образ врага в лице Белорусского народного фронта, народных депутатов демократической ориентации, всех, кто пытался поднять голос против засилья партбюрократии, толкающей республику в неминуемый кризис.

Партийное руководство печатью, если называть вещи своими именами, выразалось в строго номенклатурном подходе к замещению руководящих должностей в редакциях и других средствах массовой информации и неминуемой расправе над неугодными. Вот факты. Директором Белорусского телеграфного агентства назначен помощник первого секретаря ЦК КПБ Алексейчик, председателем Гостелерадио – заведующий сектором идеологического отдела ЦК Столяров, редактором «Советской Белоруссии» – заместитель заведующего идеологическим отделом Пригодич, «Звезды» – инструктор идеологического отдела Наркевич. Редактором газеты «Республика» назначен помощник первого секретаря ЦК КПБ Кернога. Аналогичный подбор и расстановка кадров характерен для отдельных областных, районных и городских газет. Совершенно ясно, что ставленники партийного аппарата строго и скрупулезно выполняли волю своих заказчиков. Если присовокупить к этому абсолютную монополизацию партией полиграфических мощностей, бумаги, краски и так далее, то понятно, что ни о какой самостоятельности так называемой четвертой власти всерьез говорить невозможно. При попытке кого-то из руководителей органов печати вырваться из-под жестокого партийного гнета и проявить самостоятельность в подходе к оценке тех или иных явлений, не совпадающих с точкой зрения партийного руководства, в ход пускались меры принуждения.

Так, несмотря на широкие протесты общественности республики был практически снят с работы редактор газеты «Знамя юности» Класковский, вина которого заключалась в том, что газета объективно и смело анализировала сложные явления политической и социальной жизни республики. Кстати, весьма неприглядную роль в этой расправе сыграл верный помощник и резерв партии – ЦК комсомола республики.

Анализируя практическую деятельность средств массовой информации республики, Временная комиссия пришла к убеждению, что беспринципные руководители и комфортные журналисты немало сделали для подготовки общественного мнения к необходимости «твердой руки», к оправданию любых эксцессов, в том числе и неконституционных. Выпускаемая под патронажем Минского горкома партии газета «Политика, позиция, прогноз» в своем номере, вышедшем незадолго до путча, опубликовала на первой странице злобную карикатуру на Горбачева и Ельцина, смысл которой заключался в том, что лидеры страны и России тесно связаны с ЦРУ, сионизмом, международной плутократией. Вторым секретарь Минского горкома партии, он же редактор газеты «Мы и время» т. Чикин, нарушал «Закон о печати», из номера в номер клеветал на Президента страны и Президента России, фактически призывал к наступлению на демократические силы в республике. В самый канун попытки государственного переворота газета «Советская Белоруссия» поместила клеветническую статью Лемешенка, содержащую грубые выпады в адрес Яковлева А. Н., весь смысл которой заключался в необходимости морального террора против тех, кто выступает против монополии партии. Аналогичные факты характерны для многих журналов и газет, в особенности газеты «Витебский рабочий» и откровенно профашистского толка газеты «Славянские ведомости», издающейся в Минске под непосредственным кураторством идеологического отдела ЦК КПБ и опекающейся весьма влиятельными силами. Характерно, что для этой газеты находится дефицитная, дорогая бумага и печатает ее издательство ЦК КПБ.

Неблаговидная, антидемократическая роль номенклатурных руководителей средств массовой

информации и послушных им редколлегией особенно ярко проявилась 19-21 августа. Белорусское телеграфное агентство, имея широкую сеть корреспондентов в республике и за пределами, фактически не передал для распространения в органах массовой информации Беларуси ни одного материала, отражающего альтернативную от указаний ГКЧП точку зрения, осуществив тем самым информационную блокаду Беларуси. В то время как российские независимые телеграфные агентства готовили и передавали, в том числе и для Беларуси, заявления правительства России, указы Ельцина, материалы о событиях у «Белого дома», руководство БЕЛТА и корреспонденты агентства занимались фабрикацией фальшивок типа интервью академика Дронова, в котором содержалась поддержка мероприятиям ГКЧП. В дни путча Белорусское телеграфное агентство вновь подтвердило свою репутацию рупора консервативных сил, верного идеологического прислужника КПБ, что содержит потенциальную опасность для нравственной атмосферы в республике.

С первых же часов попытки государственного переворота, как уже отмечалось ранее, однозначно приняло сторону ГКЧП и Гостелерадио Республики Беларусь. Не получив никаких официальных указаний от правительства и Верховного Совета, Столяров самолично приостановил деятельность телевидения суверенной республики, а руководители информационных программ телевидения практически запретили своим журналистам собирать и давать в эфир правдивую и объективную информацию об отношении общественности к событиям. Все это с нашей точки зрения стало возможным вследствие отсутствия четких гражданских позиций, приспособленчества, непрофессионализма

руководителей Гостелерадио и целого ряда главных редакторов комитета.

Газета «Советская Белоруссия» практически не подготовила ни одного материала, в котором излагалась бы иная точка зрения, кроме той, которая содержалась в материалах ГКЧП. К величайшему позору редакции следует отнести тот факт, что уже после поражения путчистов, газета по инерции продолжала публиковать приказы коменданта Москвы и прочие материалы такого же порядка. Все это инициатива главного редактора и членов редколлегии.

Старательно выполняла заказ учредителя – Минского горкома партии и газета «Вечерний Минск», которая даже 22 августа, когда весь мир знал о поражении путчистов, опубликовала статью своего корреспондента, в которой содержались восхваления в адрес Янаева и компании и их государственной мудрости. Кстати, через два дня, наконец, разобравшись в обстановке, редколлегия публично открестилась от горкома, которому долго и верно служила и объявила о своей независимости. Можно догадываться, что это за независимость. Ее следует сравнить разве что с флюгером. Но нужны ли такие редакторы-флюгеры, как Сверкунов? Это не простой вопрос!

Факты, имеющиеся в распоряжении комиссии, позволяют утверждать о том, что средства массовой информации республики в подавляющем большинстве вели себя в дни путча недостойно и во многом дискредитировали свою профессиональную честь. Вот лишь несколько фактов по республике.

Тенденциозностью, открытой антидемократической позицией зарекомендовала себя газета «Гомельская правда», опубликовавшая 21 августа целую серию материалов в поддержку ГКЧП. При проведении линии

на оправдание переворота областная газета не остановилась даже перед прямой фальсификацией.

Точно так же повели себя и редактор мозырской газеты «Полесская правда» и ивацевичской районной газеты «Октябрь», которые в своем рвении оправдать доверие партийных хозяев пошли на прямую фальсификацию – в своих редакционных кабинетах они изготавливали одобрительные отклики читателей, представляя дело так, будто народ радуется перевороту. Подобные факты характерны для многих районных газет всех областей. Надо ли говорить, насколько опасны для общественного здоровья, объективного информирования людей подобные редакторы. Понятия честь, правда, истина давно стали для них пустым звуком. Только конъюнктура, только выполнение социальных заказов.

Большой резонанс в республике получил факт невыхода в свет 20 августа газеты «Знамя юности». Прокуратура республики еще исследует этот инцидент, и мы надеемся, что виновные получат по заслугам. Но уже сегодня ясно, что за беспрецедентным фактом закрытия газеты, за вопиющим беззаконием стоят работники идеологического отдела ЦК партии, работники управделами ЦК, которые быстро претворили в жизнь указание ГКЧП. Разве не ясно, какая судьба ждала и остальные газеты и журналы республики. Честные редакторы были бы изгнаны, а бал бы правили приспособленцы.

Конкретные факты по Витебскому областному радио и прессе изложены выше.

В процессе своей деятельности комиссия не могла пройти мимо ставших ей известными фактов незаконных сделок вокруг партийной собственности

В Могилевской области к этой работе была подключена налоговая инспекция, которая выявила перечисление Могилевским обкомом 28 миллионов

рублей на расчетный счет некоего московского Центра «ЭЛЛИПС». Перечисление было произведено 07. 05. 91 г. согласно договору от 25. 04. 91 г. о сотрудничестве Могилевского ОК КПБ с упомянутой организацией, именуемой Центр «ЭЛЛИПС». В процессе расследования этого факта установлено, что указанная сумма была перечислена «ЭЛЛИПСУ» из 29 миллионов 100 тыс. руб., выделенных ЦК КПБ Могилевскому ОК КПБ и перечисленных 21. 02. 91 г. из сумм, предназначенных на осуществление мероприятий по оздоровлению детей, проживающих на территории, пострадавшей от аварии на Чернобыльской АЭС. Полагаем, что в процессе расследования уголовного дела мы получим дополнительную информацию о судьбе этих миллионов.

В договоре ОК КПБ и «ЭЛЛИПСА» целевое использование указанных сумм не определено, но сделана ссылка на прилагаемую программу, которую подписал председатель правления Центра «ЭЛЛИПС» Советского детского фонда им. В. И. Ленина Бойченко О. А. (без даты). Управляющий делами могилевского ОК КПБ Сайков А. Д., гриф которого отпечатан, не подписал данную программу. Он пояснил, что не подписал ее из-за неконкретности, хотя деньги уже по его распоряжению были перечислены «ЭЛЛИПСУ». Правомерность данного договора следствием проверяется. В то же время Бойченко О. А. и Сайков А. Д. пояснили, что по данному договору и программе «ЭЛЛИПС» в 1991-1992 гг. должно было быть поставлено дорогостоящее импортное медицинское оборудование и частично разработаны новые образцы диагностического и другого медицинского оборудования. На момент проверки и возбуждения уголовного дела по ГКЧП (26. 08. 91 г.) еще практически ничего в г. Могилев поставлено не было, за исключением того, что на 18. 09. 91 г. в 4-ю детскую и 6-ю поликлиники г. Могилева поступило по одному

диагностическому аппарату «УЗИ» стоимостью примерно по 800 тыс. руб. каждый. Кроме того, Могилевский обком партии в начале 1991 года получил от ЦК КПБ через партбанк «Содружество» ссуду 13,5 миллиона руб. для развития малых предприятий. Из этой суммы 5 миллионов рублей вновь перечислено тому же «ЭЛЛИПСУ» с условием возврата к 01. 06. 91 г. под 10% годовых. Однако данную сумму и без процентов «ЭЛЛИПС» возвратил только 26. 08. 91 г. после вмешательства следственных органов облпрокуратуры. Вопрос о действительных намерениях обкома партии и «ЭЛЛИПСА» по использованию этих 28 миллионов руб. пока не ясен и проверяется. Но одно ясно – помощь детям Чернобыля и забота о малых предприятиях не увязывается с вольным обращением такими громадными суммами.

Характерен и такой факт. 27. 03. 91 г. Могилевский обком партии перечислил могилевскому малому предприятию «СТН» 1 миллион рублей на компьютеризацию детской поликлиники № 4. Работы не начаты, а директор этого малого предприятия «СТН» Лопатский, который арендовал один из кабинетов в здании обкома партии, свел управделами Сайкова с Центром «ЭЛЛИПС», поясняет, что работы будут выполнены в полном объеме. Подчеркиваю, что речь идет о здоровье детей.

В результате проверки государственной налоговой инспекцией Министерства финансов БССР по Могилевской области установлено, что за 1990 и 1991 годы обкомом КПБ внесены взносы в фонд и производилась оплата за регистрацию пятнадцати малых предприятий, других коммерческих учреждений, соучредителем которых он был. Всего внесено денежных средств 10. 400. 200 рублей и за регистрацию 14.000 рублей.

В ходе расследования было принято решение назначить ревизию всей финансово-хозяйственной деятельности Могилевского ОК КПБ за последние три года. Ревизия проводится группой ревизоров КРУ МФ по Могилевской области. Уже установлено, что 22. 08. 91 г. управляющий делами Могилевского ОК КПБ Сайков А. Д. самолично передал автомобиль ГАЗ-3102 («Волга»), принадлежащий Могилевскому ОК КПБ, совхозу «Макеевичи» Климовичского района через директора этого совхоза Ильянова А. И. Оплата совхозом не произведена. Как утверждает Ильянов А. И., указанный автомобиль продан ОК КПБ совхозу, но платежное поручение совхоза банком к оплате не принято в связи с приостановлением деятельности КПБ – КПСС. Однако уже ясно, что порядок оплаты нарушен. Сначала отпущена «Волга» лицом, не являющимся распределителем кредитов, а затем предпринята попытка ее оплаты. Кроме того, директор совхоза Ильянов автомобиль в совхоз до сих пор не сдал, поставил в свой личный гараж и разобрал на детали. Возвращать его категорически отказался.

ОК КПБ (Сайков) заключил договор аренды совершенно нового автомобиля «ВАЗ-2109» с Заславльской ассоциацией «Энерготехсервис» на три года с оплатой 100 руб. в месяц и с правом выкупа по остаточной стоимости по истечении срока аренды. Этот автомобиль возвращен в гараж владельца, т. е. ОК КПБ. Законность операции изучается следствием. Имеются и другие факты нарушения законодательства, которые проверяются. Объем следственной работы значителен.

21 февраля 1991 года управление делами ЦК КПБ перечислило на счет Гомельского обкома КПБ 185,3 млн руб. для осуществления мероприятий по оздоровлению детей, проживающих на загрязненной территории в зоне аварии Чернобыльской АЭС.

В соответствии с договором № 2 от 25 февраля 1991 года обкомом КПБ из этой суммы 100 млн руб. перечислено Гомельскому коммерческому банку «Промстройбанк» с ростом в 6 процентов годовых и, в соответствии с договором д-89/713 от 15 июля 1991 года – московскому инновационному банку «Менатеп» с ростом в 10 процентов годовых.

После августовских событий исполком Гомельского областного Совета народных депутатов решением № 223 от 06. 09. 91 г. распределяет из выделенной суммы 111,5 млн руб. и 73,8 млн руб. оставляет в резерве. Однако фактически этих денег нет. Непосредственно обкомом КПБ направлено на финансирование ряда предприятий, прямо или косвенно имеющих отношение к целевому назначению, 11,5 млн руб. и 13,8 млн руб. перечислено облисполкому.

Гомельский облисполком своим распоряжением от 29. 06. 91 г. поручил коммерческому банку «Промстройбанк» зарезервировать 100 млн руб. для использования их по назначению. Указанный банк письмом № 01/353 от 30. 08. 91 г. подтвердил о зачислении 100 млн руб. на счет № 000723507 облисполкома. К настоящему времени этих денег на указанном счете нет, они в обороте «Промстройбанка». За III квартал по ним начислено процентов в сумме 1,5 млн руб.

02. 09. 91 г. обком КПБ направил письмо «Менатепу» с просьбой незамедлительно перевести 60 млн руб. на внебюджетный счет Гомельского облисполкома № 00074900 в коммерческом банке г. Гомеля. Деньги не возвращены.

Таким образом из перечисленных 21. 02. 91 г. 185,3 млн руб. 180 млн руб. по назначению не поступило.

Работа по проверке и оценке деятельности общественно-политических образований, органов государственной власти управления, отдельных

должностных лиц еще не завершена и продолжается. Идет изучение входящей и исходящей документации, проводятся встречи и опрос руководителей отдельных министерств и ведомств республики и другие мероприятия.

Справка рассмотрена на заседании Временной комиссии 28 октября 1991 года.

Часть вторая

Чья баня в Беловежской пуще?

**Пьеса для чтения в трех
действиях,**

тридцати пяти сценах с прологом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Селезнев Геннадий Николаевич, председатель Государственной думы Российской Федерации.

Старовойтова Галина Васильевна, депутат Государственной думы, не состоящий в депутатском объединении.

Юшенков Сергей Николаевич, депутат Государственной думы, не состоящий в депутатском объединении.

Медведев Владимир Сергеевич, сопредседатель-координатор депутатской группы «Российские регионы».

Жириновский Владимир Вольфович, депутат, руководитель фракции Либерально-демократической партии России.

Иванченко Леонид Андреевич, председатель Комитета Государственной думы по делам Федерации и региональной политики, фракция Коммунистической партии Российской Федерации.

Явлинский Григорий Алексеевич, руководитель депутатской фракции «Яблоко».

Биндюков Николай Гаврилович, депутат, фракция Коммунистической партии Российской Федерации.

Беляев Сергей Георгиевич, руководитель фракции «Наш дом – Россия».

Харитонов Николай Михайлович, руководитель аграрной депутатской группы.

Бабурин Сергей Николаевич, заместитель председателя Государственной думы.

Лукашев Игорь Львович, фракция «Яблоко».

Куликов Александр Дмитриевич, фракция Коммунистической партии Российской Федерации.

Варенников Валентин Иванович, председатель Комитета Государственной думы по делам ветеранов, фракция Коммунистической партии Российской Федерации.

Каримова Дания Юсуфовна, фракция «Наш дом – Россия».

Боос Георгий Валентинович, фракция «Наш дом – Россия».

Шохин Александр Николаевич, первый заместитель председателя Государственной думы.

Гришук Владимир Витальевич, фракция Коммунистической партии Российской Федерации.

Вишняков Виктор Григорьевич, фракция Либерально-демократической партии России.

Цику Казбек Асланбеcheвич, фракция Коммунистической партии Российской Федерации.

Боровой Константин Натанович, депутат, не состоящий в депутатском объединении.

Кулик Геннадий Васильевич, аграрная депутатская группа.

Котенков Александр Алексеевич, полномочный представитель президента Российской Федерации в Государственной думе.

Грешневиков Анатолий Николаевич, депутатская группа «Народовластие».

Илюхин Виктор Иванович, председатель Комитета Государственной думы по безопасности, фракция Коммунистической партии Российской Федерации.

Мизулина Елена Борисовна, член фракции «Яблоко».

В о л к о в Г е н н а д и й К о н с т а н т и н о в и ч,
член фракции «Наш дом – Россия».

Т и х о н о в Г е о р г и й И в а н о в и ч, председатель
Комитета Государственной думы по делам Содружества
Независимых Государств и связям с
соотечественниками, депутатская группа
«Народовластие».

Л о п а т и н В л а д и м и р Н и к о л а е в и ч, член
депутатской группы «Российские регионы».

П о х м е л к и н В и к т о р В а л е р ь е в и ч,
депутат, не состоящий в депутатском объединении.

ПРОЛОГ

Зал заседаний Государственной думы Российской Федерации.

Утверждается повестка дня утреннего заседания 15 марта 1996 года.

Председательствует Г. Н. Селезнев.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Продолжим работу по нашей повестке дня. Предлагается утвердить порядок работы Государственной думы на 15 марта. Ставится на голосование предложение: принять за основу. По мотивам – депутат Старовойтова.

И з з а л а. Два слова по ведению!

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Сейчас, сейчас. Депутат имеет право выступить по мотивам. Пожалуйста.

С т а р о в о й т о в а. Поскольку в повестку дня вносится вопрос о денонсации беловежских соглашений, мне представляется, что в одностороннем порядке Российская Федерация не может денонсировать эти коллективные соглашения. Они явились результатом референдума о независимости Украины 1 декабря 1991 года, и как минимум для рассмотрения такого вопроса мы должны пригласить сюда хотя бы послов суверенной Украины и суверенной Белоруссии, а также других суверенных государств СНГ, чтобы они доложили нам позицию своих правительств по этому вопросу. Пока вопрос не готов, я предлагаю его в повестку дня не включать.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Дело в том, что в моей программе на сегодняшний день такого вопроса нет. Это новый, что ли, вопрос внесен вами? *(Шум в*

зале.) Пожалуйста, ставится на голосование: принять порядок работы за основу. Будьте добры, проголосуйте.

Кто без карточки и хотел бы проголосовать?

Пожалуйста, покажите результаты.

Результаты голосования (11 час. 31 мин. 18 сек.)

Проголосовало за... 289 чел... 64,2%

Проголосовало против...15 чел... 3,3%

Воздержалось...4 чел...0,9%

Голосовало...308 чел.

Не голосовало...142 чел.

Результат: принято

Принимается. 10 минут для включения новых вопросов в повестку дня. (*Шум в зале.*) Что? По мотивам?

И з з а л а. В целом!

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Не включать дополнительных вопросов?

И з з а л а. Нет!

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Поступило предложение: проголосовать в целом.

И з з а л а. Нет! Нет!

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Нет. Есть другая точка зрения. Депутат Юшенков. Минуту.

И з з а л а. (*Не слышно.*)

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Сначала надо высказаться «за» и «против», Игорь Михайлович. Пожалуйста.

Ю ш е н к о в. Я полагаю, что нужно рассмотреть вопросы в порядке, который установлен регламентом. В частности, я бы, например, внес предложение о снятии двух вопросов, которые включены в повестку дня, – о проекте постановления об углублении интеграции народов, объединявшихся в Союз ССР, и отмене постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря

1991 года и о проекте постановления Государственной думы о юридической силе для Российской Федерации – России результатов референдума 17 марта 1991 года. Мы, во-первых, не правомочны принимать подобные постановления, поскольку они не относятся к ведению Государственной думы в соответствии с Конституцией. А во-вторых, если уж мы и собираемся исправить ошибку коммунистов, проголосовавших 12 декабря за эти документы, то в таком случае нужно идти по пути принятия законов, а не постановлений. Иначе мы можем принять в преддверии 1 апреля постановление о сокращении зимы, ибо длинная зима наносит огромный ущерб нашему хозяйству.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Так, поступило предложение депутата Юшенкова снять два вопроса из повестки дня. Я должен... *(Шум в зале.)* Нет, друзья мои, успокойтесь, пожалуйста. Проголосуйте предложение Юшенкова, а потом будем решать дальше. *(Шум в зале.)*

По порядку ведения кто еще? Медведев – по порядку ведения. Владимир Сергеевич Медведев.

М е д в е д е в. Уважаемые коллеги! Давайте не будем нарушать нами же установленный регламент. Если нет желания вносить поправки в повестку дня в большом количестве, то, по крайней мере, представители фракций и депутатских групп должны высказать свою точку зрения.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Хорошо. Значит, здесь спор из-за чего возник – принимать ли сразу в целом? Депутаты возражают, и, в частности, депутатская группа «Российские регионы» предлагает другой порядок. Пусть лидеры фракций выскажутся. Владимир Сергеевич Медведев, депутатская группа «Российские регионы».

М е д в е д е в. Уважаемые коллеги! Я предлагаю снять с повестки дня законопроект об уполномоченном по правам человека – это первое. И второе: внести в

повестку дня запрос в Конституционный суд. Проект запроса сейчас размножат и раздадут.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Лидеры фракций. Владимир Вольфович, пожалуйста.

Ж и р и н о в с к и й. Во-первых, я хочу уточнить регламент. Не знаю, почему Семаго молчит. Раз было предложение в целом проголосовать, то оно и голосуется. Если оно принимается, все остальное сразу снимается. Но раз вы не пошли сами по этому пути, тогда я от имени фракции прошу утвердить в целом повестку дня. Но, используя свое время, я хочу все-таки сказать, что мы один вопрос упускаем. Если не сегодня, то на среду я прошу внести в повестку дня вопрос о финансировании программы «Достоинство». По вине Министерства финансов... Все согласовано, все снизу доверху выработано. Это программа трудоустройства офицеров российской армии. Их сотни тысяч! Если мы эти деньги не дадим, чтобы они получили возможность работать в гражданской жизни, они уходят в криминальные структуры. Вина лежит только на одном министре финансов Панскове или на этом министерстве в целом. Это программа «Достоинство». Нам сорвали программу по образованию. Вчера я был на встрече со школьниками, они даже жалуются, что учатся по учебникам Сороса. Им стыдно, российским школьникам, учиться... *(Микрофон отключен.)*

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Владимир Вольфович, понятно. Это не предложение в сегодняшнюю повестку дня. Внесите его на Совет Думы на вторник: следующая будет утверждаться... Геннадий Андреевич Зюганов, ваше предложение по повестке дня. Депутат Иванченко от фракции КПРФ.

И в а н ч е н к о. Я от имени фракции Компартии Российской Федерации предлагаю утвердить предложенную повестку дня с одним дополнением, восполнением вчерашнего решения Совета Думы:

внести вопрос (и было принято решение его рассмотреть сегодня) о практике продления законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации своих полномочий. Этот вопрос вчера обсуждался, было дано согласие, что он будет включен в повестку дня. Все материалы на руках у депутатов.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Ну, это уже в целом нельзя принимать. Значит, отдельно будет голосоваться.

И в а н ч е н к о. Нет, дополнение в повестку дня.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Так, понятно. Фракция «Наш дом – Россия» хотела бы высказать свое мнение? Нет. Так, фракция «ЯБЛОКО». Явлинскому включите микрофон.

Я в л и н с к и й. Фракция «ЯБЛОКО» полагает, что пункты 1 и 2 повестки дня не могут быть рассмотрены в силу их юридической несостоятельности и бессмысленности по существу. Мы предлагаем эти пункты сегодня снять.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Аграрная депутатская группа, пожалуйста. Нет. От депутатской группы «Народовластие» есть кто? Нет. Вон там Безбородов, от кого он?

И з з а л а. От комитета по обороне!

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Ну, от комитета по обороне – нет, это другой вопрос. Мы сейчас лидеров фракций и групп опрашиваем. Значит, уважаемые депутаты, было предложение принять повестку в целом, но было и предложение (скажем, того же депутата Иванченко) проголосовать еще одно, отдельное предложение.

И з з а л а. *(Не слышно.)*

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Снимает... Поэтому остается первое предложение: принять в

целом. Давайте проголосуем, а потом будем голосовать...

И з з а л а. По порядку поступления!

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. По порядку поступления, правильно. Первое предложение поступило: принять в целом. *(Шум в зале.)* Первое предложение, меня поправляют, было от конкретного депутата, а не от шума в зале: исключить из повестки дня два вопроса. Давайте голосовать. Давайте не нарушать регламент. Что вы волнуетесь? Голосуется предложение Юшенкова и Старовойтовой, и, по сути дела, Явлинского... Да, очень многих. Исключить из повестки дня пункты 1 и 2. Голосуйте, пожалуйста. Можно поименно. *(Шум в зале.)* Ну пускай голосуют, кто как хочет. Пожалуйста, включите режим поименного голосования. Исключить из повестки дня вопросы 1 и 2. Кто без карточки и желал бы проголосовать? Пожалуйста, покажите результаты.

Результаты голосования (11 час. 39 мин. 01 сек.)

Проголосовало за...135чел...30,0%

Проголосовало против... 205чел...45,6%

Воздержалось... 2 чел...0,4%

Голосовало... 342 чел.

Не голосовало... 108 чел.

Результат: не принято

Не принимается. Второе было предложение: утвердить повестку дня в целом. Ставлю на голосование.

Кто без карточек?

Покажите результаты.

Результаты голосования (11 час. 39 мин. 43 сек.)

Проголосовало за... 258чел... 57,3%

Проголосовало против... 99 чел... 22,0%

Воздержалось... 3 чел...0,7%

Голосовало... 360 чел.

Не голосовало...90 чел.

Результат: принято

Повестка дня утверждается. Итак, пункт 1 повестки дня: о проекте постановления Государственной думы об углублении интеграции народов, объединявшихся в Союз ССР, и отмене постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года. Выступления представителей депутатских объединений в Государственной думе. Давайте решим сначала, сколько минут мы этому вопросу посвятим.

И з з а л а. 20 минут!

И з з а л а. 3 минуты!

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Первое предложение было: 20 минут. Второе - 3 минуты. Поэтому давайте сначала проголосуем первое: 20 минут. По ведению - Медведев Владимир Сергеевич. Пожалуйста.

М е д в е д е в. Уважаемые коллеги! Будет очень нелогично и неразумно вот этими решениями менять регламент. В регламенте сказано, что по этим вопросам необходимо предоставить возможность выступить представителям всех фракций и депутатских групп. В регламенте сказано, что выступление представителей фракций и депутатских групп - до 10 минут. Вот давайте выполним это регламентное требование, а потом примем решение: продолжать или не продолжать дебаты.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Хорошо, продолжим. Договорились. Начнем по порядку, в алфавитном порядке. Первым выступает представитель Аграрной депутатской группы. Пожалуйста, кто от Аграрной депутатской группы? *(Шум в зале.)* Да, сначала фракции, меня поправляют. Кто выступает от

фракции Компартии Российской Федерации?
Пожалуйста, депутат Биндюков.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая

Б и н д ю к о в. Уважаемые коллеги! Биндюков Николай Гаврилович, белорус по рождению, 23 года прожил в Белоруссии, все остальное время живу в России, русский по культуре. Два года в составе парламента прошлого созыва я работал в группе по отслеживанию отрицательных политических и экономических последствий принятия беловежских соглашений. Несколько раз от имени группы вносились законопроекты, связанные в той или иной степени и с денонсацией беловежских соглашений, устранением их отрицательных последствий. К сожалению, по ряду причин ни постановления, ни положительные, разумные предложения не принимались. Но хотел бы обратить внимание на то, что последнее внесение проекта от 8 декабря 1995 года собрало в пользу денонсации беловежских соглашений 209 депутатских голосов. Не повторяя то, что есть в пояснительной записке у вас на руках, позвольте мне, уважаемые коллеги, привести дополнительную мотивацию и дополнительные аргументы в пользу предлагаемого фракцией и двумя депутатскими группами проекта постановления. ~~Первое.~~ На момент принятия постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года «О денонсации Договора об образовании СССР», следует сказать, ни в Конституции СССР, ни в Конституции РСФСР не содержалось четкой нормы правового механизма выхода какой-либо республики из состава СССР, кроме общего декларирования такого права. Не содержалось

также в Конституции СССР и какой-либо статьи, указывающей на механизм прекращения союзных отношений республиками в рамках единого государства – СССР. Легитимная процедура прекращения действия Договора об образовании СССР должна была бы выглядеть следующим образом (если уж кому-то это хотелось сделать): а) Съезд народных депутатов СССР принимает соответствующую статью Конституции СССР, в которой прописывается механизм прекращения функционирования СССР, в случае, если референдум или Верховные Советы, съезды народных депутатов всех республик выскажутся за это; б) Съезд народных депутатов СССР принимает статью, определяющую механизм выхода из состава СССР отдельной союзной республики, а также правовое основание для принятия республикой решения о выходе; в) съезды, Верховные Советы союзных республик на основании Конституции СССР вносят изменения в свои конституции. Таким образом, не только Верховный Совет РСФСР, но и Съезд народных депутатов не имел права денонсировать Договор об образовании СССР и ратифицировать Соглашение об образовании СНГ. Съезд имел право в лучшем случае принять постановление о выходе РСФСР из состава СССР. ~~Второе.~~ Дискуссия, развернувшаяся летом 1991 года, и так называемый ново-огаревский процесс как раз и вращались вокруг механизма преобразования СССР в СНГ, имея, так сказать, один камень преткновения: как обойти роль Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. Роспуск Съезда народных депутатов СССР в сентябре 1991 года завел процесс в тупик, потому что теперь никто не мог изменить статьи Конституции СССР. Верховный Совет РСФСР обязан был, согласно статье 4 Конституции РСФСР, руководствоваться Конституцией СССР, а не менять ее статьи де-факто. Это же относится и к президенту РСФСР. Денонсировав Договор об

образовании СССР и ратифицировав Соглашение об образовании СНГ, Верховный Совет РСФСР нарушил более 30 статей действовавшей в то время Конституции РСФСР, в которых содержалось упоминание Союза ССР или его органа. ~~Третье.~~ Верховный Совет не имел права принимать решение, противоречащее Конституции РСФСР. Внесение изменений и дополнений в Конституцию являлось вопросом, отнесенным к исключительному ведению Съезда народных депутатов РСФСР (глава 3, статья 104). Но и Съезд народных депутатов РСФСР также не имел права денонсировать Договор об образовании СССР без соответствующих изменений Конституции СССР. Изменять Конституцию СССР уже было некому – Съезд народных депутатов СССР разогнали. 21 апреля 1991 года Съезд народных депутатов РСФСР подтвердил, что на территории РСФСР действуют Конституция и законы СССР, а сама Российская Федерация является частью Союза ССР (статьи 4, 7, 30). ~~Четвертое.~~ Уважаемые коллеги, с какой стороны ни подходить к этой проблеме, мы всегда упрямся в следующее. Без предварительного изменения Конституции СССР и последующего нового подписания Союзного договора ни один орган РСФСР, а тем более должностное лицо не имели права подписывать какой-либо документ о прекращении действия Договора об образовании СССР. Все последующие примеры, где перечисляются нарушения Конституции СССР, – всего лишь иллюстрация к главному. Роспуск Съезда народных депутатов СССР заложил такой кризис, разрешить который можно было только незаконным путем. Главы республик разогнали Съезд, президент СССР не протестовал, проблема вошла в поле принятия неконституционных решений. Верховный Совет РСФСР проявил здесь большую поспешность. И есть все основания полагать, что незаконность подобного акта была видна изначально,

но требовалось скорее все это одобрить, пока не прошел шок в стране. ~~Пятое.~~ Существенный факт – игнорирование итогов референдума 17 марта. Референдум выше Съезда. Съезд обязан выполнить волю народа, высказанную через референдум. Стало быть, и здесь Съезд был не вправе ни денонсировать, ни ратифицировать. Говорить же о праве Верховного Совета в этом плане вообще не имеет смысла. ~~Шестое.~~ Верховный Совет РСФСР нарушил конституционное право всех граждан РСФСР, лишил их гражданства РСФСР, что запрещалось как законодательством СССР, так и РСФСР. ~~Седьмое.~~ Ссылка на право Верховного Совета РСФСР ратифицировать и денонсировать международные договоры РСФСР несостоятельна. Здесь речь идет не о договорах, заключаемых РСФСР с иностранными государствами, а о соглашении межреспубликанского характера. РСФСР, Украина и Белоруссия 7 декабря 1991 года были субъектами СССР. Ни одна из этих республик не решила к тому времени вопроса о выходе из СССР. Здесь действовало право СССР, а не международное право. Денонсировать Договор об образовании СССР от 1922 года было невозможно еще и потому, что после принятия Конституции СССР 1936 года и РСФСР 1937 года он потерял свое первоначальное юридическое значение. Не денонсация договора 1922 года, а изменение конституций СССР и РСФСР – вот легитимный путь! Так как менять Конституцию СССР было некому, то пошли по пути денонсации договора, ссылаясь на то, что под ним подписи РСФСР, Украины и Белоруссии. К этому времени уже действовала Конституция СССР, где перечислялись все союзные республики. В конституциях всех союзных республик отмечалось, что они являются составными частями СССР. Налицо двойное признание статуса-кво со стороны высшего органа СССР и высших органов союзных республик. Вот где должна была бы

проходить линия решения проблемы – в конституциях, а не в договоре 1922 года, да и договор 1922 года не предусматривал возможности его денонсации. ~~И наконец, последнее.~~ Еще один факт. Республики в составе РСФСР имели право участвовать в решении вопросов, отнесенных к ведению СССР. Верховный Совет РСФСР нарушил конституционное право автономий, входящих в состав РСФСР. Итак, оба постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года неконституционны, ибо обсуждаемые вопросы находились вне компетенции Верховного Совета, более того, они находились вне компетенции Съезда народных депутатов РСФСР. Принятое Верховным Советом РСФСР решение противоречит конституциям СССР, РСФСР, автономий, входящих в состав РСФСР. Уважаемые коллеги, здесь возникает вопрос: кто может восстановить законность после череды беззакония? Мы полагаем, что это может и должна сделать, начать делать Государственная дума Федерального Собрания Российской Федерации. Сделать не резко, а логически правильно и последовательно. Обратите внимание на то, что проект постановления в пункте 1 предлагает: признать утратившим силу постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года «О денонсации Договора об образовании СССР». Отмена этого постановления не означает немедленной отмены всего комплекта законодательных актов и соглашений, связанных с созданием и функционированием...
(Микрофон отключен.)

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Николай Гаврилович, ваше время истекло. Пожалуйста, 15... 30 секунд.

Б и н д ю к о в. Наоборот, она открывает большой простор для последовательно добровольной интеграции братских народов и приближает нас к исполнению воли

большинства населения страны, выраженной на всенародном референдуме 17 марта 1991 года. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Спасибо. Слово предоставляется руководителю Либерально-демократической партии России Владимиру Вольфовичу Жириновскому. Пожалуйста.

Сцена вторая

Ж и р и н о в с к и й. Наша фракция подготовила заявление. Я его оглашу, а потом уже дам обоснование. Оно есть у вас, но пусть это слышит весь мир, вот эти телекамеры, так сказать. Это – у вас, но не у нашего народа! Я не буду говорить о том, каковы отрицательные последствия. Это и гибель людей, и отъезд миллионов людей, и огромный материальный ущерб. Это была практически форма войны против нас. Вместо третьей мировой войны за 40 лет, с 1945-го по 1985-й, была проведена подготовка. В 1985-м начались маневры, и в 1991 году они закончились. Представители американских спецслужб прямо заявили, что они это сделали. Они выиграли холодную войну. Они развалили СССР. Для чего? Для того, чтобы подойти ближе к нашим материальным богатствам. Им все равно, кого валить: Российскую империю, царя или КПСС, СССР вместе с генеральными секретарями. Главное – удар по России! Им нужны наша земля, наши материальные богатства, ибо здесь лес, вода и энергия – все, что нужно для нормальной жизни. А у них нет ничего. Пустые! Япония – пустые острова, Германия – один бурый уголь. Все остальные пользуются тем, что грабят весь остальной мир. Все, кому нравится Западная Европа, должны знать, что они живут, как в теплице. Мы их охраняли от варваров с востока. С юга их охраняли моря теплые, и они использовали нас с вами, так сказать, Россию на протяжении всего того периода, чтобы создать благополучие для себя. Поэтому этим хитрым маневрам Запада надо положить конец, и этот конец мы можем положить, начав процедуру борьбы за выживание Российского государства. В связи с этим я бы хотел, чтобы было принято постановление, в

котором был бы поставлен вопрос о привлечении к ответственности лиц, причастных к подготовке проекта беловежских соглашений. Они являются депутатами нынешнего парламента. Бурбулис, где он? Нет в зале – уже боится, уже ушел. Он знал, что я уже пришел сюда с наручниками. Вот, что ждет его, Бурбулиса! *(Оживление в зале.)* Они на Россию надели наручники, мы наденем их на вдохновителя этого беловежского соглашения! Депутат Шахрай здесь – можно арестовать прямо в зале, здесь, на заседании Государственной думы. Депутат Козырев... нет его. Депутат Гайдар уже сбежал – он уже не депутат. Вот четверо – эти люди все организовали. Как они убедили Ельцина? Они говорят: «Давайте отцепим лишние вагоны – 14 вагонов». 15 вагонов было в поезде. 14 государств они создали, миллионы людей обрекли на гибель. Один вагон – Российская Федерация, значит, движется теперь у нас. И что? Получили за пять лет хорошую реформу? Они говорят: «Давайте отцепим лишние вагоны и в России быстро проведем реформу. Она станет богатой и культурной, к нам снова потянутся». Потянулись к нам? Сегодня в Северном Казахстане и в Крыму отдыхают чеченские боевики – там у них место отдыха, организуют там банды из местных националистов, руховцев или крымских татар. Или в Казахстане – это казахские националисты, 15-16-летние мальчики. Они насилуют русских женщин и девочек. Этим самым выталкивают русских из Казахстана, издеваются, убивают, грабят. И ничего не делает Назарбаев – еще один участник, так сказать, евроазиатского этого контракта о создании нового государства со столицей в Казани. Уже русским не нужна столица – в Казани уже нужно создать новую евроазиатскую федерацию, конфедерацию! Вот до чего они дошли, эти бывшие члены Политбюро и первые секретари! Их тоже уже нужно привлечь к ответственности – назарбаевых,

каримовых, акаевых, ниязовых, кравчуков, шушкевичей и прочих. Все это одна команда, сформированная ЦРУ, сформированная для того, чтобы развалить нашу страну. Поэтому это главный момент – об ответственности. Но нельзя забыть и про членов бывшего Верховного Совета РСФСР, который незаконно себе присвоил полномочия Съезда. Они голосовали за ратификацию, они! Они придали законную силу этому незаконному решению! Когда эти друзья собрались там, в деревне Вискули, в Беловежской Пуще, само место сбора говорило о темном замысле. Ночью в лесу собрались. И что делают? Подготовили документ – сидит там Бурбулис, подписывает от нашего с вами имени. Бурбулис кто такой? И Шахрай ему советует, и Козырев ему советует. Есть видеозапись, пора ее показать всему миру. И что они делают? Как, говорят, будем пить: за все соглашение или по странице? (До чего дошли уже!) Построчно, говорят, давайте. Сидят, улыбаются, и дрожат коленки, потому что они... А в это время Горбачев гуляет по кабинету в Кремле и тоже знает, что там происходит: ему докладывают. И никто никаких не принимает мер. Все они сдали страну. Все сдали страну! Все сдали! *(Шум в зале.)* Так там же были, все они были там вместе. *(Шум в зале.)* ~~Второе, и главное.~~ Принять территории, желающие войти в состав нового государственного образования. Это Южная Осетия, Абхазия, Аджария, Нагорный Карабах, Лезгистан, Талышская республика, Приднестровье, Северо-Восточная Эстония, Латвия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Восточная и Южная Украина, включая Крым, Северный Узбекистан, Туркменистан. ~~Третье.~~ Создать парламентскую комиссию по определению степени ответственности лиц, причастных к подготовке беловежских соглашений. ~~Четвертое.~~ Возобновить переговорный процесс по интеграции республик, ранее входивших в

состав СССР. ~~И пятое.~~ В качестве первого шага на пути восстановления единства народов вновь утвердить все основные атрибуты государственной символики, начиная с восстановления гимна нашей страны, при котором мы все родились. Гимн Советского Союза должен стать снова гимном нашего Российского государства. (*Аплодисменты.*) Потому что наш народ не воспринимает эту музыку. Мы при той родились, при той живем, и большинство воспринимает правильно гимн именно тот, который у нас был до декабря 1991 года. Поэтому мы не раз фракцией поднимали этот вопрос. И когда можно было принять символику здесь, вы не договорились. Вам хочется сразу все вместе. Вот опасность некоторых политических сил – они сразу все хотят. А фракция ЛДПР говорит: медленно – и хорошее вернуть, и плохое отринуть, все медленно. Нельзя резко и быстро делать. Землетрясения к чему приводят? К гибели людей. Шторм на море к чему приводит? К гибели судна. Поэтому в политической жизни нужны медленные и последовательные действия. Ошибки были. Сейчас бесполезно нам искать виновных. Можно начинать с октября 1917 года искать виновных. И 1937 год, и 1991-й, 1993-й – мы будем вечно искать виновных. Надо остановиться на одном: у нас должно быть новое государство и кто хочет добровольно в него войти обратно, нужно принять. И для того, чтобы эту добровольность определить, мы должны заставить провести снова везде референдумы. И, я вас уверяю: 90 процентов всех, кто примет участие, проголосуют за единое государство, как бы оно ни называлось – Россия, Российская конфедерация, Новая Федерация... 90 процентов простых граждан! Жулики, воры, наркоманы, проститутки будут голосовать против, их ничтожное меньшинство, их 2-3 миллиона наберется на 300-миллионный народ, который составлял бывший СССР. Мы не сторонники коммунистической идеологии, у нас

другая идеология, но мы должны объединиться на основе идеологии государства. Государство у нас должно быть, единое пространство. Экономика может быть разной. Пускай в одном месте будут только колхозы, в другом – только фермерские хозяйства. Где-то крупные государственные предприятия, где-то пускай будут... Давайте все делать: строить и социализм, и капитализм. Пусть сам народ решает. В этом районе за социализм – пусть строят социализм. В этом – за капитализм, пусть строят капитализм. *(Оживление в зале.)* Пусть они сами решают. Но границы государства, Конституция, правовое пространство – все единое. Соблюдать права человека, в том числе право отделяться и право не давать возможности отделяться. Мы почему-то хотим дать только право на отделение, а право не отделяться почему не удовлетворяем? Давайте и то и то. Референдумы проводить. Каждый год проводить референдум, но не о том, чтобы разъять государство, а по проблемам экономического свойства, потому что ни одна страна мира до такого позора не дошла. Французы плевали бы в лицо тем, кто организовал бы референдум о расчленении Франции. Хотите ли вы, немцы, жить в составе единой Германии? Если подобный вопрос поставят в США, наказание за попытку отделить штат – электрический стул. Швейцарская конфедерация, самое аморфное государство в мире, где все можно делать, кроме одного – отделять кантоны. Было 22 кантона, 21 – нельзя, 24 – можно, уже 24 кантона. Добавлять можно, но отделять нельзя. Нельзя живого человека разорвать пополам, нельзя Москву расчленить, так сказать. Поэтому раз и навсегда нужно понять, что это была форма борьбы. Как в 1941 году бомбить они не могли нас, так они нас сейчас бомбят на Кавказе и в Таджикистане. Напрямую по Москве ударить они боятся, потому что даже ослабленное наше государство

имеет значительный ядерный потенциал. Но что может произойти? Что враждебные России силы могут сделать сейчас? Они ухватятся за эту идею: давайте начнем восстанавливать союзное государство. В связи с этим надо откладывать выборы и проводить выборы президента нового государства. Вот в чем может быть опасность. Имейте в виду - не этот документ. У вас свой документ, у них свои документы. Поэтому на ваш документ, на наш документ у них будет свой документ: идя навстречу пожеланиям депутатов Государственной думы создать новое государство, нет необходимости проводить выборы президента этого небольшого, маленького государства - России. Лучше осенью провести выборы президента, хотя бы воссоединив Россию с Белоруссией, с частью Украины и Северным Казахстаном. Я просто предупреждаю об опасности. Вас не предупредили 12 декабря 1991 года - я вас предупреждаю 15 марта 1996 года. Чтобы одна и та же «пятая колонна» опять нам не сработала вариант, когда мы кричим «ура!» - и теряем страну, кричим «ура!» - и гибнут люди... *(Микрофон отключен.)*

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Владимир Вольфович, 15 секунд еще.

Ж и р и н о в с к и й. 15 секунд... Об этой опасности я хочу предупредить и хочу, чтобы все-таки мы нашли формулу согласия независимо от того, какое историческое решение мы примем сегодня. В любом случае мы должны без революции, без войны перейти рубеж - 16 июня, и если это будет...

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Спасибо. *(Аплодисменты.)* Объявляется перерыв на 30 минут. Следующим после перерыва будет выступать Сергей Георгиевич Беляев.

Сцена третья

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Уважаемые депутаты, просьба занять свои места и приготовиться к регистрации. Группу электронного голосования прошу включить режим регистрации. Будьте, пожалуйста, внимательны. Идет регистрация. Кто без карточки и хотел бы зарегистрироваться? Все зарегистрировались. Пожалуйста, покажите результаты регистрации. Кворум есть. Можем продолжить работу. Слово предоставляется председателю фракции «Наш дом – Россия» Беляеву Сергею Георгиевичу.

Б е л я е в. Уважаемые депутаты! Если уж принимать проект постановления, то, думается, надо принять проект постановления, подготовленный нашей фракцией. Кроме того, мы дали полное обоснование юридической несостоятельности документов, подготовленных фракцией КПРФ, депутатской группой «Народовластие» и Аграрной депутатской группой. Уважаемые депутаты, зададимся вопросом: почему, несмотря на абсолютную юридическую ничтожность представленного проекта постановления, мы все-таки рассматриваем его со всей серьезностью? Что, авторы-составители этого документа так юридически некомпетентны? Нет, среди них есть известные имена. Что же толкает этих людей на подготовку такого постановления и вообще на рассмотрение этого вопроса так спешно и немедленно – к 17 марта? Стремление возвеличить страну, стремление сохранить мир и согласие, стремление обеспечить интеграцию народов, их культурное, экономическое сближение? Уверен, что нет, так как юридически ничтожным постановлением нас вталкивают в политическую несуразицу и авантюру. Как можно принимать постановление, которое

противоречит конституционной логике? Уже в силу того, что решение принято Верховным Советом РСФСР, оно не может быть отменено одной из палат Федерального Собрания. Значит, это должен быть закон. А он, в свою очередь, должен быть принят совместно с Советом Федерации и президентом. Таким образом, все утверждения по поводу нелегитимности постановления Верховного Совета РСФСР о денонсации Договора об образовании СССР юридически вообще ничтожны, так как в соответствии с действовавшей тогда Конституцией РСФСР Верховный Совет имел право без рассмотрения на съезде денонсировать этот договор. Перейдем теперь от вопроса о юридической ничтожности документа к вопросу о юридической неопределенности Российского государства в том случае, если данный документ приобрел бы юридическую силу. *(Шум в зале.)*

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Тише, тише.

Б е л я е в. Наступит правовая неопределенность, то есть восстановление СССР на территории Российской Федерации. Но ни одна, ни одна из стран СНГ такой роскоши, как ликвидация собственного государства, не позволит. И не позволят они, чтобы им в лицо посмеялись в Совете Европы, в ООН, в Совете Безопасности, а также должники и кредиторы. Как, впрочем, не позволят также наши братья-соседи решать этот вопрос без их участия. Кстати, нарушается еще и закон о международных договорах, где сказано, что предложения о ратификации или денонсации принимаются только по представлению президента страны. Итак, юридически документ нас ведет в никуда. А политически? Превращение России в не определившееся государство привносит хаос в политическую, экономическую жизнь общества, превращает нас в политических истуканов, а саму Государственную думу – в политическую трибуну для

разжигания межгосударственной вражды, порождает неуверенность в будущем. Проверенная тактика в условиях борьбы за власть, боязни проиграть окончательно и бесповоротно. Не так ли? Ведь на карту поставлено все. И в этих условиях нужно сорвать или оттянуть выборы президента, внести сумятицу в умы граждан, расстроить экономику, финансовую систему и, используя уже недемократические методы, завоевать власть, столь желанную для них власть. *(Шум в зале.)* Не хотят товарищи из КПРФ, депутатской группы «Народовластие», Аграрной депутатской группы проиграть выборы. Боятся, боятся выборов президента. А почему? *(Шум в зале.)* Потому, что сами участвовали в принятии решения по развалу СССР, в то время как мы (я, например, рядовой гражданин) в 1991 году голосовали на референдуме за сохранение СССР. Во фракции НДР нет ни одного бывшего депутата Верховного Совета РСФСР, нет ни одного бывшего депутата Верховного Совета СССР. Это они спустя пять месяцев после референдума подготовили почву для развала СССР, создав ГКЧП, допустив позорный путч. А еще через четыре месяца они же единогласно голосовали за его распад. Я уж не говорю о господах бывших депутатах Верховного Совета СССР, сидящих здесь. Это вы самораспустились тогда. Так стремление ли к интеграции, миру и согласию движет вами, теми, кто подготовил тот документ? Нет, стыд и страх. Стыд – перед народом, а страх – перед будущим. Призываю к здравомыслию всех депутатов и особенно тех, кто состоит в депутатской группе «Народовластие», в Аграрной депутатской группе, депутатов-коммунистов, которые не участвовали в постыдных решениях. Мы стремимся в будущее, мы видим условия для интеграции наших народов. Мы делаем сегодня реальные шаги, реальные шаги к интеграции народов бывшего СССР. И навстречу нам делают шаги другие

государства – бывшие участники СССР. Мы идем вперед, но этого-то и страшатся наши оппоненты, те, кто сегодня мне в зале пытается вставить палки в колеса. *(Оживление в зале.)* Смейтесь, смейтесь. Вы боитесь проиграть, и отсюда ваш смех, нервный. В проекте постановления, который подготовлен нашей фракцией, вы не увидите отказа от стремления народов бывшего СССР к интеграции, но вы увидите конструктивную позицию, которая направлена на созидание, а не на разрушение, в отличие от тех документов, которые вы пытаетесь протолкнуть. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Сцена четвертая

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Слово для выступления предоставляется лидеру фракции «ЯБЛОКО» Явлинскому Григорию Алексеевичу. *(Шум в зале.)* Уважаемые депутаты, наберитесь терпения, дайте всем выступить.

Я в л и н с к и й. Уважаемые депутаты! По самому ходу обсуждения, наверное, заметно, что вопрос и поставлен как чисто «юбилейный», и даже ожиданий ни у кого нет, что он хотя бы в каком-то виде может быть решен и что-то в результате этого может серьезное образоваться. И те, кто вносил этот вопрос, прекрасно это понимают, и те, кто выступает по этому вопросу, тоже понимают. Многие из них зачем-то здесь устраивают балаган, но тоже это прекрасно понимают. Поэтому мы хотели бы взглянуть на этот вопрос несколько глубже. Конечно, здесь правильно говорилось о многих нарушениях, которые были допущены в связи с принятием соответствующих решений, в результате которых произошли все эти сговоры и соглашения. И потом они еще к тому же были проголосованы, и к тому же были еще и утверждены. Но на сегодняшний день мы опять вносим на обсуждение решение, которое соответственно (вы все прекрасно это знаете, я не сомневаюсь в этом) тоже не будет иметь никакой законной силы, поскольку это постановление не может отменить то постановление. Там нужен закон, совсем по-другому нужно делать. Но тем не менее проводится вот такое мероприятие. Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что помимо собственно юридической части существует еще и политический процесс, который очень хорошо должен быть известен всем политикам. Этот политический процесс включал и

включает целую серию самых различных голосований. Голосований, в которых многие принимали участие. Многие (как Компартия, например) принимали участие в том числе в голосовании и за суверенитет России, и за институт президентства, и за дополнительные полномочия, и за беловежские соглашения, и за отмену комиссии 1993 года. Вот он, весь политический процесс. Обратите внимание: конечно, все эти свершения и достижения – это заслуга Бориса Николаевича Ельцина, безусловно. Он будет отвечать на эти вопросы и в течение всей кампании. Но что же это за такое политическое сопровождение? Что означают эти шаги сейчас? Сейчас затеялся какой-то странный диалог по поводу Белоруссии между президентом Ельциным и президентом Лукашенко, больше похожий на балаган – без каких-либо экономических обоснований, без серьезных соображений, без учета мнения Верховного Совета Белоруссии. И мы вновь под эти вещи вносим постановление, предлагаем решения, которые как бы сопровождают, поддерживают и декорируют все это. Нет больше таких политических фигур, как Шушкевич и Кравчук. Очевидно, не будет и третьей политической фигуры, которая участвовала в этом. *(Оживление в зале.)* Потому что за такие политические события, которые произошли в 1991 году, независимо от их исторической обусловленности, политическая расплата всегда приходит. Но я хотел бы обратить внимание всех, кто серьезно относится к политике: в чем смысл проекта, который сегодня вносится, и вносится Коммунистической партией? Это в третий раз! В третий раз хотим изменения основ государственности России: в 1917, в 1991, теперь – в 1996 году. Все время, постоянно предлагается изменение принципиальных основ государственности. Это снова смена флагов, гимнов и всего остального. Разрушение российской государственности вновь только и может явиться

возможным последствием такого проекта. Поэтому мы против такого проекта и против такого постановления. И призываем всех ответственных политиков прекратить заниматься разрушением собственной страны!
(Аплодисменты.)

Сцена пятая

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Слово для выступления предоставляется руководителю Аграрной депутатской группы Харитонову Николаю Михайловичу.

Х а р и т о н о в. Тяжело слушать, тяжело находиться в зале, когда полтора десятка претендентов на президентский пост вдобавок еще и выступают, и выступают неплохо. За последние годы мы все как-то разучились говорить правду, даже находясь в таком высоком законодательном органе, как парламент.

И з з а л а. *(Не слышно.)*

Х а р и т о н о в. Политическое недержание так и оставьте при себе, где-нибудь в другом месте. *(Оживление в зале.)* А теперь я хочу вашему вниманию представить официальный документ, а потом начну выступать. Так, директор ЦРУ США Вулси зимой 1993 года заявил: «Мы и наши союзники вместе с демократами России и других государств бывшего Советского Союза и советского блока одержали победу в холодной войне». Государственный секретарь США Кристофер сделал вывод, что означает для них победа над Советским Союзом: «Эти перемены открыли нам великолепные возможности для укрепления региональной стабильности и повышения уровня безопасности американского народа». Вдумайтесь: «Мы пытаемся использовать эти возможности так, чтобы извлечь для американцев максимальные выгоды». Причастность демократов к поражению Советского Союза в войне с Западом недавно подтвердил, находясь в США, и президент России Ельцин Борис Николаевич. Он сказал: «Мы вместе победили в холодной войне». Сказал он это на встрече с американским президентом. Спустя 70 лет вновь сработал большевистский лозунг:

поражение собственному правительству. Повестка сегодняшнего дня – это не случайность. Мы очень много топчемся на месте при решении этих проблем, и сегодня это происходит не оттого, что нынешний президент России так хотел бы сблизиться с другими народами бывшего Советского Союза, что это его только желание. Желание не его – желание народа. Вспомните постоянно показываемую последние дни на телевидении картинку: печальный мужчина смотрит на картонный муляж молодой женщины. Радио России – «Ностальжи». Ностальгия. Так вот, сегодня 150 миллионов без малого, может быть (без тех, кто вот здесь кричит и шумит в зале), глядя на фотографии родственников, которые живут в Белоруссии, в Грузии, в Азербайджане, на Украине, плачут. Плачут и тогда, когда гробы цинковые и нецинковые приходят. Не случайно даже крутой демократ Нижегородской области (вы знаете губернатора Немцова) и то об этом говорит. А он прекрасно понимает, что 70 гробов за короткий период в Нижегородской области – это политика, политика нынешнего президента, к сожалению. Ноги чеченской войны как раз растут из тех событий – из бани в Беловежской Пуще. Вот оттуда ноги растут. Мы недавно, большая группа депутатов во главе с председателем Госдумы, были на Украине, и поверьте мне, дорогие друзья, та жалкая кучка руховцев, которая постоянно переезжала с места на место, встречая нас, – человек 10-12 – ни в какое сравнение не идет с руководителями 170 районов Украины: у них еще старые остались названия – зампреда райисполкома по сельскохозяйственным вопросам... Как они просили встречи с нами, и как они выступали и говорили! Жалко, что невозможно показать запись того разговора, той встречи. Они прямо говорили: «Ну сделайте что-нибудь побыстрее, сделайте что-нибудь поскорее. Как мы жили великолепно на границе с

Белгородской областью, с Курской областью! Ну переходите, пожалуйста, от слов к делу». Они вели разговор не только об экономической, политической, социальной интеграции. Они вели речь о духовной интеграции. Мы с вами знаем: духовный стержень славянских народов и неславянских народов в рамках Советского Союза – это как раз решающий фактор того, что мы с вами будем непобедимы всегда. Мы все здесь примерно одинакового возраста. На одинаковых идеалах воспитывались. Меня удивляет вот такое ненавистное порою отношение друг к другу. Мы, представители аграрников, в силу своей, может быть, стыдливости и застенчивости вековой не можем тут вот так размахивать руками, призывать и так далее, и так далее. Поверьте мне, люди от земли всегда были гораздо мудрее многих. Но на протяжении многих десятков лет и по сегодняшний день многие вопросы на селе не решены. Дорогие друзья! Нет смысла сегодня призывать и убеждать, но то постановление Государственной думы, которое подготовлено тремя политическими группами и фракциями, достойно внимания. Его необходимо принимать. И это будут первые шаги именно к сближению. Поверьте мне, многие республики бывшего Советского Союза боятся сближения с Россией (я вам правду говорю!) из-за того, что сегодня на высочайшем уровне такой правительственный курс в исполнении нынешних руководителей в Кремле. Вот чего боятся многие республики бывшего Советского Союза! Ужели мы этого не понимаем?! Я думаю, что мы должны перебороть и пересилить и те ненавистные выкрики «Нашего дома – России», будто кто-то боится кому-то проиграть. Но мы же признали многопартийность. Поэтому, честно улучшая жизнь своих людей и своих народов, мы будем бороться за власть. И ничего страшного нет, если сегодня левая или правая сторона по очереди будут

друг другу проигрывать, но при этом будет улучшаться социально-экономическое положение нашей страны. Поэтому давайте мы не будем посыпать голову пеплом. Первые шаги мы с вами обречены сделать вместе. И это историческое предназначение мы с вами вместе должны выполнить - и левая и правая сторона. Вот тогда по достоинству народ, наши избиратели нас и оценят. А на предмет того, что в ваших рядах нет бывших депутатов СССР и РСФСР, так это как раз говорит о том, что сегодня определенной части тех людей не доверяют. А вот по центру и с левой стороны есть депутаты тех созывов. Это как раз говорит об уровне доверия. Народ знает своих героев. Поэтому, дорогие друзья, не будем повторять ошибок. *(Аплодисменты.)*

Сцена шестая

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Депутатская группа «Народовластие». Депутат Рыжков Николай Иванович.

Р ы ж к о в. Уважаемые коллеги! При всей значимости вопросов, которые уже рассматривал и еще будет рассматривать наш парламент, нет более важного и ответственного, чем вопрос единства народов Советского Союза. Распад великой страны продолжает терзать умы и души десятков миллионов людей, и не будет преувеличением сказать, что его последствия будут определять судьбу нашей страны на длительную историческую перспективу. Сегодня мы уже в состоянии не на основе наших прогнозов 1990 года, а исходя из горького опыта последних лет заявить, что развал Советского Союза стал подлинной трагедией не только для России, но и для всех народов, входивших в состав Союза. Эйфория суверенитетов испаряется под напором жизненных реалий. С распадом страны ситуация в экономике и политике приобрела крайне нестабильный и противоречивый характер. Существенно ухудшилось геополитическое положение России, оказавшейся отодвинутой на восток. Даже больше половины морских портов, за которые Россия боролась столетиями, мы потеряли. Петр Первый, Екатерина Великая, да и другие, перевернулись бы в гробу, узнай они о наших деяниях. Образование Содружества Независимых Государств, заключение между его участниками Договора об экономическом союзе и многочисленных соглашений, предусматривающих сохранение общего экономического пространства и прозрачных границ, отказ от торговых барьеров, восстановление

хозяйственных связей на деле оказались пустым звуком. И все заверения «отцов Беловежья» явились явным обманом, и в этом деле помогал им кое-кто из сидящих в этом зале. Кстати, они были сегодня озвучены здесь. Нам иногда приходится слышать, что распад СССР – объективный процесс, что распадались все империи. Мы начисто отвергаем тезис о некоей империи, которая рано или поздно должна была развалиться. Есть ли в истории пример, когда империя целенаправленно поднимала окраины за счет населения центральной метрополии?! Не говорю уже о том, что подавляющее большинство народов присоединялись к России добровольно и сознательно в целях прежде всего собственного выживания. Мы не были империей. Мы были великой страной! Мы были великим народом! При решении столь важного вопроса, как интеграция бывших республик СССР, мы не должны поддаваться эмоциям, а должны смотреть на суть вопроса предельно прагматично, исходя прежде всего (и я это подчеркиваю) из интересов России, интересов благосостояния ее населения. Интеграция будет благом не только для России, но и для всех братских стран. Прежде всего речь идет, конечно, об экономике. Уникальный в истории человечества экономический комплекс обеспечивал выживание наших народов в самых опасных условиях. Смогли бы поработанные Гитлером народы Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии самостоятельно восстановить свою независимость и разрушенное хозяйство без единого Советского Союза?! Сегодня не время для неторопливых дискуссий об интеграции. Все возможные и невозможные аргументы «за» и «против» за последние четыре года уже высказаны, но говорильня продолжается. Она и сегодня в парламенте идет, эта говорильня. Пора действовать! Непреложным остается один, но самый главный факт – жизнь всех без

исключения народов, составлявших ранее Союз ССР, стала не лучше, а заметно хуже. И нет никаких признаков того, что кто-то сумеет самостоятельно выбраться из трясины, в которую все мы медленно, но уверенно погружаемся. Не сомневаюсь, что даже оппоненты, которые, кстати, сидят в правом крыле, которые выступали и будут выступать против предлагаемого проекта постановления, в глубине души прекрасно понимают историческую необходимость и неизбежность восстановления единства наших народов. Сегодня не время для тактических маневров вокруг вопросов, определяющих исторические судьбы наших народов. Мы хорошо знаем настроение наших людей. Решение первого в истории страны референдума, на котором ровно пять лет назад наши сограждане высказались за Союз, сохраняет свою моральную и юридическую силу и сегодня. И его итогов никто не вправе отменить. Это проявление истинной демократии. Никакие ссылки на революционную необходимость не могут оправдать нарушение воли народа, и тщетны попытки президента и других его сподвижников, приложивших руку к этому, снять с себя ответственность за эти действия. Нельзя закрывать глаза и на то, что в России, в других республиках набирает силу тенденция к переориентации экономических связей на дальнейшее зарубежье. Доля стран СНГ в российской внешней торговле сократилась с 60 процентов (начало 90-х годов) до 20 процентов (1995 год). В свою очередь заметно ослабли позиции России в торговле с Азербайджаном, Грузией, Туркменистаном, Таджикистаном, а также со странами Балтии. На этом фоне обращает на себя внимание нарастание в регионе политико-экономической активности мировых держав, сопредельных государств. Их действия становятся фактором разобщения новых государств, ведут к ослаблению влияния России. Нельзя

жить сегодняшним днем. НАТО стоит у нашего порога. Спрашивается: зачем? В сохранении нынешнего развала по-настоящему заинтересованы лишь те силы Запада, которые мечтают решить, наконец, многовековую задачу ликвидации великого государства и ослабления самобытной российской цивилизации, не вписывающейся в созданную в чужих столицах модель нового мирового порядка. Но вовсе не российские интересы отражают многие из тех, кто печется о том, что Россия должна оттолкнуть от себя все братские народы и сузиться до размеров московского княжества с контролем лишь нефтяных и газовых кранов. Время прошло! Сегодня необходимо решительно повернуть в сторону практических дел. Мы не преуменьшаем трудности экономического, политического характера в деле интеграции. Слишком много уже сломано, сломано торопливо, бездумно, сломано в интересах внешних сил или крошечных групп корыстолюбцев, которые наживаются на наших общих страданиях, сломано ими специально для того, чтобы невозможно было воссоздать. Но именно поэтому нужны новые смелые шаги, и эти шаги должна сделать Россия. В этом наша историческая обязанность и ответственность. Будущие поколения не простят нам, если мы не сделаем этого. Поэтому, по нашему мнению, курс на активное развитие сотрудничества с бывшими республиками СССР, и прежде всего на интеграцию в рамках СНГ, является для России безальтернативным с точки зрения национально-государственных интересов страны, задач укрепления ее национальной безопасности и позиции в мире. И не надо запугивать нас сегодня, не надо! Мы сегодня живем в реальной действительности и понимаем, что происходит. Вчера президент страны более чем ясно показал, кто есть власть в стране, парламенту бесцеремонно указали на его место. Слушая это откровение, я невольно вспоминаю слова

Пушкина: «В России нет закона. Есть столб, на нем – корона». *(Аплодисменты.)* И тем не менее я предлагаю с учетом обсуждения принять внесенный проект постановления за основу. Он снимает юридические путы в деле интеграции. Постановление имеет взвешенный характер и создает хорошие предпосылки для дальнейшего продвижения вперед в деле воссоединения в новых формах и на новой добровольной основе народов, входивших в состав Союза ССР. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Сцена седьмая

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Депутатская группа «Российские регионы». Медведев Владимир Сергеевич, пожалуйста.

М е д в е д е в. Воистину вместо логики в этом зале бродит дух депутата Марычева. Наверное, из выступивших Харитонов, я и Беляев могут сказать, что не участвовали в развале СССР. Уважаемый председатель! То, что нашей группе дают слово последней, я воспринимаю как объективную неизбежность. Именно субъекты Федерации, именно российские регионы ставят последнюю точку во всех вопросах. *(Смех в зале, аплодисменты.)* Уважаемые коллеги! Позиция нашей депутатской группы по предлагаемым проектам постановлений Государственной думы изложена в заявлении, которое находится у вас на руках. Вопрос, обсуждаемый нами сегодня, несомненно, является важным. В этом зале, вероятно, нет человека, который не сожалел бы о том, что распалась некогда великая и могучая многонациональная держава. К историческим событиям можно относиться по-разному, но, когда они совершаются, к ним надо относиться как к данности, и их уже нельзя отменить какими-либо одноразовыми решениями или по воле той или иной группы людей. И если мы действительно поддерживаем интеграционные процессы в СНГ, хотим не на словах, а на деле возродить союзное государство, то мы должны руководствоваться здравым смыслом, а не эмоциями, крепко подумать, как выполнить волю людей, проголосовавших 17 марта 1991 года за сохранение обновленного Союза ССР. Для нас, представителей республик, краев и областей, особенно очевидны

преимущества единого федеративного государства, в котором было бы комфортно всем народам, всем республикам бывшего СССР. Но из этого не следует вывод о том, что добиться этого можно простым нажатием кнопок. Историю вспять не повернуть, а если уж изменять сложившуюся ситуацию в лучшую сторону, то очень плавно, придерживаясь основополагающего принципа врачей – не навреди! Повторяю: поддерживая интеграционные процессы, мы считаем предлагаемые нам решения несвоевременными и влекущими за собой опасные политические и правовые последствия, негативную реакцию тех, с кем мы хотим объединиться. Мы даем козыри националистам всех мастей и оттенков, ставим под сомнение государственность России, даем аргументы тем, кто хотел бы отменить президентские выборы в России или же поставить под сомнение их результаты, если они состоятся, ставим под сомнение международный статус России как правопреемника СССР и приглашаем НАТО двигаться на восток. Предлагаемые решения по существу представляют собой политическую популистскую декларацию, не имеющую реальной юридической силы. И депутаты Думы, голосуя за них, должны отдавать себе отчет в том, что за этим не последует ничего, кроме пропагандистской шумихи. Государственная дума – лишь одна из палат российского парламента, Федерального Собрания, в то время как Верховный Совет был единым парламентом и его постановления имели силу, а постановления Государственной думы имеют юридическую силу лишь для нас с вами. И у меня в этой связи возникает резонный вопрос: зачем же все это делается? Ответ известен многим, присутствующим в этом зале. Депутатская группа «Российские регионы» подтверждает свою принципиальную приверженность интеграционным процессам в СНГ. Мы за их ускорение, но поспешать здесь надо медленно, ибо непродуманные

действия будут давать прямо противоположный результат. В начале марта этого года я был в Минске и встречался с белорусскими парламентариями, президентом, видными общественными и политическими деятелями, производственниками. Они все - за углубление экономической интеграции, за таможенный союз, за двойное гражданство, за решение многих других проблем. Но они все отвергают механическое объединение наших стран и утрату суверенитета Белоруссии. Мы предлагаем: не рассматривать проекты постановлений Государственной думы о юридической силе референдума СССР от 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза Советских Социалистических Республик, об углублении интеграции народов, объединившихся в Союз ССР, и отмене постановления Верховного Совета от 12 декабря 1991 года, в равной степени как и все другие распространенные в этом зале проекты постановлений; провести тщательную и беспристрастную правовую и геополитическую экспертизу подобных действий; определить последствия, к которым они могут привести; провести расширенное заседание Межпарламентской Ассамблеи стран СНГ и детально продумать весь комплекс политических, экономических, правовых и иных решений, которые могли бы реально способствовать возрождению нового единого федеративного государства, создаваемого на основе добровольного волеизъявления народов. Исходя из вышеизложенного, депутаты группы «Российские регионы» не примут участия в голосовании по данным проектам постановлений. Что касается ваших реплик - я сибиряк, и фамилия у меня такая, поэтому не тронете меня с места. *(Шум в зале, аплодисменты.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена первая

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Уважаемые депутаты, будем ли мы проводить запись на выступления? Сергей Николаевич считает: конечно. Сколько времени мы отведем на дискуссию? *(Выкрики из зала.)* Нет, нет, нет. До завтра мы не можем. У нас ведь (посмотрите порядок) там есть еще второй вопрос. Поэтому надо до обеда и его рассмотреть.

И з з а л а. Геннадий Николаевич, по порядку ведения!

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Бабурин – по порядку. Пожалуйста.

Б а б у р и н. Уважаемые коллеги! 12 декабря 1991 года господин Хасбулатов отводил на ратификацию беловежских соглашений 20 минут. Давайте не будем ему уподобляться и делать так, как в 1991 году, поскольку не только руководители фракций имеют право высказать свое мнение по этому вопросу. И к тому же я хочу отметить, что во всех практически выступлениях речь шла и о первом, и о втором документах, поэтому обсуждение у нас до 14 часов намечено и должно состояться до 14 часов. При всем моем уважении, первый документ будет уже второй политической ошибкой, если мы не обсудим его недостатки.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Сергей Николаевич, что вы предлагаете, сколько минут?

Б а б у р и н. Я предлагаю приступить к прениям, а потом определиться и подвести черту.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. У нас по регламенту есть еще второй документ и второй докладчик. Поэтому давайте мы сейчас запишемся на выступления, а потом посмотрим, когда сделать остановку.

И з з а л а. Голосовать сначала!

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Сначала проголосуем... Нет, не надо: мы голосовали за регламент уже. Он же проголосован - до 14 часов. Запишитесь, пожалуйста, на выступления. *(Выкрики из зала.)* Что значит Памфилова? Памфилова - депутат, пусть она запишется на выступление. Пожалуйста, покажите список. 22 человека записались. Пожалуйста, первым выступает депутат Лукашев. До пяти минут.

Сцена вторая

Л у к а ш е в. Уважаемые коллеги, мне хватит одной минуты. Я вспоминаю ситуацию, которая была в 1990-1991 годах в нашей стране, в СССР. Я не отказываюсь от нашей истории, от ее символов, от наших предков. Но, к сожалению, время-то вспять повернуть невозможно. Ведь на самом деле СССР рухнул под обломками старой системы, которая существовала тогда в нашей стране. И стремление тогда Коммунистической партии Советского Союза как единственной политической партии, которая тогда выполняла функцию органа государственной власти, по сути (эта функция была закреплена в Конституции), было направлено на то, чтобы сохранить эту систему. Сама формулировка референдума в марте 1991 года говорила не о желании создать какой-то обновленный Союз. Это демагогия. Для этого нужно было заниматься конкретной созидательной работой. Вот сейчас мы вспоминаем Китай и апеллируем к тому, что вот в Китае при руководящей роли Коммунистической партии начали экономические реформы. Кто мешал нашей Коммунистической партии начиная с 1985 года приступить к подобным экономическим и политическим реформам?

Борьба за сохранение прошлого привела к тому, что все рухнуло. Рухнуло в гораздо более благоприятных условиях для той системы. И сейчас я не вижу никакого искреннего желания восстановить действительно добрососедство, дружеские, экономические, политические и культурные связи между странами, независимыми сегодня, бывшими республиками СССР. На самом деле речь идет о попытках восстановить ту, старую, экономическую и политическую систему. И если

тогда она рухнула в гораздо более благоприятных для нее условиях, то попытки восстановить эту систему сегодня ничем, кроме как политическим авантюризмом и желанием обречь наш народ на еще более длительные страдания, назвать нельзя.

Благодарю вас за внимание.

Сцена третья

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Депутат Куликов, пожалуйста. На трибуну, раз уж начали депутаты задавать тон и выходить к трибуне. *(Шум в зале.)* Ну что делать, первый докладчик пошел на трибуну, второй – за ним.

И з з а л а. Я как раз хотел с места.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Да? Ну, пожалуйста, чтобы все видели, ведь у нас много новых депутатов.

К у л и к о в. Уважаемые коллеги! Мне думается, не требуется дополнительной аргументации к тем высказываниям, которые прозвучали в выступлениях депутатов Харитонов, Рыжкова, Биндюкова. Я полагаю, каждый из нас является сегодня живым свидетелем тех исторических событий, которые на протяжении пяти лет обрушивались на наше Отечество, на наши семьи, на каждого из нас. Во всяком случае – на большинство россиян. Те многочисленные (сотни тысяч!) жертвы сами за себя говорят, правильно ли поступает Компартия Российской Федерации, ставя сегодня вопрос в Государственной думе, правильно ли поступают те нормальные, просто нормальные беспартийные люди, которые требуют сегодня восстановления элементарной справедливости и

законности, конституционной законности, восстановления того, что было вопреки их воле отобрано в декабре 1991 года. Я полагаю, даже исходя из этих простых, нормальных, гуманных аргументов и мотивов, мы сегодня должны поддержать это постановление и принять его. Я призываю вас поддержать это постановление и проголосовать за него.

Сцена четвертая

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Депутат Варенников Валентин Иванович.

В а р е н н и к о в. Уважаемые депутаты, вчерашнее выступление президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина очень четко и ясно нас сориентировало. Ведь он собеседнику своему на вопрос о том, будет ли это конфедерация, когда речь зашла о сближении России с Белоруссией, сказал, что пока будет интеграция глубокая, а затем конфедерация. Таким образом, мы обязаны помочь решению этой задачи и снять все (*аплодисменты*) с пути движения к этому. А первое, что мешает, – это решение Верховного Совета Российской Федерации в прошлом. Я считаю, что оно было принято потому, что депутаты были введены в заблуждение руководством этого Верховного Совета. И еще одно. Если говорить о том, как же со стороны оценили состояние дел у нас в России, вы вспомните Миттерана, что он в декабре 1991 года сказал: «Развал Советского Союза налицо, а что дальше? А дальше – хаос». Вы понимаете? «А дальше – хаос!» – он еще тогда сказал. И мы не можем отвергнуть вот эти оценки. Мы, конечно, сегодня, в пятилетие референдума, обязаны как государственный орган, законодательный, высказать народу свое мнение, свое отношение к этому вопросу. Мы обязаны поддержать предложение, которое сделано было на этот счет. И наконец, о ГКЧП некоторые тут вспоминали. Я активно поддержал ГКЧП. Жаль, что этот орган не проявил себя нужным образом, но я судился, и меня оправдали. А я-то выступал за сохранение Советского Союза, – значит, мы правильно действовали. И сейчас мы должны правильно действовать. (*Аплодисменты.*)

Сцена пятая

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Депутат Каримова, пожалуйста.

К а р и м о в а. Глубокоуважаемые коллеги, все мы хотим воссоединения нашей великой страны. Я думаю, никто из присутствующих в этом не сомневается. Но каким путем к этому идти? Мне очень понравилось выражение Владимира Сергеевича Медведева. Заповедь врачей – не навреди. Я врач, мать двоих взрослых детей, один из которых – кадровый офицер. И вы знаете, из сегодняшнего разговора вновь возникает тревога за будущее нашей страны. И, наверное, если речь вести о воссоединении (а мы все к этому стремимся, я это снова повторяю), то тут же нужно поставить другой вопрос: а каким путем? Напоминаю: нон ноцере – не навреди. Давайте думать об этом. Еще было такое пожелание, такое было замечание, что, вероятно, страны СНГ боятся воссоединения при нынешнем правительстве. Так давайте вернемся к этому вопросу при хорошем правительстве. Каким оно должно быть – об этом скажет народ в июне.

Сцена шестая

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Депутат Боос, пожалуйста.

Б о о с. Уважаемый председатель, уважаемые коллеги! Я депутат-одномандатник, избран в Государственную думу впервые. Независимый депутат. Я один из тех, кто на референдуме голосовал вместе со всей страной за сохранение Советского Союза. Но вот сейчас я один из тех, кто призывает не совершать политических актов, а совершать действительно реальное объединение, реальное восстановление страны. Давайте вспомним. 1991 год – это год, когда реально был политически необходим всем силам (и тем, кто сейчас у власти, и тем, кто им оппонирует) вот этот разрыв, вот это расхождение. Государство возникает тогда, когда возникают экономические межрегиональные связи. И тогда для защиты своих интересов население этих регионов объединяется в одну страну. Тогда у нас были связи. Нельзя сказать, что они сегодня разрушены. Но тогда была политически развалена страна, развалена в том числе и Верховным Советом, который тогда работал. И сейчас мы можем, опять же политическим шагом, не допустить сближения народов нашей страны – народов, которые проживают на территории бывшего Советского Союза. Поэтому я призываю: давайте отнесемся к этому спокойно, взвешенно. Не надо принимать постановление, которое будет носить, с одной стороны, характер декларативный, а с другой стороны, будет как красная тряпка для наших братских народов.

И з з а л а. *(Не слышно.)*

Б о о с. Я вам не мешал выступать, ведь правда?... Спасибо. Поэтому давайте снимем этот вопрос с

повестки дня в таком ключе. Давайте внимательно к этому отнесемся. И если предлагает коллега Варенников помочь президентам Белоруссии и России в этой интеграции, то давайте примем такой документ, чтобы это действительно работало на сближение наших народов.

Сцена седьмая

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Спасибо.
Депутат Гришуков.

Г р и ш у к о в. Уважаемые депутаты! Я не буду сегодня обосновывать за столь короткий промежуток времени необходимость, к которой, по-моему, все пришли уже, большинство, по крайней мере, народонаселения и нашего государства и тех стран, которые некогда входили в мощное и великое государство Советский Союз, с которым считались во всем мире. Во что превратилась сегодня страна благодаря нынешней политике – мы все с вами прекрасно понимаем. Я хочу остановиться на одном. Вот я перед вами стою. Я дважды был делегатом двух конгрессов народов Советского Союза. И та инициатива, которая сегодня исходит от трех, вернее, от двух депутатских групп и одной фракции, продиктована как раз волей и интересами народа, а не тех, кто пытается сегодня показать, что они выступают от имени народа. Поэтому давайте посмотрим на тех, кто высказывается за интеграцию и в области экономики, безусловно, но надо смотреть немножко глубже. Наш парламент, выражая волю народов... Я просто не могу понять некоторых товарищей, моих коллег депутатов, которые говорят, что, с одной стороны, мы вроде бы выражаем

интересы людей, а с другой стороны, независимые. С одной стороны, живя в обществе, нельзя быть свободным от общества, а с другой стороны, если депутат – так ты выражаешь интересы большинства людей. Посмотри, куда сегодня направлены эти интересы. Так вот, народ, и большинство, – за то, чтобы мы жили вместе.

Давайте мы придадим этому правовой характер, и для этого я приглашаю подумать (внимательно почитать) над той инициативой, с которой выступают эти две группы и фракция, и проголосовать за этот проект, внося в него (если это необходимо – пожалуйста) необходимые поправки. Но я считаю, мы должны проголосовать за него.

Благодарю за внимание. *(Аплодисменты.)*

Сцена восьмая

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Депутат Вишняков.

В и ш н я к о в. Уважаемые коллеги! Вопрос о Договоре об образовании СССР, о беловежских соглашениях, о декларации о государственном суверенитете и обо всем прочем обсуждается уже много лет. Юристы уже давно доказали, где и в чем было несоответствие конституциям СССР и РСФСР, что было нарушено и что надо отменить как незаконное. И когда я смотрю вариант проекта постановления Государственной думы, который был предложен фракцией КПРФ, Аграрной депутатской группой и депутатской группой «Народовластие», я, к своему удивлению, вижу в нем много юридических промахов, не совсем для меня понятных, потому что, в общем-то, юридическая мысль давно уже отработала правовые механизмы восстановления Союза ССР, о чем здесь говорится, а также отмены антиконституционных актов. Я сейчас не буду говорить о том, что Государственная дума не вправе отменять постановление, которое было принято Верховным Советом РСФСР 12 декабря 1991 года, что нельзя признавать правильным сам факт денонсации Договора об образовании СССР, поскольку из этого факта вытекает необходимость корректировки принятых на его основе законодательных и иных нормативных актов. Эта сторона меня как юриста не волнует. Можно было бы уже сейчас сказать: «Да, давайте привлечем юристов, положим в основу этот документ и каким-то образом доведем его до ума». Меня настораживает глубокое внутреннее противоречие самого документа. Ведь что получается. С одной стороны, мы говорим: «Давайте признаем

постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года утратившим силу». А что в нем говорится? «Денонсировать Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик». А что значит – денонсировать? Это значит – признать имеющим силу договор 1922 года. Тут говорится, в пункте 2: «Установить, что все законодательные и другие нормативные акты, вытекающие из постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года, будут корректироваться...» Ну, я не знаю. Если с 1922 года корректировать – это, конечно, непосильная задача. Но, видимо, авторы законопроекта имели в виду те антиконституционные акты, которые стали нарушать Конституцию СССР, когда пошел развал Союза ССР. Да, можно, начиная с 1991 года, всю эту работу проводить. Но вот здесь-то и возникает проблема: в каком направлении двигаться? Ведь были принципиальные расхождения в том, как двигаться: по линии восстановления Советского Союза, исходя из того, что Конституция СССР никем не была отменена и она продолжает действовать, так же как и гражданство СССР, и ряд других актов, которые не отменены и действуют сейчас. Союзный договор, откровенно говоря, тоже не мог быть отменен и не мог быть денонсирован ни одной из сторон, которые заключили его. Я имею в виду и РСФСР, и Украину, и Белоруссию. Значит, и они поступили неправильно, когда денонсировали этот договор и вышли из состава Союза. Но это же один путь – путь, который требует коренного пересмотра всего того, что накопилось за последние годы. А мне говорят: давайте будем корректировать. Куда? В какую сторону? Законодательные акты, которые были изданы на основе Конституции СССР, несовместимы с тем, что сейчас происходит по линии развития законодательства в этих бывших союзных республиках. А я читаю в проекте постановления:

корректировать в сторону более глубокой интеграции и единения. И все то, что после этого излагается, полностью соответствует тому, что заявлено было фракцией «ЯБЛОКО», один к одному: обратиться к президенту, к правительству, к Федеральному Собранию, наметить постепенные пути интеграции экономики и всего прочего. Ну и что, все правильно и прекрасно. Вот это понятие «корректировать» нарушает принципиальный подход к проблеме, намеченной в преамбуле, – принимать законы, опираясь на волю большинства населения стран (не России, а большинства населения бывших союзных республик, которые входили в Советский Союз). Этот мощный тезис можно было бы раскручивать и говорить, мол, да, действительно была воля народа выражена на всесоюзном референдуме. И вот на основе этого можно было бы построить хорошую юридическую конструкцию. А она здесь смазывается вот этим понятием – «корректировка». Поэтому я думаю, что сейчас за основу этот проект постановления вряд ли можно принять. Потому что, я еще раз повторяю, оно внутренне противоречит самому названию этого документа и тому, что было заявлено в его преамбуле. И тем не менее, я думаю, что сегодня какое-то решение мы должны принять. Я думаю, что сейчас нужно вернуться к очень простому, в общем-то, и давно юридически... *(Микрофон отключен.)*

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Спасибо, Виктор Григорьевич. Депутат Цику. *(Шум в зале.)* Давайте минуту дадим Виктору Григорьевичу. Виктор Григорьевич, договорите, закончите вашу мысль. Пожалуйста.

В и ш н я к о в. Я считаю, что сейчас за основу надо взять проект постановления, который подготовила фракция ЛДПР, и выявить причины этого развала. Кто был виновен? Назвать конкретно фамилии (тут они уже

были названы Владимиром Вольфовичем Жириновским), хотя бы задним числом признать их действия незаконными. И морально мы будем чисты перед потомками. *(Шум в зале.)* И возбудить против них дело по статье 64 действующего сейчас УК. *(Оживление в зале.)*

Сцена девятая

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Депутат Цику. *(Шум в зале.)* Уважаемые депутаты, депутат Цику уже на трибуне.

Ц и к у. Спасибо, Геннадий Николаевич. Уважаемые депутаты, самая большая трагедия – это трагедия для малочисленных народов, проживающих на территории бывшего Советского Союза. Советский Союз называли «империей зла», но он был действительно благом для малочисленных народов. Посмотрите сегодня, что творится на огромной территории бывшего Советского Союза! В 1991 году, когда шли выборы президента Российской Федерации, официально зарегистрировавшись в городском Совете, я, естественно, агитировал против нынешнего президента и за Николая Ивановича Рыжкова. И действительно, если бы мы избрали тогда его, мы не получили бы того разбитого корыта, у которого все мы оказались. Мы всегда радовались дружбе народов, которая явилась тем стеновым хребтом, той монолитной частью, о которую разбились вооруженные до зубов фашистские войска. А сегодня мы говорим о том, что буквально не имеем возможности ездить с Кавказа в Белоруссию, на Украину или в северные районы нашей России, для того чтобы почтить память своих братьев, сестер, погибших в годы Великой Отечественной войны. Развал Советского Союза – это прежде всего развал экономики, финансов, но это и развал всего прочего, что отсюда вытекает. Развал Советского Союза – это и развал дружбы между народами, населявшими Советский Союз. Развал Советского Союза – это пожары межнациональных конфликтов в самых различных регионах бывшего Советского Союза: Приднестровье,

Прибалтика, Карабах, Абхазия. Сегодня – Чечня! Война полыхает вовсю на нашей территории. И мы говорим, заслушивая сегодня здесь министра внутренних дел и представителя Министерства обороны, что надо кончать эту войну. Я вас заверяю, уважаемые депутаты: при нынешнем президенте мы никогда не закончим эту войну! Ответственно об этом заявляю. И чем быстрее будут проведены выборы президента Российской Федерации и мы получим нового президента, который отстаивал бы интересы Российской Федерации, тем быстрее мы могли бы закончить эту войну. Это второй момент. Третий момент. Здесь выступал депутат Медведев из депутатской группы «Российские регионы». Российские регионы – этим понятием сегодня никому здесь не дано права спекулировать. Потому что в «Российских регионах», в вашей депутатской группе, нет представителей многих республик, которые бы защищали интересы этих республик, нет представителей многих областей, краев в вашем составе. И вы не имеете морального права говорить от имени всех республик. Каждый из наших депутатов защищает интересы своего региона и вместе с тем интересы всех народов, населяющих нашу великую Родину. Я предлагаю прекратить на этом прения и принять постановление, предложенное фракцией Коммунистической партии Российской Федерации. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Сцена десятая

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Уважаемые депутаты, время приближается к 14 часам, еще будет одно постановление. Давайте проголосуем предложение депутата Цику о прекращении прений. Будем ли мы продолжать или прекратим прения? Было предложение прекратить прения. Пожалуйста, проголосуйте. Кто без карточки и хотел бы проголосовать? Пожалуйста, покажите результаты.

Результаты голосования (13 час. 37 мин. 57 сек.)

Проголосовало за... 281 чел... 88,9%

Проголосовало против... 34 чел... 10,8%

Воздержалось... 1 чел... 0,3%

Проголосовало... 316 чел.

Не голосовало... 0 чел.

Результат: принято

Прекращаем прения. Уважаемые депутаты, у вас на руках несколько проектов постановления. По существующему порядку первым голосуется тот вариант, который был включен в повестку дня: от двух депутатских групп и депутатской фракции. Мы должны проголосовать за основу. Пожалуйста.

По мотивам? Депутат Боровой – по мотивам. (*Шум в зале.*) Спокойней, спокойней.

Сцена одиннадцатая

Б о р о в о й. Я считаю, что сама постановка вопроса свидетельствует о какой-то маргинализации нашего парламента. Я вынужден покинуть это заседание и призываю к тому же других депутатов... *(Аплодисменты.)* Коммунистическая партия Российской Федерации, аграрники, «Народовластие» превращают нас в какую-то тусовку у музея Ленина. Мне впервые стыдно за наш парламент.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Константин Натанович, поаккуратнее в выражениях. Если желаете покинуть зал – это ваше право. Пожалуйста, по мотивам – депутат Бабурин. Один момент.

Сцена двенадцатая

Б а б у р и н. Уважаемые коллеги! Я хотел бы обратиться к авторам этого первого проекта из фракции Коммунистической партии Российской Федерации и к тем депутатам из Аграрной депутатской группы и депутатской группы «Народовластие», которые подписали этот проект. У него два принципиальных политических порока (если они допущены сознательно – это одно, если нет – это другое). Во-первых, совершенно игнорируется упоминание о главном – о результатах референдума 17 марта. И во-вторых, в пункте 1 вы подтверждаете юридическое значение постановления «О денонсации Договора об образовании СССР», потому что оно утрачивает силу с сегодняшнего числа. Я еще раз просил бы обратить внимание на тот проект, который был внесен от комитета по делам СНГ, где этих пороков нет.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Сергей Николаевич, это второй документ.

Б а б у р и н. Это первый документ. К сожалению, их почему-то развели в разные вопросы.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Это второй документ. Обсуждались, по сути, оба документа, но они у нас по порядку в повестке разложены. Депутат Кулик – по ведению? Сейчас, сейчас.

Сцена тринадцатая

К у л и к. Я вношу предложение: по обсуждаемому вопросу принять один документ, а не два, как стоит в повестке дня.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Мы за основу, наверное, проголосуем тот и другой, а потом будем решать по тому, что нам редакционная комиссия предложит. Или как? По мотивам - депутат Шохин. Один момент.

Сцена четырнадцатая

Ш о х и н. Уважаемые коллеги! Во многих выступлениях говорилось о том, что постановление, которое отменяет постановление Верховного Совета от 12 декабря 1991 года, должно носить силу закона. Я просил бы фракции, инициировавшие рассмотрение этого законопроекта, подходить более строго к выполнению своих законодательных функций и рассматривать вопрос по процедуре законопроекта. В этой связи в любом случае, при любом политическом отношении к этому документу его ни в коем случае нельзя принимать в целом до всех экспертиз, необходимых в случае рассмотрения законопроекта.
(Шум в зале.)

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Уважаемые депутаты, подождите минуточку. Была записка от представителя президента Александра Алексеевича Котенкова. Александр Алексеевич, вы будете выступать? Пожалуйста.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена первая

К о т е н к о в. Если вы позволите, поскольку я готовился к выступлению в ходе прений.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Вы же не депутат, вам может дать Дума слово. Пожалуйста. *(Шум в зале.)* Он же не депутат, подождите минутку. Он прислал записку, что хотел бы выступить по этому вопросу. Давайте мы дадим слово представителю президента, не нарушая регламента. Пожалуйста. *(Шум в зале.)* Поспокойнее, поспокойнее. Все мы успеем обсудить.

К о т е н к о в. Уважаемый Геннадий Николаевич, уважаемые депутаты Государственной думы! Я не задержу надолго вашего внимания. Я не собираюсь давать политических оценок ни событиям 1991 года, ни принимаемым решениям. Я хотел бы просто обратить ваше внимание на некоторые юридические тонкости принимаемого вами решения. Прежде всего я хотел бы напомнить вам, что действовавшая в 1991 году (вот она у меня в руках) Конституция РСФСР не относилась к вопросам денонсации и ратификации международных договоров к исключительным полномочиям Съезда народных депутатов. Это ответ на заявления о том, что решение Верховного Совета было неправомочным. Пункт 15 статьи 109 Конституции относил ратификацию и денонсацию международных договоров к прямому ведению Верховного Совета, следовательно, решение было правомочным. Съезд мог принять к своему рассмотрению и рассмотреть этот вопрос, но он этого не сделал. Это не умаляет юридической силы принятого Верховным Советом постановления. Далее. Решение, принятое двухпалатным парламентом, Верховным Советом РСФСР, в декабре 1991 года носило силу закона

и действительно не может быть отменено одной из палат ныне действующего парламента, что, естественно, сразу делает ничтожной юридическую силу принимаемого акта. Правовая неопределенность, которая возникает, допустим, в случае признания юридической силы этого документа, что весьма сомнительно, по отношению к международной правоспособности Российской Федерации, на территории которой будут тогда действовать сразу как бы два государства, переводят Россию в разряд неопределившихся государств, в связи с чем Россия теряет место в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций. И наконец, в соответствии с действующим в Российской Федерации законом «О международных договорах Российской Федерации» любые решения, связанные с денонсацией или ратификацией международных договоров, принимаются парламентом только по представлению президента Российской Федерации, что означает, что данный акт не будет признан ни одним субъектом международного права. Отсюда возникает вопрос: если данный документ не будет иметь юридической силы, то зачем он нужен? Благодарю за внимание.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Так, спасибо. Уважаемые депутаты, здесь подсказывают, что у нас лежит и второй проект постановления, который у нас включен в повестку дня. Они идут друг за другом. Сергей Николаевич говорит, что их нужно было рассматривать вместе и одним постановлением голосовать. Но мы не можем этого сделать, поскольку оба вопроса в повестке дня, и, по сути, оба они обсуждены. Какие будут мнения? Может быть, мы сейчас за основу проголосуем? Можно было бы даже все проекты проголосовать как бы рейтинговым голосованием, а потом решать в зависимости от того, как редакционная комиссия предложит нам поступить.

В порядке поступления предложений – проголосуем за основу все.

По мотивам. Пожалуйста, депутат Лукашев.
(Выкрики из зала.) Первый – за основу.

Сцена вторая

Л у к а ш е в. Уважаемый председательствующий! Дело состоит в том, что мы не имеем права голосовать первый проект за основу по одной простой причине: это не просто нарушение незначительных статей Конституции, это покушение на целостность Российского государства и попытка насильственного изменения конституционного строя. *(Шум в зале.)* В этой связи речь, конечно же, пойдет и о возбуждении Генеральным прокурором Российской Федерации уголовного дела по этому факту. Поэтому по нашему регламенту подобного рода законопроекты и постановления мы просто не вправе ставить на голосование. *(Выкрики из зала.)*

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Подождите минутку. Последний по мотивам – Грешневиков, а то мы «галерку» не замечаем, а они обижаются всегда.

Сцена третья

Г р е ш н е в и к о в. Вы сказали о предложении Бабурина. Мне бы хотелось, чтобы Сергей Николаевич пояснил, что он имел в виду.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Да нет, постановление у вас в руках. Второе постановление. Давайте мы первые сейчас пока, первые – их несколько проектов – проголосуем за основу. Пожалуйста. *(Выкрики из зала.)* Сначала то, что предложено фракциями и группами.

И з з а л а. Какими? Их много.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Аграрная депутатская группа, «Народовластие», КПРФ – вот это. *(Выкрики из зала.)* Поименное голосование просят. Пожалуйста. *(Выкрики из зала.)* Да, последовательно, друг за другом. Кто без карточки? Пожалуйста, покажите результаты.

Результаты голосования (13 час. 48 мин. 01 сек.)

Проголосовало за... 241 чел... 53,6%

Проголосовало против..... 89 чел... 19,8%

Воздержалось... 2 чел...0,4%

Голосовало...332 чел.

Не голосовало...118 чел.

Результат: принято

За основу принимается. *(Аплодисменты.)* Одну минутку, Виктор Иванович, подождите, нам надо другие проголосовать. По ведению – Илюхин.

Сцена четвертая

И л ю х и н. Уважаемые коллеги! В течение двух часов мы обсуждали эту проблему. Звучали разные точки зрения, разные позиции и мнения. Они, кажется, всем ясны. Если говорить о технико-юридическом составлении этого документа, я считаю его вполне выдержанным. Можно, конечно, если мы вообще хотим сорвать голосование по этому документу, предлагать любые поправки и дополнения. Но оптимальное из того, что мы с вами можем сегодня внести в документ, здесь есть. Я ставлю вопрос о принятии его в целом и просил бы в целом поддержать, дабы не срывать принятия очень важного документа. *(Выкрики из зала.)*

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. По мотивам, Владимир Вольфович?

И з з а л а. *(Не слышно.)*

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Дальше голосовать: решение за решением? К этому вернемся. *(Выкрики из зала.)* Нет, давайте мы другие-то решения проголосуем.

И з з а л а. *(Не слышно.)*

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Депутат Мизулина, пожалуйста, по мотивам.

Сцена пятая

М и з у л и н а. Уважаемый Геннадий Николаевич, уважаемые депутаты! У меня есть поправка к этому варианту проекта постановления. Я прошу исключить из этого проекта постановления пункт 1, поскольку он не

соответствует Конституции. Уважаемые члены коммунистической фракции, вспомните, что сегодня ни один из вас не смог опровергнуть тот факт, что, благодаря многим из членов коммунистической фракции в Верховном Совете, в 1991 году было принято то постановление, неконституционное, которое мы сегодня пытаемся опровергнуть. Вы заставляете нас повторить ту же практику. Если мы исключаем пункт 1 – никаких возражений нет.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й.
Неконституционность мы не должны допускать, поэтому давайте подумаем, как нам здесь быть. *(Выкрики из зала.)* Будем ли мы голосовать проект постановления, поступивший в ходе заседания? *(Выкрики из зала.)* Нет, все правильно. Депутат Семаго подсказывает, что остальные проекты были внесены в ходе заседания. Поправку Мизулиной предлагается голосовать. *(Выкрики из зала.)* Нет, поправка поступила, Игорь Михайлович. Что вы сбиваете с толку! Голосуется поправка депутата Мизулиной. Пожалуйста. Кто без карточки и хотел бы проголосовать? Покажите, пожалуйста, результаты.

Результаты голосования (13 час. 51 мин. 25 сек.)

Проголосовало за...125 чел...27,8 %

Проголосовало против... 154 чел...34,2 %

Воздержалось...6 чел...1,3 %

Голосовало...285 чел.

Не голосовало...165 чел.

Результат: не принято

Поправка депутата Мизулиной отклоняется. Было предложение голосовать постановление в целом. *(Выкрики из зала.)* По ведению? Сейчас, один момент. Депутат Волков Геннадий Константинович.

Сцена шестая

В о л к о в. Я не понял, почему мы игнорируем письменные поправки Сергея Михайловича Шахрая?

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Да, поправки Шахрая были в письменном виде розданы. «Об углублении интеграции народов, объединявшихся в Союз ССР, и отмене постановления...» *(Выкрики из зала.)* Поправки депутата Шахрая есть на руках? *(Выкрики из зала.)* Есть. Ставятся на голосование поправки депутата Шахрая. Пожалуйста. *(Выкрики из зала.)* По ведению. Говорят: каждую поправку по регламенту положено голосовать отдельно. Автор настаивает? Сергей Михайлович? *(Выкрики из зала.)* Не настаивает. Голосуются поправки депутата Шахрая. У нас все знатоки регламента. Давайте его соблюдать. Кто за эти поправки? Пожалуйста, голосуйте. Кто без карточки? Нет таких. Пожалуйста, покажите результаты.

Результаты голосования (13 час. 53 мин. 39 сек.)

Проголосовало за...27 чел... 6%

Проголосовало против...163 чел...36,2 %

Воздержалось... 9 чел... 2%

Голосовало... 199чел.

Не голосовало... 251 чел.

Результат: не принято

Поправки депутата Шахрая отклоняются. Ставится на голосование: принять проект постановления в целом. Пожалуйста, голосуйте. *(Шум в зале.)*

И з з а л а. (Не слышно.)

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Поименно? Пожалуйста, поименно. Кто без карточки и хотел бы

проголосовать? Нет. Пожалуйста, покажите результаты.

Результаты голосования (13 час. 54 мин. 25 сек.)

Проголосовало за... 250 чел... 55,6%

Проголосовало против... 98 чел... 21,8%

Воздержалось... 0 чел... 0,0%

Голосовало... 348 чел.

Не голосовало... 102 чел.

Результат: принято

Постановление принимается. *(Аплодисменты.)*
Переходим к следующему постановлению. Сергей Николаевич, вот это второе постановление?

Б а б у р и н. Да.

И з з а л а. *(Не слышно.)*

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Спокойнее, спокойнее. Уважаемые депутаты! У вас на руках проект постановления о юридической силе для Российской Федерации – России результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза ССР. Голосуете за основу. Пожалуйста.

И з з а л а. *(Не слышно.)*

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. По мотивам? Нет, оно уже обсуждалось.

И з з а л а. *(Не слышно.)*

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Но оно же обсуждалось. За основу, пожалуйста. Потом поправки. *(Шум в зале.)* Отмените голосование. По мотивам – депутат Беляев.

Сцена седьмая

Б е л я е в. Уважаемые депутаты! В условиях, когда первое постановление принято, обсуждение второго проекта постановления теряет всякий смысл. Мы отказываемся от обсуждения проекта этого постановления и не будем голосовать по нему.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Хорошо. Я должен спросить: будем ли мы слушать доклад и обсуждать второе постановление? Ставится на голосование: голосовать постановление без доклада. Пожалуйста. Кто без карточки? Нет.

Пожалуйста, покажите результаты.

Результаты голосования (13 час. 56 мин. 37 сек.)

Проголосовало за... 243 чел... 94,9%

Проголосовало против... 11 чел... 4,3%

Воздержалось... 2 чел... 0,8%

Голосовало... 256 чел.

Не голосовало... 0 чел.

Результат: принято

Голосуется проект постановления, подписанный депутатом Бабуриным.

Б а б у р и н. Комитетом по делам СНГ.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Комитетом по делам СНГ? Но здесь стоит ваша фамилия. Пожалуйста, ставится на голосование проект решения.

И з з а л а. В целом?

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Нет, за основу. Кто без карточки? Нет таких. Пожалуйста, покажите результаты.

Результаты голосования (13 час. 57 мин. 22 сек.)

Проголосовало за... 257 чел...57,1%
Проголосовало против... 7 чел... 1,6%
Воздержалось... 2 чел... 0,4%
Голосовало... 266 чел.
Не голосовало... 184 чел.
Результат: принято

Какие будут предложения по данному проекту?
(Шум в зале.) В целом. Подождите, любое предложение имеет, как говорится, автора. Хор - это не автор.
Депутат Мизулина просила слова. Пожалуйста.

Сцена восьмая

М и з у л и н а. Уважаемый Геннадий Николаевич! Уважаемые депутаты! Уважаемый Сергей Николаевич! Вы только что высказывали свои возражения против предыдущего проекта постановления, упрекая его авторов в юридической небезупречности, но то же самое сделали по своему варианту. Я предлагаю первые три пункта этого постановления исключить. Пункт 1. Не нужно подтверждать то, что не вызывает сомнений. По закону о референдуме (статья 40) результаты референдума не требуют юридического подтверждения. Пункт 2. Мы не вправе устанавливать факт совершения правонарушения каким-либо должностным лицом. Для этого есть правоохранительные органы. Мы опять будем выглядеть как посмешище. И пункт 3, где мы подвергаем сомнению юридическую значимость соглашения о создании СНГ. Вопросы о неконституционности тех или иных нормативных правовых актов входят в компетенцию либо Конституционного Суда Российской Федерации, либо... *(Микрофон отключен.)*

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Понятно. Бабурину Сергею Николаевичу для ответа включите микрофон.

Сцена девятая

Б а б у р и н. Уважаемая коллега! Я не могу согласиться с вашей аргументацией, потому что пункт 1

говорит о том, что мы подтверждаем свое стремление жить в едином государстве. Он является нашим ответом на инициативу прежде всего Белоруссии и многих других республик ускорить интеграционные процессы. Да, он был бы лишним, если бы более четкую позицию занимал президент Российской Федерации. Но что не делает президент, должна сделать Дума. Пункт 2 подтверждает, что все должностные лица (и Владимир Вольфович Жириновский справедливо об этом сегодня говорил), которые готовили, подписывали, ратифицировали это соглашение, попрали решение референдума и нарушили декларацию о суверенитете и многие другие документы. Точно так же и в пункте 3 нет никаких оснований ставить под вопрос Содружество Независимых Государств. То, что сегодня звучало, – это просто «мальчики кровавые в глазах» у тех, кто разрушал Советский Союз и кто боится сегодня признать то, что они это сделали. Здесь речь идет о том только, что прекращение существования СССР – это был абсурдный юридический документ при наличии Конституции Советского Союза.

И з з а л а. Принять в целом.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. В целом? (*Шум в зале.*) Депутат Жириновский просит слова – по мотивам. Владимир Вольфович, пожалуйста.

Сцена десятая

Ж и р и н о в с к и й. Мы согласны принять в целом. Но в нашем проекте постановления есть конкретные меры: и об ответственности, и о приеме в состав нашего нового государства (сегодня исторический день - 15 марта) тех территорий, которые этого хотят. Документы находятся здесь. Кстати, они скрываются должностными лицами, в частности обращение к власти Юго-Осетинской области Грузии, Абхазии и других регионов. Поэтому наш проект я прошу тоже за основу принять, надо посмотреть, как отреагирует парламент. А сейчас надо принять в целом вот этот второй документ. И по первому вопросу наш документ тоже проголосовать.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Владимир Вольфович, если принят уже один документ, как же голосовать по второму? То есть вы что предлагаете? Интегрировать ваш документ в этот документ?

И з з а л а. *(Не слышно.)*

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Нет, это разные документы. Я имею в виду, что если один делать... *(Шум в зале.)* Здесь единственное что, уважаемые депутаты... Обратите внимание (Сергей Николаевич, вы тоже) на пункт 7 постановления: «Совету Государственной думы в месячный срок разработать...» Совет не является разработчиком никаких программ. «Комитетам Государственной думы в месячный срок разработать и представить на рассмотрение Совету» - так может быть. И «в месячный срок» предлагают убрать. «Комитетам Государственной думы разработать и представить на рассмотрение Совета Думы». Депутат Тихонов, еще поправка, сейчас.

И з з а л а. *(Не слышно.)*

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. На карточку Савельева Николая Николаевича. Сейчас включат.

Сцена одиннадцатая

Т и х о н о в. Геннадий Николаевич, я хочу только дать маленькую справку. Над этим документом работали более месяца комитеты и фракции. Он нашим комитетом отработан, юристы прошлись по нему – и наши правовики, и другие. И то, что вы сделали маленькое замечание, – это просто у вас, видимо, старый экземпляр, в новом поправлено.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Нет, как у вас записан пункт 7?

Т и х о н о в. Правильно вы сказали: не Совету, а комитетам.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Так и есть, да? У меня текст в старой редакции.

Т и х о н о в. Значит, не поправили просто у вас.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Депутат Мизулина настаивает на голосовании ее поправок? Настаивает. Ставлю на голосование предложение депутата Мизулиной: изъять пункты 1, 2 и 3. Пожалуйста, голосуем. Кто без карточки? Пожалуйста, покажите результаты.

Результаты голосования (14 час. 03 мин. 26 сек.)

Проголосовало за... 58 чел... 12,9%

Проголосовало против... 170 чел... 37,8%

Воздержалось... 6 чел... 1,3%

Голосовало... 234 чел.

Не голосовало... 216 чел.

Результат: не принято

Редакционная правка внесена...Депутат Мизулина,
вы второй раз по мотивам, пожалуйста.

Сцена двенадцатая

М и з у л и н а. Уважаемый Геннадий Николаевич, уважаемые депутаты! У меня реплика в связи с предыдущим выступлением, это важно с точки зрения соответствия регламенту. Дело в том, что ссылки на то, как много работали юристы в аппарате и за пределами палаты, в данном случае несостоятельны. Сегодня докладчик от коммунистической фракции доказал, что и над тем постановлением - 1991 года - тоже много работали. Но это постановление тем не менее полностью незаконно и неконституционно. Поэтому здесь надо без всяких...

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Хорошо, Елена Борисовна. Спасибо. Депутат Куликов - по мотивам.

Сцена тринадцатая

К у л и к о в. Геннадий Николаевич, предлагаю принять постановление в целом.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Да, сейчас мы его проголосуем. По мотивам - депутат Лопатин. *(Шум в зале.)* Сейчас, поспокойнее. *(Выкрики из зала.)* Нет, Лопатин первый раз.

Сцена четырнадцатая

Л о п а т и н. Уважаемые депутаты! Я хотел бы обратить ваше внимание на те моменты постановления, те предложения, которые вносят фракция ЛДПР и комитет по делам СНГ. То, что отмечается в выступлении Сергея Николаевича Бабурина также... Необходимо отметить грубое нарушение воли народов, результатов референдума депутатами прежнего Верховного Совета, и по предложению фракции ЛДПР привлечь этих депутатов к ответственности. Под должностными лицами по нынешнему законодательству понимаются как депутаты прежнего Верховного Совета, так и нынешние депутаты Государственной думы. Голосуя за это постановление, уважаемые депутаты, вы тем самым сами себя высечете (я имею в виду тех депутатов, которые входили в состав Верховного Совета, когда принимали соответствующее постановление)... *(Микрофон отключен.)*

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Я не понял, что же вы предлагаете? *(Шум в зале.)* Депутат Лопатин, вы выступаете, а ничего не предлагаете. Сейчас, секундочку. Депутат Похмелкин - по мотивам. Последний.

Сцена пятнадцатая

П о х м е л к и н. Уважаемые депутаты! В связи с состоявшимся обсуждением и голосованием я предлагаю впредь на заседаниях Государственной думы аргументы юридического порядка не выдвигать и

не рассматривать. Пусть раз и навсегда восторжествует принцип «если нельзя, но очень хочется, то можно».

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Ставится на голосование постановление в целом. Пожалуйста. Ну, с той редакционной поправкой. Поименное голосование. Кто без карточки? Пожалуйста, покажите результаты.

Результаты голосования (14 час. 06 мин. 50 сек.)

Проголосовало за...252 чел... 56,0%

Проголосовало против.....33 чел... 7,3%

Воздержалось...5 чел...1,1%

Голосовало...290 чел

Не голосовало...160 чел.

Результат: принято

Принимается. *(Аплодисменты.)*

Занавес.

Часть третья

ЧЬЯ ЧЕЧНЯ?

Кто и как завязывал и развязывал чеченские узлы

Узел 1

СПЕЦДОНЕСЕНИЯ НЕ ГОРЯТ!

Во второй половине 1989 года в КГБ Чечено-Ингушской АССР начали поступать тревожные агентурные сведения, характер и содержание которых не оставляли сомнений в том, что в ближайшее время в республике будут предприняты действия, которые могут взорвать обстановку.

География спецдонесений была довольно обширной. Из Москвы, Ленинграда, республик Прибалтики и Закавказья, ряда европейских и азиатских стран по надежно защищенным каналам стекалась конфиденциальная информация, дававшая аналитикам спецслужб богатую пищу для размышлений.

Ключевой вопрос, обсуждавшийся во время неафишировавшихся встреч, был один: почему в Чечено-Ингушетии тишь да благодать? Этот вопрос ставился тогда в еще скромных штаб-квартирах набиравшего силу и размах оппозиционного властям движения и в шикарных квартирах нефтемагнатов, против многих из которых были заведены уголовные дела. Преобладал он в разговорах тех, кого не устраивало тогдашнее руководство республики.

Нити интриг

Истины ради следует отметить, что первые попытки взрыва сложившегося к середине восьмидесятых годов в этой автономной республике более или менее сносного общественного микроклимата предпринимались и раньше. Но они имели

преимущественно локальный характер и касались в основном кадровых назначений.

Отдельные выходцы из Чечено-Ингушетии, выдвинутые на работу в Москву, давали оттуда указания, кого и на какие должности следовало назначать. Речь, разумеется, шла о близких родственниках и «своих» людях. Грозненские руководители, естественно, сопротивлялись - у них тоже были родственники и земляки. Невидимые постороннему взгляду сражения разворачивались вокруг «хлебных» и «масляных» должностей в силовых и хозяйственно-экономических министерствах.

В 1988 году местному руководству пришлось выдержать не одну атаку, развязанную людьми из центральных органов, которые навязывали Грозному «свои» кадры в кресла руководителей республиканского нефтепромышленного комплекса. То же самое касалось и других ключевых постов в системе правоохранительных органов, заготовок и переработки сельскохозяйственной продукции.

Грозный упирался изо всех сил. Напор был мощным, но тогдашнее руководство Чечено-Ингушетии все же устояло, назначая на ключевые посты своих, местных.

«Москвичи», не достигнув успеха, решили выждать. По их мнению, подходящий момент должен был наступить. Их терпение было вознаграждено. В стране, управляемой самым говорливым за всю советскую историю генсеком, начались процессы, не воспользоваться которыми не мог разве что самый ленивый. Что уж тогда говорить о предприимчивых, искушенных в интригах умах!

Из агентурных сводок, стекавшихся в КГБ Чечено-Ингушской АССР, следовало, что лица, заинтересованные в отмывании нечестно нажитых денег и материальных ценностей, лелеявшие мечту о многократном их увеличении, занялись поиском фигур,

способных возглавить «неформальные», как их тогда называли, движения. Чечено-Ингушетии нужны свои Ландсбергисы и Гамсахурдиа, Пустовилы и Эльчибеи, Позняки и Старовойтовы, – говорили на тайных сходках люди, недовольные приходом к власти Доку Завгаева.

На фоне Литвы, Эстонии, Молдавии и Украины с их буйствовавшими народными фронтами и другими неформальными объединениями Чечено-Ингушетия в ту пору выглядела таким нетронутым, первозданным заповедником. Во многих регионах к концу восьмидесятых годов резко обострились межнациональные отношения, доходило даже до пролития крови. А в Чечено-Ингушетии, где около 100 национальностей – русские, чеченцы, ингуши, армяне, евреи, – никаких проблем. Мир и дружба. И это – на Кавказе, народы которого были выселены Сталиным!

КГБ республики располагал документами, свидетельствовавшими об активной роли криминальных элементов в создании и деятельности многих неформальных объединений, причастных к разжиганию конфликтов в самых разных сферах социально-экономической и общественно-политической жизни. Неспроста по наущению державшихся в тени кукловодов боевики во время так называемой «чеченской революции» в августе 1991 года рьяно ринулись на штурм здания республиканского КГБ. Существование названных улик, по рассказам его руководителей, многим отравляло жизнь, и потому первой задачей было их уничтожение.

Но – спецдонесения не горят! Чудом уцелевшие отдельные листки агентурных донесений дождались своего часа. Сегодня их можно публиковать, поскольку время и последовавшие события сняли с них гриф секретности.

Нет, вы только подумайте: лица, причастные к созданию «Барт»- чеченского народного фронта и ОКЧН

- Общенационального конгресса чеченского народа, оказывается, в узком кругу признавали, что эти объединения искусственны и чужеродны вайнахам, а потому опасались, что не найдут поддержки у населения. На одном из тайных сборищ крупный спонсор и, как показало дальнейшее развитие событий, неглупый человек, произнес:

- Чечня не Литва и не Эстония. У нас не тот менталитет, не тот уровень политической культуры. Да и традиции, и навыки иные. За «Бартом», боюсь, мало кто пойдет...

- Пойдут, - возражали ему. - Если повести дело с умом.

- Что ты имеешь в виду? - спросил осмотрительный спонсор.

- Использовать в нужном русле тему депортации.

- Разве что, - подумав, согласился толстосум.

На другом узком «совещании» один из его участников, хорошо знавший обычаи своего народа, в ответ на панегирик по поводу неформалов как инструмента стихии и конфронтации обронил:

- Как бы эти дети перестройки не превратились в ее могильщиков. Тогда, считай, все пропало.

Поразительно, но некоторые из них уже тогда не испытывали эйфории восторга от приближения страны к политическому плюрализму. Однако опыт других регионов, где неформальные движения брали под свой контроль многие действия официальных властей, был очень уж заразителен, и его усиленно начали экспортировать на чеченскую землю.

В Грозный зачастили эмиссары из республик Прибалтики и Закавказья. Вскоре наметились маршруты и в обратном направлении. Перевалочным пунктом была Москва. В квартирах, служебных кабинетах, ресторанах, на подмосковных дачах плелась паутина, постепенно

опутывавшая крупные промышленные и культурные центры республики.

В умело расставленные тенета попадали те, на кого рассчитывали в первую очередь – обиженные, с чрезмерно развитым самомнением, считавшие себя незаслуженно обойденными, неоцененными. С ними работали как следует: льстили, обещали, подогревали личные амбиции, разжигали властолюбие. Многие народофронтовики, наивно поверившие красивым лозунгам, не подозревали, какую незавидную роль отводили им те, кто рассматривал их в качестве пешек в хитроумной и многоходовой игре.

Когда в июле 1989 года в Грозном сменилось руководство республики и к штурвалу управления встал Доку Завгаев, в стане его оппонентов пронесся вздох облегчения: ну, при этом партократе раскачать лодку проще простого.

Неожиданная заминка

Расчет был прост. Поскольку Завгаев из партийных работников, да еще технократ, а не идеолог, то он наверняка будет рубить сплеча и наворотит такого, что все в итоге обернется против него. Партийные функционеры воспринимались тогда замшелыми консерваторами, рутинерами, неспособными действовать адекватно изменившимся условиям, преследующими новое, неординарное.

Перебирая вехи жизненного пути нового первого секретаря обкома, недоброжелатели находили немало, с их точки зрения, уязвимых мест.

По профессии инженер-механик, закончил сельхозинститут. Значит, не златоуст и не мастер пера. А если так, будет послушно озвучивать тексты, подготовленные аппаратом. Раз нет гуманитарного образования, следовательно, не будет и концептуальных идей в области общественного обустройства. Это хорошо, поскольку ни к дискуссиям, ни и диалогу не готов и, стало быть, будет иметь весьма бледный вид в дебатах с демократически настроенными оппонентами, коих перестройка наплодила великое множество.

В Москве, в центральных органах, не работал. Значит, особого покровительства не будет. Обычно и Кремль, и Старая площадь своих в обиду не давали.

Заведующий мастерскими, директор совхоза, председатель райисполкома, министр сельского хозяйства, секретарь обкома, второй секретарь обкома партии... Специалист, говорят, неплохой, но пройденные ступеньки служебной лестницы, номенклатурное мышление не дадут понять новизну начавшихся перемен, бюрократический груз прошлого

будет тянуть назад, нормой станет запретительство и боязнь неизвестного.

Однако все расчеты, строившиеся оппонентами, рухнули, словно песчаные домики на пляже во время прилива морской волны. Завгаев оказался на удивление современным руководителем, чего от него недоброжелатели никак не ожидали.

Предполагалось, что конфронтация пройдет по линии свободы вероисповедания. Мол, консерватор Завгаев, выслуживаясь перед Москвой, станет всячески противиться возрождению религиозных традиций своего народа, что сразу приведет к падению его рейтинга.

Расчеты не оправдались. Завгаев, в детстве перенесший все бедствия насильственного выселения чеченцев с их родной земли в Казахстан, вынес из изгнания убеждение, что сохранить народу высочайшую нравственность в губительных условиях помогла религиозность. Именно она не позволила деградировать униженным и оскорбленным. Чутко улавливая зреющие в обществе процессы, руководство автономной республики приняло ряд мер, направленных на возрождение национально-духовных традиций. Невиданное дело: с экранов телевизоров, со страниц газет с народом заговорили представители духовенства. В городе Назрань и большом селе Курчалой открылись исламские университеты. В сельской местности повсеместно началось строительство мечетей. К лету 1991 года их было уже около 200. Приступили к возведению главной мечети в Грозном. К великой радости верующих, власти объявили, что не будут чинить препятствий для желающих совершать паломничество в Мекку. Более того, им оказывалось всяческое содействие в организации этих паломничеств. Одновременно наращивались мощности светского образования и

воспитания. Изыскивались значительные ассигнования для целевого направления на развитие материально-технической базы народного образования, здравоохранения, культуры. Открывались новые факультеты в вузах. В Ленинграде по заказу республики проектировали здания чеченского и ингушского национальных театров, краеведческого музея, выставочного зала.

Проблемой номер один для Чечено-Ингушетии, впрочем как и для соседних северокавказских автономий, была незанятость населения. Особенно страдала от нее молодежь. К концу восьмидесятых годов в республике не имели постоянной работы около 100 тысяч человек. Казалось бы, благодатная почва для правонарушений, пьянства, наркомании, ибо ничто так не развращает личность, как праздность. И тем не менее в Чечено-Ингушской АССР, как свидетельствовала статистика, преступность не имела большого размаха. Ее прирост составлял лишь 0,3 процента в месяц. Много это или мало? Сравним с другими территориями. С Москвой, где преступность ежемесячно прирастала на 11,6 процента. С соседней Махачкалой, где она равнялась 23 процентам.

Вопреки ожиданиям, Завгаев оказался хорошим политиком. Сделав упор на возрождение духовности, он исходил из того, что народ в основной массе сохранил верность исконным ценностям. А если так, то за молодежь теперь можно быть спокойным: ее воспитание будет проходить под контролем старших, в духе вековых народных традиций, осуждающих праздность, лень, пьянство.

Не удивительно, что Завгаев пользовался популярностью у значительной части населения. Сняв многолетние гласные и негласные запреты, нарушение которых еще недавно грозило преследованиями и прочими неприятностями, обеспечив на деле

гражданские свободы и благополучие людей, Доку Гапурович завоевал статус общенационального лидера.

Однако стратегически он проиграл, не сориентировавшись в борьбе Горбачева с Ельциным. Сказалось отсутствие работы в Москве, значительно сужавшее политический кругозор.

И тем не менее размах его действий, масштабность решений не оставляют сомнений в том, что он относится к числу крупнейших государственных деятелей Северного Кавказа. Для иллюстрации – только один пример из множества, свидетельствующий о незаурядности его подходов.

Выше уже отмечалось, что проблемой номер один в республике, как и в северокавказском регионе в целом, была безработица населения. Десятки тысяч людей, преимущественно молодых, покидали родные селения, уезжали за пределы республики в поисках работы. Семьи-то надо было как-то содержать. Это была не только экономическая проблема, но и демографическая, и социальная, и нравственная, и в какой-то мере криминальная.

Решалась ли она до Завгаева? Да, решалась. Но в основном путем латания отдельных дыр да покраски фасадов. Как правило, все сводилось к расширению старых производств нефтекомплекса, который и без того безжалостно губил природу и отравлял жизнь людям.

Завгаев и его команда грамотно использовали поиски Москвой новой модели национальной политики. Вместе с тогдашним председателем Совмина республики Бековым и руководителем Госплана Мальсаговым пошли на крупное, кардинальное решение проблемы, которое раз и навсегда должно было покончить с этим бичом экономики. Речь шла о постановке принципиально новой задачи – создании в республике таких отраслей индустрии, которые, во-

первых, открыли бы предпосылки для формирования технической интеллигенции не только в промышленно развитых городах, но и в селах; во-вторых, были бы экологически безвредными, что на фоне беспрерывно чадающего нефтекомплекса выглядело бы особенно привлекательно. Выбор руководства республики остановился на предприятиях электронной промышленности.

Завгаева поддержали Горбачев и Рыжков. И вот уже в соответствии с поручением союзного правительства в Грозный прибывает большая группа руководящих работников министерства электронной промышленности во главе с министром. В столице Чечено-Ингушетии проходит выездное заседание коллегии министерства. До этого московские гости в течение месяца обследовали все крупные населенные пункты республики. По каждому району и многолюдному селу наметили конкретные планы: сколько рабочих мест потребуется, какие возможности для этого имеются, что необходимо построить или переоборудовать.

Коллегия союзного министерства и грозненские власти на совместном заседании утвердили конкретные сроки реализации разработанной программы занятости населения. Программа решала много задач. И что особенно важно, способствовала трудоустройству коренного населения непосредственно по месту проживания. Не надо было выезжать за пределы республики, оставлять семьи, постоянно тревожиться о их судьбе.

Такой масштабный подход, конечно же, не устраивал тех, кто грел руки на незанятости людей. Неспроста после того, как заговор был осуществлен, все начатые работы были прекращены. Новые власти заморозили развернувшееся при старом режиме строительство объектов здравоохранения, культуры и

быта. Все программы, направленные на жизненное обустройство людей, были моментально свернуты.

Но это произошло после «революции» в 1991 году. В 1988-1990 годах тогдашнее руководство Чечено-Ингушетии, похоже, и в самом деле было довольно прогрессивно настроено, что вызвало к нему симпатии большинства населения и раздраженность недоброжелателей, для которых порядок и стабильность были хуже острого ножа. Однако в силу ряда причин они были вынуждены смириться с временной заминкой и снова стали ожидать удобного момента, используя для нагнетания обстановки любую промашку федеральных властей.

Между Кремлем и «Белым домом»

По прошествии нескольких лет после свержения Завгаева и возглавляемого им Верховного Совета Чечено-Ингушской республики взоры аналитиков из спецслужб и ученых-политологов вновь обращены к тому, что еще недавно громко и с пафосом в Грозном и в Москве называли «чеченской народной революцией». Уже не только эксперты-общественники, но и члены федерального правительства к 1994 году вынуждены были признать, что провозглашение Чеченской Республики от имени исполкома Общенационального конгресса чеченского народа нелегитимно, поскольку последний не был наделен необходимыми полномочиями.

В одном из выступлений спикера верхней палаты российского парламента Владимира Шумейко подчеркивалось, что выборы президента Дудаева проходили под дулами автоматов. А вице-премьер правительства России Сергей Шахрай в конце 1994 года начал утверждать буквально следующее: «Осенью 1991 года в Чеченской Республике был совершен государственный переворот. Был распущен, а фактически разогнан ее Верховный Совет, и в нарушение целого ряда статей Конституции РСФСР 27 октября 1991 года были проведены незаконные выборы президента Чеченской Республики и депутатов Верховного Совета Чеченской Республики».

Всякое прозрение, безусловно, похвально. Однако, к сожалению, оно пока не выходило за рамки «революции», не затрагивало предысторию антиконституционного заговора с последовавшим затем

антиконституционным переворотом, чем в действительности была эта так называемая «революция». Данное ограничение во времени имело, надо полагать, политические мотивы. Симпатии к «дореволюционному» периоду, к тому, что происходило до августа 1991 года, высказывать в среде власть предержащих не принято. А между тем, не разобравшись в том, что тогда происходило, понять последующие события весьма затруднительно.

Итак, много ли ошибок допущено во время правления Завгаева? Существует мнение, что немало, иначе с какой стати именно он оказался смещенным со своего поста. Удержались ведь в креслах и даже стали президентами многие из его коллег в соседних северокавказских республиках.

Уязвимость последнего аргумента очевидна. Чечено-Ингушетия играла и поныне играет особую роль среди территорий Северного Кавказа. Ее стратегическое положение, мощный нефтекомплекс и особый менталитет народа всегда учитывался, и не только в мусульманском мире. В разведцентрах ряда стран вынашивались замыслы громкого национального взрыва на Кавказе, и чеченцам, как наиболее пострадавшим от советской власти, отводилась главенствующая роль.

Когда кое-что из этих тщательно скрывавшихся планов просочилось в печать, стало ясно, что не в 1996 и даже не в 1991 году возникли замыслы отколоть от России мусульманские районы Кавказа. Это при Дудаеве беспрепятственно развернули свою деятельность резидентуры ряда сопредельных стран. А до 1991 года резидентуры действовали скрытно, тонко, изощренно. За рубежом знали: куда чеченцы, туда и другие кавказские народы. Соседние республики – Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Адыгея – всегда оглядывались на Грозный. Так

сложилось исторически. Поэтому объект нанесения удара был рассчитан точно и безошибочно.

Завгаеву приписывают три главные ошибки, две из которых связаны с инициированием им законодательных актов: закона о реабилитации репрессированных народов и декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушской республики. Третья ошибка – создание Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН). Но одновременно и оправдывают: Завгаев вынужден был лавировать между горбачевским Кремлем и ельцинским «Белым домом». Борьба между Горбачевым и Ельциным набирала обороты, и потому оба заигрывали с региональными лидерами, обещая золотые горы за поддержку. Оба прекрасно понимали, чем можно привлечь на свою сторону глав автономий. Конечно же, обещанием больших прав, расширением самостоятельности. Ельцин щедро предлагал брать столько суверенитета, сколько проглотят. Горбачев уравнивал права глав автономий с правами глав союзных республик – во всяком случае, на время подготовки нового Союзного договора.

Выходит, Завгаев не вел самостоятельной политики, лавировал между молотом и наковальней? Как бы не так!

– Став первым чеченцем на посту главы чеченского государства, – рассказывал он автору этой книги, – я не мог примириться с несправедливыми оценками моего народа. Меня угнетало, что в массовом сознании о нем по-прежнему бытовало негативное мнение. И не только на обыденном уровне. Тревожило отсутствие политического доверия к чеченскому и ингушскому народам во властных структурах – как в союзных, так и в федеральных. «По сути, продолжают последствия репрессивных мер», – с горечью произнес я как-то во время очередной встречи в кремлевских верхах.

От меня потребовали доказательств. Пришлось рассказать все, что наболело на душе. «Смотрите, – говорю, – целый народ фактически лишен представительства – не только в союзных или российских, но даже в своих республиканских органах. Чеченцам и ингушам не доверяют возглавлять не только КГБ, МВД или прокуратуру, но даже учебный центр ДОСААФ. Не для нас должности начальников военных гарнизонов, железных дорог, воздушных линий, директоров крупных предприятий. Республика Чечено-Ингушская, а в составе ее правительства ни одного министра – чеченца или ингуша».

– И что, ваши собеседники не знали этого?

– Во всяком случае, сделали вид, что не располагают подобными сведениями. При каждой очередной встрече с высшим руководством страны я вновь и вновь возвращался к этой теме, считая, что только принятие закона о реабилитации репрессированных народов способно коренным образом исправить положение, вернуть народу доброе имя, восстановить историческую справедливость. Иначе все ограничится полумерами, как при Хрущеве в пятидесятые годы.

– Москва долго сопротивлялась?

– Вплоть до апреля 1991 года. С огромным трудом мы убедили руководство России сделать это. Добились обсуждения проекта закона в комиссиях и комитетах Верховного Совета. И вдруг все снова застопорилось. Я обратился к председателю Верховного Совета Ельцину и его заму Хасбулатову. Никаких результатов. Пришлось даже предъявить условие: если не рассмотрите проект, население Чечено-Ингушетии в референдуме 17 марта участия принимать не будет. Народ, с которого официально не снято позорное клеймо, которому до сих пор отказывают в политической реабилитации, на избирательные участки не выйдет. Однако и это

предупреждение не имело результатов. Тогда мы собрали сессию своего Верховного Совета и записали в ее решении - референдум не проводить до тех пор, пока Верховный Совет РСФСР не рассмотрит проект закона о реабилитации репрессированных народов. В Грозный сразу же примчались тогдашний министр внутренних дел РСФСР Баранников и его заместитель Дунаев. «Доку Гапурович, зачем вам это нужно? - спросил у меня Баранников. - Конфронтация с российскими властями - дело бесперспективное. Проводите референдум». - «Я понимаю, Виктор Павлович, что с точки зрения карьерной логики это выглядит безумием, - ответил я. - Наверное, мне это аукнется. Но в данном случае мы защищаем интересы народа. Тут нет личной выгоды. Речь идет о снятии клеветы, наветов, которые, словно нитка за иголкой, тянутся за нами полвека. Мы исчерпали все свои возможности, а других способов продвинуть дело не видим. Если и до выборов российского президента закон не будет принят, мы и выборы не станем проводить».

Есть сведения, что именно эту строптивость ставили в вину Завгаеву люди из ближайшего окружения Ельцина, нашептывали президенту то, чего не было, вкладывая в его слова совершенно иной смысл. Кое-кому выгодно было представить Завгаева в глазах Ельцина сторонником Горбачева, истолковать поведение чеченского лидера неприятием политики Бориса Николаевича. Хотя мотивация поступков Завгаева, по его заверениям, была одна: вернуть своему народу доброе имя, избавить его от насильственно инъектированного комплекса исторической вины. Шанс для этого был уникальнейший, и, как всякий умный политик, Завгаев не мог не использовать его.

Занятные детали, не правда ли? О них мало кто знает. Другие имена на слуху. Но, как говорится, из

песни слова не выкинешь. Реализация национальной идеи принадлежит Завгаеву, который, надо отдать ему должное, проводил ее цивилизованно – поэтапно, плавно, взвешенно. Это вспомнили осенью 1991 года, когда, воспользовавшись близостью к Ельцину, кое-кто из московских чеченцев не преминул напомнить российскому президенту о весенних «амбициях» Завгаева.

Первый чеченец на посту главы чеченского государства, он стал и первой жертвой закулисных интриг и хитросплетений политических комбинаций.

Заговор созрел, и он грянул!

Узел 2

УРАВНЕНИЕ СО МНОГИМИ НЕИЗВЕСТНЫМИ,

ИЛИ КАК УЗАКОНИЛИ БЕЗЗАКОНИЕ

Эти документы уникальны. Кое-кому в Москве и в Грозном очень хотелось бы забыть о том, что они вообще существуют. Большие надежды в связи с этим возлагались на известные события 3-4 октября 1993 года в Москве: штурм Дома Советов России, стрельбу, пламя. Замечательная возможность списать все на неразбериху, пожар.

Но такие документы, как и спецдонесения, о которых шла речь в первой главе, тоже не горят. Они ждут своего часа, чтобы донести до потомков правду о том, как все происходило в действительности, чтобы опровергнуть многочисленные домыслы и инсинуации, которые с легкой руки заинтересованных в превратном толковании событий августа - октября 1991 года запущены в оборот в качестве официальной версии.

Люди, не имеющие доступа к первоисточникам, легко попадают на удочку и становятся невольными жертвами дезинформации. Прочитайте эту главу, и станет ясно, кто и что тогда говорил и какими методами действовал. Буду стараться как можно меньше давать комментариев и оценок. Только документы.

Роковой документ

Итак, 8 октября 1991 года в Москве, в Доме Советов РСФСР под председательством первого заместителя Председателя Верховного Совета РСФСР Р.

И. Хасбулатова состоялось заседание Президиума Верховного Совета России, который принял постановление «О политической ситуации в Чечено-Ингушской Республике».

По мнению Д. Г. Завгаева, именно этот документ сыграл роковую роль в дальнейшем развитии событий, стал детонатором взрывоопасной обстановки, напряженность которой не снята до сих пор, и, похоже, действительно завел решение вопроса в тупик. Дело в том, что Президиум Верховного Совета РСФСР объективно узаконил насильственный разгон Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики, лишил его во главе с председателем конституционных прав и возможностей осуществлять свою деятельность. Притом сделано это было в нарушение действовавшей тогда Конституции РСФСР, с превышением своих полномочий. Не парадоксально ли: поклявшись строить правовое государство, его зодчие отбросили право, как ненужный хлам, предпочев ими же многократно осужденный принцип «революционной целесообразности», согласно которому в революционные периоды право играет не определяющую роль.

Документ состоит из двух частей: констатирующей и постановляющей.

«Заслушав сообщение вице-президента РСФСР А. В. Руцкого о политической ситуации в Чечено-Ингушской Республике, – говорится в первой части, – рассмотрев обращение членов Временного Высшего Совета Чечено-Ингушской Республики в адрес Верховного Совета РСФСР и заключение прокурора Чечено-Ингушской Республики о состоянии правопорядка в республике, Президиум Верховного Совета РСФСР выражает серьезную озабоченность сложившейся ситуацией в Чечено-Ингушской Республике».

Приемлемое, взвешенное начало. Адекватна ли обстановке ее констатация? Читаем: «Продолжается эскалация насильственных действий со стороны незаконных вооруженных формирований. Осуществляется захват государственных учреждений, а также официальных должностных лиц. Отдельными общественными формированиями присваиваются полномочия органов власти, совершаются иные антиконституционные действия. Жизнь, права и собственность граждан Чечено-Ингушской Республики подвергаются все возрастающей опасности».

Простите, а где упоминания о вооруженном разгоне Верховного Совета республики? Случай-то ведь не ординарный!

Какие же меры предпринимаются в целях «содействия скорейшей нормализации обстановки и восстановления конституционного порядка»?

«1. Впредь до избрания нового состава Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики считать единственно законным органом государственной власти на территории Чечено-Ингушской Республики Временный Высший Совет Республики, образованный прежним составом Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики.

2. Незаконным вооруженным формированиям до 24 часов 10 октября 1991 года сдать оружие органам внутренних дел.

3. Предложить Временному Высшему Совету Чечено-Ингушской Республики под председательством т. Бахмадова Б. Д.:

принять все необходимые меры по стабилизации обстановки в Чечено-Ингушской Республике и безусловному обеспечению законности и порядка;

провести на основе действующего законодательства выборы Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики».

Документ скреплен подписью первого заместителя Председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатова.

В соответствии с этим постановлением «единственно законным органом государственной власти на территории Чечено-Ингушской Республики» объявлялся Временный Высший Совет Республики. Этим самым фактически был одобрен и поддержан государственный переворот, совершенный в Грозном 6 сентября 1991 года, в результате чего законно избранный Верховный Совет республики был насильственно разогнан, а над депутатами учинена физическая расправа с убийством одного из них – председателя Грозненского горсовета Куценко. Как ни странно, в постановлении ВС РСФСР нет ни политической, ни правовой оценки этому из ряда вон выходящему событию, что, несомненно, вдохновило исполнителей в Грозном на новые «подвиги».

Таким образом, вся полнота государственной власти передавалась Временному Высшему Совету Республики. Звучит вполне солидно и внушительно. Если бы все члены Президиума Верховного Совета РСФСР, принимавшие решение, знали, что стоит за этой красивой вывеской, кому они доверяют судьбу республики!

Временный Высший Совет Республики был образован 15 сентября в Доме культуры им. Ленина собравшейся не по своей воле небольшой частью депутатов в присутствии приехавшего из Москвы Р. И. Хасбулатова – без всякого кворума и соблюдения регламента. В его состав вошли сначала 32 депутата, а уже через несколько часов после того, как в ночь на 16 сентября Хасбулатов отбыл в Москву, Дудаев и Яндарбиев настояли на сокращении численности ВВС ЧИР до... 13 человек. Впрочем, и они не работали. Фактически действовал один человек – председатель

ВВС Х. Ахмадов, который единолично издавал законы, включая и закон о введении поста президента Чеченской Республики.

Х. Ахмадов подменял собой ВВС три недели. 7 октября состав ВВС был увеличен до первоначального количества - 32 человек, прежнего председателя сменил Б. Бахмадов, кандидат юридических наук, депутат последнего Верховного Совета ЧИР. 8 октября, как мы знаем, Президиум Верховного Совета РСФСР возложил всю полноту государственной власти на ВВС ЧИР, а его председателю Б. Бахмадову определил меры по стабилизации обстановки.

Однако в тот же день 8 октября, как только в Грозном стало известно об этом постановлении, президиум исполнительного комитета Общенационального конгресса чеченского народа принял решение о роспуске ВВС ЧИР и принятии на себя функций некоего революционного комитета на переходный период - до выборов. То есть ВВС служил ширмой: изначально неконституционный, он был игрушкой в руках изощренных политиков.

К сожалению, в Москве этого не понимали. Впрочем, кое-кто, наверное, прекрасно понимал. Кому-то на руку были эти многоходовые манипуляции и совершенно невыгодны четкие, решительные действия в рамках Конституции, о необходимости которых говорил тогда в своем послании чечено-ингушскому народу Б. Н. Ельцин.

На эту тему разговор особый, и состоится он чуть позднее. А сейчас обратимся к заседанию, в результате которого появился приведенный выше довольно странный документ.

Постановление родилось в качестве итога обсуждения данного вопроса на заседании Президиума Верховного Совета РСФСР. Наверное, читателям будет интересно узнать, как шло обсуждение, кто и какие

мнения при этом высказывал. Ведь речь шла о судьбе родины. Можно ли было тогда упредить хотя бы часть бед, выпавших на долю чеченского народа в будущей войне 1994-1996 годов, а затем в ее продолжении осенью 1999 года?

Доклад Руцкого

Вице-президент Александр Руцкой говорил не по-написанному, клочковато. Увиденное в Грозном сильно взволновало его, встревожило.

Александр Владимирович сообщил, что, начиная с июля 1991 года, в Чечено-Ингушетии складывалась кризисная ситуация. В течение этого времени, особенно с конца августа, в Грозный выезжало достаточное количество комиссий разного уровня – по линии Верховного Совета, правительства РСФСР, а также непосредственно по поручению президента Бориса Ельцина. Эти комиссии, безусловно, проделали определенную работу, но главную задачу – стабилизировать обстановку в республике – выполнить не смогли. Основная причина – противодействие группы, которая «называет себя революционерами и демократами, а на самом деле представляет собой банду, руководимую генерал-майором в запасе Дудаевым Джохаром Мусаевичем».

Далее докладчик сказал, что в республике на протяжении полутора месяцев находился народный депутат Российской Федерации, заместитель председателя Комитета ВС РСФСР по законодательству Рудкин, у которого очень много наблюдений, и если у членов Президиума возникнут вопросы, Рудкин готов дать исчерпывающие ответы. Он может доложить даже более обстоятельно, чем Руцкой, который пробыл в Чечено-Ингушетии всего два дня.

Свою работу в республике Руцкой построил следующим образом. Сначала он встретился с представителями интеллигенции. Почему начал именно с них? Потому что профессора и преподаватели университета – люди солидные, пожилые, в их взглядах

больше здравого смысла, нежели иллюзий. Пообщавшись с профессорско-преподавательским составом, Руцкой побывал на съезде ингушского народа, который в то время проходил в Грозном.

Выслушав их мнение, Руцкой понял, какую политику проводит Дудаев. Он открыто в глаза заявляет: Чечня никакого отношения ни к Российской Федерации, ни тем более к СССР не имеет, поскольку она – независимое исламское государство. На вопрос, где же это было решено, каким законодательным органом, каким документом, он ответил, что такое решение принято чеченским народом в его лице, то есть в лице Дудаева.

- И вот эта банда – Дудаев и его сподвижники Яндарбиев и Сосламбеков, – заняли позицию и нагло, прошу прощения за откровенное выражение, но я привык называть вещи своими именами, объявили газават, то есть священную войну за чеченское исламское государство... Но ведь в составе республики есть ингушский народ, есть русские. Им говорят: извините-подвиньтесь, у нас теперь самостоятельное независимое государство. Мы от вас отделяемся...

Руцкой обвел взглядом присутствовавших и, как бы оправдываясь, произнес:

- Встречался с Дудаевым и Руслан Имранович, встречался и Бурбулис, встречался и я, встречался и главнокомандующий Военно-воздушными силами. Всем он выдает заверения, обещания, обязательства, и тут же их не выполняет. После отъезда Бурбулиса 5 октября предпринимает штурм МВД. Эта попытка не удается. Тогда переходит на КГБ и захватывает его. Во время штурма КГБ тяжелое ранение получил подполковник Аюпов. А сейчас тейп, то есть род Аюпова, требует выдачи того, кто стрелял. И если там еще кто-нибудь погибнет, то вспыхнет резня по всей республике.

Охваченный негодованием докладчик продолжает:

- Давайте посмотрим на его обещания. Были ли они выполнены после того, как я уехал? Он мне обещал, что нигде больше никаких захватов они предпринимать не будут. В ближайшее время освободят телецентр, откуда шли только программы этого временного исполкома, который непонятно кем выбран, непонятно кем назначен. Захватили также ряд государственных объектов. Сейчас люди Дудаева находятся в Комитете государственной безопасности. До захвата КГБ у них было 80 автоматов, 360 пистолетов. Сейчас количество автоматов перевалило за сотню, имеется четыре гранатомета, шесть пусковых установок типа «Стрела», ракеты «земля-воздух» для поражения воздушных целей. Появилась даже ракетная установка «Алазань». Я его убедительно просил: объясните, пожалуйста, Джохар Мусаевич, против кого вы вооружаетесь, против кого на всех перекрестках установили крупнокалиберные пулеметы? Отвечает: мы защищаем демократические преобразования в республике. Я ему говорю: назовите, пожалуйста, фамилии тех, кто выступает на данный момент против этих самых демократических преобразований, против проведения выборов нового Верховного Совета взамен того, который ушел в отставку. Ничего путного ответить он не мог.

Прервем на минутку выступление Руцкого. Наверное, найдутся читатели, которые споткнулись на словах о Верховном Совете, ушедшем в отставку. Он ведь не в отставку ушел, а был разогнан вооруженными сторонниками Дудаева. При этом около 20 депутатов получили разной тяжести телесные повреждения, а один из них, Куценко, в результате полученных травм скончался. Так что уточним понятия, Александр Владимирович!

- Перед моим убытием из Грозного Дудаев заявил мне, - продолжал свой доклад Руцкой, - что больше

никаких штурмов не будет. Сегодня с утра узнаю: в результате вооруженного нападения захвачена гостиница, арестован проживающий там прокурор республики Пушкин Александр Васильевич, который находится сейчас у них под охраной.

Руцкой предъявляет членам Президиума документ, подписанный прокурором Чечено-Ингушской Республики. Это перечень нарушений Конституции и Уголовного кодекса.

- Действия этих людей, которые там называют себя демократами, больше подходят под статьи 218, 64, 67, 68 Уголовного кодекса РСФСР, - заявляет Руцкой. - Никаким уговорам они не поддаются. Сплошные угрозы. Угрожали и руководителю российской комиссии, заместителю председателя Комитета ВС РСФСР по законодательству Рудкину. Предъявили ультиматум: если он не уедет вместе с Руцким, - пристрелят. Когда Рудкин в самолете снял пиджак, я увидел у него под мышкой пистолет. Вот до чего мы дожили. И после этого кто-то делает вид, будто на Северном Кавказе ничего не происходит. Я просил бы не питать иллюзий, а принять конкретные, результативные меры. Плюс к розданному вам проекту постановления Президиума Верховного Совета считаю необходимым провести в ближайшее время съезд старейшин народов Северного Кавказа и четко определиться во всех позициях и проблемах в этом регионе. Нельзя не учитывать того, что Гамсахурдиа и его сподвижники пытаются создать альтернативную РСФСР федерацию народов Северного Кавказа. Это подтверждается присутствием там представителей от исламских республик, от Грузии, Азербайджана, Армении. Идет активная работа на разделение народов.

Хасбулатов счел необходимым подать реплику:

- А приток оружия?

На что докладчик утвердительно ответил:

- Да, приток оружия колоссальный осуществляется. Я, кстати, отдал приказ командиру расположенной в Грозном 46-й мотострелковой дивизии - отныне все объекты, на которых находится оружие, охранять подвижными бронегруппами, и чтобы все наряды караула были офицерские. Почему? Потому что на территории Грозного, в месте расположения этой дивизии, находятся склады Северо-Кавказского военного округа. Если произойдет захват складов, то мы никогда эту пороховую бочку не погасим. Страшно даже представить, что может произойти.

Руцкой обращает внимание членов Президиума на дипломатичный характер проекта постановления. По его словам, это сделано для того, чтобы не дать повод для обвинения российских властей во вмешательстве в дела автономий.

- Мы даем право законодательной власти Высшему Временному Совету Чечено-Ингушской Республики, - объясняет вице-президент, - потому что он был избран на Верховном Совете, который ушел в отставку.

Снова тот же мотив - отставка. Жаль, что за два дня пребывания в Грозном Руцкого так и не проинформировали о том, что же в действительности произошло 15 сентября 1991 года в Доме культуры им. Ленина.

«Коллективная отставка»

Слово – участнику той «коллективной отставки» Абдуле Бугаеву, тогдашнему председателю постоянной депутатской комиссии Верховного Совета ЧИР: «Если я не ошибаюсь, то 14 сентября 1991 года во главе российской депутатской делегации в Грозный прибыл Р. И. Хасбулатов. У него состоялась встреча с Д. Дудаевым. Нам, народным депутатам республики, было предложено собраться 15 сентября в ДК им. Ленина на чрезвычайную сессию. В назначенный срок собралось где-то 106-107 депутатов, то есть кворума не было. Но несмотря на это, спикер парламента России настоял, чтобы депутаты начали работу, направленную на выработку компромиссных решений, позволяющих безболезненно выйти из создавшегося политического кризиса.

«Сессия» открылась. Вел ее заместитель председателя Верховного Совета ЧИР М. А. Султыгов, потому что ни Д. Г. Завгаева, ни его первого заместителя А. Н. Петренко не было в зале.

После краткого вступительного слова Р. И. Хасбулатов информировал депутатов о том, что для выхода из взрывоопасной ситуации, сложившейся за последнее время в Чечено-Ингушетии, между ним и Д. Дудаевым достигнута договоренность: в случае самороспуска Верховного Совета будет создан временный орган власти.

Депутаты, загнанные в тупик и обеспокоенные возможными для народа последствиями, проголосовали за это предложение и таким образом создали неконституционный орган – Высший Временный Совет (ВВС) в составе 32 человек, включая и кандидатуры, предварительно согласованные с ИК ОКЧН

(Исполнительный Комитет Общенационального конгресса чеченского народа.- Н. З.). Так неправомочная «сессия» «узаконила» беззаконие, что было восторженно встречено собравшимися на площади у ДК им. Ленина сторонниками Д. Дудаева. Это была последняя встреча народных избранников республики, которые сквозь строй вооруженных сторонников Д. Дудаева покинули зал заседания, дискредитировав себя и обманув доверие своих избирателей. В их числе был и я. О незаконности Высшего Временного Совета знали и лидеры исполкома ОКЧН, и мы, народные депутаты ЧИР. Первые молчали потому, что им удалось навязать в качестве председателя ВВС давно рвущегося к власти Х. Ахмадова - верного и преданного заместителя лидера исполкома ОКЧН. Вторые не протестовали потому, что надеялись в итоге найти компромиссные меры, способные стабилизировать кризисную ситуацию и провести свободные демократические выборы в новый состав Верховного Совета ЧИР.

Но как только обнаружили попытки Х. Ахмадова подмять деятельность ВВС под политику исполкома ОКЧН, он был смещен со своего поста. Тогда и развернулась кампания по дискредитации остальных его членов. Только тогда заявила о неконституционности ВВС Э. Шерипова, для которой был уже зарезервирован пост генерального прокурора ЧР».

Вот при каких обстоятельствах родился пресловутый ВВС, которому Президиум Верховного Совета РСФСР поручил «принять все необходимые меры по стабилизации обстановки в Чечено-Ингушской Республике». Грозненской прокуратуре была видна явная нелегитимность этого странного, политически недееспособного органа! А в Москве на него делали ставку, хотя Руцкой и предупреждал: «Этот Временный совет не работал, не работает, они его весь разогнали.

А сейчас еще и арестовали прокурора. Я вам скажу, Пушкин Александр Васильевич очень преданный человек, он сразу вынес вот такой вердикт, так сказать, протест против того, что происходит».

Но, пожалуй, самая знаменательная фраза вице-президента – вот эта: «Если мы такое постановление сейчас не примем, я, собственно говоря, даже не знаю, так сказать, в чем их поддержать в данном плане». Лидеры молодой российской государственности оказались совершенно беспомощными в первой же сложной ситуации. Впрочем откуда быть опыту в подобных делах? В «Белый дом» их тоже внесла митинговая стихия площадей, только московских. Вот и вся разница.

Помощник Юра лучше знает

Ничего иного, кроме как дать двое-трое суток после выхода постановления для наведения порядка, вице-президент предложить не мог.

- Если порядок не будет наведен в указанный срок, необходимо вмешательство тех органов и сил, которые способны разоружить эту банду и применить к ней соответствующие меры, - по-военному решительно заключил Руцкой. - Вот и все, что я хотел вам сказать. Если есть вопросы, я с удовольствием отвечу.

Читая стенограмму этого заседания, не веришь своим глазам. Доклад вице-президента, мягко говоря, производил удручающее впечатление. Разве это поверхностное, сумбурное сообщение можно называть политическим докладом? Ни вскрытия причинно-следственных связей, ни глубокого проникновения в суть происходящего, ни хотя бы более или менее логического изложения. Как в воду глядел Ф. Рузвельт полвека назад: политика - слишком серьезное дело, чтобы ее доверять военным.

Он и доложил то, что бросилось в глаза как военному. Беда, когда у штурвала власти становятся люди, плохо знающие свою страну.

Хасбулатов, в силу своей преподавательской привычки склонный к системному анализу, почувствовал некую легковесность сообщения докладчика, не представившего целостную картину:

- Кстати, помощник народного депутата Хасбулатова Юра Черный тоже может дать анализ, и глубокий, если будут вопросы.

Руцкой обвел глазами зал:

- Да, здесь присутствует Юрий Черный, приехавший из Грозного, здесь депутат Рудкин. Они тоже могут

объективно рассказать, что там происходит.

Один из членов Президиума спросил, есть ли у Дудаева социальная опора, и если есть, то какая. Дать исчерпывающий ответ докладчик не мог, откровенно заявив:

- Чтобы это было объективно, думаю, надо предоставить слово человеку, который там живет, и он расскажет вам, какая у него опора. Но из своих соображений, которые у меня сложились от встреч и разговоров, я вам скажу: это очень маленький круг людей. В основном с уголовным прошлым, ранее судимые. Вот непосредственный заместитель Дудаева, я назову его фамилию - Сосламбеков Юсуп - был осужден за изнасилование. Посмотрел я на людей, которые его окружают, и скажу вам честно: ну, никаких симпатий они не вызывают. Что касается аулов, в которых живет сельское население, то Юрий Черный может подтвердить: поддержки Дудаеву там нет, а его представителей туда даже не пускают. В городах, на крупных предприятиях, его тоже не поддерживают. Вчера на Центральной площади Грозного был митинг представителей народов Чечено-Ингушетии, которые выступили с обвинительным протестом в адрес Дудаева.

Руцкой сделал паузу, шумно отпил из стакана, принесенного официанткой.

- Почему я настаиваю на признании полномочий Высшего Временного Совета как законодательного органа? - обратился он к залу. - Потому что наше постановление даст ему возможность действовать, принимать конкретные меры. Министр внутренних дел бездействует совершенно, говорит, что им никто не руководит, никто не дает распоряжений. Вы спрашиваете об опоре, о поддержке...

Руцкой снова отхлебнул из стакана с чаем.

- Раньше он имел ее. Если бы, допустим, он пошел на штурм Комитета государственной безопасности и МВД 24 августа, когда был низложен Верховный Совет, это можно было бы еще как-то оправдать. Путчисты в Москве потерпели поражение, и народный гнев обрушился на тех, кто разделял их позиции. Но ведь штурм состоялся позже. Поэтому то, что они сделали, оправдывать никак нельзя. При штурме Верховного Совета погиб председатель Грозненского горсовета Куценко. Я думаю, прокуратура должна заняться этим вопросом вплотную. Не может быть, чтобы человек сам выпрыгнул через стекло, как они это преподносят. Сначала открывают окно, а уже потом прыгают. А захват телевидения? Никто, кроме членов их исполкома, не имеет права появляться на телеэкране. О раненом подполковнике Аюпове при штурме здания КГБ я уже вам докладывал. Мне кажется, Дудаев стал заложником. Отвернуть назад он уже не может. Ему этого не дадут. Он постоянно под контролем, его не охраняют, а, скорее, стерегут.

Хасбулатов снова подал реплику:

- Вот эта изоляция от народа, похоже, и заставляет его действовать более агрессивно.

У Руцкого спросили, достаточно ли оснований для того, чтобы «поступить так, как поступают с бандой».

- У нас есть документ от прокурора республики, который подтверждает, что это незаконные действия со стороны данной группировки. Поэтому, если мы примем сейчас предложенный вам проект постановления и дадим им какой-то срок, два-три дня, сколько они попросят, и эта группа не прекратит свою деятельность, то мы имеем полное право провести задержание и арест этих людей. Закон на нашей стороне.

- Очень быстро, - с сомнением покачал головой Хасбулатов.

- Надо предложить незаконно вооруженным формированиям сдать оружие, - подал голос Абдулатипов. - В противном случае будут приняты меры в соответствии с законодательством.

- Такой пункт я уже предлагал на малом Совете, - ответил Руцкой, - о сдаче оружия. Но там сказали - не надо, нас неправильно поймут. Если вы примете такое решение, я только спасибо вам скажу. В преамбуле мы это изложили. У нас есть документ прокурора и обращение от республики с просьбой признать их Временный Совет в качестве законодательного органа, который наведет порядок. А то, что вы предлагаете, это даже лучше. Потому что вы являетесь высшим законодательным органом, а Чечено-Ингушетия не выходила из состава Российской Федерации. Если закон предусматривает уголовную ответственность за незаконное хранение и ношение оружия и за терроризм против законных органов власти, то мы имеем право называть вещи своими именами.

- Так и запишем, - согласился Хасбулатов. - «Незаконным вооруженным формированиям в течение двух дней сдать оружие». Только кому?

- Министерству внутренних дел республики, - подсказал Руцкой. - Вот интересная ситуация, а? Они за то, чтобы у них порядок был, но хотят это сделать чужими руками. Это все-таки республика, пускай и автономная, у которой свои органы власти есть. Я сказал им: буду просить Президиум Верховного Совета, чтобы их Временный Совет признали как полномочных представителей власти, правопреемников Верховного Совета до выборов. А дальше сами действуйте. У вас есть МВД, есть КГБ.

Слово попросил Шахрай.

- То, что в Чечено-Ингушетии произошел государственный переворот, а не что-либо иное, - сказал он, - сомнений нет, надо быть готовыми к

введению чрезвычайного положения. К этому неизбежно придем, если не будут выполнены два пункта, предусмотренные проектом постановления. А они, к сожалению, могут «зависнуть»...

Хасбулатов разъяснил, что этот вопрос прорабатывается. Но для введения чрезвычайного положения требуется просьба правительства. А с ней не так все просто.

- Я нашел хорошую кандидатуру на пост министра. Командует дивизией на Дальнем Востоке. Не относится ни к каким группировкам. Дал согласие переехать в Грозный. А вот местное правительство - ни в какую. И сегодня очень строго говорил с премьером, однако решения не добился.

Руцкой, комментируя слова Шахрая, произнес:

- Я согласен с Сергеем Михайловичем: если намеченные нами меры не будут реализованы Временным Советом и правительством Чечено-Ингушетии, придется вводить режим чрезвычайного положения. Только это может остудить горячие головы. Иначе и другие автономии Северного Кавказа, глядя на Грозный, повторят то же самое. А вообще-то лучше обойтись без режима чрезвычайного положения, а просто слетать туда на Ил-76 с определенной группой, собрать их всех и привезти на улицу 1905 года.

- Может, записать в постановлении, что в случае невыполнения указанных пунктов будет рассмотрен вопрос о введении чрезвычайного положения? - в раздумье произнес Руслан Имранович. - Как вы считаете, Александр Владимирович? Не надо?

- На чрезвычайное положение должна дать согласие республика, - предупредил кто-то из приглашенных. - Это все надо конституировать.

- Мы об этом думаем уже две недели, - ответил председательствующий. - Принят российский закон о чрезвычайном положении. Согласно ему введение этого

режима предполагается с предупреждения, некоего обращения. Если откровенно, то мы уже подумывали об этом, и настаивали. И премьер-министр Беков обещал: «Да, хорошо, я немедленно...» И наш министр внутренних дел тоже «за». Правда, на словах. Я у него спрашиваю: «Ты же мне обещал, в чем дело?» А он: «Не могу, то да се...» Всячески уклоняется от того, чтобы взять на себя ответственность. Более того, намекает, что уйдет в отставку, если будем оказывать на него давление.

Словно спохватившись, что сказал лишнее, председательствующий обратился к Юрию Черному:

- Расскажите об общей ситуации, об отношении людей.

Помощник Руслана Имрановича весь период, начиная с 19 августа до момента обсуждения, условно разделил на два этапа.

- Первый этап, - сказал он, - начиная с 19 августа вплоть до отставки Верховного Совета характеризовался единством населения республики с исполкомом ОКЧН и демократически настроенной частью депутатов. Всех объединило требование отставки Президиума Верховного Совета ЧИР во главе с его председателем. Правда, в конечном счете в отставку ушел весь Верховный Совет. Завершающую часть этого этапа венчали устная договоренность, честное мужское слово, данное Бурбулису и Хасбулатову, о роспуске вооруженных формирований, разблокировании телецентра, прекращении митинга, а также предоставлении возможности Временному Совету работать в здании Верховного Совета. Временный Совет по договоренности должен был выполнять свои ограниченные функции, связанные с подготовкой и проведением выборной кампании, принятием необходимых законодательных актов и осуществлением контрольных функций над

исполнительными органами. Слово было дано, но не выполнено. И все попытки направить дальнейшие события в законное демократическое русло практически не увенчались успехом. Временный Совет из тринадцати человек раскололся. Шесть членов ВВС объединились и заняли линию на проведение всех процессов в законное демократическое русло. Но, не имея возможности нормальной работы, сделали упор на формирование общественного мнения. На это ушло практически четыре недели. И вот итог: Движение демократических реформ поддерживает, Ассоциация интеллигенции поддерживает, движение зеленых (это была самая мощная сила, которая давала основную массу людей на площади в охране) ушло, Союз ветеранов Афганистана ушел. Собрали мы профсоюзы республики, тоже выработали позицию, нормальную позицию (против исполкома). Если бы после того, как Верховный Совет ушел в отставку, Дудаев со своей командой согласился бы действовать договоренным законным путем, его рейтинг был бы довольно высоким.

Выступающий отметил, что, на его взгляд, сейчас примерно 90-95 процентов населения не поддерживало Дудаева. Вырабатывалась позиция блокирования выборов президента. По сообщению Черного, исполком ОКЧН подменял функции ВВС, и когда последний, соблюдая максимум деликатности и такта, просил исполком не вмешиваться в формирование Центральной избирательной комиссии, пусть она сама избирает председателя и замов, в ответ слышал: исполком выполняет волю съезда чеченского народа, это мнение всей нации, и отходить от этой позиции они не намерены.

- Когда практически мы уже не имели возможности нормально работать, - продолжал выступающий, - когда в печати от имени ВВС без обсуждения начали появляться целые пакеты законов, написанных

Ахмадовым, бывшим заместителем Дудаева, наше терпение кончилось. Позавчера было принято решение об отстранении Ахмадова от занимаемой должности и отмене незаконных постановлений. Естественно, это вызвало бурную реакцию, было квалифицировано как попытка государственного переворота. Около 12 часов дня начался штурм МВД - сорвали двери, разбили стекла. Потом захватили здание КГБ, где я был ранен. По радио передавались требования взять нас под арест. Я тоже попал в категорию государственных преступников. Пришлось с семьей укрываться у знакомых. С приездом Александра Владимировича Руцкого была проведена очередная серия переговоров, даны, наверное, какие-то обещания, но, на наш взгляд, они от своего не отступят. Если на первоначальном этапе, когда речь шла об отставке Верховного Совета, были надежды на урегулирование, то сейчас четко взят курс на дальнейшее обострение.

Юрий Черный выразил тревогу по поводу все более активно подхлестывавшихся исполкомом процессов, связанных с отделением Ингушетии.

- Это, конечно, будет катастрофа, - заявил он Президиуму. - Притом не только для Чечено-Ингушетии, но и для всего Северного Кавказа. Обострится проблема Северной Осетии, смешанных районов. И вообще, побратски оставлять Ингушетию с ее 5-процентным промышленным потенциалом? Когда представители исполкома выступают в Ингушетии на съезде депутатов всех уровней и на митинге, где присутствовал Бурбулис, когда они говорят, что приветствуют стремление ингушского народа к самоопределению, то здесь невооруженным взглядом видно, что преследуется цель расчленения Чечено-Ингушетии, создания Чеченской Республики вне состава РСФСР.

Выступавший заявил, что иным путем, кроме как разоружив эти формирования, проблему уже не решить.

Вместе с тем он дал понять, что население и многие депутаты надеются преодолеть ситуацию без вмешательства извне. Хотя лично он не может предложить варианта, который вывел бы из тупика.

- Вчера вечером, перед моим отъездом в Москву, по телевидению зачитали постановление исполкома о переносе выборов парламента и президента на 27 октября. Все руководители райсоветов, препятствующие проведению выборной кампании, предупреждены, что будут привлекаться к уголовной ответственности. Психоз нагнетается...

Интересно объяснение Черного относительно того, почему в ВВС оказалось именно 32 человека. По его словам, это произошло потому, что к формированию состава ВВС «не подошли достаточно качественно», в результате чего, мол, там оказались люди, занимавшие «прозавгаевскую позицию». Наличие этих людей вызвало бурную реакцию. В результате этого, отмечает выступающий, «когда еще в Грозном оставался Геннадий Эдуардович Бурбулис, пришли в конце концов к варианту, далеко не бесспорному с юридической стороны, но, наверное, в той ситуации оптимальному - к Временному комитету в составе 13 человек».

То есть, говоря понятным языком, 19 депутатов (заметим, большинство) по чьему-то субъективному желанию убрали из состава и без того незаконно избранного органа. Одно беззаконие порождает другое. Это - как цепная реакция. И вот Президиум Верховного Совета РСФСР поручает «далеко не бесспорному с юридической стороны» органу всю полноту государственной власти.

Обсуждавшие вопрос то и дело жаловались, что Дудаев их не слушается. Хасбулатов, по его словам, дал телеграмму с требованием немедленно отменить незаконно назначенные президентские выборы, прекратить подготовку к ним. Грозный проигнорировал

это требование. И уж совсем по-детски наивной выглядела попытка молодого российского политика развязать грозненский узел предложением Дудаеву вернуться опять в войска.

- Я договорился с главкомом ВВС, а Дудаев отказался, - жаловался обиженный политик.

«Вот наглец, да как он с Москвой разговаривает!» - возмущались иные. Правда, они забывали, что Москва для периферии не некая абстракция, а вполне осязаемые личности с конкретными именами. Масштаб некоторых личностей, вознесенных на российский политический Олимп к осени 1991 года из глубинки, был виден хорошо, хотя афоризм о мальчиках в розовых штанишках тогда еще не разлетелся по стране.

Свергнутый руководитель

Примерно в эти дни, когда Президиум Верховного Совета РСФСР тужился в поисках выхода из кризисной ситуации, сложившейся в Грозном, Доку Завгаев переживал не самые лучшие времена в своей жизни. Случившееся, конечно же, выбило из колеи, заставило критически переосмыслить неприятные эпизоды.

За годы, прошедшие с тех пор, многое изменилось. Появились подробные воспоминания о том, как предавали Завгаева тем холодным августом.

Оказавшемуся не у дел осенью девяносто первого, Доку Гапуровичу хотелось хотя бы по-людски попрощаться со своими избирателями, поблагодарить их за доверие, сказать искреннее спасибо соратникам по нелегкому труду в рескоме и Верховном Совете. Ему хотелось поделиться с народом своим видением ситуации и ее возможными последствиями.

И он сел за письменный стол. «Товарищи, братья и сестры, соотечественники!» Что сказать напоследок, какие чувства выразить?

Немало бумаги извел, прежде чем вырисовался окончательный вариант обращения к народу. Нет, это была не исповедь кающегося грешника, а завещание, послание в будущее, прогноз-предостережение.

- Быть полезным народу, Родине в эти отчаянные дни и минуты, - вот единственное побуждение, которым я руководствовался, взявшись за перо, - признавался он автору этой книги в 1994 году.

Увы, о выступлении по телевидению и думать было нечего. С большим трудом удалось пробить информационную блокаду, напечатав текст в газете «Голос Чеченской Республики».

По словам Завгаева, время подтвердило точность оценок, данных начавшимся тогда процессам. Свергнутый руководитель республики предупреждал, что победители только прикрываются лозунгами борьбы за демократию, экономическое процветание, национально-освободительное движение и суверенность. На самом деле эти процессы будут все более неуправляемыми, антидемократическими и антиконституционными. По мере своего развития они будут все глубже вовлекать народ в хаос внутринационального, межнационального, гражданского и межреспубликанского противостояния.

Прогноз оказался верным: и в 1999 году, когда готовилась к печати эта книжка, в Чечне по-прежнему гремели выстрелы, царили безвластие, самоуправство различных групп и формирований, попирались права человека, страх и неуверенность в завтрашнем дне витали в каждом доме, в каждой квартире.

Завгаеву надо было ответить перед своим народом: знал ли он о подлинных намерениях лидеров исполкома чеченского съезда, которые вынашивали замысел путем переворота захватить власть в республике? Легче было бы слукавить, использовать дипломатический прием и сказать: нет, сие злоумыслие было мне неведомо. Глядишь, и получил бы сочувствие, заработал бы лишние очки.

Но обманывать народ – самое последнее дело. И Завгаев честно признался: знал. Притом достоверно. Потому и пытался предпринять все, чтобы избежать потрясений, которые имеются сегодня, поскольку с высоты тогдашнего должностного положения он понимал, к каким последствиям они приведут. Завгаев, по его словам, не ответил на силу силой, на давление давлением. Он не был сторонником таких методов, которые приводят к вооруженному противостоянию. Хотя, как он подчеркивал, в тот момент обладал всей

полнотой власти в республике и предпринять решительные меры для него не составило бы особого труда, было бы желание. Кстати, советчиков, предлагавших такое, хватало. Но это означало бы вероятность, хотя и гипотетическую, пролития крови. Ради чего? Ради власти, личных амбиций и интересов?

Кстати, о первом конгрессе чеченского народа. Лавры его инициаторов приписывают себе десятки людей, рядящихся в тоги «отцов» нации. И все же правда пробивает себе дорогу. Даже официальная дудаевская пресса вынуждена была признать, кто в действительности стоял у истоков съезда ОКЧН. Цитата из газеты «Ичкерия»: «Все знают, что инициатором и организатором первого конгресса чеченского народа в ноябре 1989 года был Завгаев. Да, «тихая» санкция хитроумного Горби могла быть, но ведь была и откровенная опасность от уже всесильного и мстительного Ельцина. Находясь между молотом и наковальней, Завгаев вел национальный корабль. Лавры первого съезда ОКЧН уже столько лет присваивают себе десятки претендентов в сегодняшние «отцы» народа. Истинные же организаторы съезда – Завгаев и Бугаев».

– В связи с этим хочу сделать некоторые уточнения, – говорил мне Доку Гапурович. – Муса Темишев, автор приведенных выше строк, конечно же, прав. В ту пору, а речь идет о 1989 годе, без санкции рескома КПСС о подобного масштаба мероприятия не было бы и речи. Более того, скажу, что реском принял специальное постановление о проведении съезда, рассматривая его как важный фактор консолидации нашего народа.

По Завгаеву, впервые идея созыва съезда возникла на одной из сессий Верховного Совета ЧИР. Такие предложения прозвучали в выступлениях народных депутатов Л. Умхаева, Ю. Эльмуразова, Х. Цобаева и других. Далеко не все депутаты согласились с

высказанной идеей. Было немало возражений, споров. Однако идея победила. Другой вопрос – как проходили выборы делегатов, по каким критериям определялось, что именно этот человек выразитель общенациональных интересов. В числе приглашенных на общенациональный форум в Грозный был и первый при Советской власти чеченец-генерал Джохар Дудаев из эстонского города Тарту, где он командовал авиадивизией.

Джохар Мусаевич выступил на съезде с яркой, многим запомнившейся речью. Это было просто немыслимо: он публично предложил чеченцам выйти из состава государства, в котором служил, и заявил, что готов быть военным министром в будущей независимой Чечне. Выступал не какой-нибудь краснобай-говорун, а командир соединения стратегических бомбардировщиков. Многие аналитики, обращаясь к истокам грозненской «революции», независимо друг от друга отмечают в качестве точки отсчета этот эпизод. Полагают, что именно тогда чей-то нехороший взгляд и был остановлен на смелом генерале-чеченце, которому и отвели роль показного лидера. Иначе чем объяснить тот факт, что его выступление на съезде осталось без последствий на официальном уровне? Чьи-то внимательные глаза уже тогда заметили и музыкального критика из Литвы Ландсбергиса, и чеченца-генерала Джохара Дудаева.

Первое крупное расхождение с исполкомом ОКЧН произошло уже через пару дней после образования этого общественного органа. По случайному совпадению (а может, и не без умысла) съезд был созван как раз накануне открытия сессии Верховного Совета Чечено-Ингушетии. В повестку дня сессии был включен вопрос Декларации о государственном суверенитете ЧИАССР. Но и съезд принял свою Декларацию о провозглашении Республики Нохчичо.

Съезд принял решение обратиться к депутатам с просьбой рассмотреть на сессии декларацию о провозглашении Республики Нохчичо и утвердить ее.

К тому времени Верховный Совет ЧИАССР располагал уже 14 проектами Декларации о государственном суверенитете. Столько вариантов было предложено различными комиссиями, творческими группами и даже отдельными гражданами. Просьба съезда была выполнена: его проект декларации в числе других был обнародован на сессии. Какому варианту из представленных 14 отдать предпочтение? После бурных дебатов пришли к решению: создать обобщенный вариант всех проектов, отражающий интересы всех народов, проживающих на территории республики, в том числе и чеченского. Этот документ и был принят сессией – гласно, открыто, на виду у всех. Декларацию о государственном суверенитете ЧИР поддержало все население республики, все общественные движения. И только лидер Вайнахской демократической партии Зелимхан Яндарбиев остался при своем особом мнении.

Кто «прописал» Дудаева в Грозном, склонив его к перемене места жительства? Сводить эту акцию к личности одного Яндарбиева было бы неправильно. По мнению Завгаева, в дело включилась целая армия высококвалифицированных специалистов. О том, как бывшего командира авиадивизии «делали» лидером общенационального движения, хорошо показано в забытом сегодня телефильме М. Вахидовой.

Судя по всему, отведенная роль генералу понравилась. Единственный серьезный соперник, один из «отцов» национальной идеи Л. Умхаев в результате интриг и козней в исполкоме ОКЧН сложил с себя полномочия первого заместителя председателя исполкома. Говорили, что его поступок был вызван глубоким разочарованием в нарождавшемся движении

и даже опасениями, на которые наводил авантюризм отдельных лиц. Как бы ни было, но дорога была расчищена.

Потом уже и сами «революционеры» начали признавать, что их деятельность щедро финансировалась «теневиками» как внутри республики, так и за ее пределами. Немалую роль в популяризации ОКЧН сыграло и громко сделанное заявление его лидеров о международном признании этой общественной организации. Ссылались на ООН – Организацию неприсоединенных народов, существующую в противовес ООН и не являющуюся субъектом международного права. Но такие тонкости знал далеко не каждый житель республики.

Успехи опьяняли, и уже в начале июня 1991 года II учредительный съезд Общенационального конгресса чеченского народа поставил задачу – взять власть. Ну, а потом были известные события 19 – 23 августа в Москве, и эта задача стала реальной.

С 24 августа в Грозном установилось двоевластие. Дудаев захватил Дом правительства, а Завгаев, оставаясь законным главой республики, находился в Доме политпросвещения. У Дудаева поддержки в народе не было, но были высокие и очень влиятельные покровители в Москве. С их помощью он и совершил государственный переворот.

Дудаев использовал ОКЧН как ширму для прикрытия своих амбиций, как средство давления на законно избранный Верховный Совет. Вместо предложенных дискуссий и открытого диалога руководство ОКЧН все больше нагнетало митинговую истерию, политические страсти, а то и угрожало оружием. Завгаев так сказал об этом в своем прощальном слове: «К сожалению, часть нашего общества и руководства России поддалась влиянию этой истерии, потеряла ориентацию в потоке псевдодемократической демагогии претендентов на

власть и лидерство, безучастно наблюдала за физическим насилием, которое творилось над Верховным Советом республики». На основании документов, ставших известными лишь недавно, высказанные тогда положения получают мощное подтверждение. Свидетельство тому – приведенные в этой главе материалы заседания Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 октября 1991 года.

Обращаясь к народу, Доку Завгаев объяснил, что Верховным Советом были с самого начала приняты к немедленному рассмотрению и решению все предложения и требования оппозиции. Официальные власти объявили досрочные выборы парламента и назначили их на 17 ноября, приняли решение об институте президентства. Был составлен протокол согласования всех требований оппозиции. Однако вместо конструктивного диалога и поиска наиболее оптимальных решений по животрепещущим проблемам республики, лидеры чеченского исполкома и Вайнахской демократической партии организовали захват зданий Верховного Совета, телевидения, радио, а вскоре и штурм общественно-политического центра, где учинили физическую расправу над депутатским корпусом. Один депутат при этом погиб.

«15 сентября 1991 года в ДК им. Ленина была собрана часть депутатов и незаконно, без всякого кворума и соблюдения регламента было заявлено, что Верховный Совет распускается, – говорил Завгаев в обращении. – Был провозглашен марионеточный Временный Высший Совет, который впоследствии, как и следовало ожидать, превратился в некий аморфный орган, а вернее, в политически неспособную фикцию.

Таким образом, законный, избранный народом Верховный Совет и я, как его председатель, были лишены своих конституционных прав и возможностей в полной мере осуществлять свою деятельность.

Конечно, здесь есть своя логика – иначе и не могли поступать давно нацелившиеся на насильственный захват власти люди, кощунственно называя свои действия народным восстанием или революцией»...

Обращаясь к землякам, вовлеченным в круговорот этих процессов, Завгаев сказал, что в силу своей политической незрелости и ложно понятого патриотического долга они стали орудием в руках политически недалёковидных людей, которые и сами являются орудием тех, кто затеял более тонкую политическую игру внутри и за пределами республики, разыгрывая как карту многострадальный чеченский и ингушский народы.

По вполне понятным причинам некоторые детали тогда не назывались. Это сегодня можно определенно сказать, почему Москва не поддержала Верховный Совет Чечено-Ингушской Республики в трудные для него дни. Если бы одурманенные сладкими словами о свободе и независимости люди знали подлинные мотивы противостояния, приведшие к национальной трагедии!

В соответствии с Декларацией о государственном суверенитете ЧИР ее Верховный Совет начал действовать в духе принятого закона. Если мы суверенны, значит, обладаем полномочиями по утверждению кадров всех уровней без оглядки на Москву. Вопреки ее мнению были утверждены руководители двух силовых министерств – МВД и КГБ. Назначение на посты министров У. Алсултанова и И. Кочубея вызвало в Москве резко негативную реакцию – там были заинтересованы в совсем других кандидатурах.

Верховный Совет отверг и спущенные «сверху» кандидатуры на должности руководителей Главснабнефтепродукты и управления связи, что вызвало в Москве нескрываемое раздражение.

То есть получалось, что разрешение автономиям брать суверенитета столько, сколько можно проглотить, существовало на бумаге. Декларация декларацией, а вот конкретных шагов предпринимать не смей! «Белому дому», провозгласившему 12 июня 1990 года государственный суверенитет, можно было не обращать внимания на Кремль, а вот Грозному без санкции «Белого дома» – ни-ни.

Верховный Совет Чечено-Ингушетии попытался проводить самостоятельную политику и жестоко поплатился за это. Ситуация была архисложная. Слова Абдулы Бугаева «между молотом и наковальней» в какой-то степени приближают к пониманию тогдашней непростой обстановки. С одной стороны, Кремль, который стимулировал у руководителей автономных республик желание подписать союзный Договор без согласования с РСФСР, что руководством последнего воспринималось как покушение на его права. С другой стороны, «Белый дом», проводивший решение Верховного Совета России «О механизме власти в РСФСР», согласно которому не разрешалось совмещение в одном лице двух должностей. Завгаев же по-прежнему оставался председателем Верховного Совета ЧИР и первым секретарем Чечено-Ингушского рескома КПСС.

Завгаева считали ориентированным на союзное руководство, то есть на Горбачева. Это мнение усилилось, после того как сессия Верховного Совета ЧИР приняла решение не проводить на территории республики референдум по учреждению в РСФСР института президентства. Хотя данное решение было вызвано совсем иными причинами – Верховный Совет Чечни настоятельно требовал принятия закона о репрессированных народах. Но об этом – отдельный разговор.

Чем больше Завгаев размышлял над тем, почему российские власти не поддержали Верховный Совет ЧИР, а фактически дали санкцию на его разгон, тем сильнее укреплялся в мысли, что кое-кто в Москве решил воспользоваться возникшей тогда ситуацией и с помощью экстремистских общественных формирований свергнуть ставший неудобным парламент республики. Инициаторам этого хитроумного замысла казалось, что главных исполнителей потом можно будет приручить. В Москве не представляли, что лидеры исполкома ОКЧН способны на самостоятельную игру. В этом был главный просчет московских стратегов: выполнив поставленную задачу, исполнители стали неуправляемыми. Они почувствовали свою силу.

В дни августовского кризиса Завгаев находился в Москве. Но это не помешало обвинить его в поддержке ГКЧП. Неизвестно, кто передал из Грозного в «Белый дом» такую информацию. В одной из газет было написано следующее: «А. Аслаханов и другие наши депутаты были «информированы» о том, что Верховный Совет и его руководство поддержали ГКЧП. Этот ложный донос состряпал З. Яндарбиев».

Далее в публикации утверждается: «Ни Верховный Совет ЧИР, ни его Президиум путчистов не поддержали. Иная оценка – плод грязной инсинуации, так необходимой Вайнахской демократической партии и ИК ОКЧН для дискредитации высшего органа государственной власти своей же республики. Но факт остается фактом. Руководство России, не желая детально разобраться в достоверности информации, стимулировало противоправные действия ВДП и ИК ОКЧН».

– И девятнадцатого, и двадцатого августа я звонил в Грозный, – рассказывал Завгаев автору этой книги, – интересовался обстановкой, спрашивал, как ведут себя неформалы. В республике все было спокойно. Никаких

митингов. Надо же, удивлялся я, когда не надо, собираются, а сейчас умолкли.

21 августа Доку Гапурович вернулся из Москвы в Грозный. Министр внутренних дел ЧИР У. Алсултанов доложил: обстановка в республике спокойная. Правда, в последний день активизировались ВДП и ИК ОКЧН. В последние часы они накалили страсти до предела. Люди, собравшиеся на площади Ленина, не расходились. Звучали требования отставки Верховного Совета, который якобы поддержал путчистов.

24 августа Завгаев вместе с другими руководителями республики выехал в аул Хайбах, где они участвовали в церемонии перезахоронения жителей, сгоревших в сарае во время выселения в 1944 году. Возвратившись в Грозный, узнали, что спровоцированные национал-радикалами люди снесли памятник Ленину. Началось открытое противостояние.

Поскольку требования митинговавших касались в основном персоны Завгаева и сводились к призыву уйти в отставку, он сделал соответствующее заявление на внеочередной сессии Верховного Совета республики.

Однако при голосовании отставка не была принята: против высказалось 97 депутатов при 41 - за. Голосование было тайным. Не приняла сессия и отставку Петренко, первого заместителя Завгаева.

К нелегкому для руководителя республики решению вынудила и поступившая из Москвы телеграмма с требованием его смещения. Телеграмма возмутила депутатов. Она поступила в адрес горсовета, который к тому времени был захвачен Дудаевым и, следовательно, отправителям это было хорошо известно. Получается, к нему и апеллировали? И еще. Смещение Председателя Верховного Совета, по Конституции республики, составляло исключительную прерогативу самого Верховного Совета. Ни российский парламент, ни российский президент не имели полномочий для

ропуска высшего законодательного органа, назначения или освобождения его председателя. Авторы телеграммы, наверное, руководствовались пресловутой «революционной целесообразностью», а не правом и не законом.

Заинтересованность некоторых лиц из тогдашнего российского руководства в смещении Завгаева была очевидной. Этого не скрывали делегации, зачистившие в Грозный для изучения обстановки. Они имели дело, как правило, только с людьми из окружения Дудаева, которые встречали их в аэропорту и не давали шагу ступить без своей опеки. Информацию московские гости получали весьма и весьма одностороннюю.

Вот как год спустя эти события описывала газета «Свобода», которой был придан статус общенационального официоза: «25 августа вечером в Грозный прилетела комиссия ВС РСФСР по изучению действий руководства республики по выполнению указов президента РСФСР Б. Н. Ельцина во время путча ГКЧП. В ее составе народный депутат РСФСР А. Аслаханов и один из заместителей премьер-министра России И. Гребешева. Тем же самолетом прилетел и народный депутат СССР и ЧИР С. Хаджиев и депутат СССР С. Автурханов. Гостей в аэропорту восторженно встретила и привезла целая кавалькада машин коллег, соратников, активистов ИК ОКЧН, перехватывая их у правительственных «метрдетелей». Комиссия выступила на митинге и по телевидению республики: основная мысль – руководство ЧИР заняло двойственную позицию в отношении совершившей 19.08 переворот в стране военно-партийной хунты. Что и требовалось доказать».

Депутаты ЧИР, поддерживавшие Завгаева, решили сами съездить в Москву и рассказать российскому руководству всю правду о событиях в Грозном. Однако сделать это удалось не сразу и с большим трудом:

агрессивно настроенные толпы заблокировали аэропорт, чтобы не дать возможности депутатам вылететь из Грозного. Боевикам из «сил самообороны» объявили, что, дескать, члены Президиума ВС ЧИР собираются лететь в Москву «для извинения перед ВС РСФСР за поддержку ГКЧП» и для просьбы о «сохранении власти».

И все же, несмотря на препятствия, двум делегациям удалось прорваться в Москву. Они хотели выяснить, на чем основано обвинение председателя Верховного Совета ЧИР в поддержке ГКЧП? Никто из тех, у кого они были на приеме, убедительных фактов или доводов не привел. Более того, Борис Ельцин, несмотря на свою занятость (в то время шел очередной съезд народных депутатов СССР), очень любезно принял посланцев Грозного и заявил, что лично у него нет никаких оснований обвинять председателя Верховного Совета ЧИР в поддержке ГКЧП. Через некоторое время сотрудники аппарата Ельцина вручили грозненской делегации «Обращение к чеченскому народу», в котором президент России призывал всех к цивилизованным методам решения острых вопросов, возникших в республике между Верховным Советом и его оппонентами. Об итогах поездки было доложено на сессии Верховного Совета ЧИР. Но чем все это кончилось, известно.

В своем прощальном слове Завгаев предупредил: разворот событий в республике принимал угрожающий характер, что свидетельствовало об углублении кризиса. Собственно, так и произошло. Не привели к добру конфронтации ни внутри республики, ни с Российской Федерацией. Завгаев с осуждением высказался по отношению к идее «национальной гвардии», сформированной и вооруженной Чеченским исполкомом. Все, что делалось тогда в республике

оппозицией, Завгаеву представлялось началом национальной катастрофы.

В своем обращении он еще раз подчеркнул: только в немедленном созыве незаконно распущенного Верховного Совета, установлении конституционного порядка и в проведении выборов Советов всех уровней – выход из тупика, путь к начальному и гражданскому согласию.

Но события приняли уже неуправляемый характер. К сожалению, выходу ситуации из-под контроля в определенной степени способствовали недостаточно продуманные действия тогдашнего российского руководства. Многие политологи все причины случившегося сводят только к действиям Вайнахской демократической партии и ее «дочерней» организации – исполкома ОКЧН, а также внутриреспубликанских группировок. Безусловно, их роль в случившемся чрезвычайно велика. Однако факты говорят и о том, что поведение Москвы сыграло на руку грозненским мятежникам.

Обвал

Обратимся к документам. Приведенные в начале этой главы материалы заседания Президиума Верховного Совета РСФСР, состоявшегося 8 октября 1991 года, еще ждут своей оценки на предмет политической дальновзоркости и государственной компетентности.

10 октября, то есть через сутки, Верховный Совет РСФСР принимает новое постановление, которое так и озаглавлено: «О положении в Чечено-Ингушской Республике». Скрепленное подписью Р. Хасбулатова, оно состоит из двух пунктов:

«Заслушав доклад вице-президента РСФСР А. В. Руцкого о положении в Чечено-Ингушской Республике, Верховный Совет РСФСР постановляет:

1. Принять к сведению сообщение вице-президента РСФСР А. В. Руцкого о создавшемся положении в Чечено-Ингушской Республике.

2. Предложить вице-президенту РСФСР, Совету Министров РСФСР обеспечить необходимые условия для восстановления законности и правопорядка в Чечено-Ингушской Республике».

19 октября президент РСФСР Б. Ельцин обращается к лидерам Исполкома Общенационального конгресса чеченского народа с требованием в течение трех суток:

«а) выполнить постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О политической ситуации в Чечено-Ингушской Республике» № 1723-1 от 8 октября 1991 г. и постановление Верховного Совета РСФСР «О положении в Чечено-Ингушской Республике» № 1733-1 от 10 октября 1991 г.;

б) освободить все захваченные здания и помещения, принадлежащие государственным органам и

общественным организациям;

в) сдать все имеющееся оружие органам внутренних дел республики;

г) распустить незаконно созданные вооруженные формирования;

д) до 7 ноября 1991 года совместно с ВВС республики провести демократические выборы Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики, референдум о государственном устройстве Чечено-Ингушской Республики согласно действующего законодательства РСФСР».

Б. Ельцин предупреждал, что, в случае невыполнения этих требований, будут приняты все предусмотренные законами РСФСР меры в интересах нормализации обстановки, обеспечения безопасности населения и защиты конституционного строя.

Обращение российского президента грозненские власти проигнорировали.

24 октября Верховный Совет РСФСР принял еще одно постановление: «О проведении выборов в высшие органы государственной власти Чечено-Ингушской Республики».

«Учитывая чрезвычайно сложную социально-политическую ситуацию в Чечено-Ингушской Республике, – сказано в этом документе, – незаконность назначенных на 27 октября 1991 года выборов в высшие органы государственной власти республики, Верховный Совет РСФСР постановляет:

1. Выборы в высшие органы государственной власти Чечено-Ингушской Республики, назначенные на 27 октября 1991 года, не имеют правовой основы и их результаты не могут быть признаны законными.

2. Поручить Временному Высшему Совету Чечено-Ингушской Республики, народным депутатам РСФСР и СССР от Чечено-Ингушской Республики совместно с общественными движениями подготовить и

осуществить комплекс мероприятий, направленных на обеспечение правовых гарантий проведения выборов в высшие органы государственной власти республики и участия в них всех граждан, независимо от национальности, вероисповедания, пола, принадлежности к политическим партиям и движениям.

3. Подготовку и проведение выборов в высшие органы государственной власти Чечено-Ингушской Республики осуществить на основе действующих законодательных актов РСФСР и республики.

4. Поручить народным депутатам РСФСР, избранным от Чечено-Ингушской Республики, всему депутатскому корпусу республики содействовать подготовке и проведению выборов в высшие органы государственной власти на конституционно-правовой основе с учетом сохранения единства и целостности республики, обеспечения социально-политического согласия и межнационального мира в республике».

«С учетом сохранения единства и целостности республики...» Не пройдет и года, как этот же Верховный Совет узаконит территориальное расчленение ЧИР, подтвердив образование двух самостоятельных государств – чеченского и ингушского. Вот такая последовательность была у высшего законодательного органа России. А вот какие были сила и влияние: несмотря на запрет проводить президентские выборы, назначенные на 27 октября, они все равно состоялись. При этом рейтинг Дудаева и его команды мгновенно подскочил: ему непостижимо – с Москвой не считается! Московские запреты создавали ему имидж бесстрашного национального лидера.

7 ноября 1991 года Ельцин подписал указ о введении в ЧИР чрезвычайного положения с 5 часов утра 9 ноября до 5 часов утра 9 декабря. Вся власть в республике передавалась Временной администрации, главой которой в соответствии с указом назначался

представитель президента РСФСР в Чечено-Ингушской Республике А. Б. Арсанов. Его заместителем был назначен министр внутренних дел генерал-майор В. М. Ибрагимов. Приказы и распоряжения Временной администрации объявлялись обязательными для исполнения всеми государственными и общественными организациями. На период чрезвычайного положения запрещалось проведение митингов и иных массовых мероприятий, вводился особый режим въезда и выезда.

Буквально на следующий день, 8 ноября, парламент Чеченской Республики принимает постановление «О незаконности Указа Президента РСФСР о введении чрезвычайного положения на территории Чеченской Республики».

Вот полный текст этого документа:

«Президент РСФСР своим указом незаконно ввел чрезвычайное положение на территории нашей суверенной республики.

Как известно, основаниями для введения чрезвычайного положения служат массовые беспорядки, влекущие человеческие жертвы, стихийное бедствие и другие обстоятельства.

Ни одно из этих оснований не имело место на территории Чеченской Республики. Руководство России, идя на поводу у свергнутых тоталитарных сил, исходя из имперских интересов, ввело таковое на территории республики, суверенитет которой был объявлен еще в ноябре 1990 г.

Считая действия Президента РСФСР противоречащими нормам международного права, Всеобщей декларации прав человека, постановлению Парламента Чеченской Республики от 2 ноября 1990 г. «О государственном суверенитете Чеченской Республики», Парламент Чеченской Республики постановляет:

1. Признать незаконным и не имеющим юридической силы Указ Президента РСФСР от 7. 11.91 г. «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике».

2. Потребовать от Президента РСФСР в течение 24 часов вывести все вооруженные формирования с территории суверенной Чеченской Республики.

3. Довести до сведения парламентов и народов мира о вооруженном вмешательстве руководства России во внутренние дела суверенной Чеченской Республики.

Председатель Парламента Чеченской Республики Х. Ахмадов».

10 ноября началось совместное (внеочередное) заседание Совета Республики и Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР. Депутатам была роздана повестка дня с единственным вопросом: об указе президента РСФСР № 178 от 7 ноября 1991 года «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике». Докладчиком объявлялся вице-президент А. В. Руцкой. По закону парламент должен был одобрить либо отклонить этот указ в течение 72 часов после его принятия.

Документы этого заседания тоже малоизвестны. В печати они не публиковались, а краткие сообщения не давали полного представления об атмосфере заседания. Иные депутаты даже возмущались показом по телевидению: по их мнению, журналисты слишком вольно интерпретировали происходящее, в результате чего зрители получали упрощенное представление о проблеме. Поэтому есть прямой смысл воспроизвести подлинные документы.

Сначала были предложения провести закрытое заседание – учитывая напряженную, взрывоопасную ситуацию в Чечено-Ингушетии. Однако при голосовании из 179 депутатов лишь 42 поддержали это предложение. Против высказалось 114. Таким образом,

большинство было за открытое рассмотрение, в присутствии прессы.

Докладчик Александр Руцкой ознакомил депутатов с содержанием документа, который они должны были либо поддержать, либо отклонить. Он состоял из преамбулы и четырех пунктов.

«В целях пресечения массовых беспорядков, сопровождающихся насилием, прекращения деятельности незаконных вооруженных формирований, в интересах обеспечения безопасности граждан и охраны конституционного строя республики, руководствуясь пунктом 12 статьи 121 ч. 5 Конституции РСФСР, в соответствии с Законом РСФСР «О чрезвычайном положении» мной с 05 часов 00 минут 9 ноября 1991 года вводится чрезвычайное положение:

1. Министру внутренних дел Российской Федерации Дунаеву А. Ф. для выполнения Указа «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике» в город Грозный направить оперативные части МВД.

2. Министру внутренних дел Российской Федерации Дунаеву А. Ф., председателю Комитета государственной безопасности Иваненко В. В. принять необходимые меры по выполнению Указа «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике».

3. Предложить Генеральному прокурору Степанкову В. Г. создать и направить в город Грозный следственную группу по расследованию действий лидеров Исполкома Общенационального конгресса чеченского народа.

4. Контроль за выполнением Указа возложить на вице-президента Российской Федерации Руцкого А. В.».

Огласив этот документ, докладчик обратился к другому – к постановлению Исполкома ОКЧН от 5 сентября 1991 года: «В связи с принятием сессией Общенационального конгресса решения о роспуске

Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики и признанием его деятельности антиконституционной и не отвечающей интересам народов республики, Исполком конгресса постановляет: 1. Признать утратившими действие законов, постановлений и указов Верховного Совета бывшей автономии на всей территории республики. 2. Впредь до формирования демократического парламента республики и до принятия им соответствующих законов на территории республики действуют законы Российской Федерации. Председатель Исполнительного комитета ОКЧН Дудаев».

Руцкой зачитывает фамилии лидеров ОКЧН и их тогдашние должности. Сосламбеков - первый заместитель Дудаева. Яндарбиев - председатель Вайнахской демократической партии. Ахмадов - председатель бывшего Временного совета, председатель нового парламента Чеченской Республики. Арсункаев - член правления Чеченской Республики по оборонным вопросам, начальник штаба ОКЧН. Сулейменов - член парламента Чеченской Республики, председатель комитета по обороне и госбезопасности, подполковник Советской Армии, замполит бригады Среднеазиатского военного округа, откомандированный Министерством обороны СССР по просьбе бывшего Совета Министров Чечено-Ингушской Республики. Арсултанов - министр внутренних дел.

- Что касается Ахмадова, - роняет слова в зал вице-президент, - то он не только советник Дудаева, но и старший помощник Руслана Имрановича Хасбулатова, преподаватель нефтяного института. Может рассматриваться в качестве председателя Чеченской Республики, ее представителя в России...

Далее докладчик излагает хронологию событий, заявив, что каждый день знаменовался преступлением

против Конституции, нарушениями Уголовного кодекса Российской Федерации.

10 сентября 1991 года. Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин издает распоряжение о направлении делегации Российской Федерации в Чечено-Ингушскую Республику во главе с государственным секретарем Российской Федерации Геннадием Бурбулисом, имея целью предложить комплекс мер по стабилизации обстановки.

- 6-8 октября по указанию президента Российской Федерации в город Грозный направляется группа во главе со мной, - продолжает Руцкой. - Это - председатель комитета Верховного Совета РСФСР по вопросам законности и правопорядка и борьбы с преступностью Аслаханов, министр внутренних дел Дунаев и председатель Комитета государственной безопасности Иваненко. 8-9 октября я встречался непосредственно с Дудаевым, который в результате диалога обещал стабилизировать положение в республике. Я обращаю внимание на эти даты - 10 сентября и 6-8 октября. В этот промежуток времени в республике находились различные группы народных депутатов, которые призывали к единственному - стабилизировать обстановку в республике, образовать избирательную комиссию и провести демократические выборы в Чечено-Ингушской Республике. 8 октября. Совершается ряд преступных действий... Президиум Верховного Совета Российской Федерации принимает постановление о политической ситуации в Чечено-Ингушской Республике...

Прерву на минутку изложение доклада, чтобы напомнить читателям: этот документ цитировался в начале главы, а также приводились обстоятельства, в которых он принимался.

Двигаемся дальше. Докладчик продолжает:

- 9 октября. Реакция на этот документ, не имеющий никакой конфликтной направленности, следующая: «Обсудив постановление Президиума Верховного Совета РСФСР о политической ситуации в Чечено-Ингушской Республике, президиум Исполкома Общенационального конгресса чеченского народа заявляет:

1. Указанное постановление является провокационным, направленным на нагнетание обстановки.

2. Подобное грубое провокационное вмешательство во внутренние дела Чеченской Республики считать объявлением вооруженного противостояния со стороны России.

3. Действия Руцкого и его команды в период пребывания в Чеченской Республике признать провокационной акцией.

4. Противозаконные провокационные акции подобного рода и масштабы неминуемо отразятся на судьбах будущего народов Кавказа и на их отношениях с Россией.

5. Президиум Исполнительного комитета Общенационального конгресса чеченского народа постановляет:

Предложить Президиуму Верховного Совета РСФСР в целях недопущения кровопролития и вооруженного противостояния, что не может не отразиться на исторических взаимоотношениях чеченского и русского народов, а равно и народов всего Кавказа и на их отношениях с Россией, отменить данное постановление»...

Сегодня, по прошествии времени, можно рассмеяться, но от правды никуда не уйдешь - а ведь и в самом деле отменили! Ну, не в прямом смысле, конечно, но через сутки, 10 октября, Верховный Совет принял постановление иного содержания.

Однако и этот документ, предписывавший вице-президенту и Совету Министров РСФСР обеспечить необходимые условия для восстановления законности и правопорядка в Чечено-Ингушетии, вызвал в Грозном своеобразную реакцию. Руцкой процитировал депутатам информационную справку, в которой говорилось, что «около 18 часов 05 минут в СИЗО МВД ЧИР 670 следственных арестованных после объявления в республике по радио постановления Исполкома Общенационального конгресса чеченского народа, в котором практически выражены призывы к свержению существующего строя, начали взламывать двери в камерах, пытаясь совершить побег». 30 преступников сбежали, двое убиты, один ранен, выведен из строя следственный изолятор.

Руцкой напомнил присутствовавшим, что после этого на Верховном Совете ими было принято решение о направлении в Чечено-Ингушскую Республику группы народных депутатов.

- Убывая, группа получила от меня лично такой документ, - продолжал он. - Разрешите его зачитать.

Руцкой оглашает записку:

- Вот что в ней говорится. «Генерал-майору запаса Дудаеву. Уважаемый Джохар Мусаевич! В продолжение того диалога, который мы с Вами вели, прошу Вас встретиться с народным депутатом Российской Федерации Темировым Умаром Ереджибовичем и группой депутатов Российской Федерации. Цель встречи - урегулирование вопросов межнациональных отношений. Гарантирую от имени президента РСФСР и от себя лично в случае выполнения постановлений Верховного Совета и Президиума Верховного Совета от 8 и 10 октября по вопросу сдачи оружия в МВД республики и стабилизации положения Вам, Вашему Исполкому и членам национальной гвардии личную

неприкосновенность и участие в избирательной кампании. С просьбой и уважением Руцкой».

Вот такие документы выходили из-под пера высших государственных деятелей России. Чего здесь больше – наивности, беспомощности, неумения вести дело на том уровне, к которому обязывал второй по значимости в стране пост? Поразительная эклектика. Какое-то полуличное рекомендательное письмо: прими, мол, дорогой друг, моего хорошего кунака...

Автор записки сообщает депутатам, в чьем присутствии сочинялся сей примечательный документ. Называется имя тогдашнего Генерального прокурора Степанкова, руководителя депутатской группы Темирова, других депутатов. Передайте, мол, записочку генералу-пенсионеру... Можно себе представить положение делегации. «Джохар Мусаевич, мы вам записочку привезли...». И достают лист блокнотной бумаги.

Реакция на записку – в информации, переданной Руцкому после возвращения депутатской группы. Он знакомит с ней сессию: «Несмотря на принимаемые меры, обстановка в Чечено-Ингушской Республике продолжает все более обостряться. Исполком Общенационального конгресса чеченского народа во главе с Дудаевым по существу взял власть в республике в свои руки. Законные органы власти и управления практически не функционируют. Руководство правительства к работе не допускается. Здание Комитета государственной безопасности захвачено боевиками. На его крыше выставлены два пулемета, направленные в сторону здания МВД Чечено-Ингушской Республики. МВД находится фактически в осаде. Его здание круглосуточно патрулируется по периметру боевиками. Предпринимались попытки его захвата. Во все райотделы милиции направлены эмиссары Дудаева, требующие от сотрудников сдачи оружия и перехода на

сторону Исполкома ОКЧН. Объявлением о намерении рассмотреть вопрос об амнистии осужденных исполком спровоцировал массовые беспорядки в следственном изоляторе, в результате которых разгромлен и сожжен ряд помещений, бежали около 30 арестованных».

Далее следует описание того, как Исполком конгресса создавал дополнительные вооруженные формирования. По имеющимся данным, в поселке Пригородном и в совхозе «Южный» были организованы три их учебные базы, на которых проводилось обучение боевиков стрельбе из гранатометов и других видов оружия. Постановлением исполкома объявлялась мобилизация всех лиц мужского пола в возрасте от 15 до 55 лет. Так называемая национальная гвардия приведена в боевую готовность. Она насчитывала 900 вооруженных человек, официально зарегистрированных Исполкомом ОКЧН. Располагает ракетами класса «земля-земля», «Алазань», минометами, гранатометами, сотнями единиц нарезного оружия.

19 октября к Исполкому ОКЧН и лично к Дудаеву обратился президент Российской Федерации с требованием прекратить противоправные действия, на что дал три дня. Никакого результата. 24 октября представителем президента РСФСР в Чечено-Ингушской Республике назначается народный депутат Российской Федерации, заместитель министра лесного хозяйства ЧИР Ахмет Арсанов. Цель назначения – «обеспечение взаимодействия высших органов исполнительной власти Российской Федерации и Совета Министров Чечено-Ингушской Республики». Никакого взаимодействия не получается.

В тот же день, 24 октября, Верховный Совет РСФСР принял постановление о том, что выборы в высшие органы государственной власти ЧИР, назначенные грозненскими властями на 27 октября, не имеют правовой основы и их результаты не могут быть

признаны законными. 27 октября приходит информация: несмотря на позицию ВС РСФСР, выборы президента Чеченской Республики проводились в 70 избирательных участках из 360. Активно осуществлялся сбор бюллетеней по домам, которые потом сдавались в Центризбирком, где находились международные наблюдатели. На выездах из Грозного выставлены вооруженные посты из членов национальной гвардии под предлогом того, что по указанию Москвы в Грозный должны войти войска.

Далее Руцкой рассказал о митинге на площади перед зданием Совета Министров и альтернативном митинге на площади имени Ленина, о том, как восприняло население постановление Временного Совета о проведении референдума 17 ноября по следующим вопросам: «Считаете ли вы необходимым учреждение поста президента Чечено-Ингушской Республики? Да или нет?» и «Считаете ли вы необходимым разделение Чечено-Ингушской Республики на две самостоятельные республики – Чеченскую и Ингушскую? Да или нет?» Из этого раздела докладчика малоизвестным представляется лишь пикантный эпизод, связанный с кражей ночью из гаража рескома КПСС автомобиля «Чайка» для будущего президента. Даже транспорт для новой власти добывался оригинальным способом.

Руцкой напомнил депутатам постановление внеочередного съезда народных депутатов от 2 ноября, признававшего в Чечено-Ингушской Республике 27 октября выборы нового парламента и президента республики незаконными, а принятые ими акты не подлежащими исполнению. Из сообщения докладчика обращал на себя внимание еще один любопытный факт. 4 ноября к Хасбулатову обратился Олег Лобов, тогдашний первый заместитель председателя Совета

Министров РСФСР, изложивший просьбу председателя Совета Министров ЧИР Сергея Бекова о помощи.

Руцкой огласил этот документ. «Ситуация в Чечено-Ингушской Республике после выборов президента Чеченской Республики характеризуется продолжающейся эскалацией напряженности, - говорилось в документе. - Высший временный совет Чечено-Ингушской Республики признал их незаконными. В Грозном и в других городах во исполнение решения Высшего временного совета Чечено-Ингушской Республики начато формирование отрядов народного ополчения, противостоящих вооруженным отрядам так называемого Исполкома. В соответствии с постановлением Верховного Совета Российской Федерации о проведении выборов в высшие государственные органы власти Чечено-Ингушской Республики от 24 октября 1991 года в Грозном начала работу Центральная избирательная комиссия. Очевидно, что положение в республике после проведения намеченных на 17 ноября выборов может осложниться, вызвав тем самым множество негативных последствий. Учитывая взрывоопасный характер ситуации в Чечено-Ингушской Республике и обращение председателя Совета Министров Чечено-Ингушской Республики Сергея Можатевича Бекова об оказании помощи, считали бы целесообразным направить в республику группу народных депутатов РСФСР во главе с руководством Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР и ответственных сотрудников аппарата Совета Министров для содействия в нормализации положения и сохранении межнационального мира в Чечено-Ингушской Республике».

Удивительный документ! Как будто работник аппарата правительства - консультант или даже заведующий отделом - способен «нормализовать положение» там, где обломали зубы деятели повыше.

6 ноября, продолжал между тем Руцкой, на его имя и имя президента РСФСР пришла отчаянная шифртелеграмма Арсанова из Грозного. Она тоже была оглашена Руцким. «В связи с чрезвычайно сложной и накаленной обстановкой в городе Грозном и в целом в республике, - говорилось в шифртелеграмме, - продолжающимися попытками боевиков ОКЧН захватить жизненно важные объекты и эскалацией вооруженного террора, просим вас немедленно по получении шифровки принять меры по охране объектов, а также усилению и восстановлению конституционного строя. В противном случае события в республике могут непредсказуемо осложниться. Еще раз настаиваю принять предусмотренные законом в подобной ситуации меры не позднее 0 часов 8 ноября с. г. Представитель президента Российской Федерации в Чечено-Ингушской Республике».

Под давлением малоопытных в большой политике людей, слабо сведущих в решении вопросов государственной важности, Борис Ельцин подписал 7 ноября указ о введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушетии. По мнению большинства политологов, эта мера с последующей ее отменой Верховным Советом сыграла исключительную, решающую роль в укреплении позиций Дудаева на его родине и в разжигании антирусских и антироссийских настроений. Некоторые аналитики считают: уж лучше было бы что-то одно. Или указ без поспешной отмены, или не было бы самого указа. Увы, просчитать наперед последствия предпринимаемых ходов было некому - все молодые российские государственники пребывали в эйфории от легкой победы над путчистами. Кремль, конечно, мог бы погасить очаг напряженности более квалифицированно, но он, наверное, не вмешивался сознательно, с опасением наблюдая за растущей

активностью «Белого дома» и небезосновательно усматривая в нем сильного соперника.

Вопреки ожиданиям, по грозненскому телевидению и радио передали указ Дудаева:

«1. Указ президента России считать противозаконным.

2. Создать свое республиканское Министерство обороны.

3. Воинским частям, дислоцирующимся на территории республики, перейти на сторону вновь созданного Министерства обороны республики.

4. Отменить в республике чрезвычайное положение и объявить военное положение.

5. Объявить о мобилизации населения и граждан республики для защиты демократии в республике».

В 24.00 перед телезрителями республики выступил Дудаев и повторил содержание принятого указа.

В город начали прибывать большие группы людей с оружием из районов республики. По улицам двигались машины с мегафонами, из которых звучали призывы к жителям брать оружие и защищать республику.

9 ноября был созван Президиум Верховного Совета, на котором приняли документы об обращении президента Российской Федерации и его указе по введению чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике.

О положении на 10 ноября Руцкой сказал так:

- После объявления по телевидению и радио о введении в Чечено-Ингушской Республике чрезвычайного положения обстановка там резко обострилась. Для обеспечения режима чрезвычайного положения на Северный Кавказ направлены подразделения МВД Российской Федерации. Это не военнослужащие, и я поясню, потому что некоторые телекомментаторы путают военнослужащих со служащими МВД. Так вот, в сторону Северного Кавказа

направлено 1,5 тысячи человек. По имеющимся данным, сторонники Дудаева находят поддержку у населения Чечено-Ингушетии и соседних республик. Цель - общее противостояние «тоталитаризму России».

Оперативная обстановка следующая: в первой половине дня в Грозном разоружены части ВОХР (вневедомственная военизированная охрана. - *Н. З.*) Изъято 33 карабина, 150 патронов. Из здания КГБ изъято около 500 единиц автоматического оружия, в том числе гранатометы. Начался массовый переход личного состава МВД на сторону Дудаева. У здания МВД раздавали оружие и производили учет боевых групп с целью захвата помещения. На центральной площади в 12.00 состоялся митинг. Во второй половине дня прошло мероприятие по инаугурации избранного президента. Манифестации сопровождалась стрельбой в воздух. После этого обстановка в городе несколько разрядилась. Было разблокировано здание МВД, из него выведен личный состав, его охраняющий, - около 50 человек. Подразделение спецназа МВД осталось для охраны.

Продолжалось блокирование воинских частей и гарнизонов Министерства обороны СССР. Утром 9 ноября Комиссаров, Орлов, Гафаров, Ибрагимов не смогли выполнить приказ, отданный на основании указа президента РСФСР, ввиду отсутствия указаний Министерства внутренних дел СССР в лице товарища Баранникова и временно исполняющего обязанности командующего внутренними войсками Пономарева. Силы ОМСДОН блокированы в районе аэропорта Владикавказа, а заместитель командира покинул вверенную ему группировку и находился ночью девятого числа во Владикавказе в распоряжении училища МВД.

- К семи ноль-ноль 10 ноября обстановка в Чечено-Ингушетии не нормализовалась, - докладывал Руцкой. -

Продолжается мобилизация населения. Подразделения ОМСДОН и приданных сил стоят походной колонной в районе аэропорта Владикавказа и ждут приказа министра внутренних дел СССР. 495 человек из состава МВД и военнослужащих внутренних войск, направленных в Грозный, блокированы в аэропорту Ханкала боевиками, вооруженными автоматическим оружием. 8 ноября к 16.00, вы знаете, были блокированы железнодорожные станции Шелковская, Кзыл-Юр, Мещерская, Назрань. Соответственно возникло большое скопление пассажирских и грузовых поездов. Об этом вы слышали. Были разобраны подъездные пути. Последние поступившие сведения: из Наурской колонии бежали 700 заключенных. Помогла им в этом так называемая национальная гвардия. Она открыла огонь по вышкам, где находились военнослужащие, охранявшие заключенных. Колония разбежалась полностью.

Опустим некоторые, не представляющие сегодня особой ценности сведения и посмотрим, что предложил вице-президент в заключение своего доклада.

Итак, первое, - утвердить указ президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике, отменив, правда, пункт 5 о комендантском часе.

Второе. Обратиться к президенту СССР с просьбой о выделении Министерством обороны мотострелковой дивизии для установления контрольно-пропускных пунктов на железнодорожных станциях и автомагистралях по периметру республики с целью воспреещения распространения оружия и средств нападения на территорию других кавказских республик и Ставропольского края.

Это предложение вызвало шум в зале. Просить Горбачева, недавно униженно стоявшего в этом зале? Но вице-президент объяснил говорливой публике, что

Российская Федерация не имеет своих военных сил для того, чтобы блокировать по периметру Чечено-Ингушетию. А сделать это нужно с одной-единственной целью - не допустить дальнейшего распространения оружия по Северному Кавказу. Ведь в Чечено-Ингушетии уже вооружено не менее 6 тысяч человек.

- И последнее, - сказал Руцкой. - Если исходить из того, что Чеченская Республика провозглашена суверенным, независимым государством, как это заявлено Дудаевым, то следует ограничиться изложенными выше мерами. Если же считать, что республика входит в состав Российской Федерации и для нее действительны Конституция и законы Российской Федерации, а также пакет документов, принятых съездом, Верховным Советом и его президиумом, то предлагаю еще три пункта. Для наведения общественного порядка на территории республики МВД России усилить численный состав органов внутренних дел Чечено-Ингушской Республики оперативными работниками. Комитету государственной безопасности восстановить деятельность КГБ Чечено-Ингушской Республики, усилив его оперативными работниками. Прокуратуре Российской Федерации дополнительно доукомплектовать прокуратуру Чечено-Ингушской Республики.

Сказав, что у него все и он готов ответить на вопросы, вице-президент приготовился к ним. Вот ответы на некоторые из них, дополнившие общую безрадостную картину.

Кем пожертвовать

Депутат Г. Сорокин. Александр Владимирович, вы упомянули о том, что чрезвычайное положение введено по просьбе представителя президента Российской Федерации Арсанова. Осуществлялась ли проверка достоверности того, что именно Арсанов эту телеграмму написал и отправил?

Ответ. Телеграмма отправлена шифрорганом МВД. К нему имеют доступ только министр и его заместители. Данная шифрограмма была отправлена в присутствии Ибрагимова.

Депутат В. Шуйков. Товарищ вице-президент, почему подписанный указ президента ни по одному пункту не выполнен, и кто виноват в том, что он не выполняется? Если вы приняли решение, что нужно ввести чрезвычайное положение в Чечено-Ингушетии, то, как я понимаю, должны были просчитать, во что это может вылиться. Почему до сегодняшнего дня ни один пункт не выполнили, и кто из руководителей нашего государства ушел в отставку из-за этого?

Ответ. 19 октября 1991 года издан указ президента Российской Федерации о передаче в юрисдикцию Министерства внутренних дел Российской Федерации внутренних войск МВД СССР. До сих пор этот указ не выполнен. Недокомплект в МВД Российской Федерации на сегодняшний день составляет 42 тысячи человек. Поэтому предприняли совместные действия со стороны МВД СССР и МВД Российской Федерации. Я в своем выступлении сказал, что вооруженные силы не привлекались.

Позволю вам напомнить ситуацию по другой республике, близлежащей к этой. Вот постановление пятого (внеочередного) съезда народных депутатов о

ходе выполнения постановления третьего (внеочередного) съезда народных депутатов РСФСР «О положении в Южной Осетии». И на пятом съезде мы такой же документ приняли. Я вас тоже могу спросить: почему же они не выполняются? Почему не контролируется выполнение этих документов? (*Шум в зале.*)... Во всех ситуациях должен быть механизм исполнения.

Чтобы вам было понятно с нынешней ситуацией, зачитаю шифровку. Не буду говорить, кто ее подписал. Слушайте: «Группировка ОМСДОН и приданные силы, несмотря на пополнение за счет батальонов соседнего района, стоят в походной колонне в районе аэропорта Владикавказ и выдвижения не начинают. Несмотря на неоднократную передачу ваших распоряжений, заместитель командира ОМСДОН полковник милиции Калюжный, ссылаясь на указания исполняющего обязанности командующего Внутренними войсками СССР Пономарева, который якобы приказал не начинать движение в заданный район без личного указания Баранникова или его самого, покинул вверенную группу и находился в расположении училища МВД, ссылаясь на необходимость поддержания связи с командованием Внутренних войск СССР. В настоящее время (на 7.00) на границе между Пригородным и Назранским районами Чечено-Ингушской Республики ингушами в двух местах устроены заграждения из железобетонных блоков, щебня, где находится до 300 вооруженных людей. В районе станции Ишерская разобраны железнодорожные пути, в результате чего в городе Моздоке стоят два пассажирских поезда».

О чем это говорит? О том, что, провозгласив суверенитет и независимость Российской Федерации, не имеем сил и средств для их поддержания, для выполнения, в частности, указа президента. Таких сил и средств у нас в республике просто нет...

Читая эти строки сегодня, невольно восклицаешь: разгадка, оказывается, до нелепости проста. «Белый дом» и Кремль в основном занимались перетягиванием каната. Российские власти, используя победу в августе, ковали железо, пока оно было горячим – спешно брали под свою юрисдикцию все, что раньше принадлежало союзным органам. Те, естественно, упирались. Дележка имущества и власти занимала умы с утра до поздней ночи. И никому дела не было до целого народа, страдавшего из-за распрей и междоусобицы между двумя центрами – российским и союзным. Мафиозные кланы в Чечено-Ингушетии и за ее пределами моментально оценили своеобразие тогдашнего момента и пошли ва-банк.

Депутат С. Сироткин. Уважаемый Александр Владимирович, у меня совсем простой вопрос. Я хотел бы точного и вразумительного ответа: кто является сторонами этого конфликта? Кто является такими сторонами в Карабахе, я знаю. А здесь?

Руцкой ушел от прямого ответа. Его дал председательствовавший:

– Между законом и беззаконием. Вот и все.

Депутат И. Константинов. Самое страшное, что может произойти, это если мы одобрим указ о чрезвычайном положении, но не хватит сил и средств для его реализации. Если мы пойдем таким путем, Россия точно развалится. Скажите, пожалуйста, вы как военный человек и вице-президент, уверены в том, что чрезвычайное положение будет реализовано? Можете дать гарантии выполнения тех решений, которые сегодня будут выполнены?

Ответ. Не сомневайтесь в этом. Если вы утвердите указ, он будет выполнен в полном объеме.

Но, судя по характеру новых вопросов, посыпавшихся докладчику, было видно, что у депутатов возникли сильные сомнения. Своих сил у Российской

Федерации нет, а Внутренние войска МВД СССР не торопятся переходить под республиканскую юрисдикцию, поскольку Кремль не пускает. Чечено-Ингушетия вооружается, разбирает железнодорожные рельсы, устраивает завалы – все это весьма и весьма серьезно осложняет ситуацию.

Депутат Б. Большаков. Меня интересует вопрос: кто был инициатором этого указа, кто участвовал в его подготовке, а также в выработке мер по его реализации?

Вот оно, начинается. До депутатов, похоже, постепенно доходит, какие последствия вызовет реализация или нереализация – в равной степени – указа. Как это в народе говорят? Коготок увяз – всей птичке пропасть...

Ответ. Инициатор указа – закон. А если конкретно, то документ разрабатывался группой юристов. После того как указ был подписан, в совещании по его выполнению участвовали министры внутренних дел Российской Федерации и СССР, исполняющий обязанности командующего Внутренними войсками МВД СССР, председатель Комитета государственной безопасности и Генеральный прокурор РСФСР.

Депутат В. Миронов. Должны ли, по вашему мнению, нести ответственность за сложившуюся ситуацию в Чечено-Ингушской Республике председатель КГБ России, который допустил, что вооружено большое количество людей и что грубо нарушаются законы Российской Федерации, министр внутренних дел России и его заместитель Комиссаров, которые не выполнили указ президента России, направленный на стабилизацию обстановки? Это первый вопрос.

Второй вопрос: имеется ли в связи с действиями группы лиц в Чечено-Ингушетии угроза суверенитету и территориальной целостности России? И третий вопрос:

какая работа проводится правительством и президентом России по недопущению развала российского государства?

Ответ. Чтобы быть до конца честным и объективным в этой ситуации, я вам скажу так. Дунаев, министр внутренних дел, все, что мог сделать, он сделал. Мы с этим человеком были все время вместе, и управление, собственно говоря, осуществлялось из моего кабинета. Дунаев сделал все, что было в его силах. Как сделал, это вы обязаны оценить. Я считаю, что с поставленной задачей он справился.

Что касается его заместителя Комиссарова, я его не хочу оправдывать, он в некоторой степени проявил безволие. Отношение Комиссарова к исполнению президентского указа, я считаю, должно быть наказуемо. Почему? Потому что его посылали не для проведения митингов или переговоров – для этого туда ездило достаточное число народных депутатов. Задачей Комиссарова было обеспечить правопорядок в республике, освободить Комитет государственной безопасности, потому что в подвалах этого здания было более двух тысяч единиц огнестрельного автоматического оружия, дать возможность нормально работать телецентру, захваченному боевиками. Перед ним была поставлена задача – задержать Дудаева, поскольку санкция прокурора на это была дана.

О председателе Комитета государственной безопасности. Помните ту сессию Верховного Совета, на которой выступал я, после меня Иваненко? Он призвал тогда к дальнейшему продолжению политического диалога, то есть – не обращать внимания на те преступления, которые там совершались против закона. Так вот, этот политический диалог довел до того, что без единого выстрела был сдан КГБ, получил ранение его сотрудник, а вся Чечено-Ингушетия наводнена

оружием. Поэтому, я думаю, с того, кто назначал на эту должность Иваненко, тоже спросят в полной мере.

Председательствующий. Ну, мы назначали...

Далее Руцкой ответил на остальные вопросы депутата Миронова, подтвердив, что события в Чечено-Ингушетии являются катализатором для других республик Северного Кавказа, и что надо действовать в соответствии с законом – отстранять от власти тех, кто угрожает целостности России.

Депутат А. Аслаханов. Александр Владимирович, у меня три вопроса к вам. Первый – как к вице-президенту. Считаете ли вы, или считали ли нужным, когда принимали (вы – автор этого указа), когда его разрабатывали, привлечь к обсуждению необходимости введения чрезвычайного положения народных депутатов, представляющих регион? У нас есть комиссия по вопросам национальностей, государственный секретарь по национальной политике.

Второй вопрос у меня как к военному, имеющему опыт войны в Афганистане. Как вы считаете, достаточно будет ударной армии, чтобы расправиться с теми, против которых вы сейчас так рьяно выступаете? Вы как военный человек понимаете, что только обширное кровопролитие может оказать «помощь» в реализации этого указа.

И третий вопрос к вам как к гражданину. Как вы считаете, то, что вы делаете как руководитель, как человек, – к каким непредсказуемым событиям в межнациональных отношениях может привести принятый с вашей подачи указ?

Ответ. Я понимаю, товарищ Аслаханов, что вы остро и больно воспринимаете ситуацию, которая сложилась в республике, я понимаю это прекрасно. Но я хотел бы вам напомнить, как мы вас искали, когда нужно было ехать в командировку в Чечено-Ингушскую Республику,

да так и не нашли! Вы прибыли, правда, на следующий день, и сказали, что вы болели. (*Шум в зале, выкрики.*)

Я отвечаю уважаемому депутату на вопрос. Что касается непосредственно деятельности комиссии народных депутатов, самих народных депутатов, то я вам показываю пакет документов, которые были приняты Верховным Советом, съездом, Президиумом Верховного Совета – все по этому вопросу.

А теперь о том, что вы сказали. Я не говорил в Верховном Совете, что необходима армия для расправы над чечено-ингушским народом. Я предложил иные меры. Я предложил меры по выполнению указа о стабилизации обстановки в республике. Если вы считаете нормальным явлением поставки и наличие оружия, количество которого превысило уже десятки тысяч, то я не считаю это нормальным, хотя вы являетесь председателем комитета по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью.

Депутат А. Шабад. Решение о введении чрезвычайного положения принималось без всякого понимания того, что мы имеем дело с Кавказом... И мой вопрос не в том, нужно ли отменять чрезвычайное положение. Конечно, нужно, и немедленно. Мой вопрос в следующем: кем, каким должностным лицом Российской Федерации мы должны пожертвовать, кто должен уйти в отставку, чтобы смягчить создавшееся положение?

Ответ. Я понимаю, что вы с радостью воспримете, если я скажу, что Руцкой, конечно, должен уйти в отставку. Вы даже будете радоваться этому, я в этом совершенно не сомневаюсь! Но я вам скажу – Руцкой в отставку не подаст...

Депутат М. Арутюнов. Александр Владимирович, вы не дали конкретного ответа ни на один вопрос. Кто все-таки был инициатором этого, на мой взгляд,

абсолютно неправильного и несвоевременного указа? Представляли ли вы себе его последствия?

Ответ. Я еще вчера сказал на пресс-конференции и на заседании Президиума Верховного Совета: указ разрабатывал Руцкой. Что касается отставки, то не вы меня избирали. Меня вместе с Борисом Николаевичем Ельциным избирал весь народ.

Депутат В. Ким. Ваш прогноз развития событий на ближайшие дни и недели? Во сколько вы оцениваете человеческие жертвы, которые непременно будут?

Ответ. Все зависит от того, какими средствами будет выполняться указ. Если на территорию республики ввести войска и дать им разрешение на применение оружия, кровь, не дай Бог, может пролиться. Но если не дать возможности поступления оружия в республику, я думаю, жертв не будет.

Самый важный вопрос был задан, как это часто бывает, под занавес. Председательствующий предупредил, что этот вопрос – последний. Как будто чувствовал, что разговор может пойти в нежелательную для некоторых присутствовавших в зале плоскость. Цитирую:

Депутат Ю. Семуков. Вы много говорили о законности. По хронологии, которую вы представили, получается, что 24, 25 и 30 августа там творилось беззаконие, разгонялся законно избранный парламент Чечено-Ингушской Республики. Почему тогда президент не принял меры, чтобы ввести там чрезвычайное положение и защитить законность?

Ответ. Давайте вместе рассуждать по поводу событий 24 августа. Вы знаете, что 24, 25 и 26 августа непосредственно там находился народный депутат от Чечено-Ингушской Республики Аслаханов. Потом там был Руслан Имранович. Но таких даже мыслей не возникало, чтобы вводить там какое-то чрезвычайное

положение. Потому что это было волеизъявление народа – отстранить от власти Верховный Совет.

Читая эти строки, трудно удержаться от восклицания: с каких это пор волеизъявление народа стали отождествлять с угрозами вооруженной толпы? Волеизъявление народа всегда выражалось через выборы, через референдум, различные опросы общественного мнения.

Правда, Руцкой вынужден был признать, что отстранение законной власти от исполнения ее обязанностей – акт неправильный. Однако докладчик не ответил прямо на вопрос, поставленный депутатом Ю. Семуковым из Республики Коми, он лишь констатировал факт: «Не было тогда принято решения ни со стороны народных депутатов, ни со стороны президента о введении там чрезвычайного положения».

Время, отведенное на вопросы докладчику и его ответы, было исчерпано. Прежде чем объявить перерыв, председательствующий счел необходимым внести уточнения по поводу прозвучавшего в докладе Руцкого пассажа о том, что один из ближайших соратников Дудаева – Ахмадов – является помощником... Р. И. Хасбулатова. Публично признав, что это так, Руслан Имранович произнес:

– Этот факт, очевидно, понадобился, чтобы как-то втянуть в эти дела меня: чуть ли не я организатор этого переворота. Но я хочу спросить, кто вам дал эту информацию, кто ее вложил в доклад? Ведь она явно направлена однозначно на то, чтобы дискредитировать председателя Верховного Совета! Вчера об этом не говорилось...

Да, судя по всему, упоминание о том, что его помощник Ахмадов является ключевой фигурой в команде Дудаева, было для Хасбулатова неожиданным. Реакция спикера была весьма болезненной, и это не укрылось от зала. Руслан Имранович стал говорить о

другом своем помощнике, Юрии Черном, который «чуть ли не каждый день звонит и дает информацию раньше и лучше, чем КГБ, прокуратура и МВД», но неприятный осадок от этого инцидента у депутатов остался. Он усилился еще больше, когда после перерыва председательствующий дал слово Руцкому, и тот произнес:

- Я хочу публично извиниться перед Русланом Имрановичем Хасбулатовым. Это обосновывается тем, что я четвертые сутки без сна, а справку с фамилиями мне на бегу давали. Я разберусь с человеком, который мне ее предоставил. Поэтому прошу прощения у Руслана Имрановича.

В ложе прессы многозначительно переглянулись.

Указ не прошел

Внеочередное заседание обеих палат Верховного Совета, начатое 10 ноября, в один день не уложилось. Обсуждение продолжалось и завтра, хотя уже по характеру первых вопросов, заданных докладчику, было ясно, какие настроения преобладают в зале.

Утверждение указа президента РСФСР было признано невозможным. Верховный Совет большинством голосов высказался за «продолжение урегулирования возникшего кризиса в Чечено-Ингушской Республике не путем применения чрезвычайных мер, а политическими средствами».

Отдельным пунктом было записано «назначить представительную делегацию для переговоров с основными политическими группами Чечено-Ингушской Республики с целью политического урегулирования конфликта». Состав делегации и ее полномочия предполагалось утвердить на Верховном Совете РСФСР. Хотя председательствующий еще в первый день заседания вынужден был признать, перечисляя сделанное для урегулирования ситуации: «Начнем с того, что почти 20 депутатских групп побывало там, плюс еще заместитель Генерального прокурора, заместитель министра внутренних дел, представитель КГБ и так далее. Правда, трудно сказать, чего больше они принесли – пользы или вреда. Специальные помощники, представители, государственный секретарь дней десять назад там были вместе с министром Полтораниным, депутатом Рудкиным... В общем, половина членов Верховного Совета, включая и меня...»

Постановление содержало и такую запись: «Провести парламентское и служебное (по линии МВД РСФСР и КГБ РСФСР) расследование для установления

лиц, ответственных за принятие недостаточно подготовленных политических и военно-технических решений по введению чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике». Чего, конечно же, сделано не было, как и многого другого, что осталось для истории свидетельством паралича власти, ее неспособности принимать адекватные быстро меняющейся обстановке решения.

«Белый дом» бодался с Кремлем, а лбы трещали у чеченского народа. Увлеченные этим малопродуктивным занятием, оба центра высшей государственной власти в Москве, каждый в силу своих причин, хотели использовать ситуацию в Грозном в своих интересах. «Белый дом», упоенный августовской победой, жаждал таких же демократических перемен на периферии, и потому не препятствовал разгону законно избранного руководства республики, которое можно было смести под популистскими лозунгами борьбы с консерваторами. Кремль, в свою очередь, не вмешивался потому, что, с одной стороны, предпринимал последние усилия для собственного самосохранения, а с другой – хотел показать миру беспомощность и неумение управлять тех, кто обосновался на Краснопресненской набережной.

Грозный между тем вооружался. Президент Чеченской Республики Д. Дудаев издавал указ за указом. Вот один из них, датированный 9 декабря 1991 года, дающий представление о характере и замыслах новой власти:

«В соответствии с Законом «О президентской деятельности» в целях дальнейшего совершенствования организационной структуры и оперативного управления Вооруженными Силами Чеченской Республики **постановляю:**

1. Все вооруженные формирования на территории Чеченской Республики подчинить Президенту

Чеченской Республики.

2. Создать Штаб Вооруженных Сил при Президенте Чеченской Республики для управления частями и подразделениями регулярной армии и частями народного ополчения.

3. В порядке реализации Указа Президента Чеченской Республики «О национальной гвардии» от 23 ноября 1991 г., Министерству юстиции совместно со Штабом Вооруженных Сил в срок до 15 декабря 1991 г. разработать проект устава, структуру и штатное расписание национальной гвардии.

4. Наделить национальную гвардию правами юридического лица. Установить для национальной гвардии гербовую печать с текстом по окружности «Национальная гвардия Чеченской Республики» с латинским шрифтом на чеченском языке.

5. Кабинету министров произвести расчет финансирования национальной гвардии в соответствии со штатным расписанием и определить штатно-должностные оклады для личного состава национальной гвардии.

6. Министерству промышленности товаров народного потребления и услуг совместно со штабом Вооруженных Сил разработать и приготовить форму одежды для гвардейцев в летнем и зимнем исполнении, парадную и повседневную, в количестве, заявленном штабом Вооруженных Сил, в срок до 15 января 1992 г.».

16 декабря Д. Дудаев издает новый указ – о праве граждан Чеченской Республики на приобретение и хранение личного огнестрельного оружия. Все население региона начало вооружаться.

19 декабря заместитель председателя Верховного Совета РСФСР Ю. Яров обращается к Д. Дудаеву с подобострастным письмом:

«Уважаемый Джохар Мусаевич!

Как Вам известно, Верховный Совет РСФСР принял 11 ноября 1991 года постановление, согласно которому руководству Верховного Совета и Правительству РСФСР поручено решить все вопросы по событиям в Чечено-Ингушетии путем мирных переговоров, используя политические средства.

Во исполнение данного постановления руководство Верховного Совета РСФСР направило в г. Грозный 3 декабря с.г. группу независимых экспертов в составе А.-Г. К. Алиева, В. И. Власова, Г. М. Керимова, В. П. Океанова, Н. А. Резванова для подготовки необходимых для предстоящих переговоров материалов. К сожалению, Вы не смогли принять экспертов и переданное мной через руководителя этой группы письмо, вследствие чего, как представляется, и не выработано конкретных взаимосогласованных предложений.

Сегодня, в результате прекращения поставок горюче-смазочных материалов по продуктопроводам из Чечено-Ингушетии, ситуация в регионе резко обострилась. На грани остановки целый ряд предприятий, работающих в Адыгее, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечено-Ингушетии, Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области.

Путь к решению проблем политическими средствами – безотлагательные переговоры. В целях ускорения подготовки необходимых материалов к предстоящим переговорам делегации Верховного Совета и Правительства РСФСР с делегацией Чечено-Ингушетии для определения перспектив решения организационных вопросов, уточнения места работы и даты встречи прошу Вас назвать состав своей экспертной группы и направить ее в г. Москву. С нашей стороны будут участвовать вышеназванные эксперты и специалисты от Правительства РСФСР.

О Вашем решении и дате прибытия экспертной группы прошу сообщить письменно».

Не сообщил. Дудаев и не собирался иметь дело на уровне малоизвестного Ярова и его мелких экспертов. Поезд ушел. Чечня прекратила все виды платежей в бюджет Российской Федерации. Народные депутаты РСФСР от бывшей ЧИАССР были отозваны, их полномочия объявлялись недействительными.

«Белый дом» спохватился слишком поздно. Его спонтанные усилия оказались тщетными. Поиск виновных в недостаточно подготовленных политических и военно-технических решениях по введению чрезвычайного положения, грозно объявленный в постановлении – это мера поверхностная, наружная часть айсберга. Главная масса глыбы и сегодня остается скрытой от любопытных глаз.

Никто еще не ответил, почему общественная организация – Конгресс чеченского народа и его исполнительный орган – фактически заменили собой государственные органы власти и исполнения. Почему был создан неконституционный Высший временный совет? Почему четыре человека, по сути, один Ахмадов, ходивший в помощниках российского спикера, принял, подписал и опубликовал ряд важнейших законов, среди которых законы о гражданстве Чеченской Республики, о выборах ее президента и нового парламента?

Все началось отсюда. Или еще раньше? С борьбы за возвращение народу доброго имени? «Выпустил джинна на волю, и теперь пеняй на себя».

Узел 3

«МИННАЯ» ПРОБЛЕМА,

ИЛИ СТОИЛО ЛИ ВЫПУСКАТЬ ДЖИННА НА ВОЛЮ

23 февраля 1944 года началась дорога чеченцев в неизвестность.

Спору нет, их путь обильно усеян огульной клеветой, унижением ни в чем не повинных людей. Он отбросил их на десятилетия назад, в одночасье оборвав социально-экономическое и культурное развитие. Уже одна принадлежность к этому народу автоматически ограничивала политические права, место проживания, выбор профессии каждого отдельного человека. В истории современной цивилизации подобных примеров морального и психологического удушения личности сыщется не много.

Обратная сторона неправды

Действительно, разве это не абсурд: люди, с боями дошедшие от Терека до Эльбы, освобождавшие Россию и страны Восточной Европы от фашистов, после победоносного завершения войны годами скитались по невыносимым для горцев заснеженным, морозным степям Казахстана и другим районам в поисках своих семей, родных и близких. Немало чеченцев и ингушей навсегда закрыли глаза в чужих краях.

Тому есть объяснение: стоило только появиться признакам слабости коммунистического государства в начале Великой Отечественной войны, как пламя непослушания вспыхнуло вновь: в октябре 1941 года в

ряде районов Чечни началось восстание, которое было подавлено специально сформированным батальоном внутренних войск. Еще раз горцы поднялись на борьбу летом 1942 года, и тогда советское руководство решило ликвидировать проблему горской непокорности просто и жестоко – выселить их в Среднюю Азию и Казахстан.

Чеченцы и ингуши были обвинены в предательстве, пособничестве врагу. Они вроде бы готовили удар в спину Красной Армии. Правда, чеченцы и ингуши это отрицают, утверждая, что было наоборот. С первых дней Великой Отечественной войны на ее фронтах сражались более 30 тысяч уроженцев Чечено-Ингушской АССР. И как сражались! Немалая часть героически воевавших и погибших защитников Брестской крепости были чеченцами и ингушами. Так получилось, что призывники из ЧИАССР в 1939-1940 гг. были направлены в Западный особый военный округ. Один только чеченец Нурадилов уничтожил за годы войны 950 немцев. Первым на Эльбе встретился с американцами полк под командованием чеченца М. Висаитова.

По мнению чеченских историков, самоотверженно трудились их земляки и в тылу. Промышленность республики бесперебойно поставляла армии вооружение, горючее (почти 40 процентов от потребности фронта), обмундирование и продовольствие. Сотни тысяч подростков, женщин и стариков, круглосуточно орудуя кирками и лопатами, строили оборонительные сооружения, прокопали противотанковый ров шириной восемь метров и глубиной четыре метра вдоль всего правого берега реки Терек. Здесь шли ожесточенные тяжелые бои. Гибли не только солдаты, но и мирные жители сел и станиц Надтеречного, Наурского, Шелковского, Молгобекского районов. Но немецким войскам так и не удалось преодолеть Терский оборонительный рубеж.

Тем не менее народ республики обвинили и в том, что в горных районах чеченцы принимали десант немецких войск. Да, десант был. Но какой? В августе 1942 года в Галашкинский район Чечено-Ингушской АССР немцами было сброшено 76 десантников, из которых чеченцев и ингушей было всего... 13 человек. Возглавлял десант капитан абвера Губе Осман.

Губе Осман родился в селе Эрпели Буйнакского района Дагестанской АССР, аварец, сын владельца мануфактурной лавки. Офицер царской армии, служил в Дагестанском полку Кавказской туземной дивизии. В 1915 году присоединился к частям деникинской армии и участвовал в боях против Красной Армии. В 1921 году эмигрировал из Грузии в Трапезунд, а затем в Стамбул. Проживал в Турции до 1937 года под фамилией Губе. В 1938 году выдворен турецкими властями в Германию, где служил в абвере. После окончания школы разведчиков в 1942 году оказался на территории СССР. В случае победы немцев Губе отводилась роль начальника политической полиции на Северном Кавказе.

По подлинным архивным документам НКВД, а также немецкого абвера, СС и других спецслужб установлено, что завербованные из числа советских военнопленных десантники под руководством О. Губе с первых же дней и даже часов пребывания на территории республики были обезврежены органами НКВД при активной помощи местного населения.

Кстати, в горбачевские времена на основе подлинных документов журналистом Ратмиром Льяновым был снят документальный телефильм «Расскажем правду». В осуществлении операций по обезвреживанию немецких десантников приняли непосредственное участие и проявили личное мужество местные жители из числа чеченцев. Назывались фамилии чекистов Хамида Магомадова, Ахмеда

Парагульгова. Последний, кстати, и пленил капитана Губе Османа, скрывавшегося в одном из горных районов республики.

Вся эта информация в догорбачевские времена долгие годы держалась в строжайшем секрете. О ней никто, кроме узкого круга лиц, не знал. Обвинения чеченцев и ингушей продолжались не только из центра, но и местными партийными и советскими органами вплоть до 1989 года, до смены в республике партийного руководства, когда первым секретарем обкома впервые за всю советскую историю стал чеченец Доку Завгаев.

Ему было четыре года, когда в их дом пришли солдаты и приказали собираться. В памяти мальчика навсегда остался грохочущий грузовик, на котором вперемешку с тряпьем детей везли к железнодорожной станции Ишерской, вагон-теплушка, из которой на остановках вытаскивали окоченевшие тела, детский плач и женские рыдания, черный удушливый дым паровоза и его душераздирающие гудки, скрежет и лязг железа.

За что? За что такое наказание, такой позор? Эта мысль постоянно мучила Доку Гапуровича. Официальная версия вызывала немало сомнений еще в школьные и студенческие годы. Ведь сразу после депортации была запущена в массовый оборот, а затем получила отражение в литературе версия о преступлениях чеченцев и ингушей, об их предательстве и прочих тяжких злодеяниях. И хотя других источников информации не было, Завгаев, по его словам, смотрел на своего отца, родственников, других сосланных взрослых односельчан и не верил в то, что им приписывали.

Эта заноза сидела в чеченской молодежи очень глубоко. Она причиняла постоянную боль. Правду могли открыть только архивы. А туда путь был закрыт, несмотря на то, что тот же Завгаев находился уже на

партийной работе. И только с приходом Горбачева блеснул луч надежды, которым новый национальный чеченский лидер не преминул воспользоваться.

И вот, после неоднократных настоятельных обращений к тогдашнему высшему руководству страны наконец-то предоставилась возможность получить доступ к святой святых – закрытым в спецхранах документам. Архивы ЦК КПСС, НКВД – НКГБ, Министерства обороны и других центральных ведомств убедили Завгаева в том, что конъюнктурные мифологемы сыграли зловещую роль в принятых в 1944 году решениях о выселении всего чечено-ингушского народа.

– Я был потрясен, – рассказывал Д. Г. Завгаев автору этой книги, – когда в 1989 году впервые ознакомился с кремлевскими архивами о событиях 23 февраля 1944 года. Неспроста их хранили за семью замками, не допуская к ним даже крупнейших партийных историков – московских, конечно. О чечено-ингушских и речи не могло быть.

Что же открылось чеченскому лидеру? Прежде всего точное число репрессированных народов бывшего СССР. Их подлинное количество не называлось нигде и никогда. Эта цифра не была известна даже ему, «первому лицу» в Грозном и не последнему в Москве. 62 нации и народности!

Чеченцы и ингуши занимали особое место в этой печальной «иерархии». Эти два народа были самыми многочисленными среди репрессированных. К тому же их депортация осуществлялась с применением войск. Уже во времена горбачевской гласности старики, опасливо оглядываясь по сторонам, вполголоса рассказывали молодежи о невероятном случае, когда в огне погибли жители большого горного аула Хайбах Шатойского района.

Хайбахская трагедия

На территории Чечено-Ингушской АССР тогда было 24 административных района, в которых проживали 731,7 тысячи человек. Из них чеченцев насчитывалось 387,8 тысячи (52,8 процента), ингушей – 75 тысяч (12 процентов), русских – 205,8 тысячи (27,8 процента), других национальностей – 57 тысяч человек (7,4 процента). Эта статистика позволила составить более или менее полное представление о подлинных масштабах трагедии, обрушившейся на чеченский и другие народы. Появилась наконец точка отсчета, позволявшая говорить о том, какими потерями обернулась для коренного населения республики насильственная депортация 1944 года. Ведь точная цифра жертв была не известна. Народ жил как в потемках: погрузив людей в 14 тысяч вагонов в 1944 году, уцелевших привезли обратно из Казахстана и Киргизии через 13 лет. Сколько погибло при «отлове», в пути, в безмолвных среднеазиатских степях, народу было неизвестно, центр не считал нужным сообщать подобные сведения, хранившиеся в архивах московских учреждений.

И вот впервые, за несколько лет до полувековой даты, удалось преодолеть информационную блокаду. В архиве ЦК КПСС была обнаружена справка, составленная ответственным работником ЦК Тикуновым в 1956 году. Тикунов возглавлял комиссию, выезжавшую в Чечено-Ингушетию по указанию Н. С. Хрущева, который поручил проверить обоснованность утверждений Д. Мальсагова о том, что 27 февраля 1944 года при выселении чеченцев из села Хайбах Шатойского района было заживо сожжено около 700 жителей из окрестных аулов.

Дзияудину Мальсагову было под 80 лет, жил он в Грозном. Чеченец. Ветеран правоохранительных органов. Был следователем, прокурором, судьей. В годы Отечественной войны занимал должность заместителя наркома юстиции Чечено-Ингушской АССР.

Уважаемый человек, и посты занимал довольно высокие. Но, безусловно, не настолько, чтобы общаться с тогдашним главой СССР. Позже стали известны подробности того, как ему удалось пробиться к Никите Сергеевичу. В июле 1956 года Хрущев приехал в Алма-Ату, где проводил зональное совещание партактива. Д. Мальсагов был тоже его участником. Там он и передал Хрущеву письмо, в котором сообщал о варварском уничтожении жителей Хайбаха, а также об убийствах ни в чем не повинных людей в других селах во время выселения чеченцев и ингушей, которое он считал незаконным. Хрущев, возвратившись в Москву, поручил проверить полученные сведения о чудовищном преступлении в Хайбахе с выездом на место - уж очень невероятным представлялся ему случай с сожжением заживо 700 мирных жителей.

Комиссия во главе с работником ЦК КПСС Тикуновым провела тщательное расследование происшествия. Опросили более сотни человек, произвели раскопки на месте предполагаемого преступления, в результате которых были найдены обугленные останки людей, провели необходимые экспертизы. Работа заняла несколько месяцев. Итогом стала справка на имя Н. С. Хрущева: все, что поведал Д. Мальсагов, сущая правда.

В 1991 году останки погибших перезахоронили. Это произошло 24 августа, в день, когда у здания Верховного Совета ЧИР начала собираться толпа с требованием отставки партийного руководства.

После, возвращаясь к тем событиям, Д. Г. Завгаев вспоминал, что его внимание к этой проблеме кое-кому

в Москве казалось излишним и даже вредным.

- Ну и чего ты добьешься? - предупреждали его. - Всеми миру известна трагедия Хатыни в Белоруссии, Лидице в Чехословакии, Орадуре во Франции. Их виновник - гитлеровский фашизм, осужденный в Нюрнберге. А Хайбах? Не в наших интересах привлекать к нему внимание общественности.

Из показаний Д. Мальсагова, допрошенного в качестве свидетеля много лет спустя:

«24 февраля мы прибыли в с. Ялхорай, а после с капитаном Громовым поехали по маршруту Акки - Эски - Хайбах - Нашхой. С Громовым я познакомился в пути следования. В ночь с 26 на 27 февраля 1944 года мы приехали в с. Хайбах...

27 февраля в Хайбахе в конюшне колхоза им. Л. П. Берии собрали людей со всех окрестных хуторов и сел. Офицер НКВД приказал тем, кто не может идти, зайти в помещение, там подготовлено место для ночевки, завезено сено для утепления. Здесь собрались старики, женщины, дети, больные, а также здоровые люди, присматривающие за больными и престарелыми родственниками. Сюда же зашли и здоровые люди, которые предполагали, что их вместе с нетранспортабельными могут увезти на машинах, подводах. Некоторые поговаривали, что их вывезут на самолетах. По моему подсчету, в конюшню зашло 650-700 человек. Это происходило на моих глазах. Всех остальных жителей района через с. Ялхорой под конвоем отправили в с. Галашки и оттуда - до железнодорожной станции.

Примерно в промежутке с 10 до 11 часов, когда увели здоровую часть населения, ворота конюшни закрыли. Вспыхнул огонь, охватив всю конюшню. Оказывается, заранее было подготовлено сено и облито керосином. Когда пламя поднялось над конюшней, люди, находившиеся внутри конюшни, с криками о

помощи выбили ворота и рванулись к выходу. Генерал-полковник Гвишиани, стоявший недалеко от этих ворот, приказал: «Огонь!» Тут же из автоматов и ручных пулеметов начали расстреливать выбегающих людей. Выход у конюшни был завален трупами...»

Гвишиани М. С. – начальник Дальневосточного управления НКВД, генерал-полковник. Был командирован в Чечено-Ингушскую АССР для участия в выселении чеченцев и ингушей. Близкий друг и соратник Л. П. Берии. После ареста и расстрела своего покровителя вышел в отставку и перебрался с Дальнего Востока к себе в Грузию. Его сын Джермен продолжал оставаться мужем дочери Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и пошел в гору, став академиком АН СССР и заместителем председателя Государственного комитета СССР по науке и технике.

Однако вернемся к свидетельским показаниям Д. Мальсагова. «Я подбежал к Гвишиани, – рассказывал он следователям, – и попросил у него, чтобы прекратили расстреливать людей, ведь это же произвол. Гвишиани ответил, что на это есть приказ Берии и Серова и попросил не вмешиваться в это дело. Иначе, как и они, погибнете здесь. Капитан Громов тоже начал возмущаться по поводу уничтоженных людей. Мы с Громовым больше ничего не могли сделать.

Гвишиани позвал меня и Громова, дал в сопровождение несколько солдат и отправил нас в с. Малхесты. И здесь была страшная картина...

В пути следования в Малхесты и оттуда мы чеченцев не встречали: повсюду были солдаты, а оставшаяся часть аборигенов скрывалась в лесах и горах. Их автоматически причисляли к бандитам и жестоко с ними расправлялись.

Когда мы с Громовым возвращались из Малхесты, то заехали в Хайбах. В Хайбахе, у конюшни, чеченцы выкапывали трупы сожженных и расстрелянных людей.

Увидев нас, они бросились в разные стороны. Я им на чеченском языке крикнул, чтобы они остановились и подошли ко мне. Один из них приблизился ко мне, а остальные разбежались. Подошедший ко мне был Жандаргаев. Вид у него был ужасный. Он с земляками на месте сожжения круглые сутки откапывал трупы чеченцев и хоронил их в другом месте. Жандаргаев сказал мне, что они уже похоронили 137 трупов.

Потом мы с Громовым добрались до железнодорожной станции Слепцовская. Там встретили какого-то полковника-грузина. У него спросили, где находятся Серов и Берия. Мы хотели им доложить, что в горах при выселении чеченцев допущены злоупотребления. Уничтожено много невинных людей. Полковник что-то сказал своему шоферу на грузинском языке. Громов понял, о чем он говорит, так как раньше работал в Грузии и знал грузинский язык. Мой спутник срочно предложил уехать. Мы сели в автомашину и удалились. Громов объяснил мне, что полковник вызвал автоматчиков расстрелять нас как лишних свидетелей преступления в Хайбахе и Малхесты».

Следователь задал вопрос свидетелю Мальсагову: как вел себя Гвишиани, когда отдал приказ уничтожить людей, запертых в конюшне, какое у него было при этом лицо? Ответ: нормальное лицо, будто ничего не происходило, будто там вообще не было людей.

Еще вопрос: обращался ли к кому-нибудь свидетель по поводу увиденного в Хайбахе? Ответ: да, обращался. К самому Сталину, в январе 1945 года. За что и поплатился должностью. При этом получил предупреждение: не прекратит писать, расстанется со своей свободой. За клевету на доблестные органы НКВД.

После смерти Сталина и ареста Берии Мальсагов снова написал о хайбахской трагедии. На этот раз его вызвали в Москву и допросили. Особенно тщательно и

подробно протоколировали все, что касалось Берии и Гвишиани. Когда Мальсагов называл имена Серова и Круглова, у следователей рвение почему-то улетучивалось. Откуда было знать наивному периферийному чиновнику, какие страсти кипели в то время у кремлевского трона. Хрущеву требовался компромат на Берию и его сторонников. Но Серов и Круглов были свои, они помогли свергнуть Берию.

И. А. Серов - нарком внутренних дел Украины в конце тридцатых годов, когда ЦК Компартии этой республики возглавлял Н. С. Хрущев. С февраля 1941 года первый заместитель наркома госбезопасности СССР. В феврале 1942 года получил звание комиссара госбезопасности второго ранга. Участвовал в выселении всех репрессированных народов. По протекции Хрущева стал в 1954 году первым председателем КГБ СССР и занимал этот пост до 1958 года. Увы, барская любовь всегда чревата неожиданностями. В 1958 году Серов впал в немилость, был лишен государственных наград, понижен в воинском звании с генерала армии до генерал-майора и отправлен в Ташкент. Обращался в адрес Ю. Андропова и М. Горбачева с просьбой о реабилитации, но не был услышан и скончался в забвении в 1990 году.

Из показаний Д. Мальсагова следовало, что он доложил Серову об уничтожении жителей Хайбаха. Но, наверное, Хрущев решил, что избавляться от него еще рано, хотя формальный повод был. Просто в ближайшем окружении Хрущева было мало надежных людей, на которых он мог бы положиться. А Серов был проверенный кадр.

С. Н. Круглов тоже был человеком Хрущева. И снова, как в случае с Серовым, грянула барская немилость: в 1956 году он был снят с поста министра внутренних дел СССР и назначен со значительным понижением на должность заместителя министра строительства

электростанций. Через год его снова понизили, назначив заместителем председателя Кировского совнархоза. Еще через год пятидесятилетнего Круглова сняли и с этой должности, а через два года КПК при ЦК КПСС исключил его из партии. Умер в 1977 году. По версии историка Роя Медведева, Круглов застрелился, не дожидаясь окончания расследования преступлений, совершенных частями НКВД при депортации жителей Чечено-Ингушетии в 1944 году. Ему вменялась ответственность за действия военнослужащих НКВД, которые уничтожили один из аулов. По другой версии, генерал-полковник в отставке Круглов был сбит поездом.

Хайбахскую драму венчали два примечательных документа, не оставлявших сомнений в подлинности замысла. Совершенно секретная телеграмма, направленная комиссаром госбезопасности третьего ранга М. Гвишиани наркомом внутренних дел СССР Л. Берии: «Только для ваших глаз. Ввиду нетранспортабельности и в целях неукоснительного выполнения в срок операции «Горы» вынужден был ликвидировать более 700 жителей в местечке Хайбах». И ответная телеграмма: «Грозный. УВД. Гвишиани. За решительные действия в ходе выселения чеченцев в районе Хайбах вы представлены к правительственной награде с повышением в звании. Поздравляю. Нарком внутренних дел СССР Берия».

Берия в Грозном

К депортации чеченского и ингушского народов готовились как к крупной войсковой операции, по всем правилам военного искусства. В каждом районе выселением руководил чин не ниже генерала.

Из архивов стало известно, что еще за полтора месяца до начала осуществления этой акции в аулах и селах появились группы военных. Местное население не придавало им особого значения. Да и пришельцы занимались вроде обычным солдатским делом: проводили учения, отрабатывали способы ведения боевых действий в горных условиях. Как будто никаких поводов для беспокойства.

И все же некая напряженность витала в воздухе. Как ни скрывали военные цель своего появления, слухи, что это неспроста, разносились с невероятной скоростью. Самое удивительное в том, что военные и в самом деле не подозревали, для чего их сюда прислали. О предстоящей операции была поставлена в известность только самая верхушка генералитета.

Но, как говорится, земля слухами полнится. Наверное, невозможно удержать в секрете информацию, если к предстоящим действиям привлечены огромные массы людей и техники. Далек рядовой солдат-пехотинец от высоких штабов, но на передовой всегда безошибочно догадываются о предстоящем наступлении. Есть масса мелочей, деталей, штрихов, по которым самый последний боец во взводе узнает о наисекретнейшем приказе, только что отданном командующим за десять километров от его окопа.

Беду человек чует инстинктивно. Ее ощущение возникает в подсознании. Небо, горы, воздух,

поведение домашних животных, – все указывает на несчастье. Предчувствие чего-то тяжелого, гнетущего поселилось в чечено-ингушских селах за несколько дней до выселения. Об этом говорили многие старые люди, вспоминая черный февраль сорок четвертого.

В Государственном архиве Российской Федерации хранится письмо, адресованное Л. Берии. Датировано 27 января 1944 года. Автор, житель хутора Цараево Кембиевского сельисполкома Пригородного района Абукар Батажев сообщал: «Во всех национальных областях пронеслась волна о том, что готовится к выселению чечено-ингушский народ...»

Представляете? Почти за месяц до выселения! Впрочем, что могли дать подобные догадки и своеобразный зондаж намерений? Где и как спастись? Куда прятаться? Что делать с детьми, домашним скарбом, скотом? Никогда за всю многовековую историю своего существования чеченцам и ингушам не приходилось бросать родные очаги. Дома, в которых жили предки, в которых появились на свет они сами, – для чеченцев священны.

По мере проникновения в тайны архивов, изучения множества засекреченных в течение почти полувека документов постепенно складывалась более или менее полная картина происходивших тогда событий.

Конечно, на подготовку такой крупной войсковой операции требовалось определенное время. Иные авторы начинают описание с морозного утра 23 февраля, когда в шесть часов в дома чеченцев и ингушей начали врывать вооруженные солдаты войск НКВД с требованием немедленно собираться для погрузки в железнодорожные вагоны. Это то, что запомнилось всем. Но ведь была, наверное, какая-то предварительная оргработа, какие-то совещания, разъяснения, инструктажи. В конце концов, поставили

же в известность о выселении руководство республики, хотя оно тоже разделило общую участь.

За шесть дней до начала операции, 17 февраля, в Грозный прибыл Лаврентий Берия с группой высокопоставленных генералов из Москвы. Приезд всего руководства МВД СССР ничего хорошего не сулил. Берия потребовал от руководства республики полнейшей конфиденциальности, предупредив, что все, что они услышат, является государственной тайной особой значимости, за разглашение которой виновные, независимо от занимаемой должности, будут привлечены к уголовной ответственности вплоть до высшей меры наказания. Об этой мере были предупреждены и те немногие, кого вызывали в Совнарком Чечено-Ингушетии на узкое совещание. Заявление Берии о предстоявшем выселении было как гром среди ясного неба. К чести руководителей республики, они пытались протестовать, уговаривать Берию. Почему выселяют всех? В чем повинны дети и женщины? У многих вызванных в Совнарком по двое-трое братьев воевали на фронтах, немало вернулись домой инвалидами. Им-то за что такой позор? Они ведь кровь за Родину пролили.

Берия, зловеще сверкнув стеклами своего знаменитого пенсне, резко оборвал присутствовавших, заявив, что на сей счет есть решение правительства СССР, отменить которое никто из сидящих здесь не в силах. Серов, чтобы хоть как-то сгладить впечатление, промямлил: ничего, это временная мера. Как только улучшатся дела на фронте, а это произойдет довольно скоро, многим можно будет вернуться. А сейчас интересы боевого обеспечения фронта требуют создать... Стеклышки пенсне блеснули в сторону говорившего, и тот умолк, не закончив фразу.

В тот же день, 17 февраля, Берия докладывал председателю Государственного комитета обороны

Сталину: «Подготовка операции по выселению чеченцев и ингушей заканчивается. После уточнения взято на учет подлежащих переселению 459 486 чел., включая проживающих в районах Дагестана, граничащих с Чечено-Ингушетией и в гор. Владикавказе.

Учитывая масштабность операции и особенность горных районов, решено выселение провести (включая посадку людей в эшелоны) в течение 8 дней, в пределах которых в первые 3 дня будет закончена операция по всей низменности и предгорным районам и частично по некоторым поселениям горных районов, с охватом свыше 300 тыс. человек.

В остальные 4 дня будут проведены выселения по всем горным районам с охватом оставшихся 150 тыс. человек...

...Горные районы будут блокированы заблаговременно...

В частности, к выселению будут привлечены 6-7 тыс. дагестанцев, 3 тыс. осетин из колхозного и совхозного актива районов Дагестана и Северной Осетии, прилегающих к Чечено-Ингушетии, а также сельские активисты из числа русских в тех районах, где имеется русское население...

...Учитывая серьезность операции, прошу разрешить мне остаться на месте до завершения операции, хотя бы в основном, т. е. до 26 - 27 февраля 1944 г.».

Обращает на себя внимание дата, выбранная для выселения. 23 февраля - День Красной Армии. Всенародный праздник с этого дня становился для двух народов днем национальной трагедии и траура.

К выселению привлекали представителей соседних народов, что усложняло взаимоотношение между ними, сеяло вражду на долгие годы. Обидчиков запоминали, тем более что они приехали не откуда-то с Дальнего Востока, как Гвишиани, а жили рядом, бок о бок.

«Для успешного проведения операции по выселению чеченцев и ингушей, - докладывал Берия Сталину, - после Ваших указаний в дополнение к чекистско-войсковым мероприятиям проведено следующее:

1. Было доложено председателю СНК Чечено-Ингушской АССР Моллаеву о решении правительства о выселении чеченцев и ингушей и о мотивах, которые легли в основу этого решения. Моллаев после моего сообщения прослезился, но взял себя в руки и обещал выполнить все задания, которые ему будут даны в связи с выселением. Затем в Грозном вместе с ним были намечены и созваны 9 руководящих работников из чеченцев и ингушей, которым и было объявлено о ходе выселения чеченцев и ингушей и причинах выселения».

Было доложено председателю СНК... Не первому секретарю обкома, а именно председателю СНК. Существенная разница. Обком партии в то время возглавлял русский по национальности, что давало повод некоторым нагнетать вокруг этого обстоятельства определенные страсти. Мол, русский партийный секретарь бездумно выполнил указания Москвы, поскольку был ее глазами и ушами, чуждыми чечено-ингушскому народу, его жизненному укладу и традициям.

Эта деталь важна ради исторической истины, поскольку в сознание чеченского народа сейчас, когда взят курс на построение исламского государства, постоянно вдальбливается русофобия.

Продолжим донесение Л. Берии Сталину от 22 февраля 1944 года: «...40 республиканских партийных и советских работников из чеченцев и ингушей нами прикреплены к 24 районам с задачей подобрать из местного актива по каждому населенному пункту 2-3 человека для агитации.

Была проведена беседа с наиболее влиятельными в Чечено-Ингушетии высшими духовными лицами Б. Арсановым, А.-Г. Гайсумовым, они призывались оказать помощь через мулл и других местных авторитетов...

...Выселение начинается с рассвета 23 февраля с.г., предполагалось оцепить районы, чтобы воспрепятствовать выходу населения за территорию населенных пунктов. Население будет приглашено на сход, часть схода будет отпущена для сбора вещей, а остальная часть будет разоружена и доставлена к местам погрузки. Считаю, что операция по выселению чеченцев и ингушей будет проведена успешно».

Схема операции выглядела на бумаге идеально. Всех собирают на сход, правда, предварительно оцепив селение, чтобы и мышь не пробежала. Женщин, стариков и детей отпускают домой за вещами, правда, предварительно разлучив с мужьями и отцами, которых следует погрузить в машины и отправить неизвестно куда.

Но схема схемой, а жизнь жизнью. В Москве Кремль, Сталин, шифровки Берии, а в аулах Чечено-Ингушетии снег, горы, непроходимые дороги, бестолковые, по мнению энкаведешников, вайнахи, которых операция застала кого в гостях, кого на похоронах, кого в пути по другим житейским надобностям. Повседневная жизнь простого человека тоже многообразна, это только верховным головам кажется, что она не простирается дальше плетня своего дома и околицы родного аула. К тому же это живые люди, а не какие-то бессловесные фигурки на крупномасштабных картах кремлевских стратегов. Если люди живые, значит, у них есть чувства, есть беспокойство о родственниках, есть в конце концов естественное стремление уберечься.

Однако эти моменты в расчет не принимались. Заканчивались последние приготовления к запуску страшной беспощадной машины, равнодушное

вращение маховика которой должно было перемолоть судьбы двух народов.

И вот реляция о движении запущенного во весь оборот страшилища-молоха:

«Сегодня, 23 февраля, на рассвете начали операцию по выселению чеченцев и ингушей. Выселение проходит нормально. Заслуживающих внимания происшествий нет. Имели место 6 случаев попытки к сопротивлению со стороны отдельных лиц, которые пресечены арестом или применением оружия. Из назначенных к изъятию в связи с операцией лиц арестовано 842 человека. На 11 час. утра вывезено из населенных пунктов 94 тыс. 741 чел., т. е. свыше 20 проц., подлежащих выселению, погружены в железнодорожные вагоны из этого числа 20 тыс. 23 человека. Берия».

На другой день - новое донесение. И тоже в Государственный комитет обороны, Сталину:

«Докладываю о ходе операции по выселению чеченцев и ингушей на утро 24. II. Вывезено из населенных пунктов 333 тыс. 793 чел., из этого числа погружено в железнодорожные эшелоны 176 тыс. 950 чел. Во второй половине дня 23 февраля почти во всех районах Чечено-Ингушетии выпал обильный снег, в связи с чем создались затруднения в перевозке людей, особенно в горных районах».

Сама природа, казалось, противилась, восставала против зловещего плана кремлевских верховных голов. Но, как говорится, сила соломѹ ломит. В выселении народов Северного Кавказа принимали участие 19 тысяч оперативных работников НКВД, НКГБ, управления военной контрразведки «Смерш» и до 100 тысяч военнослужащих внутренних войск. Сто тысяч человек - это десять полнокровных стрелковых дивизий или три общевойсковые армии. По численности личного состава - почти фронт времен Великой Отечественной войны!

Победив «противника», доблестные войска генерального комиссара госбезопасности Лаврентия Берии, не потеряв ни одного человека, возвращались из района проведения операции «Горы» к местам постоянного расквартирования. На территории республики – обезлюдившей и пустынной – оставались гарнизоны войск НКВД ротного состава и оперативно-чекистские группы. Для отлова тех безумцев, которым захотелось бы вернуться к опустевшим родным очагам, где веками жили их предки. Нет для чеченца и ингуша святее места, чем дом, в котором он появился на свет. И вот все в одночасье лишились родины.

В Грозном в соответствии с приказом Берии срочно создавалась следственная группа в составе 50 человек из числа освободившихся от участия в операции сотрудников НКВД – НКГБ. Сюда доставляли тех, кто по той или иной причине отсутствовал дома 23 февраля. Ничего не понимавших, потрясенных видом обезлюдивших сел, их арестовывали и выдавали за антисоветских элементов. Короткое следствие, затем особое совещание при НКВД. Каждые десять дней грозненский и махачкалинский телеграф отстукивали в Москву списки несчастных. Такой срок установил лично Берия, собственноручно вписав слова «в 10 дней» в подготовленный машинописный текст приказа за № 00193 от 28 февраля 1944 года. Можно себе представить, сколько хлопот принесло энкаведешникам это дополнение. Надо было создавать видимость напряженной работы – отчитываться-то приходилось перед самым МВД СССР, то есть персонально перед Берией. Вот и хватали первых попавшихся под руку.

Венец всей операции – итоговый доклад от 1 марта за подписью Берии в ГКО, Сталину. Вот некоторые фрагменты:

«Докладываю об итогах операции по выселению чеченцев и ингушей. Выселение было начато 23

февраля в большинстве районов за исключением высокогорных населенных пунктов. По 29 февраля выселено и погружено в железнодорожные эшелоны 478 479 человек, в том числе 91 250 ингушей и 387 229 чеченцев. Погружено 177 эшелонов, из которых 154 эшелона уже отправлены к месту нового поселения.

Сегодня отправлен эшелон с бывшими руководящими работниками и религиозными авторитетами Чечено-Ингушетии, которые использовались при операции.

Из некоторых пунктов высокогорного Галанчожского района остались невыселенными 6000 чеченцев в силу большого снегопада и бездорожья, вывоз и погрузка которых будет закончена в 2 дня. Операция протекала организованно и без серьезных случаев сопротивления и других инцидентов...

...Проводится проческа и лесных районов, где временно оставлены до гарнизона войск НКВД и опергруппы чекистов. За время подготовки и проведения операции арестовано 2016 человек антисоветских элементов из числа чеченцев и ингушей. Изъято огнестрельного оружия 20 072 единицы, в том числе винтовок 4868, пулеметов и автоматов – 479...

...Руководители партийных и советских органов Северной Осетии, Дагестана и Грузии уже приступили к работе по освоению отошедших к этим республикам новых районов...»

Мина замедленного действия

Таким образом, Чечено-Ингушскую АССР упразднили. На большей части ее территории была образована Грозненская область, а остальная часть разделена между Северо-Осетинской АССР, Дагестанской АССР и Грузинской ССР. На чечено-ингушские земли приезжали другие люди, заселялись, пускали там корни.

Мудрые люди уже тогда замечали: закладывалась мина замедленного действия, которая когда-нибудь непременно рванет. Пророчества сбылись, мина рванула. И как чаще всего бывает, в самый неподходящий момент.

Многие задавались да и сейчас задаются мучительным вопросом: были ли основания для столь жесткой меры, как выселение? Не секрет, что часть посеянного тогда зла дала через полвека такие вот всходы. Истину следовало искать в архивах. Требовались свидетельства, подтверждавшие запущенную в свое время версию о пособничестве врагу, о том, что чеченцы и ингуши, как и некоторые другие народы Северного Кавказа, предавали либо готовились предать Родину.

Увы, результат тщательного анализа всего уникального богатства спецхранов на эту тему однозначен: ни в одном из самых засекреченных документов, включая пресловутые «особые папки» Политбюро, не обнаружено достаточно серьезных доказательств вины чеченского и ингушского народов. Как же тогда возникла эта чудовищная афера, немыслимая с точки зрения здравого смысла?

Мы еще вернемся к теме особенностей национальной самобытности чеченского народа,

которая формационно иная, нежели, к примеру, у русских. К сожалению, царские власти не делали опоры на ценности либерального и просвещенного ислама в присоединенных кавказских регионах. Еще большего упрека в этом плане заслуживает политика Кремля в советский период. Насильственная коллективизация, проводимая в Чечено-Ингушетии без учета специфики национального характера и уклада жизни ее коренного населения, увеличила число недовольных нововведениями советской власти. Температуру подняли раскулачивание и высылка людей, объявленных зажиточными. Их набралось несколько тысяч.

Были и такие, кто уходил в горы, леса и там скрывался. Некоторые имели оружие. По ночам они покидали свои убежища в скалах и пещерах, искали пропитание, одежду. Бывали случаи, когда они приходили в села и аулы и сводили счеты со своими обидчиками, как правило, советскими активистами. По статистике, с октября 1937 по февраль 1939 года «в бегах» пребывало около 400 человек.

Много это или мало? Во всяком случае, не больше, чем в любой другой российской области. В Сибири, на Урале и поболее было не принимавших новшеств, сопротивлявшихся мерам по коллективизации. Другое дело, что в центральных российских регионах недовольные шли в города, на стройки. А горцы, как правило, далеко от родных очагов не уходили.

Не следует сбрасывать со счетов и криминогенную обстановку. В предвоенные годы она была значительной повсеместно. Не являлся исключением и Северный Кавказ. Уголовников хватало во все времена. К сожалению, власти своими порой неумными действиями множили их ряды. В том числе и в годы Великой Отечественной войны.

Приведу лишь один документ из московских спецхранов, датированный 15 августа 1943 года. Заместитель начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР Руденко докладывал своему руководству следующее:

«На учете в Чечено-Ингушской Республике 33 бандгруппы (175 чел.), 18 бандитов-одиночек, дополнительно действовали еще 10 бандгрупп (104 чел.) Выявлены в ходе поездки по районам 11 бандгрупп (80 чел.) Таким образом, на 15 августа 1943 г. действовали в республике 54 бандгруппировки – 359 участников. Значатся в розыске 2045 дезертиров. В первом полугодии разыскано 202 человека».

На первый взгляд, вроде бы впечатляет. Хотя по сравнению с другими неоккупированными российскими областями (а такие изыскания проводились специально), криминогенная статистика не в пользу последних. К тому же обращают на себя внимание фразы «дополнительно действовали еще 10 бандгрупп (104 чел.)», «выявлены в ходе поездки по районам 11 бандгрупп (80 чел.)». Это что же получается? Приехал Руденко из Москвы в Грозный, махнул по районам и обнаружил «неучтенные» банды? Интересно, как он определил их количество и численность состава? Почему не ликвидировал их?

Шито белыми нитками, особенно на фоне другого документа, в котором изложены результаты деятельности этих 54 бандгруппировок. Получается, что 359 их участников за восемь месяцев 1943 года совершили «3 террористических акта, 2 обстрела опергрупп, 8 налетов на колхозы, 6 ограблений и массу мелких проявлений».

Но самое любопытное – причины преступности. Их честно излагает все тот же Руденко в своем докладе начальству: «Рост бандитизма надо отнести за счет таких причин, как недостаточное проведение партийно-

массовой и разъяснительной работы среди населения, особенно в высокогорных районах, где много аулов и селений расположены далеко от райцентров, отсутствие агентуры, отсутствие работы с легализованными бандгруппами... допускаемые перегибы в проведении чекистско-войсковых операций, выражающиеся в массовых арестах и убийствах лиц, ранее не состоявших на оперативном учете и не имеющих компрометирующего материала. Так, с января по июнь 1943 г. было убито 213 чел., из них на оперативном учете состояли только 22 человека...»

То есть за полгода было убито почти 200 ни в чем не повинных мужчин? Лишь за то, что они чеченцы? Вместо наказания истинно виновных, которых хватает у каждого народа, без суда и следствия отстреливали сотни мужчин, не очень-то беспокоясь о содеянном.

И за это требовали государственных наград! 7 марта 1944 года Берия обращается с письмом к Сталину, где в хвастливых тонах повествует о героизме своих подручных, которые с риском для жизни «ликвидировали банды, созданные и вооруженные немецко-фашистскими оккупантами при отступлении с Северного Кавказа, провели изъятие антисоветского элемента и нелегально хранившегося у населения оружия». К письму был приложен проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении наиболее отличившихся участников операции по выселению чеченцев и ингушей.

Такой указ был подписан. Не обошли орденом и самого Берия.

Современные чеченские историки утверждают: подлинной целью переселения народов в соответствии с условиями военного времени был раскол сплоченных этнических общностей, раздробление чечено-ингушского этноса на многочисленные осколки с последующей ассимиляцией. Мол, за тринадцать лет

пребывания в Казахстане и Киргизии во многом были утрачены навыки горного земледелия, понесла невосполнимую утрату культура, родившиеся в изгнании дети не имели возможности видеть свои памятники зодчества, учиться в школе на родном языке.

Из личных впечатлений Д. Г. Завгаева:

- Мне было четыре года, когда нас погрузили в большие военные машины и повезли к ближайшей железнодорожной станции, откуда в товарном вагоне двинулись в неизвестность. В большом селе Беноюрт остался наш дом, огород, домашний скот. Матери разрешили взять с собой только несколько узлов с самым необходимым.

В детской памяти запечатлелась железная печь в центре вагона, вокруг которой грелись люди, и длинная монотонная езда. Ехали почти месяц. В пути немало людей умирало, их тела снимали на остановках и укладывали возле рельсов прямо на снегу. Я не знал значения слова «умер» и удивлялся, почему хороших бабушек и дедушек оставляли на морозе и дальше ехали без них.

По прибытии в Караганду - конечный пункт затянувшегося «путешествия» - вся наша семья, включая мать, отца, сестру, а также родственников, слегли. Болезнь не затронула почему-то только одного меня. Так и жил в вагоне около месяца, поддерживаемый сердобольными земляками.

Вскоре родители поправились и мы отбыли к месту нашего нового жительства. Это было подсобное хозяйство. Отец устроился на работу. Выкопал землянку, в которой мы и поселились. Рядом жили такие же «спецпоселенцы» - поволжские немцы, терские казаки, понтийские греки. На всю округу, кроме нас, было только две чеченские семьи. Потом я узнал, что разрозненное расселение проводилось специально.

В местах высылки были созданы комендатуры, куда взрослым «спецпоселенцам» надлежало регулярно являться для отметки. Для того, чтобы посетить ближайшего родственника, живущего в соседнем селении, требовалось письменное разрешение комендатуры. За нарушение полагалось наказание, вплоть до лишения свободы. И уж совсем беда, если не санкционированная отлучка к родственнику квалифицировалась как побег. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны» могли бы дать 20 лет каторжных работ.

И только в 1954 году, через год после смерти Сталина и расстрела Бериин, в Москве было принято решение о некотором послаблении в отношении «спецпоселенцев»: мне тогда было 14 лет, и я хорошо помню, как нам объявили, что дети «спецпоселенцев», не достигшие 16 лет, снимаются с учета в комендатуре. То есть отныне они свободные птицы. Правда, сильного облегчения это послабление не принесло, поскольку я и мои сверстники продолжали жить с родителями, которым по-прежнему надо было навещать комендатуру для унижительных отметок...

А теперь из середины пятидесятых годов переместимся в конец восьмидесятых. Все чаще высказывалось недоумение по поводу того, что подлинной реабилитации чеченского и ингушского народов так и не произошло. В печати, на митингах все смелее звучали голоса: почему никто на государственном уровне не дал оценки беззаконию, не признал, что чеченцы и ингуши были невинными жертвами преступного произвола, не говоря уже о

публичном провозглашении необходимости ликвидации тяжелых последствий трагических событий 1944 года.

Действительно, тень тягчайших обвинений преследовала чеченский и ингушский народ все десятилетия, несмотря на разрешение возвратиться в родные места. Хотя вслух об этом не говорили, но недоверие существовало. Были негласные ограничения в выдвижении на руководящие посты: первый чеченец стал главой республики только в 1989 году, в назначении на командные должности в Вооруженных Силах – по просьбе того же Завгаева впервые было принято решение о присвоении генеральских званий шестерым военнослужащим-чеченцам, включая и Джохара Дудаева. И самое главное, на что делала упор молодая элита из числа научной и творческой интеллигенции, – с обоих народов на официальном уровне не было снято обвинение в измене.

Чем глубже новое руководство республики вникало в суть вопроса, тем сильнее утверждалось во мнении, что необходим законодательный акт, который бы восстановил историческую справедливость. Бесспорно, этот документ должен приниматься в Москве. Стало быть, ей надо напомнить историю вопроса, поскольку со времен хрущевской «милости» прошли десятилетия, люди, занимавшиеся по его указанию чеченским вопросом, давно ушли на пенсию, а многие, как говорится, в мир иной, в Кремле сменилось несколько генсеков, многое забылось, и раны, нанесенной когда-то, вроде бы и не было.

Но она не только была, но и кровоточила! Тем более что соль на нее регулярно подсыпали неформалы, рожденные горбачевской политикой гласности и перестройки. Руководство республики, следуя элементарной логике, не должно было отдавать эту острую проблему в руки набиравшей силу оппозиции.

Уступи оно инициативу неформалам, и можно считать, по остальным позициям вчистую проиграло бы им.

Официальным властям ничего не оставалось делать, кроме как самим браться за эту тему. Началось чуть ли не соревнование: кто громче выскажется. На начальной стадии преимущество было на стороне обкома. Пользуясь несравненно большими, чем у неформалов, возможностями, партийное руководство подготовило материалы, подтверждавшие, что чеченский и ингушский народы не реабилитированы ни политически, ни юридически.

Примечание 1999 года. Сегодня по-новому высветилось отношение массового сознания к действиям Сталина, предпринятым по отношению к чеченцам в 1944 году. Судя по всему, эффект от перестроечных разоблачений политики тогдашнего советского руководства на Северном Кавказе иссяк.

На вопрос о правоте или неправоте Сталина, выславшего чеченцев в 1944 году, отвечали следующим образом: только 14 процентов российских граждан полагали, что Сталин, предприняв депортацию чеченцев, был «неправ»; в то же время согласились бы с необходимостью применения не столь «жестких» мер против населения Чечни, сотрудничавшего с гитлеровцами, 36 процентов опрошенных.

Треть граждан (34 процента) полагали, что Сталин был совершенно прав в своих действиях, а еще 3 процента даже были убеждены в их «излишней мягкости». Причем в правоте Сталина были уверены четверть сторонников движения «Наш дом – Россия» и «Яблока», треть – «Отечество – вся Россия», половина КПРФ. Даже каждый пятый сочувствовавший Союзу правых сил поддерживал античеченские акции 1944 года.

Откат

Хроника неафишируемых половинчатых решений центральной власти выглядела следующим образом.

5 июля 1954 года. Совет Министров СССР принимает решение «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев». С учета снимались: а) дети спецпоселенцев, не достигшие 16-летнего возраста; б) дети спецпоселенцев старше 16 лет, обучающиеся в учебных заведениях. Имелись в виду школьники старших классов, поскольку путь в высшие и средние специальные учебные заведения детям спецпоселенцев был закрыт. Что касается дарованной детям свободы, то в Кремле наконец спохватились: родившиеся младенцы в местах спецпоселения автоматически зачислялись в арестанты, не совершив, естественно, никаких противоправных действий.

13 июля 1954 года. Президиум Верховного Совета СССР издает указ об отмене своего указа от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны». За самовольную отлучку теперь уже не давали 20 лет, как раньше.

10 марта 1955 года. Совет Министров СССР принимает решение «О выдаче спецпоселенцам паспортов». До этого паспортов им не выдавали – всем, всему народу.

23 марта 1955 года. Совет Министров СССР издает распоряжение «О призыве некоторых категорий спецпоселенцев на действительную службу». Начиная с 1955 года в соответствии с законом о всеобщей воинской обязанности чеченцев и ингушей разрешалось

призывать в армию. Раньше они не считались гражданами страны.

29 апреля 1955 года. МВД СССР издает приказ, по которому запрещалось применение ареста в качестве административного наказания к спецпоселенцам за нарушение режима, в том числе и за побег. Арест заменялся денежным штрафом в размере 100 рублей.

9 мая 1955 года. Президиум ЦК КПСС принимает постановление «О снятии ограничений по спецпоселению с членов КПСС и членов их семей». То есть, коммунистов помиловали. Не реабилитировали, а именно помиловали. В документе указывается: люди были выселены «в связи с обстоятельствами военного времени». А сейчас их пребывание на спецпоселении «не вызывается необходимостью».

16 июня 1956 года. Президиум Верховного Совета СССР принимает указ о снятии людей с учета спецпоселений. Однако условия освобождения удручающие: снятие с учета спецпоселений не влечет за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении. И самое страшное: снятые с учета спецпоселений не имеют права возвращаться в места, откуда выселились.

С освобождающихся брали соответствующую расписку-обязательство. Большинство отказывалось подписываться. Выдвигалось требование вернуть народы на родину, восстановить Чечено-Ингушскую АССР в прежних границах 1944 года. Тысячи людей писали обращения по этому поводу в ЦК КПСС, в Президиум Верховного Совета СССР, в другие центральные органы власти, в редакции газет и журналов.

Москва упрячилась долго. В недрах ее властных структур родилась и активно пропагандировалась идея создания Чечено-Ингушской автономии в южном Казахстане. Большинство членов Президиума ЦК КПСС

было против возвращения чеченского и ингушского народов в родные места. Вся мощь агитационно-массовых средств была направлена на то, чтобы население поддержало эту идею. В нужном русле обрабатывались бывшие партийные и советские работники, духовные авторитеты, интеллигенция.

По рассказам бывшего заместителя председателя Совета Министров ЧИАССР С.-А. Атиева, Президиум ЦК КПСС трижды рассматривал вопрос о восстановлении автономий Северного Кавказа. Документы подтверждают, что инициатором был Хрущев. Противниками возвращения выселенных народов выступала «старая гвардия» – Молотов, Маленков, Каганович. Но Хрущеву, хотя и с третьего захода, все же удалось провести решение.

9 января 1957 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР». Прежние запрещения чеченцам и ингушам возвращаться в родные места признавались утратившими силу.

Казалось бы, справедливость восторжествовала. Однако принятые полумеры проблему не решили.

Дело в том, что чеченский и ингушский народы менее всего склонны к переездам и разного рода перемещениям. На Кавказе сильны традиции почитания предков. Многими этнографами замечено, что чеченцы и ингуши неохотно покидают родные очаги, какими бы райскими условиями их ни заманивали. Уважающий себя чеченец или ингуш даже в соседнее село не согласится переехать. Дом, как правило, ставит на том месте, где стоял дом отца и деда. Новый участок ни за что осваивать не будет, потому что знает – у него есть свой наследник, хозяин, который в любой момент может вернуться. На чеченской земле нет ни одного пятачка земли, который раньше не принадлежал бы какой-то конкретной семье.

К сожалению, московские политики меньше всего считаются с традициями и обычаями Кавказа. За это кремлевских лидеров обвиняют в имперском мышлении. Столь же непродуманно принималось – уже другой, хрущевской командой – и решение о возвращении депортированных народов. Было это в 1957 году. Чеченцам и ингушам объявили: они могут возвращаться на родину. Они летели домой, словно на крыльях. Прилетели, и увидели, что в их уцелевших домах жили другие люди.

Сложные чувства охватили вернувшихся. С одной стороны, занявшие их жилища – тоже переселенцы. Им ведь сказали, что прежние хозяева выселены навсегда. Обустраивайтесь, налаживайте быт, растите детей. И вдруг хозяева на порог!

Простые люди вообще ни в чем не виноваты. Они маленькие винтики в гигантском государственном механизме. Разве виноват тот красноармеец, который взял сыр, лежавший перед четырехлетним чеченским ребенком? Это было в день выселения, ранним утром 23 февраля 1944 года, когда многодетная чеченская семья сидела за завтраком. Рассказывая эту запомнившуюся ему историю, один видный современный политик из Грозного произнес:

– Наверное, тот красноармеец был очень голоден, его не покормили...

И все же нетрудно представить, что ощущали законные хозяева, увидев у родных очагов чужих людей.

Возвращение чеченцев и ингушей не было подготовлено ни политически, ни экономически, ни юридически. Условия для проживания отсутствовали, работы нет. Часть нового населения, закрепившегося там, встретила приехавших довольно неприязненно. Последние отвечали им тем же. Простых людей опять

столкнули между собой. А все из-за того, что не был разработан механизм возвращения.

Споры вокруг домовладений возникали часто. Права на них предъявляли и старые, и новые хозяева. Выход из ситуации можно было найти. Однако власти пошли по пути навешивания ярлыков националистов и шовинистов, привлечения к уголовной ответственности, то есть вместо эффективного лечения болезни ее загоняли вглубь.

Тогдашние политики не учли, что рано или поздно боль и обиды этих людей дадут о себе знать. Обстановка осложнялась и тем, что такой же подход, не учитывающий особенностей национального характера чеченцев и ингушей, их традиций и обычаев, применялся не только на уровне решения проблемы отдельной личности, но и всей восстановленной республики. Имеется в виду прежде всего не проработанное, волюнтаристское решение территориального вопроса.

Увы, и центральная, и местная власти зачастую не в ладах с историей. Во всяком случае, не извлекают из нее уроков, не учатся на них. И, что особенно горько, не хотят считаться с ее законами.

Узел 4

НЕ БУДИ ЛИХО

А может, причины нынешней нестабильности на Северном Кавказе объясняются вовсе не исторической обидой за депортацию 1944 года? Может, все гораздо глубже? Может, дело в Кавказской войне, которая продолжалась много лет – всю первую половину XIX века?

О присоединении Кавказа к России писано-переписано. По новейшей трактовке, для Москвы это была одна из ее завоевательных войн, способствующих расширению империи. Для горцев это была защита национально-религиозной независимости, борьба за сохранение вековых исламских устоев.

Не этим ли объясняется та активность, с которой горцы всякий раз выступали против империи, когда она ослабевала? В начале XX века это произошло после крушения царского самодержавия в результате Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Для горцев наступил звездный час.

Жизнь русских в Чечне стала невыносима

В фонде наркома по делам национальностей И. В. Сталина обнаружено письмо, повествующее о событиях, сопровождавших образование на территории Северного Кавказа национально-территориальных единиц. Оно относится к 1921 году, когда в Горскую республику были включены 17 станиц и ряд хуторов с проживающим в них 65-тысячным казачьим и русским крестьянским населением.

«...Жизнь русского населения всех станиц, – говорится в документе, – кроме находящихся в Кабарде, стала невыносима и идет к поголовному разорению и выживанию из пределов Горской республики:

1) Полное экономическое разорение края несут постоянные и ежедневные грабежи и насилия над русским населением со стороны чеченцев, ингушей и даже осетин. Выезд на полевые работы даже за 2-3 версты от станиц сопряжен с опасностью лишиться лошадей с упряжью, фургонами и хозяйственным инвентарем, быть раздетым донага и ограбленным, а зачастую и убитым или угнанным в плен и обращенным в рабов. Выпас скота невозможен на предгорьях, где пустуют лучшие пастбища, и скот должен топтаться на выгоне близ станиц, отнимая от земледелия плодородную землю. Оросительные работы, увеличение площади обработанных и заселенных земель невозможно, ибо если и удалось бы посеять, то нельзя будет собрать и посевы будут потоптаны горскими табунами и скотом. Как пример: в станице Ассанской за 1920 год убито на полевых работах 10 человек, из них 2 женщины, ранено 4 человека и 1 женщина, пленено 5

чел. Угнано рогатого скота 378 штук, лошадей 130 шт., баранов 955. Увезено и потравлено посевов на 180 десятинах, захвачено самовольно чеченцами земли и обработано ими 2340 дес., осталось необработанной земли из-за опасности работы 6820 дес. Кроме этого отняты фургоны, сбруя, одежда, разбиты улья и т. п.

Можно собрать и подсчитать данные о грабежах по всем станицам, и картина будет еще более мрачная, но уже из этого примера ясно, что нельзя жить мирной трудовой жизнью и вести правильное хозяйство при таких условиях. В текущем году пропадает не менее 1/3 посевной площади, в дальнейшем она еще больше сократится, ибо уже начинаются выселения на Кубань и в другие места.

2) Причиной такого положения служит якобы национальная и религиозная вражда горцев к русским и малоземелье, заставляющее вытеснять русское население, но обе эти причины не являются основными. При старом правительстве были примеры мирного сожительства и совместной работы русских и горцев, нет такой непримиримости, которую нельзя преодолеть при Советском строе, как вредный пережиток. Дело также не в малоземелье, это явствует из того, что до сих пор, начиная с 1918 г., разорено чеченцами и ингушами, выселено при Советской власти 11 станиц, имевших в общем 6661 двор с надворными постройками, обсаженными усадьбами, разным инвентарем, садами и посевами на полях. Вселилось же чеченцев и ингушей за все время 750 хозяйств, а именно:

- 1) Ильинская, 151 двор, а вселилось - 0
- 2) Аки-Юртовская, 180, вселилось - 0
- 3) Фельдмаршалская 258, вселилось - 0
- 4) Тарская с хутором, 537 дворов, вселилось - 160
- 5) Самашкинская, 651, вселилось - 160
- 6) Накан-Юртовская, 697, вселилось - 120

- 7) Михайловская, 706, вселилось - 80
- 8) Ермоловская, 768, вселилось - 0
- 9) Сунженская, 890, вселилось - 160
- 10) Калиновская, 1382, вселилось - 0
- Итого 6661-750

Даже такое ничтожное вселение нельзя считать прочным, ибо хозяйство не поддерживается и не разводится, а наоборот, разрушаются здания; инвентарь, рамы, стекла и проч. увозятся в аулы, портятся фруктовые деревья. Сельскохозяйственный инвентарь разбросан, изломан, ржавеет и гниет. В одной только станице Михайловской на площади против исполкома кладбище развалин локобилей, сеялок и прочих машин. Земля не распахана и не обрабатывается, и даже те посевы, которые остались от выселенных казаков, не использованы, частью собраны кое-как, частью потравлены скотом, а частью остаются в полях для птиц. При малоземелье и нужде в ней для производства хлеба таких явлений не может быть.

3) Русское население обезоружено и к физическому отпору и самосохранению бессильно. Аулы, наоборот, переполнены оружием, каждый житель, даже подростки лет 12-13 вооружены с ног до головы, имея и револьверы, и винтовки...

Таким образом получается, что в Советской России две части населения поставлены в разные условия в ущерб одна другой, что явно несправедливо для общих интересов.

4) Местные власти вплоть до окружных национальных исполкомов в ГорЦИК, зная все это ненормальное положение, не принимают никаких мер против этого. Наоборот, такое положение усугубляется еще открытой пропагандой поголовного выселения русских из пределов Горской республики, как это неоднократно звучало на съездах, например, Учредительном Гор. республики, чеченском и др. Это

печатаются в газетах, таких, как «Горская правда», «Трудовая Чечня». Таким образом, практика жизни подкрепляется принципиальным бездействием власти, уверенностью в безнаказанности и официальным признанием неравенства разных групп населения. Станицы, причисленные к национальным округам, находятся в состоянии завоеванных и поработанных местностей и совершенно непропорционально с горским населением обременены повинностями – продовольственной, подворной и прочими.

Всякие обращения и жалобы русских властей Сунженского округа, кипы протоколов об убийствах и ограблениях остаются без последствий, как будто их и не бывало.

5) Отношение местной власти и даже ГорЦИК к постановлениям высшей власти – ВЦИК недопустимое, ибо постановления остаются на бумаге, на деле же царит описанный выше произвол.

Ввиду всего выше изложенного ходатайствуем:

1) Объединить все русское население 15 станиц по их желанию в одном Сунженском округе, причем указанные выше 7 станиц, не входящих ныне в организацию, могут быть объединены в районный исполком, подчиненный окружному. Ввиду наличности железных дорог и близости путей сообщения такая конструкция не вызовет никаких неудобств в управлении и проведении экономических мероприятий.

2) Разрешить заселение пустующих выселенных станиц как возвращающимися выселенцами, так особенно нахлынувшими с Волги беженцами – немцами из волжских колоний и крестьянами из Самарских, Саратовских и Симбирских сел с причислением их к Сунженскому окружному исполкому. Эти беженцы с семьями, оставаясь без труда, ложатся тяжелым бременем на общество и способствуют развитию бандитизма, тогда как, поселенные на пустующих

землях и в разрушающихся зданиях, они создадут и восстановят культурные ценности, а также послужат примером и для туземцев, желающих жить вместе с русскими. Сунженский окружной исполком оказал бы всю возможную помощь всем поселенцам, чтобы ими мог быть произведен полный засев полей.

3)...разъяснить правительству автономной ГССР, что Советский строй может укрепляться только на дружном и мирном сожитии народов и никоим образом не совместим с национальным насилием.

4) Для избежания в будущем трения между отдельными национальными группами населения на почве административной организации, не соответствующей экономическим задачам края, провести организацию этой части республики на экономической основе, создав из Грозненского промыслового и Сунженского земледельческого округов единый промышленный район, как самостоятельный административный округ или губернию. Таким образом были бы обеспечены интересы промысловых и железнодорожных рабочих в отношении продовольственном, а с другой стороны, культурное и экономическое развитие Сунженской долины вдоль всей линии Владикавказской железной дороги имело бы прочную поддержку и связь с крепкой рабочей организацией, обеспечивая для государства транзитный железнодорожный коридор Баку - Ростов».

Первое разоружение

Увы, мечтам горцев о независимости не суждено было сбыться. Центральная власть в Москве набирала силу и, судя по ее реакции на сепаратистские настроения на Северном Кавказе, не желала с ними мириться. Кремль дал твердо понять, что не потерпит перехода кавказских народов под протекторат сопредельных государств.

В 1925 году в Чечне произошли события, о которых не вспомнили ни разу даже в годы горбачевской гласности. И не могли вспомнить, потому что тогда осуждению подвергалась вся сталинская политика в целом и депортация кавказских народов в годы Великой Отечественной войны в частности. А хранившиеся в закрытых архивах документы не вписывались в общую обличительную волну сталинских преступлений.

И вот эти документы наконец рассекречены.

И. С. УНШЛИХТ – ЦК РКП(б)

Сов. секретно

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков).

7 июля 1925 года.

№ 014783/сс

27-го августа по 10-ое сентября в районе Горной Чечни войсками Северо-Кавказского военного округа предположено произвести разоружение населения названной автономной республики и изъятие бандитского населения, которым будут предшествовать маневры соответствующих частей.

Для участия в разоружении привлекаются следующие части:

28 стр. див. в составе: 2.288 чел., 36 ор., 480 л.;
13 стр. див. в составе: 1.900 чел., 36 ор., 410 л;
5 кав. див. в составе: 2.225 чел., 12 ор., 2270 л;
и специальные части общей численностью 884 чел.,
2 ор., 498 л.

С особенностями района - его удаленностью, бедностью, трудностью работы войск - связываются значительные расходы:

по перевозке войск 54.277 р. 36 к.
на замену натурального довольствия денежным 21.300 р. - к.
на оплату подвод взамен недостающего обоза 20.237 р. - к.
на оплату суточных 13.072 р. - к.
на потравы посевов 1.500 р. - к.
на погрузочно-разгрузочные работы 500 р. - к.
всего 111.108 р. 36 к.

Ни по смете на маневры текущего года, ни какими-либо другими средствами на проведение таких больших маневров и операции военное ведомство не располагает, поэтому полностью взять на себя, за счет средств, ассигнованных на маневры текущего года, могло бы только половину указанной суммы.

Давая утверждение на проведение указанных маневров и операции по разоружению, прошу половину указанных расходов в размере 55.545 р. 18 к. отнести на специальные ассигнования или за счет других средств.

О последующем не откажите уведомить в возможно короткий срок.

Заместитель председателя РВС СССР Уншлихт.

Подсчет средств был произведен неточно. Кто-то из дотошных работников ЦК пересчитал приведенные цифры и обнаружил, что смета завышена. Может быть, это был сам Иван Павлович Товстуха – заведующий бюро Секретариата ЦК РКП(б) и одновременно помощник Генерального секретаря ЦК Сталина. Рядом от руки указана правильная сумма – 110.886 р. 36 к. В том, что это мог сделать он, свидетельствует его помета: «Получено 10.VII – 20 ч. Товстуха».

Дело не в этой мелкой неточности. Дело в серьезности вопроса. Одним из первых, кто вовремя понял грозившую опасность, был первый секретарь Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А. И. Микоян. Он откликнулся тревожной шифровкой в Центр, адресованной секретарю ЦК РКП(б) по оргвопросам В. М. Молотову, наркому по военным и морским делам СССР М. В. Фрунзе и председателю ОГПУ Ф. Э. Дзержинскому.

А. И. МИКОЯН – ЦК РКП(б)

Строго секретно

Снятие копий воспрещается.

Шифровка.

Из Ростова/Д. отправлена 23. VII. 7-45 1925 г.
Поступила в Шифрбюро ЦК РКП на расшифрование 23.
VII. 1925 г. ч. 9 м. 30

Вх. № 1709 Ш

МОСКВА ЦК РКП т. МОЛОТОВУ, копии т. т. ФРУНЗЕ,
ДЗЕРЖИНСКОМУ.

Политическое положение в Чечне обострилось, недавно завершившись нападением и убийством 2-х красноармейцев. Во всестороннем обсуждении вопроса для прочного закрепления советской власти, крайком в полном единодушии с командованием и ПП ОГПУ решил произвести операцию по разоружению Чечни и изъятию

бандитского элемента. Предполагаем сочетать предстоящие маневры войск округа с операцией в Чечне. Сталин дал личное согласие на необходимость операции. Ставя в известность об этом ЦК, просим соответствующего распоряжения по линии армии и ОГПУ. Для согласования плана прошу немедленно вызвать в Москву Уборевича по военной линии, Евдокимова по линии ОГПУ. Срочность операции вызывается необходимостью закончить ее до демобилизации, начав не позже 25 августа. № 60 Ш.

Микоян.

На документе пометы: «Это действительно надо сделать. Безобразий очень много. Надо, все-таки, решение провести через Политбюро. Предлагаю сделать это сегодня же. М. Фрунзе»; «т. Ягода всецело поддерживает. Товстуха».

Помощник Сталина направляет записку Уншлихта о Чечне начальнику Главного управления по снабжению Красной Армии, члену Совета Труда и Оборона СССР Н. П. Брюханову.

И. П. ТОВСТУХА – Н. П. БРЮХАНОВУ

Строго секретно

Тов. БРЮХАНОВУ – ЛИЧНО.

11 августа 1925 года

№ 7735С

Посылаю на Ваше **срочное заключение** записку тов. Уншлихта о Чечне. Материал прошу вернуть вместе с Вашим заключением.

Зав. бюро секретариата ЦК Товстуха.

Брюханов начертал резолюцию: «Срочно т. Кадацкому для исполнения. 11/8»; «**Секрет. т. Птоеву:** 1. Нужно 111 т[ысяч]? 2. Поскольку Военвед сам просит

исполь[зовать] экономию, указать ему это назначение. Сообщить в ЦК за подп[исью] т. Брюх[анова]. С. Кадацкий 11.VIII».

5 сентября на бланке Народного комиссариата по военным и морским делам СССР и Реввоенсовета СССР в Политбюро ЦК РКП(б) уходит очередной документ за подписью И. С. Уншлихта.

И. С. УНШЛИХТ - ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б)

Экз. № 1

Лично

С. секретно

т. Молотову

5 сентября 1925 года

№ 148 сс

Проводимая согласно Постановления Политбюро операция по разоружению Чеченской Автономной области и изъятию главарей контрреволюции и бандитизма ведется войсками СКВО и органами ОГПУ. Сосредоточение войск на территории области было произведено под видом участия в предстоящих маневрах. Сущность операции заключается в том, что войска, сосредоточившись на северной, восточной и западной границах Чечни, одновременным движением в центр области, проводят разоружение населения и изъятие бандитских элементов. Южная граница области закрыта особыми заградительными отрядами из состава ККА (Кавказская Краснознаменная армия. - *Н. 3.*). Войска, участвующие в операции, разделены на 4 группы и 2 отряда. Общая численность полевых войск СКВО, принимающих участие в операции: бойцов пехоты - 4.840, кавалерии - 2.017, пулеметов станковых - 130, легких пул. - 102, орудий горных - 14, орудий легких - 8. Кроме того, отряды ОГПУ 341 чел., 8 самолетов и заградотряды на территории ККА (от

полевых войск и НКВД – всего 307 чел., 10 пулем.). Вся Чеченская область разделена на 6 районов, приуроченных к определенным бандитским и контрреволюционным главарям и группировкам. Операция была предварительно основательно подготовлена по линии ОГПУ. Операция началась 23 августа, самое же разоружение 26 августа. Первоначально было предположено охватить лишь нагорную часть области, но в данный момент она распространена и на плоскостную часть, так как по последним сведениям и там имеется много оружия и бандитских элементов. По последней имеющейся в Штабе РККА оперсводке от 31.VIII войска достигли указанных на схеме районов.

Пока захвачено около 2 1/2 тысяч винтовок, но сведения эти далеко не полные, так как по условиям трудности связи сведения от оперирующих частей поступают с большим опозданием. В ряде аулов население пыталось оказать войскам вооруженное сопротивление. Был ряд случаев применения войсками артиллерийского огня (аулы Кереты, Мереджой-Берем, Бечик, Дай) и бомбометания с аэропланов (Зумсой, Дай) ввиду упорного сопротивления населения. Наиболее активным в отношении бандитизма является III район. В некоторых местах население добровольно выдает оружие и в качестве добровольцев даже помогает войскам в проведении операции, что дало возможность сформировать в Шатойском округе чеченский конный отряд как для содействия войскам, так и для того, чтобы по уходе войск использовать его как опору для аппарата местной Соввласти. Одновременно с операцией войсками проводится политработа, производится чистка соваппарата от бандитских элементов и организуются Ревкомы из представителей населения, сочувствующих Соввласти. В последнем

отношении войска работают в контакте с Чеч. ЦИКом и местными парторганизациями.

Военное Командование СКВО считает, что операция даже и в настоящей стадии ее развития дала определенно положительные результаты. В настроении населения отмечается перелом в сторону лояльности по отношению к Соввласти. Случаи добровольной сдачи населением оружия, встречи войск хлебом-солью и активного содействия им по мере развития операции отмечаются все чаще. Местное командование ожидает, что в конечном итоге операция приведет к полному перелому настроений населения Чеченской области и к ликвидации главных бандитских группировок.

Учитывая прежний опыт борьбы с бандитизмом в других районах (Туркфронт, Украина), Реввоенсовет СССР полагает, что военный нажим в Чеченской области может дать прочный результат лишь в том случае, если он будет сопровождаться мероприятиями политико-экономического характера - советизация края, усиление советского и партийного аппарата надежными работниками и, наконец, экономическая помощь населению. Без проведения системы указанных мероприятий воен. операция будет лишь паллиативом и даст только временное успокоение.

Зам. Наркомвоенмора и Пред. РВС СССР Уншлихт.

На первой странице документа резолюция: «~~Товстухе. Запросить Севкрайком:~~ общую оценку теперешнего положения (как идет военная операция?); б) по существу замечаний о советизации, экон[омической] и политр[ической] помощи и т.п., о чем говорится в конце этого письма; в) разослать к свед[ению] членов ПБ наст[оящую] записку и карту. В. Молотов. 8.1X». В конце документа помета: «Отпечатано в 2 экз. Экз. № 1 - адресату, № 2 - в деле Секретариата РВС СССР».

Еще одна записка И. С. Уншлихта на бланке заместителя председателя Реввоенсовета СССР и заместителя народного комиссара по военным делам.

И. С. УНШЛИХТ – В. М. МОЛОТОВУ
8 сентября 1925 г. **Сов. секретно**
№ 00304 сс **Лично**

Прилагаю дополнительные сведения о ходе ликвидации бандитизма в Чечне и затребованных 20 экз. карт с нанесением района ликвидации.

Заместитель председателя Реввоенсовета СССР Уншлихт.

В тот же день Политбюро получает из Наркомвоена новый документ.

И. С. УНШЛИХТ – ПОЛИТБЮРО ЦК РКПБ (б)
8 сентября 1925 г.

7 сентября получено сообщение от Комвойск СКВО о поимке особо важных главарей бандитизма в Чечне Гоцинского, Ансалтинского и Атабби Шамилева. Одновременно с этим Штаб СКВО сообщает, что изъято 10.000 винтовок, около 800 револьверов и что примерно к 12-му сентября намечено окончание всей операции.

Поимка таких бандитов как Гоцинского, Ансалтинского и Атабби Шамилева несомненно является переломным моментом во всей операции. Обстановка предшествующая этому событию рисуется в следующем виде: Гоцинский находился в Шароевском округе, который по боевому разграничению входил в 4-й боевой район. В этом районе действовала 1-я группа наших войск под командованием Комдива 5-й кав. [дивизии] тов. Апанасенко в составе 3-й бригады

кавдивизии, 38 стр. полка 13 стр. дивизии, 82 и 84 стр. полка 28 стр. дивизии. Всего в группе было 480 кавалеристов и 1.922 стрелка при 39 станковых пулеметах и 6 горных орудиях.

Район является основной базой Гоцинского и очагом налетов в сторону Грузии. В нем укрывались как Гоцинский, так и Атабби Шамилев. Кроме того там имеются и другие видные бандиты. Район по характеру местности трудно доступен особенно в южной своей части; он наиболее заселен. Тут насчитывается до 23 тысяч чел. жителей при 100 сильно разбросанных населенных пунктах.

Отряд Апанасенко при своем продвижении из района Грозный встречал весьма различные отношения со стороны местного населения. С одной стороны, все способные носить оружие уходили в горы, оставляя в селении только стариков, женщин и детей. С другой стороны, были случаи встречи хлебом-солью, а в некоторых аулах отряд встречал глухое сопротивление, препятствующее операции по разоружению, почему приходилось прибегать к артиллерийскому обстрелу и к бомбометанию с самолетов. Наибольшее упорство было проявлено Зумсоевским Обществом. Добившись известного перелома боевыми действиями, Командование округа предъявило требование о сдаче Гоцинского в определенный срок, при этом были взяты заложники из числа почетных стариков. Такое требование о сдаче Гоцинского в определенный срок не было удовлетворено, почему пришлось прибегнуть к усиленным репрессиям - обстрелу артиллерийским огнем и бомбометанию с воздуха (за два дня брошено 22 пуда бомб). Только после всего этого Гоцинский 5/IX был выдан.

Вторая группа под начальством комдива 28 тов. Козицкого в составе бригады 5-й кавдивизии (без одного эскадрона), 83 стр. полка 28 стр. див.

(кавалеристов 500, стрелков 816, тяжелых пул. 34, горных орудий 2) проводила операцию в 5-м боевом участке, где во главе всего бандитизма стоял шейх Ансалтинский, скрывавшийся в районе аула Дай, сподвижником которого был бандит Каим Ходжи. Бандитизм из этого района распространялся также и в сторону Дагестана. Район этот по населению несколько меньше предыдущего - тут только 15.000 жителей. Вторая группа во время проведения операции наибольшее сопротивление встретила в районе Дай. Тут почти во всех случаях пришлось применять артиллерийский огонь, а в самом ауле Дай пришлось бросать бомбы, причем известно, что как от обстрела, так и от бомбометания в ауле были жертвы.

31-го августа тов. Уборевич доносил о большом переломе в районе селения Дай и рассчитывал, что к 1-му сентября шейх Ансалтинский будет выдан нам, и на самом деле Ансалтинский 2-го сентября сдался сам.

В наиболее трудных условиях по разоружению, судя по сводкам, находится 3-й район, в котором действует Владикавказский отряд под начальством тов. Буриченко в составе Национальной кавалерийской школы, Владикавк. пехотной школы, Владикавказского дивизиона ОГПУ и кавэскадрона 28-й дивизии (бойцов кавалерии 308, стрелков 150, станковых пул. 12, горных орудий 2).

Район этот характеризуется полным отсутствием Советской власти, служит базой налетов в сторону Грузии, а также базой Гоцинского и Шипшева, по характеру местности трудно доступен и представляет большие затруднения для войск. Численность населения около 8 1/2 тысяч чел., при 59 населенных пунктах. Колоннам войск этого отряда пришлось действовать в чрезвычайно трудных условиях. Почти всюду красноармейские части встречали сопротивление жителей: при разоружении аула Н. Кий часть,

производившая разоружение, была обстреляна с окрестных гор, в районе Кереты был окружен наш отряд, который был выручен подоспевшим взводом кавалерии. Начальнику окруженного отряда с красноармейцами пришлось отстреливаться и силой пробиваться на присоединение к своим. При разоружении везде приходилось прибегать к огню, вследствие трудных местных условий от орудий пришлось отказаться. И здесь пришлось применять бомбометание с самолетов. Отряду при его действии оказывала поддержку группа, действующая в первом районе. Этому отряду также помогал тов. Апанасенко. В результате совместных действий южная часть этого района может считаться разоруженной, в остальной части операция продолжается. Бандит Шипшев, опирающийся на 3-й и 1-й районы, еще до сих пор не изъят.

Первый район, где действует наша 4-я группа войск под командой Комполка 66 тов. Король, в составе стр. полка (66-й), всего стрелков 807, 11 тяж. пул. и 2 полевых орудия, является базой налетного чеченского бандитизма в сторону р.р. Терека и Сунжа, также базой бандита Шипшева. По характеру район делится на северную и южную части. Северная более доступна для действия войск, южная носит более суровый характер. Число жителей около 15.000 чел., населенных пунктов не много.

Тут операции начались с разоружения аулов Ачхой Мартан, Шалажи и Мереджой Берем. Операции по разоружению Ачхой Мартан и Мереджой Берем проходили при огневом нажиме как пулеметном, так и артиллерийском. Разоружение тут в неравных чертах закончено.

Группа тов. Шуванова (Врид. комдив 13 стр.) в составе двух полков 13-й стр. дивизии, одного эскадрона 5-й кав. дивизии и легкой батареи (пехота

1.145, кавалерии 65, тяж. пул. 17, горных орудий 4, полевых 6) в начале имела свою задачу разоружить район между р. Аксай и границей Северного Дагестана, позднее задача была расширена на запад и на юг.

Район характеризуется наличием реакционных групп мусульманского духовенства, а в части, прилегающей к Дагестану, присутствием местной власти бывшего Наиба Гоцинского (Гибертиева). Одновременно здесь находится база чеченского национального бандитизма. Группе удалось разоружить район восточнее реки Аксая, причем здесь зафиксированы случаи применения артиллерийского огня в качестве нажима. Ныне группа производит разоружение всего района между р. Аксай и Хулкулая, а также района Ведено. Тут лишь в одном только селении Гур-далы изъято 3.050 винтовок. В каких условиях проходит операция - сведений не имеем. По-видимому, условия ведения операции остаются прежними, частично приходится прибегать к огневому нажиму. Задача этой группы еще не закончена.

Район носит бандитский характер, базирующийся на кулацкую группу и местное духовенство. По характеру местности район надо считать более доступным для действия войск (прорезано шоссе Грозный - Шатой). Численность населения доходит до 16.000 чел. Операция по разоружению тут только что началась. Работа начата в северо-западной части, а также в районе Шатоевском. В каких условиях протекает операция, еще ясности нет.

Таким образом, вся операция по разоружению сейчас имеет ярко обозначившийся успех. Важнейшие главари изъяты за исключением Шипшева. Число захваченных, с момента начала операции, винтовок теперь уже переваливает за 11.000, при недостаточно еще выясненном количестве револьверов (примерно около 1.000).

Оценивая результаты операции, можно определенно сказать, что энергичный военный нажим привел к определенным благоприятным результатам. Помимо изъятия трех виднейших главарей и целого ряда бандитов и захвата значительного количества оружия, сопротивление населения сломлено. Как указывалось раньше, во многих случаях, где власть отсутствовала, организируются ревкомы, работает местный партийный аппарат, делаются первые шаги, чтобы наладить работу среди населения.

Однако благоприятные результаты военного нажима могут свестись на нет, если вслед за ним не будет развернута широкая работа по советизации области, поднятию ее экономического состояния и культурного уровня. Как показал опыт борьбы с басмачеством в Туркестане, борьбы с бандитизмом на Украине, в Тамбовской губ. и прочих местах, военный нажим только в тех случаях давал полное успокоение тех или иных районов, бывших до тех пор очагами контрреволюции и бандитизма, когда он сопровождался указанными выше мероприятиями.

Заместитель председателя
Революционного Военного Совета СССР Уншлихт.

Данный документ и записку И. С. Уншлихта от 5 сентября 1925 г. Товстуха разослал членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК РКП(б), членам Президиума ЦКК РКП(б), членам Оргбюро ЦК РКП(б). Среди адресатов, кроме сталинцев Дзержинского, Калинина, Молотова, Куйбышева и Фрунзе – сторонники либеральной линии в партии: Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рудзутак, Рыков, Сокольников, Томский, Троцкий, Бубнов, Цюрупа, Чичерин.

Через четыре дня Уншлихт снова докладывает в ЦК о ходе войсковой операции в Чечне. Она проходит успешно, надо бы аналогичную «зачистку» провести в Ингушетии и Дагестане, но...

И. С. УНШЛИХТ - ПОЛИТБЮРО

С. секретно

тов. Молотову

12 сентября 1925 г .

№ 014596

Последнее донесение Командования СКВО указывает на успешный ход операции по разоружению Чечни. К 9-му сентября число сданных винтовок достигает 21.000 и револьверов до 3.000, большинство Нагана, и в ближайшее время предполагается окончание означенной операции.

Однако, основываясь на мнении местных работников, *что без разоружения прилегающих к Чечне районов Ингушетии и Дагестана, Чечня может быть снова наводнена оружием и что там может вновь развиваться бандитизм, ОГПУ считает необходимым произвести также разоружение Ингушетии и Дагестана.*

Реввоенсовет СССР, признавая разоружение районов Ингушетии и Дагестана необходимым, в то же время *не находит возможным произвести таковое разоружение при помощи войсковых частей по следующим причинам:*

1. В настоящее время уже начинается демобилизация контингента 1902 г., для чего части должны вернуться к местам своих постоянных стоянок. После же увольнения 1902 г. войсковые части будут в значительной мере ослаблены и выделить достаточные силы для широкой операции будут не в состоянии.

2. Для производства разоружения прилегающих к Чечне районов Ингушетии и Дагестана потребуется количество войск значительно большее, чем

участвовало при разоружении Чечни (более широкий район и более труднодоступная местность). Выделить же для этой операции достаточное количество войск не представится возможным в связи с указанной выше демобилизацией контингента 1902 г.

3. По характеру местности Ингушетия и западная часть Дагестана для действия войск представит еще большие затруднения, чем Чечня, что в связи с наступающей осенью затянет разоружение этих районов на продолжительное время. Недостаточное же количество войск, могущее быть выделенным округом, еще более удлинит продолжительность этой операции.

Помимо всего этого ведение длительной операции в Чечне и Дагестане потребует значительных ~~денежных средств, которых у Военведа нет,~~ и следовательно об отпуске таковых придется ходатайствовать перед Правительством.

Ввиду изложенного ~~Реввоенсовет СССР полагает наиболее целесообразным от широкой операции отказаться и возложить разоружение Ингушетии и Дагестана на местные власти соответствующих районов при содействии войск ОГПУ и милиции, но без участия полевых войск.~~

Заместитель Председателя
Революционного Военного
Совета СССР Уншлихт.

Молотов читал внимательно. Об этом свидетельствуют его подчеркивания карандашом. Некоторые фразы, например, «ОГПУ считает необходимым произвести также разоружение Ингушетии и Дагестана» подчеркнуты тремя линиями.

А вот еще один документ - шифрограмма полномочного представителя ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Г. Е. Евдокимова из Грозного в

Москву. Копии – в Баталпашинск Микояну и в Пятигорск отдохавшему там Дзержинскому.

В написании некоторых фамилий – разночтения. Наверное, трудны для русского уха. Да и шифровальная техника в первой четверти века была далека от совершенства. Но на то и документ, чтобы доносить через десятилетия особенности стилистики того времени.

Г. Е. ЕВДОКИМОВ – ОГПУ при СОВНАРКОМЕ СССР
10 сентября 1925 года Копия
Шифровка

ТЕЛЕГРАММА ИЗ ГРОЗНОГО МОСКВА ОГПУ

**РОСТОВ ДОН ППОГПУ ПЯТИГОРСК КОПИЯ
БАТАЛПАШИНСК ГОГПУ**

Операция по ЧЕЧНЕ подходит к концу; изъяты все активные руководители антисоветских, бандитских движений в ЧЕЧНЕ - ГОЦИНСКИЙ, АТАБИ-ШАМИЛЕВЫМ, АНСАЛТИНСКИМ, ГЕБЕРТИЕВЫМ, ЭСТЕМИРОВЫМ, БЕЛО-ХАДЖИ и другие во главе. Остается не изъятым только один кабардинец ТЕМИРХАН-ШИПШЕВ. В последнее время изъято винтовок 20 тысяч, револьверов до 3-х тысяч, патронов до 50 тысяч. Имеющиеся в нашем распоряжение данными антисоветское, бандитское положение горной и предгорной ЧЕЧНЕ поддерживается, этому стремились руководител. состав ЧЕЧЦИКа следующие лица: 1. ГАСУМОВА БАСУРГАЙПОВИЧ член Президиума ЧЕЧЦИКа, ярый национал-патриотист, противник всего коммунистического вместе со своим отцом ШЕЙХОМ СУГАПОМ, ведущим все время антикоммунистическую агитацию и создающий ценный авторитет подобно АЛИМИТАХОРУВУ. Период операции вместе отцом велась агитация не сдачу прикрытия оружия, последнее время выслал ходатайством освобождения видного авторитетов из арестованных; независимо политической стороны дела имеет и уголовное преступление. 2. ШЕРИПОВ ДАНИЛЬБЕК член ЧЕЧЦИКа и председатель Облсуда. Использует свое служебное положение корыстных целях, имея уголовное

преступление. Вместе своим братом ЗАУРБЕКОВ ШЕРИПОВЫМ принимал участие за вознаграждение ходатайства об освобождении АЛИМИТАВА; ведется борьба коммунистическим влияниям, делая ставку на влияние духовенством. Свидетеля ТАЯСКИЙ показанием установлено сообщенные сведения списки правительства ГОЦИНСКОГО юрисконсульту которому отводилась роль министра юстиции последнего он зондировал согласие. Период операции 9 сентября убедительно просил ТРАМОВА случае допроса не выдавать его, заявив, что он постарался сделать так, чтобы список не попал в ОГПУ. Также имеются данные связи поддержки АТАБИ ШАМИЛЕВА. № 172ш. от 10 сентября 1925 г.

Продолжение №172ш.

3. ~~ШЕРИПОВ Заурбек ЗАМПРЕД ЧЕЧЦИКа и член ЦИКа СССР~~, который 8 сентября вызвав себе кабинет юрисконсульта ТРАМОВА просил последнего случае его допроса не выдавать его брата Данильбека, что он ему сообщил списка правительства ГОЦИНСКОГО. Также имеют свидетельские показания, указывающий поддержку, предупреждение АТАБИ ШАМИЛЕВА вообще, частности скором приходе Зумсой войск, совету Атаби скрыться. Оба брата ШЕРИПОВЫ и ГАЙСУМОВ - являются руководителями политики ЧЕЧЦИКа, которые своими действиями низводили на нет все мероприятия области укрепления советского влияния, параллельно создавая базу своего влияния даже через закрепление бандитского состояния части округов, парализуя изъятием ГОЦИНСКОГО, АТАБИ ШАМИЛЕВА и ГИБЕРТИЕВА. 4. ~~ХАМЗАТОВ~~ - МАХМУТ заведующий Земоделом член Президиума ЧЕЧЦИКа, который по показаниям предупреждал АТАБИ-~~ШАМИЛЕВА~~ скором прибытии войск Зумсой, советуя ему скрыться. Обстановка требует ~~немедленном аресте первую очередь ГАЙСУМОВА~~ повторяю ГАЙСУМОВА и

Данильбека ШЕРИПОВА повторяю ШЕРИПОВА как ~~Зампред ЧЕЧЦИКа и члена ЦИКа СССР последнего воздерживаться до получения вашей санкции и директивы~~, так как рядом этим встает вопрос формирование областной власти Чечне состав о чем донесется дополнительно. ~~Вопрос согласован командованием.~~ Сообщаю Ростов Кауль для доклада Крайкому и Крайисполкому Баталпашинск для Микояна и Пятигорск для Дзержинского. НР 173ш 10 сентября 1925 года ПП ОГПУ Евдокимов.

Вопрос, поднятый Евдокимовым, настолько сложный, что Генрих Ягода, оставшийся в отсутствие Дзержинского на лубянском хозяйстве, переправляет шифровку чекиста из Грозного Молотову.

Г. Г. ЯГОДА - В. М. МОЛОТОВУ

В ЦК РКП(б) **С. секретно.**

Лично.

тов. МОЛОТОВУ

11. IX-1925 г.

№ 96023с

Препровождая при сем копию шифртелеграммы ПП ОГПУ СКК за № 172-173ш, в коей испрашивается санкция на арест членов ЦИК ШЕРИПОВА, ГАЙСУМОВА и др., сообщаю, что мною одновременно с сим запрошено наше ПП о том, какое вынесено постановление Крайкомом по сему вопросу.

ПРИЛОЖЕНИЕ: вышеупомянутое.

ЗАМПРЕДОГПУ ЯГОДА.

И еще один документ об окончании операции в Чечне.

И. С. УНШЛИХТ - ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б)

С. секретно

В ПОЛИТИЧЕСКОЕ БЮРО Ц.К. Р.К.П.(б.)
тов. МОЛОТОВУ.

17 сентября 1925 г.
№ 00339

Телеграммой от 11 сентября с/г. Комвойск СКВО доносит, что операция ~~по разоружению Чечни~~ закончена, и войсковые части в настоящее время перевозятся в пункты их постоянного расквартирования.

Одновременно Комвойск СКВО докладывает, что вопрос о разоружении Ингушетии нашел свое разрешение на месте. Разоружение предполагено произвести от имени Исполкома через Советский аппарат на местах при содействии частей Красной Армии, для каковой цели направляется в Ингушетию 1 кав. бригада и 1 стр. полк из числа участвовавших в разоружении Чечни.

Докладывая вышеизложенное, Реввоенсовет считает нужным указать, что операция в Чечне, несомненно, прошла вполне благополучно и дала достаточно полный результат.

Причины такого благоприятного окончания операции надо искать в той внезапности, с какой была проведена операция. Местное население, несомненно, в лице ненадежных элементов, не успело даже принять какие-либо контрмеры против разоружения. А военный нажим окончательно убедил всех в твердости проводимого решения.

Теперь эта обстановка внезапности в Ингушетии создана быть не может. Надлежит иметь в виду, что, несомненно, неблагонадежные элементы находятся настороже, почему рассчитывать на полный эффект

операции в Ингушетии сейчас, после только что проведенной операции в Чечне, не следует.

Что же касается разоружения Дагестана, то Реввоенсовет СССР, в силу соображений, изложенных в сношении от 12. IX с. г. за № 014596, а также считаясь с тем, что войска, участвовавшие в разоружении Чечни, уже отправлены к местам своих стоянок, считает привлечение полевых войск для проведения этой операции безусловно нежелательным и остается при прежнем своем мнении, а именно, - возложить разоружение Дагестана на местные власти при содействии войск ОГПУ и милиции.

Заместитель Председателя Революционного
Военного Совета СССР Уншлихт.

ИЗ ОТЧЕТА ШТАБА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО

ОКРУГА ОБ ОПЕРАЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ ЧЕЧНИ

ОТ 19 СЕНТЯБРЯ 1925 ГОДА

Операция была построена на стремительном разоружении крупными силами наиболее бандитски настроенных районов с применением максимума репрессий, дабы сразу заставить население выдать скрывающихся там главарей. В дальнейшем при удачном исходе планировалось более мелкое дробление сил с целью охвата всей Чечни...

Операция на равнине началась 25 августа, когда группа Короля окружила аул Ачхой. Жителям было предложено сдать в двухчасовой срок все имеющееся оружие. Так как в указанное время сдача не началась, по аулу было выпущено 15 шрапнелей, из них 10 на поражение. После того как были ранены две чеченки, жители начали сдавать оружие. Одновременно оперативная группа ОГПУ начала обыски. В результате было изъято 228 винтовок и 32 револьвера, после чего полк стал на бивак в 2 верстах севернее аула. Ночью полк был обстрелян. Стрельба прекратилась после открытия ответного пулеметного огня. Совершенно аналогично разоружение шло и в последующие дни. Разница была лишь в степени упорства жителей и количества выпущенных по аулу снарядов.

В некоторых местах население активно готовилось к сопротивлению: цена на патроны возросла наполовину, ночью два молодых чеченца пытались разоружить часового 83-го полка, другому часовому неизвестный чеченец предлагал за винтовку женщину.

27 августа группа Апанасенко подошла к аулу Зумсой, население которого более всех противодействовало советской власти с запада и юга. На сходе было предложено сдать 800 винтовок и 200 револьверов, выдать бандитов. В 12 часов, когда к

Зумсою подошла южная колонна, жителям было предъявлено требование вернуть всех ушедших в горы.

На следующий день обстрел Зумсоя, как артиллерийский, так и с самолетов, был повторен, что оказало нужное действие: видя, что репрессии продолжаются и войска не отступают от своих требований, жители в течение часа сдали 102 винтовки, тогда как за предыдущий день было сдано всего 27. Кроме того, были взорваны дома Атаби.

В тот же день с утра группа Козицкого подошла к аулу Келой, где также было предъявлено требование о выдаче оружия. В ответ на это было принесено только 9 винтовок. Тогда по аулу был открыт артиллерийский огонь. После первых же выстрелов к штабу группы бросились женщины с плачем и криками. Прибывшие старики стали говорить, что оружие сдано. Между тем было видно, что у саклей группировались мужчины с оружием, и артогонь продолжался. После часового обстрела было сдано еще 15 винтовок, начавшийся сразу обыск дал больше, чем было сдано ранее, и потребовалась вторичная артиллерийская репрессия. Всего до вечера было сдано 59 винтовок и 9 револьверов.

После четырехкратной бомбардировки аулов Химой, Хакмалой 5 сентября сдался вождь чеченских повстанцев Гоцинский.

Бомбардировки и обстрел Дая 29 августа стоили аулу четырех убитых и пятерых раненых и 20 разрушенных домов.

От селения Дай потребовали выдачи Ансалтинского. Самолеты, которые 28 августа должны были бомбить Дай, сбросили бомбы в Нахчу-Келой, после чего его жители решили добровольно сдать имеющееся оружие.

Группе Козицкого пришлось прибыть в Дай 2 сентября после истечения установленного срока выдачи Ансалтинского. Сразу же по аулу был открыт

артиллерийский огонь, после чего в 5 часов вечера он был доставлен в штаб группы.

Следует отметить также сопротивление Урус-Мартана, являющегося, в сущности, столицей Чечни. Ему предъявлено т. Королем требование сдать 4000 винтовок и 800 револьверов, но фактически было сдано чуть более 1000 винтовок и около 400 револьверов. Требованию выдать шейхов Урус-Мартан хотя и пассивно, но долго (с 6 по 9) сопротивлялся.

Для убеждения Урус-Мартана потребовался артиллерийский обстрел из 900 снарядов и авиационная бомбежка, разрушившая 12 домов, раненых в Урус-Мартане было 5 человек. Потери участвовавших в операции частей составили 5 убитых, 9 раненых и 10 лошадей.

Репрессии выразились в воздушной бомбардировке 16 аулов, ружейно-пулеметном и артиллерийском обстреле 101 населенного пункта из общего количества 242 аула. Среди населения во время обстрела было убито 6 человек и ранено 30, убито 12 бандитов, взорвано 119 домов.

Изъято более 300 человек бандэлемента, самыми видными из которого являются: Нажмудин Гоцинский, Атаби Шамилев, Эмин Ансалтинский.

За время операции изъято 25 299 винтовок, 4319 револьверов, 1 пулемет и около 80 тыс. патронов».

В декабре 1929 года в Чечне вновь начались волнения. Они были связаны с коллективизацией сельского хозяйства. Командование Северо-Кавказским военным округом для подавления восстания сформировало отряд численностью около 2 тысяч человек при 75 пулеметах, 11 орудиях и 7 самолетах. 10 декабря отряд приступил к военной операции.

Командование отряда сразу же совершило ряд ошибок. Гойтинский отряд оставил всю свою

артиллерию в Грозном, что привело к неудаче первого штурма этого аула. Он был взят только на другой день после артобстрела и бомбардировки. Повстанцы из аула Гойты, пользуясь слабостью оцепления, скрылись в горах. То же самое произошло в ауле Беной.

ИЗ ДОКЛАДА ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА

ШТАБА СКВО С. П. УРИЦКОГО

«При проведении хозяйственно-политических кампаний в Чечне был допущен ряд грубых искажений партийной линии: ставка на сплошную коллективизацию, даже в горных округах (вплоть до сбора средств на трактора), неправильное массовое лишение избирательных прав середняков и даже бедняков, попытки административного закрытия мечетей. Эти извращения толкнули значительную часть масс в объятия классового врага. Особо надо отметить близорукость старого руководства Чеченской области, которое не учло уроков Шалинских и Гойтинских событий в декабре 1929 г. Со стороны значительной части ответственных работников было стремление использовать пребывание Красной Армии для проведения ошибочных мероприятий, проваленных населением.

Декабрьская операция не внесла полного оздоровления в ситуацию в Чечне. Центральные фигуры – кулацко-бандитские и сектантские авторитеты сумели не только выйти из-под удара, но и усилить свое влияние...

Идеологи восстания пытались установить связь с контрреволюционными элементами Терского казачества, соседними районами Грузии, Ингушетии, Дагестана. Все это указывало на тенденцию развития антисоветского движения в широком масштабе, что

требовало срочных и решительных мер ликвидации банд и их баз, дабы пресечь отдельные вооруженные выступления и предотвратить возможность их перерастания во всеобщее восстание на Северном Кавказе.

В соответствии с данной обстановкой Краевой комитет ВКП(б) признал необходимым проведение в Чечне чекистско-войсковой операции. Согласно этого решения и приказанию Народного комиссара по военным и морским делам войска должны были занять наиболее угрожаемые по бандитизму районы. 3 марта войскам был отдан приказ о выделении оперативной группы войск для ликвидации бандитизма...

Боевой состав: четыре пехотных отряда по 450 штыков, 20 сабель, 4 станковых пулемета, 2 орудия;

три кавалерийских отряда по 250 сабель, 4 станковых пулемета, 2 орудия;

два партизанских отряда, формируемых Чеченским обкомом по 100 сабель;

крепостные гарнизоны Ведено и Шатой всего 620 штыков, 110 сабель, 3 орудия;

авиазвено и специальные части при штабе группы.

В ночь на 14 марта части группы прибыли на станции выгрузки и с рассветом приступили к выполнению задания...

В итоге за все время операции в Чечне с 16 марта по 10 апреля изъято 1500 единиц огнестрельного и 280 единиц холодного оружия, 122 человека бандэлемента, из них руководителей повстанческого движения - 9, заложников - 35. Убито бандитов 19, ранено - 1 (фактически гораздо больше, но бандиты трупы и раненых забирают с собой). Потери с нашей стороны: убитых 14, раненых 22...

Необходимость реорганизации. Во всех современных армиях имеются специальные горные войска. Красная Армия таких специально вооруженных

и подготовленных войск не имеет. Отсюда необходимость каждый раз импровизировать создание отрядов для действия в горах, причем никогда не достигается достаточная слаженность. Такое положение нельзя признать терпимым... Войска вполне боеспособны, недостаточная натренированность для действий в горах за исключением отдельных частей 28-й дивизии наложила отпечаток на их работу. Особенно ощутима полная неподготовленность к ночным действиям, боевые действия к ночи, как правило, затихали, части переходили к обороне, благодаря чему противник выходил из-под удара. Войска проявили также свою неповоротливость, недостаточную стремительность в ударе. Задача, поставленная им: решительным ударом уничтожить банды, препятствуя их распылению, фактически не была выполнена. Надо полагать, что корни подобной медлительности кроются в воспитании войск и, прежде всего, начсостава. Заслуживает быть отмеченным следующее: растерянность командиров в сложной обстановке, неумение и боязнь действовать ночью, отсутствие малейших проблесков военной хитрости, неспособность идти на малейший риск.

Исходя из бесспорного положения, что ликвидация бандитизма должна быть начата с уничтожения его базы, следует особо остановиться на роли разбросанных в горах хуторов. Бандиты вынуждены время от времени появляться в хуторах хотя бы для возобновления продовольственных запасов. Хутора являются в основном опорными пунктами бандитизма, чаще всего сами хуторяне являются активными бандитами. При современном положении в Чечне наиболее реальным способом является занятие всех хуторов маленькими гарнизонами. Такая операция привела бы к тому, что бандитам пришлось бы либо умереть с голода, либо сдаться, что показывает опыт

борьбы с бандитизмом в горах Испании. Однако выполнение этого плана невозможно, так как это потребует больших материальных затрат и большого числа войск. Нечто приближающееся к подобной повсеместной оккупации может быть приурочено к осенним маневрам войск, как это было проведено в 1925 г. Как один из частных приемов борьбы с бандитами, можно испытать снабжение их патронами, начиненными разрывным веществом вместо пороха. Передача таких патронов вперемешку с нормальными по агентурным каналам может дать положительные результаты (по опыту борьбы с басмачеством)».

23 марта 1932 года снова вспыхнуло восстание, на этот раз в районе Беной. Войска ОГПУ попытались подавить его собственными силами, но ввиду серьезного сопротивления вынуждены были обратиться за помощью к частям Красной Армии.

**ИЗ ДОКЛАДА ОСОБОГО
ОТДЕЛА**

СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

ОТ 5 АПРЕЛЯ 1932 ГОДА

«В целях уточнения информации даем краткий обзор событий в Чечне на основе проверенных данных агентуры и опроса участников и очевидцев:

1. Повстанческое выступление в Ножай-Юртовском районе подготовлено местным контрреволюционным кулацко-мульским подпольем, действовавшим в увязке с контрреволюционным подпольем плоскости и смежных с Чечней Гунбетовского, Ауховского и Андийского районов Дагестана. Замышлялось широкое совместное вооруженное выступление в расчете на поддержку всей Чечни, Дагестана, Ингушетии, соседних казачьих районов. Расчеты на успех выступления связывались с международными осложнениями Советского Союза и крайним озлоблением населения в связи с грубыми перегибами и извращениями в практике низового партийного и советского аппарата.

С началом выступления планировалось захватить промыслы Стерч-Кертч, станцию Гудермес, разрушение железнодорожных мостов и в дальнейшем – по обстановке.

2. Повстанческое руководство – сектантские главари, кулаки, беглые из ссылки, главари кадровых бандгрупп. Актив каждого аула в пораженных районах выделил авторитетную фигуру, которая несла ответственность за подготовку восстания, связывалась с соседними районами. Наиболее видными фигурами повстанческого руководства являются: Шамилев Муцу, Ушхаев Усман, кадровые главари Хусейн Истамулов, Дада Кебетов.

3. Согласно договоренности повстанческое руководство с начала марта, выйдя из подполья по всем

пораженными районами, начало бешеную работу по организации выступления.

Руководители последовательно объезжают аулы, проводят совещания актива, конкретизируют время, место и число участников выступления, учитывают оружие, расставляют силы. Вслед за этим актив на базарах, в мечетях разжигает повстанческие настроения, оперируя лозунгами: Советская власть обирает налогами, мясозаготовками, забрали почти весь скот. Хотят наше имущество обобществить, сделать все государственным, не дают молиться. Советский Союз воюет с Японией, каждая национальность должна установить свою власть, в Чечне власть шариата во главе с имамом.

4. 15 марта в Беное состоялось совещание главарей восстания с участием представителей ряда районов, совещание избирает имамом Муцу Шамилева, назначает срок выступления 23 марта, намечает план захвата Ножай-Юрта и промыслов, уничтожения местных гарнизонов. После совещания подъем повстанческих настроений достиг особенной силы, вылившись в активное противодействие хозяйственной кампании, террор против местного советского и партийного актива. Часть последнего подпадает под общее настроение, открыто примыкает к лагерю контрреволюции, часть придерживается нейтралитета.

5. К моменту выступления повстанческая активность стала выходить за рамки организованного руководства и 19 марта завершилась убийством двух красноармейцев. Этим самым бандитское руководство встало перед фактом преждевременного начала выступления. Признавая преждевременность выступления, оно решает максимально форсировать движение, овладеть им, придать ему организованный характер. 20 марта на базаре Муцу Шамилев призывает к немедленному восстанию. Тогда же он призвал к

захвату Стерч-Кертч. Все население аула Беной прямо со схода двинулось туда и стало громить и грабить здания промыслов. Гарнизону в составе 18 штыков и группы вооруженных рабочих повстанцы предложили сдаться без боя. В аулы были разосланы делегации, часть восстала, а часть держалась выжидательно.

6. Стремясь закрепить в районе, расширить зону восстания, повстанческое руководство сосредоточило в районе промыслов 300-400 человек с целью уничтожить гарнизон, а еще 700-800 на хребте Ножай-Юрт - прикрыть район восстания со стороны Хасав-Юрта. Группа в 40 повстанцев была выброшена в Гудермесский район, где повстанцы потерпели неудачу - присоединились небольшие группы. В ряде восставших аулов были восстановлены шариатские суды, уклонявшихся силой заставляли вступать в ряды повстанцев.

7. Героическая оборона гарнизона промыслов, занятие Беноя 22 марта, отказ от поддержки аулов Гудермесского района, разгром 24 марта местного скопления бандитов и последовавшая изоляция повстанческого района привели к крушению планов противника. Вплоть до 28 марта повстанцы, пользуясь погодой (дождь, туман, снег), делают отчаянные попытки сломить сопротивление гарнизона промыслов, но терпят неудачу. Действия отряда Крафта, ввод полевых частей 29 марта завершают разгром повстанцев, которые после первого же удара стали рассеиваться мелкими группами. Основная группа повстанческого руководства отступила в горный лесистый массив севернее Алхороя Южного, откуда 30 марта попыталась прорваться в Дагестан, но, убедившись в наличии наших сил на границе, банда приняла решение временно уйти в подполье, выждать удобный момент, попытаться вновь поднять восстание в

плоскостной Чечне, получить возможность уйти в горы, где и закрепиться.

8. Отличительные черты вооруженного выступления: организованность, массовое участие населения, исключительная ожесточенность повстанцев в боях, непрерывные контратаки, невзирая на большие потери, религиозные песни при атаках, участие женщин в боях. Потери повстанцев - 333 убитых, 150 раненых. Наши потери - 27 убитых, 30 раненых.

9. Быстро проведенные меры по изоляции района Ножай-Юрт, ввод полевых частей предотвратили возможность более широкого выступления.

10. К данному моменту достигнут частичный перелом: некоторые рядовые повстанцы сдались, другие готовы явиться с повинной, но боятся репрессий».

**ИЗ ДОКЛАДА
КОМАНДУЮЩЕГО СКВО Н. Д.
КАШИРИНА**

***О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПО ЛИКВИДАЦИИ
ВОССТАНИЯ***

В ЧЕЧНЕ ОТ 9 АПРЕЛЯ 1932 ГОДА

«Общий вывод: восстание надо считать подавленным главным образом потому, что оно было местным, не успевшим охватить всю Чечню, не успевшим связаться с Дагестаном и другими национальными областями, то есть оно имело более узкую базу, чем восстание 1930 г., и, наконец, потому, что части Красной Армии быстро сосредоточились, энергично продвигались вперед и действовали весьма решительно, что также отличает эту операцию от характера действий наших войск в 1930 г.

В настоящее время части ОГПУ производят чистку района и ликвидируют мелкие банды. По партийно-советской линии происходит укрепление районов и обследование причин восстания и состояния районов.

Наряду с этим необходимо провести ряд мероприятий по военной линии, а именно: а) дальнейшее расширение национальных формирований, как лучшей школы советизации; б) занять постоянными гарнизонами (части Красной Армии или ОГПУ) крепости Микоян-шахар, Шатой, Гуниб и аул Беной».

После поражения восстания 1932 года повстанческое движение в Чечне прекратилось. Но недовольство деятельностью органов советской власти, ГПУ, строительством колхозов население горных районов время от времени выражало убийством наиболее ненавистных колхозных активистов, чекистов и милиционеров.

В 1934 году произошло объединение чеченцев и ингушей в одну Чечено-Ингушскую автономную область,

получившую через два года статус автономной республики со столицей в г. Грозном. До 1934 года существовали две самостоятельные автономные области – Чеченская и Ингушская.

Впервые автономию Ингушетия получила в 1924 году одновременно с Северной Осетией. До этого они входили в состав многонациональной Горской ССР, столицей которой был город Владикавказ. С выделением из Горской ССР Ингушетии и Северной Осетии Владикавказ стал самостоятельной административной единицей, непосредственно подчинявшейся ВЦИК СССР. В то же время он оставался столицей двух государств. В правобережной части города располагались руководящие органы Ингушетии, в левобережной – Северной Осетии.

В 1936 году Чечено-Ингушская автономная область стала автономной республикой со столицей в городе Грозном. Тогда же Северо-Осетинская автономная область получила статус автономной республики. Ее столицей стал город Владикавказ.

Так продолжалось до 1944 года, когда чеченцев и ингушей депортировали, а их государственность упразднили. Территория республики была разделена между сопредельными республиками и административными образованиями. Земли, на которых проживали ингуши, почти полностью перешли в состав Северо-Осетинской АССР.

В 1957 году Чечено-Ингушская АССР была восстановлена. Но – в несколько иных границах, чем до выселения. Расположенные на правом берегу Терека Пригородный и часть Малгобекского района, где до депортации проживали ингуши, оставили в составе Северной Осетии. «Взамен» «прирезали» три района Ставропольского края.

Какими соображениями руководствовался при этом Никита Сергеевич Хрущев, трудно сказать. Как

необъяснимо и то, почему он распорядился отдать Крым Украине. Белорусы до сих пор не нарадуются твердости и упрямству своего довоенного лидера Пономаренко, не уступившего домогательствам Хрущева, в ту пору первого секретаря ЦК Компартии Украины, на Беловежскую пушчу и почти всю Брестскую область, и отстаивавшего территориальную целостность Белоруссии перед самим Сталиным. Прямо какая-то мания передела территорий вселилась в Никиту Сергеевича.

Одно бесспорно: решение, принятое им тогда по вопросу об административных границах на Северном Кавказе, стало миной замедленного действия.

Уже не было в живых Сталина, уже вовсю разоблачали культ его личности, а 16 июля 1956 г. чеченцы, ингуши и карачаевцы были «сняты с учета спецпоселений и освобождены из-под административного надзора органов МВД СССР». Тем не менее некоторые верховные головы в Москве возражали против возвращения выселенных народов на их историческую родину. Одним из тех, кто противился намерению Хрущева, был министр внутренних дел СССР Н. П. Дудоров. Он предлагал создать чечено-ингушскую автономию на территории Казахстана.

Хрущев не послушался своего министра и настоял на восстановлении Чечено-Ингушской автономии в составе РСФСР. Запрещение чеченцам и ингушам проживать на Кавказе было объявлено утратившим силу. Объявлялось об утверждении Организационного комитета ЧИ АССР, на который возлагалось, вплоть до выборов Верховного Совета АССР, руководство хозяйственным и культурным строительством на территории республики.

Как происходило возвращение чеченцев и ингушей из Средней Азии, можно судить по рассекреченным недавно документам. Их орфография и синтаксис сохраняются.

Итак, перед нами докладная записка министра внутренних дел СССР Н. П. Дудорова в ЦК КПСС и Совет Министров СССР о конфликтах в Чечено-Ингушской АССР между аварцами, даргинцами и прибывшими из ссылки чеченцами.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР Н. П. ДУДОРОВ-
ЦК КПСС И СОВЕТУ МИНИСТРОВ СССР
15 февраля 1957 г. **Секретно**

Министерство внутренних дел СССР докладывает, что многие из чеченцев, прибывших в Чечено-Ингушскую АССР, настойчиво добиваются размещения их в тех селениях и даже домах, в которых они проживали до выселения. На этой почве между ними и местными жителями - аварцами и даргинцами возникают ненормальные взаимоотношения.

В селении Моксоб, Ритлябского района, 32 семьи чеченцев были временно размещены в сельском клубе. Секретарь Дагестанского обкома КПСС т. Сагаев и секретарь Ритлябского райкома КПСС т. Гасанов попытались разместить чеченцев в домах местных жителей - аварцев. Они, пригласив активистов, обратились к ним с просьбой показать пример и в порядке самоуплотнения поселить у себя по одной чеченской семье. Никто из актива на это не согласился. Попытка поселить одного из чеченцев в пустовавшем доме вызвала возмущение аварцев. Возле этого дома собралось около 100 жителей, которые пытались избить этого чеченца. Избиение было предотвращено сотрудниками Управления внутренних дел.

После этого толпа аварцев, вооружившись палками, направилась к клубу с требованием вывезти чеченцев из селения, угрожая избиением их.

По распоряжению т. Сагаева на следующий день чеченцы из селения Моксоб были вывезены.

В Новосельском районе чеченцы Джануралиев, Докаев и Дадаев, находясь в нетрезвом состоянии, встали в дверях дома культуры и, выражаясь нецензурными словами, не пропускали никого в помещение. При этом они допускали выкрики националистического характера, один из них обнажил нож и стал угрожать им. Хулиганы арестованы и привлекаются к уголовной ответственности.

В Междуреченском районе на дороге между селениями Чкалово и Новая жизнь бригадир колхоза им. Ленина даргинец Асхабов, член КПСС, встретив чеченца Пасирхаева, обругал последнего и угрожал ему ножом. В тот же день Асхабов, угрожая кинжалом, заявил чеченцу Махмудову, что если чеченцы появятся на базаре в селении Чкалово, то их там перебьют. Асхабов привлекается к уголовной ответственности.

Управлением внутренних дел принимаются меры к предотвращению столкновений между местными жителями и прибывшими чеченцами.

А вот, как говорится, глас народа.

ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ИСПОЛКОМ СЕЛЬСКОГО
СОВЕТА

И ПРАВЛЕНИЕ КОЛХОЗА ИМ. М. ДАХАДАЕВА СЕЛЕНИЯ
ЦАТАНИХ РИТЛЯБСКОГО РАЙОНА ЧЕЧЕНО-
ИНГУШСКОЙ АССР -

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР Н. А.
БУЛГАНИНУ

1 апреля 1957 г.

Мы, от имени колхозников колхоза им. М. Дахадаева селения Цатаних, просим Вас уделить внимание на нашу просьбу. Как известно, бывшая Чечено-Ингушская АССР теперь восстановлена и чеченцы приезжают на

свою бывшую территорию. При этом удивительным является тот факт, что мы, аварцы, которые переселены на эту же территорию, оказались в таком положении, когда бывший хозяин требует и нахально захватывает домов и приусадебных участков и говорит, что нам они как будто бы не принадлежат. Если взять и представить себе созданное здесь положение, каждому станет ясно, что между чеченцев и аварцев создается и с каждым днем увеличивается национальная рознь.

Чеченцев в наше село приехали 135 человек, ни один из них не обрабатывает и не думает обрабатывать выделенного им колхозом приусадебного участка, а пашут и копают там, где стоял прежде их дом или на земле, что принадлежала им еще во время частной собственности. Колхозники каждый день жалуются, что чеченцы пашут их участки... От нас колхозники требуют, чтобы мы приостановили это незаконное дело, а нас чеченцы не слушают и не признают никакой местной власти.

Взять для примера: в нашем медпункте чеченец занял помещение родильного дома, завязал корову на веранде и не слушал никаких требований местных органов, когда вызвали на нарсуд, он отказался явиться (в район). Присланным милиционерам он не подчинился. Когда милиционеры хотели его забрать, то собрались чеченцы и не дали милиционерам забрать его. Эти нарушения так и остались без наказания.

Видно, что оргкомитет не принимает или не может принять никаких мер к урегулированию этих и многих других серьезных вопросов, которые (есть основания предполагать) перерастут от национальной розни до национальной резни, если и впредь будут оставаться также нерешенными. Учитывая, что дальнейшая совместная жизнь чеченцев и проживающих здесь аварцев стала невозможна:

а) переселить нас в кратчайшее время и оказать при этом помощь от государства, так как мы потеряли при переселении сюда своих домов, в несколько раз лучших, чем здешние чеченские, и мы не получили от этих домов ничего в нашу пользу.

б) если для того, чтобы переселить нас [...] потребуются хоть месяцы, только [...] чтобы не оставили вместе нас и этих чеченцев, так как это приведет к убийствам, грабёжам и к другим нарушениям.

Людам становится ясно, что такие нарушения остаются без соответствующих наказаний. Сразу со своим приездом чеченцы ранили ружьем лошадь колхозника, что не было у нас совсем и не случилось ни разу до приезда чеченцев. Когда составили и подали акт об этом нарушении в прокуратуру, прокуратура не приняла никаких мер. Мы надеемся, что Вы содействуете скорейшему урегулированию этого вопроса и не допустите междоусобицы двух народностей.

К сему: [подписи].

Снова обратимся к переписке высоких должностных лиц.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР Н. П. ДУДОРОВ -
СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС Н. И. БЕЛЯЕВУ
8 апреля 1957 г. **Секретно**

Докладываю, что в связи с начавшимся массовым неорганизованным переездом бывших спецпоселенцев чеченской и ингушской национальностей к местам прежнего жительства, в соответствии с Вашим указанием были приняты меры к немедленному прекращению этого переезда, задержанию переезжающих без разрешения Организационного

комитета и возвращению их к местам бывшего поселения.

В результате принятых мер дорожными отделами милиции при помощи территориальных учреждений внутренних дел к утру 8 апреля неорганизованное передвижение чеченцев и ингушей по железным дорогам было прекращено.

За 5, 6 и 7 апреля на Казанской, Куйбышевской, Уфимской, Южно-Уральской, Оренбургской, Ташкентской, Ашхабадской и некоторых других дорогах в поездах было выявлено и задержано 2.139 человек. Всем задержанным переоформлены проездные билеты для обратного проезда и к утру 8 апреля 1.876 человек были отправлены с пассажирскими поездами к месту бывшего их поселения. На 9 часов 8 апреля с. г. из числа задержанных не возвращены обратно по Южно-Уральской железной дороге 126 человек, Оренбургской - 102 человека, Туркестано-Сибирской - 26 человек и Омской - 9 человек. По сообщению начальников дорожных отделов милиции, указанные лица будут отправлены с первыми проходящими поездами.

В целях предотвращения неорганизованного переезда спецпоселенцев в дальнейшем все пассажирские поезда, идущие из районов Киргизии и Казахстана, проверяются оперативными заслонами транспортной милиции.

По сообщению министров внутренних дел Киргизии и Казахстана, ими приняты все меры к тому, чтобы не допускать увольнения бывших спецпоселенцев с работы, не снимать их с воинского учета, не выписывать из домовых книг и не продавать им проездные билеты.

Вместе с тем министр внутренних дел Казахской ССР тов. Кабылбаев сообщает, что в областных центрах республики в настоящее время скопилось большое количество чеченцев и ингушей, которые уволились с

работы, продали свое имущество и настойчиво добиваются выезда к прежнему месту жительства.

Через неделю - новое сообщение.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР Н. П. ДУДОРОВ -
ЦК КПСС
16 апреля 1957 г. **Секретно**

В город Караганду возвращено 613 человек чеченцев и ингушей, снятых за последние дни с поездов при попытке их выехать на Кавказ.

Прибыв в Караганду, 413 человек из них разместились на вокзале, а 200 человек не выходят их вагонов и требуют отправки в Чечено-Ингушскую АССР, заявляя, что они продали свои дома, а личные вещи отправили на Кавказ.

Возле здания Карагандинского обкома партии ежедневно собираются большие толпы чеченцев и ингушей, останавливают автомашины секретарей обкома партии и требуют, чтобы их отправили на Кавказ.

МВД СССР приняты необходимые меры к недопущению эксцессов в г. Караганде со стороны чеченцев и ингушей.

В связи с изложенным, необходимо было бы дать указания местным партийным органам принять меры по расселению и трудоустройству чеченцев и ингушей, находящихся в гор. Караганде.

А вот жалоба русского населения.

ЖИТЕЛИ СЕЛА БУКОВКА НОВОСЕЛЬСКОГО РАЙОНА
ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ АССР -
Н. А. БУЛГАНИНУ, Н. С. ХРУЩЕВУ
И К. Е. ВОРОШИЛОВУ

24 апреля 1957 г.

ЖАЛОБА

От имени русского народа, проживающего в Чечено-Ингушской АССР, Новосельского района, село Буковка.

Дорогие друзья и товарищи Булганин, Хрущев и Ворошилов. Мы, русские люди, обращаемся к Вам, к нашему Великому Правительству, Правительству всепобедоносному в борьбе за мир, дружбу и демократию, строящему коммунизм в нашей Великой социалистической стране, необъятной нашей любимой родине. Пусть крепнет наша советская дружба со всем миром земного шара, пусть будет мир во всем мире, пусть еще больше расцветают наши города и села во всех наших советских республиках, на необъятных просторах великой нашей социалистической родине.

А теперь мы хотим Вам рассказать о постигшей нас судьбе русских, проживающих ныне на территории Чечено-Ингушской АССР, и недружелюбном народе, все прибывающем из Казахстана. Это чечен, ингушей и его оргкомитета.

Мы, русские люди, были населены из разных республик и областей в 1944 году и 1945 году, и 1946 и 1947 годах Советским Правительством, где проживали чечены и ингуши до 1944 года. Кроме русских, проживали еще до 15 разных национальностей, с которыми русские сумели быстро подружиться и, как единая семья, принялись за великое дело, за труд. Прожили мы в этой братской семье трудолюбивой 12,5 лет. За этот небольшой промежуток времени, 12,5 лет, на этих запущенных землях, до основания загробленными и закустаренными, где не было ни одной общественной постройки, ни единственной фермы. Все было частной собственностью. С приходом русских на эту землю мы сумели организовать колхозы

и совхозы, мы сумели очистить много тысяч кустарников, которые веками не давали никакой пользы советским людям и нашему государству. Мы сумели построить гидроэлектростанцию, мы сумели построить дом культуры в районе, а также много общественных построек, и в частности товарных ферм разных отраслей. На сегодня зацвели наши вновь посаженные сады и виноградники. В 1000 га колхозы и совхозы стали собирать богатые урожаи на этих землях, а также развели богатое животноводство всех отраслей сельского хозяйства. За эти 12 лет колхозники не получали за свой труд ни одной копейки денег. Мы старались о будущем - об нашем общественном хозяйстве. Мы его и создали. Уже в 1956 году получили по 3 руб. на трудодень хлеб и другие продукты. Все селение почти вновь построилось, и что мы видим на сегодняшний день в этом селе и даже в целом в республике. С прибытием чечен и ингушей из Казахстана, они надругаются над нашими достижениями, они смеются над нами и нашей культурой, они хотят превратить нас в своих рабов, они нас убеждают в частную собственность, которую мы похоронили давно и забыли о ней. Они нас запугивают в том, что русские скоро оставят не только землю на территории Чечено-Ингушской АССР, а даже и свои штаны. Они применяют выживание русских из домов под всякими предлогами и запугиваниями. Объясняют тем, что скоро приедет хозяин этого дома, у него 5 сыновей, он бандит и тебя убьет, зарежет. Эти русские семьи или же продают дом и свое хозяйство за 300 или 500 рублей и удирают, другие бросают им дом и уезжают куда смотрят глаза до прибытия чечено-ингушей. У нас осталось 4 милиционера вместе с начальником. На сегодня штат ее увеличен, который не может справиться с нарушителями советских законов, а

также они не могут обеспечить жизнь русских граждан, проживающих на территории Чечено-Ингушской АССР.

Чечены и ингуши заявляют русским, якобы их выселение из Кавказа было незаконно. Виноват в этом Сталин и Берия, а поэтому требуют от русских свои дома и все другое, ранее нажитое ими. Они заявляют о том, что при выселении их оставили все здесь, а теперь заставляют русских бежать в чем стоим, с игривой насмешкой о том, что скоро наш народ сядет во власть и вы будете нам уборные копать. Они провели такую агитацию, что ее и атомом не взорвем. Мы, чечены-ингуши, все должны перестроить на свой лад. В нашей республике всякий чечен иметь должен в своем личном пользовании лошадей, буйволов, коров, баранов, кроме положенных норм. Чушек всех уничтожить, виноградные сады уничтожить, только будем садить кукурузу. Все это нам разрешил Хрущев. Земля наша, русским делать нечего, русские нам мешают жить. Мы сами сможем управлять своей республикой, и теперь будем держать свой старый закон кавказский. От старого и до малого все начали молиться богу, избрали себе муллу, и под руководством муллы творят чудеса, от которых уши вянут. Русские женщины и дети боятся их взгляда, потому что ежедневно происходят все новые и новые происшествия в самых разнообразных ее формах.

На основании вышеизложенного фактов, в настоящее время в Чечено-Ингушской АССР мы просим, русские, проживающие на данной территории, Советское Правительство оказать нам государственную Вашу помощь, вмешательство вас в эти контрреволюционные настроения людей в этой республике и разрядить эту атомную бомбу, в которой смертоносный яд заражен против русских и против государства нашего.

В общем этот народ стал на дыбы, за что он и сам недопонимает. Они на 40-м году Великой Октябрьской Революции хотят вернуть частную собственность, а республику сделать самостоятельной, независимой от русских, дагестанцев и других. Казахстан их не воспитал, а наоборот обозлил против русских и советского государства. Они без всякого стеснения говорят в народе: все равно жить мы с русскими и дагестанцами вместе не можем, и два волка в одной берлоге жить не смогут, пусть уберут или нас, или русских и тавлин с этой территории. Вот пока все ждем Вашего решения и помощи Вашей.

О результатах просим сообщить народу об оказанной Вами господомости по адресу: Чечено-Ингушская АССР, Новосельский район, село Буковка.

Ниже следуют подписи десяти граждан.

Примерно в то же время из МВД поступает докладная записка на имя Л. И. Брежнева.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР Н. П. ДУДОРОВ -
ЦК КПСС, Л. И. БРЕЖНЕВУ
Не ранее апреля 1957 г. **Секретно**

Докладываю, что в конце декабря 1956 года и в начале января с. г. Министерством внутренних дел СССР были приняты меры к предотвращению самовольного возвращения бывших спецпоселенцев чеченской и ингушской национальностей к прежним местам жительства, в результате чего выезд их из районов поселения прекратился.

Однако с наступлением весны указанные лица снова стали покидать районы бывшего поселения и, не ожидая разрешения оргкомитета, выезжать в Чечено-Ингушскую и Северо-Осетинскую АССР, причем за

последнее время такие выезды приняли массовый характер.

В марте с. г. в Чечено-Ингушскую АССР самовольно прибыло 404 семьи, за 2 дня апреля – 80 семей, и в настоящее время задержано на железных дорогах более 500 человек.

Как показала проверка, эти лица после снятия с них ограничений распродали свое имущество, снялись с воинского и других учетов и самовольно выехали к прежнему месту жительства.

Самовольному выезду чеченцев и ингушей способствует то обстоятельство, что руководители хозяйственных организаций, МТС и колхозов беспрепятственно увольняют их с работы, местные советские учреждения снимают с учета, а железнодорожная администрация продает им проездные билеты.

По сообщению МВД Казахской ССР, бывшие спецпоселенцы в массовом порядке продают свое имущество и готовятся к выезду в Чечено-Ингушскую АССР, вследствие чего в городах и пристанционных поселках скопилось большое количество чеченцев и ингушей, не занятых общественно-полезным трудом.

В гор. Джамбуле и районах области не работает около 5 тысяч человек, или более 50 % трудоспособных бывших спецпоселенцев чеченцев и ингушей. В Восточно-Казахстанской области примерно половина взрослого чечено-ингушского населения не занята общественно-полезным трудом. В Карагандинской области из 30 тысяч проживающих чеченцев и ингушей значительная часть также не работает.

Не занятые общественно-полезным трудом лица чеченской и ингушской национальностей ведут себя вызывающе, совершают дерзкие уголовные преступления и нарушают общественный порядок, что вызывает справедливое возмущение трудящихся. Со

своей стороны учреждения внутренних дел принимают необходимые меры к пресечению уголовных проявлений чеченцев и ингушей и привлечению виновных к ответственности.

Из районов, куда возвращаются чеченцы и ингуши, поступают данные о том, что неорганизованный массовый выезд бывших спецпоселенцев к прежним местам жительства создает большие затруднения в их расселении. Многие из них не желают расселяться по указанию местных властей и требуют поселить их в тех домах, где они проживали ранее.

Так, например, прибывшие в Северо-Осетинскую АССР ингуши численностью около 5.700 человек отказались выехать в Алагирский, Кировский и другие районы республики и требуют расселения их в районе гор. Орджоникидзе.

По имеющимся в МВД СССР сведениям, все чеченцы и ингуши готовятся выехать к местам прежнего жительства в мае - июне с. г.

В целях прекращения неорганизованного переселения лиц чеченской и ингушской национальностей МВД СССР просит:

1. Еще раз дать указание ЦК КП Киргизии и Казахстана о трудоустройстве бывших спецпоселенцев, запрещении увольнения их с работы, снятия с партийного, комсомольского и воинского учетов в тех случаях, когда не имеется разрешения оргкомитета на выезд их к прежнему месту жительства.

2. Поручить ЦК КП Киргизии и Казахстана, а также оргкомитету разъяснить всем бывшим спецпоселенцам, что их выезд к прежнему месту жительства без разрешения оргкомитета будет рассматриваться как нарушение установленного порядка переселения и повлечет за собой принудительный возврат к местам бывшего поселения.

3. Дать указание Министерству путей сообщения СССР о продаже проездных билетов и перевозке багажа бывших спецпоселенцев чеченской и ингушской национальностей, возвращающихся к прежнему месту жительства, только при наличии на этот счет разрешения оргкомитета.

4. Разрешить учреждениям внутренних дел лиц чеченской и ингушской национальностей, возвращающихся к прежнему месту жительства без разрешения оргкомитета, задерживать, снимать с поездов, пароходов, других видов транспорта, и возвращать к местам бывшего поселения.

Были и заявления, подобные письму, которое приводится ниже. Трудно сказать, какими мотивами они были продиктованы. Будем надеяться, что искренним стремлением прекратить злоупотребления.

ГЛАВНЫЙ АГРОНОМ, ИНСПЕКТОР
МИНИСТЕРСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАЗАХСКОЙ
ССР

Х. У. АРСАНУКАЕВ -
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
Н. А. БУЛГАНИНУ
27 августа 1957 г.

Совсем недавно мы были свидетелями больших бедствий, нанесенных чечено-ингушскому населению, не стихийных, а происшедших в результате неправильных, жульнических и спекулятивных действий членов и руководства Оргкомитета ЧИ АССР при раздаче разрешений на въезд в ЧИ АССР. Оргкомитетом ЧИ АССР была разыграна одна из тех страниц печальных и трагических комедий, какие только знает история человечества, когда подвергались варварскому ограблению целые народы. Так, раздача

пропусков была организована с тем расчетом, что ставленники членов оргкомитета, да и сами они, изрядно наполнили свои чемоданы деньгами – один пропуск ими продавался в среднем за 2 тысячи рублей. Но зато трудовому чечено-ингушскому народу эти преступно-жульнические проделки обошлись очень дорого – они вновь, это во второй раз, были обездолены и разорены. «Во время нашего выселения Берия и то не нанес такой большой материальный ущерб нашему народу, как нынче нанесли нам Оргкомитет Чечено-Ингушской АССР», – говорят чеченцы и ингуши.

Между тем спекулянты и праздношатающиеся люди получили разрешения на въезд в ЧИ АССР, нашли там приют и покровительство у членов и руководства Оргкомитета ЧИ АССР.

Пострадавший народ и до сих пор надеется, что виновные в этих преступлениях члены Оргкомитета, а также и сам председатель Оргкомитета и его бездеятельность и неумение организовать работы по переезду будут сурово наказаны.

В июле сего года пожинать свои плоды работы прибыл в Казахстан председатель Оргкомитета Чечено-Ингушской АССР Гайрбеков Муслим в сопровождении своего заместителя Тонгиева и «почетных» стариков. Как это выяснилось теперь, оказывается Гайрбеков и его сподвижники были встревожены не тем, что народ страдает на станциях и в других местах исключительно из-за спекулятивных и жульнических мер, а их беспокойство касалось только того, каким манером им перебросить людей в Чечено-Ингушскую АССР и сохранить свою шкуру, переложив всю вину на других. Вот такая лазейка ими была найдена. Пользуясь своим служебным положением, спекулируя на вопросе о нуждах республики в кадрах-специалистах, Гайрбеков и его сообщники воспользовались представившимся им благоприятным временем.

Вопреки постановлению ЦК КПСС о временной приостановке переезда чеченцев и ингушей в Чечено-Ингушскую АССР, по заданию Гайрбекова его заместитель Тонгиев и член Оргкомитета Дукузов составили списки на всех своих родственников и друзей, приписав им (Исламовым, Эльбиевым, Хамдиевым, Умановым и другим), что они являются специалистами с высшим специальным образованием и большим опытом работы, и следовательно, восстанавливаемая республика нуждается в них; а поэтому возбудили ходатайство перед Советом Министров Казахской ССР о даче пропусков на этих специалистов, которые в действительности в большинстве своем являются торгашами. Таким образом, 18 июля сего года за № 31-6 управделами Совета Министров Казахской ССР дало указание всем облисполкомам, где только проживают родственники и друзья членов и руководства Оргкомитета ЧИ АССР, выдать разрешение на выезд в ЧИ АССР для работы по вызову Оргкомитета. В одном из этих указаний только по одной Алма-Атинской области указывалось отправить в гор. Грозный 15 семей. Попутно с этим следует отметить, что местные органы власти (облисполкомы и Совет Министров Казахской ССР) не проверяют этих лиц как специалистов, а сразу выписывают им разрешения.

В настоящее время идут усиленные слухи среди населения чеченцев о том, что вызовы продаются и покупаются каждый за одну тысячу рублей. И эти слухи не без основания. Снова эти ненасытные шкурники – члены Оргкомитета ЧИ АССР и их сообщники воспользуются также представившимся случаем, и немало посыпется денег в их карманы при проведении этой кампании. И вот один за другим поступают персональные и коллективные вызовы на «специалистов» из Оргкомитета ЧИ АССР. Так,

например, 10 августа 1957 года за № 1622.29, за подписью заместителя председателя Оргкомитета ЧИ АССР Тонгиева, поступил в Совет Министров Казахской ССР список учителей чеченцев и ингушей, вызываемых для работы в школах Чечено-Ингушской АССР. Из 35-ти человек, числящихся в этом списке, только 10 человек когда-то являлись или частично являются учителями, а остальные 25 человек никакого отношения к учительству не имеют. Конечно, за единым исключением лиц, эти люди и не станут работать в школах. Тем не менее, видимо, Оргкомитет не постесняется оплатить подъемные за счет государства на вызываемых им людей на работу. Оргкомитет ЧИ АССР снова создает недовольство среди населения и рабочих, из личных интересов возбуждает чеченцев и ингушей прибегать к нежелательным для нас поступкам, как это имело место при выдаче пропусков Оргкомитетом.

Случайно очутившийся во главе Оргкомитета ЧИ АССР Гайрбеков сформировал Оргкомитет из преданных ему людей, подобрав их вовсе не по деловым качествам. Гайрбеков окружил себя подхалимами, карьеристами, морально опустившимися и дорожащими своими личными интересами лицами, как-то: Мальсагова, Цутиева, [...]зова, Яндиева и других.

Слабохарактерный и беспринципный по своей натуре, не обладая никакими другими положительными качествами, председатель Оргкомитета ЧИ АССР Гайрбеков не сможет и в дальнейшем на деле осуществить руководство так, чтобы обеспечить выполнение задач, определенных партией и правительством на современном этапе нашего поступательного движения вперед к коммунизму, так как он не является специалистом ни одной из отраслей народного хозяйства. В отношении его идейности можно сказать, что Гайрбеков опирается в своей работе

главным образом на «авторитетных» стариков и членов семей шейхов. В прошлом, будучи комиссаром Кавдивизии и вторым секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС, не оправдал Гайрбеков доверия партии и правительства, являясь одним из главных виновников переселения чеченцев и ингушей в 1944 году.

Поэтому Гайрбеков и его подбор Оргкомитета не пользуется и не будет пользоваться доверием и любовью чечено-ингушского народа. По нашему мнению, в интересах дела, следовало бы распустить нынешний состав Оргкомитета ЧИ АССР как не справившийся с возложенными на него задачами, а виновных в использовании служебного положения в личных интересах наказать.

Прошу Вас: 1) Принять соответствующие меры по данному вопросу.

2) По личному вопросу вызвать меня в Москву.

Письму Х. У. Арсанукаева было придано большое значение. Заявление тщательно проверили с выездом на место. Об итогах проверки доложили «наверх».

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ СОВЕТА
МИНИСТРОВ РСФСР А. БЕЛОВ -
ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР М. А. ЯСНОВУ
4 октября 1957 года

Член КПСС Арсанукаев Х. У. из г. Алма-Аты написал заявление на имя товарища Булганина Н. А., в котором сообщает о фактах грубого нарушения порядка выдачи разрешений чеченцам и ингушам на переезд их в Чечено-Ингушскую АССР. Автор заявления пишет, что некоторые члены оргкомитета, как Тонгиев, Дукузов, а также председатель оргкомитета т. Гайрбеков, пользуясь своим служебным положением, под видом

возвращения в Чечено-Ингушскую республику национальных кадров специалистов, возвратили в первую очередь всех своих родственников и близких людей. Кроме того, т. Арсанукаев пишет, что некоторые работники, связанные с выдачей разрешения на проезд, брали с чеченцев и ингушей взятки.

Одновременно т. Арсанукаев высказывает недоверие к Оргкомитету в его настоящем составе и вносит предложение обновить состав оргкомитета и сменить его председателя т. Гайрбекова, которого он считает слабохарактерным и беспринципным человеком, имевшим в прошлом крупные провалы в работе и даже политические ошибки.

Отделу советских органов известно, что факты нарушений порядка переезда чеченцев и ингушей в свою республику, а также допущенных отдельными работниками злоупотреблений при выдаче удостоверений на переезд обсуждались на Бюро ЦК КПСС по РСФСР и на секретариате ЦК КПСС, и виновные за это наказаны. 12 августа с. г. в городе Грозном в присутствии секретаря ЦК КПСС т. Пospelова проходил Пленум Чечено-Ингушского обкома партии, на котором обсуждались вопросы, связанные с устранением недостатков при возвращении чеченцев и ингушей в свою республику, где выработаны меры упорядочения всего этого дела.

Что касается проступков членов оргкомитета т. т. Тонгиева и Дукузова, то Чечено-Ингушский обком партии наложил на них строгое партийное взыскание и предупредил их о снятии с работы и о привлечении к более строгой партийной ответственности, если с их стороны будут допущены какие-либо новые нарушения.

Считаю возможным ограничиться принятыми мерами и на этом рассмотрение заявления т. Арсанукаева закончить.

В октябре 1958 года в Грозном были зафиксированы массовые волнения жителей, протестовавших против возвращения чеченцев и ингушей. О характере происходивших событий дает представление следующий документ.

СПРАВКА ПРОКУРОРА ПО НАДЗОРУ ЗА СЛЕДСТВИЕМ

В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРОКУРАТУРЫ СССР НЕЗДВЕЦКОГО ПО ДЕЛУ ИСАЕВА В. Е.

25 июня 1960 г. **Секретно**

По приговору Верховного суда Чечено-Ингушской АССР от 17-18 октября 1958 года осужден по совокупности преступлений к 10 годам лишения свободы:

Исаев Виктор Егорович, 1907 года рождения, русский, со средним образованием, беспартийный, ранее судимый (в 1954 г. по ст. 109 УК РСФСР - к 3 г. лишения свободы, в 1955 г. - по Указу от 3.X-55 г.), служивший в Армии в 1941-1943 гг., имеющий 3-х взрослых детей, на момент привлечения к ответственности не работавший.

Исаев осужден по ст. ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР (10 лет л[ишения] с[вободы]), 59-2 ч. 1 (5 лет л[ишения] с[вободы]), 59-7 ч. 2 УК РСФСР' (5 л[ет] л[ишения] с[вободы]).

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 13 ноября 1958 года приговор оставлен в силе, кассационная жалоба без удовлетворения.

Как видно из заключения по делу Прокуратуры РСФСР, Исаев судом признан виновным в том, что «26 августа 1958 г. принимал активное участие в массовых беспорядках, происходивших в г. Грозном и сопровождавшихся погромами, насилиями над представителями власти, избиениями граждан, а в отдельных случаях их убийствами.

Исаев выступил на площади перед толпой бесчинствующих элементов с антисоветской речью, в которой возводил клевету на коммунистов и демократические свободы советского народа, призывал к организованному прекращению работы на предприятиях, призывал к ликвидации национальной автономии чеченского и ингушского народов, подстрекал участников беспорядков к усилению бесчинств и физической расправе над членами КПСС» (из приговора).

Допрошенный в суде, Исаев виновным признал себя частично и показал: «26 августа 1958 г. я весь день занимался по хозяйству. Вечером в 7 часу я пошел в новый универмаг на Августовской улице.

Там я услышал, что чеченцы убили рабочего с химзавода, и народ собрался около памятника Ленина и выражали свое недовольство.

Я сразу передал корзину своей жене и побежал к площади.

Там действительно стояла большая толпа и многие выступали.

После одного из выступлений кто-то из толпы выкрикнул: «Сделать забастовку». Я тоже возмутился и сказал окружающим, что я выступлю. Меня поддержали, подняли на руки и я начал выступать.

В своем выступлении я говорил о бесчинствах чеченцев, о убийствах... и требовал приезда руководителей ЦК. Помимо этого я говорил о лжекоммунистах и также требовал расправы и с ними. После выступления я пошел по направлению Ленинского моста и стал плакать. Ко мне подошел один гражданин и сказал, что он коммунист с 1941 года и если так сказал, то начинай бить меня. Я ему ответил, что я говорил не о всех коммунистах.

Сейчас я считаю, что я сделал выступление необдуманно, не разобравшись с сложившимися в тот

день обстоятельствами.

Свидетели показывают на меня неправду. Когда я пошел домой и плакал, ко мне подошла женщина и успокаивала.

Ей я сказал, что я не работаю, имею большой стаж работы и меня возмущает все, например то, что меня не принимали на работу.

Я сидел целыми днями дома, готовил обеды, ходил на рынок, в магазины».

На вопросы:

«Виновным я себя признаю в том, что я выступил и по глупости сказал в части выселения чеченцев, о лжекоммунистах.

О лжекоммунистах обкома Чечено-Ингушской АССР я не говорил. О забастовке я тоже ничего не говорил.

26 августа я выпил 2 стакана вина и кружку пива. Вообще же мне нельзя пить и даже курить.

Свидетелей я не знаю, и почему они на меня говорят неправду, не знаю».

В последнем слове сказал:

«Виновным себя признаю, преступление совершил по глупости. Прошу суд учесть мою болезнь желудка».

Свидетели в суде показали:

Бондаренко, слесарь: «Исаева видел, 26 августа 1958 г. я пошел в КОГИЗ. На площади я увидел столпившийся народ. Я подошел поближе и слышал выступление т. Шепелева (секретарь Грозненского горкома КПСС. - Н. З.), который говорил, что не следует поддаваться провокации.

На Исаева я обратил внимание по той причине, что он все порывался выступить.

Исаева поднимали на руки, и он начал говорить о переодевшихся белоказаках и что-то другое. Речь у него не получилась, и он отошел.

Далее опять выступали работники обкома, народ и опять Исаев.

Его опять подняли на руки, и он начал говорить, что в обкоме сидят лжекоммунисты, но это я слышал плохо, и не утверждаю, что он говорил об обкомовских коммунистах. Всю его речь я слушал обрывочными фразами, поэтому с подробностями ее передать не смогу. Исаева я запомнил по одежде, к тому же я обратил внимание, что Исаев был в нетрезвом виде».

Любина, работник райкома: «Исаева я опознаю. 26 августа 1958 г. у нас в райкоме было совещание... в конце работы нам сообщили, что на площади творятся безобразия... Как только я подошла, я обратила внимание, как Исаева подняли на руки какие-то люди, и он начал выступать. Он говорил, что пришло время, когда ему можно высказаться, долой лжекоммунистов. Требовал приезда из ЦК и выселения чеченцев.

В этот момент подняли еще одного гражданина на руки, и кто-то из них двух сказал: «Долой Советскую власть». Сейчас я возможно не все сказала, а на следствии я говорила подробнее и все свои показания подтверждаю.

Одет был Исаев - в соломенной шляпе и пиджаке. На площади я была мало, но видела, как Исаева поднимали на руки и второй раз, когда толпа подошла к обкому».

Хахвиашвили, 1941 года рождения: «Исаева я видел 26 августа на площади, когда собралась толпа. Я был свидетелем выступлений Исаева. Он говорил о выселении чеченцев, о белоказаках, о лжекоммунистах, которые якобы сидят в обкоме. Говорил, что не работает химзавод, и если поддержит завод Красный Молот и другие, то можно многое добиться... Предлагал пойти на почту и связаться с Москвой, требовать приезда из ЦК.

Вначале Исаева слушали, когда он говорил о выселении чеченцев, а когда он говорил другое, то уже не стали слушать и даже сбросили с рук. Еще Исаев

говорил, что рабочего человека затирают и пришло то время, когда ему можно высказаться. Свои показания, данные на следствии, я подтверждаю. Вначале Исаева я не опознал, а потом узнал и теперь утверждаю, что это было то лицо».

Таболов, 1943 года рождения, ученик 8 класса: «Исаева я видел на площади 26 августа и его опознаю. В тот день я часов в 6 пошел к площади, увидел знакомого работника милиции. Он просил меня помочь разогнать всех ребят моего возраста. Я ему помог и тут же увидел, как на руках подняли Исаева, и он начал выступать.

В своем выступлении Исаев говорил, что Химзавод бастует, и часть завода Красный Молот.

Просил людей не расходиться и поддержать его выступление... Говорил, что когда он воевал с белоказаками, то там он не видел обкомовских работников, а сейчас в обкоме лжекоммунисты, требовал выселения чеченцев. Говорил в выступлении, что поднялась на ноги великая Русь, имея в виду собравшуюся толпу.

Исаева я слышал хорошо, т. к. когда его подняли, он даже держался за мое плечо».

Ярьсько, член КПСС, охранник совпартучреждения: «26 августа 1958 г. вечером я находился возле здания обкома и в толпе собравшейся публики я услышал выкрик: «Бей коммунистов, смерть коммунистам». При этом он показал рукой на обком и сказал, что там сидят все лжекоммунисты. Я подошел к Исаеву, т. к. все это он говорил, и сказал ему, что я с 1941 г. коммунист, и начинай бить с меня. Одет был Исаев в соломенной шляпе и тенниске. Когда я слышал выступление Исаева, он выступал на аллее между деревьями обкома. Я Исаева опознаю, свои показания подтверждаю и запомнил выступление Исаева на всю жизнь».

Балаков, член КПСС, сотрудник КГБ: «26 августа я по долгу службы находился на площади, где собралась толпа.

Выступали многие, и особо я обратил внимание на выступление Исаева, ранее я не знал его.

Он говорил: «Долой коммунистов, лжекоммунистов-фашистов».

Потом он сказал, что Советская власть испортила всю его жизнь. К нему подошел один гражданин и сказал: «Я коммунист, бей меня». Было это в 6-7-8 часу. Одет был Исаев в соломенной шляпе, а другую одежду я не запомнил. По речи Исаева чувствовалось, что он совершенно был трезв. За Исаевым я ходил долгое время и видел, что он ходил все время среди толпы, науськивал толпу. Исаева я хорошо запомнил и не ошибаюсь».

При изложенных обстоятельствах оснований к пересмотру дела, о чем ставит вопрос осужденный, нет».

Это мало кто знает, но возмущенные решением Н. С. Хрущева о возвращении чеченцев и ингушей трудящиеся Грозного потребовали восстановления Грозненской области и упразднения Чечено-Ингушской АССР. Чеченцев и ингушей предлагалось отправить обратно в Среднюю Азию. Инициаторы второй высылки захватили здание обкома, подготовили соответствующие документы и даже связались с приемной Н. С. Хрущева в Москве. Это были драматичные дни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СТАРШЕГО ПОМОЩНИКА ПРОКУРОРА

***ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ АССР ПО НАДЗОРУ ЗА
СЛЕДСТВИЕМ***

В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В. НОСКОВА

ПО ДЕЛУ ШВАЮКА Г. М.

5 марта 1959 г. **Секретно**

По приговору Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 15 декабря 1958 г.

Шваюк Георгий Максимович, 1914 года рождения, уроженец г. Махач-Кала, Дагестанской АССР, по национальности русский, из служащих, до ареста (1 октября 1958 г.) работал старшим инженером-гидротехником Гудермесского совхоза Чечено-Ингушской АССР, образование высшее, беспартийный, семейный, 9-10. 03. 48 г. был осужден нарсудом 1 участка г. Краснокамска, Молотовской обл. по ст. 109 УК РСФСР на 6 лет ИТЛ, осужден по ст. 59-2 ч. 1 «а» и ст. 59-7 ч. 2 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы (по каждой статье УК), без поражения в правах, но с конфискацией имущества.

Шваюк судом признан виновным в том, что 27 августа 1958 г. во время массовых беспорядков, спровоцированных враждебными и хулиганскими элементами в г. Грозном, сопровождавшихся разжиганием национальной вражды, погромами, а в отдельных случаях и убийствами, принял в них активное участие, которое заключалось в том, что осужденный: а) 27. 08. 58 г., прибыв из г. Гудермеса в г. Грозный, зная о беспорядках, у себя на квартире

составил от имени участников массовых беспорядков так называемый проект резолюции, с которым в девятом часу вечера явился в здание Чечено-Ингушского обкома КПСС, где хулиганы чинили произвол, и передал проект участникам беспорядков, и «проект» этот был немедленно размножен на пишущих машинках и оглашен участникам беспорядков, собравшимся около здания обкома КПСС. «Проект резолюции», написанный Шваюк, по своему содержанию носил провокационный характер и был направлен на разжигание национальной вражды, в нем выдвигались требования, направленные на ущемление национальных прав чеченского и ингушского народов.

б) В этот же вечер, 27.08.58 г., осужденный вместе с бесчинствующими хулиганами направлялся к зданию Главпочтамта, где явился инициатором разговора по телефону с приемной секретариата ЦК КПСС, в процессе которого от имени бесчинствующих предъявил требования шовинистического характера.

Определением Коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 9 февраля 1959 г. приговор оставлен в силе. Обвинение осужденного обосновано по показаниям свидетелей Пинчука и Пекарского, допрошенных в судебном заседании, а также подтверждено вещественным доказательством по делу (в дело приобщен т. н. «Проект резолюции»), актом и заключением графической экспертизы, установившей авторство Шваюк.

Осужденный виновным себя не признал и показал: «...Свои действия не отрицаю и считаю их не преступными...

...В автобусе я услышал разговор. Говорили о том, что назначается митинг по поводу зверского убийства работника химзавода... В порыве гнева по поводу услышанного, я дома написал проект резолюции митинга и поехал на площадь. Прибыв на площадь, я

зашел в обком партии, где этот проект резолюции отдал 2-м комсомольцам...

...В обкоме я находился примерно 5 минут, но видя, что мне здесь делать нечего, вышел снова на площадь. Я все же надеялся, что будет митинг... Находясь на площади, я увидел, как одного мужчину окровавленного окружила толпа, в числе которой очутился и я. Толпа прижала ко мне потерпевшего, и я, боясь испачкаться в крови, оттолкнул его от себя, но все равно я испачкался в крови. Я выбрался из этой толпы и зашел снова в обком партии, где встретил Пекарского. Пройдя с ним на 3 этаж, мы зашли с ним в приемную 1 секретаря, где увидел генерала, который просил освободить кабинет... Я поддержал требование генерала, но меня назвали провокатором... Когда ко мне подошел Пекарский и предложил уйти из обкома, то я с ним согласился, и мы ушли из здания снова на площадь. Там мы увидели, как толпа со знаменем пошла на почту. Мы с Пекарским пошли не с толпой, а одни. На Главпочтамте я Пекарского потерял, меня толпа прижала к кабине. Телефонистка соединила нас с Москвой, но т. к. по телефону некому было говорить, то мне передали трубку. Я стал разговаривать с Москвой, с приемной 1-го секретаря ЦК партии. Я у него спросил: «Знаете ли Вы о том, что творится в Грозном, что народ ждет представителей из Москвы, что нужно положить конец зверским убийствам, дело дошло до того, что некоторые требовали возвращения Грозненской области и выселения чеченцев...»

...Содержание резолюции имеется в тексте, лично написанном мною. Текст... написан лично мною... Я считаю, что мой проект не направлен на разжигание национальной вражды. Когда я подошел к обкому, было уже около 8 часов вечера. Я не обратил внимания на разбитую вывеску, стекла. Войдя внутрь, не заметил, что творилось внутри здания... До передачи проекта я

ничего не видел, а когда уже передал проект, то заметил творившиеся беспорядки... Проект резолюции меня никто не уполномочивал писать, а также разговаривать с приемной 1-го секретаря ЦК партии, разговаривать я стал по своей инициативе...»

Свидетели в суде показали:

Пинчук: «Шваюк говорил мне, что он сознательно принимал участие в демонстрации жителей г. Грозного, и свои требования признавал справедливыми».

Пекарский: «27. 08. 1958 г. в часов 9 вечера я встретился со Шваюк в обкоме партии, пошли с ним в приемную 1 секретаря, оттуда мы пошли на площадь... Мы пошли с Шваюк на Главпочту, где я его в толпе потерял. Вторично я его встретил в трамвае. Он мне рассказывал, что звонил в Москву и разговаривал с приемной 1-го секретаря, он сказал, что творится в Грозном, на что из Москвы ответили, что им ничего неизвестно. Шваюк мне рассказывал, что по телефону он при разговоре назвал свою фамилию... Потом рассказал, как на площади избивали чеченца, и говорил, что он написал и передал проект резолюции. Когда я был в обкоме партии, то кто-то мне рассказывал, не помню кто, что с балкона обкома партии зачитывался какой-то документ, т. е. проект, в котором указывались требования о переименовании республики в Грозненскую область, выселении чеченцев, и этот проект был принят и одобрен толпой...»

В «Проекте резолюции митинга трудящихся гор. Грозного 27 августа 1958 г.», написанном осужденным Шваюк, указывается: «Учитывая проявление со стороны чечено-ингушского населения зверского отношения к народам других национальностей, выражающихся в резне, убийстве, насилении и издевательствах, трудящиеся города Грозного от имени большинства населения республики предлагают:

1. С 27 августа переименовать Чечено-Ингушскую АССР в Грозненскую область или же многонациональную советскую социалистическую республику.

2. Чечено-ингушскому населению разрешить проживать в Грозненской области не более 10% от общего количества населения...

...4. Лишить всех преимуществ чечено-ингушское население по сравнению с другими национальностями с 27. 08. 58 г.».

Указанный «Проект резолюции» был обнаружен в здании Чечено-Ингушского обкома КПСС 28 августа 1958 г. в 2 часа ночи вместе с копиями этого «проекта» на бланках обкома КПСС.

Амбулаторной судебно-психиатрической экспертизой осужденный Шваук Г. М. признан вменяемым.

Не усматривая оснований для принесения протеста в порядке надзора на приговор Верховного суда Чечено-Ингушской АССР, учитывая, что вина осужденного доказана, осужден он обоснованно, а мера наказания определена с учетом содеянного.

Руководствуясь ст. 428 УПК РСФСР

ПОЛАГАЛ БЫ:

В принесении протеста в порядке надзора на приговор Верховного суда ЧИ АССР по делу Шваук отказать.

Жалобу осужденного Шваук и настоящее постановление (в 2 экз.) направить в Отдел по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел Прокуратуры РСФСР, по принадлежности.

Дело по обвинению Шваук Г. М. направить в УАО КГБ при СМ ЧИ АССР для дальнейшего хранения.

То, что происходило в Грозном в августе 1958 года, подробно исследовал историк В. Козлов. Вот хроника

событий, восстановленная им с завидной скрупулезностью.

23 августа 1958 г. Убийство рабочего Степашина. Началось все с «интернациональной» выпивки. В ней участвовали три чеченца и русский. Кто-то из чеченцев, разогретый спиртным, стал требовать (по версии расследователей) от русского, чтобы он поставил еще одну бутылку. Завязалась ссора. Один из чеченцев ранил русского ножом, другой за него заступился. После этого хулиганы отправились на танцы в Дом культуры, где встретились с двадцатитрехлетним рабочим химического завода В. Степашиным и его товарищем А. Рябовым. Пьяные чеченцы начали ссору из-за девушки и, обладая численным превосходством, стали преследовать молодых людей. Рябову удалось скрыться, а Степашин поскользнулся и упал. Преследователи настигли его, избили и нанесли пять ножевых ранений. Молодой рабочий умер на месте. Оба преступника были арестованы. Убийство, не носившее политического характера, получило широкую огласку. Активизировались античеченские настроения...

25 августа. Вечер и ночь в доме убитого. Утро похорон. Устанавливать гроб с телом в клубе в здании горкома партии власти посчитали нецелесообразным – это, по их мнению, могло вызвать еще большую напряженность между чеченцами и русскими. И тогда обиженные друзья убитого установили гроб в саду перед домом его невесты в поселке Черноречье. Там жила основная масса рабочих химического завода. Молодые люди решили превратить прощание с другом в своего рода митинг протеста. Были написаны и расклеены объявления.

У гроба Степашина начались стихийные выступления. Инициатива исходила от заслуженных и вполне вроде бы законопослушных людей. Приехал

семидесятитрехлетний старик Л. И. Мякинин, хорошо знавший убитого как товарища своего сына. Мякинин сказал у гроба: «...чеченцы убивают русских – то одних, то других, не дают нам спокойно жить. Надо написать коллективное письмо, собрать подписи, выделить человека, который отвезет письмо в Москву...» Его поддержали.

Утром 26 августа стали появляться петиции к властям. Автор одной из них, Галина Корчагина, инвалид 1-й группы, написала в ученической тетради: «Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу К. Е. Ворошилову. Мы, матери, отцы своих детей, юноши и девушки, обращаемся к Вам как можно скорей принять меры к прекращению убийств и хулиганских поступков со стороны чеченцев и ингушей, так как мы, русские, живем под страхом». Автор зачитала написанное у гроба, попросила подписать.

К часу дня в поселок Черноречье явилось обкомовское партийное начальство. Секретарь обкома запретил митинг перед выносом тела. Тогда начались разговоры, что надо идти к обкому и продолжить митинг там.

26 августа. Траурная процессия. Стихийный митинг. Гроб с телом Степашина его товарищи понесли на руках. К 5 часам вечера похоронная процессия, обросшая множеством случайных людей, подошла к обкому. Площадь была запружена – собралось около 4 тысяч человек. Все же чернореченцы поддались на уговоры властей, перебрались от здания обкома на площадь Орджоникидзе и оттуда, уже на машинах химического завода, отправились на кладбище.

Когда траурная процессия удалилась на кладбище, на площади у обкома осталось большое количество обывателей, не имевших никакого отношения к похоронам. В конце концов митинг возник случайно. На нем прозвучали уже не только античеченские, но и

«антисоветские» мотивы, недовольство Хрущевым и его политикой.

Ночь с 26 на 27 августа. Штурм обкома. Собравшиеся на стихийный митинг поначалу проявляли готовность к диалогу с властью. Однако ближе к ночи агрессивная и «незаконнопопослушная» часть толпы откололась от митинга и начала штурм обкомовской твердыни. Ворвавшись в здание, бунтовщики «открывали служебные кабинеты, искали секретарей обкома». К полуночи милицией и подразделением войск МВД обком был очищен от «митингующих». Но толпа наиболее «отпетых» и подогретых спиртным людей не расходилась. Учащиеся ремесленного училища, снимав с себя поясные ремни и взмахивая пряжками, бессмысленно носились по коридорам и кабинетам, вряд ли отдавая себе отчет в том, зачем они это делают. Силами милиции и КГБ здание было вновь очищено...

27 августа. Утро на площади. Листовки. С утра в городе появились листовки, обращенные к рабочим. Кажется, властям так и не удалось выяснить, кто во время короткой ночной передышки (с 3 ночи до 8 утра) успел написать и размножить их на машинке: «26 августа 1958 года наши товарищи проносили гроб с трупом убитого чеченцами рабочего мимо обкома партии. Органы милиции вместо принятия мер к наказанию убийц задержали 50 человек наших рабочих. Так давайте же в 11 часов бросим работу и пойдем к обкому партии требовать их освобождения»...

Вручая листовку рабочему, какой-то неизвестный сказал, что для поездки к обкому специально выделены автомашины – находятся около гаража химического завода. Рабочий показал листовку бригадиру, тот другим. Призыв попал на «разогретую» почву. По инициативе бригадира члены бригады вместе с другими

рабочими химического завода поехали в центр города – на митинг.

Это один из самых непонятных эпизодов в истории грозненских волнений. Что это были за машины, уже стоявшие наготове? Кто и когда сумел организовать коллективную поездку рабочих на митинг? И можно ли заподозрить в авторстве грамотно написанной листовки, да еще отпечатанной на пишущей машинке, хулиганов, громивших ночью обком и бессмысленно метавшихся по зданию, размахивая ремнями? А не попытался ли кто-то из местных русских «начальников» или работников «органов» использовать беспорядки для провокационной цели – подтолкнуть ЦК КПСС к силовому решению чеченской проблемы, возрождению репрессивного духа сталинского времени?

К 10 часам утра на площади вновь собралась большая толпа. Часть ее, несмотря на уговоры, оттеснила охрану и через главный подъезд ворвалась в здание. Их снова вытолкали. Но толпа не расходилась.

27 августа. Полдень. Захват обкома. Погром. К полудню на площади у здания обкома собралось уже более 1000 человек. Здесь же оказалась грузовая автомашина, в кузове которой стоял стол и был установлен микрофон. У микрофона выступали сначала женщина, потом неизвестный мужчина старше 40 лет, призывая к «выселению» чеченцев и ингушей, требуя освободить задержанных и прекратить работу на заводах. Примерно в час дня от митингующих снова откололась большая группа хулиганов, ворвалась в обком и заполнила все помещения: ломали мебель, били стекла в окнах, выбрасывали на улицу деловые бумаги, календари, кричали, свистели, некоторые из них призывали бить чеченцев и «устранить» местных руководителей.

Часть нападающих пробралась на крышу здания и стала жечь там бумагу. Другая группа заполнила

галерею балкона 3-го этажа и оттуда выкрикивала «провокационные призывы». В служебных кабинетах нападавшие разливали чернила, рвали настольные календари и бумагу, срывали с окон занавески. В столовой обкома были открыты все водопроводные краны и краны газовых горелок. К счастью, коммунальные службы довольно оперативно прекратили подачу газа в здание. Толпа набрасывалась на «начальников», избивала их, рвала одежду.

27 августа. Нападение на МВД и КГБ. «Проект резолюции». Около пяти часов дня группа хулиганов набросилась на заместителя министра внутренних дел республики Шадрин и стала требовать списки задержанных. Затем насильно вытащила его на площадь. Туда же приволокли руководящих работников обкома. Другая часть погромщиков ворвалась в здание КГБ. Оружие сотрудники МВД не применяли, пытались уговаривать. Их не слушали, открывали двери служебных комнат, – искали задержанных. В 18 часов 30 минут были вызваны две пожарные машины якобы для тушения пожара. Одну тут же опрокинули, у другой повредили электропроводку и выпустили воздух из шин.

Около 8-9 часов вечера в захваченное здание обкома пришел Георгий Шваук и принес написанный им «проект резолюции».

– В автобусе, – рассказывал он на суде, – я услышал, что назначается митинг по поводу «зверского убийства работника химзавода», в порыве гнева дома написал проект резолюции и поехал на площадь, где отдал его двум комсомольцам.

Как и многие другие, Шваук оказался в гуще событий случайно. Однако написанный им проект не был результатом спонтанно вспыхнувших эмоций. Автор документа на короткий срок стал идеологом беспорядков, попытавшимся, так сказать,

«облагородить» действия погромщиков какими-то осмысленными политическими требованиями.

В проекте предлагалось:

1. С 27 августа переименовать ЧИАССР в Грозненскую область или же многонациональную советскую социалистическую республику.

2. Чечено-ингушскому населению разрешить проживать в Грозненской области не более 10% от общего количества населения...

Этот шовинистический документ был немедленно размножен на пишущих машинках и оглашен участникам беспорядков. Нашли его через несколько часов в здании обкома вместе с копиями, отпечатанными на обкомовских бланках.

27 августа. 9 часов вечера. «Свяжите нас в Москвой». Около 9 часов вечера толпа загорелась новой целью: немедленно добиться «главной правды» у «верховного арбитра» – «правительства», ЦК КПСС. Под красным знаменем, взятым в здании обкома, бунтовщики направились на городскую радиотрансляционную станцию.

Толпу в здание не пустили. Тогда она отправилась на междугородную телефонную станцию. На этот раз бунтовщики действовали более решительно, но охрана применила оружие и ранила двоих. Лишь с третьей попытки, с городской почты, участники волнений дозвонились наконец в Москву. Разговор вел автор «проекта резолюции» Шваюк.

Ночь с 27 на 28 августа. На вокзале. Все под тем же красным знаменем около 300 человек прямо с почты отправились на городской вокзал. Толпа почти на два часа задержала отправление пассажирского поезда Ростов – Баку. На рельсы набросали камни, костыли, похитили ключи от двух стрелок. Раздавались античеченские выкрики.

...В полночь в Грозный были введены войска. Через 20 минут они оказались на станции. Толпа сопротивлялась – забрасывала военных и железнодорожников камнями. Солдаты, действуя прикладами и не открывая стрельбы, быстро подавили сопротивление. Беспорядки были прекращены. Четыре дня в городе действовал комендантский час. До 30 августа охрану важнейших объектов и патрулирование по городу осуществляли армейские подразделения.

Количество жертв. Поиск виновных. Аресты. Следствие. В результате беспорядков пострадали 32 человека, в том числе 4 работника МВД и милиции республики. Два человека (из числа гражданских) умерли, 10 были госпитализированы.

После событий органы МВД тщательно «профильтровали» город. Милиция возбудила 58 уголовных дел. Выявлялись «лица, не занимающиеся общественно полезным трудом – для решения вопроса об удалении из гор. Грозного». На 15 сентября 1958 г. таких оказалось 365 человек. 15-16 сентября состоялся суд над убийцами рабочего Степашина. Один из них был приговорен к расстрелу, другой – к 10 годам лишения свободы и 5 годам «поражения в правах».

Участники волнений в Грозном добились одного. Ситуация в городе и в республике стала предметом обсуждения на Пленуме ЦК КПСС в сентябре 1958 г. В самом сообщении, сделанном секретарем ЦК КПСС Н. Г. Игнатовым, выезжавшим в Грозный для разбирательства, одной из главных причин возникновения беспорядков были названы «крупные ошибки в работе бюро обкома, горкома партии и Совета министров республики» – у них, помимо прочего, не было «должного единства». Между партийными боссами и «массой» явно не было взаимопонимания.

Московские партийные руководители так и не сумели дать серьезную политическую оценку событиям,

которые явно вышли за рамки случайного эпизода, - в центре относительно небольшого города буйствовала толпа численностью до 10 тысяч человек. Дело ограничилось чисто полицейскими мерами и обычной идеологической говорильней. Неудивительно, что, несмотря на все усилия властей, этническая напряженность как в Грозном, так и в республике сохранялась...

Хрущеву пришлось согласиться на введение в Чечне и Дагестане, куда прибывали возвращавшиеся из спецпоселений чеченцы и ингуши, особого паспортного режима. Преступность в ряде районов росла невиданными темпами.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ
РСФСР

М. ЯСНОВ -

СОВЕТУ МИНИСТРОВ СССР

27 октября 1958 г **Секретно**

Кабардино-Балкарский обком КПСС, Чечено-Ингушский обком КПСС и Совет Министров Чечено-Ингушской АССР обратились в ЦК КПСС и Совет Министров РСФСР с просьбами о введении особого паспортного режима в г. Нальчике и на территории прилегающих к нему населенных пунктов, а также в гг. Грозном, Малогбеке и на территории Грозненского района.

Эти просьбы мотивируются тем, что в указанные города и населенные пункты за последнее время усилился приток различных уголовных и деклассированных элементов, которые не занимаются общественно-полезным трудом, дезорганизуют общественный порядок и совершают уголовные преступления. Учитывая изложенное, Совет Министров

РСФСР просит разрешить ввести в г. Нальчике и прилегающих к нему населенных пунктах Белая Речка, Хасанья, Вольный Аул, Цементный и Известковый заводы Кабардино-Балкарской АССР и в гг. Грозном, Малогбеке и на территории Грозненского района Чечено-Ингушской АССР паспортные ограничения, предусмотренные статьей 40 Положения о паспортах, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 21 октября 1953 года № 2666-1124.

Разослано: МВД (т. Дудорову), КГБ (т. Серову), Прокуратуре (т. Руденко) и Верховному Суду (т. Горкину) на заключение. 31 октября 1958 г. Ф. Козлов.

В деле имеются копии заключений за подписями председателя КГБ при Совете Министров СССР и Генерального прокурора СССР с согласием на предложение М. Яснова. Заключение МВД приводим полностью.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР Н. П. ДУДОРОВ -
СОВЕТУ МИНИСТРОВ СССР
26 ноября 1958 г. **Секретно**

В связи с письмом Совета Министров РСФСР от 27 октября 1958 года № 572 о введении особого паспортного режима в г. Нальчике и в прилегающих к нему населенных пунктах, а также в гг. Грозном, Малогбеке и на территории Грозненского района Министерство внутренних дел СССР докладывает следующее.

Распоряжением Совета Министров СССР от 1 ноября 1958 года № 3631 на г. Грозный и Грозненский район Чечено-Ингушской АССР распространены ограничения, предусмотренные статьей 40 положения о паспортах.

Что касается г. Нальчика и прилегающих к нему населенных пунктов Кабардино-Балкарской АССР и г. Малогбека Чечено-Ингушской АССР, то МВД СССР считает нецелесообразным вводить там особый паспортный режим.

Как показывает практика работы органов милиции, установление особого паспортного режима в тех или иных местностях не влечет за собой снижения уголовной преступности. Нередко отказы в прописке к семьям лицам, подпадающим под паспортные ограничения, толкают многих из них на совершение повторных преступлений. С другой стороны, введение ограничений в прописке в связи с установлением особого паспортного режима резко увеличивает число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за нарушение паспортного режима.

О проблемах расселения возвращавшихся чеченцев и ингушей хорошо видно по следующей докладной записке.

ПОСТОЯННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ
ДАГЕСТАНСКОЙ АССР В СОВЕТЕ МИНИСТРОВ РСФСР
М. ХАДЖИЕВ -
СОВЕТУ МИНИСТРОВ РСФСР
31 марта 1960 г.

О некоторых вопросах переселения из районов Средней Азии чеченского населения на территорию Дагестанской АССР

В связи с восстановлением национальной автономии Чечено-Ингушской АССР и возвращением в ее состав Веденского, Курчалоевского, Саясановского и Ножай-Юртовского районов, в соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР от 12 апреля 1957 года № 206, из указанных районов должно быть переселено в 1957 году на территорию Дагестанской АССР 4000 семей колхозников (дагестанцев).

Однако, в силу сложившихся особых обстоятельств, по указанию Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР из этих и некоторых других районов ЧИ АССР за 1957-1958 гг. переселено было 14414 семей дагестанцев (около 60 тысяч человек).

За это же время из 4629 семей, ранее проживавших на территории Дагестанской АССР, возвратилось в республику из районов Средней Азии 3508 семей (чеченцев). Кроме того, в республике на 1. 1. 1959 года оставались хозяйственно неустроенными по разным причинам 210 семей колхозников-горцев, переселенных в плановом порядке в плоскостные районы республики.

Таким образом, предстояло хозяйственно устроить и создать необходимые культурно-бытовые условия 18132 семьям переселенцев.

Неравномерное переселение и отсутствие необходимых производственных и бытовых условий

привело к тому, что более 12 тысяч семей переселенцев вынуждены, в настоящее время, находиться на подселении во временных и приспособленных помещениях.

На 1 января 1960 года по неполным данным подготовлено около 4000 типовых и 5200 временных (будущих хозяйственных сараев) переселенческих домов, и находятся в стадии строительства 4604 типовых дома, с готовностью до 50-60 процентов.

Более 80 процентов указанных выше переселенцев размещены (расселены) в Казбековском, Новолакском (б. Ауховском) и Хасав-Юртовском (в основном в городе) районах республики, имеющих и без того крайне ограниченные хозяйственные и производственные возможности, что привело к перенаселению этих районов.

До 1944 года на территории Дагестанской АССР проживало чеченского населения примерно около 4700 семей. По состоянию на 1 марта 1960 года возвратилось 3508 семей (чеченцев), из которых 3128 семей устроены и работают в колхозах, совхозах и на предприятиях. В настоящее время в районах Средней Азии находится примерно 1131 семья чеченцев, ранее проживавших на территории Дагестанской АССР.

Следует особо отметить, что многие семьи чеченцев, в нарушение плана переселения и соответствующих законов, без всякого на то разрешения, возвратились в Дагестанскую АССР, самовольно расселяются в городе Хасав-Юрте, в Хасав-Юртовском, Казбековском, Новолакском и Кизил-Юртовском районах, в которых, в связи с этим, создано крайне тяжелое положение, а часть прибывшего чеченского населения оказалась без всякого жилья и работы. В связи с перенаселением и ограниченными земельными и экономическими

возможностями, эти районы не в состоянии принять и трудоустроить дополнительного населения.

Предложение Дагестанского обкома КПСС и Совмина Дагестанской АССР о дальнейшем расселении и трудоустройстве чеченского населения в колхозах и совхозах Бабай-Юртовского, Кизил-Юртовского и Кизлярского районов является правильным, так как указанные районы имеют соответствующие экономические возможности и ощущают значительный недостаток рабочей силы.

Однако, учитывая большое количество необеспеченных жильем и нетрудоустроенных вообще переселенцев, значительно целесообразнее было бы прекратить возвращение оставшегося в районах Средней Азии чеченского населения на территорию Дагестанской АССР, до полного хозяйственного и трудового устройства всех 18132 семей переселенцев.

Конфликты продолжались и в 1964 году. Дракам, избиениям, поножовщине не было конца...

ПРОКУРОР ДАГЕСТАНСКОЙ АССР А. ПАКАЛОВ -
ПРОКУРОРУ РСФСР В. М. БЛИНОВУ
6 октября 1964 г. **Секретно**

Как Вам сообщалось спецсообщением от 3 октября 1964 года за № 315с, что 30 сентября 1964 г., примерно в 18 часов 30 минут, в сел. Новокули Новолакского района, большая группа лакцев-колхозников этого селения, вооружившись палками, лопатами, вилами, пыталась расправиться с чеченцами, находившимися на окраине этого селения, построившими самовольно дома на земле, принадлежащей колхозу имени Ленина.

Принятыми мерами возможные тяжелые последствия были предотвращены. Тем не менее, двое

чеченцев – Алхотов Айдамир и Асланадиев Зайнугдин получили легкие телесные повреждения.

Толпа вернулась в село к правлению колхоза и долго не расходилась, требуя решить и их вопрос – удаления чеченцев-самовольщиков. К часу ночи 1 октября, после долгих уговоров, участники стычки – лакцы разошлись по домам.

Как показала проведенная проверка, указанный конфликт возник на почве изнасилования гражданином Б. – чеченец по национальности, 16-летней доярки Б. в сел. Новокули (лачка).

После этого, 2 и 3 октября 1964 года большая группа чеченцев в количестве около 400 человек, вооруженных палками и ножами, подошли к сел. Новокули и пытались учинить расправу над жителями этого села, но работниками МООП (Министерства охраны общественного порядка. – Н. З.) и КГБ ДАССР было предотвращено столкновение между ними.

Вблизи села Новочуртах Новолакского района 2 октября вооруженная кинжалами и ножами группа чеченцев напала на 6 колхозников-механизаторов колхоза им. Жданова и нанесла им тяжелые ранения. Все они доставлены в больницу.

По этим фактам массовых беспорядков Комитетом госбезопасности при СМ ДАССР 2 октября 1964 г. возбуждено уголовное дело и ведется расследование бригадой следователей КГБ в составе 6 человек.

На место происшествия выезжали прокурор ДАССР т. Пакалов А. Г., и. о. председателя КГБ при СМ ДАССР т. Карибов и министр охраны общественного порядка т. Разуванов В. Ф.

В настоящее время проводится тщательное расследование, о результатах следствия Вам будет сообщено дополнительно.

Беспорядки в Чечено-Ингушетии продолжались. Приведенная ниже телеграмма поступила Н. С. Хрущеву в день его снятия с поста первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

**ТЕЛЕГРАММА ГРУППЫ
ЧЕЧЕНЦЕВ Н. С. ХРУЩЕВУ**

И МИНИСТРУ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

РСФСР Р. А. РУДЕНКО

16 октября 1964 г.

Карательные органы Дагестана производят массовые аресты и высылки невинных чеченцев, поселившихся в Новолакском районе, целью вынудить их покинуть район. Просим принять меры прекращению необоснованных репрессий. Хутиев, Кадилов, Оздарбиев, Хасанбеков, Саламов, Магамаев, Перзукаев, Аурбиев, Эскаев, Зайнулабидов, Сокское Новолакский ДАССР.

Услышали ли власти тиканье взрывного механизма, прежде чем там оглушительно рвануло? Местные услышали, и делали все возможное для предотвращения взрыва. Руководство ЧИР, по заявлению Д. Завгаева, достигло взаимопонимания с руководством Северной Осетии по проблеме Пригородного района. И если бы не осенние события 1991 года в Грозном, не разыгралась бы через год кровавая драма между осетинами и ингушами, не запылала бы дома во Владикавказе, в которых проживали ингуши, не превратились бы в развалины ингушские села Тарское, Куртай, Дачное, Чернореченское, Чермен, поселок Южный и другие, не пошел бы сосед на соседа.

Уж сколько политиков терпели крах, потому что опирались на волюнтаризм и субъективизм, обожали противоречащие природе вещей явления. Все переходы от одного состояния к другому должны совершаться осторожно, плавно, с максимальным учетом возможных последствий принимаемых решений. С одной стороны, базируя на основе этих, так сказать, методологических

принципов свои действия, а с другой подстегиваемые нараставшей активностью оппозиции, официальные власти Грозного начали все более настойчиво ставить перед Москвой вопрос о пересмотре ряда так и не отмененных полностью к тому времени постановлений по чеченцам и ингушам.

С этой целью руководство республики предпринимало далеко не простые шаги. Было всякое – и непонимание, и расхождение мнений, и разное отношение к документам из кремлевских спецхранов. У Д. Завгаева, по его словам, было много бесед с М. Горбачевым, А. Лукьяновым, Н. Рыжковым, Б. Ельциным, главами союзных спецслужб. При каждом удобном случае руководитель Чечни снова и снова поднимал этот вопрос.

– По сути, продолжают последствия репрессивных мер, – в сердцах произнес он во время очередной встречи в кремлевских верхах.

От него потребовали доказательств.

– В составе правительства, – сказал он, – ни одного министра-чеченца или ингуша, в обкоме партии – то же самое, за исключением должности заведующего отделом строительства. Аналогичная картина в науке, культуре, здравоохранении. Почему такие ограничения?

Приведенные аргументы произвели впечатление. Кое-кто из высшего руководства страны не располагал такими сведениями. Аппаратно-кадровая телега катилась по наезженной в пятидесятые годы старой колее. Ограничения, введенные в те приснопамятные времена, действовали и в конце восьмидесятых.

Первой маленькой победой было присвоение звания Героя Советского Союза М. Висаитову. В годы Великой Отечественной войны он храбро сражался на фронте, прошел боевой путь от Терека до Эльбы. Одним из первых форсировал немецкую реку и встретился с союзниками, за что и получил орден из рук

американского генерала. Боевой подвиг Висаитов совершил значительно раньше, был представлен к Звезде Героя, но из-за национальности не получил. Ограничились орденом Ленина. А после депортации его боевые заслуги вообще стали замалчивать. Звание Героя ему присвоили посмертно.

Между тем вставал вопрос о необходимости принятия закона о реабилитации репрессированных народов. Только крупный законодательный акт подобного калибра мог поставить окончательную точку в полувековом деле о восстановлении исторической справедливости. Все остальные постановления и распоряжения сыграли бы половинчатую роль, как это уже случилось в пятидесятые годы. Надо было дать четкое определение репрессированных народов, признать их право на восстановление национально-государственных образований и территориальной целостности, существовавших до насильственного перекраивания границ, предусмотреть возвращение прежних исторических названий населенным пунктам и местностям, незаконно замененным после выселения коренного населения. Надо было, наконец, определить меры по возмещению ущерба, причиненного государством.

Закон о реабилитации репрессированных народов был принят 26 апреля 1991 года. Правда, отношение к нему сегодня неоднозначное. Это один из тех законов Российской Федерации, который вызывает полярные оценки. Одни видят в нем момент высшей нравственности, восстанавливающий историческую справедливость, другие – правовой акт, спровоцировавший дальнейшую межэтническую напряженность в этом регионе. В качестве примера приводят не затухающий до сих пор ингушко-осетинский конфликт.

Мудры были предки с их заповедью: «Не буди лихо».
Самонадеянные потомки не послушались, разбудили...

«Мы не европейцы и не азиаты...»

Из преамбулы «Концепции национально-государственной политики Чеченской Республики Ичкерия»:

«Чеченская нация является этнической корневой частью Кавказской расы, одним из древнейших источников человеческой цивилизации, первоосновой духовности, прошла через хурритскую, миттанскую, урартскую культуры и выстрадала свою историю и право на достойную жизнь, стала образцом жизнестойкости и демократии.

Мы не европейцы, мы не азиаты. Мы – кавказцы. Наша история, язык, культура, духовность, люди уникальны. Мы желаем совместно владеть нашей уникальностью со всем миром, внося в мировую копилку весомый вклад».

Из первого раздела «Концепции...», озаглавленного «Русизм – как главный источник насилия»:

«Русизм – это особая форма человеконенавистнической идеологии, основанная на великодержавном шовинизме, полная бездуховности и безнравственности. Отличается от известных форм фашизма, расизма, нацизма особой жестокостью как к человеку, так и природе, к самому Создателю Миров. Принцип действия – уничтожение всего и вся, тактика выжженной земли. Отличается шизофренической формой мании мирового господства. Обладая рабской психологией, паразитирует на ложной истории, на экспансированных территориях и народах. Русизму

характерен постоянный политический, юридико-правовой, идеологический терроризм.

Русизм – национальная и государственная политика и идеология России. (Ст. 2 Устава Специальной Безапелляционной Судебной Коллегии ЧРИ)».

Из «Историко-юридической справки русско-чеченского противостояния»:

1559 г. – Сооружение первого российского опорного пункта в Чечении в поселке Тарки.

1707 г. – Разгром Таркской крепости чеченцами.

1722 г. – Российский царь Петр I терпит поражение в завоевательной битве против кавказцев.

1784 г. – Построение русскими Владикавказской крепости.

1785-1791 гг. – Образование государства шейхом Мансуром-Ушурмой.

1818 г. – Построение крепости Грозной генералом Ермоловым.

1834-1859 гг. – Имамат под правлением Шамиля.

1864 г. – Оккупация территории Чечении Россией.

1864-1865 гг. – Первый геноцид чеченцев и других кавказских народов путем ссылки 700 тысяч человек.

1877 г. – Национально-освободительная борьба против России под руководством Али-Бека Хаджи.

17 августа 1917 г. – Провозглашение Чечено-Дагестанского имамата.

11 марта 1918 г. – Создание Горской республики, возглавляемой Тапой Чермоевым.

1919 г. – Война с войсками Деникина.

1920 г. – Оккупация Чечении российскими большевиками.

Август 1920 г. – Война чеченцев во главе с Саид-Беком против большевиков.

21 января 1921 г. – Насильственное (по декрету большевиков) включение Чечении Россией в состав

Горской Автономной Республики (Чечения, Ингушетия, Осетия, Кабарда, Балкария, Карачай).

1924 г. - Образование Чеченской и Ингушской автономных областей по декрету большевистского правительства.

1929-1930 гг. - Возобновление войны против большевиков в связи с принудительной коллективизацией.

1936 г. - По постановлению Совнаркома создание Чечено-Ингушской Автономной Республики.

Февраль 1940 г. - Объявлено временное правительство Хасана Исраилова.

23 февраля 1944 г. - Ссылка полностью всего народа (около миллиона человек) в Казахстан и Среднюю Азию. Второй геноцид чеченского народа. Погибло свыше 4000 человек.

1957 г. - Возвращение из ссылки на Родину.

24 - 26 ноября 1990 г. - Первый съезд чеченского народа. Провозглашение независимости Чечении.

Нет в мире народов, полностью похожих друг на друга. Различны их культуры, традиции, законы. Не являются исключением и чеченцы.

Их отличительная черта - иная глубина исторической памяти. Если мужчина-чеченец хочет быть уважаемым, он должен знать не менее семи поколений своих предков. Притом не только имена, но и обстоятельства их жизни и смерти, а также места, на которых покоятся могильные камни. Все кавказцы обладают хорошей памятью и потому не забывают ни добра, ни зла. Зла, как правило, не прощают. Но за добро остаются благодарны до последнего своего вздоха.

Семь поколений предков, которые должен знать и помнить каждый уважающий себя мужчина-чеченец, - это как раз время, прошедшее с начала Кавказской

войны 1817-1864 годов. Поэтому если для большинства россиян начало XIX века представляется чем-то абстрактно-историческим, то для чеченцев, ингушей и других кавказских народов давно ушедшие в небытие годы воплощены в совершенно конкретные судьбы членов их родов, семей. Это среднестатистический русский или белорус не знает, как жили, погибали или пропадали его предки не то что в конце XVIII века, а и в более близкие времена, скажем, в начале XX столетия. Кавказцы помнят, что происходило с людьми их рода как минимум до седьмого колена. Для каждого из них священен завет далеких предков: любое деяние, благое или злое, бесследно не пропадает. Сегодня или в будущем, но оно непременно будет иметь последствия.

Не надо искать в этих строках иного смысла. Здесь нет ни противопоставления народов, ни выпячивания достоинств одних и умаления других. Это простая констатация фактов, призванных помочь понять, череда каких роковых исторических и этнографических обстоятельств сошлась и завязалась в тугой узел к моменту, когда в республике рвануло.

Память о предках – это не только знание того, куда они делись и в силу каких причин оказались под могильным камнем. Память о предках – это еще и имена тех, от чьей руки они пали. И тут снова приходится обращаться к Кавказской войне, шедшей на этой земле более 45 лет.

Зачем она велась? Кто был прав, кто виноват в той войне? Была ли одержана победа? На эти вопросы и по сей день нет прямого и точного ответа. Спорят историки и политики, беллетристы и военные. Одно, наверное, бесспорно: для России это была в некотором смысле «война престижа», «карманная война», с различной степенью удач по «усмирению» горцев. Для горских народов речь шла о защите национально-

религиозной независимости, сохранении своих вековых устоев.

На владычество на Кавказе претендовали три могучие империи – Россия, Турция и Персия. И, как всегда бывало в истории в таких случаях, отношение к соперничеству гигантов со стороны кавказских народов не учитывалось. Россия отстаивала свои права в этом противостоянии, и к ней народы Северного Кавказа «отошли» как бы автоматически.

Как отнеслись горцы к данному повороту событий? До сих пор на Кавказе жива такая легенда. Когда один из русских генералов попытался объяснить жителям горного аула, что турецкий султан уступил Кавказ русскому царю в дар, то слушатель, древний старец, показал на вспорхнувшую с дерева птичку и сказал:

– Дарю тебе ее. Возьми, если можешь.

Горцы жили вольными обществами. Попытки царской администрации навязать им российские законы и обычаи вызвали недовольство. Сегодня каждый школьник в Чечне знает, что в 1824 году против пришельцев выступил Бейбулат Таймазов, имя которого в советские времена умалчивалось из-за опасения быть обвиненными в возрождении национализма, в вознесении на щит национальных героев прошлого. С восстания Таймазова борьба против русского владычества на Кавказе получила свое религиозно-идеологическое обоснование – мюридизм. Раньше писали, что идеология мюридизма была реакционной, отсталой, поскольку изолировала горцев. Сейчас преобладает противоположная точка зрения.

Мюридом – «ищущим путь к спасению» – называли мусульманина, посвятившего себя духовному совершенствованию во имя сближения с аллахом. Кроме строгого соблюдения всех положенных по исламскому учению правил, мюрид должен подражать во всем пророку Мухаммеду. Одним из главных путей духовного

совершенствования считалось участие в священной войне против «неправоверных». Идея такой войны – газавата – была одним из политических лозунгов мюридов.

К слову, с газаватом в исторической литературе напутано сильно. Газават – это сторона джихада, в которой не обязательно воевать и стрелять в «неверного». Есть джихад с самим собой. К примеру, расстался с какой-либо вредной привычкой – значит, сделал джихад. Чеченские святые мудрецы давно сказали: не правы те, кто считает, будто джихад – оборонительная война, а газават – наступательная. В Коране как сказано? «Воюйте против неверных». А кто такие неверные? Это не христиане, а те, кто вообще не верит в Бога. Христиане и иудеи – «люди книги», Мария и Иса (Иисус) – почитаются в Коране. Нигде в Коране не сказано о насильственном обращении в мусульманство.

В долгой истории взаимоотношений Кавказа с Россией было, разумеется, всякое. Сеялись как семена добра, так и зла. Какие всходы растут лучше – это зависит от того, какие семена поливают и удобряют политики.

Да, генерал Ермолов доносил русскому царю: «Горские народы примером независимости своей в самих подданных вашего императорского величества порождают дух мятежный и любовь к независимости». Да, военный министр Николая I граф А. И. Чернышев откровенно заявлял, что «план усмирения кавказских племен может быть выполнен только силой оружия». Но ведь существует множество других свидетельств, говорящих о прозрении участников и очевидцев Кавказской войны. Записано, например, мнение Пимена Пономаренко – простого кубанского казака о горцах: «Самый еройский народ. Та й то треба сказать – свою ридну землю, свое ридно гниздечко обороняв. Як що по правде говорыты, то его тут правда була, а не наша».

Сохранился рукописный документ о создании чеченской автономии. Это письмо командующего войсками Северо-Кавказского военного округа К. Е. Ворошилова на имя И. В. Сталина. Письмо помечено 21.01. 1923 г.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Поздравляю тебя еще с одной автономией! 15/1 в ауле Урус-Мартан, что 24 версты от г. Грозный, на съезде представителей аулов (по 5 человек от аула) чеченского народа, при торжественной обстановке, провозглашена автономия Чечни. Выезжали в Чечню: Микоян, Буденный, Левандовский и я. Впечатления: чеченцы, как все горцы, не хуже, не лучше. Муллы пользуются неограниченным влиянием, являясь единственной культурной силой. Свое положение слугителя Аллаха используют со всем искусством восточных дипломатов. Население пребывает в первобытной темноте и страхе «Божием». Наши велеречивые и многочисленные коммунисты, работавшие и работающие в Чечне и Горреспублике, по моему, ничему не научились и не могли ничему научить.

«Расслоение», «опора на бедняцкие элементы», «борьба с муллами и шейхами» и прочие прекрасно звучащие вещи служили удобной ширмой для прикрытия своего убожества и непонимания, как подойти к разрешению стоящих на очереди вопросов.

После наших (официальных) выступлений говоривший главмулла заявил, что он от имени всего Чечнарода приносит сердечную благодарность Высшим органам Советской власти, и выразил свои пожелания (требования), сводящиеся к следующему:

1. Нужно организовать такую власть, которая будет служить народу, а не обворовывать его.

2. Немедленно, беспощадными мерами ликвидировать бандитизм, воровство и разбои.

3. Разрешить сформировать в достаточном количестве чечмилицию.

4. Допустить существование шариатских судов.

Вот основные требования старших мулл. Ввиду позднего времени и обширности собрания мы предложили выделить делегацию в 150 - 200 человек и вместе с ними отправиться в Грозный для более детального обсуждения практических вопросов, связанных с автономией.

Было опасение, что этот импровизированный съезд будет состоять из одних мулл и купцов, но у нас выбора не было. Нам нужно было самим обсудить положение. Съехалось до 400-450 чел. Вместо ста. Выборных больше двухсот, из них муллы - 35 чел., купцы - 70, землеробы - 140.

Я считаю, что состав этого совещания вполне удовлетворителен. Заправилами, как нужно было ожидать, были муллы. До тех пор пока мы не создадим в Чечне кадра преданных, знающих Чечню и ей знакомых работников, придется иметь дело с муллами. Муллы народ продувной, и не много нужно, чтобы их забрать под свое влияние.

Дураки только могут верить в возможность проведения в Чечне всяческих «расслоений», «влияний через бедноту» и прочую чепуху. Конечно, беднота, как и везде, имеется и в Чечне. Но, во-первых, в Чечне патриархально-родовые отношения сохранились почти в полной мере, а во-вторых, всякий бедняк мулле и святош почитает во сто раз больше, чем кулака (кулак уже грамотный, а то и образованный), и кроме того, муллы-то и всякого рода святые живут и жиреют за счет бедноты».

Для чего обычно обращаются к прошлому? Мудрый государственный муж делает это для того, чтобы лучше ориентироваться в настоящем, чтобы использовать исторические события для утверждения национального

достоинства, расширения знаний, уровня культуры. Конъюнктурщик-временщик преследует более прагматичные цели: он осуждает либо оправдывает те исторические факты, которые ему хочется трактовать в свете, выгодном для данной политической ситуации.

А вообще-то история у нас слишком политизирована. Прошлым должны заниматься специалисты-историки, а не парламенты и президенты, у которых должны быть свои заботы. А у нас политики и государственные деятели подменяют аспирантов, спорят, удачен ли термин «Кавказская война», ссылаются то на профессора М. Н. Покровского, который в 20-е годы употреблял по отношению к русско-кавказским событиям слово «завоевание», то на Сталина, назвавшего те события «национально-освободительным движением». И вокруг этих терминов закручиваются такие идеологические баталии, что только держись, народ!

Бедные чеченцы! Их собственную историю им же преподносили таким образом, что одному и тому же поколению людей внушали три прямо противоположные оценки имама Шамиля. Сначала его именовали реакционером и мракобесом. Потом вдруг: «Шамиль был не только герой, но и создатель героев». И наконец: «английский шпион».

Как будто мнение очередного периферийного вождя, милостиво одобренное московским Кремлем, способно стать истиной в последней инстанции для народа. Не только прежние, но и нынешние политики глубоко заблуждаются, наивно полагая, что народом можно манипулировать. Слушать-то он слушает всех власть предержащих, да вот только сам себе на уме. Его не проведешь, не обманешь. Он прекрасно разбирается, кто действительно герой, а кого героем назначают. Это то самое, что переводить Коран на другие языки. Получается далеко не адекватная копия.

Ведь Мухаммед сам сказал: «В моем Коране каждое слово обозначает 76 смыслов». Истинный смысл священного писания способен понять только мусульманин, читающий Коран в оригинале.

Так и народ. Только он носитель вечной истины и вечной справедливости. А власти – это как бы переводные копии. Одни бывают ближе к оригиналу, зато другие страшно далеки от него.

Как бы власть ни уверяла, что именно она выражает то, что народ сознает, судить об этом не ей. Судить самому народу. По делам этой самой власти. Дела конкретным, осязаемым. Видным воочию любому простому труженику, каждодневно пользующемуся их результатами.

И что видит чеченский народ? До 1996 года – войну, огонь, гибель десятков тысяч людей. После 1996 года – полностью разрушенную экономику, невыплаты пенсий и зарплаты. Осенью 1999 года – снова войну.

Часть четвертая

ЧЬИ КУРИЛЫ?

Маленькая территориально- дипломатическая повесть

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ НЕНАПИСАННЫХ ГЛАВ

1639 год. Токио

Япония вводит режим самоизоляции. Он просуществовал до середины XIX столетия. Все это время Страна восходящего солнца была закрытой для внешнего мира. Одним из важнейших элементов этой политики было нерасширение японской территории.

1738-1739 годы. Москва - Курилы

Экспедиция русского мореплавателя М. Шпанберга подробно исследовала Курильские острова. Впервые в мире они были нанесены на карты. Всем островам Курильского архипелага были даны русские наименования.

(По современным сведениям, Курилы – это цепь вулканических островов между российским полуостровом Камчатка и японским островом Хоккайдо, отделяющая Охотское море от Тихого океана. Входят в состав Сахалинской области. Длина – около 1200 километров, площадь – около 15,6 тыс. квадратных километров.

Состоят из двух параллельных гряд островов – Большой Курильской и Малой Курильской. Большая Курильская гряда делится на три группы: южную (Кунашир, Утуруп, Уруп и др.), среднюю (Симушир, Кетой, Ушишир и др.) и северную (Ловушки, Шиашкотан, Онекотан, Парамушир и др.).

Большая часть островов гориста – высота до 2239 метров. Около 40 действующих вулканов, много горячих минеральных источников. На южных островах – леса,

северные покрыты тундровой растительностью. Население занимается промыслом рыбы и морского зверя.

Острова занимают важное стратегическое положение.)

На островах Шумшу, Парамушир, Симушир, Уруп и Итуруп были основаны русские селения, велось хозяйственное освоение этих территорий. Коренные жители как на северной, так и на южной части островов приобщались к христианству, их дети обучались русской грамоте.

1754 год. Токио - Курилы

Японцы впервые узнают о существовании южного острова Курильской гряды Кунашир. В японских донесениях того времени указывалось, что на острове «проживает много иностранцев, одетых в рыжие одежды, и там строятся сторожевые посты». Когда японцы впервые попали на Итуруп в 1786 году, «некоторые из местных жителей айну уже свободно владели русским языком и могли быть даже переводчиками».

1789 год, 28 июля. Токио - Курилы

Высадившись в этот день на южной оконечности острова Итуруп, японцы опрокинули указательные столбы русских и поставили столбы с надписью «Эторофу - владение великой Японии».

1805 год. Москва - Токио

Попытки Японии силой отторгнуть Курильские острова вызывали протесты со стороны российского правительства. Прибывший в Японию для установления торговых отношений Н. П. Резанов заявил японцам:

- На север от Матсмая (Хоккайдо) все земли и воды принадлежат российскому императору. Вам не следует распространять далее своих владений.

1853 год, 6 ноября. Москва - Токио

Отвергая японские притязания на Курильские острова, представитель российского правительства генерал-адъютант Е. В. Путятин передал японскому верховному совету послание, которое гласило: «Гряда Курильских островов, лежащая к северу от Японии, издавна принадлежала России и находится в полном ее заведывании».

В отличие от американцев, которые «открывали» Японию под стволами мощной корабельной артиллерии, Путятин вел длительные и изнурительные переговоры, исполняя данную ему инструкцию воздерживаться «от всяких неприязненных по отношению к японцам действий, стараясь достигнуть желаемого единственно путями переговоров и мирными средствами».

1855 год, 7 февраля. Симодский трактат

Генерал-адъютант Е. В. Путятин подписал Симодский трактат, по которому устанавливалось, что «границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итуруп и Уруп».

Это был первый русско-японский договор, который провозгласил «постоянный мир и искреннюю дружбу» между государствами, разрешил обмен консульствами. Договором установлена граница в зоне Курильской гряды: южная часть (о-ва Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи) отходила к Японии, северная часть (от о. Уруп) – к России. Сахалин признавался «неразделенным», там разрешалось свободное поселение колонистов из двух стран.

1875 год, 7 мая. Москва - Токио

Подписано русско-японское соглашение, согласно которому Сахалин полностью переходил под суверенитет России. Японии взамен передавались все острова Курильской гряды.

Уступка Японии открытых и освоенных русскими Курил, как и продажа в 1867 году американцам Аляски и Алеутских островов, позднее была признана серьезной ошибкой царской дипломатии.

1905 год, 5 сентября. Портсмут

Продолжавшаяся почти два года русско-японская война завершилась поражением России и подписанием 5 сентября 1905 года Портсмутского мирного договора. Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила ей Южный Сахалин и права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, а также Южно-Маньчжурскую железную дорогу.

Согласно приложению № 10 к договору по инициативе японской стороны все предшествовавшие русско-японские договоры и соглашения объявлялись аннулированными.

1916 год, 3 июля. Москва - Токио

Заключен договор о русско-японском союзе, определявший отказ от участия в военных союзах друг против друга. Аннулирован Советским правительством в 1917 году.

1918 год, апрель. Токио - Дальний Восток

Началась интервенция Японии на советском Дальнем Востоке. В 1918-1925 годах японская армия оккупировала северный Сахалин, Приморье, Приамурье и часть Забайкалья.

1925 год, 20 января. Пекин

В Пекине заключена Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Союзом ССР и Японией. Установлены консульские и дипломатические отношения.

1925 год, 14 мая. Дальний Восток

Последние японские оккупационные войска покинули советский Дальний Восток.

1938-1939 годы. Хасан, Халхин-Гол

Инциденты у озера Хасан (СССР) и реки Халхин-Гол (МНР), завершившиеся разгромом японских частей, вторгшихся на территорию СССР и Монголии.

1941 год, 13 апреля. Москва. Кремль

Заключен Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. В Кремле по этому поводу устроили банкет. Японский министр иностранных дел Мацуока, стоя с бокалом шампанского, вдруг заявил:

- Представляющие армию и флот люди заключили Пакт о нейтралитете исходя из общей ситуации. На самом деле они всегда думают о том, как бы сокрушить Советский Союз.

Сталин, чокаясь с господином Мацуока, ответил:

- Хотелось бы напомнить всем японским военным, что сегодняшняя Советская Россия - это не прогнившая царская Российская империя, над которой вы однажды одержали победу.

1941 год, 2 июля. Токио

Секретное совещание у японского императора. Обсуждается вопрос: нападать на Советский Союз или не нападать. Большинство склоняется к тому, чтобы нападать, если, безусловно, германское нападение будет развиваться успешно.

Председатель Тайного совета Хара откровенен:

- Я полагаю, все из вас согласятся, что война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шагом Японии...

В тот же день была определена дата вторжения - 29 августа 1941 года. Но Советский Союз, вопреки

ожиданиям, не перебросил свои войска с Дальнего Востока в центральную Россию, где шли кровопролитные бои.

1941 год, 7 декабря. Москва, Кремль

Япония начала войну на Тихом океане, напав на базу ВМС США Перл-Харбор. На следующий день Рузвельт и Черчилль обратились к Сталину с просьбой принять участие в боевых действиях против Японии. Послание английского лидера передал министр иностранных дел Иден. В беседе с ним Сталин произнес:

- Было бы лучше, если бы Япония сама напала на СССР.

1945 год, 4-11 февраля. Ялта

Крымская (Ялтинская) конференция глав государств антигитлеровской коалиции приняла «Декларацию об освобожденной Европе», в которой союзные державы заявили о своем стремлении согласовывать действия при решении политических и экономических проблем освобожденной Европы. Одновременно было принято «Соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока», в котором предусматривалось вступление Советского Союза в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе. В соглашении было зафиксировано, что по окончании войны Советскому Союзу будут возвращены южная часть острова Сахалина и все прилегающие к ней острова, переданы Курильские острова.

1945 год, 5 апреля. Москва

СССР денонсировал Пакт о нейтралитете с Японией.

1945 год, июнь. Потсдам

Конференция стран-победительниц. 26 июня от имени правительств Великобритании, США и Китая принимается декларация, требующая в ультимативной форме безоговорочной капитуляции Японии. Декларация предусматривала ликвидацию в Японии власти и влияния милитаристов, временную оккупацию японской территории, ограничение суверенитета Японии некоторыми островами, наказание военных преступников и т. д.

Японское правительство отклонило декларацию, однако после присоединения к декларации Советского Союза и начала им военных действий Токио подписал акт о капитуляции, который обязывал японское правительство и его преемников «честно выполнять условия Потсдамской декларации».

1945 год, 9 августа. Москва - Токио

СССР вступил в войну против Японии на Дальнем Востоке. В изданной в 1993 году японским МИДом на русском языке брошюре «Северные территории Японии», предназначенной для распространения среди российского населения, говорится: «9 августа 1945 г., три дня спустя после атомной бомбардировки Хиросимы и в тот же день атомной бомбардировки Нагасаки, Советский Союз, в нарушение Пакта о нейтралитете, вступил в войну против Японии, поражение которой уже не вызывало никаких сомнений».

До сих пор 9 августа в Токио расклеиваются тысячи листовок, на которых советский солдат со звериным оскалом лица, огромной красной звездой на каске и автоматом наперевес топчет Японию.

1945 год, 2 сентября. Крейсер «Миссури»

Япония подписала Акт о безоговорочной капитуляции.

1951 год, 8 сентября. Сан-Франциско

На международной конференции заключен мирный договор между Японией, США и рядом других государств антифашистской коалиции. По нему Япония отказалась от всех прав и претензий на Курильские острова и Сахалин. Но представитель Японии Есида заявил, что южнокурильские острова не входят в Курилы, которые должны быть отданы. С этим соглашалась и администрация США.

СССР и ряд других стран Сан-Францисский договор не подписал, сославшись на то, что рассматривает его как сепаратную договоренность между правительствами США и Японии. По этому пакту США получили право размещать свои наземные, воздушные и морские силы в Японии и вблизи ее.

- Проект находится в грубом противоречии с обязательствами в отношении этих территорий, взятыми на себя США и Англией по Ялтинскому соглашению, - заявил глава делегации СССР на Сан-Францисской конференции А. Громыко.

1954 год, 12 октября. Порт-Артур

Н. С. Хрущев, приехавший 29 сентября 1954 года в Пекин на пятилетие Китайской Народной Республики, 12 октября прилетел в город Порт-Артур и объявил о решении передать Китаю город Дальний и военно-

морскую базу Порт-Артур, а также о выводе с полуострова всех советских войск.

Дальний (Далянь, Дайрен) – город и морской порт на южной оконечности Ляодунского полуострова. Основан русскими на территории, полученной от Китая по конвенции 1898 года во временную аренду. Во время русско-японской войны 1904-1905 годов был захвачен Японией. 22 августа 1945 года освобожден Советской Армией. По советско-китайскому договору 14 августа 1945 года получил статус свободного порта. Пристани и складские помещения арендовались Советским Союзом на 30 лет. В 1955 году Хрущев безвозмездно передал Китаю все имущество, находившееся в аренде.

Порт-Артур (русское название китайского города Люйшунь) – город и незамерзающий порт. По китайско-русской конвенции 1898 года получен Россией во временную аренду. Сыграл важную роль в русско-японской войне 1904-1905 годов. По Портсмутскому мирному договору арендные права на Порт-Артур были переданы Японии, по истечении срока аренды, город оккупирован ею. Порт-Артур был освобожден Советской Армией 23 августа 1945 года. По китайско-советскому соглашению 1945 года предусматривалось совместное пользование Порт-Артуром в течение 30 лет.

Когда в Порт-Артур прилетел Хрущев, командующий расположенной там 39-й армией Швецов попросил разрешения на доклад. Хрущев разрешил.

С начала доклада не прошло и трех минут, как Хрущев с силой ударил ладонью по столу и крикнул:

– Хватит болтать! Ты лучше мне скажи, зачем вы здесь стоите?

Командующий воспринял слова Хрущева буквально – то есть почему он докладывает стоя, а не сидя. И вопросительно взглянул на Никиту Сергеевича.

– Да, да, я спрашиваю: зачем вы со своими войсками стоите здесь, на Ляодуне?

Швецов к ответу на такой вопрос готов не был:

- Для защиты дальневосточных рубежей нашей Родины, - робко произнес он.

Хрущев оборвал его и сердито заявил:

- Это политика царская, империалистическая. Кого же и от кого вы собираетесь теперь здесь защищать? Ты мне лучше скажи, сколько надо времени, чтобы здесь не осталось ни одного вашего солдата, даже вашего духа?

На помощь командующему пришел начальник его штаба генерал Турантаев.

- Никита Сергеевич! - сказал он в мертвой тишине. - В Южной Корее сейчас кроме ее войск находится полностью укомплектованная 8-я американская армия во главе с генералом Кларком. Та самая армия и тот самый генерал, с которым в апреле 1945 года соединились войска нашего 1-го Украинского фронта. И только в составе этой армии имеется 500 танков. Затем там располагаются соединения 15 государств, введенных туда, считай, американцами с помощью ООН. Так вот, достаточно уйти нам отсюда, как американцы, если они захотят, через трое суток будут здесь, на Квантуне.

Хрущев нетерпеливо прервал генерала:

- Не будут. Это бывшее руководство нашей страны назахватывало, наарендовало чужих земель: в Китае, в Корее, в Финляндии, а нам теперь с этим приходится разбираться. Я хочу, чтобы командующий сейчас мне сказал: сколько вам надо времени, чтобы никого из вас здесь не осталось. А то вот те же войска империалистов, о которых сейчас говорил начальник штаба, отрежут вас здесь, как это сделали в 1904 году японцы, и вы создадите нам огромные хлопоты по вырубке вас отсюда. Так сколько же месяцев вам, командарм, надо, чтобы убраться отсюда?

Швецов подумал и ответил:

- Месяца три-четыре.

Хрущев:

- Даю пять. И чтобы по истечении этого срока никого из вас не осталось. Уйдете вы, уйдут и американцы.

В мае 1955 года СССР вывел свои вооруженные силы из Порт-Артура. Американские в Южной Корее остались до сих пор.

1955 год, 1 июня. Лондон

В Лондоне начались советско-японские переговоры о прекращении состояния войны. Текст Совместной декларации включал согласие Советского Союза после заключения мирного договора передать Японии расположенные поблизости от Хоккайдо острова – Хабомаи и Шикотан (тогда говорили и писали – Сикотан).

Хабомаи – группа низменных островов Малой Курильской гряды, входящих в состав Сахалинской области. Самые крупные из них – Танфильева, Анучина, Юрий, Зеленый, Полонского и другие. Шикотан – самый большой остров в Малой Курильской гряде площадью 182 квадратных километра. Населенные пункты – Малокурильское и Крабозаводское.

Эта уступка до сих пор многими в России воспринимается в негативном плане. Видный историк-востоковед академик РАН С. Тихвинский, принимавший участие в советско-японском урегулировании в 50-х годах:

– Уступка Японии части советской территории, на которую без разрешения Верховного Совета СССР и советского народа пошел Хрущев, разрушила международно-правовую основу ялтинских и потсдамских договоренностей и противоречила Сан-Францисскому мирному договору, в котором был зафиксирован отказ Японии от Южного Сахалина и Курильских островов. Это недальновидное самоличное решение Хрущева стало миной замедленного действия, которая продолжает угрожать добрососедству народов России и Японии.

Когда полномочный представитель Японии на переговорах 1955-1956 годов Мацумото впервые

услышал предложение советской стороны о готовности передать Японии острова Хабомаи и Шикотан, то, по его словам, сначала не поверил своим ушам.

1956 год, 19 октября. Москва, Кремль

В Москве подписана Совместная декларация СССР и Японии о прекращении состояния войны между СССР и Японией и восстановлении дипломатических и консульских отношений. Япония и СССР договорились продолжить переговоры по заключению мирного договора. Советское правительство согласилось на передачу Японии после заключения мирного договора островов Хабомаи и Шикотан.

Невероятно, но факт: вплоть до 19 октября 1956 года Советский Союз был в состоянии войны с Японией. Еще более потрясающая сенсация: Хрущев согласился отдать Японии два острова!

Не с того ли момента Страна восходящего солнца неустанно добивается от великого соседа вернуть ее северные территории? Что в действительности происходило в 1956 году?

Я заинтересовался этими вопросами и вот что выяснил.

ПЯТЬ ЯПОНСКИХ УСЛОВИЙ

1955 год, 7-14 июня. Лондон

Японская делегация вручила советской делегации памятную записку. В пакете документов были также текст речи министра иностранных дел и одновременно вице-преьера в правительстве Хатояма М. Сигемицу от 26 мая; запрос Охаси Такэо, депутата нижней палаты парламента Японии, министра без портфеля в кабинете Иосида до 1952 г., ответственного за силы самообороны; ответ премьера И. Хатояма на запрос Охаси Такэо. В этих документах подчеркивалось, что репатриация японцев из СССР, а также удовлетворение японских территориальных претензий является предварительным условием ведения переговоров.

В ответ на памятную записку японцев советская делегация заявила, что целью переговоров является заключение мирного договора и восстановление дипломатических отношений между СССР и Японией и что территориальный вопрос может быть решен не предварительно, а только с заключением мирного договора. Что касается репатриации, то этот вопрос может быть решен при нормализации отношений. В тот же день японцам был вручен советский проект мирного договора.

В последующие два месяца японская сторона уклонялась от обсуждения советского проекта договора и настойчиво добивалась репатриации японских преступников, как предварительного условия для дальнейшего ведения переговоров.

9 августа 1955 года - 20 марта 1956 года. Лондон

Свои замечания по советскому проекту договора японская сторона дала только 9 августа, и 16 августа представила свой проект мирного договора. Основные расхождения выявились по территориальному вопросу и по вопросу о проливах. По остальным статьям наметилась общность взглядов.

В результате переговоров в Лондоне между сторонами была достигнута договоренность по преамбуле и по статьям: о прекращении состояния войны, о признании принципов ООН, о невмешательстве во внутренние дела друг друга, об отказе СССР и Японии от взаимных претензий, о рыболовстве, о порядке разрешения споров по толкованию или применению договора, о довоенных договорах, а также была в принципе достигнута договоренность по статье о торговле, о приеме Японии в члены ООН.

В статье 2, абзаце 2 советского проекта договора было предусмотрено, чтобы Япония взяла на себя обязательства не вступать в какие-либо коалиции или союзы, направленные против какой-либо державы, принимавшей участие в войне против Японии.

Ссылаясь на Санкт-Францисский договор с США и право на индивидуальную и коллективную самооборону, японская сторона просила снять эту статью. При этом уполномоченный правительства Японии на переговорах с СССР Мацумото Сюнъити - японский дипломат, с 1955 года депутат нижней палаты парламента - заявил, что принятые Японией обязательства по договорам и соглашениям с другими странами, и в частности по

договору о безопасности с США, не направлены против какого-либо третьего государства.

Чтобы не осложнять переговоры, со стороны СССР была сделана уступка в этом вопросе, и он был снят с обсуждения.

Расхождения по территориальному вопросу. В статье 5 советского проекта договора говорилось: «Япония признает полный суверенитет Союза Советских Социалистических Республик на южную часть острова Сахалина со всеми прилегающими к ней островами и на Курильские острова и отказывается от всех прав, правооснований и претензий на эти территории. Государственная граница между СССР и Японией проходит по середине проливов Немуро-Кайкио, Ноцукэ-Кайкио и Коемаи-Кайкио, как это показано на прилагаемой карте».

Московская позиция по территориальному вопросу основывалась на решении Крымской конференции от 11 февраля 1945 г., Потсдамской декларации и других международных соглашениях, в том числе и на Сан-Францисском мирном договоре. В пункте «с» статья 2 (Территория) этого договора сказано: «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому Договору от 5 сентября 1905 года».

Однако, вопреки всем этим международным соглашениям, японская сторона требовала возврата указанных территорий и предложила включить статью о территории в следующей редакции:

«1. На территориях Японии, оккупированных Союзом Советских Социалистических Республик в результате войны, в день вступления в силу настоящего договора будет восстановлен полный суверенитет Японии.

2. Войска и государственные служащие Союза Советских Социалистических Республик, находящиеся в настоящее время на указанных в пункте 1 настоящей статьи территориях, должны быть выведены в возможно более короткий срок и, во всяком случае, не позднее чем по истечении 90 дней со дня вступления в силу настоящего Договора».

Свои территориальные претензии японская сторона обосновывала договорами с царской Россией 1855, 1875 и 1905 гг., а также справками об открытии японцами Сахалина и Курил якобы до прихода туда русских.

В беседах с советским послом в Великобритании Я. Маликом японский уполномоченный С. Мацумото заявил об особой желательности возвращения островов Хабомаи и Шикотан. На это 9 августа было отвечено, что вопрос об этих островах можно было бы рассмотреть вместе с другими вопросами, указанными в советском проекте мирного договора, а не изолированно и что если будет достигнута договоренность по другим вопросам, то это облегчит обмен мнениями и по вопросу об островах Хабомаи и Шикотан.

30 августа японская сторона внесла новый вариант статьи 5 в следующей редакции:

«1. Из числа территорий Японии, оккупированных в результате войны Союзом Советских Социалистических Республик,

а) полностью восстанавливается суверенитет Японии в день вступления в силу настоящего договора над островом Итуруп, островом Кунашир, островом Сикотан и островами Хабомаи.

б) Вопрос о принадлежности острова Карафуто (японское название южной части Сахалина) южнее пятидесятого градуса северной широты с прилегающими к нему островами, а также Курильских островов будет решен в возможно короткий срок путем

переговоров между союзными странами, включая Союз Советских Социалистических Республик, и Японией».

В пункте 2 этой статьи оговаривался, как и в первом варианте, вывод войск и государственных служащих СССР с островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Это предложение японцев было также отвергнуто. Однако японцы продолжали добиваться удовлетворения своих претензий.

Территориальный вопрос был затронут и в беседе японской парламентской делегации с Н. А. Булганиным и Н. С. Хрущевым 21 сентября 1955 года. Касаясь этого вопроса, делегация просила «как-то намекнуть относительно того, что вопрос о Хабомаи и Сикотан будет разрешен благоприятно в пользу Японии». Делегации был дан положительный ответ.

В связи с этим 10 февраля 1956 г. японцам был вручен новый советский проект статьи по территориальному вопросу:

«1. Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, передает Японии острова Малой Курильской гряды (острова Хабомаи и Сикотан).

Порядок передачи указанных в настоящем параграфе островов определяется в протоколе, прилагаемом к настоящему договору.

2. Государственная граница между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией устанавливается по середине проливов Кунаширский (Немуру) и Измена (Ноцукэ), как показано на прилагаемой карте».

Несмотря на эту уступку СССР в территориальном вопросе, японская сторона отказалась принять эту редакцию и настаивала на возвращении ей, помимо островов Хабомаи и Шикотан, островов Итуруп и Кунашир с последующим решением вопроса об

остальных островах на международной конференции. Поэтому территориальный вопрос на Лондонских переговорах не был решен.

Вопрос о проливах. В статье 7 советского проекта мирного договора было записано:

«Договаривающиеся стороны взаимно обязуются не принимать мер, которые могли бы препятствовать свободному плаванию в проливах Лаперуза (Соя), Немуро, Ноцуке и Коемаи.

Япония обязуется также не принимать никаких мер, которые могли бы препятствовать свободному плаванию в проливах Сангарском (Цугару) и Цусимском.

Все перечисленные выше проливы будут всегда открыты для прохода торговых судов всех стран.

2. Проливы, указанные в п. 1 настоящей статьи, должны быть открыты для прохода лишь тех военных судов, которые принадлежат державам, прилегающим к Японскому морю».

Японцы не согласились с советским предложением и настаивали на снятии этой статьи. В дальнейшем им было дано понять, что эта статья может быть снята, если они примут предложение советской стороны по территориальному вопросу.

О приеме Японии в члены ООН. Сущность расхождений в этом вопросе заключалась в том, что японцы настаивали на обязательстве СССР «безусловно» поддержать прием Японии в члены ООН, в советском же проекте этой статьи было сказано, что «Советский Союз поддержит обращение Японии о приеме ее в члены Организации Объединенных Наций».

Таким образом, к моменту перерыва переговоров, то есть к 20 марта 1956 года, несогласованным фактически остался только вопрос о территориях и связанный с этим вопрос о проливах.

6 марта 1956 года Мацумото заявил Я. Малику, что общественное мнение Японии еще не созрело для

завершения переговоров и что для подписания мирного договора понадобится, очевидно, еще месяца два.

Данное заявление было подготовкой к перерыву переговоров на неопределенное время.

На заседании 20 марта 1956 года Мацумото заявил, что «в связи с тем, что переговоры вступили в нынешнюю стадию, он получил от своего правительства указание временно выехать в Токио для доклада правительству о ходе переговоров и получения инструкций по их дальнейшему ведению».

Последующие переговоры были перенесены в Москву.

1956 год, 29 апреля - 14 мая. Москва

21 марта 1956 года было опубликовано постановление Совета Министров СССР об охране запасов и регулировании промысла в открытом море в районах, смежных с территориальными водами СССР на Дальнем Востоке. В связи с этим японское правительство обратилось с просьбой к правительству СССР вступить в переговоры по рыболовству, на что было дано согласие.

Переговоры по рыболовству и спасанию людей, терпящих бедствие на море, начались 29 апреля. В ходе этих переговоров японская сторона вновь зондировала почву о возможности пересмотра Советским Союзом своей позиции по территориальному вопросу. В беседе Н. А. Булганина с японским уполномоченным министром земледелия и лесоводства Коно Итиро 9 мая было заявлено, что позиция Москвы в этом вопросе остается неизменной.

Переговоры между министром рыбного хозяйства СССР А. Ишковым и Коно Итиро завершились 14 мая подписанием Конвенции по рыболовству и Соглашения о сотрудничестве при спасении людей, терпящих бедствие на море. При этом было оговорено, что указанные документы вступят в силу только после вступления в силу мирного договора или восстановления дипломатических отношений между СССР и Японией.

Между сторонами была достигнута договоренность возобновить в самое ближайшее время, но не позднее 31 июля 1956 года, переговоры о нормализации советско-японских отношений в Москве. 18 июля

японское правительство назначило главой японской делегации министра иностранных дел М. Сигемицу. Правительство СССР 21 июля сообщило японскому правительству, что главой советской делегации на переговорах назначен министр иностранных дел СССР Д. Т. Шепилов.

1956 год, 31 июля - 13 августа. Москва

Московские переговоры о нормализации советско-японских отношений являлись продолжением лондонских переговоров, поэтому стороны прежде всего вновь признали согласованными те статьи проекта мирного договора, о которых была достигнута договоренность на лондонских переговорах в 1955-1956 годах.

В ходе московских переговоров обе делегации также окончательно согласовали статьи по вопросам торговли и рыболовства и уделили основное внимание обсуждению территориального вопроса, являющегося главным вопросом, по которому стороны так и не договорились.

На московских переговорах японская делегация, по-прежнему возражая против советского варианта территориальной статьи, внесла новый проект, который предусматривал передачу Японии, кроме островов Хабомаи и Шикотан, островов Кунашир и Итуруп, а также отказ Японии от всех прав и претензий на остальные Курильские острова и южную часть Сахалина в соответствии со статьей 2 Сан-Францисского мирного договора. В этом проекте было исключено положение о том, чтобы вопрос о принадлежности Курильских островов и Южного Сахалина был решен путем

переговоров между союзными странами, включая СССР, и Японией, на чем настаивала японская сторона на лондонских переговорах.

Советская делегация решительно отклонила этот вариант территориальной статьи, заявив, что кроме передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан Советский Союз не пойдет ни на какие территориальные уступки.

После этого японская сторона предложила сформулировать территориальную статью так, чтобы в ней была указана передача Японии островов Хабомаи и Шикотан (исключив передачу островов Кунашир и Итуруп), а также указан отказ Японии от всех прав на Курильские острова и Южный Сахалин, как это сказано в Сан-Францисском мирном договоре. Однако при этом японцы возражали против включения в статью положения о прохождении границы.

Это предложение было также отвергнуто.

В связи с расхождением мнений сторон по территориальному вопросу 13 августа переговоры были прерваны. Уполномоченный Японии Сигемицу заявил, что он должен выехать в Токио для консультаций со своим правительством.

Вместе с территориальным вопросом остался открытым связанный с ним и вопрос о проходе судов через проливы Японского моря.

В ходе московских переговоров японцы как и раньше ставили вопрос об освобождении и репатриации осужденных в СССР японских граждан. Им было заявлено, что этот вопрос будет решен с нормализацией советско-японских отношений.

Сколько японцев находилось в СССР. (Из приложения к справке заместителя заведующего Дальневосточным отделом МИД СССР М. Капицы Председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину)

о переговорах, касавшихся нормализации советско-японских отношений, от 12 октября 1956 г.).

В ходе войны в 1945 г. было пленено 594 тыс. японских солдат, офицеров и генералов.

Из этого числа было освобождено непосредственно в районе боевых действий – 70.880 человек;

репатриировано в Японию в 1946-1951 гг. – 510.417 человек;

передано в распоряжение КНР в 1950 году – 961 человек;

репатриировано в Японию в 1946-1950 гг. гражданских лиц – 507.569 человек.

На этом репатриация была закончена. В СССР остались только лица, отбывающие наказания за совершенные ими преступления.

В ноябре 1953 г. между представителями Красного Креста СССР и Японии была достигнута договоренность о репатриации осужденных после отбытия ими наказания. В соответствии с этой договоренностью, с марта 1954 г. по август 1956 г. из этой категории лиц было репатриировано 7 групп, общим числом в 773 человека.

На октябрь 1956 г. в СССР оставались:

из числа осужденных военнопленных – 859 человек;

из числа осужденных гражданских лиц – 214 человек.

Всего: – 1073 человека.

Списки на лиц, отбывающих наказания, были переданы японской стороне в 1953-1955 гг.

Кроме осужденных, в СССР проживают лица японской национальности, как лица без гражданства – 713 человек.

О наличии лиц этой категории японцам не сообщалось, и списки на них не передавались.

Разницу между общим количеством плененных и репатриированными и отбывающими наказания в СССР

(немногим более 10 тысяч человек) следует отнести за счет умерших и без вести пропавших, о чем было заявлено представителям Красного Креста Японии в ноябре 1953 г. Им также было разъяснено, что представить списки на этих лиц не представляется возможным, поскольку после пленения, особенно в первый период, на местах было трудно наладить надлежащий учет.

В ходе лондонских переговоров в 1955 г. японская сторона передала списки на 11.177 человек японских подданных, которые якобы находятся в Советском Союзе и еще не репатриированы.

Эти списки были переданы в МВД СССР для проверки.

В результате проведенной частичной проверки установлено, что 139 человек из упомянутого списка были давно репатриированы в Японию, на что имеются документы, и 895 человек умерли в разное время. Проверка остальных лиц продолжается.

1956 год, 11 сентября. Токио, резиденция премьер-министра

Премьер-министр Японии И. Хатояма Его
Превосходительству

Председателю Совета Министров СССР Н. А.
Булганину

Господин Председатель.

Скорейшее осуществление нормализации отношений между Японией и Советским Союзом в целях установления прочных дружественных отношений между обеими странами является, как Вам известно, моим давнейшим желанием.

Учитывая ход переговоров, проводившихся до сих пор между обеими странами, я имею честь сообщить Вам, что Япония, при условии, что переговоры по территориальным вопросам будут продолжаться в будущем, готова приступить к переговорам в целях осуществления нормализации отношений между обеими странами в том случае, если Советский Союз заранее выразит согласие на следующие 5 пунктов: 1) окончание состояния войны между обеими странами, 2) обмен дипломатическими представительствами на уровне посольства, 3) немедленная репатриация оставшихся японских граждан, 4) вступление в силу Рыболовной Конвенции и 5) поддержка Советским Союзом приема Японии в ООН.

Относительно вышеупомянутых 5 пунктов, глава Советского рыболовного представительства в Токио г. Тихвинский в беседах с министром земледелия и лесоводства г. Коно и министром без портфеля г. Такасаки, имевших место несколько раз в

неофициальном порядке, высказывал мнение, что Советское правительство согласно на таковые.

Я буду очень счастлив, если я мог бы получить в письменном виде Ваше подтверждение о том, что Советское правительство имеет готовность согласиться на упомянутые 5 пунктов, как об этом высказывал г. Тихвинский на вышеуказанных неофициальных беседах. По получении такового подтверждения с Вашей стороны японское правительство готово немедленно возобновить переговоры в Москве. При этом позволяю себе выразить свое пожелание о том, чтобы те пункты, о которых была достигнута договоренность между представителями обеих сторон в Лондоне и в Москве до сих пор, были по мере возможности приняты на предстоящих переговорах.

Примите уверения, господин Председатель, в моем высоком к Вам уважении.

Премьер-министр Японии Итиро ХАТОЯМА.

1956 год, 12 сентября. Москва,

Смоленская площадь, МИД СССР

Секретно
ЦК КПСС

Премьер-министр Японии Хатояма прислал товарищу Н. А. Булганину послание (прилагается), в котором выражает готовность японского правительства немедленно возобновить советско-японские переговоры в Москве и просит подтвердить согласие Советского правительства нормализовать отношения между двумя странами в соответствии со следующими пятью пунктами:

1. Прекращение состояния войны.
2. Обмен посольствами.
3. Немедленная репатриация задерживаемых японских граждан.
4. Вступление в силу рыболовной Конвенции.
5. Поддержка Советским Союзом приема Японии в ООН.

Хатояма также выражает желание, чтобы в ходе переговоров по мере возможности были приняты те пункты, о которых уже была достигнута договоренность на переговорах в Лондоне и Москве.

Наше согласие по 1, 2, 3 и 5 пунктам было сообщено японцам через наше представительство в Токио. Что касается пункта 4, то в рыболовной Конвенции от 14 мая 1956 г. предусматривается, что она вступит в силу одновременно с мирным договором или восстановлением дипломатических отношений.

МИД СССР считает целесообразным направить Хатояма ответное послание тов. Булганина Н. А., в котором подтвердить готовность правительства СССР возобновить переговоры в Москве о нормализации советско-японских отношений в соответствии с вышеуказанными пятью пунктами.

Проект постановления прилагается.

Прошу рассмотреть.

А. Громыко.

12 сентября 1956 года

№ 341/АГ

1956 год, 13 сентября. Москва,

Старая площадь, ЦК КПСС

Строго секретно

Постановление Президиума ЦК КПСС
Проект ответного послания т. Булганина Н. А.
премьер-министру Японии Итиро Хатояма

№ П40/XXXIII 13 сентября 1956 г.

Утвердить прилагаемый проект ответного послания
т. Булганина Н. А. премьер-министру Японии Итиро
Хатояма.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

К пункту XXXIII прот. № 40

Секретно

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ
ЯПОНИИ

господину ИТИРО ХАТОЯМА

Господин Премьер.

Я имею честь сообщить о получении Вашего
Послания от 11 сентября 1956 г., в котором Вы
выражаете готовность Правительства Японии
немедленно возобновить японо-советские переговоры в
Москве и просите подтвердить согласие Правительства
Советского Союза относительно нормализации
отношений между нашими странами.

Советское Правительство подтверждает свою готовность возобновить переговоры в Москве о нормализации японо-советских отношений без заключения в настоящее время мирного договора в соответствии с изложенными в Вашем Послании соображениями, вытекающими из предварительно совместно обсужденных нами положений:

1. Объявление о прекращении состояния войны между СССР и Японией.

2. Восстановление дипломатических отношений и обмен посольствами.

3. Освобождение и репатриация всех осужденных в СССР японских граждан.

4. Вступление в силу рыболовной Конвенции, подписанной 14 мая 1956 года.

5. Поддержание просьбы Японии о приеме ее в члены ООН.

Что касается Вашего пожелания относительно тех пунктов, о которых была достигнута договоренность в ходе лондонских и московских переговоров, то я полагаю, что стороны могли бы обменяться мнениями о них.

Примите, Господин Премьер-Министр, уверения в моем высоком к Вам уважении.

НИКОЛАЙ БУЛГАНИН

Председатель Совета Министров Союза ССР

13 сентября 1956 года

Москва

1956 год, 11 октября. Москва,

Старая площадь, ЦК КПСС

Строго секретно

Постановление Президиума ЦК КПСС
«О Советской правительственной делегации
для переговоров с японской делегацией,
возглавляемой
Премьер-министром Японии Хатояма»

№ П46/21

Утвердить Советскую правительственную делегацию для переговоров с японской делегацией, возглавляемой Премьер-министром Японии Хатояма, в следующем составе: Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев, А. И. Микоян, А. А. Громыко и Н. Т. Федоренко.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

(Булганин Н. А. - Председатель Совета Министров СССР, Хрущев Н. С. - первый секретарь ЦК КПСС, Микоян А. И. - член Президиума ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, Громыкл А. А. - первый заместитель министра иностранных дел СССР, Федоренко Н. Т. - заместитель министра иностранных дел СССР.)

1956 год, 12 октября. Москва,

Смоленская площадь, МИД СССР

Товарищу Н. А. БУЛГАНИНУ

Представляем следующие материалы к советско-японским переговорам:

1. Проект плана первого заседания.
2. Проект вступительного слова тов. Н. А. Булганина.
3. Справка о переговорах о нормализации советско-японских отношений.
4. Справка о репатриации из СССР военнопленных и гражданских лиц.

А. Громыко

Н. Федоренко

12 октября 1956 г.

№ 543/АГ

Копия

Проект

ПЛАН

первого заседания правительственных делегаций СССР и Японии

1. Заседание открывает глава советской делегации тов. Н. А. Булганин. Заседания проводятся в Кремле, в зале Президиума ЦК и Совмина.

2. Главы взаимно представляют членов своих делегаций.

3. Тов. Н. А. Булганин произносит вступительное слово (прилагается).

4. Предоставляется слово главе японской делегации премьер-министру Хатояма.

5. Советская делегация предлагает обсудить порядок работы:

а) Заседания проводить с 11.00 до 13.00. В случае необходимости этот порядок может быть изменен по договоренности сторон.

б) Встречи глав проводить по договоренности между ними. Вся подготовительная работа поручается комиссии из представителей обеих делегаций. По составу комиссии договориться на заседании.

в) Рабочими и официальными считать русский и японский язык.

г) После каждого заседания публиковать в печати краткое коммюнике. Для подготовки сообщений в печать делегации выделяют по одному представителю.

С советской стороны вопросами печати будет заниматься заведующий отделом печати МИД Ильичев Л. Ф.

д) Для связи между главами делегаций было бы целесообразно выделить соответствующих представителей.

С советской стороны для связи выделяется т. Адырхаев Н. Б. (советник Дальневосточного отдела МИД СССР).

В зависимости от обстоятельств Хатояма вручается наш проект Совместной Декларации.

ПРИЛОЖЕНИЕ: План пребывания в СССР японской делегации, врученный японцам 10 октября.

Секретно

Проект

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

Господин Премьер-Министр, господа!

От имени Советского правительства приветствую Вас, господин Премьер-Министр, и правительственную делегацию Японии, прибывших к нам в Москву – столицу Советского Союза.

Прежде всего, я хотел бы отметить, что мы высоко ценим те усилия, Премьер-Министр господин Хатояма, которые Вы прилагаете к восстановлению мирных отношений между нашими странами.

Приезду правительственной делегации Японии в Москву, как известно, предшествовали лондонские и московские переговоры о заключении мирного договора, а также обмен соответствующими письмами между сторонами, имевший место в сентябре 1956 года, в которых мы условились приступить к настоящим переговорам в Москве.

Вступая в переговоры о нормализации отношений между СССР и Японией, Советское правительство исходило и исходит из своей неизменной политики мира и делового сотрудничества со всеми странами, из политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Советское правительство считает, что восстановление мирных и добрососедских отношений между нашими государствами не только ликвидирует состояние войны между СССР и Японией, но и в интересах народов обеих стран откроет путь к широкому экономическому и культурному сотрудничеству между ними, послужит делу

укрепления мира на Дальнем Востоке. Мы уверены в том, что с восстановлением нормальных отношений наши страны смогут вести и развивать взаимно выгодную устойчивую торговлю в большом объеме, обмениваться различными научными и техническими делегациями, а также наладить культурный обмен. Для этого есть все необходимые условия, и это, по нашему мнению, будет выгодно как СССР, так и Японии.

Искренне стремясь к миру с Японией и учитывая ее пожелания, Советский Союз в предшествующих переговорах пошел навстречу японской стороне, в том числе и в территориальном вопросе. Однако, несмотря на это, Япония оказалась не готовой подписать мирный договор и предложила нам нормализовать советско-японские отношения без заключения мирного договора в настоящее время с тем, однако, чтобы переговоры о заключении мирного договора, включающего и территориальный вопрос, были продолжены после восстановления дипломатических отношений между нашими странами.

Мы согласились с этим пожеланием японской стороны.

В ходе лондонских и московских переговоров о заключении мирного договора обе стороны достаточно ясно изложили свои позиции по обсуждавшимся вопросам и полностью договорились почти по всем статьям этого договора. Обмен письмами между нами, который имел место в сентябре этого года, внес еще большую ясность, и мы с удовлетворением можем считать, что между нами достигнуто взаимопонимание и фактически уже выработана основа восстановления мирных и добрососедских отношений между Советским Союзом и Японией. Все это облегчает решение задач, стоящих перед нами, и мы надеемся, что на этот раз переговоры будут успешно завершены.

1956 год, 16 октября. Москва, Кремль

Первая беседа между Н. С. Хрущевым и И. Коно проходила с 14 часов до 15 час. 45 мин.

После обмена протокольными любезностями гость посетовал на трудное внутреннее положение Японии. Он выразил надежду, что Хрущев хорошо информирован по этому вопросу советским представителем в Токио С. Тихвинским, который с мая 1956 г. возглавлял рыболовное представительство СССР в Японии.

- В связи с поездкой в Советский Союз премьер-министра Хатояма и всей нашей делегации со стороны ряда партийных группировок были серьезные возражения, - вводил Коно в курс японских дел Хрущева. - Однако, несмотря на эти возражения, мы с премьером Хатояма твердо решили отправиться в Москву и довести переговоры до конца.

Коно выразил благодарность советскому правительству за то, что оно проявило добрую волю в мае этого года, когда велись переговоры по вопросам рыболовства.

- Однако, - гость снова вернулся к уже затронутой теме, явно подчеркивая ее важность, - мне кажется, что советское правительство еще не совсем полно представляет себе наше сложное внутреннее положение и не знает, что в Японии внутри политических партий происходит острая борьба целого ряда группировок. Через министра Ишкова было послано письмо Председателю Совета Министров СССР Булганину от имени премьера Хатояма и Коно, в

котором излагались некоторые просьбы японской стороны. Знаете ли вы об этом?

Хрущев ответил, что знает.

- Вчера я вновь встречался с министром Ишковым и подробно изложил ему свои взгляды. Информированы ли вы об этом?

Хрущев снова дал утвердительный ответ.

- Если нужно что-либо добавить к тому, что я говорил министру Ишкову, то я согласен это сделать.

Хрущев ответил, что не возражает против дополнительных замечаний Коно.

- Премьер-министр и я считаем, что нормализация отношений между СССР и Японией должна быть достигнута на основе пяти пунктов, изложенных в письме премьер-министра Хатояма и в ответе Булганина. Как известно, после обмена письмами в Москву был направлен наш уполномоченный Мацумото для более подробного изложения наших взглядов об организации переговоров. Мы полагаем, что переговоры должны быть завершены в духе указанных пяти пунктов. Но внутривнутриполитическое положение Японии и, прежде всего, острый конфликт внутри правящей политической партии - имеется в виду группировка Иосида - делают нашу позицию в Москве исключительно трудной и мешают решению целого ряда вопросов...

Хрущев перед встречей успел прочесть подготовленные для него материалы о расстановке политических сил в Японии. Из них он узнал, что Иосида Сигэру был премьер-министр Японии в 1946-1947 годах и в 1948-1954 годах. Оппонировал курсу Хатояма на сбалансированную внешнюю политику, не столь ориентированную на США, как в годы правления Иосида. Хатояма был инициатором переговоров с Советским Союзом, полагая, что урегулирование отношений с СССР и Китаем позволит Японии проводить

более независимую от США внешнюю политику. На этой почве в правящей партии Японии возник острый конфликт.

- Японская сторона считает, - продолжил свою мысль Коно, - что нужно как можно скорее нормализовать отношения. Но для того, чтобы нормализация отношений прошла гладко, без последствий, необходимо вернуть Японии острова Хабомаи и Сикотан. Все остальное можно было бы решить в последующее время. Я извиняюсь, что предлагаю некоторое отступление от пяти пунктов, но к этому меня вынуждает внутривнутриполитическое положение Японии.

Гость закончил монолог и воззрился на Хрущева. Коно тоже было известно, что новый советский лидер не очень силен в дипломатии, что при Сталине он только один раз выезжал за границу, и то под именем вымышленного генерала.

- Переговоры, которые ведутся между нашими странами, носят затяжной характер, - начал Хрущев. - Мы имеем полное представление о тех вопросах, по которым стороны уже достигли общей точки зрения, и о тех моментах, которые не приемлемы для японской стороны. Если я правильно понимаю, главным и единственным вопросом, тормозящим нормализацию отношений, является территориальный вопрос. Все другие вопросы, кажется, достаточно полно обсуждены и разрешены?

Коно утвердительно кивнул.

- Так вот, по территориальному вопросу мы учли возможные трудности, и в свое время предлагали заключить мирный договор, в котором предусмотреть все условия, включая и территориальный вопрос, для нормализации отношений. Идя навстречу Японии, советское правительство готово было отказаться от своих прав на принадлежащие нам острова Хабомаи и

Сикотан. При этом мы руководствовались тем, что указанные острова очень близко расположены к острову Хоккайдо, и что это обстоятельство могло бы в будущем служить поводом для трений между нашими странами. Вместе с тем, передача указанных территорий пошла бы на пользу укрепления дружественных отношений. Обо всем этом было поручено сообщить японской стороне через господина Мацумото в Лондоне. Впоследствии японская сторона заявила, что эти условия мирного договора для нее неприемлемы, так как японское правительство связано определенными обязательствами перед партиями, и что этому мешает внутриполитическое положение в стране. Учитывая это заявление, советское правительство отложило вопрос о заключении мирного договора, надеясь, что придет время, когда силы, выступающие в Японии за мир и за дружбу с Советским Союзом, победят, и тогда можно будет возобновить переговоры о заключении договора...

Хрущев спохватился, что говорит слишком быстро, не делает необходимых пауз между предложениями, поэтому переводчик не успевает за ним. Выждав, пока он изложил сказанное, продолжил чуть помедленнее.

- В прошлом году я подробно и ясно изложил точку зрения советского правительства находившейся в Москве японской парламентской делегации. Далее, после приезда господина Сигемицу в Москву во время его переговоров с министром иностранных дел Шепиловым наша позиция была вновь четко и ясно изложена. Однако японская сторона оказалась не в состоянии заключить мирный договор, и в сентябре этого года, по предложению японского премьер-министра, возник новый вопрос о форме завершения переговоров. Речь идет о так называемых пяти пунктах, изложенных в письме премьер-министра Хатояма, которое было адресовано Председателю Совета Министров СССР товарищу Булганину. Советское

правительство согласилось с основными положениями письма, и пять пунктов Хатояма были приняты в качестве исходного момента. При этом было решено, что территориальный вопрос не будет решаться. Обо всем этом и было сказано в ответном письме товарища Булганина.

Коно внимательно слушал, время от времени утвердительно кивая головой.

- Документы, которые были вручены вчера японской делегации, строго вытекают из упомянутых пяти пунктов. Мы не можем понять, почему новые условия завершения переговоров представляются неприемлемыми для Японии, как заявил господин Коно, и что они не будут поддержаны общественным мнением Японии.

Хрущев говорил о Коно в третьем лице, как будто его не было рядом. Японский представитель внутренне напрягся, но его лицо излучало приветливость и дружелюбие.

- Господин Коно ставит вопрос о передаче Хабомаи и Сикотана, - продолжал Хрущев. - Но это такой вопрос, который может быть решен только мирным договором. И японская сторона заявила, что она не готова к заключению такого договора. Как же можно решать территориальный вопрос без основного договора, регулирующего отношения?

Хрущев постепенно заводился. Он уже не смотрел на гостя, а сосредоточил свое внимание исключительно на переводчике, повторяя типичную ошибку провинциальных политиков, не имевших понятия о дипломатических тонкостях.

- Японская сторона хочет получить Хабомаи и Сикотан без заключения мирного договора и решить впоследствии какие-то другие, не известные нам, территориальные вопросы, которых в действительности не существует. Советское правительство хочет как

можно скорее договориться с Японией, и оно не использует территориальный вопрос для торга. Но я должен еще раз совершенно определенно и категорически заявить, что никаких претензий Японии по территориальному вопросу, кроме Хабомаи и Сикотан, мы принимать не будем и отказываемся обсуждать какие бы то ни было предложения в этом отношении.

Для пущей убедительности Хрущев пару раз стукнул ребром ладони по столу. Коно вздрогнул от неожиданности, но его лицо по-прежнему излучало неподдельное уважение к собеседнику. Хозяин повысил голос.

- Японское правительство должно понять также положение правительства Советского Союза. Наш народ знает, что мы пошли по территориальному вопросу на большие уступки. Мы отдаем Японии острова Хабомаи и Сикотан. Но наш народ не понял бы нас, если бы мы пошли на еще большие уступки и передали бы Японии новые территории, законно принадлежащие нашему государству. Мы не можем и не пойдем ни на какие дальнейшие уступки. Хабомаи и Сикотан можно было бы передать Японии по мирному договору, но с передачей указанных островов территориальный вопрос целиком и полностью следует считать разрешенным.

Хрущев уже начинал сердиться. Он преисполнялся гордостью за свою смелую позицию и хотел, чтобы переводчик тоже оценил это.

- Я думаю, что указанные условия вполне приемлемы для Японии. Насколько можно судить по японской прессе, большинство японского народа согласно с предлагаемыми нами условиями мирного договора, которые позволят прекратить состояние войны между нашими странами, нормализовать отношения, развивать торговлю, обмениваться

культурными достижениями и тем самым создать условия для дружбы между нашими народами. Такое решение вопроса в интересах японского народа. При этом я имею в виду интересы сегодняшней и будущей Японии.

Переводчик едва успевал за Хрущевым. А его понесло. Нет больше Сталина, единолично решавшего вопросы внешней политики, посвящавшего в эту проблематику узкий круг самых доверенных лиц – Молотова, Вышинского, Берия. «Внутренника» Хрущева, как и других членов Политбюро, Сталин держал на расстоянии. Никита Сергеевич, бывало, зеленел от злости, в очередной раз ощущая свою второсортность. И вот сейчас он сам Бог, царь и воинский начальник.

- Мы будем сожалеть, если Япония не сможет теперь же пойти на нормализацию отношений. В этом случае нам пришлось бы ждать, пока в Японии не созреют условия для нормализации. Мы очень ценим усилия, которые прилагает премьер-министр Хатояма в деле улучшения отношений между нашими странами. Я об этом говорил вчера и повторяю сегодня. Несмотря на свой возраст и физический недуг...

Коно, услышав столь прямой и даже откровенно грубый отзыв о состоянии здоровья своего премьер-министра, что не укладывалось в рамки дипломатического этикета, не говоря уже о японских уважительных традициях к людям старшего возраста, тем не менее не согнал приветливой улыбки с лица. Действительно, четыре года назад И. Хатояма после перенесенного инсульта был частично парализован. После этого он прожил еще три года и скончался в 1959 году. Ему было тогда 76 лет.

- ...Несмотря на свой возраст и физический недуг, - с удовольствием повторил Хрущев, щегольнув перед гостем знанием тонкостей из жизни высших японских руководителей, - он не остановился ни перед чем и

приехал в Москву, чтобы завершить переговоры. Мы очень ценим и ваши усилия, господин Коно. Вы очень энергично работали, чтобы добиться нормализации отношений между СССР и Японией. Я хочу отметить, что в итоге этой нормализации Япония получит гораздо больше преимуществ, чем Советский Союз.

При этих словах Хрущева гость нетерпеливо шевельнулся в кресле, что не осталось незамеченным для хозяина.

- Может быть, - в раздумье произнес он, - для японской стороны окажется приемлемым такой вариант: мы можем записать, что Советский Союз согласен передать Японии Хабомаи и Сикотан. Но это будет означать, что в этом случае исключается известное положение о том, что при заключении мирного договора между сторонами будут вестись переговоры по территориальному вопросу, ибо передача Хабомаи и Сикотан представляет собой окончательное решение территориального вопроса. Можно было бы оформить этот вопрос следующим образом. Мы уступим указанные острова Японии и зафиксируем это положение в документе. Однако фактическая передача указанных территорий Японии последует после заключения мирного договора и после того, как США передадут Японии Окинаву и другие исконные японские территории, которые захвачены США. Советская сторона готова пойти на такое решение вопроса с тем, чтобы облегчить положение японской делегации. Разумеется, японская сторона имеет возможность выбора: либо она согласна завершить переговоры на условиях только пяти пунктов, либо к этим пяти пунктам в виде дополнения может быть внесена статья о Хабомаи и Сикотан.

Хрущев наступил на большую мозоль японцев - Окинаву. Этот самый крупный остров в архипелаге Рюкю в 1945 году был оккупирован американцами.

Крупный – с точки зрения маленькой Японии. С точки зрения гигантского Советского Союза – крошечный клочок земли, длиной всего в 110 километров.

– Простите, – не удержался Коно, – что японская сторона надоедает вам всякого рода просьбами. Врученный нам вчера проект совместной декларации и протокол нами изучены. Мы считаем эти документы вполне удовлетворительными, кроме территориального вопроса. У нас есть ряд дополнительных просьб в связи с этими документами.

– Дополнительные просьбы? – удивился Хрущев. – Мне о них ничего не известно. Излагайте.

– Можно? – расплылся в располагающей улыбке японский министр. – Японская сторона просила бы провести расследование с тем, чтобы найти японских граждан, пропавших без вести и не включенных в список, полученный с советской стороны.

– Ясно. Что еще?

– Японская сторона выражает благодарность советскому правительству за его позицию в вопросе о приеме Японии в ООН. Я не нахожусь во власти фразы, как Сигемицу, поэтому для меня достаточно будет вашего заверения, что вы поддержите просьбу Японии о приеме ее в ООН на очередной сессии в этом году.

– Так. Какие еще просьбы? Больше нет? Отвечаю. По вопросу о японских гражданах, пропавших без вести, я вам ничего не могу сказать сверх того, что уже было сказано ранее. У нас нет других японцев, кроме тех, которые внесены в список, врученный вам. Но если японская делегация считает, что для облегчения ее положения полезно будет внести в текст декларации общую фразу, то мы, очевидно, не будем возражать против этого, хотя должен еще раз заметить, что у нас нет японцев, кроме тех, о которых уже было сообщено. Если бы такие лица нашлись, мы бы их немедленно отправили в Японию.

- Просьба такую фразу в текст включить, - попросил Коно.

- Включим, - заверил Хрущев. - Относительно просьбы о приеме Японии в ООН все будет зависеть от самой Японии, вернее от того, в какой мере будут юридически оформлены документы о нормализации отношений к моменту возникновения вопроса о приеме Японии в ООН. Наше слово крепкое, в чем вы сможете убедиться.

- Разрешите высказать несколько мыслей по территориальному вопросу, - заерзал в кресле гость. - Мы хотим решить вопрос о территориях безотносительно к Сан-Францисскому мирному договору, то есть без привлечения для этого США и других союзных держав. Япония готова решить территориальный вопрос, стоя на свободных позициях. Мы не смогли пойти на заключение мирного договора, но мы согласны на подписание ряда документов, которые по своему содержанию ничем не отличаются от договора. В этих документах можно решить почти все, что можно решить мирным договором.

- Вы хотите сказать, что по территориальному вопросу не можете принять нашу позицию? - прямо спросил Хрущев.

- Да, это так, - подтвердил Коно. - Но исключительно в силу внутривнутриполитического положения в стране. Мы настоятельно просим, чтобы Советское правительство вернуло нам острова Хабомаи и Сикотан немедленно, не связывая это с другими вопросами. Что касается принадлежности остальных территорий, то в данный момент трудно что-либо сказать об этом. Никаких изменений в этом отношении в ближайшее время не наступит, поскольку Советский Союз владеет указанными территориями. Ваше предложение о том, чтобы вопрос о передаче Хабомаи и Сикотан включить в общую декларацию, но фактически вернуть их только

после того, как Соединенные Штаты вернут Японии Окинаву, произвело бы весьма неблагоприятное впечатление на общественное мнение и народ Японии, ибо Советский Союз уже согласился передать эти территории Японии в случае заключения мирного договора, о чем известно всем японцам.

- Передача указанных территорий ставится в зависимость от возвращения Соединенными Штатами Окинавы и других ваших территорий, - заметил Хрущев.

- Нас очень разочаровало это ваше заявление. Мы не хотели бы ставить знака равенства между указанными японскими землями. Я вновь повторяю нашу просьбу о том, чтобы советское правительство немедленно передало нам Хабомаи и Сикотан. Мы считаем, что нормализация отношений должна быть обязательно завершена в настоящий момент, ибо премьер Хатояма уже больше не сможет приехать в Москву. Следовательно, если мы упустим нынешний благоприятный случай, это будет означать, что мы на многие годы упустим возможность урегулировать наши отношения.

- Я хочу кое-что уточнить, - произнес Хрущев, - и особенно сказанное мною относительно передачи Японии островов Хабомаи и Сикотан, чтобы не было никакого недопонимания. Советское правительство согласно передать Японии Хабомаи и Сикотан в том случае, если сейчас будет заключен мирный договор. Сама передача произойдет после ратификации этого договора. Я не знаю, какие могут быть технические трудности в связи с передачей. Очевидно, на этих островах есть какое-то имущество, которое нужно вывезти или передать, я хочу лишь отметить, что передача указанных территорий связывается с ратификацией договора. Если же мирный договор не будет подписан, а японская сторона согласна с теми

документами, которые мы вчера ей вручили, то вопрос, очевидно, можно было бы решить иначе.

- Каким образом? - спросил Коно.

- Советское правительство согласно передать Хабомаи и Сикотан. Об этом можно будет записать в соответствующем документе и открыто объявить. Советское правительство юридически откажется от своих прав на указанные острова, практически передача последует после заключения мирного договора и после того, как Японии будут возвращены Окинава и другие территории, которые находятся в руках США. Мы не хотим в этом отношении неравного положения. Почему Соединенные Штаты держат в руках японские территории, строят там военные базы, направленные против нас, а от нас требуют, чтобы мы отдали Японии принадлежащие нам территории? Это несправедливо. Мы протестуем против такой дискриминации. Советское правительство хочет решить все вопросы для быстрой нормализации, но мы никогда не пойдем на еще большие уступки, чем те, о которых уже известно японской стороне. Подумайте, господин Коно, может быть, мы сможем еще раз обсудить этот вопрос. Предложенные нами условия улучшают ваше положение, ибо вы имеете возможность выбрать одно из двух решений.

Коно, внимательно выслушав, спросил:

- Считает ли господин Хрущев, что Соединенные Штаты когда-либо вернут Японии Окинаву?

Хрущев засмеялся:

- Мне трудно говорить за Соединенные Штаты, но я думаю, что решение о Хабомаи и Сикотан, которое мы предлагаем, будет содействовать делу освобождения Окинавы. Никто не сомневается в том, что Окинава - это японская территория. Мы же передадим Японии Хабомаи и Сикотан в любое время, когда для этого будут выполнены соответствующие условия. Думаю, что

Соединенные Штаты рано или поздно вернут Японии Окинаву и другие территории. Конечно, я не могу сказать, когда это будет.

- Согласно ли советское правительство вернуть нам Кунашир и Итуруп, если Соединенные Штаты уйдут с Окинавы?

Хрущев пришел в раздражение от любезной назойливости гостя:

- Я не знал, что японцы такие упорные. Вы бьете все в одну точку.

Коно изменил тактику:

- Конечно, Кунашир и Итуруп не имеют существенного экономического значения для Японии. Но если бы мы имели возможность развернуть движение в стране за возвращение Окинавы и других территорий, связывая этот вопрос с возвращением Кунашира и Итурупа, то, может быть, мы добились бы успеха, ибо, довод об одновременном возвращении Японии двумя великими державами территорий, принадлежащих Японии, звучит весьма убедительно.

- Кунашир и Итуруп здесь совершенно ни при чем, вопрос о них давно решен. Экономически эти территории не имеют никакого значения. Наоборот, они нам приносят сплошной убыток и ложатся тяжелым бременем на бюджет. Но тут играют решающую роль соображения престижа страны, а также стратегическая сторона дела.

- Прошу вас учесть наше положение и подумать над нашими просьбами, которые я сегодня высказал, - залебезил гость.

- Мы посоветуемся с Министерством иностранных дел относительно того, как оформить документально вопрос о Хабомаи и Сикотан, - пообещал Хрущев.

- Если вы не возражаете, я хотел бы с вами увидеться еще раз.

- Насколько мне известно, на завтра назначена встреча между господином Хатояма и товарищем Булганиным, - напомнил Хрущев.

- Я хотел бы увидеться с вами еще до этой встречи. Разрешите к вам прийти в десять часов?

Хрущев ответил согласием.

В заключение Коно сказал, что положение японской делегации очень трудное - все решения она принимает без одобрения из Токио, ибо, если бы и запросила согласие, то обязательно получили бы отказ. Им очень трудно будет убедить японский парламент и общественное мнение согласиться с теми актами, которые они подпишут в Москве. Поэтому они очень нуждаются в поддержке со стороны советского правительства.

**1956 год, 17 октября. Москва,
Кремль**

В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС

16 октября я имел беседу с министром земледелия и лесоводства Японии Коно. Вся беседа была посвящена территориальному вопросу. Посылаю запись этой беседы. В конце беседы Коно обратился с просьбой снова встретиться сегодня, 17 октября. Такая встреча состоялась.

Во время сегодняшней беседы Коно вручил свой проект формулировки территориального вопроса и попросил, чтобы мы вручили им свой проект статьи по территориальному вопросу.

Представляю проект нашей формулировки по территориальному вопросу для включения в текст совместной декларации.

Одновременно представляю проект текста для передачи японской стороне в виде устного, без внесения в совместную декларацию, соглашения. Если товарищи будут согласны с этими текстами, то можно будет их передать Коно. Он просил меня еще раз принять его после ознакомления с нашим предложением по территориальному вопросу. Я ответил согласием.

Н. ХРУЩЕВ

Текст для включения в совместную декларацию

Союз Советских Социалистических Республик и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между СССР и Японией переговоров о заключении мирного договора, включающего и территориальный вопрос.

При этом Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между СССР и Японией и после того, как Японии будут возвращены острова Окинава и другие принадлежащие Японии острова, находящиеся под контролем США.

***Текст для передачи японской стороне в виде
устного,***

без внесения в совместную декларацию, соглашения

Союз Советских Социалистических Республик соглашается фактически передать Японии острова Хабомаи и Сикотан после заключения мирного договора между СССР и Японией, не дожидаясь освобождения островов Окинава и других принадлежащих Японии островов, находящихся под контролем США.

Идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, Союз Советских Социалистических Республик передает Японии острова Хабомаи и остров Сикотан.

Союз Советских Социалистических Республик и Япония будут продолжать переговоры о заключении мирного договора также и после восстановления нормальных дипломатических отношений между обоими государствами и обеспечат всестороннее урегулирование вопросов, которые между ними возникли в результате состояния войны.

1956 год, 17 октября. Москва, Кремль

Вторая беседа Н. С. Хрущева с И. Коно. Началась в 10.00, закончилась в 10.50.

Коно сразу предупредил Хрущева, что он не будет слишком много полемизировать, хочет лишь изложить некоторые обстоятельства, связанные с его линией поведения во время московских переговоров.

- Либерально-демократическая партия, к которой Хатояма и я принадлежим, выработала новую линию в связи с переговорами. Я хочу объяснить вам, почему и при каких обстоятельствах появилась эта новая линия. Внутри нашей партии есть такие элементы, которые резко возражали против нашей поездки в Москву, ибо они считали, что если мы окажемся в Москве, то соглашение будет обязательно подписано, чего они, эти элементы, боятся. На этом основании определенная группа членов партии создавала систематические помехи и препятствия в решении вопросов, связанных с нормализацией отношений. Хатояма и я старались добиться того, чтобы большинство партии и правительство приняли бы нашу линию и поручили бы нам выехать в Москву. Мы этого добились, но добились вот на каких условиях: прошлый раз, когда я был в Москве в связи с переговорами о рыболовстве, я посетил Председателя Совета Министров Булганина и имел с ним беседу по территориальному вопросу. Господин Булганин тогда заявил мне следующее: советское правительство передает Японии острова Хабомаи и Сикотан. Об этом уже неоднократно говорилось и в Лондоне, но передача указанных территорий - это максимум, на что может пойти Советский Союз в территориальном вопросе. Я знаю, - сказал господин Булганин, - что японский народ требует возвращения Кунашира и Итурупа, но передача указанных территорий Японии совершенно немыслима и невозможна. Сейчас речь идет о передаче Японии Хабомаи и Сикотан, все остальное мы будем решать потом. Пока же стороны должны договориться по тем вопросам, по которым точки зрения совпали. Таково было в общих чертах заявление г-на Булганина.

Коно отметил, что либерально-демократическая партия в свое время приняла такой жестокий курс ведения переговоров, который был совершенно

неприемлем для советской стороны. Поэтому было решено выработать новый курс, новую линию поведения и этот новый курс был целиком основан на вышеуказанном заявлении господина Булганина, о котором Коно докладывал партии и правительству. Ему было сказано, чтобы он вместе с Хатояма поехал в Москву и добился нормализации отношений в той форме, в какой это было изложено в заявлении Булганина. Другими словами, речь шла о возвращении Японии Хабомаи и Сикотана.

Хрущев отпарировал следующим образом:

- Господин Коно несколько неточно толкует беседу с товарищем Булганиным. Советское правительство неоднократно сообщало японской стороне и в Лондоне через товарища Малика, и в неоднократных беседах в Москве о том, что мы согласны передать Японии острова Хабомаи и Сикотан при условии заключения мирного договора и установления дипломатических отношений между нашими странами. Но оказалось, что в либерально-демократической партии Японии нет единства по вопросу о переговорах, поэтому японская сторона предложила не касаться пока территориального вопроса, а ограничиться ликвидацией состояния войны и восстановлением нормальных дипломатических отношений, на что мы и согласились. Но, давая свое согласие на этот новый вариант, мы имели в виду, что передача островов Хабомаи и Сикотана последует только после заключения мирного договора.

- Таковы наши предложения, - подтвердил Коно.

- Желая пойти навстречу японской делегации, я вчера выдвинул новый, иной вариант, который выгоден для Японии. При этом я хочу в конфиденциальном порядке подчеркнуть, что наш вариант может быть успешно использован Японией также и в пропагандистских целях, ибо обязательства Советского

Союза передать Японии указанные территории могут служить достаточным основанием для того, чтобы оказать давление на Соединенные Штаты и требовать от них возвращения Окинавы и других территорий, находящихся под контролем США. Можно было бы в совместную декларацию включить пункт о передаче Японии островов Хабомаи и Сикотан после заключения мирного договора и возвращения Японии Окинавы и других территорий, находящихся под контролем США, но помимо этого устно, без записи, договориться, что мы передадим указанные территории после заключения мирного договора и не будем связывать эту передачу с возвращением Окинавы и других территорий. Мы хотим помочь Японии добиться освобождения Окинавы и других территорий, а для этого наш вариант решения территориального вопроса был бы весьма приемлем. Япония в этом случае смогла бы привести в пример Советский Союз и на этом примере мобилизовать внутреннее и международное общественное мнение на поддержку борьбы за освобождение Окинавы.

Японский гость нервно заерзал в кресле. Хрущев не обращал внимания на его реакцию.

- Господин Коно вчера спрашивал, уверен ли я, что США передадут Японии Окинаву. Конечно, я в этом уверен. Я понимаю, что США не хотят вернуть эту территорию, но история часто заставляет делать то, чего не хочешь, и США будут вынуждены отдать Японии то, что ей принадлежит, если японский народ будет вести борьбу за это. Я думаю, что Япония после нормализации отношений очень скоро убедится в пользе и необходимости заключения мирного договора, и тогда, то есть после заключения договора, мы вернем Японии острова Хабомаи и Сикотан, не связывая это с вопросом об Окинаве.

Коно извлек из лежавшей у него на коленях папки лист бумаги:

- Я хорошо понял вашу мысль и поэтому предложил бы следующий вариант редакции статьи о территориальном вопросе.

Он обратился к переводчику:

- Пожалуйста, переведите.

Переводчик зачитал: «Идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, Союз Советских Социалистических Республик передает Японии острова Хабомаи и остров Сикотан.

Союз Советских Социалистических Республик и Япония будут продолжать переговоры о заключении мирного договора также и после восстановления нормальных дипломатических отношений между обоими государствами и обеспечат всестороннее урегулирование вопросов, которые между ними возникли в результате состояния войны».

Переводчик остановился. Коно добавил:

- О сроке передачи указанных островов можно и не договариваться сейчас. Что вы думаете по этому поводу, господин Хрущев?

- Формулировка первой части о передаче Хабомаи и Сикотан составлена неудачно, - рубанул Никита Сергеевич. - Здесь все изложено в очень категорической форме, и если бы мы после такой формулировки немедленно не передали бы Японии указанных территорий, то общественное мнение Японии расценило бы это как отказ советского правительства выполнить им же данное обязательство. Мы хотим честной нормализации отношений, мы хотим, чтобы общественное мнение нас правильно поняло, ибо все обязательства, которые берет на себя Советский Союз, он выполняет честно и аккуратно. Мы всегда сдерживаем свое слово.

Коно предупредительным тоном произнес:

- Если эта редакция неприемлема, я прошу предложить ваш вариант.

Хрущев не замедлил с ответом:

- Господин Коно должен понять, что наше предложение дает фактическое и юридическое право Японии вести борьбу за возвращение Окинавы и других территорий. Я знаю, что в Японии есть проамериканская группа, которая недовольна нашими переговорами, но с этим можно и не считаться. Главное заключается в том, что в итоге решения вопроса по нашему варианту Япония получит возможность оказать сильное давление на США. Имейте в виду, что без борьбы вам не вернуть ваших территорий, находящихся в руках американцев.

- Японская сторона согласна рассмотреть любой вариант, который вы предложите. Хатояма и я решили подписать документы без консультации со своим правительством, - открыл наконец карты Коно.

- Поймите, господин Коно, что мы хотим только одного - создать благоприятные политические условия для развертывания борьбы за возвращение японских территорий, находящихся под американским контролем, - заговорил окрыленный Хрущев. - Мы уже решили передать вам острова Хабомаи и Сикотан, поэтому мы потеряли к ним всякий интерес, речь идет лишь о том, чтобы сама передача пошла бы на пользу Японии. После ликвидации состояния войны между нашими странами не будет каких-либо вопросов, которые по-прежнему будут нас разделять? Мы сейчас договоримся обо всем, включая и территориальный вопрос. Впоследствии мы подпишем мирный договор и тогда мы вам передадим Хабомаи и Сикотан. Когда Советский Союз передаст Японии эти острова, вы сможете использовать это обстоятельство для борьбы за возвращение своих территорий, находящихся у американцев, ибо к тому моменту Советский Союз уже вернет территории, обещанные Японии, а США по-прежнему будут придерживаться прежних позиций. Таким образом, на примере Советского Союза можно

заставить США пересмотреть свое отношение к японским землям.

Коно:

- Прошу вас изучить мой вариант и, если вы посчитаете необходимым, его исправить. Я хотел бы с вами встретиться еще раз по этому вопросу. Поэтому прошу вас после того, как вы исправите мой вариант, прислать мне один экземпляр и назначить мне любое время для посещения вас.

Хрущев:

- Мы вам пришлем в письменном виде наши соображения, изучите их, и, если вам нужна будет встреча, я всегда готов вас принять.

1956 год, 17 октября. Москва, Кремль

Беседа Н. А. Булганина и А. И. Микояна с И. Хатояма и И. Коно. Продолжалась 1 час 10 минут.

После обмена приветствиями Хатояма сделал следующее заявление.

- С сентября 1951 года, после того как кончилось мое поражение в политических правах, - сказал он, - я непрерывно выступаю за нормализацию отношений с Советским Союзом. С тех пор прошло почти пять лет. Моя систематическая работа в этом направлении увенчалась успехом в том смысле, что общественное мнение Японии пришло к убеждению о необходимости нормализовать отношения. Я весьма рад, что нахожусь в настоящее время в Москве и лично имею возможность осуществить то, о чем я настаивал на протяжении длительного периода. Я рад и тому обстоятельству, что переговоры, которые ведутся на протяжении больше года, вступили в последнюю стадию.

Японский премьер-министр обратился к советским руководителям со следующими вопросами.

- Первое - это территориальный вопрос. Известно, что это самый трудный вопрос, по поводу которого стороны больше всего говорили в ходе переговоров. На днях господин Коно вместо меня имел несколько встреч с господином Хрущевым. В ходе этих встреч рассматривался территориальный вопрос. Я бы просил и вас, господин председатель, оказать содействие в разрешении этого вопроса. Перед выездом из Японии мы считали, что нормализацию отношений можно завершить без территориального вопроса. Но в нашей

партии есть довольно значительная группировка, возглавляемая Иосида, которая резко выступает против нашей позиции в вопросе о переговорах, и ввиду этого обстоятельства мы вынуждены были по приезду в Москву вновь поставить вопрос о передаче нам Хабомаи и Сикотан. Повторяю, вопрос нами ставится вопреки нашей воле.

Второй вопрос - о приеме Японии в ООН. Я не придерживаюсь чисто формальной стороны дела. Другими словами, я не нахожусь во власти фразы. Меня интересует политическая сторона дела, и я прошу, чтобы советское правительство после нормализации наших отношений поддержало бы просьбу Японии о приеме ее в члены ООН, не связывая с приемом других стран. Я уверен, что вы великодушно отнесетесь к Японии в этом вопросе и поддержите ее желание быть в семье стран, входящих в ООН.

Третье - о задерживаемых лицах. В проекте нашей совместной декларации вопрос об освобождении задерживаемых лиц представлен в форме целого абзаца. Господин Хрущев согласился принять пункт о том, чтобы продолжить расследование на территории Советского Союза на предмет обнаружения тех японцев, которые не включены во врученный вами список. Поэтому я просил бы в проект совместной декларации включить следующий пункт: «Что касается японцев, сведения о которых отсутствуют, то СССР примет меры к тому, чтобы выяснить, не имеются ли указанные японцы на территории Советского Союза. СССР продолжит работу по розыску указанных лиц».

Четвертое - по вопросу о запрещении атомного оружия и о совпадении точек зрения по ряду международных вопросов. Об этом сказано в 9 параграфе совместной декларации. Известно, что на протяжении переговоров мы обсуждали только те вопросы, которые имеют непосредственное отношение

к установлению дипломатических отношений. Я не отрицаю, что предлагаемый вами вопрос имеет исключительно важное значение, но я считаю, что было бы целесообразнее такие вопросы обсуждать и решать после того, как между нашими странами будут установлены нормальные дипломатические отношения.

И пятое. Я прошу советское правительство оказать нам содействие в подыскании в Москве помещения для посольства и для размещения личного состава.

- Я намерен исчерпывающим образом ответить на все ваши вопросы, - произнес Булганин, выслушав японского коллегу. - Прежде всего хочу заявить, что все мы, в том числе я и мой коллега товарищ Микоян - первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, все руководящие товарищи из правительства, высоко ценим ваши усилия, направленные на ликвидацию ненормальных отношений, сложившихся между нашими странами. Мы с неослабным вниманием следили за вашей деятельностью в этом направлении с 1951 года. Мы всегда желали вам успеха, и теперь мы с большим удовлетворением с вами встретились и вступили в переговоры. Мы надеемся, что этими встречами будет положен конец ненормальным отношениям, существующим еще до сих пор между нашими странами. Сегодня на завтрак я уже заявил, что наша встреча носит исторический характер. Я и сейчас хочу это вновь подтвердить и считаю, что ваш приезд в Москву войдет в историю японо-советских отношений...

У Хатояма был усталый, болезненный вид. Казалось, он не слушал протокольных слов советского премьера, который считывал их с бумажных квадратиков, лежавших перед ним на столе.

- Мы также высоко ценим энергичную деятельность господина Коно, - отдавал дань дипломатическому этикету Булганин. - Мы с большим удовлетворением

констатируем, что министр Коно сделал многое с целью нормализации наших отношений и тем самым послужил общим интересам народов обеих стран...

Наверное, такой заход показался странным самому чтецу, и он оторвал глаза от бумажных квадратиков с напечатанным текстом. Взглянув на гостя, добавил как бы от себя:

- Я говорю все это не потому, что того требует протокол. Это искреннее мнение разделяется всеми членами правительства.

Хатояма не знал, что и это отступление было тоже отпечатано заранее на машинке.

- А теперь разрешите ответить на поставленные вопросы. - Булганин опять уткнулся в текст. - Территориальный вопрос. По территориальному вопросу было очень много встреч, заседаний, бесед. Это происходило и в Лондоне и в Москве. Известно, что этот же вопрос явился главным во время пребывания в Москве господина Сигемицу. Наконец, вчера и сегодня имели место встречи товарища Хрущева и господина Коно, также посвященные территориальному вопросу. Мы уже указывали, что Хабомаи и Сикотан можно вернуть Японии в случае заключения мирного договора. Как известно, через нашего посла в Лондоне Малика было заявлено, что мы готовы пойти на такую передачу, хотя, откровенно говоря, когда мы решали этот вопрос в правительстве, мы проявили большую решимость и взяли на себя тем самым серьезную ответственность перед нашим общественным мнением. Но мы руководствовались желанием заключить мирный договор и тем самым нормализовать наши отношения. К сожалению, японская сторона заявила, что она не может заключить мирного договора. Во время пребывания в Москве господина Сигемицу министр иностранных дел СССР товарищ Шепилов обстоятельно разъяснил позицию советского правительства в этом

вопросе, и не наша вина в том, что миссия господина Сигемицу не увенчалась успехом...

Булганин говорил, боясь отойти от заранее заготовленного текста. Он напомнил, что вчера и сегодня были встречи между товарищем Хрущевым и господином Коно, который представлял премьер-министра господина Хатояма. Товарищ Хрущев изложил точку зрения, с которой советское правительство целиком и полностью согласно, ибо эта точка зрения является вместе с тем и точкой зрения всего правительства. Перед Японией есть большой выбор. Она может руководствоваться целым рядом положений, изложенных в известных документах. Имеется в виду проект мирного договора, обмен письмами между руководителями правительств, обмен письмами между Громыко и Мацумото и, наконец, вариант решения территориального вопроса, который был изложен Хрущевым.

Таким образом, позиция советского руководства в территориальном вопросе обстоятельно изложена. Оно ни на какие другие уступки в этом вопросе не может пойти и не пойдет.

Коно заметил, что он был у Хрущева по территориальному вопросу и хотел бы встретиться с ним еще раз. Он попросил проявить в этом вопросе благосклонное отношение к японской делегации.

Булганин, не отреагировав на просьбу японского министра, продолжал свое выступление. Он заявил, что советское правительство вносит на рассмотрение японской стороны следующие два текста предложений, основанных на переговорах Хрущева с Коно. Первый текст должен быть внесен в совместную декларацию.

Советский премьер зачитал проект статьи, содержащий указание о том, что СССР передаст Японии Хабомаи и Сикотан после подписания мирного договора после возвращения Японии территорий, находящихся

под контролем США. Вслед за этим Булганин зачитал проект текста, который не предполагалось включить в совместную декларацию и который представлял собой устную договоренность между сторонами относительно того, что Хабомаи и Сикотан будут фактически переданы Японии после заключения мирного договора, не дожидаясь возвращения США принадлежащих Японии территорий.

Хатояма попытался выяснить, значит ли это, что СССР вернет Хабомаи и Сикотан после заключения мирного договора или же это возвращение обуславливается двумя обстоятельствами: а) заключением мирного договора, б) возвращением США Окинавы и других территорий, находящихся под контролем США?

Булганин разъяснил, что в случае подписания мирного договора в предложенном господину Сигемицу варианте Советский Союз согласен передать острова Хабомаи и Сикотан Японии.

Хатояма заметил:

- Упоминание в этом документе о Соединенных Штатах сильно осложнило бы наше положение, поэтому мы хотели бы избежать этого.

Микоян искренне удивился:

- Мы считали, что нашим вариантом, который был зачитан товарищем Булганиным, мы облегчаем борьбу Японии за возвращение ей своих территорий, находящихся под контролем США.

- Задача Японии была бы действительно облегчена, если бы СССР вернул нам Кунашир и Итуруп, - упорствовал Хатояма.

- Об этих островах и речи быть не может, - решительно отрезал Булганин.

Микоян:

- Я был на этих островах и нашел, что они являются чисто русскими территориями и никто у нас не

примирится с мыслью передачи.

Посещение Микояном Сахалина состоялось в октябре 1954 года во время поездки партийно-правительственной делегации по Дальнему Востоку и Сибири, - после официального визита Хрущева, Булганина и Микояна в Китай в первой половине октября. Тогда они приехали в Порт-Артур и ошеломили командование расквартированной там армии вестью, что Ляодунский полуостров передается Китаю.

Булганин пресек попытку дискуссии, резко оборвав японцев:

- Это все, что касается территориального вопроса. Наша позиция окончательная и непоколебимая. О приеме Японии в ООН. После восстановления нормальных отношений и ратификации документов мы выполним наше обещание - поддержим просьбу Японии о приеме ее в ООН.

Хатояма выразил искреннюю благодарность.

Булганин:

- О задерживаемых лицах. Мы предпримем меры к тому, чтобы передать Японии всех задерживаемых в СССР лиц, включая осужденных военнопленных. Мы также согласны с дополнением японской стороны о желательности предпринять меры для выявления лиц японской национальности, не включенных в списки. Далее, о 9 пункте нашей совместной декларации, то есть о совпадении точек зрения по международным вопросам и по вопросу о запрещении атомного и водородного оружия. Нам казалось, что по этому вопросу мы найдем общий контакт и общее мнение с японской делегацией. Как известно, советский парламент быстро откликнулся на решение японского парламента, содержащее призыв к запрещению атомного и водородного оружия. Мы считаем, что если оба правительства подтвердят это в момент нормализации отношений, то такое решение принесло

бы большую пользу всему человечеству. Однако, если японская сторона считает неприемлемым такой пункт, то мы не будем возражать против его исключения.

Микоян поддержал Булганина:

- Я согласен с Николаем Александровичем и не настаиваю на оставлении этого пункта, но я не понимаю позиции японской стороны в этом вопросе. Известно, что Япония была первой страной, которая подверглась атомной бомбардировке. При этом нужно сказать, что бомбы были брошены тогда, когда война уже почти кончилась и, следовательно, необходимости в такой бомбардировке не было никакой. Японский народ громко заявил о том, что он будет добиваться запрещения атомной бомбы. Японский парламент, отражая настроение народа, также принял известное постановление, содержащее обращение ко всем парламентам мира, и, как известно, наш парламент очень быстро на это откликнулся. Чем же объяснить такое отрицательное отношение к этому вопросу со стороны японской делегации?

- Японская делегация не выступает против такого пункта и придает ему весьма большое значение, - ответил Коно. - Мы лишь хотим, как говорил об этом премьер, заняться этим вопросом в другое время, то есть после нормализации отношений.

- И, наконец, по вопросу о просьбе предоставить помещение для посольства, - подошел к завершению встречи Булганин. - Советское правительство сделает все, чтобы помочь найти в Москве помещение для японского посольства и для персонала и создать в этих помещениях благоприятные нормальные условия работы. Разумеется, мы надеемся, что все будет делаться на принципах взаимности.

- Я думаю, что большого помещения для японского посольства не потребуются, - на всякий случай внес уточнение Коно.

- Я полагаю, что и для нашего посольства в Токио также не потребуется большого помещения, - нашелся Булганин.

Удивительно, но без шпаргалки!

Хатояма в заключение сказал, что если в результате нормализации отношений удастся в какой-то мере смягчить международную напряженность и предотвратить возникновение новой войны, то, он считает, что обе страны выполнят тем самым свой великий и высокий долг перед всем человечеством.

- Я с вами вполне согласен и считаю, что нормализация отношений между СССР и Японией явится большим вкладом в дело смягчения международной напряженности и пойдет на пользу не только нашим народам, но и народам всего мира, - снова задолдонил по бумажке скучный советский премьер. - Я хочу отметить, что основой нашей внешней политики является борьба за мир и дружбу между народами. В своей внешней политике мы следуем указанию великого Ленина о мирном сосуществовании государств с различным социальным строем и вне зависимости от идеологической основы, на которой построено данное государство.

- Думаю, что для Японии было бы целесообразным незамедлительно, после завершения наших переговоров, нормализовать свои отношения также и с Китайской Народной Республикой, - напомнил Микоян.

1956 год, 18 октября. Москва, Кремль

Третья беседа Н. С. Хрущева с И. Коно. Началась в 16. 15, закончилась в 16. 55

В начале беседы министр Коно заявил, что японская сторона тщательно изучила врученный вчера вечером советский проект по территориальному вопросу. В итоге она решила просить советских руководителей, чтобы они из своего проекта удалили упоминание о передаче Соединенными Штатами Японии островов Окинава. Если советская сторона не возражает, то японская делегация хотела бы предложить следующий вариант, который составлен на основе советского проекта:

«Япония и СССР согласились на продолжение после установления нормальных дипломатических отношений между Японией и СССР переговоров о заключении мирного договора, включающего территориальный вопрос.

При этом СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, согласился передать Японии острова Хабомаи и Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между Японией и СССР».

Хрущев:

- Советская сторона в общем согласна с предлагаемым вариантом. Мы хотим пойти навстречу Японии и поэтому готовы снять ту часть нашего проекта, где говорится о передаче Японии Окинавы и других территорий. Но у нас есть одно замечание чисто

редакционного характера: из первой части японского проекта мы просим исключить выражение «включающего территориальный вопрос». Наше предложение объясняется тем, что если оставить указанное выражение, то можно подумать, что между Японией и Советским Союзом, кроме Хабомаи и Сикотан, есть еще какой-то территориальный вопрос. Это может привести к кривотолкам и неправильному пониманию документов, которые мы намерены подписать.

Коно возразил:

- Японская сторона, к сожалению, сообщила в Токио представленный вам сегодня проект и уже получила одобрение правительства. Поэтому любые дальнейшие изменения, естественно, требуют санкции правительства. Практически это означает, что мы, очевидно, не сможем подписать завтра эти документы, если бы оказалось необходимым сделать запрос в Токио.

- Я поздравляю вас с тем, что вы уже получили санкцию своего правительства на подписание документов. - Хрущев явно был в ударе. - Однако мы все же настаиваем на исключении указанного выражения. При этом, как вы сами понимаете, речь идет только о редакционном улучшении, смысловое содержание этой статьи остается неизменным.

Японский министр был сама любезность:

- Я вполне с вами согласен, что советская поправка не меняет содержания нашего проекта, но коль скоро он уже согласован и мы получили определенную санкцию из Токио, было бы весьма затруднительным что-либо менять после того как все уже согласовано.

Хрущев являл собой штурм и натиск:

- Я думаю, что вы можете и не запрашивать свое правительство по этому поводу, ибо каждому ясно, даже вашим врагам, что статья по территориальному

вопросу составлена в интересах Японии. Подумайте, господин Коно. Мы сняли заключительную часть своего варианта. Мы, таким образом, сделали вам большую уступку, а вы не хотите согласиться с чисто редакционным уточнением.

- Я очень прошу вас понять, что мы уже связаны определенным решением японского правительства и нам трудно было бы что-либо изменить, - мягко, но решительно отказывался японский министр.

- Еще раз повторяю, что мы просим исключить эти несколько слов только для того, чтобы устранить возможность возникновения в будущем конфликта на почве толкования настоящего соглашения. Ведь мы заключаем документы не на один год. Может быть, они будут действовать и 10, а может быть и 100 лет, следовательно, их нужно составлять так, чтобы ничто не допускало неправильного толкования. Вы знаете, что могут найтись такие крючкотворы, которые постараются использовать любое упущение, даже редакционное, для того, чтобы создать конфликт вокруг толкования наших соглашений. Давайте прекратим дальнейшее обсуждение этого вопроса. Вы принимаете наше предложение об исключении этих нескольких слов, и мы с вами заключаем соглашение и, таким образом, кладем начало новой эпохе в японо-советских отношениях.

Коно вежливо выслушивал Хрущева, любезно улыбался, но решения менять не хотел.

- К сожалению, я должен еще раз подчеркнуть, что внести какие-либо исправления для нас будет очень трудно. Все уже согласовано между премьером и Токио. Нам пришлось бы вновь запрашивать Токио, и это привело бы только к оттяжке сроков подписания, - оправдывался он.

- Речь идет о редакционной поправке. Мы идем вам навстречу в целом ряде вопросов, а вы хотите заставить

нас принять то, что мы считаем нецелесообразным. Я вам советую, не откладывая в долгий ящик, принять нашу поправку и согласиться на подписание документов, - настаивал Хрущев.

- Лично я согласен, - соглашался Коно, - но разрешите мне посоветоваться с премьер-министром. Если премьер-министр найдет необходимым, то придется, очевидно, послать запрос в Токио.

Хрущев нетерпеливо стукнул ладонью по мягкой папке с бумагами:

- Сделайте все, что необходимо, но имейте в виду, что мы будем и впредь настаивать на исключении выражения «включающего территориальный вопрос».

- Хорошо, господин Хрущев. Разрешите перейти к другому вопросу. У меня есть просьба к вам. Я получил из Токио предписание, чтобы обратиться к вам с просьбой об освобождении 100 рыбаков, задерживаемых в Советском Союзе. Я думаю, что освобождение этих лиц явилось бы знаменательным в связи с подписанием документов о нормализации наших отношений.

Хрущев взглянул прямо в глаза собеседнику:

- Даю вам слово, что я в правительстве буду поддерживать вашу просьбу об освобождении указанных рыбаков. Кроме того, вы просили и о том, чтобы советские власти провели дополнительное расследование на предмет выяснения - нет ли на территории Советского Союза лиц японской национальности, не включенных в списки, врученные в свое время советской стороной. После проверки было установлено, что у нас действительно обнаружена очень небольшая группа японцев, которая не вошла в указанный список. Если указанные лица этого пожелают, то, я думаю, что их можно будет вернуть в Японию.

Коно:

- Я весьма благодарен вам за это ваше заявление. По поручению господина Хатояма разрешите мне вам вручить письмо, адресованное господину Булганину. Это письмо составлено на основе беседы между господином Булганиным и премьер-министром Хатояма, которая состоялась вчера.

1956 год, 18 октября. Москва, Кремль

Четвертая беседа Н. С. Хрущева с И. Коно. Состоялась в 18 час.

Коно:

- После консультации с премьер-министром И. Хатояма мы решили принять предложение господина Хрущева об исключении слов «включающего территориальный вопрос».

Хрущев:

- Очень хорошо. Следовательно, можно договориться о подписании.

Коно:

- Мы очень спешим и хотели бы подписать документы 20 октября.

Хрущев:

- Можно было бы все подписать к 20 числу, но подписание желательно было бы провести 21 октября. Дело в том, что часть членов правительства должна выехать из Москвы на некоторое время...

Хрущев вовремя спохватился и не сказал японцу, куда они собираются выезжать, хотя вид у него был несколько встревоженный. 19 октября 1956 года он, Л. М. Каганович, А. И. Микоян и В. М. Молотов срочно улетели в Польшу. Там назревала критическая ситуация, вызванная закрытым докладом Хрущева на XX съезде КПСС. Многие зарубежные коммунистические и рабочие партии были ошеломлены тем, что поведал советский лидер о сталинских преступлениях. В рядах коммунистов стран народной демократии начались разброд и шатания.

- Конечно, если японская сторона очень спешит, - добавил он нерешительно, - то можно подписать документы и в наше отсутствие, но мы хотели бы обязательно присутствовать во время свершения этого исторического акта.

Коно ответил, что они очень спешат. Правительство настаивает на скорейшем возвращении премьера в Японию.

- Кроме того, мы еще связаны с особыми обстоятельствами, не зависящими от нас. Я имею в виду, что мы должны предварительно забронировать самолеты от Стокгольма до Токио. Однако мы не хотели бы, чтобы подписание происходило в ваше отсутствие, господин Хрущев. Ведь вы приложили столько усилий для завершения переговоров.

Хрущев не принял комплимента в свой адрес:

- Все наше правительство придерживается единой точки зрения по вопросу о нормализации отношений с Японией.

Коно сказал, что он проконсультируется с премьером, после чего сообщит окончательно предложение о дате подписания.

1956 года, 18 октября. Москва, Кремль

Записка Н. С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС

18 октября в соответствии с договоренностью принял Коно. Он передал мне формулировку японской стороны по территориальному вопросу. При этом Коно отметил, что в основе данной формулировки лежит наш текст территориальной статьи, врученный им 17 октября. В японском тексте не содержится лишь ссылки на то, что передача островов Хабомаи и Сикотан будет произведена «...и после того, как Японии будут возвращены острова Окинава и другие принадлежащие Японии острова, находящиеся под контролем США».

После ознакомления с японской формулировкой мною было сказано Коно, что она в основном приемлема, однако, в целях устранения какого-либо повода для неверного толкования ее, необходимо в первом абзаце текста исключить слова: «...включающего и территориальный вопрос».

В конце беседы Коно заявил, что он согласен с этой поправкой, но должен проконсультироваться по этому поводу с Хатояма, после чего даст окончательный ответ.

Спустя полтора часа Коно вновь посетил меня и сообщил, что японская сторона согласна с нашей поправкой.

Посылаю при этом проект текста по территориальному вопросу в исправленном виде.

Считаю, что в таком виде формулировка по территориальному вопросу приемлема.

Н. ХРУЩЕВ.

Проект текста по территориальному вопросу

Япония и Союз Советских Социалистических Республик согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между Японией и Союзом Советских Социалистических Республик переговоров о заключении мирного договора.

При этом Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между Японией и Союзом Советских Социалистических Республик.

1956 год, 19 октября. Москва, Кремль

Записка Н. А. Булганина в Президиум ЦК КПСС

Членам Президиума ЦК КПСС, кандидатам в члены
Президиума ЦК КПСС и
секретарям ЦК КПСС

Посылаю письмо Хатояма, полученное 18 октября
1956 г., и проект ответа.

Проект ответа считаю приемлемым. Если не будет
замечаний, ответ направим Хатояма.

Н. Булганин

Господину Н. А. Булганину,
Председателю Совета Министров
Союза ССР

Ваше Превосходительство
Господин Председатель.

Свидетельствуя свое почтение, я имею честь
обратиться к Вам с нижеследующим:

В связи с вчерашней моей беседой с Вами, я
понимаю так, что наша беседа имела следующее
содержание, а именно:

1) Относительно территориального вопроса я
просил Вашего любезного содействия в том, чтобы
беседа между Уполномоченным господином Коно и
господином Хрущевым, Первым Секретарем Партии,
успешно проходила. На это Вы выразили свое согласие.

2) Относительно вопроса о принятии Японии в члены
Организации Объединенных Наций я просил содействия
советской стороны, чтобы таковое принятие Японии
было на деле осуществлено после вступления в силу

Совместной Декларации о нормализации отношений между Японией и Советским Союзом, и высказал свое убеждение в том, что Советский Союз поддержит принятие Японии в члены ООН, не связывая это с вопросом о принятии третьей страны в члены ООН. На это Вы пояснили, что Вы готовы, от имени всех советских руководителей, заверить меня в том, что в случае осуществления нормализации отношений между Японией и Советским Союзом, Советский Союз всесторонне поддержит принятие Японии в члены ООН.

3) Относительно вопроса о репатриации японцев, остающихся ныне в Советском Союзе, Вы согласились на мою просьбу продолжать выяснение судьбы японцев, судьба которых еще неизвестна.

4) Относительно международных вопросов и вопроса об атомной энергии Вы согласились на мою просьбу сделать их предметами обсуждения после восстановления нормальных отношений между Японией и Советским Союзом и исключить эти вопросы из нынешней Совместной Декларации, устанавливающей нормализацию отношений между ними.

5) Относительно вопроса о предоставлении здания посольству, открываемому в Москве, помещений для членов посольства и проч. я просил Вашего особого содействия, на что Вы выразили свое согласие.

Если нет ошибки в моем вышеизложенном понимании, то нельзя ли просить Вас не отказать в любезности подтвердить это в письменном виде.

Пользуюсь случаем, чтобы заверить Вас, Господин Председатель, в моем совершенном к Вам уважении.

И. ХАТОЯМА

Премьер-министр Японии

Проект ответа Н. Булганина премьер-министру Японии И. Хатояма

Ваше Превосходительство
Господин Премьер-Министр.

Я имею честь сослаться на Ваше письмо от 18 октября 1956 года, в котором Вы просите подтвердить правильность понимания Вами некоторых вопросов, затронутых в нашей беседе, имевшей место 17 октября сего года.

По упомянутым в Вашем письме вопросам беседа имела следующее содержание:

1. Территориальный вопрос. Касаясь этого вопроса, мной было сказано, что Советское Правительство, руководствуясь желанием заключить мирный договор и тем самым нормализовать наши отношения, взяло на себя серьезную ответственность перед нашим общественным мнением, выразив готовность передать Японии острова Хабомаи и Сикотан в случае заключения мирного договора. Я напомнил, что позиция Советского Правительства по территориальному вопросу была подробно изложена в ходе предыдущих лондонских и московских переговоров.

Что касается мнения, высказанного по территориальному вопросу Н. С. Хрущевым в двух беседах с господином И. Коно, то я заявил, что Н. С. Хрущев изложил точку зрения, с которой мы полностью согласны, ибо эта точка зрения является точкой зрения Советского Правительства. Относительно еще одной предстоящей встречи господина И. Коно с Н. С. Хрущевым я высказал свое положительное к ней отношение.

Далее мной было сказано Вам, что мы все прилагаем усилия к тому, чтобы найти приемлемое решение этого вопроса. Мы предоставили Японии большой выбор, и она может руководствоваться целым рядом положений, изложенных в известных документах, о которых я говорил в нашей беседе. Мной было сказано также, что ни на какие другие уступки мы не можем пойти.

2. О принятии Японии в члены ООН. По этому вопросу я заявил, что после восстановления нормальных отношений и ратификации документов мы выполним наше обещание - поддержать просьбу Японии о приеме ее в ООН.

3. О репатриации японцев. Я заявил, что мы предпримем меры к тому, чтобы передать Японии всех задерживаемых в СССР японцев, включая осужденных военнопленных.

Мы также согласны с дополнением японской стороны к тексту Совместной Декларации о желательности предпринять меры для выявления лиц японской национальности, не включенных в переданные нами японской стороне списки.

4. Относительно международных вопросов и вопроса об атомной энергии. Я отметил, что, как нам казалось, по этим вопросам мы найдем общий контакт и общее мнение с японской делегацией. Мы считали, что если оба Правительства подтвердили бы это, то такое решение принесло бы пользу всему человечеству. Однако, поскольку Вы просили исключить эти вопросы из Совместной Декларации и сделать их предметом обсуждения после восстановления нормальных отношений между СССР и Японией, мы согласились с Вашим мнением.

5. Относительно предоставления помещений для японского посольства и его персонала. Мной было сказано, что Советское Правительство сделает все, чтобы помочь найти в Москве помещения для

посольства и персонала и создать в них благоприятные нормальные условия для работы. При этом я выразил надежду, что все это будет делаться на принципах взаимности.

Пользуюсь этим случаем, чтобы заверить Вас, Господин Премьер-Министр, в моем совершенном к Вам уважении.

Николай БУЛГАНИН,

Председатель Совета Министров Союза ССР

**1956 год, 19 октября. Москва.
МИД СССР**

Секретно
ЦК КПСС

Представляю текст совместной советско-японской декларации и текст протокола по вопросам торговли в таком виде, как они согласованы между нами и Мацумото.

Статья по территориальному вопросу сформулирована в том виде, как она была согласована между т. Н. С. Хрущевым и Коно.

В этом виде декларация и протокол подготовлены для подписания.

А. Громыко

Совместная Декларация Союза Советских Социалистических Республик и Японии и Протокол между СССР и Японией о развитии торговли и взаимном предоставлении режима наиболее благоприятствуемой нации были подписаны 19 октября 1956 года в 17 часов 45 минут в Большом Кремлевском дворце и опубликованы в «Правде» 20 октября 1956 года.

СОВМЕСТНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Союза Советских Социалистических Республик и Японии

С 13 по 19 октября 1956 года в Москве состоялись переговоры между Делегациями Союза Советских Социалистических Республик и Японии.

Со стороны Союза Советских Социалистических Республик в переговорах приняли участие:

Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин,

Член Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущев,

Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян,

Первый Заместитель Министра Иностранных Дел СССР А. А. Громыко и

Заместитель Министра Иностранных Дел СССР Н. Т. Федоренко.

Со стороны Японии в переговорах участвовали:

Премьер-Министр Хатояма Итиро,

Министр Земледелия и Лесоводства Коно Итиро и

Депутат Палаты Представителей Мацумото Сюничи.

В ходе переговоров, проходивших в обстановке взаимопонимания и сотрудничества, состоялся широкий и откровенный обмен мнениями по вопросам взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией. Союз Советских Социалистических Республик и Япония полностью согласились, что восстановление дипломатических отношений между ними будет служить развитию взаимопонимания и сотрудничества

между обоими государствами в интересах мира и безопасности на Дальнем Востоке.

В результате этих переговоров между Делегациями Союза Советских Социалистических Республик и Японии было достигнуто соглашение о нижеследующем:

1. Состояние войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией прекращается со дня вступления в силу настоящей Декларации, и между ними восстанавливаются мир и добрососедские дружественные отношения.

2. Между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией восстанавливаются дипломатические и консульские отношения. При этом имеется в виду, что оба государства незамедлительно обменяются дипломатическими представителями в ранге Посла, а вопрос об учреждении консульств соответственно на территории СССР и Японии будет разрешен в дипломатическом порядке.

3. Союз Советских Социалистических Республик и Япония подтверждают, что они в своих отношениях будут руководствоваться принципами Устава Организации Объединенных Наций, в частности, нижеследующими принципами, изложенными в статье 2 этого Устава:

а) разрешать свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость;

б) воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций.

СССР и Япония подтверждают, что, в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций, каждое из государств имеет неотъемлемое

право на индивидуальную или коллективную самооборону.

СССР и Япония взаимно обязуются не вмешиваться прямо или косвенно во внутренние дела друг друга по любым мотивам экономического, политического или идеологического характера.

4. Союз Советских Социалистических Республик поддержит просьбу Японии о принятии ее в члены Организации Объединенных Наций.

5. Все осужденные в Союзе Советских Социалистических Республик японские граждане со вступлением в силу настоящей Совместной Декларации будут освобождены и репатриированы в Японию.

Что же касается тех японцев, судьба которых неизвестна, то СССР, по просьбе Японии, будет продолжать выяснять их судьбу.

6. Союз Советских Социалистических Республик отказывается от всех репарационных претензий к Японии.

СССР и Япония взаимно отказываются от всех претензий соответственно со стороны своего государства, его организаций и граждан к другому государству, его организациям и гражданам, возникших в результате войны с 9 августа 1945 года.

7. Союз Советских Социалистических Республик и Япония соглашаются в возможно короткий срок вступить в переговоры о заключении договоров или соглашений для того, чтобы поставить на прочную и дружественную основу их отношения в области торговли, торгового мореплавания и другие коммерческие взаимоотношения.

8. Конвенция о рыболовстве в открытом море в северо-западной части Тихого океана между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией и Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией о

сотрудничестве при спасании людей, терпящих бедствие на море, подписанные в Москве 14 мая 1956 года, вступят в силу одновременно со вступлением в силу настоящей Совместной Декларации.

Учитывая заинтересованность как СССР, так и Японии в сохранении и рациональном использовании природных ресурсов рыбы и других морских биологических ресурсов, СССР и Япония будут в духе сотрудничества принимать меры в целях сохранения и развития рыболовных ресурсов, а также регулирования и ограничения ловли рыбы в открытом море.

9. Союз Советских Социалистических Республик и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией переговоров о заключении Мирного Договора.

При этом Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактически передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией.

10. Настоящая Совместная Декларация подлежит ратификации. Она вступает в силу в день обмена ратификационными грамотами. Обмен ратификационными грамотами должен быть произведен в возможно более короткий срок в Токио.

В удостоверение вышеизложенного нижеподписавшиеся Уполномоченные подписали настоящую Совместную Декларацию.

Составлена в двух экземплярах, каждый на русском и японском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

Москва, 19 октября 1956 года

По уполномочию По уполномочию
Президиума Верховного Совета Правительства
Японии
Союза Советских Социалистических Республик
ХАТОЯМА Итиро
Н. БУЛГАНИН КОНО Итиро
Д. ШЕПИЛОВ МАЦУМОТО Сюници

И СНОВА НЕНАПИСАННЫЕ ГЛАВЫ

1960 год, 27 января. Москва, Кремль

Советское правительство заявило о невозможности передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан в связи с заключением японо-американского военно-политического союза («Договор безопасности»), в соответствии с которым Япония фактически стала рассматривать СССР и Китай как потенциальных противников.

Японо-американский договор возник в связи с тем, что США потребовали от Токио отказаться от заключения мирного договора с СССР на условиях Совместной декларации. Госсекретарь Дж. Даллес поставил ультиматум: если Япония согласится признать Курильские острова советскими, США навечно сохранят за собой оккупированный остров Окинаву и весь архипелаг Рюкю.

1972 год, январь. Москва - Токио

Визит министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в Японию. «Господин “нет” несказанно удивил премьер-министра Сато и министра иностранных дел Фукуда, заявив, что СССР готов вернуться к предложению 1956 года о передаче Японии двух островов: Шикотана и Хабомаи.

Изумленный господин Фукуда на банкете сказал, что советского министра теперь надо называть «господин “да”». Другой реакции с японской стороны не последовало. Через две недели после отъезда Громыко посол в Японии О. А. Трояновский спросил у Фукуда, как он воспринял предложение советского министра. Фукуда ответил кратко: «Этого недостаточно». Больше вопрос не затрагивался.

Это было странно, тем более, что вопрос о «северных территориях» – постоянная тема в Японии.

– Я даже однажды предложил им номера поставить на наши аргументы, – вспоминал в 1997 году Трояновский, – чтобы не повторять их, а просто говорить «номер три», например, и так далее. В шутку, конечно.

Высказывание Громыко для Трояновского было неожиданным. В рамках визита оно не предусматривалось. Видимо, все обговаривалось на высоком уровне – в Политбюро.

В следующем году Сато и Фукуда ушли в отставку.

1973 год, 7-10 октября. Токио - Москва

Визит в Москву нового премьер-министра Японии Танака и главы внешнеполитического ведомства Охира.

Брежнев пригласил к себе Громыко, Трояновского и своего помощника Александрова-Агентова и начал обсуждать японскую проблему. В это время раздался звонок советского посла из Каира: президент Египта Анвар Садат начал войну против Израиля. Разговор переключился на эту тему.

Визит японских руководителей был не ко времени. Брежнев срочно собрал Политбюро – видно, президент Садат не информировал Кремль о своем намерении. Волей случая вопрос о визите Танака отошел на другой план.

Во время переговоров Брежневу и Косыгину постоянно докладывали последние известия с фронта на Ближнем Востоке. Они между собой часто перешептывались, что раздражало японского премьера. Он повысил голос и сказал:

– Прошу внимательно выслушать и записать то, что я скажу.

И повторил свою позицию по четырем островам. Это, в свою очередь, показалось Брежневу невежливым. Когда заседание закончилось, он, вставая, сказал:

– Нет, мы им ничего не вернем.

В заключительном коммюнике обе стороны нашли устраивавшую их дипломатическую формулу: «проблемы, оставшиеся нерешенными после Второй мировой войны». Японская сторона подразумевала под ними вопрос об островах, а Кремль трактовал иначе: мало ли какие проблемы остались нерешенными.

О. А. Трояновский:

– Японцы в отношении Окинавы вели себя иначе. Япония и США развивали отношения по всем линиям, даже союзниками стали, и только на последнем этапе поставили вопрос по Окинаве. С Советским Союзом и

Россией японцы ведут себя по-другому. Мол, верните четыре острова. А что будет, если бы даже и вернули, неизвестно. Что это даст? У японцев хорошо развиваются отношения с Китаем, несмотря на территориальный вопрос. И с Южной Кореей.

1990 год, январь. Москва - Токио

Борис Ельцин, находясь в Токио с частным визитом как лидер демократической оппозиции, выдвинул пятиэтапный план решения территориального вопроса: признание наличия проблемы, объявление Южных Курил свободной экономической зоной, их демилитаризация, заключение мирного договора Москвой и Токио, окончательное решение вопроса будущими поколениями.

1991 год, 16-19 апреля. Москва - Токио

Японию посетил с официальным визитом президент СССР Михаил Горбачев, который впервые официально признал наличие территориальной проблемы.

1993 год, 11-13 октября. Москва - Токио

Официальный визит президента России Бориса Ельцина в Японию. Принята Токийская декларация о японо-российских отношениях.

1997 год, ноябрь. Красноярск

Президент России Борис Ельцин встретился с премьером Японии Рютаро Хасимото. Встреча была по новомодной традиции «без галстуков».

Российский президент, к ужасу МИДа, выдал собственную импровизацию: приложить все усилия, чтобы заключить мирный договор до 2000 года.

- До 2000 года - это до 1 января или 31 декабря? - пытались уточнить японские дипломаты после окончания встречи в Красноярске.

Москва сконфуженно молчала. Пресс-секретарь российского президента Сергей Ястржембский неуклюже разъяснял, что обещание «приложить все усилия» вовсе не равнозначно обязательству заключить мирный договор к 2000 году.

1998 год, ноябрь. Токио - Москва

Официальный визит в Россию премьер-министра Японии Кэйдзо Обути. Подписана Московская декларация об установлении «созидательного партнерства».

2000 год, апрель. Токио - С.-Петербург

Став новым премьер-министром Японии, Иосиро Мори свою первую зарубежную поездку совершил в Россию. В Санкт-Петербурге он встретился с президентом Владимиром Путиным и предложил заняться решением одновременно трех больших задач: 1) развития стратегических и геополитических отношений между Японией и Россией; 2) широкомасштабного экономического сотрудничества; 3) заключения мирного договора. Президент Путин с этим предложением согласился.

2000 год, 3-5 сентября. Москва - Токио

Визит президента России Владимира Путина в Японию. По пути в Токио он заехал на полдня в Южно-Сахалинск и принял участие в мероприятиях, посвященных 55-летию окончания Второй мировой войны и победы над Японией, результатом чего и стал более чем полувековой территориальный спор между Москвой и Токио. Путин возложил венок к мемориалу славы в честь погибших воинов - победителей в советско-японской войне. Его предшественник Борис Ельцин не делал этого, он принес японцам извинения за страдания, выпавшие на их долю в советском плену.

В ответ на вопросы журналистов о судьбе Курил Путин спросил:

- А кто вам сказал, что Россия собирается отдавать спорные острова?

Дальше последовали формулировки: проблема слишком сложна, чтобы решать ее в одночасье.

В Токио его встретили раскрашенные микроавтобусы и грузовики, откуда летели выкрики:

- Путин, отдай острова!

В ходе переговоров с премьер-министром Иосиро Мори новый российский президент признал наличие территориальной проблемы. Он предложил двигаться к мирному договору постепенно, одновременно наращивая весь комплекс отношений. Для чего пригласил Иосиро Мори посетить Россию с официальным визитом. Лидеры двух стран договорились проводить официальные встречи не реже чем раз в год - аналог того, что существует между Москвой и Парижем.

В последний день визита подписано внеплановое заявление российского президента и японского премьер-министра по проблемам мирного договора. Решено продолжить переговоры по этому вопросу, основываясь на токийской декларации 1993 года и московской 1998 года.

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ

АБДУЛАТИПОВ Рамазан Гаджимурадович (1946). Родился в Дагестанской АССР. В 1988 -1990 гг. консультант, заведующий сектором Отдела национальных отношений ЦК КПСС. В 1990 -1993 гг. председатель Совета Национальностей Верховного Совета РФ. В 1993 -1995 гг. депутат Совета Федерации, с 1995 г. депутат Государственной думы РФ. С августа 1997 до марта 1998 г. заместитель председателя правительства РФ, в 1998-1999 гг. министр РФ по делам национальностей (в правительстве Е. Примакова), министр РФ (в правительстве С. Степашина). Доктор философских наук, профессор.

АБРАМЧИК Николай Семенович (1903-1970). Один из лидеров белорусской эмиграции. Родился в Минской области. В 1924 г. уехал из Западной Белоруссии на учебу в Прагу, где сблизился с представителями правительства БНР. Во Франции создал белорусскую организацию «Хаврус». В Берлине организовал Белорусский комитет самопомощи, издавал на белорусском языке газету «Утро» (1939-1944). С 1947 г. – президент Рады Белорусской Народной Республики. Похоронен в Париже.

АБРАСИМОВ Петр Андреевич (1912). Советский партийный и государственный деятель. Родился в г.

Витебске. В 1948-1956 гг. – заместитель Председателя Совета Министров БССР, секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, первый заместитель Председателя Совета Министров БССР. С 1956 по 1961 г. посол СССР в Польше. В 1961-1962 гг. – первый секретарь Смоленского обкома КПСС. Затем снова на дипломатической работе: посол СССР в ГДР, Франции, Японии. В 1973-1975 гг. – заведующий отделом ЦК КПСС. С 1986 г. – на пенсии. Герой труда ГДР, почетный гражданин г. Берлина.

АВХИМОВИЧ Николай Ефремович (1907). Партийный и государственный деятель Белорусской ССР, один из организаторов партийного подполья и партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. В 1940-1947 гг. секретарь ЦК КП(б) по кадрам. В 1948-1951 гг. первый секретарь Гомельского, в 1951-1953 гг. Гродненского обкомов КПБ. В 1953-1956 гг. второй секретарь ЦК КПБ, в 1956-1959 гг. Председатель Совета Министров БССР, с 1959 г. министр хлебопродуктов, социального обеспечения БССР. В 1975-1985 гг. научный сотрудник Института истории партии при ЦК КПБ.

АГРАНОВ (Сорензон) Яков Самуилович (1893-1938). В 1931-1933 гг. полпред ОГПУ по Московской области, в 1933-1934 гг. заместитель председателя ОГПУ СССР, в 1934-1937 гг. первый заместитель наркома внутренних дел СССР, в мае – июне 1937 г. начальник Саратовского УНКВД. В июле 1937 г. арестован и в августе 1938 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

АДАМОВИЧ Алесь (Александр Михайлович) (1927-1994). Белорусский писатель, критик, литературовед, общественный деятель. Родился в Минской области. С 1987 г. – директор Всесоюзного НИИ киноискусства. В 1989-1991 гг. – народный депутат СССР. Сторонник горбачевской перестройки, поборник

общечеловеческих ценностей. Скончался от сердечного приступа в зале судебного заседания при дележке собственности Союза писателей СССР.

АДАМОВИЧ Вячеслав (Вацлав) Антонович (1864-1939). Деятель белорусского национального движения, один из лидеров его правого, полонофильского крыла. В 1917 г. один из активистов Белорусской Социалистической Громады, ее кандидат в Учредительное собрание. Агитировал за ориентацию на Польшу. Редактор-издатель ряда газет, выходивших в Белоруссии в 1919-1922 гг.

АЛЕКСЮК Павел Павлович (1892 -?). Участник белорусского национального движения, один из лидеров его полонофильского крыла. Родился в г. Гродно. В феврале 1918 г. приветствовал германские войска при их вступлении в Минск. Один из инициаторов провозглашения Белорусской Народной Республики. После ухода германских войск с территории Белоруссии сотрудничал с польскими оккупационными властями, публично приветствовал *Ю. Пилсудского* как «защитника белорусского народа». Одобрял присоединение Западной Белоруссии к Польше.

АНДРЕЕВ Андрей Андреевич (1895-1971). Член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1932-1952 гг. В 1931-1935 гг. нарком путей сообщения СССР, в 1935-1946 гг. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно в 1939-1952 гг. председатель КПК при ЦК ВКП(б), в 1943-1946 гг. нарком земледелия СССР, в 1946-1953 гг. заместитель Председателя Совета Министров СССР, в 1953 -1962 гг. член Президиума Верховного Совета СССР, с 1962 г. на пенсии.

АСЛАХАНОВ Асланбек Ахмедович (1942). Родился в Чечено-Ингушской АССР. С 1967 г. служит в системе МВД. В 1990-1993 гг. народный депутат РФ, председатель Комитета ВС России по вопросам

законности, правопорядка и борьбы с преступностью. С 1993 г. преподает в академии МВД РФ. Генерал-полковник милиции. Президент Всероссийской ассоциации работников правоохранительных органов, судов и контролирующих служб. В 1991-1994 г. критиковал действия *Д. Дудаева*. С 2000 г. депутат Госдумы РФ.

БАРАННИКОВ Виктор Павлович (1941-1995). Родился в Приморском крае. Окончил Елабужскую специальную среднюю школу милиции и Свердловский факультет Московской высшей школы МВД СССР. Работал в органах МВД СССР. В 1988-1990 гг. первый заместитель министра, министр внутренних дел Азербайджана, в 1990-1991 гг. первый заместитель министра, министр внутренних дел РСФСР. В августе 1991 г. был активным организатором отпора ГКЧП и обороны «Белого дома». После провала ГКЧП министр внутренних дел СССР. В 1992 г. министр безопасности и внутренних дел РФ, затем руководитель Агентства федеральной безопасности РФ. 4 октября 1993 г. был взят под стражу по обвинению в организации массовых беспорядков, в тот же день уволен со службы и отправлен в Лефортово. В феврале 1994 г. амнистирован решением Государственной думы. Скончался при странных обстоятельствах.

БАСКАКОВ Михаил Иванович (1905-1968). В 1952-1953 гг. министр государственной безопасности Белорусской ССР, в марте - июне и с июля 1953 г. до февраля 1958 г. министр внутренних дел Белорусской ССР.

БЕРИЯ Лаврентий Павлович (1899-1953). В 1938-1945 гг. и в марте-июне 1953 г. нарком (министр) внутренних дел СССР, в 1946-1953 гг. заместитель, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. Маршал Советского Союза, Герой

Социалистического Труда. Член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) – КПСС с 1946 по 1953 г. Расстрелян 23 декабря 1953 г. по приговору Специального судебного присутствия.

БУРБУЛИС Геннадий Эдуардович (1945). Окончил Уральский государственный университет. В 1970-1980 гг. преподаватель марксистско-ленинской философии. В 1989 -1991 гг. народный депутат СССР. В 1990-1991 гг. полномочный представитель Председателя Верховного Совета РСФСР, в 1991-1992 гг. Государственный секретарь РФ, первый заместитель председателя правительства РФ. Считался одним из самых влиятельных политиков в команде Б. Ельцина. С 1993 г. депутат Государственной думы РФ.

БЫКОВ Василий Владимирович (1924). Народный писатель Белоруссии. Участник Великой Отечественной войны. Автор повестей «Альпийская баллада» (1964), «Мертвым не больно» (1966), «Круглянский мост» (1969), «Сотников» (1970) и других произведений, отнесенных критиками к так называемой «лейтенантской» прозе. Сторонник демократических преобразований. В оппозиции к президенту А. Лукашенко.

ВАСИЛЕВИЧ Иван Антонович (1894-1938). Партийный и государственный деятель БССР. В 1927-1930 гг.- второй секретарь ЦК КП(б)Б. С 1930 г. в органах наркомземотдела СССР. Репрессирован.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ Николай Алексеевич (1903-1950). Член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1947-1949 гг. В 1942-1949 гг. – председатель Госплана СССР, одновременно заместитель, первый заместитель Председателя СНК (СМ) СССР. В 1949 г. арестован и в октябре 1950 г. расстрелян по «ленинградскому делу».

ВОЛК-ЛЕВАНОВИЧ Иосиф Васильевич (1891-1943). Белорусский советский языковед. В 1927-1930 гг.

доцент кафедры белорусского языка Белгосуниверситета. Странник русификации белорусского языка. В 1927 г. издал «Лекции по истории белорусского языка», в которых рассматривалась историческая фонетика белорусского языка на общеславянском фоне.

ГАМАРНИК Ян Борисович (1894-1937). В 1928-1929 гг. – первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. В 1929-1937 гг. – начальник Политуправления РККА, одновременно (с 1934 г.) первый заместитель наркома обороны СССР. С мая 1937 г. – член Военного совета Среднеазиатского военного округа. 31 мая 1937 г. покончил жизнь самоубийством.

ГАМСАХУРДИА Звиад Константинович (1939-1993). Сын известного грузинского советского писателя. В 1950 -1980-х годах участник грузинского национального движения. В 1990-1991 гг. председатель Верховного Совета, с апреля 1991 г. президент Республики Грузия. В январе 1992 г. был свергнут и нашел убежище в Чечне у *Д. Дудаева*. Организовывал сопротивление режиму Э. Шеварднадзе. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

ГАРТНЫЙ Тишка (Дмитрий Федорович Жилунович) (1887-1937). Белорусский советский государственный деятель, писатель. Родился в Минской области в крестьянской семье. Участник революционных событий 1905-1907 гг. Автор большевистской газеты «Правда». С первого дня образования БССР (1.01.1919) до 3.02. 1919 г. был председателем временного Правительства Советской Белоруссии. С 1928 г. академик Академии наук БССР. В 1931 г. заместитель наркома просвещения БССР. Репрессирован.

ГЕДИМИН (Гедиминас) (?-1341). Великий князь литовский с 1316 г. Нанес ряд поражений немецким

рыцарям. Советскими историками характеризовался как государственный деятель, выступавший против объединительной политики Москвы, захватывавший западнорусские земли. Современные белорусские историки называют его объединителем белорусских земель. Во время его правления в состав княжества вошли Минская, Витебская, Турово-Пинская земли. Основатель замков на северо-западе Белоруссии. Перенес столицу Великого княжества Литовского из Новогрудка в Вильно. Погиб во время штурма немецкого замка Байербург.

ГЕЙ Константин Вениаминович (1896-1939). Советский партийный деятель. С января 1930 г. по январь 1932 г. первый секретарь ЦК КП(б)Б, член ЦИК БССР. Один из руководителей установления Советской власти в Пскове. В 1924 г. секретарь Пермского окружкома РКП(б). В 1925-1926 гг. заведующий Организационно-распределительным отделом ЦК ВКП(б), одновременно заведующий Орготделом Профинтерна. С 1926 г. секретарь Уральского обкома партии, откуда был переведен в Минск. При нем органы ГПУ сфальсифицировали дело вымышленной контрреволюционной организации «Союз освобождения Белоруссии», в результате чего были уничтожены видные партийные и государственные деятели республики, а также цвет белорусской творческой интеллигенции. В 1932-1934 гг. секретарь Московского комитета ВКП(б), в 1934-1938 гг. уполномоченный Комитета советского контроля по Узбекской ССР, Средней Азии, Горьковскому краю. Репрессирован.

ГИКАЛО Николай Федорович (1897-1938). Советский партийный деятель. Один из руководителей установления советской власти на Северном Кавказе. С 1925 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома, ЦК КП(б) Узбекистана, ЦК КП(б) Азербайджана, МК и МГК ВКП(б). С июля 1929 г. заместитель заведующего

Организационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б). В 1932 -1937 гг. – первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, в феврале – октябре 1937 г. – первый секретарь Харьковского обкома КП(б) Украины. Репрессирован.

ГОЛОДЕД Николай Матвеевич (1894-1937). Родился на территории современной Гомельской области. В 1925-1927 гг. – секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, в 1927-1937 гг. – председатель СНК Белорусской ССР. Репрессирован.

ГОРБУНОВ Тимофей Сазонович (1904-1969). Партийный и государственный деятель БССР, белорусский советский историк. Академик АН БССР (1959). Родился на территории современной Витебской области. Окончил БГУ им. В. И. Ленина (1936) и Академию общественных наук при ЦК КПСС (1948). В 1941- 1947 гг., 1950-1960 гг. секретарь ЦК Компартии Белоруссии. В 1960-1967 гг. академик-секретарь Отделения общественных наук АН БССР. В 1955-1963 гг. Председатель Верховного Совета БССР.

ГОТТБЕРГ (Gottberg) Курт фон (1896 -?). Один из руководителей оккупационного режима гитлеровской Германии в Белоруссии. Обергруппенфюрер СС, генерал полиции и генерал войск СС. Ближайший помощник генерального комиссара Белоруссии *В. Кубе*, руководитель СС и полиции. После убийства В. Кубе в Минске 27 сентября 1943 г. принял на себя исполнение обязанностей генерального комиссара Белоруссии. В конце 1944 г. после эвакуации оккупированных областей, получил назначение командиром 12-го армейского корпуса СС.

ДОВБОР-МУСНИЦКИЙ Юзеф (Иосиф Романович) (1867-1937). Генерал-лейтенант (1917) русской, затем генерал польской армии. Организатор антисоветского мятежа Польского корпуса в Белоруссии (январь 1918).

ДУДАЕВ Джохар Мусаевич (1944-1996). Родился в Чечено-Ингушской АССР. Окончил военное авиационное училище летчиков, Военно-воздушную академию им. Ю. Гагарина и Военную академию Генерального штаба. С 1962 г. служил в Советской Армии. Генерал-майор авиации. Участник войны в Афганистане. В 1987-1990 гг. командовал дивизией стратегических бомбардировщиков в Тарту (Эстония). С ноября 1990 г. лидер Общенационального конгресса чеченского народа. Лидер «чеченской революции» 1991 г. В 1991-1996 гг. президент Чеченской Республики, затем Чеченской Республики Ичкерия. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

ДУНАЕВ Андрей Федорович (1939). Родился в Ульяновской области. Служил в органах МВД СССР, Казахской ССР, Чечено-Ингушской АССР, Дагестанской АССР, Вологодской области. В 1990-1991 гг. заместитель министра, с сентября по декабрь 1991 г. исполнял обязанности министра внутренних дел РСФСР. В 1992 г. первый заместитель министра внутренних дел РФ, в июле 1993 г. отстранен от этой должности по обвинению в злоупотреблении служебным положением. Принимал участие в событиях сентября - октября 1993 г. на стороне Верховного Совета РФ. Указом «исполняющего обязанности президента» А. Руцкого был назначен «министром внутренних дел». Во время штурма Дома Советов России 4 октября был арестован. Освобожден по амнистии в феврале 1994 г. Государственной думой. С 1994 г. председатель совета директоров АКБ «Новый русский банк».

ЕРИН Виктор Федорович (1944). Окончил высшую школу МВД СССР. Генерал армии. С 1964 г. в органах МВД. С 1990 г. заместитель, первый заместитель министра внутренних дел РСФСР. В мае 1991 г. вышел из КПСС. Участвовал в подавлении августовского путча

1991 г., в арестах премьер-министра СССР В. Павлова и Председателя Верховного Совета СССР А. Лукьянова. Осенью 1992 г. руководил оперативным штабом в районе осетино-ингушского конфликта. За действия 3-4 октября 1993 г. на стороне Б. Ельцина получил звание Героя России. В 1995 г. после событий в Буденновске снят с поста министра внутренних дел РФ. С июля того же года заместитель директора Службы внешней разведки РФ.

ЗАВГАЕВ Доку Гапурович (1940). Родился в Чечено-Ингушской АССР. В четырехлетнем возрасте вместе с родителями был депортирован в Казахстан. Окончил Горский сельскохозяйственный институт (1966) и Академию общественных наук при ЦК КПСС (1984). От совхозного слесаря дошел до поста первого секретаря Чечено-Ингушского рескома КПСС и председателя Верховного Совета республики. С 1991 г. в Верховном Совете РСФСР, с января 1993 г. председатель подкомиссии по проблемам республик Северного Кавказа, потом заведующий отделом управления по работе с территориями администрации президента РФ. В 1995-1996 гг. глава Чеченской Республики. С марта 1997 г. посол РФ в Танзании.

ЗИМЯНИН Михаил Васильевич (1914-1995). Советский партийный и государственный деятель. Родился в г. Витебске. В 1940 -1953 гг. первый секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии, министр просвещения БССР, секретарь, второй секретарь ЦК КП Белоруссии. В 1953-1965 гг. на дипломатической работе: заведующий отделами, член коллегии МИД СССР, посол во Вьетнаме, Чехословакии, заместитель министра иностранных дел СССР. В 1965-1976 гг. главный редактор газеты «Правда», в 1976 -1987 гг. секретарь ЦК КПСС. Герой Социалистического Труда (1974 г.).

ИВАНЕНКО Виктор Валентинович (1947). Родился в Тюменской области. Окончил Тюменский индустриальный институт и Высшие курсы КГБ СССР. В начале 1991 г. был заместителем начальника инспекторского управления КГБ СССР. С мая 1991 по январь 1992 г. председатель КГБ РСФСР, генеральный директор Агентства федеральной безопасности РСФСР. С 1992 г. в коммерческих структурах. Генерал-майор запаса.

ИВАНОВСКИЙ Вацлав (1880-1943). Деятель белорусского национально-освободительного движения. Родился в семье шляхтича на территории нынешней Гродненской области. Учился в Петербургском технологическом институте, в 1903 г. участвовал в создании Белорусской Революционной Громады. В 1906 г. возглавлял знаменитое издательское общество «Заглянет солнце и в наше оконце». В 1909 г. в Мюнхене защитил докторскую диссертацию и до 1913 г. был доцентом Петербургского технологического института. В 1913 г. переехал в Вильно, где руководил Белорусским издательским обществом (классик белорусской литературы *Янка Купала* был его секретарем). В 20-30-е гг. занимался наукой, отойдя от активной политической деятельности. К ней возвратился с началом Второй мировой войны. Оккупацию Белоруссии рассматривал в качестве временной меры. Ориентировался на западных противников Гитлера, на польское эмиграционное правительство в Лондоне, рассчитывая на федерацию Белоруссии и Польши в послевоенной Европе. С ноября 1941 г. бургомистр Минска. Летом 1943 г. создал нелегальное Белорусское национально-демократическое объединение для восстановления после войны белорусской государственности. Убит на одной из улиц Минска 7 декабря 1943 г. Молодые белорусские исследователи полагают, что убийство

было осуществлено с согласия гауляйтера Белоруссии фон *Готтберга*.

ИГНАТОВСКИЙ Всеволод Макарович (1881-1931 гг.). Белорусский историк и общественный деятель. С 1926 г. председатель Инбелкульта, с января 1929 г. по январь 1931 г. президент АН БССР. С 1925 г. по октябрь 1930 г. член бюро ЦК КП(б)Б. В январе 1931 г. исключен из партии как национал-уклонист. 4 февраля 1931 г. покончил жизнь самоубийством.

КАЛИНОВСКИЙ Винцент Константин (1838-1864). Национальный герой белорусского народа, вождь восстания в 1863-1864 гг. Родился в семье шляхтича на территории современной Польши. В 1856-1860 гг. учился на юридическом факультете Петербургского университета. Издатель и редактор первой белорусской нелегальной газеты «Мужицкая правда» (1862-1863). Руководитель Литовского провинциального комитета, революционный комиссар на Гродненщине, глава повстанческого центра в Вильно. Проводил идею независимости Белоруссии от Польши и России. Арестован в 1864 г., тогда же приговорен военно-полевым судом к смертной казни. Публично повешен 22 марта 1864 г. в г. Вильно на торговой площади Лукишки.

КЕБИЧ Вячеслав Францевич (1936). Окончил Белорусский политехнический институт, Минскую высшую партийную школу. Работал в партийных органах Белоруссии. В 1990-1994 гг. Председатель Совета Министров БССР – Республики Беларусь.

КИСЕЛЕВ Тихон Яковлевич (1917-1983). Деятели Компартии Белоруссии и БССР. Родился на территории нынешней Гомельской области в крестьянской семье. Работал учителем, заведующим учебной частью семилетней школы, директором средней школы. В 1941 г. окончил заочно Гомельский педагогический институт.

В 1941-1944 гг. на преподавательской работе в Поволжье. С 1944 г. на партийной работе: инструктор Гомельского обкома партии, руководитель лекторской группы Брестского обкома партии, заместитель заведующего, заведующий отделом ЦК КП(б) Белоруссии. В 1946 г. окончил ВПШ при ЦК КПСС. В 1952-1955 гг. первый секретарь Брестского обкома партии, в 1955-1959 гг. секретарь, второй секретарь ЦК Компартии Белоруссии. С 1959 по 1978 г. Председатель Совета Министров Белорусской ССР. В 1978-1980 гг. заместитель Председателя Совета Министров СССР. В 1980-1983 гг. первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии. Герой Социалистического Труда (1977). Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС в 1980-1983 гг.

КНОРИН (КНОРИНЬШ) Вильгельм Георгиевич (1890-1938). В 1927- 1932 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, в 1932 -1935 гг. директор Историко-партийного института красной профессуры, в 1935-1937 гг. заместитель заведующего отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Репрессирован.

КОЗЛОВ Василий Иванович (1903-1967). Белорусский партийный и государственный деятель. В 1940-1941 гг. заместитель Председателя Совнаркома Белорусской ССР, в 1941 г. первый секретарь Минского обкома КП(б) Белоруссии, в 1941-1944 гг. первый секретарь Минского подпольного обкома партии и командир Минского партизанского соединения, в 1944-1947 гг. первый секретарь Минского обкома КП(б) Белоруссии, в 1948-1967 гг. Председатель Президиума Верховного Совета Белорусской ССР. Герой Советского Союза.

КОЛАС Якуб (Мицкевич Константин Михайлович) (1882-1956). Классик белорусской литературы. Народный поэт Белоруссии. В начале 30-х годов вместе с *Я. Купалой* обвинялся в участии в руководстве контрреволюционной организацией «Союз

освобождения Белоруссии», по делу которого были репрессированы многие видные белорусские деятели. Во второй половине 30-х годов едва не был арестован, но спасен благодаря усилиям первого секретаря ЦК КП(б)Б *П. К. Пономаренко*, который отстоял его у И. В. Сталина. Вместо ареста был награжден орденом Ленина.

КОСТЮШКО Тадеуш (1746-1817). Деятель польского и белорусского национально-освободительного движения. Родился в семье белорусского шляхтича, фамильное имя которого находилось в нынешней Брестской области. В 1760 г. окончил католическую школу, в 1769 г. Варшавский кадетский корпус, в 1774 г. Парижскую военную академию. В 1776-1783 гг. сражался в рядах американской армии, где получил звание генерала и высший орден США. В 1784 г. вернулся на родину. В 1794 г. возглавил восстание против России, которое закончилось поражением. Был заключен в Петропавловскую цитадель в Петербурге. После смерти Екатерины II был освобожден из крепости и выдворен за пределы России. Скончался в Швейцарии.

КРИНИЦКИЙ А. И. (1894-1937). В 1927-1929 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. До этого работал секретарем Омского обкома РКП(б), секретарем Донецкого обкома КП(б) Украины. Из Минска был переведен заведующим агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б), в 1929-1930 гг. секретарь Закавказского крайкома ВКП(б). В 1930-1932 гг. заместитель наркома Рабоче-крестьянской инспекции СССР, в 1933-1934 гг. заместитель заведующего отделом ЦК ВКП(б), одновременно начальник политуправления Наркомата земледелия и заместитель наркома земледелия СССР, в 1934-1937 гг. первый секретарь Саратовского крайкома (обкома) ВКП(б). Репрессирован.

КУБЕ (Kube) Вильгельм Рихард Пауль (1887-1943). Партийный деятель гитлеровской Германии, руководитель оккупационного режима Белоруссии, группенфюрер СС. Окончил Берлинский университет. С 1912 г. журналист. Участник Первой мировой войны. Член фашистской партии НСДАП (1927), близкий к Гитлеру и Гиммлеру. С 1933 г. депутат рейхстага. С сентября 1941 г. возглавлял генеральный комиссариат Белоруссии. 22 сентября 1943 г. был взорван в Минске в собственной постели миной, подложенной подпольщиками по заданию московского НКВД.

КУПАЛА Янка (Луцевич Иван Доминикович) (1882-1942). Классик белорусской советской литературы. Народный поэт Белоруссии. В начале 30-х годов вместе с *Я. Коласам* обвинялся в участии в руководстве контрреволюционной организацией «Союз освобождения Белоруссии». В знак протеста предпринял попытку самоубийства. Во второй половине 30-х годов тоже едва не был арестован, но уцелел благодаря заступничеству первого секретаря ЦК КП(б)Б *П. К. Пономаренко*, отстоявшего его с Я. Коласом у И. В. Сталина. Ордер на арест, выписанный в Минске, был заменен орденом Ленина, выписанным в Москве по указанию И. В. Сталина. Погиб в Москве в гостинице «Москва», сорвавшись с лестницы.

ЛАНДСБЕРГИС Витаутас (1932). Деятель литовского национального движения. Окончил Вильнюсскую государственную консерваторию. С 1988 г. председатель совета сейма литовского движения за перестройку «Саюдис». В 1990-1991 гг. Председатель Верховного Совета Литовской ССР. В 1991-1992 гг. – Председатель Верховного Совета Литовской Республики, председатель временного руководства обороны. С 1993 г. председатель партии «Союз отечества».

ЛАСТОВСКИЙ Вацлав Юстинович (1883-1938). В советские времена имел ярлык одного из идеологов белорусского буржуазного национализма. Историк и публицист. Родился на территории нынешней Витебской области. Учился в Петербургском университете. С 1906 г. жил в Вильно, вступил в Белорусскую Социалистическую Громаду, работал в газете «Наша нива». В 1916-1917 гг. издавал газету «Гомон». В 1919 г. вступил в Белорусскую партию социалистов-революционеров (эсеров). Горячий сторонник и идеолог независимости Белоруссии. С декабря 1919 г. председатель Рады министров Белорусской Народной Республики, с 1920 г. премьер-министр эмиграционного правительства. В 1927 г. по приглашению правительства БССР переехал в Минск. Работал директором Государственного музея БССР, с 1928 г. секретарь и академик АН БССР. В 1930 г. вместе с другими деятелями науки и культуры был арестован и осужден по делу так называемого «Союза освобождения Белоруссии» к высылке за пределы республики. В начале 1938 г. вторично арестован в г. Саратове и 23 января того же года расстрелян.

ЛЕСИК Язэп (Иосиф Юрьевич) (1884-1940). Белорусский языковед и писатель. Дядя *Я. Коласа* по материнской линии. В 1919 г. член Рады Белорусской Народной Республики (БНР). Действительный член Инбелкульта, с 1928 г. академик АН БССР. В 1921-1930 гг. преподавал в Белгосуниверситете. В 1931 г. осужден по делу «Союза освобождения Белоруссии». Умер в саратовской тюрьме «от затяжной и неизлечимой болезни», о которой писал из тюрьмы в 1938 г. в открытке семье, высланной из Белоруссии.

ЛОБАНОК Владимир Елисеевич (1907-1984). Белорусский советский государственный и партийный деятель. Закончил Белорусскую сельскохозяйственную академию (1931) и ВПШ при ЦК КПСС (1956). В августе

1941- июне 1944 гг. первый секретарь Лепельского подпольного РК КП(б). В 1944-1962 гг. в аппарате ЦК Компартии Белоруссии, председатель Полоцкого и Гомельского облизполкомов, первый секретарь Полесского и Витебского обкомов КПБ. С 1962 г. первый заместитель Председателя Совета Министров БССР, министр промышленности и заготовок сельскохозяйственных продуктов БССР. С 1974 г. заместитель Председателя Президиума Верховного Совета БССР, заместитель председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР в 1968-1974 гг.

ЛУКАШЕНКО Александр Григорьевич (1954). Президент Республики Беларусь с 1994 г. Родился в пос. Копысь Оршанского района Витебской области. Окончил исторический факультет Могилевского пединститута в 1975 г. В 1975-1977 гг. служил инструктором политотдела Западного пограничного округа. С 1977 по 1978 г. был секретарем комитета комсомола Могилевского горпищеторга, с 1978 по 1980 г. ответственным секретарем районной организации общества «Знание». В 1980-1982 гг. заместитель командира роты в воинской части. С 1982 по 1985 г. заместитель председателя колхоза «Ударник», заместитель директора комбината стройматериалов, в 1985-1987 гг. секретарь парткома колхоза им. Ленина, в 1987-1994 гг. директор совхоза «Городец» Шкловского района Могилевской области.

ЛУЦКЕВИЧ Антон Иванович (1884 -?). Деятель белорусского национально-освободительного движения. Изучал математику и право. Публицист, литературный критик, педагог, историк. Вместе с братом *Иваном* входил в число создателей Белорусской Революционной Громады, которая в 1905 г. стала называться Белорусской Социалистической Громадой. Братья принимали активное участие в революции 1905-

1907 г., основали первую белорусскую легальную газету «Наша доля», а после «Наша нива». По их предложению 25 марта 1918 г. была провозглашена независимость Белорусской Народной Республики. С сентября 1918 г. по февраль 1920 г. являлся председателем Рады министров и министром иностранных дел БНР. Арестовывался царскими жандармами, большевистскими комиссарами, польскими властями. После присоединения Западной Белоруссии в сентябре 1939 г. был снова арестован и после 20 месяцев пребывания в тюрьмах приговорен к шести годам лагерей. Точные дата и место смерти не известны.

ЛУЦКЕВИЧ Иван Иванович (1881-1919). Деятель белорусского национально-освободительного движения. Брат *Антон Луцкевича*. По образованию археолог. Инициатор создания ряда белорусских учительских семинарий. Скончался от туберкулеза в 1919 г. в польском курортном городе Закопане. В 1991 г. прах перенесен в Вильнюс.

МАЗАНИК Елена Григорьевна (1914-1996). Участница Минского подполья в годы Великой Отечественной войны. Родилась в Минской области. Герой Советского Союза (1943 г.). Взрывом установленной ею мины в ночь на 22 сентября 1943 г. был уничтожен генеральный комиссар Белоруссии *В. Кубе*, в минском особняке которого она работала горничной. В 1946 г. закончила Республиканскую партийную школу при ЦК КП(б) Белоруссии, в 1952 г. Минский пединститут. С 1948 г. в Министерстве государственного контроля БССР. В 1952-1960 гг. заместитель директора фундаментальной библиотеки им. *Я. Коласа* АН БССР. Автор книги «Мечь» (2 изд., 1988).

МАЗУРОВ Кирилл Трофимович (1914-1989). В 1942-1947 гг. секретарь, второй, первый секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии. В 1947-1950 гг. второй, первый секретарь Минского горкома, в 1950-1953 гг. первый секретарь Минского обкома КП Белоруссии, в 1953-1956 гг. – Председатель Совета Министров БССР, в 1956-1965 гг. первый секретарь ЦК КП Белоруссии. В 1965-1978 гг. первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, одновременно член Политбюро ЦК КПСС. С 1978 г. был на пенсии.

МАЛЕНКОВ Георгий Максимилианович (1902-1988). Член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) – КПСС в 1946-1957 гг. В 1939-1946, 1948-1953 гг. секретарь ЦК, одновременно в 1939-1946 гг. начальник Управления кадров ЦК ВКП(б). В 1946 -1953, 1955-1957 гг. заместитель председателя, в 1953-1955 гг. Председатель Совета Министров СССР, одновременно в 1955-1957 гг. министр электростанций СССР. В 1957-1961 гг. директор Усть-Каменогорской ГЭС и Экибастузской ТЭЦ, с 1961 г. на пенсии. В 1961 г. исключен из КПСС.

МАЛОФЕЕВ Анатолий Александрович (1933). Последний первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии (ноябрь 1990 – сентябрь 1991). Член Политбюро ЦК КПСС в декабре 1990 г. – сентябре 1991 г. Родился в г. Гомеле, в семье служащих. В 1949-1950 и в 1956-1962 гг. работал слесарем, в 1952-1956 гг. служил в Советской Армии. С 1962 г. на партийной работе в Гомеле: инструктор, заведующий отделом Железнодорожного райкома, с 1965 г. инструктор, с 1966 г. заведующий сектором обкома партии. С 1970 г. инструктор ЦК Компартии Белоруссии. В 1971-1978 гг. первый секретарь Мозырского горкома, секретарь Гомельского обкома партии. С 1978 г. председатель Гомельского облисполкома. С 1982 г. первый секретарь

Гомельского, с 1985 г. первый секретарь Минского обкома партии.

МАШЕРОВ Петр Миронович (1918-1980). Родился в Витебской области. После окончания в 1939 г. Витебского педагогического института работал учителем средней школы. В годы Великой Отечественной войны командир партизанского отряда, комиссар партизанской бригады, первый секретарь Вилейского подпольного обкома комсомола. В 1944-1946 гг. первый секретарь Молодечненского обкома комсомола. С 1946 г. секретарь, с 1947 г. первый секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии. В 1954-1955 гг. второй секретарь Минского обкома партии, в 1955-1959 гг. первый секретарь Брестского обкома партии. В 1959-1965 гг. секретарь, второй секретарь ЦК Компартии Белоруссии. С марта 1965 г. по октябрь 1980 г. первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии. Герой Советского Союза (1944), Герой Социалистического Труда (1978). Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС в 1966-1980 гг. Погиб в автомобильной катастрофе.

МЕЛЬНИКОВ Леонид Григорьевич (1906-1981). В 1949-1953 гг. первый секретарь ЦК КП Украины. В 1953-1955 гг. посол СССР в Румынии, в 1955-1961 гг. министр строительства предприятий угольной промышленности СССР, в 1961-1964 гг. председатель Госгортехнадзора Казахской ССР, в 1964-1966 гг. председатель Госгортехнадзора РСФСР, в 1966-1981 гг. председатель Госгортехнадзора СССР.

МИНДОВГ (Миндаугас) (?-1263). Великий князь литовский (около конца 1230-х годов - 1263). После неудачной войны с немецкими рыцарями принял католичество, но поддерживал дружественные связи с князем Даниилом Галицким и князем Александром Невским. В 1260 г., разгромив войска Ливонского и Тевтонского орденов у озера Дурбе, отрекся от католичества.

МЯСНИКОВ (Мясникян) Александр Федорович (1886-1925). Советский государственный и партийный деятель, литератор. Один из создателей БССР. В 1919 г. первый председатель ЦИК БССР, председатель Центрального бюро КП(б) Белоруссии. С 1921 г. председатель Совнаркома Армении, с 1922 г. председатель Союзного Совета Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики, первый секретарь Закавказского крайкома РКП(б). Погиб в авиакатастрофе.

НАПОЛЕОН I (Наполеон Бонапарт; 1769 -1821). В 1799-1804 гг. первый консул Французской республики, в 1804-1814, 1815 гг. император Франции.

НЕКРАШЕВИЧ Степан Михайлович (1883-1937). Белорусский языковед, первый председатель Института белорусской культуры, академик АН БССР. В 1929 г. вице-президент АН БССР. В 1931 г. осужден по сфальсифицированному ГПУ делу контрреволюционной организации «Союз освобождения Белоруссии», в 1937 г. при повторном рассмотрении этого дела приговорен к высшей мере наказания.

ОГИНСКИЙ (Oginski) Михаил Клеофас (1765-1833). Граф, польский композитор, участник польско-белорусского восстания 1794 г. Автор знаменитого полонеза «Прощание с родиной», мемуаров. Ему приписывается боевая песня «Еще Польша не погибла», ставшая позднее польским национальным гимном.

ОСИПОВА Мария Борисовна (1908-1999). Участница Минского подполья и партизанского движения на территории Минской области в годы Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза (1943). Родилась в Витебской области. В 20 лет вступила в ВКП(б). Окончила Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу Белоруссии (1935),

Минский юридический институт (1940). С 1926 г. на советской и партийной работе. В июле 1941 г. организовала из бывших преподавателей и студентов юридического института подпольную группу в Минске. Одна из участниц операции по уничтожению генерального комиссара Белоруссии *В. Кубе*. В 1945-1959 гг. на советской работе в Белоруссии. Почетный гражданин Минска.

ОСТРОВСКИЙ Радослав Казимирович (1887-1976). Деятель белорусского политического и национально-освободительного движения. Родился в Минской области. Учился в Петербургском и Юрьевском (Тарту) университете. Учительствовал в Белоруссии. Выступил против Октябрьской революции 1917 г. Служил в армии генерала Деникина. До 1941 г. жил в Польше. Осенью 1941 г. прибыл в оккупированный немцами Минск, работал в гражданской администрации. Затем бургомистр в Смоленске, Брянске, Могилеве. С декабря 1943 г. – президент Белорусской Центральной Рады (БЦР), один из организаторов Второго Всебелорусского конгресса (июнь 1944 г.), на котором БЦР была провозглашена единственной представительницей белорусского народа. После Второй мировой войны жил в Западной Германии, с 1956 г. в США. Был руководителем и идеологом так называемого «бэцээровского» движения белорусской политической эмиграции.

ПАТОЛИЧЕВ Николай Семенович (1908-1989). Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в 1952-1953 гг. В 1939-1941 гг. первый секретарь Ярославского обкома ВКП(б), в 1941-1946 гг. первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б), в 1946-1947 гг. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно начальник Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б), в 1947 г. секретарь ЦК КП(б) Украины, в 1947-1950 гг. первый секретарь

Ростовского обкома ВКП(б), в 1950-1956 гг. первый секретарь ЦК КП Белоруссии. В 1956 -1958 гг. заместитель, первый заместитель министра иностранных дел СССР, в 1958-1985 гг. министр внешней торговли СССР. С 1985 г. был на пенсии.

ПИЛСУДСКИЙ Юзеф (1867-1935). Польский государственный и политический деятель. Маршал (1920). Участник студенческих волнений 1885 г. в Харьковском университете, с 1887 г. народоволец, в 1882-1892 гг. в ссылке за передачу вместе со старшим братом Брониславом группе петербургских народовольцев П. Я Шевырева – А. И. Ульянова (брат В. И. Ленина) ядовитых веществ для снаряжения бомбы, которой должны были взорвать императора Александра III (Бронислав получил 15 лет каторги). Основатель газеты «Рабочий» (1894), руководитель с 1905 г. боевых террористических групп и с 1907 г. революционной фракции Польской социалистической партии. В 1914-1917 гг. командовал польским легионом в составе австро-венгерской армии, с июля 1917 г. находился в германском заключении. В 1918-1922 гг. глава Польского государства, в 1919-1920 гг. организатор польской антисоветской интервенции, польский премьер в 1926-1928 и 1930 гг.

ПОНОМАРЕНКО Пантелеймон Кондратьевич (1902-1984). Член Президиума ЦК КПСС в 1952-1953 гг. В 1938-1947 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, одновременно в 1944-1948 гг. председатель СНК Белорусской ССР. В 1948 -1953 гг. секретарь ЦК ВКП(б) – КПСС, одновременно в 1950-1952 гг. министр заготовок СССР. В 1953-1954 гг. министр культуры СССР, в 1954-1955 гг. первый секретарь ЦК КП Казахстана. В 1955-1957 гг. посол СССР в Польше, в 1957-1959 гг. посол СССР в Индии и Непале, в 1959-1962 гг. посол СССР в Нидерландах, в 1962-1964 гг. постоянный представитель СССР в МАГАТЭ. Затем на

преподавательской работе в Институте общественных наук при ЦК КПСС. С 1978 г. был на пенсии.

ПОПОВ Гавриил Харитонович (1936). Родился в Москве. Окончил экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1977-1980 гг. декан этого факультета. В 1990-1991 гг. председатель Моссовета, в 1991-1992 гг. мэр Москвы. С 1992 г. сопредседатель Российского движения демократических реформ.

РАДЗИВИЛЛЫ. Княжеский род Великого княжества Литовского (с XIV века), затем Речи Посполитой, в XVIII – XX вв. России и Пруссии. Крупные земельные магнаты, занимали высшие государственно-административные и военные должности.

РУДКИН Юрий Дмитриевич (1951). Родился в Ярославской области. В 1972 г. окончил Ярославское высшее зенитно-ракетное командное училище ПВО, в 1978 г. Ярославский государственный университет. В 1978-1990 гг. преподавал юриспруденцию в вузах г. Ярославля. В 1990-1993 гг. народный депутат, член Верховного Совета РФ. С 1991 г. судья – секретарь Конституционного суда РФ.

РУЦКОЙ Александр Владимирович (1947). С 1966 г. в Советской Армии. Генерал-майор авиации. Воевал в Афганистане, Герой Советского Союза. С 1990 г. народный депутат РСФСР. В 1991-1993 гг. вице-президент России. В 1992-1996 гг. один из лидеров оппозиции Б. Ельцину. В 1993 г. был арестован, находился в следственном изоляторе Лефортово. Амнистирован решением Государственной думы в феврале 1994 г. В 1996-2000 гг. глава администрации Курской области.

СВЕРДЛОВ Яков Михайлович (1885-1919). Родился в г. Нижнем Новгороде в семье ремесленника. Окончил 5 классов гимназии. С 1900 г. работал в аптеке.

Профессиональный революционер. Многократно арестовывался, ссылался в Сибирь. Участник революции 1905-1907 гг. Один из руководителей газеты «Правда», большевистской фракции IV Государственной думы. С мая 1917 г. - секретарь ЦК партии, председательствовал на заседаниях ЦК. С ноября 1917 г. председатель ВЦИК, одновременно руководил деятельностью Секретариата ЦК партии. Похоронен на Красной площади в Москве.

СЛЮНЬКОВ Николай Никитович (1929). Родился в Гомельской области. Окончив в 1950 г. Минский автомеханический техникум, работал помощником мастера, мастером, старшим мастером, заместителем начальника, начальником цеха, заместителем председателя, председателем завкома профсоюза Минского тракторного завода. В 1962 г. окончил Белорусский институт механизации сельского хозяйства. В 1960 г. был назначен директором Минского завода запасных частей. С 1965 г. директор Минского тракторного завода. В 1972 -1974 гг. первый секретарь Минского горкома партии, в 1974-1983 гг. заместитель председателя Госплана СССР. С января 1983 г. первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, в 1987-1990 гг. секретарь ЦК КПСС. Одновременно в 1987-1988 гг. заведующий отделом ЦК партии. Герой Социалистического Труда (1974), лауреат Государственной премии СССР (1971). Член Политбюро ЦК КПСС в 1987-1990 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС в 1986-1987 гг. С 1990 г. на пенсии.

СОСЛАМБЕКОВ Юсуп Эдилбекович (1956-2000). Родился в Казахстане. В 1990-1991 гг. один из лидеров Вайнахской демократической партии. С ноября 1990 г. заместитель, с июня 1991 г. первый заместитель председателя Исполкома Общенационального конгресса чеченского народа. В ноябре 1991 г. министр, военный министр Чечни. С января 1992 г. в оппозиции к

президенту *Д. Дудаеву*. С мая 1993 г. временный председатель оппозиционного Д. Дудаеву парламента Чечни, после разгона которого в июне 1993 г. переехал в Москву. С августа 1998 г. вице-премьер правительства Чеченской Республики Ичкерия – специальный представитель президента Чечни по внешнеполитическим вопросам. Убит в Москве при невыясненных обстоятельствах.

СТАРОВОЙТОВА Галина Васильевна (1946-1998). В 1989-1991 гг. народный депутат СССР, в 1990-1993 гг. народный депутат РФ, в 1995-1998 гг. депутат Государственной думы РФ. Была сопредседателем партии «Демократическая Россия». Убита в 1998 г. при невыясненных обстоятельствах.

ТИМОШЕНКО Семен Константинович (1895-1970). Маршал Советского Союза. В 1940-1941 гг. нарком обороны СССР. В годы Великой Отечественной войны – заместитель наркома обороны, главнокомандующий войсками ряда стратегически важных направлений и командующий войсками фронтов, представитель Ставки Верховного Главнокомандующего. В 1945-1946 гг. командующий войсками Барановичского военного округа (Белоруссия), в 1946-1949 гг. – Южно-Уральского, в 1949-1960 гг. – Белорусского военного округа. С 1960 г. в группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

ТОВСТУХА Иван Павлович (1889-1935). В 1921-1924 гг. в аппарате ЦК РКП(б). Помощник И. В. Сталина, заведующий Бюро Секретариата ЦК. В 1925 г. помощник директора Института Ленина. С 1930 г. заведующий Секретным отделом ЦК ВКП(б).

ТРАЯН Надежда Викторовна (1921). Участница партизанского движения в Минской области в годы Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза (1943). Родилась в Витебской области. Кандидат

медицинских наук (1962). Окончила 1-й Московский медицинский институт (1947). Участница операции по уничтожению генерального комиссара Белоруссии *В. Кубе*. После войны на общественной и преподавательской работе, проректор 1-го Московского медицинского института, председатель исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР.

ТРОЦКИЙ (Бронштейн) Лев Давидович (1879-1940). С 1897 г. в социал-демократическом движении. В 1917-1927 гг. член партии большевиков, член Политбюро ЦК. Нарком по иностранным делам (1917-1918), нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета РСФСР (1918-1923) и СССР (1923-1925), затем член президиума Высшего совета народного хозяйства СССР. В 1927 г. выслан в Алма-Ату, в 1929 г. из СССР. Лишен советского гражданства. В 1940 г. убит в Мексике в результате террористического акта, организованного НКВД по заданию Сталина.

ТУХАЧЕВСКИЙ Михаил Николаевич (1893-1937). Маршал Советского Союза (1935). Участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1920 г. потерпел поражение в советско-польской войне и откатился от стен Варшавы до Смоленска, в результате чего западные области Белоруссии были захвачены Польшей и находились в ее составе вплоть до 1939 г. В 1925-1928 гг. начальник Генерального штаба Красной Армии. С 1931 г. заместитель наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета СССР. Награжден орденами Ленина и Красного Знамени. Репрессирован по делу о «военном заговоре». Расстрелян. Несмотря на посмертную реабилитацию при *Н. С. Хрущеве*, споры о виновности продолжаются.

ХАДЖИЕВ Саламбек Наирович (1941). Окончил Грозненский нефтяной институт, аспирантуру МГУ,

доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН. Работал в Грозненском НИИ нефти младшим и старшим научным сотрудником, заведующим сектором и отделом, заместителем директора и директором. В 1987-1991 гг. генеральный директор НПО «Грознефтьхим», в 1991 г. министр нефтехимической промышленности СССР. В 1991 г. председатель Движения демократических реформ Чечено-Ингушетии. В 1992-1993 гг. директор Грозненского НИИ нефти. С ноября 1994 г. возглавлял в Москве оппозиционное *Д. Дудаеву* правительство Временного совета Чеченской Республики (правительство национального возрождения). В январе - мае 1995 г. первый заместитель главы Территориального управления федеральных органов власти по Чеченской Республике. В мае 1995 г. по решению российского руководства был вынужден уступить лидерство в официальной антидудаевской оппозиции *Д. Завгаеву*, возглавлявшему восстановленный Верховный Совет Чеченской Республики. С 1996 г. вице-президент Ассоциации финансово-промышленных групп.

ХАСБУЛАТОВ Руслан Имранович (1942). Родился в Чечено-Ингушской АССР. Окончил экономический факультет МГУ, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (1991). Работал в Институте научной информации по общественным наукам АН СССР, в НИИ проблем высшей школы. С 1970 по 1990 год заведовал кафедрой в Московском институте народного хозяйства им. Плеханова. В 1990 г. избран народным депутатом РСФСР. С июня 1990 г. первый заместитель председателя, с октября 1991 г. председатель Верховного Совета РСФСР. В 1993 г. возглавил борьбу Верховного Совета против президента РФ, был арестован как один из организаторов беспорядков в Москве. Освобожден в феврале 1994 г. по амнистии,

принятой Госдумой. От политики отошел, занимается научной и преподавательской деятельностью, пишет книги.

ХРУЩЕВ Никита Сергеевич (1894-1971). Член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) – КПСС в 1939-1964 гг. В 1953-1964 гг. первый секретарь ЦК КПСС, одновременно с 1955 г. Председатель Совета Министров СССР. Смещен со всех постов в октябре 1964 г. С тех пор был на пенсии.

ЦАНАВА (ДЖАНДЖАВА) Лаврентий Фомич (1900-1955). В 1938 -1941 гг. нарком внутренних дел Белорусской ССР, в феврале – июне 1941 г. нарком госбезопасности БССР, в 1941-1942 гг. заместитель начальника Управления особых отделов НКВД СССР, одновременно в 1941-1943 гг. начальник особого отдела НКВД Западного, Центрального фронтов. В 1943-1951 гг. нарком (министр) госбезопасности БССР, одновременно в 1945 г. заместитель командующего 2-м Белорусским фронтом. В 1951-1952 гг. заместитель министра госбезопасности СССР и начальник Второго главного управления МГБ СССР. С 1952 г. был на пенсии. В апреле 1953 г. арестован. Через два года в тюрьме покончил жизнь самоубийством.

ЦВИКЕВИЧ Александр Иванович (1888-1937). В 1926 г. член президиума и ученый секретарь Института белорусской культуры – предшественницы Академии наук БССР. В 1929 г. ответственный работник Белгосиздательства. В 1931 г. осужден по делу сфальсифицированной ГПУ контрреволюционной организации «Союз освобождения Белоруссии», в 1937 г. повторно проходил по этому делу и был приговорен к расстрелу.

ЧАРОТ Михась (Куделько Михаил Семенович) (1896-1938). Белорусский советский писатель и

общественный деятель. В 1925-1929 гг. редактор газеты «Савецкая Беларусь». Инициатор создания и руководитель первой в Белоруссии литературной организации «Молодняк» (1923). Был членом ЦИК БССР, кандидатом в члены ЦК КП Белоруссии. Репрессирован.

ЧЕРВЯКОВ Александр Григорьевич (1892-1937). Родился в Минской губернии в крестьянской семье. Окончил Виленский учительский институт. В сентябре 1917 г. один из организаторов Белорусской социал-демократической рабочей партии, на основе которой была создана Белорусская секция РКП(б). В феврале – июне 1918 г. комиссар по белорусским делам при Наркомате по делам национальностей РСФСР. С декабря 1918 г. член Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Белоруссии по народному образованию. С января 1919 г. нарком просвещения БССР. С декабря 1920 г. председатель ЦИК и СНК Белорусской ССР, в 1924-1937 г. председатель ЦИК Белорусской ССР. 16 июня 1937 г. покончил жизнь самоубийством.

ШАПОШНИКОВ Евгений Иванович (1942). С 1963 г. в Советской Армии. Маршал авиации. В 1990-1991 гг. командующий ВВС СССР, с августа 1991 г. министр обороны СССР, в 1992-1993 гг. главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами СНГ. В последующем занимал посты секретаря Совета безопасности РФ, представителя президента РФ в компании «Росвооружение», генерального директора компании «Аэрофлот – Российские международные линии». С марта 1997 г. помощник президента РФ.

ШАХРАЙ Сергей Михайлович (1956). Родился в г. Симферополе. Окончил Ростовский государственный университет. В 1987-1990 гг. заведующий лабораторией правовой информатики и кибернетики МГУ, с 1990 г. народный депутат РСФСР. Основной автор текста

Соглашения о роспуске СССР (1991). Занимал множество различных постов в исполнительной власти. С октября 1998 г. советник по юридическим вопросам в аппарате правительства РФ.

ШУМЕЙКО Владимир Филиппович (1945). Родился в Ростове-на-Дону. Окончил Краснодарский политехнический институт. Был генеральным директором ПО «Краснодарский завод измерительных приборов». С 1990 г. занимается политикой. В 1991 г. заместитель председателя Верховного Совета СССР. В 1992 г. первый заместитель Председателя Правительства РФ, в 1994-1996 гг. Председатель Совета Федерации. С 1998 г. Председатель совета директоров межрегиональной аукционно-биржевой корпорации «Русь». Председатель общероссийского общественного движения «Реформы - новый курс».

ШУШКЕВИЧ Станислав Станиславович (1934). Родился в Минске в семье репрессированного белорусского поэта. Окончил Белорусский государственный университет им. В. И. Ленина. Член-корреспондент АН БССР. В 1967-1969 гг. проректор по научной работе Минского радиотехнического института. В 1969-1986 гг. доцент, профессор, заведующий кафедрой ядерной физики Белорусского государственного университета. В 1986 -1990 гг. проректор Белорусского государственного университета. В 1990-1991 гг. первый заместитель Председателя Верховного Совета Белорусской ССР. В начале 1991 г. вышел из КПСС. В 1991-1994 гг. Председатель Верховного Совета Республики Беларусь. После отставки в 1994 г. на научной и преподавательской работе, один из лидеров оппозиции президенту *А. Лукашенко*.

ЭПИМАХ-ШИПИЛЛО Бронислав Игнатьевич (1859-1934). Белорусский языковед. В 1927-1929 гг.

директор комиссии Инбелкульта по составлению словаря белорусского языка. Действительный член Инбелкульта. В 1909-1913 гг. в его квартире в Петербурге жил *Я. Купала*, на которого оказал сильное литературное влияние, редактировал его первый поэтический сборник «Жалейка».

ЮШЕНКОВ Сергей Николаевич (1950). Депутат Госдумы РФ первого, второго и третьего созывов. Окончил Новосибирское военно-политическое училище, Военно-политическую академию им. Ленина и адъюнктуру этой академии. В 1987-1990 гг. преподаватель марксистско-ленинской философии Военно-политической академии. В 1990 г. при поддержке блока «Демократическая Россия» избран народным депутатом РФ. В том же году вышел из КПСС. В период августовского кризиса 1991 г. участвовал в обороне «Белого дома».

ЯНДАРБИЕВ Зелимхан Абдулмуслимович (1952). Один из идеологов «чеченской революции». Окончил заочное отделение филологического факультета Чечено-Ингушского государственного университета в 1981 г. Работал разнорабочим, каменщиком, бурильщиком. Член Союза писателей СССР. В 1991-1993 гг. депутат парламента Чечено-Ингушской Республики. В 1993-1996 гг. вице-президент республики, после гибели *Д. Дудаева* с апреля 1996 г. по февраль 1997 г. исполнял обязанности президента. Воинское звание – бригадный генерал.

ИСТОЧНИКИ

Архив президента российской Федерации

Записка заместителя председателя Реввоенсовета СССР И. С. Уншлихта в ЦК РКП(б) 7 июля 1925 г. о необходимости разоружения населения Чечни войсками Северо-Кавказского военного округа. Ф. 3, оп. 61, д. 648, л. 5-5 об.

Записка первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко И. В. Сталину 18 августа 1942 г. о формировании немцами на оккупированной территории воинских частей из числа местного населения для боев с Красной Армией. Ф. 3, оп. 50, д. 471, л. 107-110.

Записка помощника Сталина И. П. Товстухи начальнику Главного управления по снабжению Красной Армии Н. П. Брюханову 11 августа 1925 г. с просьбой дать заключение на предложение И. С. Уншлихта о проведении операции по разоружению населения Чечни и изъятию бандитского элемента. Там же, л. 4.

Записка И. С. Уншлихта в Политбюро ЦК РКП(б) 5 сентября 1925 г. о количестве войск, принимающих участие в разоружении населения Чечни и о плане операции. Там же, л. 8-8 об.

Записка И. С. Уншлихта В. М. Молотову 8 сентября 1925 г. с дополнительными сведениями о ходе ликвидации бандитизма в Чечне. Там же, л. 9.

Записка И. С. Уншлихта в Политбюро ЦК РКП(б) 8 сентября 1925 г. о ходе операции по разоружению населения Чечни. Там же, л. 9-14.

Записка заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды В. М. Молотову 11 сентября 1925 г. об аресте членов ЦИК Чечни. Там же, л. 19.

Записка И. С. Уншлихта в Политбюро ЦК РКП(б) 12 сентября 1925 г. о результатах разоружения населения Чечни. Там же, л. 18-18 об.

Записка И. С. Уншлихта в Политбюро ЦК РКП(б) 17 сентября 1925 г. об окончании операции в Чечне. Там же, л. 22-22 об.

Справка зам. заведующего Дальневосточным отделом МИД СССР М. Капицы Председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину о переговорах 1955-1956 гг. по нормализации советско-японских отношений. Ф. 3, оп. 66, д. 1031, л. 41-55.

Запись беседы между Н. С. Хрущевым и И. Коно 16 октября 1956 г. Там же, л. 70-81.

Запись второй беседы между Н. С. Хрущевым и И. Коно 17 октября 1956 г. Там же, л. 148-153.

Запись беседы Н. А. Булганина и А. Микояна с И. Хатояма и И. Коно 17 октября 1956 г. Там же, л. 130-138.

Запись третьей беседы между Н. С. Хрущевым и И. Коно 18 октября 1956 г. Там же, л. 160-163.

Запись четвертой беседы между Н. С. Хрущевым и И. Коно 18 октября 1956 г. Там же, л. 164-165.

Об итогах эвакуации из Белорусской ССР. Записка П. К. Пономаренко И. В. Сталину 18 августа 1941 г. Ф. 3, оп. 50, д. 426, л. 15-18.

Послание премьер-министра Японии И. Хатояма Председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину 11 сентября 1956 г. Ф. 3, оп. 66, д. 1031, л. 150-151. Перевод с японского.

Проект ответного послания Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина премьер-министру Японии И. Хатояма 13 сентября 1956 г. Там же, л. 152-153.

Постановление Президиума ЦК КПСС «Вопросы Белорусской ССР» от 12 июня 1953 г. Ф. 3, оп. 61, д. 51, л. 124.

Шифртелеграмма секретаря Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А. И. Микояна в ЦК РКП(б) 23 июля 1925 г. об операции по разоружению населения Чечни. Там же, д. 51, л. 2.

Шифртелеграмма полномочного представителя ОГПУ по Северо-Западному краю Е. Г. Евдокимова в ОГПУ при Совнаркоме СССР 10 сентября 1925 г. об окончании операции по разоружению населения Чечни и аресте руководителей антисоветских движений. Там же, л. 20-21.

Центр хранения современной документации

Докладная записка члена ЦК КПСС М. В. Зимянина секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву 15 июля 1953 г. о своих связях с Л. П. Берией. Ф. 5, оп. 30, д. 4, л. 27-30.

Текст произнесенного выступления Председателя Совета Министров Белорусской ССР Н. Е. Авхимовича на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС. Ф. 2, оп. 1, д. 257, л. 240-244.

Государственный архив российской Федерации

Докладная записка Л. Берии Государственному Комитету обороны СССР (тов. Сталину) о завершении подготовки операции по выселению чеченцев и ингушей 17 февраля 1944 г. Ф. Р-9401, оп. 2, д. 64, л. 166.

Докладная записка министра внутренних дел СССР Н. П. Дудорова в ЦК КПСС и Совет Министров СССР о конфликтах в Чечено-Ингушской АССР между аварцами, даргинцами и прибывшими из высылки чеченцами 15 февраля 1957 г. Ф. Р-9401 сч. Оп. 2, д. 490, л. 111-112.

Докладная записка министра внутренних дел СССР Н. П. Дудорова в ЦК КПСС 16 апреля 1957 г. о количестве чеченцев и ингушей, снятых с поездов и возвращенных в места прежнего проживания. Там же, д. 480, л. 295.

Докладная записка министра внутренних дел СССР Н. П. Дудорова секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу не

ранее апреля 1957 г. о мерах по предотвращению самовольного возвращения бывших спецпоселенцев чеченской и ингушской национальности. Ф. Р-9401, оп. 2, д. 490, л. 279-281.

Докладная записка заместителя заведующего отделом советских органов Совета Министров РСФСР А. Белова заместителю Председателя Совета Министров РСФСР М. А. Яснову по существу заявления Х. У. Арсанукаева 4 октября 1957 г. Ф. А-259, оп. 7, д. 9230, л. 26.

Докладная записка заместителя Председателя Совета Министров РСФСР М. А. Яснова в Совет Министров СССР 27 октября 1958 г. о введении особого паспортного режима в ряде районов Чечни и Дагестана. Ф. Р-8131 сч. Оп. 32, д. 5603, л. 353.

Жалоба русских жителей села Буковка Новосельского района Чечено-Ингушской АССР Председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину, первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву и Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову 24 апреля 1957 г. на притеснения со стороны вернувшихся из высылки чеченцев и ингушей. Ф. А-259, оп. 7, д. 9230, л. 88-89.

Заключение министра внутренних дел СССР Н. П. Дудорова в Совет Министров СССР 26 ноября 1958 г. по докладной записке М. А. Яснова о введении особого паспортного режима в ряде районов Чечни и Дагестана. Ф. Р-8131 сч. Оп. 32, д. 5603, л. 355.

Заключение старшего помощника прокурора Чечено-Ингушской АССР по надзору за следствием в органах государственной безопасности В. Носкова по делу Шваюка Г. М. 5 марта 1958 г., написавшего проект резолюции митинга трудящихся о возвращении чеченцев и ингушей в Среднюю Азию. Там же, д. 84695, л. 7-10.

Заявление главного агронома, инспектора Министерства сельского хозяйства Казахской ССР Х. У. Арсанукаева Председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину 27 августа 1957 г. о злоупотреблениях руководства Оргкомитета ЧИАССР при раздаче пропусков на въезд в воссозданную ЧИАССР. Там же, л. 27-28.

Заявление партийной организации, исполкома сельского Совета и правления колхоза им. Д. Дахадаева селения Цатаних Ритлябского района Чечено-Ингушской АССР Председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину 1 апреля 1957 г. о возмутительном поведении вернувшихся из высылки чеченцев. Ф. А-259, оп. 7, д. 9230, л. 90-92.

О мероприятиях в связи с окончанием операции по выселению из Чечено-Ингушской АССР. Приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00193 от 28 февраля 1944 г. Ф. Р-9401, оп. 2, д. 3, л. 325-328.

Письмо жителя хутора Цараево Пригородного района Чечено-Ингушской АССР А. Батажева Л. Берии 27 января 1944 г. о готовившейся высылке чеченцев. Ф. Р-9401, оп. 1, д. 218, л. 243.

Письмо министра внутренних дел СССР Н. П. Дудорова секретарю ЦК КПСС Н. И. Беляеву 8 апреля 1957 г. о принятии мер к немедленному прекращению неорганизованного переезда чеченцев и ингушей из районов высылки на родину. Ф. Р-9401 сч. Оп. 2, д. 490, л. 283-284.

Письмо о положении русского населения на Северном Кавказе в 1921 г. Ф. 1318, оп. 1, д. 51, л. 182-184.

Протокол допроса полковника Губе Османа (Саиднурова) зам. начальника следственной части по особо важным делам НКГБ СССР Шварцманом. Ф. Р-9479, оп. 1, д. 228, л. 228-268.

Справка постоянного представителя Совета Министров Дагестанской АССР в Совете Министров РСФСР М. Хаджиева в Совет Министров РСФСР 31 марта 1960 г. «О некоторых вопросах переселения из районов Средней Азии чеченского населения на территорию Дагестанской АССР». Ф. Р-8131 сч. Оп. 31, д. 97999, л. 1-2.

Справка прокурора отдела по надзору за следствием в органах государственной безопасности Прокуратуры СССР Нездвецкого по делу Исаева В. Е. 25 июня 1960 г., призывавшего упразднить ЧИАССР и вновь воссоздать Грозненскую область, снова выселив чеченцев и ингушей в Казахстан и Киргизию. Ф. Р-8131 сч. Оп. 31, д. 86533, л. 23-26.

Телеграмма Хутиева и др. чеченцев из Дагестанской АССР Н. С. Хрущеву и министру охраны общественного порядка РСФСР Р. А. Руденко 16 октября 1964 г. о притеснениях со стороны местных властей. Там же, д. 97999, л. 5.

Белорусский государственный архив-музей

Литературы и искусства

Декларация Рады Белорусской Народной Республики (декабрь 1919 г.). Ф. 3, оп. 1, д. 122, л. 10.

Материалы Белорусской национально-политической конференции в Праге (сентябрь 1921 г.). Ф. 3, оп. 1, д. 15, с. 20-21.

Частные архивы

Рукопись неизданных воспоминаний Н. С. Патоличева. Хранится в семье Н. Н. Трубициной-Патоличевой.

Рукопись неизданных воспоминаний заместителя председателя КГБ СССР генерал-полковника Н. С. Захарова. Хранится в его семье.

Архив автора

Дневники и рабочие записи периода работы в ЦК Компартии Белоруссии (1980-1985 гг.).

Дневники и рабочие записи периода работы в ЦК КПСС (1985-1991 гг.).

Записи бесед с бывшим главой Чеченской Республики Д. Г. Завгаевым (январь – март 1994 г.).

Записи бесед с Г. Г. Котовским, сыном героя Гражданской войны Г. И. Котовского.

Записи бесед с бывшим директором Института истории партии при ЦК Компартии Белоруссии Р. П. Платоновым.

Записи бесед с бывшим секретарем ЦК комсомола Западной Белоруссии Н. С. Орехвой.

Литература закрытого пользования

(из фондов специального хранения)

Алданов М. Пилсудский. Последние новости. Париж, 1929, 19-22 октября.

Батюшковъ. Белоруссия и Литва. СПб, 1908.

Беларуская газета. Издание германских оккупационных властей. Комплект за июль 1941 – июнь 1944 гг., Минск.

Беларуская думка. Комплект журнала (1960-1991), Нью-Йорк.

Беларуская моладзь. Ежеквартальный журнал «белорусского молодого поколения в Америке». Комплекты за 1959-1967, 1972-1980 гг., Нью-Йорк.

Белоруссия: Очерки истории, экономики, культуры и революционного движения. Минск., 1924.

Бушуев С. К. Борьба горцев под руководством Шамиля. М., 1939.

За государственную независимость Белоруссии: Документы и материалы. Лондон, 1960.

Карский Е. Белорусы. Т. 1-3. Варшава, Петербург, 1903-1922.

Ластовский В. Ю. Краткая история Белоруссии. Вильно, 1910.

Лесик Я. Автономия Белоруссии. Минск, 1917.

Лофтус Д. Секрет бригады «Беларусь». Нью-Йорк, 1982.

Луцкевич А. За двадцать пять лет (1903-1928): Воспоминания о работе первых белорусских

политических организаций. Вильно, 1928.

Телеграммы и разговоры по телефону между Псковом, Ставкой и Петроградом, относящиеся к обстоятельствам отречения Государя Императора. Русская летопись, 1922.

Турук Ф. Белорусское движение: Очерк истории национального и революционного движения белорусов. М., 1921.

Федотов А. И. История белорусцев. Материалы. Варшава, 1903.

Цанава Л. Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков. Ч. 1 - 2. Минск, 1951.

Цвикевич А. Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики. Киев, 1918.

Литература открытого пользования

Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.

Белоруссия в эпоху феодализма. Сб. документов и материалов. Т. 3. Воссоединение Белоруссии с Россией и ее экономическое развитие в конце XVIII - первой половине XIX века (1772-1860). Минск, 1961.

Букчин С....Народ, издревле нам родной: Русские писатели и Белоруссия. Минск, 1984.

Государственная дума. Стенограмма заседаний. Т. 3 (26). 1996 г. Весенняя сессия. 13 марта - 5 апреля. - М.: Известия, 1997.

Гринблат М. Я. Белорусы: Очерки происхождения и этнической истории. Минск, 1968.

Дюма А. Кавказ. Краснодар, 1992.

Загорульский Э. М. Древняя история Белоруссии: Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.). Минск, 1977.

Записки А. П. Ермолова (1798-1826). М., 1991.

Игнатенко И. М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. Минск, 1992.

История Беларуси. Вопросы и ответы. Минск, Беларусь, 1993.

Ковкель И., Сташкевич Н. Почему не состоялась БНР? Минск, 1980.

Круталевиц В. А. Рождение Белорусской Советской Республики. Т. 1-2. Минск, 1975 -1979.

Куманев Г. А. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., Былина, 1999.

Материалы Учредительного съезда Белорусской Социал-Демократической Громады, 2-3 марта 1991 г. Минск, 1991.

Патоличев Н. С. Совестью своей не поступишь. М., Сампо, 1995.

Пилипенко М. Ф. Возникновение Белоруссии: Новая концепция. Минск, 1991.

Позняк З. Подлинный облик. Минск, 1992.

Политические партии и общественно-политические движения Беларуси. Минск, 1992.

Потто В. Кавказская война: в 5 т. Ставрополь: Кавказский край, 1994.

Разработать систему общения с В. Быковым. Документы из бывшего республиканского партийного архива. Народная газета. Минск, 1993, 27 января.

Сташкевич Н. С. Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917-1925). Минск, 1985.

Улитенок А. Инакомыслящие. Минск, 1991.

Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.

Червяков А. Г....Я никогда не был врагом. Минск, 1992.

Энциклопедия истории Белоруссии: в 6 т. Минск, 1993-1995.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА К ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ

Однажды позвонил Вячеслав Александрович Михайлов, министр национальной политики России.

- Николай Александрович, сочини небольшую записку об истории Белоруссии. Ты ведь белорус.

Вячеслава Александровича я знал по совместной работе в ЦК КПСС. Он возглавлял отдел межнациональной политики, я был замзавом в идеологическом.

После 1991 года наши пути разошлись. Он с головой окунулся в политику, получил какой-то важный пост в исполкоме Международного движения демократических реформ, а я занялся литературным трудом. Потом его призвали на государственную службу.

- А в чем вопрос, Вячеслав Александрович? Такой литературы - пруд пруди...

- Знаю. Но она какая-то однобокая. Нужно полсотни страниц, но с новыми подходами.

- Что-то намечается? - спросил я.

- Союз Белоруссии и России. Будем интегрироваться. Приезжай, поговорим подробнее.

Приехал. Поговорили. Засел за работу. Уложился в установленный объем.

- Да-а, - умехнулся заказчик, посмотрев на номер последней страницы. - Ровно пятьдесят. Чувствуется школа.

- Слушай, - внезапно сказал он. - А ведь ты написал план-проспект книги. Может быть, даже «Моего Дагестана»...

Михайлов знал мою любовь к знаменитой книге Расула Гамзатова. Мы часто ее вспоминали. Особенно – незабываемого Абуталиба.

- Иди домой и пиши. И не появляйся, пока не закончишь. Все лучшие книги о родине написаны за пределами родины.

Я послушался мудрого совета.

Так появилось эссе «Чья Белоруссия?». Оно было помещено в книге «Тайны уходящего века-4», вышедшей в издательстве «ОЛМА-ПРЕСС» в 1999 году.

Одним из первых ее читателей стал замечательный человек -. Вагиф Алиовсатович Гусейнов. Будучи когда-то был секретарем ЦК ВЛКСМ, он неоднократно посещал Белоруссию, дружил со многими ее выдающимися деятелями.

Он позвонил мне поздно ночью.

- Я многого не знал... Никогда не думал, что у Белоруссии такая история... Ты сделал большое дело...

- Да уж... Уж да... - важно надувая щеки, пытался я отшутиться.

- Расширяй, немедленно расширяй эту часть. - Впрочем, ты будешь дописывать ее всю жизнь...

В Белоруссии книгу встретили хорошо, ведущие газеты поместили положительные отзывы на нее.

Замысел написать о Чечне возник под влиянием жены. В детстве она жила в Грозном, получила в этом городе аттестат об окончании средней школы. Там похоронены ее бабушка Дарья Александровна и ее родная сестра Серафима Александровна. Они умерли еще в мирное советское время, задолго до первой чеченской кампании. Когда бабушка Даша с внучкой Людой шла по улице пораженные ее гордым видом чеченки, спрашивали: «Ты наша?» Она смеялась: «Ваша, ваша». Бабушка Даша была донской казачкой.

Раньше мне в Чечне бывать не приходилось. Впервые туда в марте 2000 года. Самолет приземлился

в Махачкале. Оттуда военным вертолетом отправились в Грозный, Гудермес, Знаменское.

Вернувшись в Москву, рассказал жене об увиденном. На ее глазах были слезы. Они не просыхали несколько дней.

Это было в 2000 году, а главу «Чья Чечня?» начал писать шестью годами раньше – в 1994-м. Я не затрагиваю тему боевых действий. Меня интересовало другое, а именно: что привело к ним. Решил вернуться к событиям 1991 года, уже порядком забытым, когда по указанию из Москвы был свергнут законный глава республики и к власти приведен первый чеченский президент.

В четвертый том собрания сочинений я включил новый раздел «Чьи Курилы?», специально написанный в августе 2000 года. Так что весь том получился, можно сказать, «территориальным». Или «военно-территориальным». Или «территориально-дипломатическим». Кому как покажется.